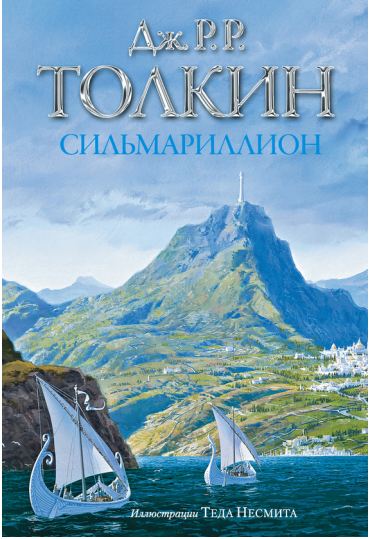

Джон Роналд Руэл Толкин
Сильмариллион
Серия «Легендариум Средиземья»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10743047
Сильмариллион: Издательство АСТ; М.; 2015
ISBN 978-5-17-088588-6

Аннотация

И было так:

Единый, называемый у эльфов Илуватар, создал Айнур, и они сотворили перед ним Великую Песнь, что стала светом во тьме и Бытием, помещенным среди Пустоты.

И стало так:

Эльфы – нолдор – создали Сильмарили, самое прекрасное из всего, что только возможно создать руками и сердцем. Но вместе с великой красотой в мир пришли и великая алчность, и великое же предательство...

«Сильмариллион» – один из масштабнейших миров в истории фэнтези, мифологический канон, который Джон Руэл Толкин составлял на протяжении всей жизни. Свел же разрозненные фрагменты воедино, подготовив текст к публикации, сын Толкина Кристофер. В 1996 году он поручил художнику-иллюстратору Теду Несмиту нарисовать серию цветных произведений для полноцветного издания. Теперь российский читатель тоже имеет возможность приобщиться к великолепной саге.

Впервые – в новом переводе Светланы Лихачевой!

Содержание

От переводчика: о передаче имен и названий	5
Предисловие	7
Предисловие ко второму изданию	9
Из письма Дж. Р. Р. Толкина к Мильтону Уолдману, 1951	10
Айнулиндалэ	22
Валаквента	28
Квента Сильмариллион	34
Глава 1	34
Глава 2	41
Глава 3	44
Глава 4	52
Глава 5	53
Глава 6	58
Глава 7	61
Глава 8	65
Глава 9	68
Глава 10	79
Глава 11	84
Глава 12	89
Глава 13	92
Глава 14	101
Глава 15	107
Глава 16	111
Глава 17	120
Глава 18	128
Глава 19	137
Глава 20	160
Глава 21	169
Глава 22	196
Глава 23	205
Глава 24	213
Акаллабет	221
О кольцах власти и третьей эпохе, в каковой завершаются эти предания	242
Приложения	258
Таблицы	258
Указатель имен и названий	261
Элементы языков квенья и синдарин в именах и названиях	299

Джон Рональд Руэл Толкин

Сильмариллион

© The J. R. R. Tolkien Copyright Trust and C.R. Tolkien, 1977

© Ted Nasmith, 1998, 2004

© Перевод. С.Б. Лихачева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

От переводчика: о передаче имен и названий

Предваряя непосредственно текст, скажем несколько слов о переводческой концепции передачи имен и названий. Транслитерация имен собственных, заимствованных из эльфийских языков, последовательно осуществляется в соответствии с правилами чтения, сформулированными Дж. Р.Р. Толкином в приложении Е к «Властелину Колец» и перенесенными на русскую орфографию. Оговорим лишь несколько наименее самоочевидных и вызывающих наибольшие споры подробностей. Так, в частности:

<L> смягчается между [e], [i] и согласным, а также после [e], [i] на конце слова. Отсюда – Бретиль (*Brethil*), Мелькор (*Melkor*), но Ульмо (*Ulmo*), Эльвэ (*Elwë*), но Олвэ (*Olwë*).

<TH> обозначает глухой звук [θ], <DH> обозначает звонкий [ð]. Эти фонемы не находят достаточно точных соответствий в русском языке и издавна следуют единой орфографической замене через «т» и «д». Мы передаем графическое *th*, *dh* через «т» и «д» соответственно. Например – Тингол (*Thingol*), Маэдрос (*Maedhros*).

<PH> в середине некоторых слов обозначает [ff] (возникшее из [pp]): Эффель Брандир (*Ephel Brandir*).

<E> обозначает звук, по описанию Толкина примерно соответствующий тому же, что в английском слове *were*, то есть не имеющий абсолютно точного соответствия в русском языке. Попытки использовать букву «э» всюду, где в оригинале имеется звук [e] после твердого согласного, то есть практически везде, представляются неправомерными. Звук [э] русского языка, при том, что он, строго говоря, и не соответствует стопроцентно исходному, будучи передаваем через букву «э», создает комичный эффект имитации «восточного» акцента. Та же самая цель (отсутствие смягчения предшествующего согласного) легко достигается методами, для русского языка куда более гармоничными: в словах, воспринимающихся как заимствования, согласный естественным образом не смягчается и перед «е» (так, в слове «эссе» предпоследний согласный звук однозначно твердый).

В системе транслитерации, принятой для данного издания, в именах и названиях, заимствованных из эльфийских языков, буква «э» используется:

– на конце имен собственных, заимствованных из эльфийских языков (тем самым позволяя отличить эльфийские имена от древнеанглийских): Финвэ (*Finwë*) (но Эльфвине (*Aelfwine*));

– в начале слова и в дифтонгах (во избежание возникновения звука [j]): Галадриэль (*Galadriel*), Эол (*Eöl*);

– на стыке двух корней: например, Арэдель (*Aredhel*), Аданэдель (*Adanedhel*), дунэдайн (*Dúnedain*).

В большинстве же случаев для передачи пресловутого гласного звука используется буква «е»: например, Берен (*Beren*), Белерианд (*Beleriand*), Нуменор (*Numenor*).

Буква <Y> в словах, заимствованных из языка синдарин, обозначает звук, в русском языке передающийся буквой «ю»: например, Эмюн Берайд (*Emyn Beraid*).

В Указателе после каждого слова в скобках дается написание латиницей (как в оригинале), для упрощения соотнесения ономастики оригинала и перевода.

Для ряда этнонимов в тексте оригинала используются формы множественного числа, образованные по правилам грамматики соответствующих эльфийских языков (*Noldor*, *Eldar*, *Gondolindrim*, *Golodhrim*), но не правилам английской грамматики. В силу этой причины те же формы мы используем в русском переводе как несклоняемые существительные (*нолдор*, *эльдар*, *гондولينдрим* и т. д.).

Лихачева С.

Предисловие

«Сильмариллион», ныне опубликованный спустя четыре года после смерти автора, представляет собою рассказ о Древних Днях или о Первой эпохе Мира. Во «Властелине Колец» повествуется о великих событиях конца Третьей эпохи; однако предания «Сильмариллиона» – это легенды, восходящие к еще более далекому прошлому, когда Моргот, первый Темный Властелин, обосновался в Средиземье, и Высокие эльфы воевали с ним за Сильмарили.

Однако «Сильмариллион» не только пересказывает события гораздо более ранние по времени, нежели во «Властелине Колец», он, в основе своей, и написан намного раньше. Действительно, он существовал уже полвека назад, хотя в ту пору «Сильмариллионом» не назывался; а в потрепанных тетрадях, датированных 1917 годом, можно прочесть самые первые варианты ключевых преданий мифологии, зачастую набросанные карандашом, на скорую руку. Но опубликован он так и не был (хотя некое представление о его содержании можно получить из «Властелина Колец»), и на протяжении всей своей долгой жизни отец продолжал работать над ним, в том числе и в последние годы жизни. За все это время структура «Сильмариллиона» как крупномасштабного повествования практически не менялась; он давным-давно сложился как фиксированный свод легенд и фон для последующих книг. Но до готового текста было еще далеко: изменялись даже отдельные фундаментальные представления о природе изображаемого мира, и вместе с тем одни и те же легенды пересказывались то более кратко, то более пространно, и в разном стиле. С течением лет изменения и варианты, в отношении как деталей, так и глобальных перспектив, настолько усложнились и перепутались, что свести все эти многослойные напластования к версии окончательной и однозначной казалось чем-то недостижимым. При этом легенды более ранние («ранние» не только в смысле их принадлежности к далекой Первой эпохе, но также и в смысле даты их написания) вобрали в себя и воплотили самые сокровенные мысли моего отца. В текстах более поздних мифология и поэзия уступают место раздумьям теологическим и философским, что влечет за собою стилевую несовместимость.

После смерти отца привести его наследие в пригодный для публикации вид выпало мне. Было понятно, что попытка представить все разнообразие материалов под обложкой одной книги – продемонстрировать «Сильмариллион» таким, каков он есть на самом деле, – как творение непрестанно меняющееся и эволюционирующее на протяжении более полувека, – приведет лишь к путанице, и в этом хаосе затеряется самое важное. Потому я взялся создать цельный, единый текст, отбирая и группируя материал так, чтобы по возможности получилось максимально связное и обладающее внутренней логикой повествование. В этой работе последние главы (начиная с гибели Турина Турамбара) заключали в себе особую проблему: на протяжении многих лет они не менялись и в некоторых отношениях серьезно дисгармонировали с более разработанными концепциями других частей книги.

Полной согласованности (будь то в пределах самого «Сильмариллиона» или между «Сильмариллионом» и другими опубликованными произведениями моего отца) ожидать не приходится; если она и достижима, то слишком дорогой ценой. Более того, со временем отец стал воспринимать «Сильмариллион» именно как компиляцию, как краткий пересказ, составленный в последующие времена на материале разнообразных источников (стихотворений, исторических хроник, устных преданий), сохранившихся в вековой традиции; и данная концепция в определенном смысле является аналогией истории книги как таковой, поскольку в основу ее легло немало более ранних прозаических и стихотворных текстов, так что в определенной степени книга конспективна по сути, а не только в теории. Этим объясняется ускорение и замедление развития событий и степень проработанности деталей

в разных частях книги, – так, например, точное воспроизведение места действия и мотиваций в легенде о Турине Турамбаре контрастирует с возвышенным и расплывчатым повествованием о завершении Первой эпохи, когда был сокрушен Тангородрим и ниспровергнут Моргот; а также и различия в стиле и описаниях; некоторые неясности и, в ряде мест, – отсутствие связности. Так, например, «Валаквента», по всей видимости, повествует главным образом о тех временах, когда эльдар лишь недавно обосновались в Валиноре, однако текст был переработан впоследствии; этим и объясняется постоянная смена грамматических времен и смещение точки зрения: божественные власти воспринимаются то как зримо присутствующие и действующие в мире, а то как бесконечно удаленные – канувший в небытие народ, оставшийся лишь в воспоминаниях.

Книга, хотя и неизбежно озаглавленная «Сильмариллион», содержит в себе не только «Квента Сильмариллион» или «Сильмариллион» как таковой, но также и четыре отдельных небольших произведения. «Айнулиндалэ» и «Валаквента», приведенные в начале, с «Сильмариллионом» неразрывно связаны; но «Акаллабет» и «О Кольцах Власти», поставленные в конце, представляют собою абсолютно независимые, отдельные произведения (и это надо подчеркнуть особо). Они включены в книгу в соответствии с недвусмысленно выраженным пожеланием моего отца; и благодаря этому история оказывается представлена полностью, от Музыки Айнур, в которой берет начало мир, до ухода Хранителей Колец из гаваней Митлонда в конце Третьей эпохи.

В книге встречается огромное количество имен и названий, поэтому я снабдил ее полным указателем; однако число персонажей (эльфов и людей), сыгравших важную роль в событиях Первой эпохи, значительно меньше: все они представлены в генеалогических таблицах. В придачу я прилагаю таблицу довольно запутанных наименований разных эльфийских народов; отдельное примечание о произношении эльфийских имен и названий и список некоторых основных элементов, из которых они состоят; а также карту. Стоит отметить, что гигантская горная цепь на востоке, Эред Луин или Эред Линдон, Синие горы, на карте к «Властелину Колец» представлена на крайнем западе. В тексте книги содержится карта поменьше; я включил ее, чтобы читателю было с первого взгляда понятно, где именно находились те или иные эльфийские королевства после возвращения нолдор в Средиземье. Я не стал отягощать книгу дополнительными комментариями и пояснениями. Отец оставил множество неизданных материалов по Трем эпохам, – в том, что касается легенд, лингвистики, истории и философии, – и я надеюсь, что впоследствии удастся опубликовать хотя бы некоторую их часть.

В сложной и неблагодарной работе по подготовке текста книги к публикации мне немало помогал Гай Кэй, сотрудничавший со мной в 1974–1975 гг.

Кристофер Толкин
1977

Предисловие ко второму изданию

Ближе к концу 1951 г. (по всей видимости), когда «Властелин Колец» был уже закончен, но с публикацией книги возникли трудности, отец написал весьма длинное письмо своему другу Мильтону Уолдману, на тот момент – редактору издательства «Коллинз».

Поводом к написанию письма и контекстом для такового послужили в высшей степени досадные разногласия, вызванные тем, что мой отец настаивал на публикации «Сильмариллиона» и «Властелина Колец», «будь то сразу или по очереди», «как одной длинной Саги о Самоцветах и Кольцах». Однако здесь вдаваться в подробности этой истории нет смысла. Письмо, написанное отцом с целью оправдать и объяснить свою точку зрения, явилось блестящим изложением авторской концепции ранних эпох (заключительная часть письма, как говорил сам автор, – не более чем «длинное и, тем не менее, бесцветное резюме» «Властелина Колец») и в силу этого, как мне представляется, заслуживает помещения под одну обложку с «Сильмариллионом», как в настоящем издании.

Оригинал письма не сохранился, но Мильтон Уолдман снял с него машинописную копию и один из экземпляров отослал отцу; именно по нему данное письмо воспроизводилось (частично) в книге «Письма Дж. Р. Р. Толкина» (1981), № 131¹. Приведенный здесь текст соответствует «Письмам», стр. 143–157², – в него лишь внесены незначительные исправления и опущена часть сносок. Машинописная копия изобиловала опечатками, особенно в именах и названиях; большинство их отец исправил, однако не заметил фразу на стр. xviii: «По сути не было ничего дурного в том, что они задержались вопреки совету, *по-прежнему скорбно с* смертных землях их древних героических деяний». Здесь машинистка со всей очевидностью пропустила несколько слов оригинала и, возможно, неправильно воспроизвела те, что остались.

Я устранил ряд ошибок в тексте и указателе, что до сих пор не были замечены и исправлены в изданиях «Сильмариллиона» в твердой обложке (только в них). Главные среди них – те, что касаются нумерации отдельных правителей Нуменора (что до этих ошибок и объяснения их возникновения, см. «Неоконченные предания» (1980), стр. 126, примечание 11, и «Народы Средиземья» (1996), стр. 154, § 31).

Кристофер Толкин
1999

¹ Перевод данного письма приводится по изданию: *Толкин Дж. Р. Р. Письма* / Под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; пер. С. Лихачевой. М.: ЭКСМО, 2004.

² Здесь и далее ссылки даются на издания оригиналов (*примеч. пер.*).

Из письма Дж. Р. Р. Толкина к Мильтону Уолдману, 1951

Дорогой Мильтон!

Вы попросили дать краткое описание материала, имеющего отношение к моему воображаемому миру. Трудно сказать хоть что-нибудь, не сказав при этом слишком многого: при попытке найти пару слов распахиваются шлюзы энтузиазма, эгоист и художник немедленно желает сообщить, как этот материал разрастался, на что похож и что (как ему кажется) автор имеет в виду или пытается изобразить. Кое-что из этого я обрушу на вас; однако приложу и просто краткое резюме содержания: это (возможно) все, что вам нужно, или до чего дойдут руки и на что времени хватит.

Если говорить о том, когда и как это сочинялось и разрасталось, все это началось одновременно со мной, – хотя не думаю, что это кому-то интересно, кроме меня самого. Я имею в виду, что не помню такого периода в моей жизни, когда бы я это все не созидал. Многие дети придумывают, – или по крайней мере берутся придумывать, – воображаемые языки. Сам я этим развлекаюсь с тех пор, как научился писать. Вот только перестать я так и не перестал, и, конечно же, как профессиональный филолог (особенно интересующийся эстетикой языка), я изменился в том, что касается вкуса и усовершенствовался в том, что касается теории и, возможно, мастерства. За преданиями моими ныне стоит целая группа языков (по большей части лишь схематично намеченных). Но тем созданиям, которых по-английски я не вполне правильно называю эльфами, даны два родственных языка, почти доработанных: их история записана, а формы (воплощающие в себе два разных аспекта моих лингвистических предпочтений) научно выводятся из общего источника. Из этих языков взяты практически все *имена собственные*, использованные в легендах. Как мне кажется, это придает ономастике определенный характер (единство, последовательность лингвистического стиля и иллюзию историчности), чего заметно недостает иным сходным творениям. Не всякий, в отличие от меня, сочтет это важным, поскольку меня судьба покарала болезненной чувствительностью в подобных вопросах.

Но страстью столь же основополагающей для меня *ab initio*³ был миф (не аллегория!) и волшебная сказка, и в первую очередь – героическая легенда на грани волшебной повести и истории, которых на мой вкус в мире слишком мало (в пределах моей досягаемости). Уже в студенческие годы мысль и опыт подсказали мне, что интересы эти, – разноименные полюса науки и романа, – вовсе не диаметрально противоположны, но по сути родственны. Впрочем, в вопросах мифа и волшебной сказки я *не* «сведуц»⁴, ибо в таких вещах (насколько я с ними знаком), я неизменно искал некое содержание, нечто определенного настроения и тона, а не просто знание. Кроме того, – и здесь, надеюсь, слова мои не прозвучат совсем уж абсурдно, – меня с самых юных лет огорчала нищета моей любимой родины: у нее нет собственных преданий (связанных с ее языком и почвой), во всяком случае, того качества, что я искал и находил (в качестве составляющей части) в легендах других земель. Есть эпос греческий и кельтский, романский, германский, скандинавский и финский (последний произвел на меня сильнейшее впечатление); но ровным счетом ничего английского, кроме дешевых изданий народных сказок. Разумеется, был и есть обширный артуровский мир, но, при всей его величественности, он не вполне прижился, ассоциируется с почвой Британии, но не Англии; и не заменяет того, чего, на мой взгляд, недостает. Во-первых, его «фэери»-составляющая

³ С самого начала (*лат.*).

⁴ Хотя думал о них немало (*примеч. автора*).

слишком уж обильна и фантастична, слишком непоследовательна и слишком повторяется. Во-вторых, что более важно: артуриана не только связана с христианством, но также явным образом его в себе содержит.

В силу причин, в которые я вдаваться не буду, это мне кажется пагубным. Миф и волшебная сказка должны, как любое искусство, отражать и содержать в растворенном состоянии элементы моральной и религиозной истины (или заблуждения), но только не эксплицитно, не в известной форме первичного «реального» мира. (Я говорю, конечно же, о нынешней нашей ситуации, а вовсе не о древних, языческих, дохристианских днях. И я не стану повторять того, что попытался высказать в своем эссе, которое вы уже читали.)

Только не смейтесь! Но некогда (с тех пор самонадеянности у меня поубавилось) я задумал создать цикл более-менее связанных между собою легенд – от преданий глобального, космогонического масштаба до романтической волшебной сказки; так, чтобы более значительные основывались на меньших в соприкосновении своем с землей, а меньшие обретали величие на столь обширном фоне; цикл, который я мог бы посвятить просто стране моей, Англии. Ему должны быть присущи желанные мне тон и свойства: нечто холодное и ясное, что дышит нашим «воздухом» (климат и почва северо-запада, под коими я разумею Британию и ближайшие к ней области Европы, не Италию и не Элладу, и уж конечно, не Восток); обладая (если бы я только сумел этого достичь) той волшебной, неуловимой красотой, которую некоторые называют кельтской (хотя в подлинных произведениях древних кельтов она встречается редко), эти легенды должны быть «возвышенны», очищены от всего грубого и непристойного и соответствовать более зрелому уму земли, издревле проникнутой поэзией. Одни легенды я бы представил полностью, но многие наметил бы только схематически, как часть общего замысла. Циклы должны быть объединены в некое грандиозное целое – и, однако, оставлять место для других умов и рук, для которых орудиями являются краски, музыка, драма. Вот абсурд!

Разумеется, сей самонадеянный замысел сформировался не сразу. Сперва были просто истории. Они возникали в моем сознании как некая «данность», и по мере того, как они являлись мне по отдельности, укреплялись и связи. Захватывающий, хотя и то и дело прерываемый труд (тем более что, даже не говоря о делах насущных, разум порою устремлялся к противоположному полюсу и сосредотачивался на лингвистике); и однако ж мною всегда владело чувство, будто я записываю нечто, уже где-то, там, «существующее», а вовсе не «выдумываю».

Разумеется, я сочинял и даже записывал много всего другого (особенно для моих детей). Кое-каким вещам удалось выскользнуть из тисков этой разветвляющейся, всепоглощающей темы, будучи в основе своей и радикально с нею не связанными: например, «Лист работы Ниггля» и «Фермер Джайлс», единственные две, что увидели свет. «Хоббит», в котором куда больше внутренней жизни, задумывался абсолютно независимо; начиная его, я еще не знал, что и он оттуда же. Однако ж, как выяснилось, он оказался настоящей находкой: он завершал собою целое, обеспечивал ему спуск на землю и слияние с «историей». Как высокие Легенды начала дней предполагают эльфийский взгляд на вещи, так промежуточная повесть о хоббите принимает по сути дела человеческую точку зрения, – а последняя история соединяет их воедино.

Я терпеть не могу Аллегорию, – аллегорию сознательную и умышленную, – и однако ж все попытки объяснить сущность мифа и волшебной сказки по необходимости задействуют язык иносказания. (И, конечно же, чем больше в истории «жизни», тем с большей легкостью к ней применимы аллегорические интерпретации; а чем лучше сделана намеренная аллегория, тем скорее ее воспримут просто как историю.) Как бы то ни было, во всей этой

писанине⁵ речь идет главным образом о Падении, Смертности и Машине. О Падении – неизбежно, и мотив этот возникает в нескольких формах. О Смертности, тем более что она оказывает влияние на искусство и тягу к творчеству (или скорее к вторичному творчеству), у которой вроде бы нет никакой биологической функции и которая не имеет отношения к удовлетворению простых, обыкновенных биологических потребностей, с каковыми, в нашем мире, она обычно враждует. Это стремление одновременно сочетается со страстной любовью к первичному, настоящему миру, и оттого исполнено ощущения смертности – и в то же время миром этим не насыщается. В нем заключены самые разные возможности для «Падения». Оно может стать собственническим, цепляясь за вещи, созданные «как свои собственные»; творец вторичной реальности желает быть Богом и Повелителем своего личного произведения. Он упрямо бунтует против законов Создателя – особенно же против смертности. И то и другое (поодиночке или вместе) непременно ведет к жажде Власти, и того, чтобы воля срабатывала быстрее и эффективнее, – и отсюда к Машине (или Магии). Под последним я разумею любое использование внешних систем или приспособлений (приборов) вместо того, чтобы развивать врожденные, внутренние таланты и силы – или даже просто использование этих талантов во имя искаженного побуждения подчинять: перепахивать реальный мир или принуждать чужую волю. Машина – наша более очевидная современная форма, хотя и соотносится с магией теснее, нежели обычно признается.

Слово «магия» я использовал не вполне последовательно; эльфийская королева Галадриэль даже вынуждена объяснять хоббитам, что они ошибочно употребляют это слово как для обозначения уловок Врага, так и действий эльфов. Моя непоследовательность объясняется тем, что термина для обозначения последнего не существует (ведь все человеческие истории страдают той же путаницей). Однако эльфы призваны (в моих историях) продемонстрировать разницу. Их «магия» – это Искусство, освобожденное от многих его человеческих ограничений: более легкое и непринужденное, более живое, более полное (произведение и замысел идеально соответствуют друг другу). А целью ее является Искусство, а не Власть, вторичное творчество, а не подчинение и не деспотичная переделка Творения. «Эльфы» «бессмертны», по меньшей мере пока длится этот мир, и потому их скорее занимают горести и тяготы бессмертия среди изменчивого времени, нежели смерть. Врага в последовательных его обликах всегда «естественным образом» занимает абсолютная Власть, он – Владыка магии и машин; но проблема, – что это страшное зло может родиться и рождается от вроде бы доброго корня, из желания облагодетельствовать мир и других⁶ – быстро и в соответствии с собственными планами благодетеля, – становится повторяющимся мотивом.

Циклы начинаются с космогонического мифа: «Музыки Айнура». Явлены Бог и Валар (или власти; в английском языке именуемые богами). Последние являются, скажем так, ангелическими силами, функция которых – осуществлять делегированную власть в своих сферах (правления и руководства, но *не* творения, созидания или переделывания). Они «божественны», то есть изначально пришли «извне» и существовали «до» сотворения мира. Их могущество и мудрость проистекают из Знания космогонической драмы, которую они восприняли сперва как драму (как в некотором смысле мы воспринимаем историю, сочиненную кем-то другим), а позже – как «реальность». С точки зрения чисто художественного приема

⁵ В основе своей, я полагаю, она посвящена проблеме соотношения Искусства (и Вторичного творчества) и Первичной Реальности (*примеч. автора*).

⁶ Только не в Прародителе Зла; его Падение относится к сфере вторичной реальности, так что эльфы (воплощение вторичной реальности *par excellence* [в основном, главным образом (*лат.*) – С.Л.]) стали ему непримиримыми врагами; на них обращалась его жажда и ненависть и они же оказались уязвимы для его лжи. Их Падение – это собственничество и (в меньшей степени) искажение своего искусства и превращение его в средство обретения власти (*примеч. автора*).

это, разумеется, дает нам существ того же уровня красоты, могущества и величия, что и «боги» высших мифологий, которых, тем не менее, способен признать, – ну, скажем прямо, – разум, верующий в Святую Троицу.

Сразу же после этого мы переходим к «Истории эльфов», или «Сильмариллиону» как таковому; к миру, как мы его воспринимаем, но, конечно же, преображенному, по-прежнему полумифическому: то есть в нем действуют разумные воплощенные создания, более-менее сопоставимые с нами. Знание Драмы Творения было неполным: неполным у каждого отдельно взятого «бога»; и осталось бы неполным, даже если соединить воедино все знание пантеона. Ибо (отчасти чтобы исправить зло бунтаря Мелькора, отчасти ради того, чтобы замысел был исполнен и завершен до мельчайших подробностей) Творец явил отнюдь не все. Двумя величайшими из тайн стали создание и природа Детей Господних. Боги знали лишь то, что Дети явятся в назначенный срок. Таким образом, Дети Господни изначально сродни и связаны друг с другом, и изначально – различны. Поскольку они также – существа, совершенно «иные», нежели боги, и в создании их боги участия не принимали, боги тянутся к ним душой и исполнены к ним любви. Это – *Перворожденные*, эльфы, и *Пришедшие Следом*, люди. Судьба эльфов – бессмертие и любовь к красоте этого мира, которая расцветет пышным цветом благодаря их утонченным, совершенным дарам; их бытию дано длиться, пока существует мир, и не покидают они его, даже будучи «убиты», но возвращаются – и однако же, с появлением Пришедших Следом удел эльфов – наставлять их, и уступать им место, и «угасать» по мере того, как Пришедшие Следом обретают силу и вбирают в себя жизнь, от которой оба рода произошли. Судьба (или Дар) людей – это смертность, свобода от кругов мира. Поскольку весь цикл представлен с эльфийской точки зрения, смертность через миф не объясняется; это – тайна Господа, о которой ведомо лишь одно: «то, что Господь назначил людям, сокрыто», и здесь – источник печали и зависти для бессмертных эльфов.

Как я уже сказал, свод легенд «Сильмариллион» – вещь необычная, и отличается от всех известных мне подобных произведений тем, что он не антропоцентричен. В центре его внимания и интереса не люди, но «эльфы». Люди неизбежно оказываются вовлечены в повествование: в конце концов, автор – человек, и если обретет аудиторию, это будут люди, и люди по необходимости фигурируют в наших преданиях как таковые, а не только преображенные или отчасти представленные под видом эльфов, гномов, хоббитов и проч. Однако они остаются на периферии – как пришедшие позже, и, хотя значимость их неуклонно растет, вовсе не они – главные герои.

На космогоническом плане имеет место падение: падение ангелов, сказали бы мы. Хотя, конечно же, по форме совершенно отличное от христианского мифа. Эти предания «новые», они не заимствованы напрямую из других мифов и легенд, но неизбежно содержат в себе изрядную долю древних широко распространенных мотивов или элементов. В конце концов, я считаю, что легенды и мифы в значительной степени сотканы из «истины» и, несомненно, представляют отдельные ее аспекты, которые воспринять можно только в такой форме; давным-давно определенные истины и формы воплощения такого рода были открыты и неизбежно возникают вновь и вновь. Не может быть «истории» без падения – все истории в конечном счете повествуют о падении – по крайней мере для человеческих умов, таких, какие мы знаем и какими наделены.

Итак, продолжаем: эльфы пали – прежде, чем их «история» смогла стать историей в повествовательном смысле этого слова. (Первое падение людей, в силу приведенных причин, нигде не фигурирует: когда люди появляются на сцене, все это осталось в далеком прошлом; существуют лишь слухи о том, что на какое-то время люди оказались под властью Врага и что некоторые из них раскаялись.) Основной корпус предания, «Сильмариллион» как таковой, посвящен падению одареннейшего рода эльфов, изгнанию их из Валинора (некое подобие Рая, обитель Богов) на окраинном Западе, их возвращению в Средиземье,

землю, где они родились, но где давно уже господствует Враг, их борьбе с ним, пока еще зримо воплощенной силой Зла. Название книги объясняется тем, что связующей нитью для всех событий становится судьба и суть Первозданных Самоцветов, или *Сильмарилли* («сияние чистого света»). Сотворение драгоценных камней главным образом символизирует собою эльфийскую функцию вторичного творчества, однако ж Сильмарилли – нечто большее, чем просто красивые вещицы. И был Свет. И был Свет Валинора зримо явлен в Двух Древах, Серебряном и Золотом⁷. Враг убил их из злобы, и на Валинор пала тьма, хотя от них, прежде чем они умерли окончательно, был взят свет Солнца и Луны. (Характерное различие между этими легендами и большинством других состоит в том, что Солнце – не божественный символ, но вещь «второго порядка», и «солнечный свет» (мир под солнцем) становятся терминами для обозначения падшего мира и искаженного, несовершенного видения.)

Однако главный искусник эльфов (Феанор) заключил Свет Валинора в три непревзойденных самоцвета, Сильмарилли, еще до того, как Древа были осквернены и погибли. Таким образом, впредь сей Свет жил лишь в этих драгоценных камнях. Падение эльфов является следствием собственнического отношения Феанора и его семерых сыновей к этим камням. Враг завладевает ими, вставляет их в свою Железную Корону и хранит их в своей неприступной твердыне. Сыновья Феанора дают ужасную, кощунственную клятву вражды и мести, – против всех и кого угодно, не исключая и богов, кто дерзнет посягнуть на Сильмарилли или станет утверждать свое право на них. Они сбивают с пути большую часть своего народа; те восстают против богов, покидают рай и отправляются на безнадежную войну с Врагом. Первым следствием их падения становится война в Раю, гибель эльфов от руки эльфов; и это, а также их пагубная клятва неотступно сопутствуют всему их последующему героизму, порождая предательство и сводя на нет все победы. «Сильмариллион» – это история Войны эльфов-Изгнанников против Врага, все события которой происходят на северо-западе мира (в Средиземье). В него включено еще несколько преданий о триумфах и трагедиях, однако заканчивается это все катастрофой и гибелью Древнего Мира, мира долгой *Первой эпохи*. Самоцветы обретенны вновь (благодаря вмешательству богов под самый конец) – однако для эльфов они навсегда утрачены: один канул в море, другой – в земные недра, а третий стал звездой в небесах. Этот легендарий завершается повествованием о конце мира, о его разрушении и возрождении, о возвращении Сильмарилли и «света до Солнца» – после последней битвы, которая, как мне кажется, более всего прочего навеяна древнескандинавским образом Рагнарека, хотя не слишком-то на него похожа.

По мере того, как предания становятся менее мифологичными и все более уподобляются историям как таковым и эпосам, в них вступают люди. По большей части это «хорошие люди» – семьи и их вожди, что, отрекшись от служения Злу и прослышав о Богах Запада и Высоких эльфах, бегут на запад и вступают в общение с эльфами-Изгнанниками в разгар их войны. В преданиях фигурируют главным образом люди из Трех Домов Праотцев; их вожди стали союзниками эльфийских владык. Общение людей и эльфов уже предвещает историю более поздних эпох, и повторяющейся темой звучит мысль о том, что в людях (таковых, каковы они сейчас) есть толика «крови» и наследия эльфов и что людские искусство и поэзия в значительной степени зависят от нее или ею определяются⁸. Таким образом, имеют место два брачных союза представителей рода смертных и эльфов: оба впоследствии объединя-

⁷ Если говорить о символическом или аллегорическом значении, Свет – настолько основополагающий символ в природе вселенной, что проанализировать его вряд ли возможно. Свет Валинора (источник коего – свет до падения) – это свет искусства, не отъединенного от разума, что провидит явления как на научном (или философском) плане, так и на плане образом (или плане вторичного творчества) и «говорит, что это хорошо» – поскольку прекрасно. Свет Солнца (или Луны) был взят от Дерев лишь после того, как их осквернило Зло (*примеч. автора*).

⁸ Разумеется, в реальности это значит только то, что мои «эльфы» – лишь воплощение или репрезентация некоей части человеческой природы, но в легендах так не скажешь (*примеч. автора*).

ются в роду потомков Эарендила, представленном Эльрондом Полуэльфом, который фигурирует во всех историях, и даже в «Хоббите». Главное из преданий «Сильмариллиона», и притом наиболее полно разработанное – это «Повесть о Берене и эльфийской деве Лутиэн». Здесь, помимо всего прочего, мы впервые встречаемся со следующим мотивом (в «Хоббитах» он станет доминирующим): великие события мировой истории, «колесики мира», зачастую вращают не владыки и правители, и даже не боги, но те, кто вроде бы безвестен и слаб, – благодаря тайной жизни творения и той составляющей части, неведомой никому из мудрых, кроме Единого, которую приносят в Драму Дети Господни. Никто иной как Берен, изгой из рода смертных, добивается успеха (с помощью Лутиэн, всего лишь слабой девы, пусть даже эльфийки королевского рода) там, где потерпели неудачу все армии и воины: он проникает в твердыню Врага и добывает один из Сильмарилли Железной Короны. Таким образом он завоевывает руку Лутиэн и заключается первый брачный союз смертного и бессмертной.

История как таковая (мне она представляется прекрасной и впечатляющей) является героико-волшебным эпосом, что сам по себе требует лишь очень обобщенного и поверхностного знания предыстории. Но одновременно она – одно из основных звеньев цикла, и, вырванная из контекста, часть значимости утрачивает. Ибо отвоевание Сильмарила, выходящая из побед, ведет к катастрофе. Клятва сыновей Феанора вступает в действие, и желание завладеть Сильмарилем обрекает все эльфийские королевства на гибель.

В цикл входят и другие предания, почти столь же полно разработанные и почти столь же самодостаточные – и однако ж связанные с историей в целом. Есть «Дети Хурина», трагическая повесть о Турине Турамбаре и его сестре Ниниэль, где в качестве главного героя выступает Турин: персонаж, как сказали бы (те, кому нравятся такого рода рассуждения, хотя толку в них чуть), унаследовавший ряд черт Сигурда Вельсунга, Эдипа и финского Куллерво. Есть «Падение Гондолина»: главной эльфийской твердыни. А еще – предание, или ряд преданий, о «Страннике Эарендиле». Это крайне значимый персонаж, поскольку он приводит «Сильмариллион» к финалу; он же через своих потомков обеспечивает основные связки и персонажей для преданий более поздних эпох. Его функция как представителя обоих Народов, людей и эльфов, заключается в том, чтобы отыскать путь через море назад в Землю Богов и в качестве посланника убедить их вновь вспомнить об Изгнанниках, сжалиться над ними и спасти их от Врага. Его жена Эльвинг происходит от Лутиэн и до сих пор владеет Сильмарилем. Однако проклятье по-прежнему действует, и сыновья Феанора разоряют дом Эарендила. Но тем самым обретен выход: Эльвинг, спасая Самоцвет, бросается в Море, воссоединяется с Эарендилем, и благодаря силе великого Камня они наконец-то попадают в Валинор и выполняют свою миссию – ценою того, что отныне им не позволено вернуться ни к людям, ни к эльфам. Тогда боги вновь выступают в поход, великая рать является с Запада, и Твердыня Врага разрушена; а сам он выдворен из Мира в Пустоту, дабы никогда более не возвращаться в воплощенном виде. Оставшиеся два Сильмарила извлечены из Железной Короны – и снова утрачены. Последние двое сыновей Феанора, побуждаемые клятвой, похищают Самоцветы – и через них находят свою гибель, бросившись в море и в расщелину земли. Корабль Эарендила, украшенный последним Сильмарилем, вознесен в небеса как ярчайшая из звезд. Так заканчивается «Сильмариллион» и предания Первой эпохи.

В следующем цикле речь идет (или пойдет) о Второй эпохе. Но для Земли это – темные времена, об истории которых рассказывается немного (да больше и не стоит). В великих битвах против Изначального Врага материка раскололись и подверглись разрушениям, и Запад Средиземья превратился в бесплодную пустошь. Мы узнаем, что эльфам-Изгнанникам если не приказали, то по крайней мере настоятельно посоветовали возвратиться на Запад и жить там в покое и мире. Им предстояло навечно поселиться не в Валиноре, но на Одиноком острове Эрессеа в пределах видимости Благословенного Королевства. Людей

Трех Домов вознаградили за доблесть и верность союзникам тем, что позволили им поселиться «западнее всех прочих смертных», в *Нуменорэ*, на огромном острове-«Атлантиде». Смертность, судьбу или дар Господень, боги, конечно же, отменить не в силах, однако нуменорцам отпущен долгий срок жизни. Они подняли паруса, отплыли из Средиземья и основали великое королевство мореходов почти в виду Эрессеа (но не Валинора). Большинство Высоких эльфов тоже возвратились на Запад. Но не все. Часть людей, тех, что в родстве с нуменорцами, остались в землях неподалеку от морского побережья. Некоторые из Изгнанников возвратиться вообще не пожелали или отложили возвращение (ибо путь на запад для бессмертных открыт всегда, и в Серых Гаванях стоят корабли, готовые уплыть без возврата). Да и орки (гоблины) и прочие чудовища, выведенные Изначальным Врагом, уничтожены не все. Кроме того, есть *Саурон*. В «Сильмариллионе» и Преданиях Первой эпохи Саурон, один из обитателей Валинора, предан злу, перешел на сторону Врага и стал его главным полководцем и слугою. Когда Изначальный Враг терпит сокрушительное поражение, Саурон в страхе раскисает, но в итоге не является, как ему приказано, на суд богов. Он остается в Средиземье. Очень медленно, начиная с благих побуждений, – преобразования и восстановления разоренного Средиземья, «о котором боги позабыли», – он превращается в новое воплощение Зла и существо, алчущее Абсолютной Власти – и потому сменяем все более жгучей ненавистью (особенно к богам и эльфам). На протяжении сумеречной Второй эпохи на Востоке Средиземья растет Тень, все больше и больше подчиняя себе людей – которые умножаются в числе по мере того, как эльфы начинают угасать. Таким образом, три основные темы сводятся к следующему: задержавшиеся в Средиземье эльфы; превращение Саурона в нового Темного Властелина, повелителя и божество людей; и Нуменор-Атлантида. Они представлены в виде анналов и в двух Преданиях, или Повестях, «Кольца Власти» и «Низвержение Нуменора». Оба важны в качестве фона для «Хоббита» и его продолжения.

В первом представлено что-то вроде второго падения или по крайней мере «заблуждения» эльфов. По сути не было ничего дурного в том, что они задержались вопреки совету, по-прежнему скорбно с⁹ смертных землях их древних героических деяний. Однако ж им хотелось один пирог да съесть дважды. Им хотелось наслаждаться миром, блаженством и совершенной памятью «Запада» – и в то же время оставаться на брэнной земле, где их престиж как высшего народа, стоящего над дикими эльфами, гномами и людьми, был несравненно выше, нежели на нижней ступени иерархии Валинора. Так они стали одержимы «угасанием» – именно в этом ключе они воспринимали временные изменения (закон мира под солнцем). Они сделались печальны, искусство их (скажем так) обращено в прошлое, а все их старания сводились к своего рода бальзамированию – даже при том, что они сохранили древнее стремление своего народа к украшению земли и исцелению ее ран. Мы узнаем об уцелевшем королевстве под властью Гильгалада¹⁰ – на окраинном северо-западе, примерно на тех древних землях, что остались еще со времен «Сильмариллиона», и о других поселениях – таких, как Имладрис (Ривенделл) близ Эльронда¹¹; и обширный край Эрегион у западного подножия Туманных гор, близ Копей Мории, главного гномьего королевства Второй эпохи. Там в первый и единственный раз возникла дружба между обычно враждебными народами (эльфами и гномами), а кузнечное ремесло достигло высшей ступени развития. Однако многие эльфы прислушались к Саурону. В те стародавние дни он еще обладал прекрасным обликом, и его побуждения вроде бы отчасти совпадали с целями эльфов: исцелить разоренные земли. Саурон отыскал слабое место эльфов, предположив, что, помогая друг другу, они

⁹ [В этом предложении машинисткой пропущены несколько слов оригинала.]

¹⁰ В данном случае и далее по тексту письма таково написание оригинала.

¹¹ По всей видимости, опечатка в тексте. Вместо предлога «near» (рядом) уместен был бы предлог «under» (здесь – под властью (Эльронда)).

сумеют сделать западное Средиземье столь же прекрасным, как Валинор. На самом-то деле то был завуалированный выпад против богов; подстрекательство попытаться создать отдельный независимый рай. Гильгалад все эти предложения отверг, как и Эльронд. Но в Эрегионе закипела великая работа – и эльфы оказались на волосок от того, чтобы взяться за «магию» и машины. При помощи Саурановых познаний они сделали *Кольца Власти* («власть» (*power*)) во всех этих преданиях – слово зловещее и недоброе, за исключением тех случаев, когда оно применяется по отношению к богам).

Главное их свойство (в этом Кольца были схожи) состояло в предотвращении или замедлении *упадка* (т. е. «перемен», воспринимаемых как нечто нежелательное), в сохранении всего желанного или любимого, или его подобия, – такой мотив более или менее характерен для эльфов в целом. Но при этом кольца усиливали врожденные способности владельца – тем самым приближаясь к «магии», а это побуждение легко исказить и обратить во зло, в жажду господства. И, наконец, они наделены и другими свойствами, которыми они обязаны Саурону уже непосредственно («Некроманту»: так именуется он, роняющий мимолетную тень, как предзнаменование, на страницы «Хоббита»): например, делают невидимыми материальные объекты и видимыми – сущности незримого мира.

Эльфы Эрегиона создали, почти исключительно силой своего собственного воображения, без подсказки, Три несказанно прекрасных и могущественных кольца, направленных на сохранение красоты: эти невидимостью не наделяли. Но тайно, в подземном Огне, в своей Черной Земле, Саурон создал Единое Кольцо, Правящее Кольцо, что заключало в себе свойства всех прочих и контролировало их, так что носящий его мог прозревать мысли всех тех, кто пользовался меньшими кольцами, мог управлять всеми их действиями и в конечном счете мог целиком и полностью поработить их. Однако Саурон не принял в расчет мудрости и чуткой проницательности эльфов. Едва он надел Единое Кольцо, эльфы узнали об этом, постигли его тайный замысел и устремились. Они спрятали Три Кольца, так что даже Саурон не сумел отыскать их, и они остались неоскверненными. Остальные же Кольца эльфы попытались уничтожить.

В последовавшей войне между Саураном и эльфами Средиземье, особенно в его западной части, подверглось новым разрушениям. Эрегион был завоеван и разорен, и Саурон захватил в свои руки немало Колец Власти. Их он раздал тем, что согласились принять кольца (из честолюбия или жадности), дабы окончательно исказить и поработить их. Отсюда – «древние стихи», ставшие лейтмотивом «Властелина Колец»:

*Три – эльфийским владыкам в подзвездный предел;
 Семь – для гномов, царящих в подгорном просторе;
 Девять – смертным, чей выверен срок и удел.
 И Одно – Властелину на черном престоле
 В Мордоре, где вековая тьма¹².*

Таким образом Саурон обретает в Средиземье почти абсолютную власть. Эльфы еще держатся в потаенных укрытиях (до поры не обнаруженных). Последнее эльфийское королевство Гильгалада расположено на окраинном западном побережье, где находятся гавани Кораблей: положение его крайне непрочное. Эльронд Полуэльф, сын Эарендила, хранит своего рода зачарованное убежище в *Имладрисе* (*Ривенделл* по-английски) на восточной границе западных земель¹³. Однако Саурон повелевает умножающимися ордами людей, кото-

¹² Пер. И. Гриншпун.

¹³ Эльронд в этих историях символизирует древнюю мудрость, а Дом его олицетворяет собою Знание – благоговейное сохранение в памяти всех преданий о добре, мудрости и красоте. Это место не *действия*, но *размышления*. Таким образом через Имладрис пролегает путь ко всем деяниям или «приключениям». Он может оказаться по дороге (как в «Хоббите»);

рые никогда не общались с эльфами, а через них, косвенно – с истинными и непадшими Валар и богами. Он правит растущей империей из гигантской темной башни Барад-дур в Мордоре, близ Горы Огня, владея Единым Кольцом.

Но, чтобы достичь этого, ему пришлось вложить большую часть своей собственной внутренней силы (распространенный и весьма значимый мотив в мифе и волшебной сказке) в Единое Кольцо. Когда он надевал Кольцо, его власть над землей, по сути дела, возрастала. Но даже если Кольца он не надевал, эта сила все равно существовала и пребывала «в контакте» с ним: он не «умалился». До тех пор, пока кто-либо другой не захватил бы Кольца и не объявил бы его своим. Если бы такое произошло, новый владелец мог бы (если бы был от природы достаточно силен и героичен) бросить вызов Саурону, овладеть всем, что тот узнал или сотворил со времен создания Единого Кольца и, таким образом, сверг бы Саурана и узурпировал бы его место. В этом-то и заключался основной просчет: пытаюсь (по большей части безуспешно) поработить эльфов и желая установить контроль над умами и волей своих слуг, Саурон сам неизбежно оказывался уязвим. Было и еще одно слабое место: если Единое Кольцо *уничтожить*, истребить, тогда сила Саурана растаяла бы, а само его существо умалилось бы вплоть до полного исчезновения, так что он превратился бы в тень, в жалкое воспоминание о злонамеренной воле. Но такой возможности он не рассматривал и не опасался этого. Кольцо не сумел бы уничтожить ни один кузнец, уступающий искусством самому Саурону. Его нельзя было расплавить ни в каком огне, кроме лишь того неугасимого подземного пламени, где оно было отковано, – недостижимого пламени Мордора. И так силен был соблазн Кольца, что любой, кто им пользовался, подпадал под его власть; ни у кого не достало бы силы воли (даже у самого Саурана) повредить Кольцо, выбросить его или пренебречь им. По крайней мере, так он думал. В любом случае, Кольцо он носил на пальце. Таким образом, на протяжении Второй эпохи, у нас есть великое Королевство и теократия зла (ибо Саурон также – божество для своих рабов), что набирает силу в Средиземье. На западе, – собственно говоря, северо-запад – единственная подробно описанная область в этих преданиях, – находятся ненадежные прибежища эльфов, а люди тех земель остаются более-менее неиспорченными, пусть и невежественными. Лучшие, более благородные люди, по сути дела, являются родней тех, кто уплыл в Нуменор, но пребывают в состоянии «гомеровской» простоты патриархально-племенной жизни.

Тем временем богатство, мудрость и слава *Нуменора* все росли под властью рода великих королей-долгожителей, прямых потомков Эльроса, сына Эарендила, брата Эльронда. «Низвержение Нуменора», Второе Падение людей (людей исправленных, и все-таки смертных) оборачивается катастрофой, что положила конец не только Второй эпохе, но и Древнему Миру, первозданному миру легенды (представленному как плоский и имеющий предел). После этого начинается Третья эпоха, Век Сумерек, *Medium Aevum*¹⁴, первая эпоха расколотого, измененного мира и последняя для длительного владычества зримых, полностью воплощенных эльфов; и последняя, когда Зло принимает единое, исполненное могущества, воплощенное обличие.

«Низвержение» отчасти является результатом внутренней слабости в людях – следствия, если угодно, первого Падения (о котором в этих преданиях речи не идет): люди раскаялись, но окончательно исцелены не были. Награда на земле для людей куда опаснее наказания! Падение свершилось благодаря тому, что Саурон коварно воспользовался этой слабостью. Центральной темой здесь (как мне кажется, в истории о людях это неизбежно) является Воспрещение, или Запрет.

однако порою необходимость велит уходить оттуда совершенно неожиданным маршрутом. Так, по воле обстоятельств, во «Властелине Колец», укрывшись у Эльронда от неотвратимого преследования уже явленного зла, герой отправляется в абсолютно новом направлении: дабы бросить злу вызов у его истока (*примеч. автора*).

¹⁴ Средний век (*лат.*).

Нуменорцы живут у предела видимости самой восточной из «бессмертных» земель, Эрессеа; и, поскольку они единственные из людей говорят по-эльфийски (этот язык они выучили во времена Союза), они постоянно общаются со своими давними друзьями и союзниками, – и теми, что живут на благословенном Эрессеа, и теми, что из королевства Гильга-лада на берегах Средиземья. Таким образом они сделались и видом, и даже способностями почти неотличимы от эльфов, – однако ж оставались смертны, хотя наградой им стал тройной и более чем тройной срок жизни. Награда оборачивается для них гибелью – или оружием искушения. Их долгая жизнь способствует достижениям в искусстве и умножению мудрости, но порождает собственническое отношение к тому и к другому; и вот они уже жаждут больше *времени* на то, чтобы всем этим наслаждаться. Отчасти предвидя это, боги с самого начала наложили на нуменорцев Запрет: никогда не плавать к Эрессеа и на запад – лишь до тех пор, пока виден их собственный остров. Во всех прочих направлениях они могли путешествовать, куда хотели. Людям не дозволялось ступить на «бессмертные» земли, чтобы те не пленились бессмертием (в пределах мира), которое противоречит предписанному им закону, особой судьбе или дару Илуватара (Господа): сама их природа, по сути дела, бессмертия не выдержала бы¹⁵.

В отпадении нуменорцев от благодати можно проследить три фазы. Сперва – покорность, послушание свободное и добровольное, пусть и без полного понимания. Затем на протяжении долгого времени они повинуются неохотно, ропща все более и более открыто. Под конец они восстают – возникает раскол между людьми Короля, бунтовщиками, и небольшим меньшинством преследуемых Верных.

На первой стадии, будучи народом мирным, нуменорцы проявляют свою доблесть в морских плаваниях. Потомки Эарендила, нуменорцы стали превосходными мореходами, и, поскольку на Запад им путь был закрыт, они плавают до самого крайнего севера, и на юг, и на восток. По большей части пристают они у западных берегов Средиземья, где помогают эльфам и людям в борьбе с Сауроном и навлекают на себя его непримиримую ненависть. В те дни они являлись к дикарям почти как божественные благодетели, принося дары искусства и знания, и вновь уплывали, – оставляя по себе немало легенд о королях и богах, приходящих со стороны заката.

На второй стадии, во дни Гордыни и Славы, и недовольства Запретом, они стали стремиться скорее к богатству, нежели к благоденствию. Желание спастись от смерти породило культ мертвых; богатства и искусства расточались на гробницы и монументы. Теперь они основали поселения на западном побережье, но поселения эти становились скорее крепостями и «факториями» владык, взыскующих богатств; нуменорцы превратились в сборщиков дани и увозили за море на своих огромных кораблях все больше и больше добра. Нуменорцы принялись ковать оружие и строить машины.

Со вступлением на престол тринадцатого¹⁶ короля из рода Эльроса, Тар-Калиона Золотого, самого могущественного и гордого из всех королей, эта фаза закончилась и началась последняя. Узнав, что Саурон присвоил себе титул Короля Королей и Владыки Мира, Тар-Калион решил усмирить «узурпатора». В ореоле мощи и величия он отправляется в Средиземье, и столь громадна его армия, и столь ужасны нуменорцы в день своей славы, что слуги Саурана не смеют противостоять им. Саурон смиряется, преклоняется перед Тар-Калионом и отвезен в Нуменор в качестве заложника и пленника. Но там, благодаря своему коварству

¹⁵ Подразумевается (становится очевидно позже, в случае с хоббитами, которые какое-то время владели Кольцом), что каждый «народ» от природы наделен сроком жизни, соответствующим его биологической и духовной сути. *Увеличить* его качественно или количественно на самом деле нельзя; так что продление во времени подобно тому, как если бы проволока натягивалась все туже или «масло намазывалось все тоньше» – и становится невыносимой пыткой (*примеч. автора*).

¹⁶ [На момент написания данного письма был в силе исходный вариант истории правителей Нуменора, согласно которому Тар-Калион (Ар-Фаразон) был тринадцатым, а не двадцать пятым по счету королем, как стало впоследствии.]

и познаниям, он стремительно возвышается от слуги до главного королевского советника и своими лживыми наветами склоняет ко злу короля и большинство лордов и жителей острова. Он отрицает существование Бога, утверждая, что Единый – это лишь выдумка завистливых Валар Запада, оракул их собственных желаний. А главный из богов – тот, что обитает в Пустоте, тот, что в конце концов одержит победу и создаст в пустоте бесчисленные королевства для своих слуг. Запрет же – не более, чем обманная уловка, подсказанная страхом и рассчитанная на то, чтобы не позволить Королям Людей отвоевать для себя жизнь вечную и соперничать с Валар.

Возникает новая религия и поклонение Тьме, со своим храмом, выстроенным по наущению Саурана. Верных преследуют и приносят в жертву. Нуменорцы приходят со злом и в Средиземье и становятся там жестокими и злыми владыками-некромантами, убивая и мучая людей; древние легенды заслоняются новыми преданиями, мрачными и ужасными. Однако на северо-западе ничего подобного не происходит; ибо туда, где живут эльфы, приплывают только Верные, оставшиеся эльфам друзьями. Главная гавань неиспорченных нуменорцев находится близ устья великой реки Андуин. Оттуда влияние Нуменора, все еще благое, распространяется вверх по Реке и вдоль побережья на север вплоть до самого королевства Гильгалада, по мере того, как складывается Всеобщее наречие.

Но наконец замысел Саурана осуществляется. Тар-Калион чувствует, как к нему подступают старость и смерть, прислушивается к последнему наущению Саурана и, построив величайшую из флотилий, отплывает на Запад, нарушая Запрет, и идет на богов войной, дабы силой вырвать у них «жизнь вечную в пределах кругов мира». Перед лицом подобного бунта, этого вопиющего безумства и кощунства, а также и перед лицом вполне реальной опасности (ибо нуменорцы, направляемые Сауроном, вполне могли учинить разор в самом Валиноре) Валар слагают с себя доверенную им власть, вызывают к Богу и получают силу и дозволение действовать; старый мир разрушен и изменен. Разверзшаяся в море пропасть поглощает Тар-Калиона и его флотилию. Сам Нуменор, оказавшись на краю разлома, обрушивается и навечно исчезает в бездне вместе со всем своим величием. После этого на земле не остается зримых обиталищ существ божественной и бессмертной природы. Валинор (или Рай) и даже Эрессеа изъяты и сохранились лишь в памяти земли. Теперь люди могут плыть на Запад, если захотят, и так далеко, как только могут, но к Валинору и к Благословенному Королевству они не приблизятся, а вновь окажутся на востоке и так возвратятся обратно; ибо мир стал круглым, и ограниченным, и из сферы его не вырваться иначе, как через смерть. Лишь «бессмертные», задержавшиеся на земле эльфы, до сих пор могут, ежели пожелают, устав от кругов мира, взойти на корабль и отыскать «прямой путь», достичь древнего или Истинного Запада и обрести там покой.

Итак, ближе к концу Второй эпохи происходит великая катастрофа; однако эпоха еще не окончена. Остались те, кто выжил в катаклизме: *Элендиль Прекрасный*, предводитель Верных (имя его означает «Друг эльфов») и его сыновья *Исильдур* и *Анарион*. Элендиль, персонаж, уподобленный Ною, не принимал участия в бунте; на восточном побережье Нуменора стояли его корабли, подготовленные к отплытию и с людьми на борту. Он бежит прочь перед всепоглощающей бурей гнева Запада и подхвачен и высоко вознесен вздымающимися волнами, разрушившими запад Средиземья. Он и его люди выброшены на берег; отныне они – изгнанники. Там они основывают нуменорские королевства: Арнор на севере, близ владений Гильгалада, и Гондор близ устьев Андуина дальше к югу. Саурон, будучи бессмертным, едва спасается при гибели Нуменора и возвращается в Мордор, где спустя некоторое время набирает достаточную силу, чтобы бросить вызов изгнанникам Нуменора.

Вторая эпоха завершается созданием *Последнего Союза* (людей и эльфов) и великой осадой Мордора. Она заканчивается низвержением Саурана и уничтожением второго зримого воплощения зла. Однако победа досталась дорогой ценой, и при одной пагубной

ошибке. Гильгалад и Элендиль пали в битве с Сауроном. Исильдур, сын Элендила, срубил кольцо с руки Сауона, – и сила покинула Сауона, а дух его бежал во тьму. Однако зло начинает действовать. Исильдур объявляет Кольцо своим как «виру за отца» и отказывается бросить его в Огонь тут же, рядом. Он уводит войско, но тонет в Великой Реке; Кольцо утрачено и исчезает бесследно неведомо куда. Однако оно не уничтожено, и Темная Башня, отстроенная с его помощью, все еще стоит, пустая – но и не разрушенная. Так заканчивается Вторая эпоха – с утверждением нуменорских владений и гибелью последнего короля Высоких эльфов.

Айнулиндалэ

Музыка Айнур

Был Эру, Единый, кого в Арде называют Илуватар; и сперва создал он Айнур, Священных, что явились порождением его мысли, и пребывали они с ним прежде, чем создано было что-то еще. И обратился он к ним, и задал музыкальные темы; и запели они перед ним, и возрадовался он. Но долгое время пели они каждый в свой черед или несколько вместе, а остальные внимали молча; ибо каждому ясна была только та часть помыслов Илуватара, от которой происходил он сам; и лишь медленно приходили они к пониманию своих собратьев. Однако же, слушая, все более постигали они, и росли между ними согласие и гармония.

И вот созвал Илуватар воедино всех Айнур, и объявил им великую тему, раскрывая перед ними знания еще более глубокие и удивительные, нежели прежде; и поразили Айнур красота ее начала и великолепие завершения, и молча преклонились они перед Илуватаром.

И рек им Илуватар: «Ту тему, что возвестил я вам, повелеваю теперь вам вместе воплотить в Великую Музыку. И как возжег я в вас Неугасимое Пламя, вольны вы явить свои силы, украсив эту тему, каждый – своими собственными помыслами и вариациями, ежели пожелаете. Я же буду слушать и радоваться, что через вас великая красота, пробудившись, стала песней».

И зазвучали голоса Айнур, подобно арфам и лютням, свирелям и трубам, виолам и органам, и, подобно бесчисленным хорам певцов, начали они воплощать тему Илуватара в великую музыку, и из бесконечно сменяющих друг друга мелодий, сплетенных в гармонии, возникла песнь, что устремилась за пределы слуха к высотам и в бездны, затопила кущи Илуватара, а музыка и эхо ее полились дальше, в Пустоту, и не была она уже пустотой. Никогда впредь не создавали Айнур музыки, подобной этой; но сказано было, что музыку еще более великую сотворят перед престолом Илуватара хоры Айнур и Детей Илуватара по окончании дней. Тогда темы Илуватара будут сыграны как должно и, звуча, обретут Бытие; ибо каждый поймет тогда до конца, что назначил Илуватар его теме, и каждый постигнет разумение другого, и возрадуется Илуватар, и зажжет в их помыслах скрытое пламя.

Но в ту пору Илуватар сидел и внимал, и долгое время казалось ему, что это хорошо весьма, ибо в музыке не было фальши. Но по мере развития темы Мелькора восхотел в сердце своем вплести в нее порождения своих собственных помышлений, каковые звучали в разлад с темой Илуватара, ибо Мелькор жаждал возвеличить славу и мощь назначенной ему роли. Это Мелькору, из всех Айнур, даны были величайшие дары могущества и знания, а также и доля во всех дарах его собратьев. Часто странствовал он один, в пустоте, взыскав Неугасимого Пламени, ибо распалялось в нем желание дать Бытие собственным творениям; и казалось ему, что Илуватару дела нет до Пустоты, и не давала Мелькору покоя ее праздность. Однако не обрел он Огня, ибо Огонь принадлежит Илуватару. Но в одиночестве рождались у него мысли иные, нежели у собратьев его.

И теперь часть этих мыслей вплел он в музыку, и тотчас же вокруг него возник разлад, и те, кто пели подле, удручились, и смутились их помыслы, и оборвалась их песня, иные же принялись подстраивать свою музыку под тему Мелькора, а не к той мысли, что владела ими поначалу. И так разлад, внесенный Мелькором, ширился и нарастал, и мелодии, прежде слышимые, потонули в море буйства звуков. Но Илуватар сидел и внимал, и наконец стало казаться, будто яростный шторм бушует у подножия его трона, и черные волны в беспредельной, не знающей утоления ярости сталкиваются одна с другой.

Тогда встал Илуватар, и заметили Айнур, что улыбается он; и воздел он левую руку, и новая тема зазвучала среди бури; тема, подобная прежней, и в то же время отличная от нее; и набирала она силу и была по-новому прекрасна. Но нестройная песнь Мелькора зазвучала еще яростнее, споря с нею, и снова звуки схлестнулись в битве, еще более неистовой, чем прежде; убоялись многие из Айнур и смолкли, и Мелькор остался победителем. И снова поднялся Илуватар, и увидели Айнур, что суров облик его; и воздел он правую руку, и се! – третья тема зазвучала среди всеобщего разногласия, отличная от первых двух. Ибо сначала казалась она тихой и нежной, всего лишь переливом чистых звуков в певучей мелодии; но невозможно было заглушить ее, и набирала она мощь и глубину. И показалось наконец, что две мелодии звучат одновременно у трона Илуватара, в разладе друг с другом. Одна была выразительна, глубока и прекрасна, но неспешна, и неизбывное страдание переполняло ее, и в этом, наверное, заключалась ее главная красота. Вторая наконец достигла некоего внутреннего единства, но громко и вызывающе звучала она, без конца повторяясь; и не было в ней гармонии, но скорее крикливый унисон, подобно звуку многих труб, выдувающих две-три ноты. И пыталась она заглушить ту, другую музыку неистовством своих звуков, только казалось, что самые победные ее ноты поглощаются первой и вплетаются в ее собственный торжественный узор.

И в разгар этой борьбы, от которой содрогались чертоги Илуватара и трепет охватывал безмолвные, доселе неподвижные пространства, поднялся Илуватар в третий раз, и ужасен был лик его. И воздел он вверх руки, и единым аккордом, глубже, нежели Бездна, выше, чем Небесный свод, всепроникающая, точно взор Илуватара, Музыка смолкла.

Тогда заговорил Илуватар, и рек он: «Могучи Айнур, а Мелькор – могущественнейший из них, но дабы знал он, и все Айнур, что я – Илуватар, то, о чем вы пели, я покажу вам как есть, чтобы видели вы, что содеяли. А ты, Мелькор, увидишь, что невозможно сыграть тему, которая не брала бы начала во мне, и никто не властен менять музыку вопреки мне. Ибо тот, кто попытается сделать это, окажется моим же орудием в созидании сущностей еще более удивительных, о каких он сам и не мыслил».

И устрашились Айнур, и не поняли они до поры обращенных к ним слов, Мелькор же устыдился, а стыд породил тайный гнев. И поднялся Илуватар в величии своем, и направился прочь от прекрасных куш, сотворенных им для Айнур, и Айнур последовали за ним.

Когда же вступили они в Пустоту, рек им Илуватар: «Узрите свою музыку!» И явил он им видение, даруя зрению то, что прежде было лишь достоянием слуха; и предстал перед ними новый, ставший видимым Мир, и покоилась сфера Мира среди Пустоты, и Пустота поддерживала его, но не ей принадлежал он. А пока глядели Айнур и изумлялись, начала разворачиваться история Мира, и показалось им, что Мир живет и меняется. Долго взирали на него Айнур, безмолвствуя, и снова рек им Илуватар: «Узрите свою Музыку! Вот ваша песнь; и каждый из вас обнаружит, что запечатлено в ней, как часть узора, что задал я вам, все то, что каждый из вас, как может показаться, задумал или добавил. А ты, Мелькор, обнаружишь здесь все тайные свои помышления и убедишься, что все они – только часть целого и дань его величию».

И много другого сказал в тот раз Айнур Илуватар, и, так как помнят они его слова и знают ту часть музыки, что сотворил каждый из них, многое известно Айнур о том, что было, есть и будет, и мало что скрыто от их взора. Но есть то, чего не прозревают даже они, ни каждый в отдельности, ни совещаясь все вместе, ибо никому доселе не открыл Илуватар всей полноты своего замысла; и каждая эпоха приносит с собой нечто новое, заранее не предсказанное, ибо не в прошлом его корни. Вот почему, когда было явлено Айнур видение мира, узрели они многое, о чем доселе не помышляли. С изумлением узрели они приход Детей Илуватара; и готово было для них прибежище. И постигли Айнур, что сами же,

создавая свою музыку, подготовили для них сие жилище, не ведая, что предназначение его – иное, помимо заключенной в нем красоты. Ибо Дети Илуватара задуманы были самим Илуватаром, и явились они в третьей теме, а в той теме, что задал Илуватар с самого начала, их не было, и никто из Айнур не причастен к их созданию. И потому тем более возлюбили Детей Айнур, увидя их – существа иные, нежели они сами, непостижимые и свободные, в которых воссиял заново замысел Илуватара, – и постигли еще малую толику его мудрости, что иначе оставалась сокрыта даже от Айнур.

Дети Илуватара – это эльфы и люди, Перворожденные и Пришедшие Следом. И среди всего великолепия Мира, его необозримых пространств и чертогов, и кружащихся огней, Илуватар избрал для них место в Глубинах Времени, промеж бесчисленных звезд. Малым покажется жилище сие тому, кому ведомо лишь величие Айнур, но не их ужасающая взыскательность, ибо в их власти все пространство Арды положить в основание колонны и вознести колонну ввысь, пока конус ее вершины не станет тоньше острия иглы; или тому, кто задумывается лишь о безграничных просторах Мира, что Айнур до сих пор облачают в форму, но не о той кропотливой тщательности, с которой созидают они все, что в Море есть. Когда же узрели Айнур в видении сию обитель и то, как пробудились в ней Дети Илуватара, тогда многие из числа самых могущественных среди них обратили все помыслы свои и желания к этой тверди. Главным же среди них был Мелькор – изначально величайший из Айнур, создававших Музыку. Притворился он, сперва обманываясь и сам, будто бы желал отправиться в Арду и обустроить там все на благо Детям Илуватара, сдерживая неистовство жара и холода, что пришли через него. Однако на самом деле мечтал он подчинить своей воле и эльфов, и людей, завидуя дарам, какие пообещал им Илуватар; и захотелось ему самому иметь подданных и рабов, и называться Владыкой, и властвовать над чужими волями.

Но прочие Айнур взглянули на сию обитель, помещенную в обширных пространствах Мира, – обитель, кою эльфы называют Арда, Земля, – и возликовали их сердца при виде света, и усладились их взоры переливами красок; но рокот моря наполнил смущением их сердца. И узнали они ветра, и воздух, и вещества, из которых сотворена была Арда: железо и камень, серебро и золото, и много иного; но всего более восхваляли они воду. И говорится среди эльдар, что в воде до сих пор жив отзвук Музыки Айнур – более, чем в любой другой материи Земли; и многие из Детей Илуватара и по сей день слушают голоса моря, не в силах наслушаться, и не ведают, чему внимают.

К воде и обратил свои мысли тот из Айнур, кого эльфы зовут Ульмо, а он, наученный Илуватаром, глубже всех прочих постиг музыку. Манвэ же, благороднейший среди Айнур, более всего размышлял о воздухе и о ветрах. О материи Земли задумался Аулэ, кому Илуватар дал знание и мастерство едва ли меньшие, нежели Мелькору; только источник радости и гордости для Аулэ – в самом созидании и в том, что создано, но не во владении им и не в мысли о собственном превосходстве; потому раздает он щедрой рукой, а не копит для себя, и, всякий раз переходя к новым трудам, свободен от забот.

И обратился Илуватар к Ульмо, говоря: «Видишь – там, в малом королевстве в Глубинах Времени Мелькор уже ополчился противу твоих владений? Он измыслил неумный ледяной холод, но не уничтожил ни красоту твоих фонтанов, ни твои прозрачные заводы. Взгляни на снег, на причудливый морозный узор! Мелькор измыслил жар и всепожирающий огонь – но не иссушил твоего желания и не вовсе заглушил музыку моря. Взгляни же на величие вышних облаков, на изменчивые туманы; прислушайся к шуму дождей, спадающих на Землю! Через облака эти приближен ты к Манвэ, другу твоему, что тебе дорог».

И отвечал Ульмо: «Воистину, Вода сделалась еще прекраснее, нежели представлялось мне в сердце моем; даже в тайных помыслах моих не было образа снежинок; во всей моей музыке не звучал шум дождя. Я отправлюсь к Манвэ, дабы он и я вечно сотворяли мелодии

тебе на радость». Так между Манвэ и Улмо с самого начала заключен был союз; и во всем ревностно служили они замыслу Илуватара.

Но едва вымолвил слова свои Улмо, и пока Айнур все еще созерцали видение, как вдруг погасло оно и сокрылось от их взоров; им же показалось, что в этот миг увидели они нечто новое, Тьму, коей не знали прежде, кроме как в мыслях. Но уже прониклись они великой любовью к прекрасному видению; уже заворожил их открывающийся перед ними Мир, что

обрел в видении бытие; ибо история Мира не завершилась и круги времени не сошлись, когда видения не стало. И некоторые сказали, будто погасла картина прежде, чем настали Владычество Людей и закат Перворожденных; поэтому, хотя в музыке и запечатлено все, что было и будет, Валар не видели зримо ни воплощения поздних эпох, ни конца Мира.

И взволновались Айнуры, но Илуватар воззвал к ним, говоря: «Мне ведомо ваше желание: хотите вы, чтобы все, виденное вами, воистину осуществилось – не только в помыслах ваших, но так, как существуете вы и все же помимо вас. Засим, говорю я: «*Эа!* Да будет так! И зажгу я в Пустоте Неугасимое Пламя, и возгорится оно в сердце Мира, и Будет Мир; и те из вас, кто пожелает, могут сойти туда». И вдруг увидели Айнуры, как вспыхнул вдалеке огонь: точно облако, в сердце которого трепещет живое пламя; и поняли они, что это уже не просто видение, но что Илуватар создал нечто новое: *Эа*, Мир, который *Есть*.

Тогда часть Айнуры остались подле Илуватара, за пределами Мира, но многие, и среди них немало могущественнейших и прекраснейших, простились с Илуватаром и спустились в Мир. Но одно условие поставил перед ними Илуватар, а может – таково неизбежное следствие их любви: их власть и сила отныне должны быть заключены и связаны в пределах Мира, и пребывать им там вовеки до тех пор, пока не завершится его история, так что в них – жизнь Мира, а Мир – их жизнь. И с тех пор именуются они Валар, Власти Мира.

Когда же Валар вступили в *Эа*, сперва изумились они и растерялись, ибо казалось, что ничего в мире до поры нет из того, что предстало перед ними в видении: все только начинало возникать из небытия, и бесформенный мир лежал во тьме. Ибо Великая Музыка была не что иное как рост и расцвет мысли в Чертогах Безвременья, а Видение – лишь предвестие будущего; но теперь вступили Валар в мир в самом начале Времени, и постигли Валар, что Мир был лишь предвосхищен и воспет, но именно им назначено воплотить его. И приступили они к великим своим трудам в необозримых и неисследованных пустошах, в веках, давно позабытых и вне счета, пока в Глубинах Времени, в центре необъятных чертогов *Эа* не наступил тот час, и не возникла та твердь, что назначены были в удел Детям Илуватара. В созидании том главная часть пришлось на долю Манвэ и Аулэ, и Ульмо, но и Мелькор был там с самого начала и вмешивался во все, что бы ни делалось, все обращая по возможности к выгоде собственных своих желаний и замыслов; и возжег он великие пожары. И пока Земля была еще молода и объята пламенем, Мелькор возжелал ее и сказал прочим Валар: «Здесь будет мое королевство; объявляю Арду своею!»

Но Манвэ был братом Мелькора в помыслах Илуватара, и главным во второй теме, что породил Илуватар в противовес разладу Мелькора; и он призвал к себе многих духов, как более могущественных, так и менее, и они слетели в пространства Арды на помощь Манвэ, чтобы не помешал Мелькор завершению их трудов и Земля не увяла прежде, чем расцветет. И сказал Манвэ Мелькору: «Не получишь ты королевство сие в свой удел: ибо несправедливо это – ведь и труда других в него вложено не менее, чем твоего». Так возник раздор между Мелькором и прочими Валар, но на сей раз Мелькор отступил, и ушел в иные края, и творил там, что хотел; но желание завладеть королевством Арды по-прежнему царило в его сердце.

Валар же облеклись в форму и цвет, а так как пришли они в Мир во имя любви к Детям Илуватара и уповая на них, то приняли они облик, подобный тому, что предстал перед ними в Видении Илуватара, отличаясь от него лишь величием и блеском. Более того, облик Валар основан на их знании зримого Мира, но не Мира, как он есть; и в облики нуждаются они так, как мы – в одеждах; мы же можем сбросить одеяния без урона для себя. Так и Валар могут, если пожелают, являться необлаченными, и тогда даже эльдар не могут их видеть со всей ясностью, хотя бы и находясь рядом. Но, облакаясь в зримую форму, одни Валар принимают образ мужчин, другие – женщин, ибо изначально различались они так по нраву своему, и нрав их лишь воплощается в выборе каждого, но не диктуется их выбором; точно так же как средь нас мужчину и женщину различают по одежам, но не одежда делает их

мужчиной и женщиной. Однако же обличье, что принимают Великие, не всегда подобно облику королей и королев среди Детей Илуватара; ибо иногда они облакаются в собственные мысли и видимы как образы величественные и грозные.

И призывали к себе Валар немало сотоварищей, – как меньших, так и тех, что почти не уступали им в могуществе, – и трудились они сообща, придавая Земле законченность и упорядочивая хаос. И увидел Мелькор, что делается в Арде: что Валар ступают по земле как видимые силы, облаченные в одежды Мира, являясь взору прекрасными и всемогущими, и благостными; что Земля становится точно сад на радость им, ибо укрощено буйство стихий. И возросла его зависть; принял и он зримое обличье, но из-за нрава его, и кипевшей в сердце злобы, облик его был темным и пугающим. И сошел он в Арду, в ореоле величия и мощи, затмевая прочих Валар: точно скала в море, вершина коей вознеслась выше облаков, одетая льдом, увенчанная дымом и пламенем; и взор его иссушал жаром и пронзал смертельным холодом.

Так началась первая битва Валар с Мелькором за владение Ардой; но о тех бурях мало что ведомо эльфам. Ибо то, что знают они, известно им от самих Валар, их наставников, с коими беседовали эльдар в земле Валинор. Только небольшое рассказывали им Валар о тех войнах, что случились до прихода эльфов. Однако говорится среди эльдар, что Валар всегда стремились, вопреки Мелькору, править Землей, подготавливая ее к приходу Перворожденных. Воздвигли они земли, но Мелькор уничтожил их; долины углубили они, но Мелькор засыпал их; горы изваяли они, но Мелькор их обрушил; моря они наполнили, а Мелькор расплескал их; и не было в Арде покоя и мира, чтобы хоть что-то успело пойти в рост, ибо как только начинали Валар новый труд, Мелькор разрушал или искажал его плоды. Однако не вовсе напрасными были их старания, и хотя нигде и ни в чем не воплотились полностью замыслы и воля Валар, и очертания и краски всего на свете оказались иными, нежели было в начале задумано, все же Земля медленно обретала форму и застывала. Так, наконец, было создано жилище для Детей Илуватара в Глубинах Времени, среди бесчисленных звезд.

Валаквента

Рассказ о Валар и Майар, как о том повествуется в преданиях эльдар

В начале начал Эру, Единый, кому на эльфийском языке имя Илуватар, создал Айнур, рожденных от его мысли, а они сотворили перед ним Великую Музыку. В этой Музыке и берет свое начало Мир, ибо Илуватар сделал песнь Айнур зримой, и узрели они Мир подобно свету во тьме. И многие среди Айнур пленились его красотой, и его историей, что, начавшись, разворачивалась перед ними словно в видении. И вот Илуватар дал видению Бытие, и поместил его среди Пустоты, и по его воле вспыхнуло в сердце Мира Тайное Пламя. И имя Миру было Эа.

Тогда те из Айнур, что пожелали этого, воспрями и вступили в Мир, в самое начало Времени, и это им назначено было создать его и трудами своими воплотить явленное видение в действительность. Долго трудились они в пространствах Эа, кои не способен объять разум людей или эльфов; и, наконец, в назначенный срок была создана Арда, Королевство Земное. Тогда облеклись Айнур в земные одежды, и сошли в Арду, и воцарились там.

О Валар

Величайшим из этих духов эльфы дали имя Валар, Власти Арды, а люди нередко называют их богами. Число Владыкам Валар – семь, и Валиэр, Королев Валар, тоже семь. Вот их имена на эльфийском языке – так, как язык этот звучал в Валиноре, ибо в Средиземье эльфы зовут их иначе, а среди людей имен им не счесть. Имена Владык в должном порядке таковы: Манвэ, Ульмо, Аулэ, Оромэ, Мандос, Лориэн и Тулкас, а имена Королев – Варда, Йаванна, Ниэнна, Эстэ, Вайрэ, Вана и Несса. Мелькора не причисляют более к Валар, и даже имени его не произносят на Земле.

Манвэ и Мелькор были братьями в помыслах Илуватара. Могущественнейшим из Айнур, пришедших в Мир, был в начале своего бытия Мелькор, но Манвэ ближе всех к Илуватару и яснее прочих понимает его замысел. Именно ему назначено было стать, в свой срок, первым из Королей, владыкою королевства Арды и повелителем всего, что живет в ней. В Арде дороги ему ветра и облака, и все воздушные пределы, от небесных высот до подземных глубин, от верхних границ Покрывала Арды до легких ветерков, что шелестят в траве. Сулимо прозван он, Владыка Дыхания Арды. Любит он птиц, тех, что стремительны, с могучими крыльями; и по его слову они спускаются к нему и вновь уносятся ввысь.

Подле него всегда Варда, Владычица Звезд, ей ведомы все пределы Эа. Столь велика ее красота, что не поведать о ней словами ни эльфам, ни людям; ибо в лице ее и ныне сияет свет Илуватара. В свете – ее могущество и радость. Из глубин Эа явилась она на помощь Манвэ: ибо Мелькора знала еще до сотворения Музыки и отвергла его, он же возненавидел ее и боялся более всех прочих созданий Эру. Манвэ и Варда пребывают в Валиноре и редко расстаются. Чертоги их над линией вечных снегов, на Ойолоссэ, крайней башне Таникветили, самой высокой из всех земных гор. Когда Манвэ восседает на троне и вглядывается оттуда вдаль, если рядом с ним Варда, он прозревает дальше, чем доступно то взорам иных, – сквозь туман и тьму, и морские пространства. А Варда, если с нею Манвэ, лучше, чем то доступно слуху иных, слышит звук голосов, что разносятся от востока до запада, от холмов

и долин, и из угодий тьмы, что создал Мелькор на Земле. Из всех Великих, живущих в этом мире, эльфы более всего чтят и любят Варду. Эльберет именуют они ее, и взывают к ней из сумрака Средиземья, и прославляют ее имя в песнях в час, когда на небе зажигаются звезды.

Ульмо – Владыка Вод. Он – один. Нигде не живет он подолгу, но странствует повсюду, где пожелает, в глубинах вод, что на поверхности Земли либо под Землей. В могуществе он уступает лишь Манвэ, и до того, как отстроили Валинор, был ему ближайшим другом, но после Ульмо стал редким гостем на советах Валар, разве что речь шла о делах великой значимости. Ибо в мыслях держал он всю Арду, а в месте для отдыха он не нуждается. Более того, ступать по твердой земле он не любит и редко облекается в телесную форму по примеру своих собратьев. Если случалось узреть его Детям Эру, их охватывал неодолимый страх, – ибо ужасно явление Короля Моря, подобно вздымающейся волне, что надвигается на землю, увенчанная темным шлемом с пенным гребнем, одетая в броню, мерцающую серебром и темно-зеленым. Громозвучие труб Манвэ, но голос Ульмо глубок, словно океанские глубины, которых никто, кроме него, не видел.

Однако же Ульмо любит и эльфов, и людей, и никогда не оставлял их своим благоволением, – даже когда гнев Валар обращался против них. Порой выходит он, незримый, на берега Средиземья, или еще дальше, в глубь материка, вверх по узким морским заливам, и там трубит в рога, гигантские Улумури, что сработаны из белых морских раковин. Если кому доведется услышать ту музыку, вечно звучит она потом в их сердцах, и не оставляет их более тоска по морю. Однако чаще всего говорит Ульмо с обитателями Средиземья головами, что слышны только в музыке вод. Ибо все моря, озера, реки, фонтаны и родники – в его власти; поэтому эльфы говорят, что дух Ульмо струится во всех водных жилах мира. Так даже в пучине узнает он обо всем, обо всех нуждах и горестях Арды, что иначе остались бы скрыты от Манвэ.

Аулэ лишь немногим уступает Ульмо в могуществе. Его владения – это все те вещества, из которых создана Арда. В самом начале немало всего сработал он вместе с Манвэ и Ульмо; это он придал очертания всем землям. Он сведущ во всех ремеслах, в том числе и кузнечном, и радуется каждой искусно сделанной вещице, пусть и малой, не менее, чем великому созиданию прошлого. Ему принадлежат драгоценные камни, что лежат глубоко под землей, и золото, что сверкает в руке, и цепи гор, и морские бассейны. Большую часть знаний нолдор получили от Аулэ, и он всегда оставался их другом. Мелькор же воспылал к нему ревностью, ибо Аулэ более других был схож с ним и в помыслах, и в могуществе. Долго шла между ними борьба, в каковой Мелькор или сокрушал, или портил плоды трудов Аулэ, и утомился Аулэ укрощать хаос и восстанавливать разрушения, причиненные Мелькором. Оба они, однако, жаждали дать бытие собственным творениям – новым и неожиданным, что не приходило на ум их собратьям, и обоим отрадно было услышать похвалу своему искусству. Но Аулэ остался верным Эру, и все, что делал, отдавал на его суд, и не завидовал трудам остальных, но сам охотно делился советом и искал совета других. А Мелькору иссушали душу зависть и ненависть, пока, наконец, не настал миг, когда ничего уже не мог он создать, кроме как в насмешку над замыслами других, а мог лишь уничтожать творения собратьев.

Супруга Аулэ – Йаванна, Дарительница Плодов. Ей дорого все, что растет в земле, и все неисчислимые формы растений хранит она в памяти, от деревьев, вздымавшихся башнями в лесах давно минувших времен, до мхов на камнях и того, что таится в почве, не видимое глазу. Среди Королев Валар после Варды более всех почитают Йаванну. В образе женщины предстает она высокой, в зеленых одеждах; но порою принимает и другие облики. Есть такие, кто, говоря о ней, утверждает, будто видел дерево под небесным сводом, коронованное Солнцем, с ветвей его на бесплодную землю струилась сверкающая золотом роса, и земля покрывалась зеленой порослью пшеницы; корни же дерева уходили в воды

Ульмо, и ветра Манвэ шептались в его листве. Кементари, Королева Земли, прозывается она на языке эльдарин.

Фэантури, повелители духов – братья, и чаще всего называют их Мандос и Лориэн. Но на самом деле это – названия тех мест, где обитают они, а настоящие их имена – Намо и Ирмо.

Намо, старший, живет в Мандосе, что на Западе Валинора. Он – хранитель Домов Умерших, он созывает души убитых. Он ничего не забывает и знает все, что произойдет, кроме того разве, что подвластно одному Илуватару. Он – Судия Валар, но объявляет он свой приговор и возглашает судьбу только по повелению Манвэ. Вайрэ, Ткачиха, – его супруга: все, что когда-либо случалось во Времени, вплетает она в свои тканые гобелены. Чертоги Мандоса, что с ходом веков делаются все шире и просторнее, завешаны ими.

Ирмо, младший, – повелитель снов и видений. В земле Валар в Лориэне его сады, и места краше нет в целом мире, а населяет их множество духов. Нежная Эстэ, целительница ран и душевной усталости, жена ему. Одежды ее серые, а дар ее – покой. Днем она не выходит, но почиет на острове озера Лореллин, в тени деревьев. Все, живущие в Валиноре, черпают в источниках Ирмо и Эстэ новые силы; нередко и сами Валар приходят в Лориэн и находят там покой и отдохновение от забот Арды. Эстэ превосходит в могуществе Ниэнна, сестра Фэантури; она живет в одиночестве. Ей ведомо страдание, она оплакивает раны, все до единой, что нанес Арде Мелькор. Столь глубоко было ее горе в то время, как звучала Музыка, что песнь ее превратилась в плач задолго до завершения, и мелодия скорби вплелась в темы Мира еще до того, как возник Мир. Но не о себе она скорбит, и те, кто внимают ей, учатся жалости, стойкости и надежде. Ее чертоги – на крайнем западе Западных земель, у самых границ мира, и редко приходит она в город Валимар, где все счастливы и довольны. Частый гость она в чертогах Мандоса, что близ ее собственных; и все те, что ожидают в Мандосе, вызывают к ней, ибо слова ее укрепляют дух и превращают скорбь в мудрость. Окна ее обители выходят за пределы стен мира.

В силе и доблести первый из всех – Тулкас, иначе называемый Асталдо, Отважный. Он пришел в Арду последним, чтобы помочь Валар в первых битвах с Мелькором. Он любит борьбу и состязания в силе; верхом он не ездит, ибо в беге его не обгонит никто и ничто, и не ведает он усталости. Румяны его щеки, а кудри и борода сияют золотом; оружие ему – его руки. Ему мало дела до прошлого и до будущего, и, как от советчика, помощи от него немного; но друг он надежный. Его жена – Несса, сестра Оромэ, и она тоже быстра и легконога. Любит она оленей, и они следуют за нею повсюду, куда бы ни спешила она в лесной чаще, но и их обгоняет Несса, стремительная, как стрела, – и волосы ее струятся по ветру. В плясках ее отрада, и кружится она в танце на неувядающей траве вечнозеленых полей Валимара.

Могущественный властелин Оромэ. Если в силе он и уступает Тулкасу, то в гневе он ужаснее; Тулкас же всегда смеется, на турнирах ли, в войнах ли, смеялся и в лицо Мелькору в битвах еще до рождения эльфов. Оромэ полюбили просторы Средиземья; с неохотой оставил он их и последним пришел в Валинор. Часто в былые времена уходил он на восток, через горы, и возвращался со своим воинством к холмам и равнинам. Он охотится на чудовищ и злобных тварей, любит скакунов и псов, и все деревья ему милы, почему и называют его Алдарон, а на языке синдар – Таурон, Владыка Лесов. Коня его зовут Нахар, снежно-белый он в лучах солнца, а ночью сверкает серебром. Могучий рог Оромэ прозывается Валарома, звук его подобен Солнцу, встающему над землей в алом зареве, или молнии, пронзающей тучи. Громче всех рогов его воинства звучит он в лесах Валинора, выращенных Йаванной: там учит Оромэ свою свиту и своих зверей преследовать злобных тварей Мелькора. Жена Оромэ – Вана, Вечно Юная, младшая сестра Йаванны. Когда ступает она по земле, повсюду

вырастают цветы и раскрывают лепестки под ее взглядом; и все птицы встречают ее приход песней.

Таковы имена Валар и Валиэр, здесь же вкратце описан их облик, – так, как предстали они перед эльдар в Амане. Но какими бы прекрасными и благородными ни были те облики, какие принимали они перед Детьми Илуватара, это – не более чем вуаль, скрывающая их истинную мощь и красоту. И если мало сказано здесь из того, что было некогда ведомо эльдар, это и вовсе ничто в сравнении с истинной сущностью Валар, что уходит корнями в глубь времен и пространств, какие не в состоянии охватить наша мысль. Девять среди Валар наделены были наибольшей властью и внушали особое почтение; но один изгнан из их числа, и остается Восемь – Аратар, Высшие в Арде: Манвэ и Варда, Ульмо, Йаванна и Аулэ, Мандос, Ниэнна и Оромэ. И хотя Манвэ – Король их, и ему приносят они клятву верности после Эру, в величии они равны и далеко превосходят всех прочих, и Валар, и Майар, и любых существ иного чина, что послал Илуватар в Эа.

О Майар

Вместе с Валар пришли и другие духи, чье бытие берет начало задолго до сотворения Мира; существа того же чина, что и Валар, но уступающие им в могуществе. Это – Майар, подданные Валар, их слуги и помощники. Число их эльфам неведомо, и мало кому из них даны имена на языках Детей Илуватара, ибо в Средиземье редко принимали они облик, видимый эльфам и людям, хотя в Амане все иначе.

Первые из Майар Валинора, чьи имена сохранились в истории Древних Дней, это Ильмарэ, прислужница Варды, и Эонвэ, знаменосец и глашатай Манвэ; никто в Арде не устоит перед мощью его оружия. Однако лучше всего известны Детям Илуватара Оссэ и Уинен.

Оссэ – вассал Ульмо, он – хозяин морей, что омывают берега Средиземья. Он не спускается в подводные глубины, предпочитая побережья и острова, более же всего любит он ветра Манвэ, ибо в бурях – его отрада, и с ревом волн сливается его хохот. Жена его – Уинен, Владычица Морей, ее волосы пронизывают все воды под небесным сводом. Ей дороги все создания, что обитают в соленых потоках, и все водоросли, что растут на дне. Это к ней взывают моряки, ибо она может успокаивать волны, сдерживая буйство Оссэ. Нуменорцы долго жили под ее покровительством и почитали не меньше, чем Валар.

Мелькор же ненавидел Море, ибо не мог подчинить его. Говорится, что, пока создавалась Арда, он попытался привлечь Оссэ на свою сторону, обещая ему все владения Ульмо и его власть как плату за верную службу. И так случилось, что давным-давно поднялся на море великий шторм, и немалые разрушения причинил земле. Но Уинен, по просьбе Аулэ, образумила Оссэ и привела его к Ульмо, и Оссэ был прощен, и вновь присягнул Ульмо на верность, и остается верен клятве и по сию пору. Верен в главном; но его неистовый нрав порою дает о себе знать, и временами Оссе бушует на море в своем своеволии, отнюдь не по слову Ульмо, своего повелителя. Поэтому те, кто живет у моря либо плавает на кораблях, хотя и любят его по-своему, но никогда ему не доверяют.

Мелиан – имя той Майа, что служила и Ване, и Эстэ; она долго жила в Лориэне, ухаживая за деревьями, что цветут в садах Ирмо, а потом пришла в Средиземье. Куда бы она не направила шаг, соловьи пели вокруг нее.

Среди Майар мудрее всех Олорин. Он тоже жил в Лориэне, хотя пути его часто уводили в чертоги Ниэнны. Это от нее научился он состраданию и терпению.

О Мелиан многое говорится в «Квента Сильмариллион». Но про Олорина там нет ни слова, ибо, хотя и любил он эльфов, незримым странствовал он среди них, или в облики одного из них, и не догадывались эльфы, откуда приходят к ним чудные видения или муд-

рые советы, что вкладывал Олорин в их сердца. Позже, в иные времена, он стал другом всех Детей Илуватара, и сострадал их горестям; те же, что внимали ему, пробуждались от отчаяния, и отступали от них образы тьмы.

О Врагах

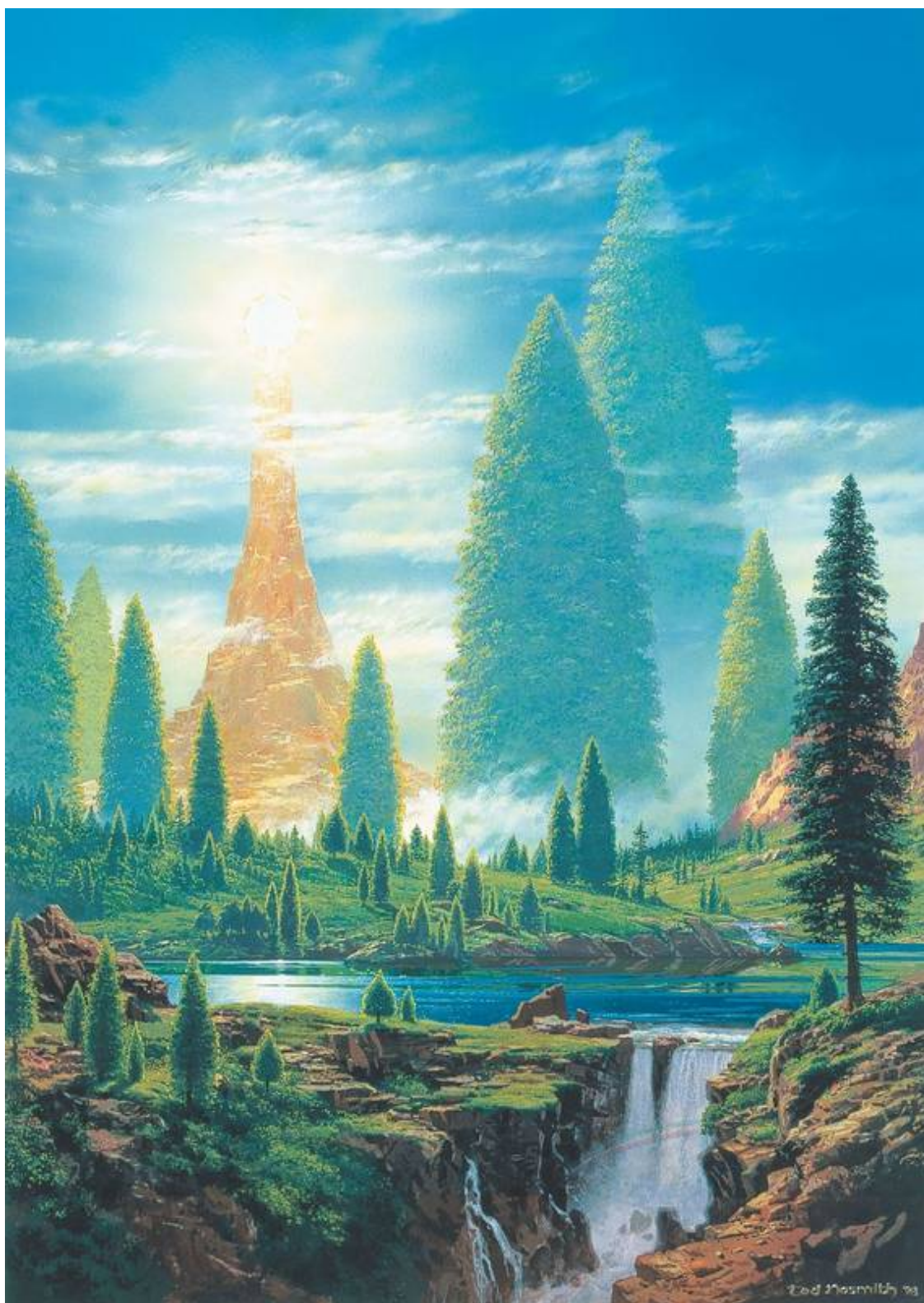
Последним названо имя Мелькора, Восстающего в Мощи. Но он утратил право на это имя, и нолдор, те из эльфов, что более прочих пострадали от его злобы, этого имени не произносят, но называют его Моргот, Темный Враг Мира. Великое могущество дано было ему Илуватаром, и бытие он обрел в одно время с Манвэ. Ему же дана была доля в способностях и знании всех прочих Валар, но на злые цели направил он эти дары и растратил свою силу, разрушая и притесняя. Ибо он жаждал Арды и всего, что на ней было, мечтая о королевской власти Манвэ и о владениях своих собратьев.

Так от величия через высокомерие он пришел к презрению ко всему, кроме себя самого: дух разрушающий и безжалостный. Мудрость подменил он коварством, искажая и подчиняя своей воле все, чем желал воспользоваться, став в итоге бесчестным лжецом. Вначале он жаждал Света, но, когда не сумел завладеть им для себя одного, он, через пламя и гнев, спустился в огненную бездну, во Тьму. Именно тьму использовал он всего более в своих злобных деяниях в Арде, и сделал ее прибежищем страха для всех живых существ.

Однако же так велика была мощь Мелькора по его пришествии, что на протяжении веков давно забытых он вел войну с Манвэ и прочими Валар и долгие годы владел в Арде большей частью земель. Но он был не один. Многие Майар, привлеченные великолепием Мелькора в дни его величия, остались верны ему и во тьме; других он заставил служить себе с помощью лжи и предательских даров. В числе этих духов страшны были Валараукар, огненные бичи, кого в Средиземье называли балроги, демоны ужаса.

Из тех же его слуг, кому даны имена, самым могущественным был дух, которого эльдар называли Саурон или Гортаур Безжалостный. В начале своего бытия он принадлежал к Майар Аулэ и глубоко постиг мудрость этого народа. Во всех деяниях Мелькора Моргота в Арде, в его необъятных трудах и лживых хитросплетениях принимал участие и Саурон, и разве только в том уступал в порочности своему господину, что долгое время служил он другому, а не самому себе. Но позже он воспрял словно тень Моргота, призраком его злобы, и последовал за ним по тому же погибельному пути, что ведет в Пустоту.

НА ТОМ ОКАНЧИВАЕТСЯ «ВАЛАКВЕНТА»

Квента Сильмариллион

История Сильмарилей

Глава 1

О начале дней

Говорится среди мудрых, что Первая Война началась еще до того, как Арда обрела законченную форму; прежде, чем появилось что-либо, что растет либо ступает по земле; и долгое время побеждал Мелькор. Но в разгар войны дух великой мощи и силы явился на помощь Валар, услышав с небесных высот, что идет битва в Малом Королевстве; и в Арде зазвучал его смех. Так пришел Тулкас Могучий, чей гнев сметает все, точно порыв ветра, разгоняя облака и тьму; и Мелькор бежал перед его гневом и его смехом, и покинул Арду, и на многие годы воцарился мир. А Тулкас остался и стал одним из Валар Королевства Арды; Мелькор же вынашивал свои замыслы во внешней тьме, и возненавидел Тулкаса отныне и навеки.

В ту пору Валар упорядочили моря, и земли, и горы; и Йаванна наконец бросила в землю семена, что задумала давным-давно. И теперь, когда огонь был укрощен или погребен в недрах первозданных холмов, понадобился свет, и Аулэ, по просьбе Йаванны, сработал два великих светоча, дабы осветить Средиземье, воздвигнутое им посреди окружных морей. Тогда Варда наполнила светочи, и Манвэ освятил их, и установили их Валар на высоких столпах, более величественных, чем все горы последующих дней. Один Светоч возвели они на севере Средиземья, и имя ему было Иллуин; другой же поставлен был на юге и назван Ормал; и свет их струился над Землей, озаряя ее от края до края; и был вечный день.

Тогда же семена, брошенные Йаванной, проросли и дали всходы, и проявилось неисчислимое множество разнообразных растений, великих и малых: мхи и травы, и гигантские папоротники, и деревья, вершины которых венчали тучи, как если бы то были живые горы, а подножия укрывал зеленый сумрак. И пришли звери, и поселились на травянистых равнинах, и в реках и озерах, и под сенью лесов. До поры не распустился еще ни один цветок, не запела ни одна птица – эти творения пока ждали своего часа в лоне Йаванны; но изобильны были ее помыслы, более же всего – в срединных областях Земли, где встречался, сливаясь воедино, свет обоих Светочей. Там, на острове Алмарен, что на Великом Озере, основали Валар первую свою обитель, когда мир был юн, и первозданная зелень казалась чудом в глазах ее творцов; и долгое время царила меж них радость.

Случилось же так, что, пока Валар отдыхали от трудов своих и следили, как пробуждается к жизни и расцветает задуманное и начатое ими, созвал Манвэ великий пир, и пришли на его зов Валар и все их воинства. Но утомлены были Аулэ и Тулкас, ибо мастерство Аулэ и сила Тулкаса долгое время непрестанно служили на благо всем в дни трудов и забот. Мелькор же знал обо всем, что делалось в Арде, ибо даже тогда были у него тайные друзья и соглядатаи меж Майар, которых привлек он на свою сторону; и вдали, во мраке, обуревали его ненависть и зависть к творениям братьев своих, каковых желал он видеть своими подданными. Засим призвал он к себе из чертогов Эа духов, коих обманом склонил к себе на службу, и уверился в своей силе. Видя же, что настал удобный миг, снова приблизился он к Арде и окинул ее сверху взглядом, и красота Земли в пору Весны преисполнила его еще большей ненависти.

Валар же собрались на острове Алмарен, не опасаясь никакого зла; и в свете Иллуина не заметили они, как на север надвинулась тень, что издалека отбрасывал Мелькор; ибо стал

он со временем темен, как Вечная Ночь. И поется в песнях, что на этом пиру, в пору Весны Арды, Тулкас взял в жены Нессу, сестру Оромэ, и она танцевала перед Валар на зеленой траве Алмарена.

И Тулкас уснул, утомленный и счастливый, и решил Мелькор, что пробил его час. Перелазил он через Стены Ночи со своим воинством, и пришел в Средиземье, на крайний север, и Валар не узнали о том.

Тогда начал Мелькор рыть землю и возводить обширную крепость в подземных глубинах, в темных недрах гор, где даже лучи Иллуина были холодны и тусклы. Цитадель эта получила имя Утумно. И хотя не ведали ничего о ней до поры Валар, однако ж злоба и губительная ненависть Мелькора изливались оттуда, и увядала Весна Арды. Зелени жухли и гнили, реки запрудили тина и ил, и возникли болота, ядовитые и зловонные, где в изобилии плодился гнус; леса сделались темны и опасны, и стали они прибежищем страха; и звери превратились в чудовищ, вооруженных рогами и клыками, и обагрили земли кровью. Тогда только поняли Валар, что Мелькор снова принялся за свое, и стали искать его убежище. Мелькор же, полагаясь на неприступность стен Утумно и мощь своих слуг, внезапно выступил в поход и нанес первый удар до того, как Валар были к тому готовы: яростно атаковал он источники света Иллуин и Ормал, сокрушил их столпы и разбил Светочи. Рухнули гигантские колонны, и раскололась земная твердь, и моря вышли из берегов; разбились Светочи, и всепожирающее пламя выплеснулось из них на землю. В ту пору нарушены были очертания Арды, и симметрия ее вод и земель, так что первоначальным замыслам Валар не суждено было возродиться.

Во тьме, среди всеобщего смятения, Мелькор ускользнул, но овладел им великий страх, ибо громче рева волн звучал в его ушах голос Манвэ, подобный могучему урагану, и земля дрожала под поступью Тулкаса. Но добрался Мелькор до Утумно прежде, чем настиг его Тулкас, и укрылся там. Не могли в то время Валар совладать с ним, ибо большая часть их силы понадобилась на то, чтобы укротить земные бури и спасти от разрушения все то из трудов своих, что еще можно было спасти; а после не смели Валар вновь крушить Землю, не зная пока, в каких местах поселились Дети Илуватара; им же еще предстояло прийти в мир, и час их прихода сокрыт был от Валар.

Так закончилась Весна Арды. Обитель Валар на острове Алмарен была уничтожена до основания, и не было им пристанища на Земле. И покинули они Средиземье, и пришли в Земли Амана, на крайний запад всех земель, у самых границ мира; ибо западные берега Амана омывает Внешнее море, что эльфы называют Эккайя; оно окружает Королевство Арды. Как широко это море, ведомо только Валар, а за ним высятся Стены Ночи. Восточные же берега Амана там, где самый край Белегаэра, Великого Западного моря. Поскольку же Мелькор вернулся в Средиземье и совладать с ним Валар до поры не могли, они укрепили свою обитель: у берегов моря они воздвигли Пелори, горы Амана, выше их нет гор на Земле. А над горами Пелори вознеслась та скала, на вершине которой Манвэ воздвиг свой трон. Таникветиль зовут эльфы ту священную гору, и еще Ойолоссэ, Вечная Белизна, и Элеррина, Коронованная Звездами; много у нее и других имен; синдар же на своем языке более поздних времен называли эту гору Амон Уилос.

Из чертогов своих, что на скале Таникветиль, Манвэ и Варда могут обозревать всю землю — до самых отдаленных восточных пределов. Внутри же стен Пелори Валар создали свое королевство, в том краю, что зовется Валинор; там поднялись их обители, их сады и башни. В той защищенной земле сохранили Валар в изобилии света, и все самое прекрасное, что спасли они от разрушения, и создали заново многие творения еще более дивные, и Валинор стал еще краше, чем даже Средиземье в пору Весны Арды; и благословен был тот край, ибо там царило Бессмертие, и ничто не увядало и не меркло; не было изъяна ни

в цветах, ни в листьях той земли; ни порок, ни болезнь не имели власти над живущим, ибо самые камни и воды были священны.

Когда же Валинор обрел законченность, и возведены были дворцы Валар в самом центре равнины, за горами, выстроили Валар свой город, многозвонный Валмар. Перед западными его воротами высился зеленый холм, Эзеллохар или иначе Короллайрэ; и Йаванна освятила его: там, опустившись на зеленую траву, пела она долгую песнь пробуждения, вкладывая в нее все свои помыслы о том, что растет на земле. Ниэнна же безмолвно предавалась раздумьям и орошала холм слезами. В ту пору собрались Валар вместе послушать песнь Йаванны; храня молчание, восседали они на своих тронах совета в Маханаксаре, Круге Судьбы, у золотых врат Валмара; и Йаванна Кементари пела перед ними, они же внимали.

И, пока внимали они, на холме проклюнулись два нежных ростка; и тишина воцарилась над миром в тот час; смолкли все звуки, только песнь Йаванны торжественно лилась над землей. И, под звуки песни побеги потянулись ввысь, стали высоки и прекрасны, и распустились на их ветвях цветы; так в мире пробудились к жизни Два Древа Валинора. Из всего, созданного Йаванной, наиболее прославлены они, и с их судьбою связаны все предания Древних Дней.

Темно-зеленые листья одного из деревьев с нижней стороны сверкали серебром, и из каждого из бесчисленных цветов непрестанно спадала роса, напоенная серебряным светом, а на земле под ветвями играли блики и тени трепещущих листьев. У второго же листья были нежно-зеленые, точно у бука по весне; края их искрились золотом. Цветы качались на ветвях гроздьями желтого пламени, каждый – в форме сияющего кубка, из коего струился на землю золотой дождь, и от цветов этого дерева разливались тепло и ясный свет. Тельперин было имя первому из деревьев в Валиноре, и Сильпион, и еще Нинквелотэ, и не счесть других имен; второе же дерево звалось Лаурелин, и Малиналда, и Кулуриэн, и много других названий дано ему было в песнях.

За семь часов сияние каждого из деревьев разгоралось всего ярче и вновь, угасая, сходило на нет; и каждое вновь пробуждалось к жизни за час до того, как угаснуть другому. Так дважды в день наступал в Валиноре час мягких сумерек, когда оба дерева проливали неясный, рассеянный свет, и сливались их золотые и серебряные лучи. Первым пробудился к жизни Тельперин; первым вырос он, первым расцвел; и тот час, когда впервые засиял он светлым отблеском серебряного рассвета, Валар не включают в счет времени, но называют Часом Расцвета и от него исчисляют века своего правления в Валиноре. И так на шестой час Первого Дня, и всех последующих радостных дней до того самого часа, когда на Валинор пала тьма, Тельперин отцветал; на двенадцатый же час отцветала Лаурелин. Так каждый день Валар в Амане состоял из двенадцати часов и завершался вторым слиянием света, когда Лаурелин угасала, а Тельперин расцветал. Но тот свет, что изливался с деревьев, долго сиял над землею, пока не растворялся в воздухе, либо впитывался в землю; Варда же собирала росу Тельперина и дождь Лаурелин в огромные чаши, подобные сверкающим озерам; и по всей земле Валар служили они колодцами воды и света. Так начались Благословенные Дни Валинора; и так начался Отсчет Времени.

Но проходили века, и приближался час, назначенный Илуватаром для прихода Первожденных. Средиземье укрыли сумерки, осиянные звездами, что зажгла Варда, трудясь в Эа во времена давно позабытые. Во тьме же обитал Мелькор, и по-прежнему часто странствовал по миру, принимая различные обличья, грозные и величественные; и обладал он властью над холодом и огнем от вершин гор до раскаленных недр их; и где бы ни творились в те дни жестокость или насилие, за всем незримо стоял Мелькор.

Редко покидали Валар прекрасный, благословенный Валинор и уходили за горы, в Средиземье; все заботы их и любовь отданы были земле за горной цепью Пелори. А в центре Благословенного Края высились дворцы Аулэ; там трудился он денно и ночью. Ибо в создании всего, что есть в той земле, отведена ему была главная роль; и сотворил он много всего дивного и прекрасного как открыто, так и втайне. Это от него идут предания и знание о Земле и обо всем, что существует на ней; будь то знание тех, что не творят сами, но ищут постичь суть сущего, или знание мастеров-ремесленников: ткача и резчика по дереву, и работника по металлу; также и пахаря, и землепашца, хотя эти двое, как все, имеющие дело с тем, что растет и плодоносит, ищут также помощи и супруги Аулэ, Йаванны Кементари. Аулэ называют Другом Нолдор, ибо от него многое переняли те в последующие дни, и превосходят в искусстве всех прочих эльфов; и уже по-своему, сообразно тем дарам, коими наделил их Илуватар, немало всего добавили нолдор к тому, чему учил их Аулэ. Отраднo было им постигать языки и письмена, овладевать цветным шитьем, и рисунком, и резьбой. Это нолдор первыми начали создавать драгоценные камни, а прекраснейшими из всех драгоценностей земли стали Сильмарили, только утрачены они навсегда.

Манвэ же, Сулимо, высший и более всех почитаемый среди Валар, восседал у границ Амана, и мысли его обращались и к Внешним землям. Величественный трон его был воздвигнут на скале Таникветиль, высочайшей из всех земных гор, что у самого края моря. Духи в обликии соколов и орлов слетали в чертоги его и вновь покидали их; их взоры прозревали пучины морские и проникали в потаенные пещеры в недрах мира. И приносили они Манвэ вести почитай что обо всем, что случалось в Арде; и все же было такое, что оставалось сокрытым даже от Манвэ и слуг его, ибо там, где царил Мелькор, погруженный в черные мысли, лежала непроглядная тень.

Манвэ не задумывается о собственной славе, не ревнив к своей власти, но правит во имя всеобщего мира. Из эльфов более всех любит он ваньяр; от него получили ваньяр песни и искусство стиха, ибо в поэзии его отрада, а гармония слов звучит для него музыкой. Одевания Манвэ синего цвета, и во взгляде горит синий огонь; скипетр же его, сработанный нолдор, сделан из сапфира. Манвэ поставлен над землей наместником Илуватара, Королем мира Валар, эльфов и людей, и главным оплотом противу злобы Мелькора. Рядом с Манвэ всегда Варда, прекраснейшая – та, кому на языке синдарин имя Эльберет, Королева Валар, создательница звезд; и с ними – бессчетная рать благодетельных духов.

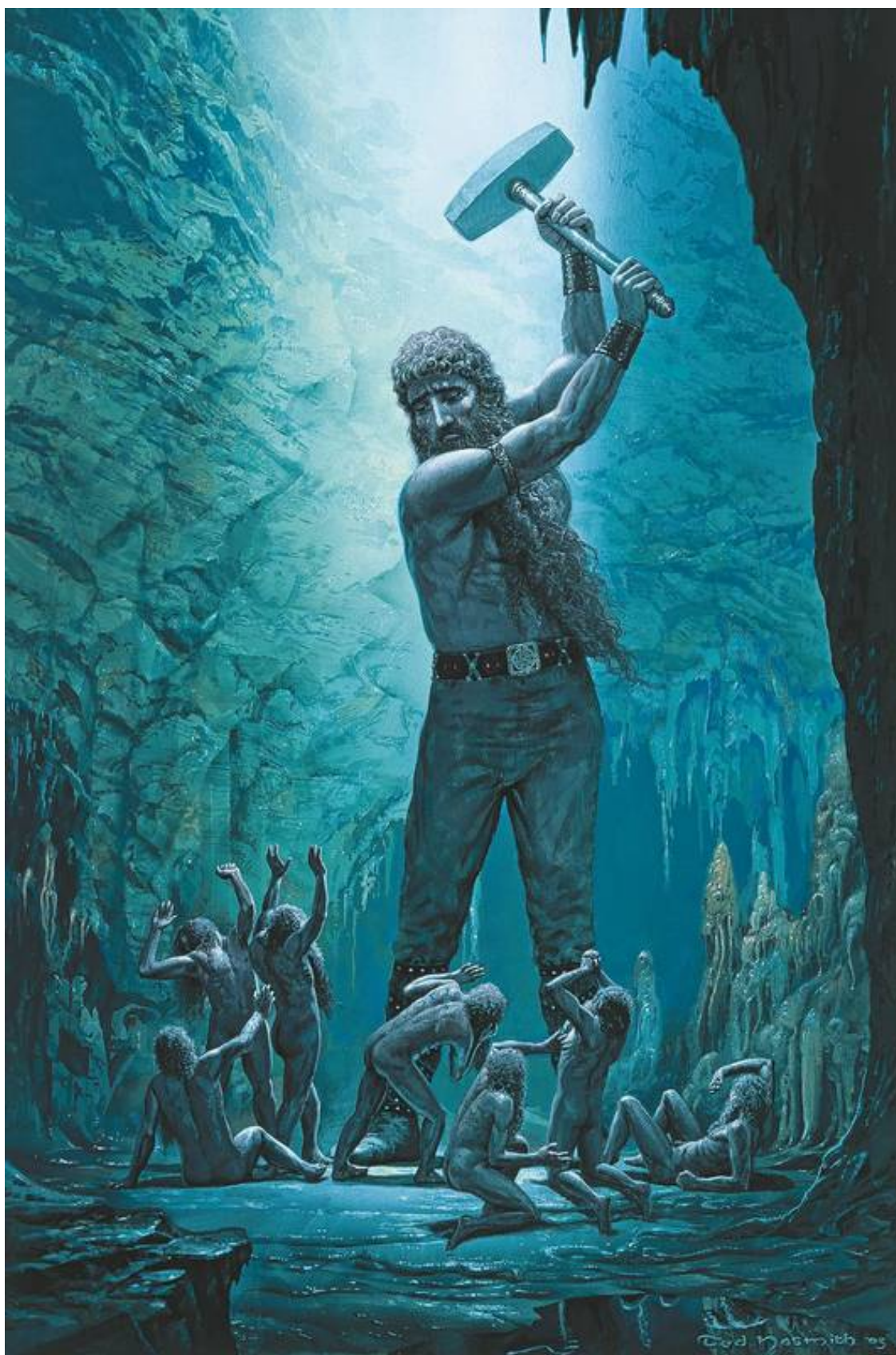
Улмо же жил один, и поселился он не в Валиноре; и даже не появлялся там, разве что возникала нужда созвать великий совет; от начала сотворения Арды обитал он во Внешнем океане; пребывает там и по сей день. Оттуда повелевает он движением всех земных вод, приливами и отливами, течением рек и пополнением родников; и дождями, и росами во всякой земле под небесным сводом. В глубинах задумывает он музыку великую и могучую; и эхо той музыки струится во всех водных жилах мира, звуча и радостно, и печально. Ибо хоть и радостен вид фонтана, взметнувшего вверх сверкающие под солнцем струи, но источник его – родники неизмеримой скорби в самых недрах земли. Многoму научились от Улмо телери, и потому музыка их столь грустна и полна неизъяснимого очарования. Вместе с Улмо в Арду пришел Салмар; он сработал рога для Улмо; тот же, кто однажды услышал их музыку, никогда уже не забудет ее. Пришли с ним и Оссэ, и Уинен, которым доверил Улмо управлять волнами и движением Внутренних Морей, и немало других духов. Так, благодаря власти Улмо, даже под покровом тьмы Мелькора, по многим тайным жилам струилась жизнь, и не умирала Земля. Всем тем, кто заблудился во мраке или забрел слишком далеко, куда не достигает свет Валар, готов был внять Улмо; никогда не оставлял он Средиземье своими заботами; и что бы с тех пор ни случалось, новые разрушения ли, перемены ли, помнит он обо всех нуждах и будет помнить всегда, до конца дней.

В те темные времена и Йаванна не вовсе оставляла заботою Внешние земли, ибо ей дорого все, что растет; и оплакивала она труды свои, начатые ею в Средиземье и искаженные Мелькором. Потому порою покидала она обитель Аулэ и цветущие луга Валинора и приходила залечивать раны, нанесенные Мелькором земле; а, возвращаясь, все убеждала Валар выступить с войной против владычества зла, каковую непременно следовало начать до прихода Перворожденных. И Оромэ, хозяин зверей, тоже выезжал порою во тьму бессветных лесов; могучим охотником представал он, вооруженный копьем и луком, и преследовал и убивал чудовищ и злобных тварей королевства Мелькора, и белый конь его Нахар сиял серебром во мраке. Тогда дрожала уснувшая земля под топотом золотых копыт, и в сумерках мира трубил Оромэ на равнинах Арды в свой гигантский рог, что зовется Валарома, и в горах отвечало ему эхо, и тени зла бежали прочь, и сам Мелькор содрогался в Утумно, предчувствуя великий гнев Валар. Но, как только проезжал Оромэ, слуги Мелькора возвращались вновь, и сгущались над землей тени злобы и лжи.

Этим все сказано о Земле и ее управителях в самом начале дней, до того, как мир стал таким, каким знают его Дети Илуватара. Ибо Дети Илуватара – это эльфы и люди; и поскольку не постигли до конца Айнур ту, третью тему, посредством которой Дети стали частью Музыки, никто из Айнур не дерзнул добавить что-либо к их сути и от себя. И потому Валар для людей и эльфов – скорее старшие и вожди, нежели повелители; и если когда-либо, сообщаясь с Детями Илуватара, Айнур и пытались принудить их силой там, где не желали Дети внимать наставлениям, редко оборачивалось это к добру, сколь бы благим ни было намерение. Однако же большей частью Айнур общались лишь с эльфами, ибо Илуватар создал Перворожденных во многом подобными Айнур по природе своей, хотя и уступающими им могуществом и статью; людям же дал он необычные дары.

Ибо говорится, что после ухода Валар наступило безмолвие, и целый век Илуватар пребывал в одиночестве, погруженный в мысли. Затем заговорил он и молвил: «Воистину люблю я Землю, что станет домом для квенди и атани! Квенди же будут прекраснее всех земных созданий, и обретут они, и задумают сами, и создадут больше красоты, нежели все мои Дети; и суждено им земное блаженство превыше прочих. Но для атани есть у меня иной дар». И пожелал он так: устремятся искания людей за грань мира, в мире же не будет людям покоя; и смогут они сами направлять свой жизненный путь среди стихий и случайностей мироздания; и нет им предела в Музыке Айнур, которая что предначертанный рок для всего прочего; и через поступки их все обретет свое завершение, в очертаниях и деяниях, и исполнится судьба мира вплоть до последней мелочи.

Но знал Илуватар, что люди, оказавшись в круговерти мятущихся сил мироздания, часто будут сбиваться с истинного пути, и дары их повлекут за собою разлад, и сказал он: «И они тоже в свое время поймут: все, что содеют они, в итоге послужит лишь к вящей славе творения моего». Эльфы же, однако, полагают, что люди часто печалят Манвэ, коему ведома большая часть помыслов Илуватара; и мнится эльфам, будто люди более всего схожи с Мелькором из всех прочих Айнур, хотя Мелькор всегда и боялся, и ненавидел людей, даже тех, кто служил ему.

Дар же свободы в том еще, что краток срок земного бытия людей, и не заключена их судьба в пределах мира; скоро покидают они Землю и уходят, а куда — эльфам неведомо. Эльфы же остаются в мире до окончания дней; потому так безраздельна и мучи-

тельно-властна любовь их к Земле и всему миру, а с ходом лет все большая тоска примешивается к ней. Ибо эльфы не умрут, пока жив мир, разве что будут убиты либо иссушит их горе (этим двум мнимым смертям подвластны они); равно как и не убывает с годами их сила, вот разве что ведома им усталость десяти тысяч веков; умерших же призывают в чертоги Мандоса в Валиноре, откуда со временем они могут и возвратиться. Сыны же людей знают истинную смерть и покидают мир; потому и зовут их Гостями или Пришлецами. Смерть их удел, таков дар Илуватара, которому с течением времени позавидуют даже Власти Земли, Валар. Но тень Мелькора пала и на этот дар, и омрачила его тьмой, и зло возникло из добра, а страх из надежды. Однако в глубокой древности Валар поведали эльфам в Валиноре, что люди сольют свои голоса с хором Айнур во Второй Музыке; но не открыл Илуватар, что назначил он эльфам после конца Мира, и Мелькор не узнал о том.

Глава 2 Об Аулэ и Йаванне

Говорится, что изначально гномов создал Аулэ во тьме Средиземья, ибо так страстно желал Аулэ прихода Детей, мечтая обрести учеников, которых мог бы он наставлять своим ремеслам и знанию своему, что не склонен он был дожидаться исполнения замыслов Илуватара. И сотворил Аулэ гномов такими, какими пребывают они и по сей день; ибо облик Детей, коим предстояло прийти, оставался для Аулэ неясен, а власть Мелькора все еще простиралась над Землей, – и потому Аулэ пожелал видеть народ свой сильным и нестигаемым. Опасаясь осуждения прочих Валар, творил он в тайне; и сперва создал он Семь Праотцев гномов в подземном чертоге, в недрах гор Средиземья.

Илуватар же ведал о том, и в тот самый час, как Аулэ завершил свой труд, и остался им доволен, и принялся учить гномов языку, что сам для них и придумал, обратился к нему Илуватар, и услышал Аулэ его голос, и умолк. Илуватар же рек ему: «Для чего содеял ты это? Для чего пытаешься свершить то, что, как сам знаешь, не в твоей власти и не по силам тебе? Ибо от меня получил ты в дар лишь собственное свое бытие, не более; и потому создания рук твоих и мыслей могут жить лишь твоим бытием, двигаясь, когда ты помыслишь их двигать; если же мысли твои обращены на другое, стоять им на месте. Того ли желал ты?»

И отвечал Аулэ: «Не о таком владычестве мечтал я. Мечтал я о созданиях, отличных от меня, чтобы любить их и наставлять; дабы и они постигли красоту Эа, каковую вызвал ты из небытия. Ибо казалось мне, что велики пространства Арды, многие создания могли бы жить там в радости, но по большей части Арда все еще пуста и безмолвна. И в нетерпении моем поступил я безрассудно. Однако же жажда творения горит в сердце моем потому, что сам я сотворен тобою: ведь и дитя неразумное, что, играя, подражает делам отца своего, поступает так, не мысля насмехаться, но потому, что оно – дитя отца своего. Но что же мне сделать теперь, чтобы не вечно гневался ты на меня? Как дитя отцу, вручаю я тебе эти сущности, творения рук, созданных тобою. Поступай с ними по своему желанию. Или, может статься, лучше уничтожить мне тут же плоды моей самонадеянности?»

И Аулэ поднял огромный молот, чтобы сокрушить гномов, и зарыдал он. Но Илуватар сжалился над Аулэ и желанием его, ибо увидел смирение Аулэ, и гномы в страхе отпрянули от молота, и склонили головы, и взмолились о милосердии. И голос Илуватара молвил Аулэ: «Я принял твой дар, как только предложен он был. Или не видишь ты, что у сущностей этих теперь своя жизнь, и заговорили они собственными голосами? Иначе не уклонились бы они от удара, покорные любому велению твоей воли». И тогда опустил Аулэ молот, и возрадовался, и возблагодарил Илуватара, говоря: «Да благословит Эру мои труды, да улучшит он их!»

Но Илуватар заговорил снова и рек: «Как дал я бытие помыслам Айнура в начале Мира, так и теперь исполнил я твое желание, – и отвел ему место в Мире; но никак иначе не изменю я работу твою; какими ты сотворил гномов, такими им быть. Одного я не допущу: чтобы пришли они в мир прежде задуманных мною Перворожденных, вознаграждая тем самым твое нетерпение. Теперь же уснут они во мраке под скалою и не выйдут на свет, пока на Земле не пробудятся Перворожденные; до того времени будут ждать и они, и ты, хоть и долгим покажется срок. Когда же пробьет час, я пробужу их, и станут они тебе, точно дети; и нередки будут раздоры между твоими созданиями и моими, между детьми, мною принятыми и детьми, мною избранными».

Тогда Аулэ призвал Семь Праотцев Гномов, и погрузил их в сон в местах, далеко отстоящих друг от друга; и вернулся в Валинор, и ждал там, пока умножались долгие годы.

Потому же, что гномам предстояло прийти в мир в дни владычества Мелькора, Аулэ создал их сильными и выносливыми. Оттого гномы крепки как камень и нестигаемы, верны в дружбе и непримиримы во вражде, и переносят голод, раны и изнурительный труд более стойко, чем другие народы, наделенные даром речи; и живут они долго, много дольше людей, однако не вечно. Встарь верили эльфы Средиземья, будто, умирая, гномы возвращаются в землю и камень, из которых и сделаны; сами же гномы полагают иное. Говорят они, будто Аулэ Творец, коего зовут они Махал, заботится о них и сзывает их после смерти в особый чертог Мандоса и что объявил он их Праотцам в давние времена, будто в Конце Илуватар благословит и их и назначит им место среди своих Детей. Тогда станут они служить Аулэ и помогать ему в возрождении Арды после Последней Битвы. Они говорят также, будто Семь Праотцев Гномов возвращаются в мир живых, воплощаясь в своих потомках, и снова принимают свои древние имена; из них же в последующие века превыше прочих прославлен был Дурин, прародитель рода, наиболее дружественного к эльфам; а дворцы его были в Кхазаддуме.

Аулэ же, трудясь над созданием гномов, хранил свою работу в тайне от прочих Валар; но наконец открыл он свой замысел Йаванне и поведал обо всем, что произошло. И молвила ему Йаванна: «Воистину милостив Эру. Вижу я, ликует твое сердце, и не странно это; ибо получил ты не только прощение, но и щедрый дар. Однако, поскольку утаил ты сию мысль от меня до самого осуществления ее, не будет в сердцах детей твоих любви к тому, что люблю мне. Более всего полюбят они творения рук своих, так же, как и отец их. Они станут рыть землю, не заботясь о том, что растет и живет на ней. Не одно дерево ощутит, как вгрызается в его ствол их безжалостное железо».

Аулэ же ответил: «Так же будут поступать и Дети Илуватара, ибо они станут добывать пропитание и строить жилища. И хотя творения твои ценны и сами по себе, и таковыми бы почитались, даже когда б не назначено было прийти Детям, все же именно Детям даст Эру власть над всем сущим; и они обратят себе на пользу все, что найдут в Арде: хотя, по замыслу Эру, не без почтения и благодарности».

«Разве что Мелькор затемнит сердца им», – сказала Йаванна. И не утешилась она, но горевала в сердце своем, страшась того, что может произойти в Средиземье в грядущие дни. И отправилась она к Манвэ, и, не выдав замыслов Аулэ, сказала: «Король Арды, правда ли, как поведал мне Аулэ, что Дети, придя на землю, получают в удел все плоды трудов моих, и станут поступать с ними, как на то будет их воля?»

«Правда это, – отвечал Манвэ. – Но зачем вопрос твой, разве нуждаешься ты в наставлениях Аулэ?»

Тогда замолчала Йаванна, погрузившись в свои мысли. И ответила она: «Потому я спросила, что в сердце моем тревога, и помыслы мои обращены к грядущим дням. Все творения мои дороги мне. Или недостаточно того, что Мелькор уничтожил столь много? Неужели всем, что задумала я, распорядиться будут другие?»

«А если право решать осталось бы за тобою, что сохранила бы ты? – молвил Манвэ. – Что всего дороже тебе во владениях твоих?»

«Все по-своему ценно, – сказала Йаванна. – И все, что есть, умножает ценность прочего. Но *кельвар* могут убежать или защитить себя, растущие же *олвар* не могут. Из них дороги мне деревья. Долго растут они, а падают, срубленные, быстро; и если только не платят они дань плодами ветвей своих, никто о них не пожалеет. Так вижу я в мыслях. Когда бы деревья могли говорить в защиту всех творений, имеющих корни, и карать тех, кто причиняет им зло!»

«Странная то мысль», – молвил Манвэ.

«Однако так было в Песни, – отвечала Йаванна. – Ибо, пока трудился ты в небесах, создавая облака вместе с Улмо и проливая дожди, я вознесла ввысь навстречу им ветви высоких деревьев; иные же из них, в шуме ветра и дождя, пели песнь во славу Илуватара».

Тогда умолк Манвэ, и дума, что Йаванна вложила ему в сердце, раскрылась и прояснилась, и узрел ее Илуватар. И тогда показалось Манвэ, будто Песнь вновь зазвучала вокруг него, и теперь постиг он в ней многое, к чему ранее не склонял своего слуха, хотя и слышал. И, наконец, вновь возникло Видение, но не вдали на сей раз, ибо сам Манвэ был теперь его частью; и еще увидел он, что все покоится в руке Илуватара; и вот вторглась в мир его длань и вызвала к жизни немало дивного, что до того оставалось сокрыто от Манвэ в сердцах Айнур.

И пробудился Манвэ, и сошел к Йаванне на холм Эзеллохар, и сел подле нее под сенью Двух Дерев. И молвил Манвэ: «О Кементари, Эру явил свою волю, говоря: “Или думают Валар, что я не слышал всей Песни, вплоть до последнего отзвука последнего голоса? Узри же! Когда пробудятся Дети, пробудится и замысел Йаванны, и призовет духов из необозримой дали, и станут бродить они меж *кельвар* и *олвар*, и некоторые поселятся в них; прочие же будут почитать этих духов и опасаться их справедливого гнева. Однако не вечно: пока длится время расцвета Перворожденных, пока Второрожденные еще юны”. Но разве не помнишь ты, Кементари, что дума твоя не всегда звучала в Песни сама по себе? Разве не слились воедино твои помыслы и мои, так, что вместе устремились мы в полет, подобно могучим птицам, что взмывают над облаками? И это тоже свершится по воле Илуватара, и прежде, чем пробудятся Дети, воспарят ввысь на крыльях, подобных ураганам, Орлы Владык Запада».

И тогда возрадовалась Йаванна, и встала, и, воздев руки к небесам, молвила: «Высоко вознесут свои ветви дерева Кементари, дабы гнездились в них Орлы Короля».

Но Манвэ тоже поднялся, и показалось, будто так высок он, что голос его доносится к Йаванне с небесных пределов, где пролегли дороги ветров.

«Нет, – молвил он. – Лишь деревья Аулэ окажутся достаточно высоки. В горах станут гнездиться Орлы, и внимать голосам тех, кто взывает к нам. В лесах же станут бродить Пастыри Дерев».

И тогда Манвэ и Йаванна расстались на время, и Йаванна возвратилась к Аулэ; он же был в своей кузне, переливая в форму расплавленный металл. «Щедр Эру, – молвила она. – Теперь пусть остерегутся твои дети! Ибо леса отныне будут охранять силы, чей гнев пробудят они себе на горе».

«Однако же, моим детям понадобится древесина», – сказал Аулэ и вернулся к наковальне.

Глава 3

О приходе эльфов и пленении Мелькора

Много долгих веков Валар жили в блаженстве в свете Дерев за Горами Амана, а Средиземье укрывали звездные сумерки. Пока сияли Светочи, все стало расти, но теперь остановился рост, ибо кругом опять была тьма. Но уже пробудились древнейшие из живых созданий: в морях заколыхались гигантские водоросли, на землю пала тень огромных деревьев; в долинах же среди холмов, одетых в ночь, бродили темные твари, древние и могучие. В эти земли и леса редко приходили Валар; только Йаванна и Оромэ являлись туда; и Йаванна блуждала там во мраке, горюя, что замерло пробуждение жизни и увяла Весна Арды. И многое из того, что возникло в мире в пору Весны, погрузила Йаванна в сон, чтобы не старилось созданное ею, но ожидало назначенного часа пробуждения.

На севере же Мелькор собирал силы; и не смыкал глаз, но следил за происходящим и трудился без устали; и злобные создания, коих подчинил он своей воле, выходили из убежищ, и темные, дремлющие леса наводнили чудовища и жуткие призраки. В Утumno Мелькор собрал вокруг себя своих демонов – тех духов, что первыми примкнули к нему в дни его величия и более прочих уподобились ему в порочности: в сердцах их пылал огонь, но одеты они были во тьму, вооружены огненными бичами, и великий ужас шествовал перед ними. Позже в Средиземье их называли балрогами. В темные те времена Мелькор расплодил много других чудовищ разнообразных обличей и форм, что долго потом беспокоили мир; царство же Мелькора в Средиземье росло и простиралось все дальше на юг.

И еще выстроил Мелькор крепость и арсенал близ северо-западных берегов моря, чтобы противостоять любому нападению из Амана. В этой цитадели командовал Саурон, местоблюститель Мелькора; крепость же названа была Ангбанд.

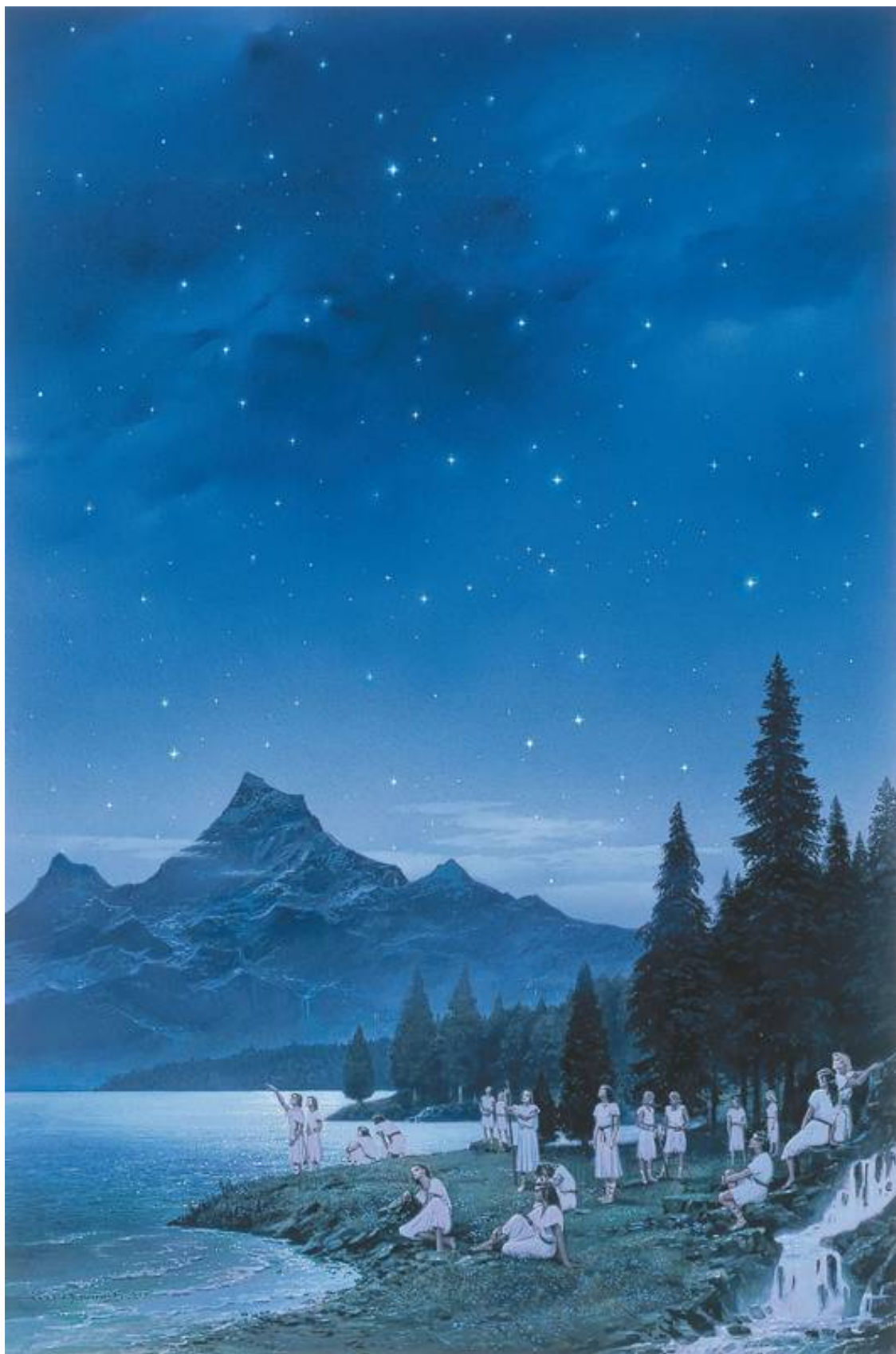
И случилось так, что Валар созвали совет, ибо тревожили их вести, что приносили Йаванна и Оромэ из Внешних земель; и говорила Йаванна перед Валар, и рекла она: «О вы, могучие владыки Арды, Видение Илуватара явилось вам лишь на краткий миг и вскорости было сокрыто; может статься, не дано нам предугадать назначенный час с точностью до нескольких дней. Но знайте вот что: час близится, еще до завершения этого века исполнятся наши надежды и пробудятся Дети. Так оставим ли мы земли, назначенные им в удел, разоренными, средоточием зла? Должно ли Детям блуждать во тьме, в то время как над нами сияет свет? Должно ли им называть Мелькора владыкой, пока Манвэ восседает на троне Таникветили?»

И Тулкас воскликнул: «Нет! Начнем же войну немедленно! Не слишком ли долго отдыхаем мы от битв; разве не возродилась уже наша сила? Должно ли одному противостоять нам вечно?»

Но по повелению Манвэ заговорил Мандос, и молвил он: «Истинно, этот век назначен для прихода Детей Илуватара, но не пробил еще час. Более того, суждено Перворожденным явиться во тьме, и первое, что узрят они, будут звезды. Яркий свет обернется их угасанием. И к Варде станут звать они в час нужды».

Тогда Варда покинула совет и оглядела землю с вершины Таникветиль, и узрела тьму, объявшую Средиземье, а выше сияли бесчисленные звезды, далекие и неяркие. И начала она великий свой труд – ничего более великого не создавали Валар со дня их прихода в Арду. Взяла она серебряную росу Тельпериона, собранную в чаши, и из нее сотворила новые звезды, много ярче прежних, в преддверии прихода Перворожденных. Потому-то ее, чье имя в глубинах времени и в пору трудов в Эа было Тинталлэ, Возжигающая, после эльфы называли Элентари, Королева Звезд. Зажгла она Карниль и Луиниль, Ненар и Лумбар, Алкарин-

квэ и Элеммирэ; и многие звезды из числа древних собрала она воедино и поместила, как знамения, в небесах Арды: это Вильварин, Телумендиль, Соронумэ и Анаррима, и Менельмакар с его сверкающим поясом: он предвещает Последнюю Битву, которая разразится в конце дней. И высоко на севере, как вызов Мелькору, Варда укрепила и подвесила корону из семи лучезарных звезд – созвездие Валакирка, Серп Валар и знак рока.

Говорят, что как только окончила Варда свои труды (а они были долгими); когда Менельмакар впервые взошел на небо и синий огонь Хеллуина замерцал в тумане над границей мира – в этот час пробудились Дети Земли, Перворожденные Илуватара. У осиянного

светом звезд озера Куивизнен, Воды Пробуждения, они очнулись ото сна, в который погрузил их Илуватар. И пока, до поры безгласные, жили они близ Куивизнена, первое, что предстало их взорам, были звезды небес. Потому-то с тех пор любили они звездный свет и чтили Варду Элентари превыше всех Валар.

Но мир менялся, и очертанья земель и морей были разрушены и создавались заново; реки изменили русла, и даже горы не остались прежними; и нет возврата к озеру Куивизнен. Но говорят эльфы, что лежало то озеро далеко на северо-востоке Средиземья, и это был залив Внутреннего моря Хелькар, а море это образовалось на том самом месте, где прежде было подножие горы Иллуин, пока Мелькор не сокрушил его. Многие реки стекали туда с хребтов восточных гор, и первое, что слышали эльфы, было журчание воды и переливы ее меж камней.

Долго жили эльфы в своем первом доме у озера в сиянии звезд, и дивились они, ступая по земле; и стали они придумывать свой язык и давать имена всему, что видели. Себя же называли они квенди, что значит «наделенные даром речи», ибо до сей поры не встречали они других живых существ, что умели бы говорить или петь.

Со временем случилось так, что Оромэ отправился на охоту в восточные земли, и свернул к северу у берегов Хелькара, и проехал под сенью Орокарни, Восточных гор. Вдруг Нахар громко заржал и замер на месте. Изумился Оромэ и прислушался, и показалось ему, что слышит он вдалеке поющие голоса в безмолвии подзвездной земли.

Вот так, словно бы по воле случая, отыскивали наконец Валар тех, кого ожидали столь долго. При виде эльфов преисполнился Оромэ великого изумления – как пред созданиями неожиданными, дивными и непредвиденными – ибо так всегда было и будет с Валар. Пусть все сущее и предвосхищено в музыке или явлено издалека в видении вне мира – но для тех, кто вступил в Эа, все вновь встреченное покажется новым и непредреченным.

Изначально Старшие Дети Илуватара были исполнены большего величия и мощи, нежели в последующие времена, но прекрасный облик их не померк со временем, ибо хотя красота квенди в дни их юности затмевала все, созданное Илуватаром, она не погибла, но жива на Западе; а пережитые страдания и обретенная мудрость лишь обогатили ее. И Оромэ полюбил квенди, и нарек их на их же языке – эльдар, народ звезд; однако позже имя это носили только те, кто последовал за ним на запад.

Однако многих квенди явление Оромэ повергло в ужас; и в том вина Мелькора. Ибо после стало ведомо мудрым, что Мелькор, бдительности не терявший, первым узнал о пробуждении квенди и наслал призраков и злобных духов шпионить за ними и подстергать их. За несколько лет до прихода Оромэ порою случалось так, что если кто из эльфов уходил далеко от озера, один ли, или несколько вместе, исчезали они и никто их более не видел. Тогда говорили квенди, что Охотник схватил их; и овладевал эльфами страх. И воистину, древнейшие песни эльфов, отзвук которых еще помнят на Западе, говорят о призраках тьмы, что рыщут среди холмов близ озера Куивизнен или вдруг на миг затмевают звезды; говорят и о темном Всаднике на диком коне, что преследует заблудившихся в глуши, чтобы схватить их и пожрать. Мелькор же яростно ненавидел и боялся выездов Оромэ, и либо действительно подсылал слуг своих в облики всадников, либо распускал лживые слухи, чтобы квенди в страхе бежали от Оромэ, если когда-нибудь его встретят.

Вот так и случилось, что, когда заржал Нахар и Оромэ вправду появился среди квенди, некоторые укрылись от него, а иные бежали прочь и затерялись в лесу. Те же, что явили мужество и остались, быстро поняли, что Великий Всадник – вовсе не порождение тьмы; ибо свет Амана сиял в лице его, и благороднейшие из эльфов подошли к нему, влекомые неведомой силой.

О тех же несчастных, коих уловил Мелькор, мало что известно доподлинно. Ибо кто из живущих спускался в подземелья Утumno или постиг темные замыслы Мелькора? Однако

вот что считают истинным мудрецы с Эрессеа: все квенди, попавшие в руки Мелькора до того, как пала крепость Утумно, были брошены в темницы, и долгие, изощренные пытки исказили и поработили их; так Мелькор вывел отвратительный народ орков из зависти к эльфам и в насмешку над ними; эльфам же были они впредь злейшими врагами. Ибо орки наделены жизнью и размножаются так же, как Дети Илуватара; а Мелькор после своего бунта в Айнулиндалэ до Начала Дней не мог создать ничего, что жило бы своей жизнью или хотя бы обладало подобием жизни; так рекут мудрые. И в глубине своих злобных сердец орки ненавидели Хозяина, что вверг их в столь жалкое состояние, хотя и служили ему из страха. Может быть, это и есть самое гнусное из всех преступлений Мелькора, и более всего ненавистно оно Илуватару.

Оромэ пробыл некоторое время среди квенди, а затем поспешил через моря и земли назад в Валинор, и принес вести в Валмар, и поведал о темных призраках, что тревожили Куивизнен. Тогда возрадовались Валар, но к радости их примешивалось сомнение; и долго спорили они, что лучше предпринять, чтобы защитить квенди от тени Мелькора. Оромэ же немедленно вернулся в Средиземье и остался среди эльфов.

Долго восседал на Таникветили Манвэ, погруженный в мысли, и искал совета Илуватара. Спустившись же в Валмар, он призвал Валар в Круг Судьбы, и даже Ульмо явился туда из Внешнего моря.

Тогда Манвэ объявил Валар: «Вот какой совет вложил Илуватар в мое сердце: мы должны вернуть себе власть над Ардой любой ценою и избавить квенди от тени Мелькора». Тогда возликовал Тулкас, но Аулэ опечалился, предвидя в мире великие разрушения как итог этой войны. Но Валар вооружились и выступили из Амана, исполненные воинской мощи, намереваясь атаковать твердыни Мелькора и покончить со злом. Никогда после не забывал Мелькор, что война эта начата была ради эльфов, и что они явились причиной его низвержения. Однако же сами эльфы не принимали участия в битвах, и мало что ведомо им о том, как силы Запада двинулись против Севера на заре их истории.

Мелькор встретил атаку Валар на северо-западе Средиземья, и всю ту область постигли немалые разрушения. Быстро одержали воинства Запада первую победу, и слуги Мелькора бежали перед их натиском к Утумно. Тогда Валар пересекли Средиземье и выставили стражу вокруг озера Куивизнен, и после того ничего не знали квенди о великой Битве Властей; ощущали лишь, как содрогается и стонет Земля; и всколыхнулись воды, и на севере вспыхивали огни, словно полыхали там яростные пожары. Долгой и тяжелой была осада Утумно, и много раз сталкивались армии перед воротами крепости; но только слухи о том дошли до эльфов, и ничего более. В ту пору изменились очертания Средиземья, и Великое море, что отделяло его от Амана, устремилось вглубь и вширь и затопило берега, и на юге возник глубокий залив. Много меньших бухт образовалось меж Великим заливом и Хелькараксэ, что далеко на севере, где Средиземье и Аман почти соприкасались. Из них главным был залив Балар; в него впадала могучая река Сирион, сбегая с вновь образовавшихся северных нагорий: Дортониона и хребтов вокруг Хитлума. Земли далее к северу в те дни превратились в безжизненную пустыню; там, в подземных глубинах, возведена была крепость Утумно, в ее шахтах полыхали огни, и скопились там бесчисленные рати слуг Мелькора.

Но наконец пали под ударами врата Утумно, и сорваны были крыши с чертогов крепости, и Мелькор укрылся в самом глубоком подземелье. Тогда вперед выступил Тулкас, как поборник Валар, и сразился с ним врукопашную, и поверг его наземь лицом вниз; и был Мелькор скован цепью Ангайнор, что сработал Аулэ, и выведен наверх пленником; и воцарился на земле мир на долгие годы.

Однако же не обнаружили Валар всех подвалов и пещер, хитроумно сокрытых глубоко под основаниями крепостей Ангбанд и Утумно. Немало злобных тварей еще таилось там;

другие же разбежались и схоронились во тьме, и после рыскали среди пустошей мира, ожидая своего часа. И Саурана Валар не нашли.

Но когда завершилась битва, и над руинами Севера поднялись клубы дыма и затмили звезды, Валар доставили Мелькора, скованного по рукам и ногам и с завязанными глазами, назад, в Валинор; и приведен он был в Круг Судьбы. Там он повергся ниц к ногам Манвэ и просил о помиловании, но получил отказ и брошен был в темницу крепости Мандоса, откуда никто не может бежать – ни Вала, ни эльф, ни смертный. Просторны и крепки стены той темницы, и возведены они на западе земли Аман. И приговорен был Мелькор оставаться там на протяжении трех веков, прежде чем будут судить его снова или вновь запросит он о милости.

И тогда опять собрались Валар на совет, но не было меж ними согласия. Одни (и главным среди них был Ульмо) говорили, что квенди должно жить на свободе в Средиземье, странствуя, где им вздумается, преображая во благо земли и залечивая их раны при помощи дарованного им искусства. Но большинство Валар опасались за судьбы квенди в мире, полном опасностей, в обманчивых подзвездных сумерках; кроме того, пленились они красотою квенди и возжаждали их дружбы. И потому, наконец, Валар призвали эльфов в Валинор, дабы собрать их всех у престола Властей в свете Дерев отныне и навсегда; и Мандос нарушил молчание, молвив: «Так судил рок». И решение это повлекло за собою в будущем немало бед.

Эльфы же поначалу не пожелали внять призыву, ибо до сих пор видели они Валар – всех, кроме Оромэ – только в гневе, как шли они на битву; и страх охватил их. Тогда вновь отправили к ним Оромэ; и выбрал он среди них послов, что должны были отправиться в Валинор и говорить от имени своего народа; ими явились Ингвэ, Финвэ и Эльвэ, после ставшие королями среди эльфов. Придя же в Валинор, они исполнились благоговения перед славою и величием Валар и пленились светом и сверкающей красотой Дерев. Затем Оромэ привел их назад, к озеру Куивiénен, и они говорили перед своим народом, убеждая эльфов внять призыву Валар и отправиться на Запад.

Тогда-то и произошло первое разделение эльфов. Ибо род Ингвэ и большая часть родов Финвэ и Эльвэ вняли словам своих владык и согласились уйти и последовать за Оромэ; их с тех пор называют эльдар – это имя дал эльфам Оромэ в самом начале, на их собственном наречии. Но многие отказались внять призыву, предпочитая звездный свет и необозримые просторы Средиземья толкам о Деревях; этих называют авари, Непожелавшие; в ту пору авари отделились от эльдар и не встретились с ними вновь до тех пор, пока не минули многие века.

А эльдар готовились к великому походу, прочь от своих первых поселений на востоке; и выступили они тремя дружинами. Самый немногочисленный отряд, первым отправившийся в путь, вел Ингвэ, благороднейший из эльфийских владык. Он вступил в Валинор и пребывает у престола Властей, и все эльфы чтят его имя; но он никогда не возвращался назад и никогда более не обращал взор свой к Средиземью. Народ его зовется ваньяр, это Дивные эльфы, возлюбленные Манвэ и Вардой; мало кто из людей беседовал с ними.

За ними шли нолдор, чье имя значит «мудрость», народ Финвэ. Это – Глубокомудрые эльфы, друзья Аулэ; они прославлены в песнях, ибо долгой и печальной была история их борьбы и трудов в северных землях былых времен.

Самый многочисленный отряд шел последним, и имя тем эльфам телери, ибо они замешкались в пути и долго колебались, прежде чем предпочесть сумраку свет Валинора. Очень любили они воду; и тех, кто пришел наконец к западному побережью, очаровало море. Потому в земле Аман зовут их Морские эльфы, фалмари, ибо слагали они музыку подле рокочущих волн. Два владыки стояли над ними, ибо велико было их число: Эльвэ Синголло (что означает Серый Плащ) и Олвэ, брат его.

Таковы три рода эльдалиэ, что пришли наконец на заокраинный Запад в те дни, покуда живы были Деревя; и зовутся они калаквенди, эльфы Света. Но были среди эльдар и другие, — те, что выступили в поход на запад, но отстали во время долгого пути или повернули вспять, или задержались на берегах Средиземья; то были, по большей части, эльфы из рода телери, о чем пойдет речь далее. Они поселились у моря, или же скитались среди лесов и гор мира, однако сердца их обращены были к Западу. Этих эльфов калаквенди именуют уманьяр, ибо они так и не пришли в землю Аман, в Благословенное Королевство; равно и уманьяр, и авари называют также мориквенди, эльфы Тьмы, ибо они так и не узрели свет, сиявший до того, как взошли Солнце и Луна.

Говорят, что, когда отряды эльдалиэ покидали Куивизнен, Оромэ ехал во главе их верхом на Нахаре, белом скакуне своем, подкованном золотом; и, пройдя на север вдоль моря Хелькар, они свернули к западу. Впереди, на севере, все еще клубились черные тучи, нависая над руинами войны, и не видно было звезд в той земле. Тогда многие убоялись и пали духом, и повернули вспять, и позабыты они ныне.

Долго и неспешно двигались эльдар на запад, ибо бесчисленны были лиги тяжкого пути через нехоженные просторы Средиземья. Да и не желали эльдар торопиться, ибо дивились они всему, что открывалось их взорам; во многих землях и у многих рек тянуло их задержаться — и, хотя все эльфы по-прежнему желали продолжать странствия, многие скорее боялись, что путешествию наступит конец, нежели ждали этого. Потому, когда оставлял их на время Оромэ, возвращаясь к другим делам, эльфы останавливались и дальше не шли, пока не возвращался Оромэ, чтобы вести их вперед. И, после долгих лет скитаний, случилось так, что дорога эльдар пролегла через лес, и вышли они к великой реке — шире, чем видели до сих пор; а за нею высились горы, и остроконечные вершины их, казалось, пронзали небесный свод, усеянный звездами. Говорят, это была та самая река, что позже именовалась Андун Великий и всегда служила рубежом западных земель Средиземья. А горы те на границах Эриадора звались Хитаэглир, Твердины Тумана; однако же в те дни они были выше и ужаснее: их воздвиг Мелькор, чтобы воспрепятствовать выездам Оромэ. И вот телери надолго задержались на восточном берегу той реки, мечтая там и оставаться; но ваньяр и нолдор переправились через реку, и Оромэ повел их горными перевалами. Когда же ушел вперед Оромэ, телери взглянули на одетые мраком вершины, и обьял их страх.

Тогда выступил вперед эльф из отряда Олвэ, что шел всегда последним; звали его Ленвэ. Он отказался от похода на запад и многих увел с собою к югу вниз по течению великой реки; долгие годы сородичи не ведали об их дальнейшей судьбе. Это были нандор; народ их обособился и стал непохож на родню свою, разве что так же любили они воду и селились обычно у водопадов и ручьев. Всех прочих эльфов превосходили они знаниями обо всем живущем: о деревьях и травах, птицах и зверях. В последующие годы Денетор, сын Ленвэ, снова повернул наконец на запад и увел с собою часть своего народа через горы к Белерианду, еще до того, как взошла Луна.

Наконец ваньяр и нолдор перешли Эред Луин, Синие горы, между Эриадором и западными окраинами Средиземья, — эти земли эльфы после называли Белерианд; и передовые отряды миновали долину Сириона и спустились к берегам Великого моря между Дренгистом и заливом Балар. Когда же узрели эльфы море, их охватил неодолимый страх, и многие возвратились в леса и нагорья Белерианда. Тогда Оромэ оставил их и вновь отправился в Валинор за советом к Манвэ.

А народ телери перевалил через Туманные горы и пересек обширные земли Эриадора, ибо Эльвэ Синголло побуждал их идти вперед: Эльвэ снесало желание вернуться в Валинор, к Свету, что некогда открылся его взору, и не хотел он отстать от нолдор, ибо его и Финвэ, их

повелителя, связывала тесная дружба. Так, спустя много лет, телери тоже перешли наконец через Эред Луин и достигли восточных областей Белерианда. Там они остановились и жили некоторое время за рекой Гелион.

Глава 4

О Тинголе и Мелиан

Мелиан была Майа из рода Валар. Жила она в садах Лориэна, и среди всего его народа не было никого прекраснее и мудрее Мелиан; не было равных ей в искусстве колдовских песен. Говорят, что Валар забывали о трудах своих, а птицы Валинора – о своем веселии, смолкали колокола Валмара, и фонтаны умеряли мощь струй, когда пела Мелиан в Лориэне в час слияния света Дерев. Соловьи следовали за нею повсюду, и она обучила их песням; и любила она глубокую тень могучих деревьев. Еще до сотворения мира она была сродни самой Йаванне; когда же пробудились квенди у озера Куивизнен, она покинула Валинор и пришла в Ближние земли, и в предрассветном безмолвии Средиземья зазвучал ее голос и голоса ее птиц.

Народ же телери, как уже говорилось, надолго остановился в Восточном Белерианде за рекою Гелион, ибо путь их близился к концу. А многие из нолдор в ту пору все еще пребывали западнее, в лесах, что позже названы были Нельдорет и Регион. Эльвэ, владыка телери, часто уходил через густые леса к стану нолдор, чтобы повидать друга своего Финвэ. И случилось так однажды, что пришел он один в лес Нан Эльмот, залитый светом звезд, и вдруг услышал пение соловьев. Эльвэ застыл, околдованный; и вдалеке, отчетливее голосов *ломелинди*, он различил голос Мелиан, и сердце его переполнилось изумлением и любовью. Тогда позабыл Эльвэ о своем народе и замыслах своих, и последовал за птицами сквозь сумрак лесной чащи, и углубился в Нан Эльмот, и затерялся в нем. Но вышел он, наконец, на поляну, открытую свету звезд, и там стояла Мелиан; из тьмы взирал на нее Эльвэ, и в лице ее сиял свет Амана.

Ни слова не произнесла она; но, охваченный любовью, Эльвэ приблизился к ней и взял ее за руку, и тотчас же пали на него чары. Так стояли они, и звезды над ними много раз свершили свой круговой путь в небесах, отмеряя ход долгих лет, и деревья Нан Эльмота высоко вознесли свои ветви, окутанные мраком, прежде чем вымолвили эти двое хоть слово.

Потому народ Эльвэ искал своего владыку, но не нашел; и Олвэ принял королевскую власть над телери, и увел их от тех мест, как будет сказано далее. Но Эльвэ Синголло за всю его жизнь не довелось более пересечь море и вступить в Валинор; и Мелиан не возвращалась туда, пока существовало их королевство; но через нее род эльфов и людей унаследовал нечто и от Айнур – тех, что были подле Илуватара прежде, чем началось бытие Эа. В последующие дни Эльвэ стал прославленным королем и правил всеми эльдар Белерианда; их называли синдар, Серые эльфы, эльфы Сумерек; его же именовали Король Серый Плащ, Элу Тингол на языке той земли. Мелиан, превосходящая мудростью всех детей Средиземья, была его королевой; их потаенные чертоги в Дориате звались Менегрот, Тысяча Пещер. Великой властью наделила Мелиан Тингола; а он и сам был великим владыкой среди эльдар, ибо из всех синдар он единственный видел своими глазами Деревя в пору их расцвета; и хотя он и правил уманьяр, причислен он не к мориквенди, но к эльфам Света, обладавшим в Средиземье немалым могуществом. И через любовь Тингола и Мелиан в мир пришла та прекраснейшая из всех Детей Илуватара, чья красота была и останется непревзойденной.

Глава 5

Об Эльдамаре и владыках Эльдалиэ

В назначенный час отряды ваньяр и нолдор пришли к последнему западному берегу Ближних земель. В давние времена, после Войны Властей, в северной своей части эти берега простирались еще далее к западу, и на северных окраинах Арды только неширокое море отделяло Аман, где был выстроен Валинор, от Внешних земель; но узкое море это сковали скрежещущие льды – так суровы были морозы Мелькора. Потому Оромэ не повел отряды эльдалиэ дальше на север, но привел их в цветущие земли за рекой Сирион, впоследствии названные Белерианд. От этих берегов, откуда эльдар впервые взглянули на Море, охваченные изумлением и страхом, простирался океан – необозримый, темный, бездонный, отделяющий их от гор Амана.

Ульмо же, по совету Валар, пришел к берегам Средиземья и заговорил с эльдар, которые ожидали там, взирая на темные волны; и благодаря словам его и музыке, что сыграл Ульмо для эльфов на рогах из раковин, страх эльфов перед морем сменился скорее желанием. Тогда Ульмо сдвинул с места остров, что издавна одиноко возвышался посреди моря, равно удаленный и от тех, и от других берегов – возвышался с тех самых пор, как рухнул Иллуин и разыгралась буря; и, с помощью своих слуг, повлек его, точно могучий корабль, и установил его в заливе Балар, куда впадал Сирион. Тогда ваньяр и нолдор взошли на тот остров и были повлечены через море, и так, наконец, они достигли протяженных берегов у подножия гор Амана, и вступили в Валинор, и обрели радушный прием в благословенном краю. Однако восточный мыс острова, глубоко ушедший в землю на мелководье близ устьев Сириона, отломился и остался на месте. Говорят, то был остров Балар, куда после часто приходил Оссэ.

Но телери все еще оставались в Средиземье; они жили в Западном Белерианде, далеко от моря, и не слышали они в срок призыва Ульмо; многие же все еще разыскивали Эльвэ, своего повелителя, а без него не желали уходить. Когда же узнали они, что Ингвэ и Финвэ, и народы их ушли, тогда многие телери заторопились к берегам Белерианда и поселились близ устьев Сириона, тоскуя по своим ушедшим друзьям; они избрали своим королем Олвэ, брата Эльвэ. Долго оставались они у берегов западного моря; и явились к ним Оссэ и Уинен, и покровительствовали им, и Оссэ наставлял их, восседая на скале у самого края земли; от него переняли телери всевозможные познания о море и музыку моря. Вот так случилось, что телери, которые с самого начала любили воду и пели прекраснее всех эльфов, были впоследствии очарованы морями, и в песнях их зазвучал шум накатывающих на берег волн.

Когда же минуло много лет, Ульмо внял просьбам нолдор и короля их Финвэ, которые горевали, разлучившись столь надолго с телери, и уговаривали Ульмо переправить их в Аман, если только те пожелают прийти. И теперь в большинстве своем они и впрямь хотели того; но велико было горе Оссэ, когда Ульмо вернулся к берегам Белерианда, чтобы увезти эльфов прочь, в Валинор. Ибо заботе Оссэ вверены были моря Средиземья и побережья Ближних земель, и не рад он был, что не зазвучат более в его владениях голоса телери. Некоторых убедил он остаться: то были фалатрим, эльфы Фаласа, что в последующие дни жили в гаванях Бритомбар и Эгларест – первые мореходы Средиземья и первые создатели кораблей. Правил ими Кирдан Корабел.

Родичи же и друзья Эльвэ Синголло тоже остались в Ближних землях, продолжая разыскивать его, хотя и готовы были уйти в Валинор к свету Дерев, если бы только Ульмо и Олвэ согласились задержаться подольше. Но Олвэ стремился уйти; и, наконец, большинство телери взошли на остров, и Ульмо увез их далеко прочь. А друзья Эльвэ поневоле остались; с тех пор они называли себя эглат, Покинутый Народ. Они охотнее селились среди лесов и

холмов Белерианда, нежели у моря, ибо вид моря будил в них грусть; однако мечта об Амানে всегда жила в их сердцах.

Когда же Эльвэ очнулся от долгого забвения, он покинул Нан Эльмот вместе с Мелиан, и они поселились в лесах в самом сердце Белерианда. Хоть и велико было прежде желание Эльвэ увидеть вновь свет Дерев, в лице Мелиан сиял для него свет Амана, отраженный как в незамутненном зеркале; и в том сиянии находил он отраду. Радостно встретил Эльвэ его народ, и изумлялись эльфы: ибо и раньше был он прекрасен и величав, а теперь предстал их взорам словно бы владыка из рода Майар: ростом превосходил он всех Детей Илуватара, темным серебром отливали его кудри, и высокий жребий уготовила ему судьба.

А Оссэ последовал за народом Олвэ; когда же вошли они в залив Эльдамар (а это и есть Эльфландия), Оссэ воззвал к ним, и эльфы узнали его голос и умолили Ульмо остановиться. И Ульмо исполнил их просьбу: по его воле Оссэ утвердил и укрепил остров в основании морского дна. С тем большей охотой сделал это Ульмо, что ясно читал он в сердцах телери; и некогда на совете он отговаривал Валар призывать эльфов в Валинор, полагая, что для квенди лучше остаться в Средиземье. Недовольны были Валар тем, что он содейл; и опечалился Финвэ, что не пришли телери, и опечалился еще более, узнав, что Эльвэ был покинут в Средиземье; и понял, что не увидится с ним снова, иначе как в чертогах Мандоса. Однако остров более не сдвигали с места: одиноко возвышался он в заливе Эльдамар, и назвали его Тол Эрессеа, Одинокый остров. Там и поселились телери, как того пожелали, под небесными звездами, и однако ж оттуда открывался их взорам Аман и не знающий смерти берег. Потому же, что долго жили телери отдельно от других на Одиноком острове, речь их сделалась непохожей на язык ваньяр и нолдор.

А ваньяр и нолдор Валар дали в удел многие земли. Но даже среди ярких цветов в садах Валинора, в зареве Дерев, порою тосковали эльфы по свету звезд; и тогда была проделана брешь в могучих стенах гор Пелори. Там, в глубокой долине, что сбегала к самому морю, эльдар воздвигли высокий зеленый холм и назвали его Туна. С запада озарял его свет Дерев, потому тень он неизменно отбрасывал к востоку; а с востока открывался залив Эльфлан-

дии, и Одинокий остров, и Тенистые моря. Так сквозь Ущелье Света, Калакирья, струилось сияние Благословенных Земель, и темные волны вспыхивали золотом и серебром; и свет изливался на Одинокий остров, и его западные берега стали зелены и прекрасны. Впервые к востоку от гор Амана там расцвели цветы.

На вершине холма Туна был возведен город эльфов, белокаменные стены и террасы Тириона; самой высокой из его башен стала Башня Ингвэ, Миндон Эльдалиэва, и далеко светил луч ее серебряного маяка, пронзая морские туманы. Но немногим смертным мореходам доводилось видеть его трепетный свет. Ваньяр и нолдор долго жили в дружбе в Тирионе на холме Туна. И поскольку более всех сокровищ Валинора полюбили им Белое Дерево, Йаванна создала для них меньшее дерево, во всем подобное Тельперииону, только не давало оно света. На языке синдарин звалось оно Галатилион. Это дерево посажено было во дворе у подножия башни Миндон, и цвело там; побеги же его рассадили по всему Эльдамару. Один из них после высажен был на Тол Эрессеа, и прижился там, и назван был Келеборн. От него-то, как говорится в других сказаниях, в свой срок взят был Нимлот, Белое Дерево Нуменора.

Манвэ и Варда более всего любили ваньяр, Дивных эльфов; Аулэ же предпочитал нолдор; и сам Аулэ, и его народ часто приходили к ним. Великие знания и искусство обрели нолдор, но не иссякала их неуемная жажда новых знаний, и вскоре во многом превзошли они своих учителей. Речь их непрестанно менялась, ибо велика была любовь нолдор к слову, и постоянно стремились они подобрать более точные названия всему, что знали и о чем помышляли. И так случилось, что каменщики дома Финвэ, трудясь в горных каменоломнях (ибо в радость им было возводить высокие башни), первыми нашли драгоценные кристаллы земли, и добыли их бесчисленное множество; и придумали орудия для обработки и огранки камней, и придали им многие формы. Не копили они самоцветы, но раздавали их направо и налево, работой своей умножая великолепие всего Валинора.

Впоследствии нолдор возвратились в Средиземье, и предание это повествует главным образом об их деяниях, потому должно назвать здесь имена их правителей в той форме, как звучали они позже на языке эльфов Белерианда, а также поведать и о родстве их.

Финвэ был королем нолдор. Сыновья его звались Феанор, Финголфин и Финарфин; но матерью Феанора была Мириэль Сериндэ, в то время как матерью Финголфина и Финарфина стала Индис из народа ваньяр. Не было равных Феанору в искусстве слова и в мастерстве; и знанием превосходил он своих братьев; дух его пылал огнем. Финголфин был самым сильным, самым стойким и отважным. Финарфин же был прекраснее всех, и наделен к тому же мудрым сердцем; впоследствии он сдружился с сыновьями Олвэ, правителя телери, и взял в жены Эарвен, деву-лебедь из Алквалондэ, дочь Олвэ.

Семеро сыновей было у Феанора: Маэдрос высокий; Маглор могучий певец, чей голос далеко разносился над землею и морем; Келегорм прекрасный и Карантир темный; Куруфин искусный, что более прочих унаследовал умелые руки своего отца; и младшие, близнецы Амрод и Амрас, схожие лицом и нравом. В последующие дни они стали славными охотниками в лесах Средиземья; охотником был и Келегорм. В Валиноре он сдружился с Оромэ и часто следовал на звук его рога.

Сыновьями Финголфина были Фингон, что после стал королем нолдор на Севере мира, и Тургон, владыка Гондолина; сестра их звалась Арэдель Белая. По летосчислению эльдар она была моложе своих братьев; когда же повзрослела Арэдель и расцвела ее красота, стала она статной и сильной, и полюбила ездить верхом и охотиться в лесах. Часто сопровождали ее сыновья Феанора, ее родня; но никому не отдала она своего сердца. Ар-Фейниэль называли ее, Белая Госпожа нолдор, ибо бледным был цвет лица ее, а кудри – темны; и облакалась она в одежды белые с серебром.

Сыновьями Финарфина были Финрод Верный (которого после именовали Фелагунд, Владыка Пещер), Ородрет, Ангрод и Аэгнор; этих четверых связывали с сыновьями Фин-

голфина узы тесной дружбы, словно все они были братьями. Сестра их, Галадриэль, затмевала красотой всех в роду Финвэ; кудри ее сверкали золотом, точно вобрали в себя сияние Лаурелин.

Теперь следует поведать о том, как телери наконец пришли в землю Аман. На протяжении долгих веков жили они на Тол Эрессеа, но перемена медленно свершалась в их сердцах, и вот затосковали они по свету, что струился к Одинокому острову через море. И разрывались они между любовью к музыке волн, что разбивались о их берега, и желанием снова увидеть родню свою и взглянуть на великолепие Валинора; и, наконец, мечта о свете оказалась сильнее. Тогда Улмо, подчинясь воле Валар, послал к ним Оссэ, их друга, а тот, хотя и горюя, обучил их искусству кораблестроения. Когда же готовы были корабли, принес Оссэ эльфам лебедей с сильными крылами, как прощальный дар. И лебеди повлекли белоснежные корабли телери по безветренному морю; и так, наконец, последними вступили телери в Аман и на берега Эльдамара.

Там и поселились они, и могли, буде того пожелают, любоваться сиянием Дерев и ходить по золоченым улицам Валмара и хрустальным ступеням Тириона на зеленом холме Туна; но чаще всего плавали они на своих быстрых кораблях по водам Залива Эльфландии или бродили в прибрежных волнах, и в кудрях их переливался свет, льющийся из-за холма. Много драгоценных камней подарили им нолдор: опалы и диаманты, и бледные кристаллы хрусталя; и телери рассыпали их по берегам и в заводях. Великолепны были берега Элендэ в те дни! Немало жемчугов добывали телери сами со дна моря, и чертоги их были из жемчуга; из жемчуга были и дворцы Олвэ в Алквалондэ, Лебединой Гавани, озаренной огнями бесчисленных светильников. Это и был город телери, и гавань для их кораблей; корабли же строили они по образу лебедей, с золотыми клювами и очами из золота и черного янтаря. Воротами города-гавани стала арка из естественного камня, выточенная морем; возвышалась она у пределов Эльдамара, к северу от ущелья Калакирья, где ясным, ярким светом сияли звезды.

Шли века, и ваньяр полюбили землю Валар и незамутненный свет Дерев, и покинули город Тирион на холме Туна, и обосновались на горе Манвэ и на равнинах и среди лесов Валинора, отделившись от нолдор. В сердцах же нолдор жила память о Средиземье, осиянном звездами, и они селились в ущелье Калакирья, и в холмах и долинах, куда доносился шум западного моря. Хотя многие часто путешествовали по земле Валар, далеко направляя свой путь в стремлении своем разгадать тайны земли и вод, и всего живого, однако же народы Туны и Алквалондэ близко сошлись в те дни. Финвэ правил в Тирионе, а Олвэ – в Алквалондэ, но Верховным Королем над всеми эльфами неизменно почитался Ингвэ. Он пребывал у престола Манвэ на вершине Таникветиль.

Феанор и его сыновья нигде не жили подолгу, но странствовали по Валинору из конца в конец и добирались даже до границ Тьмы и холодных берегов Внешнего моря, взыскав неведомого. Нередко гостили они в чертогах Аулэ; Келегорм же предпочитал обитель Оромэ – там узнал он многое о зверях и птицах и перенял все их языки. Ибо все живые существа, что есть или были в Королевстве Арды, кроме разве злобных и свирепых тварей Мелькора, обитали тогда в земле Аман; а также и немало других созданий, коих в Средиземье не видавали и, надо думать, не увидят уж никогда, ибо мир изменился безвозвратно.

Глава 6

О Феаноре и освобождении Мелькора

И вот три народа эльдар собрались наконец в Валиноре; Мелькор же был закован в цепи. То был Полдень Благословенного Королевства, расцвет его славы и великолепия, долгий в пересчете лет, но в памяти оставшийся как краткий миг. В те дни эльдар возмужали телесно и духовно; умножились знания и искусство нолдор, радостно трудились они на протяжении долгих лет, сотворяя немало нового, дивного и прекрасного. Именно тогда нолдор впервые задумались о создании письменности. Румилем из Тириона звали того мудреца, что первым измыслил письма, подходящие для запечатления речи и песен; одни – для того, чтобы вырезать их на металле и камне, другие – для рисования пером и кистью.

В ту пору рожден был в Эльдамаре в доме короля Тириона на вершине Туны старший из сыновей Финвэ, и самый любимый. Ему дали имя Куруфинвэ, но мать нарекла его Феанор, Дух Огня; и так именуется он во всех преданиях нолдор.

Имя матери его было Мириэль, а называли ее Сериндэ, потому что в совершенстве умела она ткать и шить; даже среди нолдор не было ей равных в тонком и изящном рукоделии. Великой и радостной была любовь Финвэ и Мириэли, ибо зародилась она в Благословенном Королевстве в Блаженные Дни. Но, вынашивая сына, Мириэль изнемогла духом и телом и после рождения его затосковала об освобождении от бремени жизни. И, дав сыну имя, она сказала Финвэ: «Никогда более не носить мне дитя, ибо сила, что питала бы жизнь многих, вошла в Феанора».

Тогда опечалился Финвэ, ибо народ нолдор был юн, и мечтал Финвэ дать жизнь многим детям в благословенной земле Аман; и сказал он: «Разве нет исцеления в Амани? Здесь все усталые обретают покой». Но Мириэль слабела с каждым днем, и Финвэ обратился за советом к Манвэ; Манвэ же поручил ее заботам Ирмо в Лориэне. Расставаясь с женой (ненадолго, как он думал), Финвэ был грустен, ибо казалось ему великим несчастьем, что мать должна покинуть сына и хотя бы первые дни его детства пройдут вдали от нее.

«Воистину, это несчастье, – отвечала Мириэль, – и я бы плакала, не будь я столь утомлена. Но не ставь мне это в вину, как и все то, что, возможно, последует позже».

И она удалилась в сады Лориэна и погрузилась в сон; но, хотя казалась она спящей, дух ее воистину оставил тело и безмолвно отлетел в чертоги Мандоса. Девы Эстэ ухаживали за телом Мириэли, и тлен его не коснулся, но она так и не возвратилась. Долго горевал Финвэ; часто приходил он в Лориэн и, присев в тени серебристых ив подле тела своей жены, звал ее по именам. Но все было напрасно; и в Благословенном Королевстве один он не знал радости. Прошло время, и он перестал приходить в Лориэн.

Всю любовь свою обратил тогда Финвэ на своего сына. Феанор рос быстро, как будто пылал в нем тайный огонь. Он был высок, прекрасен ликом и властен нравом; яркий взгляд его пронзал насквозь, а кудри были словно вороново крыло; упорно и нетерпеливо добивался он всего, что задумал. Мало кому удавалось переубедить его советом; никому не удавалось принудить. Среди всех нолдор, что были до и после него, не находилось ему равных: столь острый ум и умелые руки даровала ему судьба. В юности своей, совершенствуя труд Румилия, он создал письма, что носят его имя – впрямь эльдар всегда пользовались ими. Именно Феанор первым из нолдор открыл секрет создания драгоценных камней крупнее и ярче тех, что находят в земле. Первые камни, сделанные Феанором, были бледны и бесцветны, но если касался их звездный свет, они вспыхивали голубым и серебряным огнем, ярче, чем Хеллуин. Сделал он и другие кристаллы, в которых можно было различать предметы, находящиеся на далеком расстоянии – различать ясно, хотя и уменьшенными – как если бы глядя взором орлов Манвэ. Не знали покоя ни руки, ни ум Феанора.

Еще в ранней юности он женился на Нерданели, дочери искусного кузнеца по имени Махтан – он был из тех нолдор, кого особо отмечал Аулэ. От Махтана научился Феанор многим секретам в работе с металлом и камнем. Нерданель тоже обладала твердой волей, но, в отличие от Феанора, наделена была и терпением; она стремилась понимать других, а не подчинять их себе. Поначалу она сдерживала мужа, когда огонь в его сердце разгорался слишком жарко; но позднейшие его деяния огорчали ее, и они стали чужими друг другу. Семерых сыновей родила она Феанору; некоторые унаследовали ее нрав, но не все.

И случилось так, что Финвэ женился во второй раз на Индис Прекрасной. Она была из народа ваньяр и приходилась близкой родственницей Ингвэ, Верховному Королю: золотоволосая и статная, во всем непохожая на Мириэль. Всей душой полюбил ее Финвэ и вновь обрел радость. Но тень Мириэли по-прежнему незримо присутствовала в доме Финвэ и в сердце его; над всеми, кто был ему дорог, в мыслях его господствовал Феанор.

Не обрадовала Феанора свадьба его отца, и не питал он большой любви к Индис и к сыновьям ее Финголфину и Финарфину. Он жил отдельно от них, исследуя землю Амана и посвящая все свое время овладению знаниями и занятиям ремеслами, столь ему милыми. Многие считали, что разлад в доме Финвэ стал причиной всех приключившихся позже бедствий, что навлек на свой народ Феанор; и полагали эльфы, что, если бы Финвэ примирился с потерей и нашел утешение в заботах о своем могучем сыне, иными были бы поступки Феанора и не случилось бы непоправимого зла; ибо в памяти нолдор навечно запечатлелись скорбь и распря дома Финвэ. Однако дети Индис, а также и их дети, немало возвеличены и прославлены; и не будь их, отчасти умалилась бы и померкла история эльдар.

И пока в делах радостного созидания текли дни Феанора и мастеров нолдор, и не предвиделось трудам их ни конца, ни края; пока росли и выросли сыновья Индис, Полдень Валинора клонился к закату. Ибо истек срок наказания Мелькора, как и было то назначено Валар; три века пробыл он в одиночестве, заточенный в узилище Мандоса. Наконец, как и обещал некогда Манвэ, его снова привели пред троны Валар. И взглянул он на их величие и радость, и зависть запылала в его сердце; взглянул он на Детей Илуватара, что пребывали у престола Могучих, и охватила его ненависть; взглянул он на бесчисленные драгоценные камни, сиявшие ярким светом, и взалкал их; но не выдал он своих мыслей и отложил на время мщение.

Перед вратами Валмара Мелькор смиренно пал к ногам Манвэ и взмолился о прощении; и клялся, что, если бы позволили ему быть лишь последним среди свободного народа Валинора, он стал бы помогать Валар во всех их трудах, главным же образом в исцелении многих ран, что нанес некогда миру. И Ниэнна присоединила свой голос к его просьбе; Мандос же хранил молчание.

И Манвэ даровал ему прощение, однако до поры Валар не желали отпускать его из-под своего бдительного надзора, и вынужден был Мелькор поселиться в стенах Валмара. Но благими казались все слова его и деяния в то время; и Валар и эльдар на пользу шли помощь его и совет, буде искали они таковых; и потому вскорости позволили Мелькору свободно бродить по земле, и уверился Манвэ, что Мелькор исцелился от зла. Ибо сам Манвэ зла был чужд и не мог понять его сути, и знал он, что изначально в помыслах Илуватара Мелькор был во всем равен ему. Не постиг Манвэ глубин сердца Мелькора и не ведал, что давно уже в этом сердце иссякла любовь. Но не обманулся Ульмо, и Тулкас сжимал кулаки всякий раз, как проходил мимо Мелькор, его заклятый враг; ибо нелегко пробудить ярость Тулкаса, но и забывает он нескоро. Однако они повиновались решению Манвэ, ибо тот, кто защищает законную власть противу бунта, не должен бунтовать сам.

В глубине души Мелькор более всего ненавидел эльдар, потому что были они прекрасны и радостны, и еще потому, что в них видел он причину выступления Валар и собственного низвержения. Но тем более старался он выказать им свою любовь и искать их

дружбы, и предлагал он им свои познания и помощь во всех их великих начинаниях. Ваньяр, правда, не доверяли ему, ибо довольно им было света Дерев; а на телери Мелькор почти не обращал внимания, почитая их вовсе бесполезными, орудиями слишком слабыми для замыслов его. Но нолдор восторгались сокровенными знаниями, что открывал им Мелькор, и некоторые склоняли слух свой к словам, какие лучше бы им никогда не слышать. Действительно, Мелькор утверждал после, что Феанор многому научился от него втайне, и что это он, Мелькор, наставлял его в воплощении величайшего из его трудов; но то была ложь, порожденная завистью и алчностью, ибо никто из эльдалиэ не ненавидел Мелькора больше, нежели Феанор, сын Финвэ, первым нарекший его Морготом. Хоть и запутался Феанор в тенетах злобы Мелькора против Валар, не вел он с ним бесед и не принимал от него советов. Ибо Феанор движим был только пламенем своего сердца; трудился он скоро и в одиночестве, и никого из живущих в Амане, малых ли, великих ли, не просил о помощи и не искал ничьего совета, кроме Нерданели мудрой, своей жены – и то лишь на краткий срок.

Глава 7

О сильмарилиях и смуте среди нолдор

В ту пору созданы были творения, в последующие века прославленные превыше всего прочего, что выходило когда-либо из рук эльфов. Ибо Феанор, в расцвете своей силы, увлекся новой мыслью, или, может быть, тень предчувствия того, что должно было вскоре свершиться, коснулась его: задумался он, как сохранить нетленным свет Дерев, славу Благословенного Королевства. И начал он долгий, тайный труд, и призвал на помощь все свои знания и могущество, и свое непревзойденное искусство; и в итоге итогов сотворил он Сильмарили.

По форме были они точно три огромных драгоценных камня. Но из чего сделаны они, не узнает никто до самого Конца, когда возвратится Феанор, каковой погиб прежде, чем создано было Солнце, и пребывает ныне в Чертогах Ожидания и не возвращается к народу своему; узнают о том не раньше, чем погаснет Солнце и падет Луна. На кристаллы бриллиантов походили они, однако твердостью превосходили адамант; никакая сила в Королевстве Арды не могла повредить или сокрушить их. Но кристалл этот был для Сильмарилей то же, что телесная оболочка для Детей Илуватара: вместилище внутреннего пламени, что пылает в глубине их и пронизывает в то же время все их существо, и пламя это – их жизнь. А внутренний огонь Сильмарилей Феанор создал из смешанного света Дерев Валинора, и свет тот жив в них и поныне, хотя Деревы давно увяли, и сияние их погасло. Потому даже во тьме подземных сокровищниц Сильмарили сверкали собственным огнем, подобно звездам Варды; и однако, словно и впрямь были они живыми существами, радовались свету и вбирали его, и изливали назад переливами всевозможных оттенков, более дивных, нежели прежде.

Все живущие в Амане преисполнились изумления и радости при взгляде на творение Феанора. И Варда освятила Сильмарили; и после того ничто злое не могло коснуться их, ни смертная плоть, ни нечистые руки: огонь камней опалял и сжигал нечестивых; Мандос же предсказал, что судьбы Арды, земля, вода и воздух заключены в сих кристаллах. Сердце Феанора было в плену у этих камней, что сам же он и сотворил. Тогда Мелькор возжелал Сильмарилей, и само воспоминание об их сиянии жгло огнем его сердце. С этого времени, охваченный неодолимой страстью, он еще более старательно изыскивал средство погубить Феанора и посеять вражду между Валар и эльфами; но он хитро скрывал свои замыслы, и принятое им обличие не выдавало до поры его злобный нрав. Неспешно плел он свои сети, долгим был труд его и поначалу тщетным. Но тот, кто сеет ложь, соберет в итоге обильный урожай, и в скорости сможет он отдохнуть от забот своих, ибо другие станут сеять и жать вместо него. Даже Мелькор нашел тех, кто склонил к нему свой слух, и тех, кто, повторяя слышанное, добавлял многое и от себя; и лживые его речи передавались от одного друга к другому, точно тайны, знание которых свидетельствует о мудрости говорящего. Страшную цену заплатили нолдор за свою безрассудную доверчивость в последующие дни.

Когда убедился Мелькор, что многие к нему прислушиваются, часто стал он бывать среди нолдор, и в лстивые свои речи вплетал и другие, но столь искусно, что многие из слышавших эти слова после считали их отзвуком своих же собственных мыслей. Вкладывал он в сердца эльфов видения могучих королевств, коими могли бы они править безраздельно на Востоке, сильные и свободные; а затем пустил слухи о том, что Валар, якобы, привели эльдар в Аман из зависти; опасаясь, что красота квенди и великий дар творения, унаследованный ими от Илуватара, возрастут несказанно, и не смогут Валар управлять эльфами, когда умножится род эльдар и расселится на бескрайних просторах мира.

Более того, хотя Валар в те дни и знали о назначенном приходе людей, эльфам о том до поры было неведомо; ибо Манвэ им того не открыл. Мелькор же тайно поведал эльдар о Смертных людях, видя, что умолчание Валар можно исказить и обратить во зло. Мало что знал он тогда о людях и сам, ибо, поглощенный собственной своей думой в Музыке, не обратил он внимания на Третью Тему Илуватара. Теперь же прошел слух среди эльфов, будто Манвэ держит их в плену для того, чтобы люди могли прийти и вытеснить их из королевств Средиземья, ибо Валар понимали: куда легче управлять этой слабой, недолго живущей расой, обманом лишая эльфов наследия Илуватара. Мало правды было в тех речах; мало преуспели Валар когда бы то ни было в том, чтобы подчинить себе волю людей; но многие нолдор поверили злобным наветам, до конца или отчасти.

Вот так, прежде, чем узнали о том Валар, яд злобы отравил мир в Валиноре. Нолдор принялись роптать против Властей; многих обуяла гордыня, и позабыли они, сколь многое из того, чем обладали и что знали, получили они в дар от Валар. Но ярче всего пламенное желание свободы и владений более обширных вспыхнуло в нетерпеливом сердце Феанора, и Мелькор смеялся втайне, ибо ложь его угодила в цель: более всего ненавидел он Феанора и жаждал завладеть Сильмарилями. Но к драгоценностям этим не мог он даже приблизиться, ибо, хотя на великих празднествах сияли они на челе Феанора, в другие дни они бдительно охранялись, запертые в подземных залах его сокровищницы в Тирионе. Ибо Феанор проникся к Сильмарилям любовью, граничащей с жадностью, и не позволял смотреть на них никому, кроме отца и своих семерых сыновей; теперь редко вспоминал он о том, что свет, заключенный в самоцветах, создал не он.

Благородными владыками были принцы Феанор и Финголфин, старшие сыновья Финвэ, всеми чтимые в Амане; теперь же они возгордились, и каждый ревниво оберегал права свои и собственность. Тогда Мелькор распустил в Эльдамаре новые лживые слухи, и коварные наветы достигли ушей Феанора, будто бы Финголфин и его сыновья замышляют захватить власть, принадлежащую Финвэ и Феанору, его прямому наследнику, и сместить их с дозволения Валар, ибо Валар недовольны тем, что Сильмарили хранятся в Тирионе, а не доверены им. А Финголфину и Финарфину говорилось иное: «Остерегайтесь! Никогда не питал любви надменный сын Мириэли к детям Индис. Теперь он могуч, и отец во всем уступает ему. Недалеко то время, когда он изгонит вас с холма Туна!»

Когда же убедился Мелькор, что лживые наветы его уже дают плоды и что в сердцах нолдор пробудились гордыня и гнев, он заговорил с ними об оружии; и тогда нолдор стали ковать мечи, и секиры, и копья. И щиты они делали, и изображали на них знаки домов и родов, что соперничали друг с другом; щиты носили они открыто, а о прочем оружии умалчивали, ибо каждый полагал, что он один вовремя упрежден. А Феанор выстроил тайную кузницу, о которой не проведал даже Мелькор; и там закалил смертоносные мечи для себя и своих сыновей, и выковал высокие шлемы, и украсил их алыми перьями. Горько пожалел Махтан о том дне, когда обучил мужа Нерданели всем секретам работы с металлом, что узнал от Аулэ.

Так лживыми речами, злобным наговором и коварными советами Мелькор разжег в сердцах нолдор пламя вражды; и ссоры между эльфами привели в итоге к тому, что завершились дни процветания Валинора и древняя слава его склонилась к закату. Ибо теперь Феанор открыто вел бунтарские речи противу Валар, объявляя повсюду, что уйдет из Валинора назад во внешний мир и освободит нолдор от рабства, если те последуют за ним.

Так началась в Тирионе великая смута, и обеспокоился Финвэ, и призвал всех своих лордов на совет. Финголфин же поспешил в его чертоги и предстал перед ним, говоря: «Король и отец мой, ужели не смиришь ты гордость брата нашего Куруфинвэ, кого по справедливости называют Духом Огня? По какому праву говорит он за весь наш народ, как если бы был королем? Это ты в незапамятные времена держал речь перед квенди и повелел им

внять призыву Валар и идти в Аман. Это ты вел нолдор долгим путем через опасности Средиземья к свету Эльдамара. Если не сожалеешь ты об этом теперь, два сына, по меньшей мере, есть у тебя, которые чтят твою волю».

Но как только выговорил эти слова Финголфин, в зал ворвался Феанор в полном вооружении: высокий шлем венчал его чело, а у пояса сверкал могучий меч. «Все так, как я думал, – молвил он. – Мой единокровный брат тщится занять мое место подле отца моего, – как в этом, так и в любых других делах». И, обернувшись к Финголфину, он выхватил меч, воскликнув: «Убирайся прочь и помни свое место!»

Финголфин поклонился Финвэ и ни словом, ни взглядом не ответив Феанору, вышел из зала. Но Феанор последовал за ним и у дверей королевского дворца преградил ему путь; и направил острие своего пламенеющего меча в грудь Финголфина. «Смотри же, единокровный брат! – сказал он. – Этот клинок поострей твоего языка. Посмей только вновь покушаться на мое место и на любовь отца моего, и этот меч, уж верно, избавит нолдор от того, кто жаждет быть господином рабов».

Многие слышали эти слова, ибо дворец Финвэ стоял на широкой площади у подножия башни Миндон, но вновь ничего не ответил Финголфин и, молча пройдя сквозь толпу, отправился повидать брата своего Финарфина.

Смута среди нолдор не укрылась от внимания Валар, хотя не ведали они ее скрытых причин; потому, поскольку Феанор первым открыто выступил против них, Валар решили, что это он сеет недовольство: при том, что гордыня овладела всеми нолдор, своеволие и высокомерие Феанора не имели себе равных. Опечалился Манвэ, но молча наблюдал он за происходящим. По доброй воле пришли эльдар в земли Валар; свободны они были оставаться или уходить; и хотя Валар сочли бы уход их великим безрассудством, не могли они удерживать эльфов. Однако теперь деяния Феанора нельзя было оставить безнаказанными. Гнев и смятение охватили Валар, и призвали они Феанора к вратам Валмара, держать ответ за все слова свои и поступки. Призвали также всех, кто был замешан в этом деле или что-либо о нем знал; и Феанор предстал перед Мандосом в Круге Судьбы, и повелели ему отвечать на все, о чем спросят. Тогда наконец обнаружился корень зла и разоблачено было коварство Мелькора; и тотчас же Тулкас покинул совет, чтобы схватить его и вновь привести на суд. Но и Феанора никто не оправдывал, ибо это он нарушил мир Валинора и поднял меч на родича; и Мандос сказал ему: «Ты говоришь о рабстве. Если это и впрямь рабство, тебе его не избежать, ибо Манвэ – Король всей Арды, а не только Амана. И деяние твое было несправедным – по обычаям ли Амана, или другой земли. Потому такой вынесен тебе приговор: на двенадцать лет ты должен покинуть Тирион, где прозвучали слова угрозы. За это время обдумай все и вспомни, кто ты и что ты. По истечении же срока ты будешь прощен и вина твоя забыта, если другие пожелают освободить тебя».

Тогда молвил Финголфин: «Я освобожу брата моего». Но ни слова не сказал Феанор в ответ: молча стоял он перед Валар. Затем он повернулся и ушел с совета, и покинул Валмар.

Вместе с ним в изгнание ушли его семь сыновей. На севере Валинора, в горах, они выстроили крепость и сокровищницу; там, в Форменосе, хранилось бесчисленное множество драгоценных камней, а также и оружие; Сильмарили же были заперты в окованном железом зале. В Форменос ушел и король Финвэ, движимый любовью к Феанору; и Финголфин стал править нолдор в Тирионе. Так лживые речи Мелькора, казалось, обернулись правдой, хотя в том была вина самого Феанора; и неприязнь, посеянная Мелькором, не исчезла, но долго еще жила между сыновьями Финголфина и Феанора.

Мелькор же, узнав, что ухищрения его разоблачены, скрылся и скитался от места к месту, словно туча в холмах; и тщетно разыскивал его Тулкас. И показалось народу Вали-

нора в ту пору, что свет Дерев утратил былую яркость, а тени всех предметов удлиннились и сделались темнее.

Говорится, что некоторое время Мелькор не появлялся в Валиноре и ничего о нем не было слышно; как вдруг, неожиданно-негаданно, явился он в Форменос и говорил с Феанором у дверей его крепости. Мелькор притворился его другом и коварными доводами настойчиво пытался пробудить в нем прежнюю мысль бежать из плена Валар. Так сказал он: «Взгляни – разве не правдой обернулись все мои слова? Ты несправедливо изгнан. Но если в сердце Феанора по-прежнему жива жажда свободы и доблесть, как явствовало из слов его в Тирионе, тогда я помогу ему и уведу его далеко прочь от этой жалкой полоски земли. Ибо разве я – не Вала? Вала – и притом могущественнее, чем те, что починут на лаврах в Валимаре; я же всегда был другом нолдор, самого искусного и отважного народа Арды».

Сердце Феанора еще переполняла горечь унижения от того, что стерпел он перед Мандосом; и молча взирает он на Мелькора, размышляя, не лучше ли вправду отчасти довериться ему, чтобы тот помог ему бежать. Мелькор же, видя, что Феанор колеблется, и зная, что Сильмарили прочно завладели его сердцем, сказал наконец: «Крепка эта твердыня и надежно охраняется; но не надейся, что Сильмарили будут в безопасности в какой бы то ни было сокровищнице в пределах королевства Валар!»

Но здесь Мелькор перестарался: лукавые слова его задели Феанора за живое и пробудили пламя более яростное, нежели Мелькор ожидал. Взглянул на Мелькора Феанор, и взгляд его прожег насквозь принятое врагом прекрасное обличье и пронзил завесу, скрывавшую его помыслы, и постиг обуревающую того жажду завладеть Сильмарилями. Тогда ненависть возобладала над страхом, и Феанор проклял Мелькора, и прогнал его, говоря: «Убирайся прочь от моих врат, ты, тюремная крыса Мандоса!» И он захлопнул двери своего дома перед могущественнейшим из обитателей Эа.

И удалился Мелькор посрамленным, ибо сам он в то время подвергался опасности и видел, что не настал еще час для мести; но сердце его почернело от гнева. А Финвэ объял великий страх; и тут же отослал он гонцов в Валмар, к Манвэ.

Валар же, обеспокоенные тем, что удлиннились тени, держали совет перед вратами города, когда явились гонцы из Форменоса. Тотчас же вскочили Оромэ и Тулкас, но, едва бросились они в погоню, как подоспели посланцы из Эльдамара с вестями о том, что Мелькор бежал через ущелье Калакирья, и видели эльфы с холма Туна, как пронесся он, объятый гневом, подобно грозовой туче. И еще сказали они, будто оттуда повернул Мелькор к северу, ибо телери из Алквалондэ заметили его тень, что промелькнула мимо их гавани, удаляясь в сторону Арамана.

Так Мелькор покинул Валинор, и на какое-то время Два Древа вновь засияли незамутненным заревом, и землю залил свет. Но напрасно ждали Валар новых известий о враге своем; и, подобно далекому облаку, что неспешно поднимается все выше на крыльях ледяного ветра, сомнение омрачало отныне радость жителей Амана; охваченные страхом, не знали они, откуда ждать беды.

Глава 8

О том, как на Валинор пала тьма

Манвэ же, услышав о том, куда направился Мелькор, решил, что тот намерен укрыться в своих прежних цитаделях на севере Средиземья; и Оромэ с Тулкасом поспешили в северные края, надеясь перехватить беглеца, если смогут, но ни следов его, ни слухов о нем не обнаружили за пределами берегов телери, в необитаемых пустошах у границы Льдов. Тогда удвоили стражу вдоль северных ограждений Амана, только напрасно; ибо еще до того, как преследователи пустились в путь, Мелькор повернул назад и тайно углубился далеко на юг. Ибо он по-прежнему обладал могуществом Валар и мог, подобно братьям своим, менять облик по своему желанию или передвигаться, отказавшись от всякого обличия; хотя скоро суждено ему было утратить эту способность навсегда.

Так, невидимым, добрался он наконец до сумрачной области Аватар. Эта узкая полоска земли протянулась к югу от залива Эльдамар, у подножия восточных склонов гор Пелори; ее унылые берега простирались далеко на юг – неисследованные, окутанные мглой. Там, под сенью отвесной стены гор, у темных вод холодного моря лежали тени более глубокие и непроглядные, нежели где-либо в мире; этот край Аватар втайне и неведомо для всех избрала своим убежищем Унголиант. Эльдар не знали, откуда взялась она; некоторые, однако, утверждали, будто много веков назад она явилась из тьмы, окутывающей Арду, когда Мелькор впервые с завистью взглянул на Королевство Манвэ; и будто изначально она была из числа тех, кого Мелькор склонил ко злу и привлек к себе на службу. Но она отвергла своего Господина, желая подчиняться одной лишь собственной алчности, поглощая все вокруг, дабы заполнить пустоту внутри себя. Спасаясь от натиска Валар и охотников Оромэ, она бежала на юг, ибо Валар всегда неусыпно следили за северными землями, а про юг долгое время забывали. Оттуда-то она и подбиралась к свету Благословенного Королевства, ибо Унголиант алкала света и ненавидела его.

Унголиант поселилась в ущелье и приняла образ чудовищной паучихи, и плела свои черные сети в расщелине скал. Там она жадно всасывала весь доходящий до нее свет и изрыгала его назад сплетениями черной паутины удушливого мрака. И наконец свет уже не мог проникать в ее жилище, и она голодала.

Теперь же Мелькор явился в землю Аватар и отыскал ее; и снова принял он образ, что носил некогда как тиран Утумно: образ темного Властелина, могучего и ужасного. Отныне и навсегда оставался он в этом обличье. Там, в непроглядной тени, сокрытые даже от взора Манвэ, восседающего в вышних своих чертогах, Мелькор и Унголиант готовили свою месть. Когда поняла Унголиант замысел Мелькора, она долго колебалась между алчностью и великим страхом; ибо ей отнюдь не хотелось бросать вызов опасностям Амана и могуществу наводящих ужас Владык; и не соглашалась она покинуть свое убежище. Тогда Мелькор сказал ей: «Делай, как я велю; и если голод твой не утихнет после того, как свершится наша месть, я дам тебе то, чего потребует твоя алчность. Дам все, обеими руками». С легкостью поклялся он – как и всегда, клятвы не имели для него веса; и смеялся втайне. Так вор более опытный расставлял сети для новичка.

Плащом тьмы окутала Унголиант себя и Мелькора, когда они пустились в путь: то был Не-свет, в котором все, казалось, прекращало свое существование; куда не проникал взор, ибо суть его – пустота. Затем принялась она неспешно ткать свои сети: нить за нитью, от расщелины к расщелине, от каменного выступа к скальному пику, пока, наконец, не добралась до вершины Хьярментир, самой высокой из гор того края, что лежит далеко к югу от величественной скалы Таникветиль. Туда не обращали взор свой Валар, ибо к западу от гор Пелори простирались пустынные земли, укрытые сумерками, а с востока к горам примы-

кали, кроме забытого всеми Аватара, только тусклые воды бескрайнего моря. Теперь же на вершине горы уместилась ужасная Унголиант, и свила она веревочную лестницу, и сбросила ее вниз, и Мелькор взобрался по ней на ту вершину, и встал подле Унголиант, и взглянул сверху на Хранимое Королевство. Внизу простирались леса Оромэ, на западе зеленели поля и пастбища Йаванны и золотились высокие колосья пшеницы богов. Мелькор же взглянул на север и увидел вдали залитую светом равнину и серебряные купола Валмара, сверкающие в смешанном сиянии Тельпериона и Лаурелин. Тогда громко расхохотался Мелькор и, перепрыгивая с камня на камень, стал проворно спускаться по протяженным западным склонам; Унголиант же не отставала от него, и исторгаемая ею тьма укрывала обоих.

В ту пору, как хорошо знал Мелькор, было время празднества. Хотя Валар повелевали временами года и сменой их, и Валинор не знал смертоносного дыхания зимы, все же жили тогда Владыки в Королевстве Арда, а это всего лишь малое царство в пределах Эа, и жизнь его подчинена Времени, ход которого непрерывен – от самой первой ноты до заключительного аккорда Эру. В те дни Валар было в радость облекаться, точно в одежды, в образы Детей Илуватара (как о том говорится в «Айнулиндалэ»); вкушали они также и пищу, и утоляли жажду, и собирали плоды Йаванны – дары Земли, созданной ими согласно воле Эру. Потому Йаванна назначила сроки для цветения и созревания всего, что росло в Валиноре; и всякий раз при первом сборе плодов Манвэ созывал великий пир во славу Эру; и все народы Валинора веселились на Таникветили, изливая радость в музыку и песнях. Этот-то час настал и теперь, и Манвэ устроил празднество еще более великолепное, чем все, что знали эльдар со времен своего прихода в Аман. Ибо хотя бегство Мелькора и сулило страдания и невзгоды, и никто не ведал, сколько еще ран нанесено будет Арде, прежде чем снова одолеют врага, в ту пору Манвэ решил исправить зло, посеянное среди нолдор; всех пригласил он прийти в его чертоги на Таникветили и там уладить ссоры, что разделяли эльфийских правителей, и окончательно изгнать из памяти лживые наветы Врага.

И вот пришли ваньяр, и вот пришли нолдор Тириона; собрались вместе Майар, и Валар предстали перед ними воплощением величия и красоты; и народы Валинора пели перед Манвэ и Вардой в их царственных чертогах или танцевали на зеленых склонах Горы, озаренной с запада светом Дерев. В тот день опустели улицы Валмара, и безмолвие укрыло лестницы Тириона; и вся земля уснула мирным сном. Только телери все пели на берегах моря за горами: мало занимала их смена времен года и течение дней, и не задумывались они о заботах Управителей Арды или тени, что пала на Валинор, ибо их она до поры не коснулась.

Одно только омрачало замысел Манвэ: Феанор пришел-таки, – ему одному Манвэ приказал явиться, – но не пришел Финвэ, и никто другой из нолдор Форменоса. Ибо объявил Финвэ: «Пока сын мой Феанор живет в изгнании и запрещено ему приходить в Тирион, я не считаю себя королем и не стану встречаться со своим народом». Феанор же явился не в праздничных одеждах, и не было на нем никаких украшений – ни серебра, ни золота, ни драгоценных камней; и не дал он полюбоваться на Сильмарили ни Валар, ни эльдар, а запер их в Форменосе в окованном железом зале. Однако же он приблизился к Финголфину пред троном Манвэ и примирился с ним на словах; и простил ему Финголфин то, что меч был извлечен из ножен. И протянул ему Финголфин руку, говоря: «Как обещал я, так теперь и поступлю. Освобождаю тебя и не помню обиды».

Феанор молча принял его руку; Финголфин же продолжал: «Единокровный брат твой, по велению сердца буду я тебе родным братом. Тебе – вести, мне же – следовать за тобою. И да не разделит нас новое горе!»

«Я выслушал тебя, – сказал Феанор. – Да будет так». Но не знали тогда они, чем обернутся их слова, и не постигли их скрытого смысла.

Говорят, что пока стояли Феанор и Финголфин перед Манвэ, наступило слияние света; тогда засияли оба Древа, и безмолвный город Валмар озарили золотые и серебряные лучи.

И в этот самый час Мелькор и Унголиант стремительно пересекли поля Валинора, точно тень черного облака, гонимого ветром над освещенной солнцем землей, и приблизились к зеленому холму Эзеллохар. Тогда Не-свет Унголиант пополз вверх, к самым корням Дерев; и Мелькор вскочил на холм, и черным своим копьем пробил каждое Древо до сердцевины, и нанес им глубокие раны; и из ран хлынул питающий их сок, точно кровь, и пролился на землю; и Унголиант всосала его. Переходя от Древа к Древу, подносила она свой черный клюв к их ранам, пока не выпила все досуха; и яд Смерти, источаемый ею, вошел в ткани Дерев и иссушил их корни, ветви и листья; и Древа умерли. Но Унголиант все еще мучила жажда; и, подойдя к Колодцам Варды, она осушила их; поглощая же свет, она изрыгала черные клубы дыма; и раздулась она до размеров столь чудовищных, что Мелькора охватил страх.

Так непроглядная тьма пала на Валинор. О случившемся в тот день многое рассказано в «Алдудениэ», песни, что ведома всем эльдар; сложил ее Элеммирэ из народа ваньяр. Однако ни песнь, ни повесть не могут передать всей глубины горя и ужаса того дня. Свет погас; но наступившая Тьма являлась большим, нежели просто утратой света. В тот час создана была Тьма, что не сводилась к недостатке, но словно бы обладала собственным бытием, ибо злоба сотворила ее из Света; и Тьма эта обладала властью ослеплять взор, и входить в сердце и мысли, и подавлять самую волю.

Варда взглянула с Таникветили и узрела Тень, что стремительно росла и надвигалась на мир цитаделями мрака; непроглядное море ночи затопило Валмар: скоро лишь Священная Гора одиноко возвышалась последним островком затонувшего мира. Все песни смолкли. Безмолвие воцарилось в Валиноре, и не слышно было ни звука; только издалека, сквозь брешь в горах, ветер доносил стенания телери, подобные скорбному крику чаек. Ибо в тот час с Востока потянуло холодом и гигантские тени моря накатили на береговые скалы.

Тогда Манвэ взглянул на мир с высоты своего трона, и только его взор пронзил ночь и за завесой темноты разглядел Тьму, в которую проникнуть не мог: огромное черное облако вдалеке, что стремительно двигалось на север; и понял Манвэ, что Мелькор побывал в Валиноре и ушел вновь.

Тогда-то бросились в погоню; и земля задрожала под копытами коней воинства Оромэ; и искры, что сыпались из-под копыт Нахара, стали тем первым светом, что возвратился в Валинор. Но как только всадникам Валар удавалось поравняться с Облаком Унголиант, их ослеплял страх, и они рассыпались в разные стороны, и скакали сами не зная куда; и звук Валаромы дрогнул и заглох. А Тулкас, словно запутавшись в черных тенетах ночи, стоял, беспомощный и лишенный силы, тщетно колотя воздух. Когда же Тьма рассеялась, было слишком поздно: Мелькор беспрепятственно скрылся и месть его свершилась.

Глава 9

О бегстве нолдор

По прошествии времени неисчислимые толпы стеклись к Кругу Судьбы; и Валар восседали на тронах во мраке, ибо была ночь. Но уже мерцали в вышине звезды Варды, и воздух был чист, ибо ветра Манвэ развеяли смертоносные испарения и прогнали прочь тени моря. Тогда встала Йаванна, и поднялась на Эзеллохар, Зеленый холм, но черным и опустошенным явился он взгляду; и Йаванна возложила руки на Древа, но они были мертвы и темны; и каждая ветвь ломалась под прикосновением и падала, безжизненная, к ее ногам. Тогда раздалось стенание и плач многих голосов; и показалось скорбящим, будто до дна испили они чашу горя, уготованную им Мелькором. Но это было не так. И Йаванна обратилась к Валар, говоря: «Свет Дерев сгинул и жив ныне лишь в Сильмарилиях Феанора. Воистину снизошел на него дар предвидения! Даже для могущественнейших пред лицом Илуватара есть такое свершение, какое исполнить можно лишь однажды и не иначе. Я дала бытие Свету Дерев, и в пределах Эа не смогу свершить того же снова. Но будь у меня хотя бы малая толика того света, я сумела бы вернуть Деревам жизнь прежде, чем умрут их корни; и тогда исцелены будут наши раны, и злобный замысел Мелькора потерпит крах».

Тогда заговорил Манвэ, и молвил: «Слышишь ли ты слова Йаванны, Феанор, сын Финвэ? Даруешь ли то, о чем хотела бы просить она?»

Наступило долгое молчание, но ни слова не произнес Феанор в ответ. Тогда воскликнул Тулкас: «Говори же, о нолдо, да или нет! Но кто же посмеет отказать Йаванне? И разве свет Сильмарилей изначально взят не от ее творения?»

Но отозвался Аулэ, Созидатель: «Не надо спешить! Мы просим о большем, нежели тебе ведомо. Позволь ему спокойно поразмыслить». Тогда заговорил Феанор, и воскликнул он с горечью: «И для малых, так же, как и для великих, есть такой труд, какой можно исполнить лишь однажды; и в том труде – отрада сердца мастера. Я могу отомкнуть для вас мои самоцветы, но никогда не сотворить мне вновь подобного им; если вынудят меня разбить их – разобьется и мое сердце, и погибну я – первым из эльдар Амана».

«Не первым», – молвил Мандос, но никто не понял слов его. И вновь наступило молчание; Феанор же мрачно размышлял во тьме. Показалось ему, будто враги окружили его тесным кольцом; и вновь вспомнились ему слова Мелькора о том, что Сильмарили не будут в безопасности, пока Валар стремятся завладеть ими. «А разве Мелькор – не Вала, как и все они? – подсказывала ему мысль. – Разве не постиг он их тайные думы? Именно так: вор выдает воров!» И воскликнул вслух Феанор: «Я не сделаю этого по доброй воле, но если принудят меня Валар, вот тогда узнаю я доподлинно, что Мелькор – родня им». И молвил Мандос: «Ты сказал». И встала Ниэнна, и поднялась на Эзеллохар, и откинула свой серый капюшон, и слезами смыла скверну Унголиант; и запела, оплакивая зло мира и Искажение Арды.

А пока скорбела Ниэнна, явились нолдор, посланцы из Форменоса, и принесли новые недобрые вести. Поведали они о том, как непроглядная Тьма надвинулась на север, а в самом сердце ее наступала неведомая сила, которой не было имени; и в ней брала свое начало Тьма. И Мелькор был там; к дому Феанора явился он и сразил Финвэ, короля нолдор, у самых его дверей, и впервые пролил кровь в Благословенном Королевстве; ибо один Финвэ не бежал от ужаса Тьмы. И еще сказали гонцы, что Мелькор ворвался в крепость Форменос и похитил все сокровища нолдор, что хранились там; а вместе с ними исчезли и Сильмарили.

Тогда поднялся Феанор и, воздев руку перед Манвэ, проклял Мелькора и нарек его *Моргот*, Черный Враг Мира; и лишь под этим именем знали его эльдар впредь. И проклял Феанор также приглашение Манвэ и тот час, когда пришел на Таникветиль; ибо, охвачен-

ный яростью и горем, в безумии своем полагал Феанор, что будь он в Форменосе, его сил достало бы на большее, нежели тоже пасть от руки Мелькора, как тот и замышлял. И выбежал Феанор из Круга Судьбы и скрылся в ночи, ибо отца своего любил он больше, нежели свет Валинора или непревзойденные творения своих рук; и кто из сыновей эльфов и смертных более дорожил своим отцом?

Многие сокрушались, сочувствуя горю Феанора; но не один он скорбел о своей утрате: и Йаванна лила слезы у холма, боясь, что Тьма навсегда поглотит последние лучи Света Валинора. Ибо хотя Валар еще не поняли до конца происшедшее, ясно им было, что Мелькор призвал на помощь некую силу извне Арды. Сильмарили сгнули, и, казалось, не имело значения, ответил ли Феанор Йаванне «да» или «нет»; однако скажи он «да» с самого начала, до того, как прибыли вести из Форменоса, – может статься, иными оказались бы последующие его деяния. Но теперь ничто не могло отвратить рок, нависший над народом нолдор.

Тем временем Мелькор, ускользнув от погони Валар, достиг пустынных земель, называемых Араман. Этот край лежал далеко на севере, между горами Пелори и Великим морем, точно так же, как Аватар – на юге; но обширнее были земли Арамана: от морских берегов до самого подножия гор простирались бесплодные равнины; и чем ближе к кромке льда, тем холоднее становился воздух. Эту область стремительно пересекли Моргот и Унголиант, и сквозь густые туманы Ойомурэ вышли к Хелькараксэ, где пролив между Араманом и Средиземьем сковал скрежещущий лед; и Мелькор перебрался через пролив и достиг наконец северного побережья Внешних земель. Не удавалось Морготу избавиться от Унголиант; вместе двинулись они дальше, и облако ее все еще нависало над ним, и все глаза ее устремлены были на него; и вышли они к тем землям, что лежат к северу от залива Дренгист. Оттуда недалеко уже было до развалин Ангбанда, некогда мощной западной цитадели; и Унголиант поняла замысел Моргота, догадавшись, что здесь он попытается бежать от нее; и она преградила ему путь, требуя, чтобы тот выполнил свою клятву.

«Исчадие злобы! – сказала она. – Я исполнила твою волю. Но меня по-прежнему мучит голод».

«Что еще тебе нужно? – отозвался Моргот. – Ты желаешь весь мир упрятать в свое брюхо? Уж его-то я не клялся отдать тебе. Я – Властелин мира».

«Так много мне не надо, – отвечала Унголиант. – Но в твоих руках – сокровища Форменоса; их я получу. О да, ты отдашь мне их обеими руками».

Тогда волей-неволей Моргот уступил ей драгоценные камни, что унес с собою; один за одним, и нехотя; и она пожрала их, и красота их погибла для мира. Унголиант же выросла до еще больших размеров и стала еще чернее, но алчность ее не знала утolenия. «Одною рукою даешь ты, – сказала она, – одною лишь левой. Разожми свою правую руку».

А в правой руке Моргот крепко сжимал Сильмарили, и, даже запертые в хрустальном ларце, самоцветы уже жгли его огнем, и стиснул он пальцы, сведенные судорогой боли, но ни за что не желал разжать руку.

«Нет! – воскликнул он. – Ты получила то, что тебе причиталось. Ибо никто иной как я придал тебе сил исполнить задуманное. Но больше ты мне не нужна. Этих камней ты не получишь, и даже не увидишь их. Я навечно объявляю их своими».

Но несказанно возросла к тому времени мощь Унголиант, Моргот же утратил часть своей силы; и она набросилась на Моргота, и облако тьмы сомкнулось вокруг него; и Унголиант опутала врага своего паутиной липких щупалец, пытаясь задушить. Тогда Моргот издал душераздирающий вопль, эхом отозвавшийся в горах. Потому земля эта получила название Ламмот, ибо с тех самых пор жило там эхо его голоса, и любой громкий возглас будил тот отзвук вновь – тогда над пустошью между холмами и морем гремели словно бы голоса, исполненные несказанной муки. Не слышали северные края ничего громче и ужаснее того жуткого вопля: горы содрогнулись, и земля заходила ходуном, и раскололись скалы. В недрах

забытых пещер отозвался этот крик. В глубинах под руинами Ангбанда, в подземельях, куда не спускались Валар в ходе стремительного штурма, все еще скрывались балроги, ожидая возвращения своего Владыки; теперь же они сей же миг воспряли и, пронесшись над Хитлумом, подоспели в Ламмот, словно огненный смерч. Своими пылающими бичами они разорвали сети Унголиант, и та дрогнула и обратилась в бегство, изрыгая черные клубы дыма, что укрывали ее от взгляда. Бежав из северных краев, она перебралась в Белерианд и поселилась у подножия Эред Горгорот, в той темной лошине, что позже получила название Нан Дунгортеб, Долина Страшной Смерти, ибо водворился там вместе с нею великий ужас. Много других мерзостных тварей в паучьем обличье таилось там с тех самых пор, как построена была подземная крепость Ангбанд; и Унголиант спаривалась с ними, а затем пожирала их. После же того, как сама Унголиант оставила те места и ушла куда-то в забытые всеми южные края, в лошине гнездились ее отпрыски, и плели там свои гнусные сети. О судьбе самой Унголиант молчат легенды. Однако говорили иные, будто скончалась она давным-давно, когда, терзаемая неутолимым голодом, пожрала наконец саму себя.

Так не сбылись страхи Йаванны, опасавшейся, что Сильмарили будут проглочены чудовищем и обратятся в ничто; однако по-прежнему оставались они во власти Моргота. Он же, обретя свободу, опять собрал вокруг себя всех своих слуг, каких сумел отыскать, и вернулся к развалинам Ангбанда. Там он заново отстроил просторные подземные склепы и темницы; а над воротами воздвиг тройной пик скалы Тангородрим, и над ними всегда курились темные клубы дыма. Там собрались неисчислимые рати его чудовищ и демонов, а в недрах земли плодилось и размножалось гнусное племя орков, выведенное ранее. Темная тень пала на Белерианд, как будет сказано далее; в Ангбанде же Моргот отковал для себя огромную железную корону и провозгласил себя Королем Мира. И в знак того оправил он в корону Сильмарили. Руки его были обожжены дочерна от прикосновения к священным камням; такими остались они навсегда, и вовеки не утихла боль от ожогов и ярость, вызванная болью. Корону эту Моргот никогда не снимал с головы, хотя со временем невыносимой сделалась ее тяжесть. Только раз покинул он втайне на время владения свои на Севере; редко выходил он из глубоких подземелий своей крепости, но направлял воинства с северного своего трона. И лишь единожды, пока стояло его королевство, брался он за оружие.

Ибо теперь еще сильнее, нежели во времена Утumno, до того, как гордыня его потерпела унижение, грызла его ненависть; и он расходовал дух свой, подчиняя себе волю своих слуг и будя в них слепую жажду разрушения. Однако же, долго еще сохранял он величие, присущее ему как одному из Валар, хотя теперь сутью этого величия стал ужас; и пред лицом его все, кроме самых стойких, погружались в темные бездны страха.

Теперь же, когда стало известно, что Моргот бежал из Валинора и погоня ни к чему не привела, долго восседали Валар на тронах в Круге Судьбы, в темноте, а Майар и ваньяр, рыдая, стояли подле; нолдор же почти все вернулись в Тирион и оплакивали прекрасный город свой, погружившийся во мрак. Сквозь смутно различимое ущелье Калакирья тянулись туманы от сумрачных морей и плащом окутывали дворцы и башни, и тускло светился во мгле маяк Миндона.

Тогда появился в городе Феанор, и призвал всех собраться во дворе короля на вершине холма Туна; однако Феанор по-прежнему числился изгнанником, ибо наказание не было с него снято; потому, явившись в Тирион, он восстал против воли Валар. Великое множество эльфов сошлось вскоре выслушать, что он скажет; холм, лестницы, улицы, сбегające вниз к основанию холма, озарили сотни огней, ибо каждый сжимал в руке факел. Великим красноречием наделен был Феанор; слова его подчиняли себе сердца, когда хотел он того; а в ту ночь обратился он к нолдор с речами, что запомнили они навсегда. Слова его дышали исступлением и злобой; гнев и гордыня звучали в них, и безумие овладело нолдор, внимав-

шими тем словам. Ярость и ненависть Феанора обращены были главным образом на Моргот, однако же почти все, что говорил он, следовало из лживых наветов самого Моргота: горе из-за смерти отца и скорбь об утрате Сильмарилей помутили разум Феанора. Теперь он претендовал на королевскую власть над всеми нолдор, ибо Финвэ был мертв, а волю Валар бунтовщик ни во что не ставил.

«Зачем, о народ нолдор, – взывал он, – зачем служить нам и долее завистливым Валар, что не в силах защитить ни нас, ни даже собственное свое королевство от Врага своего? Верно, Моргот теперь им враг, но разве они и он – не одного племени? Месть призывает меня прочь от этих мест, но, будь все иначе, я не остался бы в одной земле с родней убийцы моего отца и похитителя моего сокровища. Но ужели я – единственный, кто наделен отвагой среди этого отважного народа? Разве не лишились вы все своего короля? А чего не лишились вы, прозябающие, словно в темнице, на этом жалком клочке земли между горами и морем?»

«Некогда здесь был свет, который Валар поскупились дать Средиземью; но теперь тьма уравнила все. Станем ли мы горевать здесь в бездействии вечно, – народ теней, призраки туманов, – напрасно орошая слезами неблагодарное море? Или вернемся домой? Отрадные воды озера Куивизнен плескались под яркими звездами, а вокруг лежали бескрайние земли, назначенные в удел свободному народу. Они все еще ждут нас, покинувших их в безумии своем. Уйдем же! Пусть этот город остается трусам!»

Долго говорил Феанор, убеждая нолдор последовать за ним и собственной доблестью завоевать свободу и обширные королевства восточных земель, пока не поздно; ибо в речах его эхом звучали лживые наветы Мелькора о том, что будто бы Валар обманули эльфов и намерены держать их в плену, чтобы люди стали править в Средиземье. Многие эльдар в первый раз тогда услышали о Пришедших Позже. «Прекрасный итог ждет нас, хотя путь будет долог и труден! – восклицал Феанор. – Распрощайтесь с рабством! Но распрощайтесь также и с покоем! Забудьте о слабых! Забудьте о своих сокровищах! Еще немало всего создадим мы! Отправляйтесь налегке; но возьмите с собою мечи! Ибо мы пойдем дальше, чем Оромэ; явим большую стойкость, нежели Тулкас; преследуя врага, мы не повернем вспять. За Морготом, на край Земли! Война – удел его, и неутолимая ненависть. Но когда победим мы и вернем Сильмарили, тогда мы, только мы станем безраздельными владыками немеркнувшего Света и хозяевами великолепия и красоты Арды. Никакой другой народ не потеснит нас!»

И поклялся Феанор ужасной клятвой. Его семеро сыновей тотчас же встали рядом и вместе повторили те же обеты, и алый, как кровь, отблеск играл на лезвиях их мечей в свете факелов. Они принесли клятву, которую никто не в силах нарушить и никто не вправе давать: клятву именем самого Илуватара; призывая на себя Вечную Тьму, если не сдержат ее; провозглашая свидетелями Манвэ и Варду, и священную гору Таникветиль; и обещая преследовать своей мстью и ненавистью до самых пределов Мира любого – будь то Вала, демон, эльф или не родившийся еще смертный; любое существо, великое или малое, доброе или злое, что может появиться со временем вплоть до конца дней; преследовать того, кто хранит Сильмариль или завладеет камнем, или воспрепятствует им вернуть его.

Так поклялись Маэдрос и Маглор, Келегорм, Куруфин и Карантир, Амрод и Амрас, принцы нолдор; и многие дрогнули, услышав ужасные слова. Ибо такую клятву, принесенную во имя добра или зла, нельзя нарушить; она станет преследовать и верного клятве, и изменившего ей до самого конца мира. Потому Финголфин и Тургон, сын его, выступили против Феанора; и разгорелся яростный спор, и снова гнев едва не привел к тому, чтобы в ход пошли мечи. Тогда заговорил Финарфин – мягко, по обыкновению своему, и попытался успокоить нолдор, убеждая их помедлить и задуматься прежде, чем свершится непоправимое; и Ородрет единственным из его сыновей поддержал отца. Финрод примкнул к Тургону, своему другу; но Галадриэль, единственная из женщин нолдор, стоявшая в тот день среди

спорящих правителей, высокая и отважная, страстно желала уйти. Она не принесла клятвы; но слова Феанора о Средиземье воспламенили ее сердце, ибо она жаждала увидеть бескрайние, никем не охраняемые земли и безраздельно править там своим королевством. Те же мысли были и у Фингона, сына Финголфина; его тоже вдохновили речи Феанора, хотя к самому Феанору он большой любви не питал; а рядом с Фингоном стояли, как всегда, Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина. Но они промолчали и не выступили против отцов своих.

Наконец, после долгих споров, Феанор одержал верх, и слова его пробудили в большинстве собравшихся нолдор стремление к новым свершениям и неведомым странам. Потому когда Финарфин снова стал призывать помедлить немного и все обдумать, поднялся дружный крик: «Нет, уйдем же!» И, не медля ни минуты, Феанор и его сыновья принялись готовиться к выступлению.

Многого не дано предусмотреть тем, что отважились избрать путь столь неверный. Однако ж все делалось в немалой спешке, ибо Феанор побуждал нолдор торопиться, опасаясь, что остынут их сердца, и слова его утратят свою силу, и советы других возьмут верх; притом, несмотря на все свои гордые речи, Феанор не забывал о могуществе Валар. Но не было вестей из Валмара, и Манвэ молчал. До поры не желал он запрещать Феанору исполнять задуманное или препятствовать его замыслу, ибо огорчило Валар обвинение в злом умысле противу эльдар и в том, что кого-то насильно удерживают они у себя в качестве пленников. Теперь Валар выжидали и наблюдали за происходящим, ибо им все не верилось, что Феанор долго сможет навязывать свою волю воинству нолдор.

И действительно, как только Феанор начал готовить воинство к выступлению, немедленно возник разлад. Ибо хотя он убедил собравшихся покинуть Валинор, отнюдь не все склонялись к тому, чтобы избрать Феанора королем. Гораздо больше любили Финголфина и его сыновей, и домочадцы его и большинство жителей Тириона отказывались от него отречься, если только Финголфин пойдет с ними. И так наконец нолдор выступили в путь, сулящий им много горестей, двумя раздельными воинствами. Феанор и его сторонники были в авангарде; однако больший отряд шел позади, во главе с Финголфином. Финголфин же отправился в путь вопреки тому, что подсказывало ему мудрое сердце; затем только, что убеждал его сын Фингон, и еще затем, что не желал он бросить свой народ, стремящийся уйти, и оставить его во власти опрометчивых замыслов Феанора. К тому же, Финголфин не забыл своих слов, произнесенных пред троном Манвэ. С Финголфином шел также и Финарфин, движимый теми же доводами; но очень не хотелось ему уходить. Из всех нолдор Валинора (а народ их вырос несказанно) едва ли десятая часть отказалась отправиться в путь: одни – из любви к Валар (особенно же к Аулэ), другие – из любви к Тириону и творениям своих рук; и никто – из страха перед опасностями пути.

Но едва запела труба и Феанор выступил из врат Тириона, явился наконец посланец от Манвэ со словами: «Безрассудству Феанора противопоставлю я лишь совет свой: не уходите! Ибо в недобрый час решились вы на это, и путь ваш ведет к страданиям, каких вы не в состоянии предвидеть. Не будет вам помощи от Валар в вашем начинании, но и препятствовать вам они не станут, ибо вот что следует вам знать: как пришли вы сюда свободно, по своей воле – так свободны вы и уйти. Но тебя, Феанор, сын Финвэ, твоя же клятва изгоняет из Валинора. Горьким будет урок, что научит тебя не верить лживым наветам Мелькора. Он – Вала, говоришь ты. Тогда напрасной была твоя клятва, ибо никого из Валар не под силу тебе одолеть в пределах Эа – сейчас ли, позже ли; даже если бы Эру, кого назвал ты, дал тебе могущество в три раза большее, нежели есть».

Но рассмеялся Феанор, и, не ответив герольду, вновь обратился к нолдор: «Вот как! Так значит, доблестный народ сей отошлет от себя в изгнание наследника короля своего, в сопровождении одних лишь сыновей, и вернется в рабство? Но если найдутся такие, что пойдут со мной, им я скажу: «Страдания предрекают вам? Но мы познали их в Амане. В

Амане от блаженства пришли мы к горю. Испробуем же иной путь: через страдания попытаемся обрести радость или по крайней мере свободу».

Затем, обернувшись к герольду, воскликнул Феанор: «Вот что скажи Манвэ Сулимо, Верховному Королю Арды: если Феанор и не сможет одолеть Моргота, по крайней мере не мешкает он с вызовом на бой, а не пребывает в бездействии, горюя понапрасну. Может быть, Эру вложил в меня пламя более неукротимое, нежели ты ведаешь. По меньшей мере такой урон нанесу я Врагу Валар, что даже могучие в Круге Судьбы изумятся, услышав об этом. О да, это им в итоге следовать за мной. Прощай же!»

В тот час голос Феанора зазвучал столь громко и властно, что даже герольд Валар поклонился ему, как если бы получил учтивый ответ, и отбыл; нолдор же исполнились благоговения. И вновь эльфы пустились в путь; и Дом Феанора спешил вперед, опережая прочих, вдоль берегов Элендэ; и никто из них ни разу не обернулся, чтобы взглянуть на Тирион на зеленом холме Туна. Не столь скоро и не столь охотно следовало за ним воинство Финголфина. Из них первым шел Фингон, а замыкали шествие Финарфин и Финрод, и еще многие из благороднейших и мудрейших нолдор; часто оглядывались они назад, на прекрасный свой город, пока свет маяка Миндон Эльдалиэва не затерялся в ночи. Уносили они в сердце больше воспоминаний о блаженстве прежних дней, от которого отказались, нежели прочие Изгнанники; некоторые же взяли с собою многие творения рук своих, созданные в Тирионе: то было утешение, но и лишняя тяжесть в пути.

И вот Феанор повел нолдор на Север, ибо первым намерением его было следовать за Морготом. Более того, холм Туна под сенью скалы Таникветиль располагался близ пояса Арды, и Великое море в том месте разливалось очень широко; но чем дальше к северу, тем уже становились разделяющие моря, а пустоши Арамана и берега Средиземья сходились все ближе. Но когда поостыло нетерпение Феанора и задумался он, он понял, хотя и слишком поздно, что огромным войскам никогда не преодолеть столь больших расстояний на пути к северу и не пересечь в итоге моря – без помощи кораблей; однако потребовалось бы много времени и труда, чтобы построить столь большой флот, даже если бы среди нолдор были те, кто владеет этим искусством. Потому решил Феанор склонить телери, давних друзей нолдор, присоединиться к ним; одержим мятежным духом, полагал он, что благодаря тому еще более убудет блаженство Валинора, а мощь его в войне против Моргота умножится. И тогда поспешил Феанор в Алквалондэ, и воззвал к телери, как прежде взывал к народу своему в Тирионе.

Но телери остались равнодушны к его речам. Очень опечалил их уход давних друзей и родни, но они склонны были скорее отговорить нолдор от задуманного, нежели оказать им помощь; и не соглашались они ни предоставить нолдор свои корабли, ни помочь в постройке новых против воли Валар. Для себя же они не желали теперь иного дома, нежели побережье Эльдамара, и иного владыки, кроме Олвэ, правителя Алквалондэ. Олвэ же никогда не склонял слух свой к речам Моргота и не привечал его в своих владениях, и твердо верил, что Ульмо и другие великие среди Валар исправят зло, причиненное Морготом, и еще сгинет ночь и вновь наступит рассвет.

Тогда Феанор пришел в ярость, ибо по-прежнему страшился промедления, и в запальчивости сказал он Олвэ: «Отрекаетесь вы от друзей своих в час нужды нашей. Однако же весьма радовались вы нашей помощи, когда пришли наконец к этим берегам – вы, замешкавшиеся малодушно, и притом с пустыми руками. До сих пор ютились бы вы в лачугах на берегу, если бы нолдор не отстроили вам гавань и не возвели ваши стены трудом своим!»

Но отвечал Олвэ: «Мы не отрекаемся от друзей. Но разве не долг дружбы – упрекнуть друга за безрассудство? Когда нолдор приветили нас и оказали помощь, иными были слова ваши: в земле Аман предстояло нам жить вечно, как братьям, чьи дома стоят один подле другого. Но что до наших белых кораблей, не вы нам их дали. Не от нолдор научились мы своему искусству, но от Владык Моря; белоснежные ладьи построили мы своими руками, а белоснежные паруса соткали жены наши и дочери. Потому не отдадим мы кораблей и не продадим во имя союза либо дружбы. Ибо я говорю тебе, Феанор, сын Финвэ: корабли эти для нас что драгоценные камни для нолдор: труд, в коем отрада наших сердец; и подобных им не сотворить нам вновь».

Тогда Феанор ушел от Олвэ, и оставался за стенами Алквалондэ, погруженный в мрачные мысли, пока не подошло его воинство. Когда же решил он, что сил у него достаточно, он вступил в Лебединую Гавань и приказал своим воинам захватывать корабли, стоящие там на якоре, чтобы увести их силой. Но телери дали им отпор, и многих нолдор сбросили в море. Тогда извлечены были из ножен мечи, и завязалась кровавая битва: на кораблях, на озаренных светильниками причалах и пирсах, и даже на гигантской арке врат. Трехжды телери оттесняли назад народ Феанора, и много было погибших и с той, и с другой стороны; но на помощь авангарду нолдор подоспел Фингон с передовым отрядом воинства Финголфина: приблизившись к гавани, увидели они, что в разгаре сражение и убивают их родню; и ринулись в бой, не разобравшись до конца, в чем же причина ссоры; воистину, многие решили, что телери по приказу Валар попытались воспрепятствовать походу нолдор.

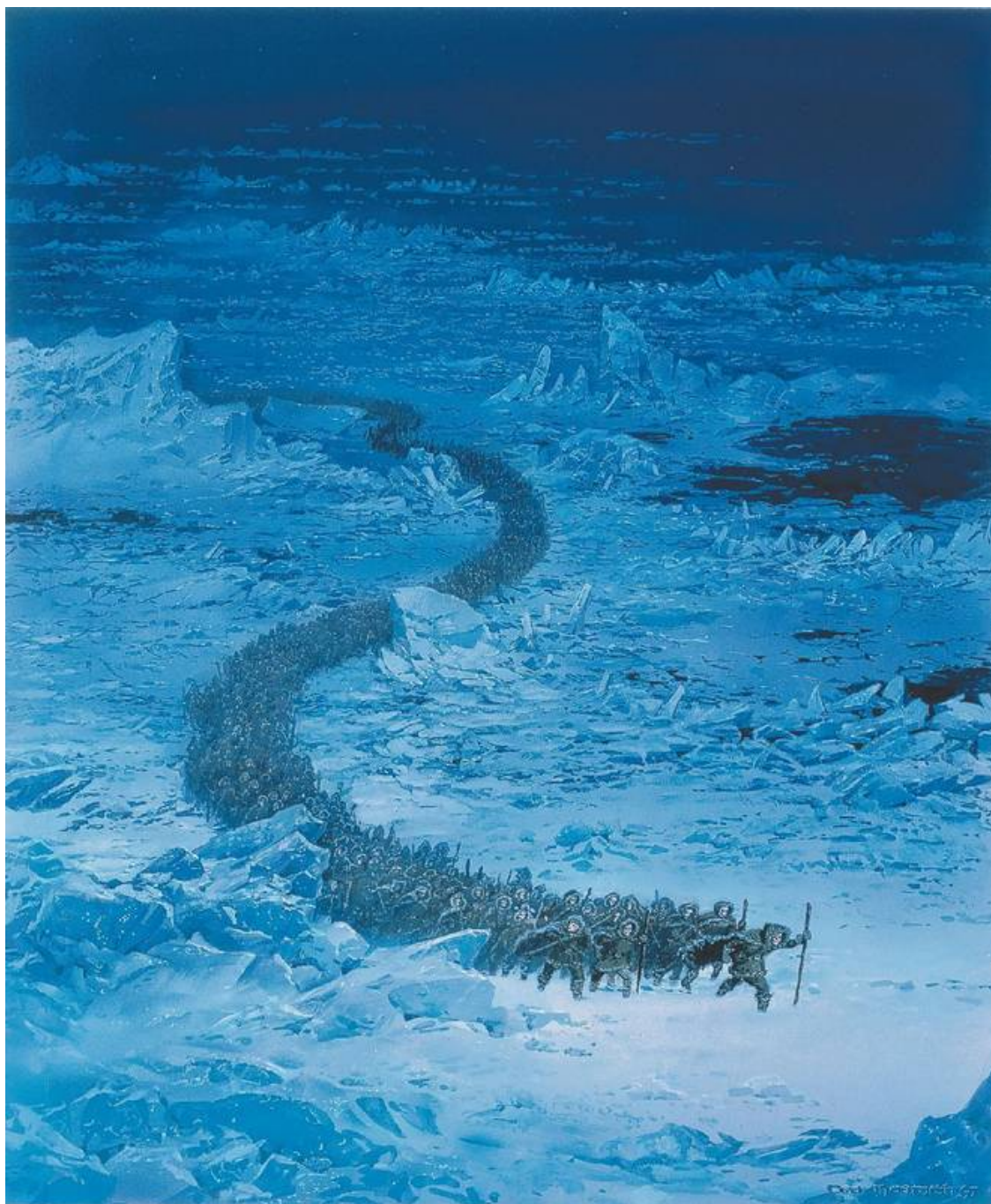
Так, наконец, телери были побеждены, и великое множество мореходов Алквалондэ пало под безжалостными ударами. Ибо нолдор сделались свирепы и отчаянны, телери же уступали им в силе и в большинстве своем вооружены были лишь хрупкими луками. И нолдор увели их белоснежные корабли, и, как смогли, расставили гребцов, и двинулись на вес-

лах вдоль берега к северу. Олвэ воззвал к Оссэ, но тот не пришел; ибо не дозволили Валар силой препятствовать уходу нолдор. Но Уинен оплакивала мореходов телери, и море поднялось в гнев против убийц, и многие корабли были разбиты в щепы; и те, кто плыл на них, затонули. О Братоубийстве в Алквалондэ много более рассказано в плаче, что зовется «Нолдолантэ», «Падение нолдор», а сложил ту песнь Маглор, прежде, чем сгинул навек.

Однако большинство нолдор спаслось, и, когда шторм утих, эльфы снова двинулись вперед, кто – морем, а кто – сушей; но долог был путь, и чем дальше шли они, тем большие опасности подстерегали их. Великие расстояния преодолели они в беспредельной ночи и вышли наконец к северным пределам Хранимого Королевства, к границам холодных нагорий пустынной земли Араман. Там вдруг явилась их взорам темная фигура на высокой прибрежной скале. Некоторые говорят, что это был не кто иной как сам Мандос: именно его избрал своим глашатаем Манвэ. И услышали нолдор громкий глас, торжественный и повергающий в трепет, что повелел им остановиться и внимать. Тогда все застыли на месте, и из конца в конец воинств нолдор разносился глас тот, изрекающий проклятие и пророчество, что называют Пророчеством Севера и Приговором нолдор. Много из того, что предсказано было эльфам в туманных речах, нолдор поняли не раньше, чем и вправду обрушились на них неисчислимые беды; но слова проклятия, обращенного к тем, кто не свернет с пути и не останется ждать суда и прощения Валар, слышали все.

«Пролетите вы бессчетные слезы, и Валар оградят от вас Валинор и захлопнут перед вами двери, так, что даже эхо стенаний ваших не услышат за горами. Гнев Валар почиет на Доме Феанора от Запада до крайних восточных земель; и на всех, кто последует за Феанором, также падет их гнев. Клятва погонит их вперед, и в итоге обратится против них же, и лишит их тех самых сокровищ, что клялись они добыть. Все, что начали они во имя добра, обратится во зло, и случится это так: брат предаст брата, и страх перед предательством овладеет всеми сердцами. Обездоленными станете вы навсегда».

«Вы пролили кровь безвинных братьев своих и запятнали кровью землю Амана. За кровь заплатите вы кровью, и жить вам суждено за пределами Амана, под сенью Смерти. Ибо хоть Эру и не назначил вам умирать в Эа и никакой недуг не может коснуться вас, однако убить вас можно: оружие, пытки и горе станут убивать вас; и бесприютные ваши души возвратятся тогда в Мандос. Долго томиться вам там, тоскуя по утраченной плоти, и не обрести жалости, пусть даже все убиенные вами станут просить за вас. Те же, что останутся в Средиземье и не вернутся в Мандос, устанут от мира, точно от тяжелого бремени, и угаснут, превратившись в тени скорби пред юной расой, что придет позже. Валар сказали».

Тогда многие дрогнули, но Феанор укрепил дух свой и молвил: «Мы поклялись не в порыве легкомыслия. Клятву свою мы сдержим. Многими бедами угрожают нам, и не меньшее зло среди них – предательство; но одного не сказали нам – что пострадаем мы от трусости; от малодушных или страха перед малодушными. Потому объявляю я, что мы пойдем вперед; и вот что добавлю я к вашему приговору: деяния наши станут воспевать в песнях, пока длятся дни Арды».

Однако в тот час Финарфин отказался продолжать путь и повернул назад, охваченный горем и исполненный горечи против Дома Феанора, ибо Олвэ Алквалондский приходился родней ему; и многие из народа Финарфина ушли вместе с ним. Скорбно побрели они вспять, но вот, наконец далекий луч маяка Миндон на Туне вновь забрезжил для них в ночи; и пришли они наконец в Валинор. Там получили они прощение Валар, и Финарфин поставлен был править нолдор, оставшимися в Благословенном Королевстве. Но не вернулись с ним его

сыновья, ибо не пожелали они покинуть сыновей Финголфина, а весь народ Финголфина, невзирая ни на что, шел вперед, побуждаемый голосом крови и волею Феанора и убоявшись суда Валар, ибо на многих лежала вина за Братоубийство в Алквалондэ. Притом же, Фингон и Тургон обладали отважным и пылким нравом, и, раз за что-то взявшись, не бросали начатого, пусть даже и горькие плоды сулило оно. Потому основной отряд продолжал путь; и беды, предреченные Мандосом, не заставили себя ждать.

Нолдор наконец углубились далеко на север и увидели первые ледяные глыбы-зубья, плавающие в море, и поняли, что приближаются к Хелькараксэ. Ибо землю Аман, что на севере выгибалась к востоку, от восточных берегов Эндора (то есть Средиземья), что сильно выдавались к западу, отделял только узкий пролив, в котором сливались воедино студёные воды Окружного моря и волны Белегаэра. Там нависали густые туманы и марево смертоносного холода; там морские потоки загромождались ледяными скалами, что с грохотом сталкивались друг с другом, и слышался скрежет глыб, таившихся глубоко под водой. Таков Хелькараксэ, и никто еще не отваживался пересечь этот пролив, кроме Валар и Унголиант.

Засим остановился Феанор, и заспорили нолдор, что же теперь предпринять. Уже издавали они леденящий холод и липкие туманы, сквозь которые не проникал звездный луч; и многие раскаялись в том, что ушли, и принялись роптать – особенно же те, что следовали за Финголфином; и проклинали они Феанора, объявляя его причиной всех несчастий эльдар. Феанор, зная об этих речах, посоветовался со своими сыновьями: два способа только видели они перебраться из Арамана в Эндор: через пролив либо на кораблях. Но мнилось им, что Хелькараксэ преодолеть невозможно, а кораблей было слишком мало. Многие суда погибли во время долгого плаванья, и тех, что осталось, не доставало, чтобы перевезти столь огромное воинство за один раз; однако никто не желал ждать на западном берегу, пока другие переправляются первыми: страх перед предательством уже овладел душами нолдор. Потому Феанор и его сыновья задумали захватить все корабли и тотчас же отплыть, ибо после битвы в Гавани флот был в их руках: на кораблях находились только те, что сражались в Алквалондэ и сохраняли верность Феанору. И, точно явившись на его зов, задул северо-западный ветер, и Феанор тайно увел всех тех, на чью преданность мог положиться; и они поднялись на корабли и вышли в открытое море; Финголфин же остался в Арамани. А поскольку море в том месте было совсем узким, Феанор, правя к востоку и немного южнее, переправился без потерь, и первым из всех нолдор вновь ступил на берега Средиземья; а причалил Феанор в устье залива, что зовется Дренгист и вдается в Дор-ломин.

Когда же высадились нолдор, Маэдрос, старший из сыновей Феанора, который некогда был другом Фингона – до того, как лживые наветы Моргота разделили их, – обратился к Феанору, говоря: «Какие корабли и каких гребцов отправишь ты назад, и кого доставят они сюда в первую очередь? Уж верно, Фингона отважного?»

Тогда Феанор рассмеялся, точно одержимый, и воскликнул: «Никого не пошлю я, никого не доставят сюда! Не почитаю я большой потерей то, что оставил на том берегу: лишнее бремя в пути – вот чем явили себя они. Пусть же те, что проклинали мое имя, проклинают меня и далее, и слезами выманивают себе позволение вернуться в золоченую клетку Валар! Пусть сгорят корабли!» И Маэдрос был единственным, кто остался в стороне, когда Феанор приказал поджечь белоснежные ладьи телери. Так в краю, что звался Лосгар, в устье залива Дренгист нашли свой конец прекраснейшие из кораблей, что когда-либо бороздили море; и запылал огромный костер, яркий и повергающий в ужас. Финголфин и его народ издали увидели отсвет пламени, алые отблески у кромки облаков – и поняли, что преданы. Таковы были первые плоды Братоубийства и Приговора нолдор.

Тогда Финголфин, видя, что Феанор бросил их погибать в Арамани или со стыдом возвращаться в Валинор, исполнился горечи; однако теперь он как никогда прежде желал добраться до Средиземья любой ценой и вновь свидеться с Феанором. Долго скитались Фин-

голфин и его воинство, многие невзгоды выпали им на долю; но несчастья лишь закаляли отвагу их и стойкость; ибо нолдор были могучим народом: старшие и бессмертные дети Эру Илуватара, лишь недавно покинувшие Благословенное Королевство и не изведавшие еще земной усталости. Огонь пылал в их юных сердцах; и, ведомые Финголфином и сыновьями его, и Финродом и Галадриэлью, они решились идти еще дальше, на Север, в край жесточайшего холода, и, не видя иного пути, бросить наконец вызов ужасам Хелькараксэ и жестоким ледяным скалам. Немногие из последующих деяний нолдор могли сравниться с этим отчаянным переходом – ни по проявленной доблести, ни по пережитым страданиям. Там погибла Эленвэ, жена Тургона, и многие другие: со значительно поредевшим воинством вступил наконец Финголфин во Внешние земли. Не испытывали большой любви к Феанору и его сыновьям те, что шли за ним: те, что затрубили в трубы в Средиземье при первом восходе Луны.

Глава 10 О синдар

И вот, как уже говорилось, власть Тингола и Мелиан в Средиземье возросла, и все эльфы Белерианда, от мореходов Кирдана до скитальцев-охотников Синих гор, что за рекой Гелион, признали Эльвэ своим повелителем; Элу Тингол называли его, король Серый Плащ на языке его народа. А народ его именовался синдар, Серые эльфы осиянного звездами Белерианда. Хотя и были они мориквенди, однако мудростью, красотой и искусством далеко превосходили всех эльфов Средиземья – ибо жили под властью Тингола и внимали наставлениям Мелиан. В конце же первого века Пленения Мелькора, когда на всей Земле царил мир, а Валинор пребывал в расцвете своей славы, в мир пришла Лутиэн, единственное дитя Тингола и Мелиан. Большая часть Средиземья погружена была в Сон, навеянный Йаванной, но в Белерианде, благодаря чарам Мелиан, царили жизнь и радость, и яркие звезды переливались серебряными огнями. Там, в лесу Нельдорета, рождена была Лутиэн, и белые цветы нифредилия расцвели, точно звезды Земли, приветствуя ее приход.

В ходе второго века заточения Мелькора случилось так, что в Белерианд из-за Синих гор, Эред Луин, пришли гномы. Себя называли они кхзад, но синдар дали им имя наугрим, Низкорослый народ, и гоннхиррим, Повелители Камня. Древнейшие поселения наугрим находились далеко на востоке; но в восточной части Эред Луин отстроили они под землей, по обычаю своего племени, великолепные дворцы и залы, и назвали города те на своем языке Габилгатхол и Тумунзахар. К северу от высокого пика горы Долмед находился Габилгатхол, что эльфы на свой язык перевели как Белегост, то есть Миклебург («великая крепость»); а к югу отстроен был Тумунзахар, эльфами называемый Ногрод, Холлоуболд («полное обиталище»). Все гномьи чертоги превосходил великолепием Кхзад-дум, Дварроудельв («гномьи копи»), эльфами называемый Хадодронд; позже, когда воцарилась в нем тьма, дворец тот стали называть Мория; но располагался он далеко за бескрайними просторами Эриадора, в горах Тумана, и до эльдар доходили лишь слухи о нем да само название, через рассказы гномов Синих гор.

Из Ногрода и Белегоста гномы пришли в Белерианд, и изумились эльфы, ибо до сих пор почитали себя единственными обитателями Средиземья, наделенными даром речи и умелыми руками, полагая, что помимо них есть на свете только птицы да звери. Но ни слова не понимали эльфы из речи наугрим, и показалась она их слуху нескладной и неблагозвучной; немногие из эльдар овладели впоследствии этим языком. Гномы же учились быстро, и притом предпочитали перенять эльфийскую речь, нежели обучить своему языку кого-либо из чуждого им народа. Мало кому из эльдар доводилось бывать в Ногроде и Белегосте, разве что Эолу из Нан Эльмота и Маэглину, сыну его; но гномы вели торговлю с Белериандом, для чего проложили широкую дорогу: она проходила под склонами горы Долмед и далее вдоль русла реки Аскар, пересекая Гелион у места Сарн Атрад, Каменный Брод, где впоследствии произошла битва. Между наугрим и эльдар никогда не водилось особой дружбы, хотя общались они с великой выгодой для каждого народа; но в те времена еще не возник меж них разлад, и король Тингол привечал гномов. Однако в последующие дни наугрим охотнее дарили своей дружбой нолдор, предпочитая их всем прочим эльфам и людям, ибо те любили и почитали Аулэ, а их драгоценные камни гномы ценили превыше всех сокровищ. Еще во тьме Арды гномы создали много дивных творений, ибо уже в первые дни Праотцев обладали они непревзойденным искусством в работе с металлом и камнем; но в те давние времена гномы охотнее работали с железом и медью, нежели с серебром и золотом.

Мелиан же наделена была немалым даром предвидения, как то свойственно Майар; и, когда истек второй век заточения Мелькора, она упредила Тингола, говоря, что Мир Арды не будет длиться вечно. Тогда задумал Тингол выстроить для себя дворец, достойный короля, и притом надежно укрепленный, на случай, если зло вновь пробудится в Средиземье; и обратился он к гномам Белегоста за советом и помощью. Охотно откликнулись гномы, ибо в те времена они еще не устали от трудов и с радостью брались за новое дело; и хотя гномы всегда требовали платы за любую выполненную работу – не важно, показалась ли она им приятной или обременительной, – в тот раз они сочли, что им уплачено сполна. Ибо Мелиан научила их многому из того, что наугрим стремились постичь, а Тингол вознаградил их дивными жемчугами без числа. Жемчуга подарил ему Кирдан, ибо телери добывали их несметное множество на мелководе у острова Балар; наугрим же не видели прежде ничего подобного и ценили их весьма высоко. Одна жемчужина была размером с голубиное яйцо и сияла, точно звездный свет, искрящийся в морской пене: имя той жемчужине было Нимфелос, и вождь гномов Белегоста ценил ее превыше целой горы сокровищ.

Потому для Тингола наугрим трудились долго и с охотой, и выстроили для него чертоги, по обычаю своего народа, глубоко под землей. Там, где тек Эсгалдуин, отделяя Нельдорет от Региона, высился в глубине леса скалистый холм, и река струилась у его подножия. Там возвели гномы врата чертогов Тингола, а через реку перекинули каменный мост – только по тому мосту и можно было войти в ворота. А дальше просторные галереи вели вниз, к высоким покоям и залам, высеченным в камне, – столь великолепным и столь многочисленным, что называли ту обитель Менегрот, Тысяча Пещер.

И эльфам досталась доля в том труде; так эльфы и гномы вместе, каждый – призвав на помощь данное ему искусство, воплотили видения Мелиан, дивные и прекрасные картины Валинора из-за Моря. Колонны Менегрота изваяны были по образу буков Оромэ: и стволы, и ветви, и листья; и освещали их золотые светильники. Соловьи пели там, точно в садах Лориэна, и били серебряные фонтаны; сияли белизною мраморные бассейны, а полы были из многоцветного камня. Резные фигуры зверей и птиц словно бы бежали по стенам, либо взбирались по колоннам, либо выглядывали промеж ветвей, увитых бесчисленными цветами. Шли годы, и Мелиан и ее девы увешали залы ткаными гобеленами, на которых запечатлены были деяния Валар, и многое из того, что случилось в Арде со дня ее сотворения; намечено было и то, чему только предстояло случиться. То был прекраснейший королевский дворец всех времен к востоку от Моря.

Когда же отстроили Менегрот, и воцарился мир в королевстве Тингола и Мелиан, наугрим по-прежнему приходили время от времени из-за гор и странствовали в той земле по торговым делам. Но редко являлись они в Фалас, ибо ненавидели шум волн и при одном взгляде на море охватывал их страх. Других же вестей и слухов о внешнем мире не доходило до Белерианда.

Но, в то время как длился третий век заточения Мелькора, гномы вдруг встревожились, и обратились к королю Тинголу, говоря, что Валар не вовсе истребили северное зло; что уцелевшие твари, долго плодившиеся во тьме, вновь покинули свои убежища и рыщут повсюду.

«В восточных землях за горами, – говорили гномы, – появились свирепые чудища; и эльфы, родня ваша, что издревле жили там, бегут с равнин в холмы».

Очень скоро злобные твари добрались и до Белерианда – через горные перевалы или с юга, через темные леса. То были волки, или существа, принявшие образ волков; и другие кровожадные порождения тьмы; и среди них – орки, что позже разоряли Белерианд; но до поры их было немного, держались они с опаской и пока только разнюхивали, что происходит в той земле, дожидаясь возвращения своего повелителя. Откуда взялись они и что были за создания, эльфы в ту пору не ведали и, может статься, принимали их за авари, что озлобились и одичали в глуши; и говорят, что догадки эти были недалеки от истины.

Потому Тингол задумался об оружии – до того народ его не испытывал в том нужды. Поначалу оружие для Тингола ковали наугрим, ибо весьма искушены были в работе такого рода; среди же гномов никто не мог соперничать с мастерами Ногрода, а из них наиболее прославлен кузнец Тельхар. Издревле все наугрим были воинственным народом и яростно сражались против любого обидчика: против слуг Мелькора, или эльдар, или авари, или диких зверей; нередко и против своих же сородичей гномов из иных поселений или подданных иных правителей. Синдар вскоре переняли у гномов кузнечное их мастерство, хотя даже нолдор так и не удалось превзойти наугрим в искусстве закаливания стали; а что до кольчуг из сплетенных колец, каковые впервые измыслили кузнецы Белегоста, здесь творения гномов не имели себе равных.

Потому-то в ту пору синдар надежно вооружились и прогнали злобных тварей, и мир воцарился вновь; но в оружейных Тингола отныне хранились в избытке секиры и копья, и мечи, и высокие шлемы, и длинные сверкающие кольчуги; ибо так сделана была броня гномов, что не ржавела она, но ярко сияла, точно только что начищенная. И весьма помогло это Тинголу в нужный час.

Как уже говорилось, некто Ленвэ из отряда Олвэ отказался от похода эльдар, когда телери задержались у берегов Великой Реки на границе западных земель Средиземья. Мало что известно о странствиях нандор, коих увел он вниз по течению Андуина: некоторые, как говорилось, на века поселились в лесах долины Великой Реки; некоторые вышли наконец к устьям и обосновались там у Моря; другие же, пройдя вдоль хребтов Эред Нимрайс, Белых гор, вновь оказались на севере и вступили в дикие земли Эриадора между Эред Луин и далекими Туманными горами. Эти эльфы были лесным народом, и не ковали они оружия из стали; потому появление злобных тварей Севера повергло их в ужас, как поведали наугрим королю Тинголу в Менегроте. Засим Денетор, сын Ленвэ, до которого дошли слухи о могуществе и величии Тингола, и о королевстве его, где царил мир, собрал, как мог, свой рассеянный по земле народ и увел его через горы в Белерианд. Радостно приветствовал их Тингол, как родню давно утраченную и вновь обретенную; и нандор поселились в Оссирианде, Земле Семи Рек.

Краток рассказ о последующих за приходом Денетора долгих годах мира. В те дни, говорят, Даэрон Менестрель, первый из мудрецов королевства Тингола, создал свои руны; и гномам, что приходили к Тинголу, новшество то пришлось весьма по душе; и наугрим переняли руны, превознося искусство Даэрона выше, нежели собственный народ его, синдар. Благодаря наугрим, кирт стал известен на востоке, за горами, и освоили его многие народы; однако сами синдар редко использовали кирт для ведения летописей вплоть до начала Войны; тогда многое из того, что хранилось в памяти, погибло среди руин Дориата. Но мало что можно поведать о безмятежной, радостной жизни, пока не придет ей конец; так творения дивные и прекрасные, пока радуют глаз, сами содержат в себе летопись; и только тогда слагают о них песни, когда подвергаются они великой опасности или погибли навсегда.

В те дни в Белерианде жили эльфы, текли реки, светили звезды и ночные цветы дарили свой аромат; и красота Мелиан сияла, как солнечный полдень, а прелесть Лутиэн – точно весенний рассвет. В Белерианде король Тингол восседал на троне, подобно одному из владык Майар, чье могущество до поры пребывает в покое; чья радость – точно воздух, каким напоены их дни; чьи мысли текут размеренным потоком, объемля мир от высот до глубин. В Белерианд порой до сих пор выезжал сам великий Оромэ и проносился над горами, словно ветер; и призывный звук его рога звенел над бескрайними подзвездными просторами; и эльфы трепетали перед ним, ибо исполнен величия был его облик, и стремительный бег Нахара будил гул и гром; но когда звук рога Валарома эхом отдавался в холмах, хорошо знали эльфы, что все злобные твари в страхе бежали далеко прочь.

Но вот наконец безмятежные дни подошли к завершению и клонился к закату расцвет Валинора. Ибо, как уже говорилось и как известно каждому, ибо о том повествуют летописи и поют бесчисленные песни, Мелькор уничтожил Дерева Валар, прибегнув к помощи Унголиант; и ускользнул от погони, и возвратился в Средиземье. Далеко на севере произошла битва Моргота с Унголиант; но душераздирающий вопль Моргота эхом прокатился по Белерианду, и все обитатели его вздрогнули от страха; ибо хоть и не знали они, что предвещает этот крик, они слышали в нем знамение смерти. Вскоре после того Унголиант бежала с севера и явилась в земли короля Тингола, неся с собою ужас тьмы; но власть Мелиан оставила ее; и Унголиант не вступила в Нельдорет, но надолго поселилась под сенью крутых обрывов в южной части Дортониона. Место то получило имя Эред Горгорот, горы Ужаса; никто не смел забредать в те места или хотя бы приближаться к ним; там гасли и жизнь, и свет, и все воды были напоены ядом. Моргот же, как говорилось ранее, вернулся в Ангбанд и отстроил его заново, и над воротами его воздвиг твердыни Тангородрима, над которыми курился смрадный дым; и ворота Моргота находились всего лишь в ста пятидесяти лигах от моста Менегрота; далеко, и все же слишком близко.

Сильными и свирепыми сделались орки, что расплодились во мраке подземных глубин, и темный их властелин пробудил в них жажду убийства и разрушения. Под покровом мглы, созданной Морготом, они вышли из врат Ангбанда и незамеченными пробрались в северные нагорья. Оттуда-то вдруг хлынуло в Белерианд огромное воинство и напало на короля Тингола. А в обширных его владениях многие эльфы странствовали на свободе от места к месту или селились небольшими родами далеко друг от друга; только близ Менегрота, в самом сердце земли, и вдоль Фаласа, в краю мореходов, эльфы жили во множестве. И вот орки спустились с гор, и обошли Менегрот с двух сторон, и разбили лагерь на востоке между Келоном и Гелионом, и на западных равнинах между Сирионом и Нарогом: оттуда грабили и разоряли они округу, Тингол же был отрезан от Кирдана в Эгларесте. Потому воззвал он к Денетору, и большое воинство эльфов пришло к нему на помощь из Оссирианда и Региона, что за Аросом; и сразилось в первой битве Войн Белерианда. Войска эльдар окружили восточную армию орков севернее Андрама, на полпути от Ароса к Гелиону; и орки были разбиты наголову. Те же, что бежали к северу, спасаясь от неминуемой гибели, попали в засаду и погибли под топорами наугрим, что спустились с горы Долмед: немногим удалось тогда вернуться в Ангбанд.

Но победа эльфов куплена была дорогой ценой. Нандор Оссирианда вооружены были легко, не чета оркам в подбитой железом обуви, с могучими копьями с широкими лезвиями и железными щитами! Денетор был отрезан от своих и окружен на холме Амон Эреб. Там пал он и все его близкие родичи, прежде чем воинство Тингола смогло прийти к нему на помощь. Жестоко отомстили эльфы за его смерть, когда Тингол атаковал орков с тыла и перебил их несметное множество; но народ Денетора с той поры оплакивал своего повелителя и не избрал себе нового короля. После битвы часть эльфов вернулась в Оссирианд; и принесенные ими вести повергли оставшийся там народ в великий ужас; потому в последующие времена эльфы Оссирианда не принимали участия в войнах, но таились и укрывались в лесах: их называли лайквенди, Зеленые эльфы, ибо одежды их были цвета листвы. Однако многие ушли на север, в огражденное королевство Тингола, и смешались с его народом. Когда же Тингол вернулся в Менегрот, то узнал он, что на западе отряд орков одержал победу и оттеснил Кирдана к кромке моря. Потому собрал Тингол весь народ свой, – всех, кого смог, – под защиту Нельдорета и Региона; и Мелиан призвала на помощь свое могущество и оградила весь этот край незримой стеною тени и морока; и никто впредь не мог пройти через Пояс Мелиан вопреки ее воле либо вопреки воле короля Тингола; для этого нужно было обладать силой большей, нежели у Мелиан из рода Майар. И земля эта, с давних пор име-

нуемая Эгладор, теперь получила название Дориат, хранимое королевство, Земля Пояса. В пределах ее царил бдительный мир; но за ее пределами торжествовали зло и великий страх; и прислужники Моргота рыскали повсюду, кроме обнесенных стенами гаваней Фаласа.

Но уже близились новые события, каких не предвидел никто из обитателей Средиземья: ни Моргот в своих подземельях, ни Мелиан в Менегроте; ибо после гибели Дерев не было вестей из Амана: ни через посланцев и духов, ни через видения снов. В это самое время Феанор переправился через Море на белоснежных кораблях телери, и высадился в заливе Дренгист, и спалил корабли в Лосгаре.

Глава 11

О Солнце и Луне, и о сокрытии Валинора

Говорится, что после бегства Мелькора Валар долгое время восседали недвижно на своих тронах в Круге Судьбы, но отнюдь не предавались бездействию, как в безумии своем объявил Феанор. Ибо Валар свершают в мыслях много большее, нежели при помощи рук; и в молчании, не прибегая к словам, могут держать совет друг с другом. Так несли Валар бдение в ночи Валинора, и мысли их возвращались в глубины прошлого, за пределы Эа, и устремлялись в будущее, к Концу; однако ни могущество, ни мудрость Властей не могли утишить их горе и смягчить боль осознания зла в час его бытия. Оплакивали они гибель Дерев, но не менее горько скорбели о том, что Феанор обратился ко злу: то было одно из самых гнусных деяний Мелькора. Ибо непревзойденное могущество дано было Феанору, как телесное, так и духовное; среди Детей Илуватара всех превосходил он доблестью и красотой, мудростью и стойкостью, мастерством, силой и проницательностью равно; неукротимое пламя пылало в его сердце. Дивные творения во славу Арды, что создал бы он, сложились все иначе, под силу было измыслить разве что одному Манвэ. Рассказывали ваныар, – те, что бодрствовали вместе с Валар, – что когда посланцы передали Манвэ ответы Феанора глашатаям, Манвэ зарыдал и склонил голову. Но при последних словах Феанора о том, что по крайней мере свершения нолдор будут вечно прославлять в песнях, Манвэ поднял голову, точно услышав голос издалека, и молвил: «Да будет так! Дорогой ценою заплатят за эти песни, и все-таки они того стоят. Ибо иной цены не дано. Только так, как и возвестил нам Эру, красота, доселе неведомая, должна прийти в Эа, и зло еще обернется добром».

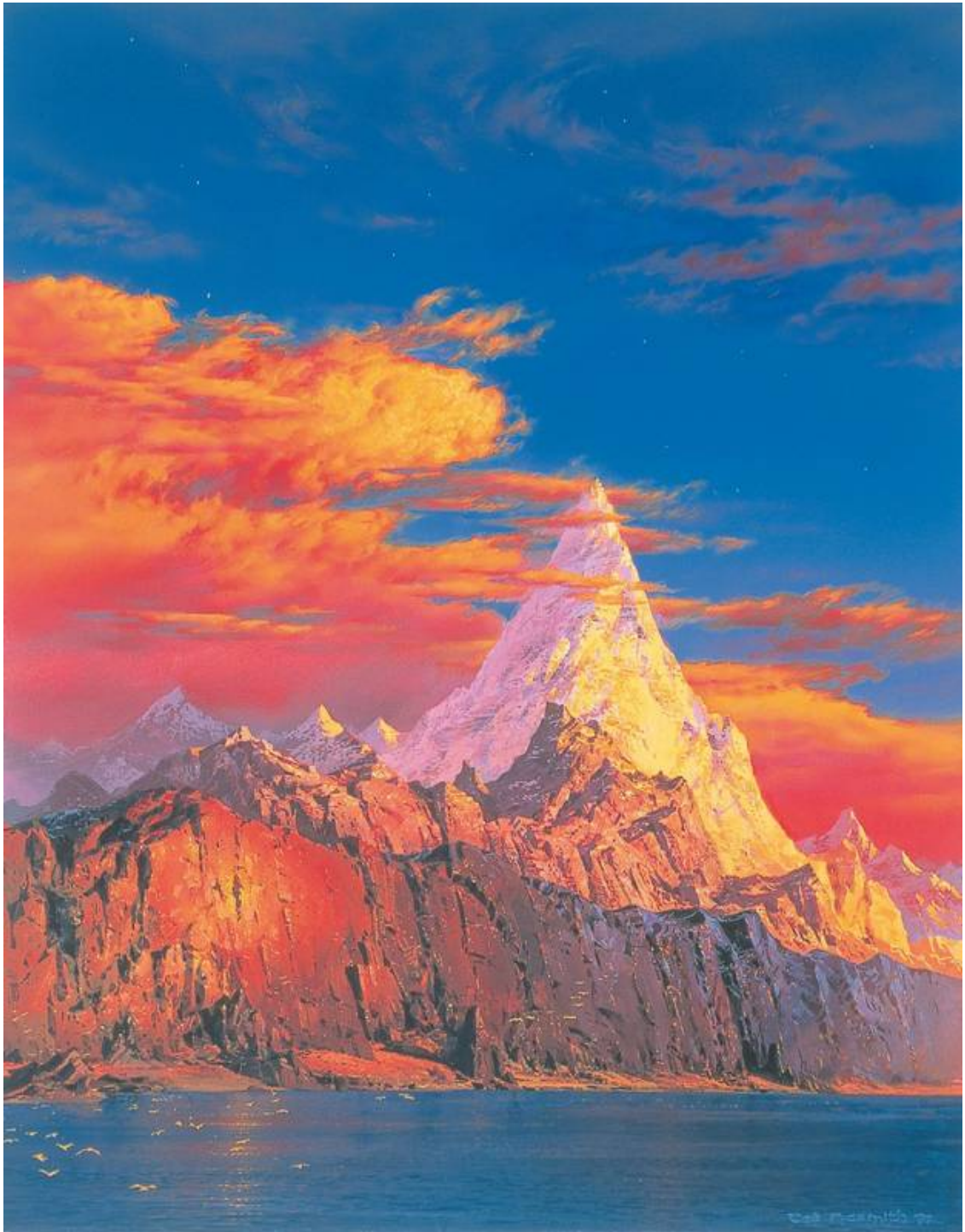
«И все же останется злом, – отозвался Мандос. – Скоро придет ко мне Феанор».

Но когда узнали наконец Валар, что нолдор действительно покинули Аман и возвращаются в Средиземье, воспряли они и принялись воплощать в деяниях те решения, что приняли в мыслях, тщаь исправить зло, учиненное Мелькором. Повелел тогда Манвэ Йаванне и Ниэнне призвать на помощь дар пробуждения к жизни и дар исцеления; и все силы свои они обратили к Деревам. Но не помогли слезы Ниэнны залечить их смертельные раны; и долгое время Йаванна пела во тьме одна. Но когда уже погасла надежда и дрогнула ее песнь, на лишенной листьев ветви Тельперииона расцвел один-единственный огромный серебряный цветок, а на ветви Лаурелин засиял единственный золотой плод.

И взяла их Йаванна; и тогда умерли Древа, и безжизненные стволы их стоят в Валиноре и теперь, в память об ушедшей радости. А цветок и плод Йаванна отдала Аулэ, и Манвэ освятил их; Аулэ же и народ его сработали сосуды, коим предстояло послужить им вместилищем и сохранить их сияние, как о том говорится в «Песни о Солнце и Луне», «Нарсиллион». Эти сосуды Валар вручили Варде, чтобы стали они светочами небес, затмевающими блеск древних звезд, ибо не столь удалены от Арды; и Варда сделала так, чтобы смогли они пересекать ближние пределы Ильмена, и направила их в вечное странствие по начертанным путям над поясом Земли, с Запада на Восток и обратно.

Вот что совершили Валар, памятуя в сумеречном своем краю, что земли Арды укрывает тьма; и решили теперь осветить Средиземье и при помощи света помешать козням Мелькора. Ибо не забывали Валар про авари, что остались у вод пробуждения; и не вовсе отреклись они от изгнанников-нолдор: а Манвэ знал и о том, что близится час прихода людей. И действительно, говорится, что, как Валар начали войну против Мелькора во имя квенди, так на сей раз они воздержались от битв во имя хильдор, Пришедших Позже, младших Детей Илуватара. Ибо столь ужасные разрушения в Средиземье повлекла за собою война против Утumno, что опасались Валар, как бы на этот раз не случилось худшего, ибо

предначертано было, что хильдор смертны, и слабее квенди пред страхом и бурями мира. Более того, не открылось Манвэ, где пробудится род людей: на севере, юге или на востоке. Потому Валар и зажгли над землею свет; но укрепили и свои владения.

Луне, цветку Тельперииона из Валинора, ваньяр встарь дали имя Исиль, «Сияние», а Солнце, плод Лаурелин, назвали Анар, «Огненнозолотая». А нолдор нарекли их также Рана, «Своенравный», и Васа, «Сердце Огня», что, пробуждаясь, испепеляет; ибо Солнце было создано как знак к пробуждению людей и к угасанию эльфов, но Луна хранит память о них.

Направлять сосуд Солнца Валар избрали деву по имени Ариэн из числа Майар, а вести в небесах остров Луны назначен был Тилион. В дни Дерев Ариэн ухаживала за золотыми

цветами в садах Ваны и поливала их сверкающей росой Лаурелин; а Тилион, вооруженный серебряным луком, был охотником из свиты Оромэ. Серебро любил он; и, когда уставал, покидал, бывало, леса Оромэ, и, придя в Лориэн, грезил у озер Эстэ в мерцающих лучах Тельперииона: потому просил он, чтобы ему поручили вечно блюсти последний Серебряный Цветок. Дева Ариэн превосходила его в могуществе; ее избрали потому, что не страшилась она жара Лаурелин и не причинял он ей вреда, ибо изначально была она духом огня, и Мелькору не удалось ни обмануть ее, ни склонить к себе на службу. Взор Ариэн ослеплял даже эльдар; оставив же Валинор, она сбросила наряд и обличье, что носила там по примеру Валар, и стала живым пламенем, ужасным и грозным в великолепии своем.

Исиль был первым сработан и первым подготовлен к пути; первым поднялся он в звездные пределы и считается старшим из вновь созданных огней так же, как Тельпериион числился старшим Древом. Некоторое время над миром сиял лунный свет, и многое из того, что долго ожидало своего часа, погруженное Йаванной в сон, воспряло и пробудилось к жизни. Изумились прислужники Моргота, но эльфы Внешних земель в радости обратили взоры свои к небу; и в тот миг, когда Луна поднялась на Западе из мрака, Финголфин приказал трубить в серебряные трубы и выступил в поход вглубь Средиземья, и длинные, темные тени, отбрасываемые его воинством, двигались впереди.

Семь раз пересек небеса Тилион и пребывал на крайнем востоке, когда готов был сосуд Ариэн. Тогда взошла исполненная величия Анар, и первый восход Солнца сполохами пожаров засиял на каменных твердых гор Пелори: вспыхнули алым светом облака над Средиземьем, и послышался шум водопадов. Тогда воистину устрасился Моргот, и спустился в самые глубины Ангбанда, и отозвал своих слуг; и наслал зловонный дым и темные тучи, чтобы укрыть свой край от лучей Дневной Звезды.

Сперва задумала Варда, чтобы оба сосуда странствовали в Ильмене, не покидая небесных высот, но не вместе: каждому назначено было следовать от Валинора на Восток и возвращаться; в то время, как один восходил на Западе, другому надлежало поворачивать вспять на Востоке. Засим вновь засиявшие над землею дни исчислялись так же, как и во времена Дерев: по слиянию света, когда Ариэн и Тилион проходили над серединой Земли. Однако Тилион был своенравен, то ускорял, то замедлял ход свой и не держался начертанного ему курса, но тщился приблизиться к Ариэн, ибо его влекло ее величие, хотя и опаляло пламя Анар – оттого-то остров Луны потемнел.

Вот потому, из-за своеволия Тилиона, и главное – вняв просьбам Лориэна и Эстэ, говоривших, будто покой и сон изгнаны отныне с Земли и не видны более звезды, Варда изменила свой замысел и назначила часы, в течение которых в мире станут царить темнота и смутные сумерки. Потому Анар отдыхала некоторое время в Валиноре, покоясь на прохладной груди Внешнего моря; и Вечер, пора, когда Солнце клонится к горизонту и обретает покой, стал часом самого яркого света и радости в Амане. Но вскоре Солнце увлекали вниз слуги Ульмо; стремительно проходила она под землей и незримой возвращалась на восток, и там вновь поднималась в небеса, чтобы ночь не длилась чрезмерно долго и под Луной не воспряло бы зло. Из-за жара Анар вскипали воды Внешнего моря и искрились цветными огнями; потому в Валиноре даже после ухода Ариэн некоторое время сиял свет. Когда же путь Анар пролегал под землей и приближалась она к востоку, зарево угасало, и свет Валинора мерк; и тогда Валар скорбели о смерти Лаурелин более, нежели в иные часы. На рассвете густые тени Ограждающих гор укрывали Благословенное Королевство.

Варда повелела Луне странствовать подобным же образом, и, проходя под Землей, подниматься на Востоке – но лишь после того, как Солнце спустится с небес. Но Тилион то замедлял, то ускорял ход свой, как то происходит и сейчас; и по-прежнему влекла его к себе Ариэн, и так будет всегда. Потому часто видны они над Землею вместе; а порой случается

и так, что Тилион подходит к Ариэн столь близко, что тень его затмевает ее сияние, и среди дня наступает ночь.

Засим по уходам и возвращениям Анар Валар впредь отсчитывали дни – вплоть до Изменения Мира. Ибо Тилион редко задерживался в Валиноре; чаще же стремительно проносился над западной землей, над Аватаром или Араманом, или Валинором – и нырял в бездну за Внешним морем, один следуя по пути своему сквозь пещеры и гроты в недрах Арды. Там зачастую долго странствовал он и возвращался с опозданием.

Вот как случилось, что, после Долгой Ночи, свет над Валинором засиял ярче и прекраснее, нежели в Средиземье. Ибо в Валиноре отдыхало Солнце, и в краю том огни небес подходили ближе к Земле. Но ни Солнце, ни Луна не могут сравниться с тем светом, что дарили Древа прежде, чем коснулся их яд Унголиант. Этот свет жив ныне только в Сильмарилиях.

Моргот же воспылал ненавистью к новым огням; этот неожиданный удар со стороны Валар сперва привел его в замешательство. Но, опомнившись, яростно атаковал он Тилиона, выслав против него духов тьмы: и разгорелась битва в Ильмене, в краю, над которым пролегают дороги звезд; и Тилион победил. Пред Ариэн же Моргот испытывал великий страх и не смел приблизиться к ней, ибо утратил уже бывшее могущество: в то время, как росла его злоба, росла – и воплощалась в лживых наветах и злобных тварях, таяла, перетекая в них же, и его сила – таяла и рассеивалась; и все неразрывней становилась его связь с землей; и не желал он более покидать свои темные крепости. Среди теней укрылся он и слуги его от Ариэн, чей яркий взор они не могли выдержать долго; и земли вокруг его убежища одели, точно саваном, клубы дыма и огромные тучи.

Но Валар, видевшие нападение на Тилиона, пребывали в нерешительности: тревожились они, не зная, чем еще грозят им злоба и коварство Мелькора. Не желали они вновь идти на него войной в Средиземье; но, однако, хорошо помнили, как был уничтожен Алмарен – и решили, что подобная судьба не должна коснуться Валинора. Потому в ту пору вновь укрепили Валар свою землю и вознесли каменные ограждения гор Пелори до головокружительных высот – на востоке, на юге и на севере. Внешние их склоны были черны и отвесны: ни уступа, ни опоры для ног не было на гладкой каменной поверхности. Там разверзлись бездонные пропасти, стены коих были тверже стекла; и громоздились вершины, неприступные, точно башни, увенчанные коронами сверкающего льда. И выставили там неусыпную стражу; и ни одного перевала не вело через горы – только Калакирья. Этот проход Валар не закрыли, ради тех эльдар, что остались верны; и в городе Тирионе на зеленом холме в глубоком горном ущелье Финарфин по-прежнему правил оставшимися нолдор. Ибо все эльфы, даже ваньяр и Ингвэ, их повелитель, должны хотя бы иногда дышать воздухом внешнего мира и ощущать ветер, что прилетает через моря из тех земель, где родились они; и не желали также Валар вовсе разлучить телери с их родней. Однако в пределах Калакирья выстроили они мощные крепости и поставили надежную стражу; а там, где ущелье выходит на равнины Валмара, встало лагерем целое воинство – так, что ни птица, ни зверь, ни эльф, ни смертный, ни любое другое существо, живущее в Средиземье, не смогло бы миновать этот лагерь.

В ту же самую пору, что в песнях зовется Нурталэ Валинорева, Сокрытие Валинора, были созданы Зачарованные острова; а моря вокруг них стали сосредоточием теней и морока. Острова эти раскинулись, словно сеть, в Тенистых морях, преградив путь к Тол Эрессеа, Одиному острову, всем, плывущим на Запад. С трудом мог пройти между ними корабль, ибо рокот волн, вечно бьющихся о темные скалы, укрытые саваном тумана, таил в себе опасность. А в сумерках великая усталость и отвращение к морю овладевали мореходами; но те, что ступали на землю тех островов, оказывались в ловушке и погружались в сон, коему предстояло длиться вплоть до Изменения Мира. Вот так сбылись предсказания Мандоса в Арамане, и Благословенное Королевство было закрыто от нолдор. Из многих

посланцев, что отплывали на Запад в последующие дни, никто не добрался до Валинора, кроме одного только – славнейшего из мореходов, воспетого в песнях.

Глава 12

О людях

И вот жизнь Валар, укрывшихся за стеною гор, потекла в мире; и, подарив свет Средиземью, они на долгое время оставили его своим вниманием; и могуществу Моргота в ту пору противостояла только доблесть нолдор. Более других думал об изгнанниках Ульмо, кому все воды мира приносили вести о Земле.

Отныне и впредь велся отсчет Лет Солнца. Короче и быстротечнее были они, нежели долгие Годы Древ Валинора. В ту пору воздух Средиземья наполнило дыхание рождающейся и умирающей жизни; старение и смена всего живого ускорились неимоверно; цвела Вторая Весна Арды, в почве и водах бурлила жизнь; множилось число эльдар, и под лучами вновь рожденного Солнца Белерианд превратился в дивный зеленый край.

При первом восходе Солнца в земле Хильдориэн в восточных областях Средиземья пробудились Младшие Дети Илуватара; однако в первый раз Солнце взошло на Западе, и взоры людей обратились к нему; и, странствуя по Земле, люди пути свои чаще всего направляли на Запад. Эльфы называли людей атани, Второй народ, а также хильдор, Пришедшие Следом; много и других имен дали они людям: апанонар, Второрожденные, энгвар, Чахлые, и фиримар, Смертные; и еще называли их Захватчиками и Чужаками; а также Непостижимыми, Неуклюжими, Самих Себя Проклявшими, Теми, что Боятся Ночи, и Детьми Солнца. Мало что говорится о людях в сих преданиях, ибо речь в них идет о Древних Днях, до того, как род смертных расцвел, а род эльфов угас; упоминаются в тех преданиях лишь отцы людей, Атанатары, что пришли в северные земли в первые годы Солнца и Луны. Никто из Валар не явился в Хильдориэн наставлять людей; никто не призывал их в Валинор; и люди всегда скорее боялись Валар, нежели любили их, и не понимали намерений Властей, будучи в разладе с ними и во вражде со всем миром. Ульмо, однако, заботился о них, содействуя замыслу и воле Манвэ; и водные ручьи и потоки часто несли к людям его послания. Но неискушены были люди в такого рода мудрости – тем более в те давние дни, когда еще не знали они с эльфами. Потому полюбили люди воды, и взволновались их сердца, но посланий они не постигли. Однако говорится, что очень скоро повстречали они в разных местах Темных эльфов, и те отнеслись к людям по-дружески; так люди в дни своего детства стали соратниками и учениками этого древнего народа, эльфов-скитальцев, никогда не бывавших в Валиноре – лишь слухи о Валар да самое имя доходили до них.

Немного времени прошло с тех пор, как Моргот явился в Средиземье; и могущество его до поры распространялось недалеко; кроме того, внезапное появление ослепительно яркого света обуздало на время его мощь. Не поджидали еще опасности в долинах и среди холмов; и новые творения, возникшие много веков назад в думах Йаванны и семенами брошенные в землю во тьме, наконец-то пустили ростки и расцвели. На Западе, на Севере, на Юге расселялись и странствовали дети людей, и радовались жизни, как это бывает лишь утром, когда еще не высохла роса и зелен каждый лист.

Но краток час рассвета, и день зачастую не оправдывает ожиданий. Неуклонно приближалось время великих войн между силами Севера, когда нолдор, и синдар, и людям суждено было выступить против воинств Моргота Бауглира и пасть побежденными. К такому итогу вели коварная ложь Моргота, что сеял он встарь и продолжал неустанно сеять вновь и вновь среди своих недругов; и проклятие, что навлекла на нолдор резня в Алквалондэ; и клятва Феанора. Лишь о небольшой части деяний тех дней пойдет здесь речь; более же всего говорится о нолдор и Сильмарилиях, и о тех смертных, чьи жизни сплелись с их судьбой. В те дни эльфы и люди были схожи сложением и статью и наделены равной силой; но эльфам даны

были большая мудрость, и искусство, и красота; те же, кому довелось жить в Валиноре и лицезреть Власть, настолько же превосходили во всем Темных эльфов, насколько те, в свою очередь, превосходили смертных. Только в земле Дориат, где правила королева Мелиан из рода Валар, синдар почти сравнялись с калаквенди Благословенного Королевства.

Бессмертны были эльфы, и мудрость их росла от века к веку, и ни недуг, ни моровое поветрие не имели силы погубить их. Однако же тела их созданы были из той же материи, что и Земля, и могли быть уничтожены; и в те времена обладали большим сходством с плотью людей, ибо еще не так долго пылало в них пламя духа, что с течением лет сжигает их изнутри. Но люди были более хрупки; чаще гибли от оружия или по воле несчастного случая, труднее поддавались исцелению; подвержены были болезням и многим другим напастьям; старели и умирали. Что станет с душами их после смерти, эльфы не ведали. Некоторые говорили, что и люди отправляются в чертоги Мандоса, но ждать им назначено в ином месте, нежели эльфам. После Илуватара один Мандос, да еще Манвэ, знают, куда лежит путь людей, когда истечет для них время раздумий в безмолвных тех чертогах за Внешним морем. Никто и никогда не возвращался из домов умерших, кроме одного Берена, сына Барахира, чья рука касалась Сильмарилия; но по возвращении более не говорил он со смертными людьми. Может статься, судьбы людей после смерти не подвластны Валар, и не все было предсказано в Музыке Айнур.

В последующие дни, когда восторжествовал Моргот, эльфы и люди отдалились друг от друга, как он того и желал; те из эльфийского народа, что еще жили в Средиземье, истаяли и угасли, и людям в удел достался солнечный свет. Тогда квенди ушли в глухие места великих земель и на острова, и полюбили лунный свет и отблеск звезд; укрылись в лесах и пещерах, превратившись в тени давних воспоминаний. Другие же отплыли на Запад и навсегда покинули Средиземье. Но на заре истории мира эльфы и люди были соратниками и почитали друг друга родней; числились среди людей и такие, что переняли мудрость эльдар и стали великими героями среди вождей нолдор. А слава и красота эльфов и их судьба полной мерой

воплотились в потомках девы-эльфа и смертного, в Эарендиле, и в Эльвинг, и в Эльронде, их сыне.

Глава 13

О возвращении нолдор

Говорится, что Феанор и его сыновья первыми среди Изгнанников добрались до Средиземья и высадились в пустыне Ламмот, Великое Эхо, на внешних берегах залива Дренгист. Едва ступили нолдор на твердую землю, их крики эхом отозвались в холмах, усилившись многократно: словно гомон и гам бесчисленных могучих голосов зазвучал на северном побережье. Морской ветер подхватил гул пожарищ Лосгара, где гибли в огне корабли; и подивились все, кто издалека слышал тот шум, подобный ропоту гнева.

Но зарево тех костров видел не только Финголфин, покинутый Феанором в Арамане; видели их и орки, и дозорные Моргота. Никому не ведомо, что ощутил в душе Моргот при вести о том, что Феанор, его заклятый враг, привел с Запада целое воинство. Возможно, что и не устрасился Моргот, ибо еще не ведал, каковы в деле мечи нолдор; и вскоре стало ясно, что он замышляет отбросить недругов назад, к морю.

Под холодными лучами звезд, еще до того, как взошла Луна, воинство Феанора поднялось вверх вдоль протяженных берегов залива Дренгист, что вдавался в Эред Ломин, горы Эха, и так прошли они от побережья до раздольных земель Хитлума; и вышли, наконец, к долгому озеру Митрим, и на северном его берегу разбили лагерь в краю с тем же названием. Но воинство Моргота, потревоженное эхом голосов в пустоши Ламмот и отблеском костров в Лосгаре, подоспело через перевалы Эред Ветрин, гор Тени, и внезапно напало на Феанора, прежде чем лагерь нолдор был вполне подготовлен и надежно укреплен; так на пасмурных равнинах Митрима произошла Вторая Битва Войн Белерианда. Она получила название Дагор-нуин-Гилят, Битва-под-Звездами, ибо Луна еще не сияла над миром; и битва эта воспета в песнях. Враги превосходили нолдор числом и застали их врасплох – и все же эльфы быстро одержали победу, ибо свет Амана еще не померк в их глазах; были нолдор могучи и стремительны, и страшны в гнев, а мечи их – длинны и ужасны. Орки бежали пред их натиском и были отброшены от Митрима в кровопролитном сражении; и нолдор гнали их через горы Тени до широкой равнины Ард-гален, что лежала к северу от Дортониона. Там оркам на помощь явились армии Моргота: те, что ранее вышли на юг, в Долину Сириона, и осадили Кирдана в гаванях Фаласа; и нашли они свою гибель. Ибо Келегорм, сын Феанора, прознав о них, устроил засаду вместе с частью эльфийского воинства, и ринулся на них с холмов у Эйтель Сирион и оттеснил их к Топям Серех. Вести воистину недобрые достигли, наконец, Ангбанда, и устрасился Моргот. Десять дней длилась битва, и из всех полчищ, что подготовил он для покорения Белерианда, уцелело не больше, чем горсть листьев.

Однако был у Моргота повод для великой радости, хотя до поры сам Моргот про то не ведал. Ибо Феанор, обуреваемый ненавистью к Врагу своему, не желал остановиться, но торопился вперед, преследуя уцелевших орков и надеясь добраться в итоге до самого Моргота. Громко смеялся Феанор, размахивая мечом и ликуя, что не побоялся бросить вызов гневу Валар и опасностям долгого пути ради того, чтобы насладиться часом своей мести. Ничего не знал Феанор об Ангбанде и о его мощных укреплениях, что воздвиг Моргот за столь короткое время; но, даже знай он о них, это бы не остановило Феанора, ибо он был обречен и испепелен пламенем своего гнева. Вот так вышло, что далеко оторвался он от головного отряда; и, видя это, прислужники Моргота остановились и дали бой, а из Ангбанда на помощь им подоспели балроги. Там, у границ Дор Даэделот, земли Моргота, был окружен Феанор, а с ним и немногие его друзья. Долго сражался он, не ведая страха, хотя огненное кольцо сомкнулось вокруг него и нанесли ему многие раны; но наконец Готмог, Предводитель Балрогов, что впоследствии пал от руки Эктелиона в Гондолине, поверг его

на землю. Там встретил бы смерть Феанор, если бы в тот час не явились к нему на помощь сыновья его с подкреплением; и балроги оставили его и вернулись в Ангбанд.

И вот сыновья Феанора подняли тело отца и понесли его назад к Митриму. Уже подходили они к Эйтель Сирион и поднимались вверх по тропе, ведущей к горному перевалу, когда Феанор велел им остановиться: ибо смертельны были его раны и знал он, что пробил его час. Последний раз окинув взором склоны Эред Ветрин, увидел он вдали пики Тангородрима, самой мощной твердыни Средиземья, и понял Феанор (ибо в смертный час снизошел на него дар предвидения), что не во власти нолдор ниспровергнуть их; но трижды проклял он имя Моргота и повелел своим сыновьям соблюсти клятву и отомстить за отца. И умер Феанор; но не свершался над ним погребальный обряд и не рыли ему могилы. Столь неукротимым пламенем пылал его дух, что, как только оставил он тело, плоть обратилась в пепел, и ветер развеял тот пепел, словно дым; и вновь не являлся в Арду подобный ему, и дух Феанора не покидал чертогов Мандоса. Так погиб величайший из нолдор, чьи деяния снискали его народу неугасимую славу – и навлекли на его народ тягчайшие беды.

В Митриме же обитали Серые эльфы, народ Белерианда, что встарь пришел на север из-за гор, и нолдор с радостью приветствовали их, как давно утраченную родню. Но сперва трудно было им изъясняться меж собою, ибо долго жили эти народы вдали друг от друга, и весьма несхожими стали языки калаквенди Валинора и мориквенди Белерианда. От эльфов Митрима нолдор узнали о могуществе Элу Тингола, короля Дориата, и о поясе чар, что ограждал его земли; а вести о великих подвигах нолдор на севере дошли до Менегрота на юге и до гаваней Бритомбара и Эглареста. Тогда все эльфы Белерианда преисполнились изумления, и пробудил в них надежду приход столь могучей родни, что неожиданно-негаданно возвратилась с Запада, в час их крайней нужды. Многие решили поначалу, будто те явились как посланцы Валар, дабы избавить эльфов от недругов.

Но в самый час смерти Феанора к сыновьям его пришли послы от Моргота, признавая поражение и предлагая условия, вплоть до возвращения одного из Сильмарилей. Тогда Маэдрос высокий, старший из сыновей, убедил братьев начать притворные переговоры с Морготом и встретить его посланцев в назначенном месте; однако нолдор столь же мало склонны были держать слово, как и Моргот. Потому каждое посольство явилось с большими силами, нежели было условлено; но Моргот выслал войско более многочисленное, и в нем были балроги. Маэдрос попал в засаду, весь отряд его перебили, он же по повелению Моргота был захвачен в плен живым и доставлен в Ангбанд.

Тогда братья Маэдроса отошли назад и укрепили мощный лагерь в Хитлуме; но Моргот держал Маэдроса в качестве заложника и послал сказать, что не освободит его, пока нолдор не откажутся от войны и не вернутся на Запад или не уйдут прочь из Белерианда в далекие южные края. Но сыновья Феанора знали, что Моргот не сдержит слова и не освободит Маэдроса, как бы они ни поступили; кроме того, их связывала данная клятва, и не вправе были они отречься от войны против Врага во имя чего бы то ни было. Тогда Моргот велел повесить Маэдроса на отвесной стене пропасти Тангородрима, приковав к скале за правое запястье стальным кольцом.

Но вот до лагеря в Хитлуме дошел слух о походе Финголфина и его воинства, и о том, что удалось им перейти Скрежешущий Лед; а вслед за тем весь мир поверг в изумление восход Луны. Когда же воинство Финголфина вступило в Митрим, на Западе поднялось пламенеющее Солнце, и Финголфин развернул свои синие с серебром знамена и затрубил в рога, и цветы расцветали под ногами идущих победным маршем воинов; и окончились века звезд. При появлении слепящего света слуги Моргота бежали в Ангбанд, и Финголфин беспрепятственно миновал укрепленные пределы Дор Даэделот, пока враги его прятались под землей. Тогда эльфы ударили в ворота Ангбанда, и при призывном звуке их труб содрогнулись твер-

дыни Тангородрима; и Маэдрос, терзаемый муками боли, воззвал к родне своей, но голос его заглушило эхо скал.

Однако Финголфин, будучи иного нрава, нежели Феанор, и опасаясь козней Моргота, отвел войска из земли Дор Даэделот и двинулся назад к Митриму, ибо дошли до него вести о том, что там найдет он сыновей Феанора, и предпочитал он также держаться под защитой гор Тени, пока народ его отдыхает и набирается сил; ибо Финголфин уже видел мощь Ангбанда и не надеялся, что крепость падет при одном звуке труб. Потому, придя наконец в Хитлум, он разбил первый свой лагерь и поселение у северных берегов озера Митрим. Те, что следовали за Финголфином, не питали любви к Дому Феанора, ибо на долю переживших переход через Льды выпали неисчислимые страдания; Финголфин же почитал сыновей сообщниками отца. Так возникла опасность раздора между двумя воинствами; но, хотя и понесли они в пути великие потери, подданные Финголфина и Финрода, сына Финарфина, по-прежнему превышали в числе сторонников Феанора; и ныне те отступили перед ними и перенесли свои поселения на южный берег; и их разделило озеро. Многие из сторонников Феанора уже раскаивались в том, что содеяли в Лосгаре; и преисполнились изумления, узнав о доблести, что явили друзья, покинутые ими, при переходе через Льды Севера; и рады были бы нолдор Феанора приветствовать их, но, устыдившись, не смели. Вот так, в силу наложенного на них проклятия, ничего не выиграли нолдор, пока Моргот пребывал в нерешительности, а новообретенный свет внушал оркам великий ужас. Но Моргот очнулся от раздумий и рассмеялся, видя разлад в рядах своих недругов. И сотворил он в подземельях Ангбанда густые дымы и туманы; и за клубились они над смрадными вершинами Железных гор, отравляя прозрачный воздух первых дней мира: даже в далеком Митриме видели их. Подул ветер с востока, и перенес их через Хитлум, и затмили они вновь рожденное Солнце; и осели на землю, и застлали поля и долины, и пали на воды Митрима мерзкой, ядовитой пеленой.

Тогда Фингон отважный, сын Финголфина, решил примирить враждующих нолдор, прежде чем Враг приготовится к войне; ибо земля на Севере сотрясалась от грохота подземных кузниц Моргота. Давным-давно, в благословенные дни Валинора Фингона и Маэдроса связывали узы тесной дружбы – до того, как с Мелькора сняты были цепи и ложь раз-

делила друзей. Хотя и не знал до поры Фингон, что Маэдрос не забыл о нем, когда запылали корабли, память о давней дружбе жгла ему сердце. Потому отважился Фингон на подвиг, что по праву прославлен среди героических деяний нолдорских владык: один, не посоветовавшись ни с кем, он отправился на поиски Маэдроса, и под покровом тьмы – той самой, что создал Моргот, – незамеченным пробрался в стан врагов. Высоко взобрался он по склону Тангородрима и в отчаянии взглянул сверху на разоренные земли; но не находил он ни прохода, ни расщелины, чтобы пробраться в цитадель Моргота. Тогда, бросая вызов оркам, что все еще дрожали от страха в темных подвалах под землей, Фингон взял в руки лютню и запел песнь о Валиноре, что сложили нолдор в старину – прежде, чем вражда разделила сыновей Финвэ; и голос Фингона зазвенел в унылых лощинах, что доселе внимали только крикам страха и боли.

Так Фингон нашел того, кого искал. Ибо внезапно высоко над ним подхватили песню; и далекий, слабый голос воззвал к нему в ответ. То запел Маэдрос, невзирая на муки боли. Тогда Фингон взобрался к подножию стены, где мучился его родич; но далее не было пути, и зарыдал Фингон, увидев жестокое измышление Моргота. Маэдрос же, терпя невыносимые страдания без проблеска надежды, взмолился, чтобы Фингон застрелил его из лука; и Фингон вложил стрелу в тетиву и согнул лук. И, не видя иного спасения, он воззвал к Манвэ, говоря: «О Король, кому дороги все птицы, направь же теперь эту оперенную стрелу и сжался над нолдор в час нужды!»

И тотчас услышана была его мольба. Ибо Манвэ, кому дороги все птицы, кому крылатые гонцы доставляют на Таникветиль вести из Средиземья, встарь выслал во Внешние земли племя орлов, повелев им поселиться среди северных скал и следить за Морготом; поскольку Манвэ не вовсе утратил жалость к изгнанным эльфам. И приносили ему орлы вести о многих событиях тех дней, и Манвэ внимал им в печали. И вот, едва Фингон согнул лук, с поднебесных высот слетел Торондор, Король Орлов, самый могучий из всех земных птиц, что были или есть; размах крыльев его достигал тридцати саженей. Остановив руку Фингона, Торондор подхватил его и отнес к краю пропасти, где прикован был Маэдрос. Но Фингон не смог ни снять сработанный адом железный браслет, ни разъединить его, ни вырвать из каменных тисков. И снова обезумевший от боли Маэдрос взмолился, чтобы Фингон прекратил его муки выстрелом из лука; но Фингон отсек кисть его руки выше запястья; и Торондор отнес их назад в Митрим.

Со временем исцелился Маэдрос, ибо жарко пылал в нем огонь жизни; а сила его была силой древнего мира, – коей обладают лишь выросшие в Валиноре. Тело его, измученное пыткой, вновь окрепло и обрело былую мощь, но тень боли осталась в сердце его, и меч в его левой руке разил безжалостнее, нежели некогда в правой. Подвиг Фингона принес герою великую славу, и все нолдор превозносили его; и ненависть, разделявшая род Финголфина и Феанора, была избыта. Ибо Маэдрос просил простить ему предательство в Арамане, и отказался от своих притязаний на королевскую власть над всеми нолдор; и сказал он Финголфину: «Даже не будь меж нами обиды, лорд, и тогда королевский титул по праву перешел бы к тебе, ибо ты – старший здесь из рода Финвэ, и один из мудрейших». Но не все братья Маэдроса согласились с этим в сердце своем.

Так сбылось предсказание Мандоса, и Дом Феанора стал именоваться Обездоленные, ибо верховная власть перешла от них, старшей ветви, к роду Финголфина – как в Элендэ, так и в Белерианде; и потому еще, что утрачены были Сильмарили. Нолдор же, объединившись вновь, выставили стражу у границ Дор Даэделот и осадили Ангбанд с запада, востока и юга; и разослали они повсюду гонцов, чтобы те разузнали как можно более о землях Белерианда и вступили в переговоры с тамошними обитателями.

Не слишком порадовался король Тингол приходу стольких могучих владык с Запада, охочих до новых владений; и не пожелал он открыть для них вход в свое королевство или

снять пояс чар; ибо, умудренный мудростью Мелиан, не полагался он на то, что возможно долго сдерживать мощь Моргота. Из всех нолдорских принцев только сыновья Финарфина допущены были в пределы Дориата, ибо они приходились близкой родней самому королю Тинголу: матерью их была Эарвен из Алквалондэ, дочь Олвэ.

Ангрод, сын Финарфина, первым из Изгнанников явился в Менегрот как посол брата своего Финрода и долго говорил с королем, рассказывая ему о деяниях нолдор на Севере, и численности их, и порядке их воинства; но, будучи верен и прям, и мудр сердцем, и полагая, что все обиды ныне прощены, ни слова не сказал он ни о братоубийственной битве, ни о том, как были изгнаны нолдор, ни о клятве Феанора. Король Тингол внял словам Ангрода и, прежде чем ушел тот, сказал ему так: «Вот что передай от меня тем, кто послал тебя. Дозволяется нолдор селиться в Хитлуме и в нагорьях Дортониона, и в диких пустынных краях к востоку от Дориата; но в других землях живут многие мои подданные; и не желаю я, чтобы стесняли их, тем более – гнали с насиженных мест. Потому остерегайтесь, принцы с Запада, держите себя с оглядкой: ибо я – Владыка Белерианда, и всем, кто желает поселиться здесь, мое слово – закон. В Дориат же не вступит никто, кроме, разве, тех, кого призову я как гостей или кому понадобится я в час нужды».

И вот правители нолдор созвали совет в Митриме, и явился к ним Ангрод с посланием от короля Тингола из Дориата. Нелюбезным сочли нолдор прием, оказанный королем, а слова его привели в ярость сыновей Феанора. Но Маэдрос рассмеялся и молвил: «Король – тот, кто может удержать то, чем владеет; иначе титул его – пустой звук. Тингол всего лишь дарует нам земли, на которые не распространяется его власть. Да если бы не приход нолдор, одним Дориатом владел бы он сегодня. Потому пусть и правит себе в Дориате, и радуется, что соседи его – сыны Финвэ, а не орки Моргота, что достались нам. В других же местах мы заведем свои порядки».

Но Карантир, который не жаловал сыновей Финарфина, и из всех братьев отличался наиболее резким нравом и наиболее скор был на гнев, воскликнул вслух: «И еще скажу вот что! Да не позволим мы сыновьям Финарфина бегать туда и сюда с доносами в пещеры к этому Темному эльфу! Кто определил их в наши глашатаи и послал к нему для переговоров? Да хоть они и впрямь добрались до Белерианда, пусть не забывают, что отец их – один из нолдорских владык, хотя мать их и другого племени».

Тогда Ангрод пришел в ярость и покинул совет. Маэдрос, правда, упрекнул Карантира; но большая часть нолдор, как из того, так и из другого лагеря, обеспокоились в душе, опасаясь неистового нрава сыновей Феанора, что, казалось, всегда будет являть себя в грубых словах или насилии. Но Маэдрос обуздал своих братьев, и они ушли с совета, и вскоре покинули Митрим, и переселились на восток, за Арос, в раздольные земли вокруг холма Химринг. Этот край после назвали Предел Маэдроса, ибо с севера почти ничего не защищало его от нападения из Ангбанда: ни холмы, ни река. Там несли стражу Маэдрос и его братья, собрав вокруг себя тех, что пожелали присоединиться к ним; и мало общались они с родней своей, живущей на западе, разве что в час нужды. Говорится, что сам Маэдрос измыслил этот план, чтобы не допустить по возможности новых раздоров; и потому еще, что желал он всей душой принять на себя главный удар при вражеском натиске. Сам же он всегда оставался в дружбе с родом Финголфина и Финарфина, и часто приходил к родне своей за советом. Однако и его связывала клятва, хотя до поры она и не давала о себе знать.

Народ же Карантира поселился еще дальше к востоку, за верховьями реки Гелион, вокруг озера Хелеворн под горой Рерир, и далее к югу; и поднялись они на вершины Эред Луин и в изумлении взглянули на восток, ибо дикими и неохватными показались им просторы Средиземья. Там-то народ Карантира впервые встретился с гномами, которые после нападения Моргота и прихода нолдор прекратили торговлю с Белериандом. Оба народа чтили мастерство и рады были учиться новому, но не было меж ними большой любви, ибо

гномы замкнуты и обидчивы, а Карантир отличался высокомерием и почти не скрывал своего презрения к неприглядным наугрим; а подданные его следовали примеру своего повелителя. Однако, поскольку оба народа боялись и ненавидели Моргота, они заключили союз к немалой выгоде для тех и других; ибо наугрим переняли в те дни многие секреты ремесла, а кузнецы и каменщики Ногрода и Белегоста прославились среди родни своей. Когда же гномы вновь стали бывать в Белерианде, вся торговля гномьих шахт проходила сперва через руки Карантира, и так обрел он несметные богатства.

Когда же минуло двадцать Солнечных лет, Финголфин, король нолдор, созвал великий пир; и устроил его весною, близ заводей Иврина, где берет начало быстрая река Нарог; ибо край тот был зелен и прекрасен, а с севера защищали его горы Тени. В последующие дни невзгод долго помнили этот радостный пир и называли его Мерет Адертад, Пир Воссоединения. Пришли туда многие вожди и подданные Финголфина и Финрода; а из сыновей Феанора – Маэдрос и Маглор с воинами восточного Предела; пришли также в большом числе Серые эльфы, скитальцы лесов; и народ Гаваней, и владыка его Кирдан. Пришли даже Зеленые эльфы Оссирианда, Земли Семи Рек, что лежит далеко, у подножия стен Синих гор. Но из Дориата явились только двое посланцев с приветствиями от короля: Маблунг и Даэрон.

Многие благие решения приняты были на Мерет Адертад, и принесены клятвы союза и дружбы. Говорится, что на пиру этом все, даже нолдор, изъяснялись большей частью на языке Серых эльфов; ибо нолдор быстро переняли наречие Белерианда, но синдар медленно овладевали языком Валинора. Сердца нолдор преисполнились радостной надежды; и многие поверили в то, что прав был Феанор, призывавший их к свободе и прекрасным королевствам Средиземья; и действительно, вслед за тем последовали долгие годы мира. Мечи нолдор ограждали Белерианд от нападений Моргота, и власть его не распространялась за пределы врат крепости. В те дни под юными Луной и Солнцем царила радость и вся земля ликовала, однако на севере сгущалась Тень.

Когда же минуло еще тридцать лет, Тургон, сын Финголфина, покинул Невраст, где жил до сих пор, и навестил друга своего Финрода на острове Тол Сирион, и отправились они на юг по течению реки, ибо прискучили им северные горы. В пути застигла их ночь – у вод Сириона, за Озерами Сумерек, – и задремали они на речном берегу под летними звездами. Тогда Ульмо, поднявшись вверх по реке, наслал на них глубокий сон, полный мрачных видений; и, проснувшись, не могли они избавиться от тяжелого предчувствия. Но ни один ни слова не сказал другому, ибо не помнили они ясно, что пригрезилось им, и каждый полагал, что лишь ему одному передал послание Ульмо. Но беспокойство и смутная тревога о будущем не оставляли их с той поры; и часто блуждали Тургон и Финрод в одиночестве по нехоженным землям, ища там и тут хорошо укрепленного потаенного убежища; ибо мнилось каждому, что велено ему приготовиться к роковому дню и создать укрытие на случай, если Моргот вырвется из Ангбанда и одолеет воинства Севера.

И вот как-то раз Финрод и сестра его Галадриэль гостили у Тингола, родича своего, в Дориате. Тогда Финрод преисполнился изумления пред мощью и величием Менегрота, его сокровищницами и оружейными, и многоколонными каменными залами; и запала ему в сердце мысль выстроить просторные чертоги за надежно охраняемыми вратами, где-нибудь в потаенных недрах холмов. И открыл он сердце Тинголу, не умолчав и о своих снах; и Тингол рассказал ему о глубоком ущелье реки Нарог и пещерах под Высоким Фаротом на обрывистом западном берегу. Когда же отправился Финрод в обратный путь, Тингол дал ему провожатых показать дорогу к тому месту, ибо о нем пока знали немногие. Так Финрод пришел к Пещерам Нарога и принялся возводить там подземные залы и оружейни по образцу чертогов Менегрота; и твердыня эта получила название Нарготронд. Помогали Финроду в трудах его гномы Синих гор, и Финрод богато вознаградил их, ибо он вывез из Тириона больше сокровищ,

вищ, нежели все другие правители нолдор. Тогда же сделано было для Финрода Ожерелье Гномов, Наугламир: самое прославленное из творений наугрим в Древние Дни. Бессчетные драгоценные камни из Валинора оправлены были в золото, и однако ж обладало ожерелье волшебным свойством: легко, точно льняная нить, покоилось оно на груди владельца и на любом сидело красиво и изящно.

Там, в Нарготронде, и обосновался Финрод, а с ним – многие его подданные. Гномы называли короля на своем языке Фелагунд, Прорубающий Пещеры, и это имя носил он впредь до самой смерти. Но не первым поселился Финрод Фелагунд в пещерах близ реки Нарог: жили там и до него.

Галадриэль, сестра Финрода, не поехала вместе с ним в Нарготронд, ибо жил в Дориате Келеборн, родич Тингола, и полюбили Галадриэль и Келеборн друг друга великой любовью. Потому осталась она в Сокрытом Королевстве и, живя близ Мелиан, переняла от нее великие знания и мудрость во всем, что касалось Средиземья.

Но Тургон все не мог позабыть город на холме, прекрасный Тирион, его башню и древо; и не нашел он того, что искал, и возвратился в Невраст, и мирно зажил в Виньямаре у берегов моря. А на следующий год явился ему сам Ульмо и повелел ему вновь отправиться одному в Долину Сириона; и Тургон пустился в путь и, ведомый Ульмо, отыскал потаенную долину Тумладен в Окружных горах, в середине которой высился каменный холм. О том никому не сказал Тургон до поры, но вновь вернулся в Невраст и там принялся втайне обдумывать план города по образу и подобию Тириона на холме Туна, по которому тосковало в изгнании его сердце.

Но вот Моргот, поверив донесениям соглядатаев, что будто бы правители нолдор бродят по свету, о войне не помышляя, решил испытать мощь и бдительность своих недругов. Вновь, без предупреждения, силы его пришли в движение, и внезапно на севере затряслась земля, и трещины полыхнули огнем, и Железные горы изрыгнули пламя; и орки потоком хлынули на равнину Ард-гален. Оттуда они пробились через ущелье Сириона на западе, а на востоке прорвались через земли Маглора сквозь брешь между холмами Маэдроса и заставами Синих гор. Но Финголфин и Маэдрос не дремали; и, пока другие сражались с малыми отрядами орков, что разбрелись по Белерианду, причиняя великий вред, с двух сторон обрушились на основное воинство, атакующее Дортонион; и разбили наголову прислужников Моргота, и прогнали их через Ард-гален, и уничтожили всех до единого в пределах видимости врат Ангбанда. Так окончилась третья великая битва Войн Белерианда, что названа была Дагор Аглареб, Славная Битва.

То была победа, но и предостережение; и правители вняли ему, и перенесли осадные лагеря ближе к крепости; и усилили и упорядочили стражу: так началась Осада Ангбанда, что длилась почти четыреста Солнечных лет. Долгое время после Дагор Аглареб ни один прислужник Моргота не смел высунуть носа за ворота, страхась нолдорских владык; и Финголфин гордо утверждал, что, если только не найдутся предатели среди эльфов, Морготу вовеки не прорвать вновь осаду эльдар и не напасть на них врасплох. Однако нолдор так и не удалось захватить Ангбанд и вернуть Сильмарили; и ни на миг не прекращалась война за все время Осады; ибо Моргот изобретал все новые козни, опять и опять подвергая испытанию силу неприятеля. Притом, невозможно было взять цитадель Моргота в кольцо целиком, поскольку Железные горы, – гигантская изогнутая стена, над которой высились твердыни Тангородрима, – защищали крепость с обеих сторон и служили для нолдор непреодолимой преградой, ибо скалы укрывал снег и лед. Потому и с тыла, и с северной стороны Моргот обезопасил себя от неприятеля; этими-то путями соглядатаи его порой выходили из крепости и тайными тропами пробирались в Белерианд. Более всего желая посеять среди эльдар страх и разлад, Моргот повелел оркам по возможности захватывать эльфов живыми и доставлять

их связанными в Ангбанд. И некоторых пленников столь устрасил его грозный взор, что не было более необходимости держать их в цепях; навсегда завладевал ими неизбывный ужас, и исполняли они волю Моргота, где бы ни находились. Так Моргот многое узнал о том, что случилось со времен бунта Феанора; и торжествовал он, усмотрев в том семена раздора и новых ссор среди своих недругов.

Когда же после Дагор Аглареб минуло около ста лет, Моргот попытался захватить врасплох Финголфина (ибо он знал о бдительности Маэдроса), и выслал армию на заснеженный север; и воинство его свернуло на запад, а потом на юг, и спустилось по берегу к заливу Дренгист тем самым путем, каким пришел от Скрежещущих Льдов Финголфин. Так намеревались враги проникнуть в землю Хитлум с запада, но были вовремя замечены, и Финголфин атаковал их среди холмов в верхней части залива, и несметное множество орков сбросил в море. Эта схватка не числится среди великих битв, потому что отряд орков был невелик, и лишь небольшая часть народа Хитлума сражалась там. Но после воцарился мир на многие годы, и в Ангбанде не отваживались атаковать открыто; ибо уже понял Моргот, что орки сами по себе, без подкрепления, значительно уступают в силе нолдор, и принялся он вынашивать в сердце своем новый замысел.

Минуло еще сто лет, и вот Глаурунг, первый из урулоки, огнедышащих драконов Севера, под покровом ночи выполз за ворота Ангбанда. Он был еще юн и едва достиг половины положенного ему роста, ибо жизнь драконов течет долго и неспешно; но эльфы в ужасе бежали пред ним к Эред Ветрин и к Дортониону; он же осквернил поля Ардгалена. Тогда выехал против него на коне Фингон, правитель Хитлума, с отрядом верховых лучников, и всадники на быстрых скакунах окружили дракона тесным кольцом. И Глаурунг не смог выстоять перед их стрелами, ибо слаба еще была его броня; и бежал обратно в Ангбанд, и много лет не появлялся вновь. Фингон снискал себе великую хвалу, и ликовали нолдор, ибо немногие осознали угрозу, что таила в себе эта новая тварь, а также и суть ее. Весьма недоволен был Моргот, что Глаурунг явил себя до срока; и после поражения дракона наступил Долгий Мир, и длился он почти две сотни лет. За все это время происходили лишь небольшие стычки на границах, и Белерианд процветал и богател. Под защитой своих северных воинств нолдор отстроили чертоги и башни, и немало дивных творений создали они в те дни; и сложили стихи, и записали хроники и скрижали знания. Во многих краях нолдор и синдар смешались в один народ и заговорили на одном языке; однако сохранились и различия. Нолдор дана была великая сила и пытливый ум; то были могучие воины и мудрецы; строили они из камня и любили горные склоны и открытые равнины. А синдар обладали более мелодичными голосами и превосходили нолдор по части музыки – всех, кроме одного только Маглора, сына Феанора; и предпочитали леса и берега рек; а некоторые из Серых эльфов по-прежнему странствовали по свету, не поселяясь на одном месте; и песни их звенели над миром.

Глава 14

О Белерианде и его королевствах

Здесь повествуется про обустройство земель, куда пришли нолдор, — в северной части западных областей Белерианда в древние дни; а также рассказывается об эльфийских королевствах и их правителях, а также и о том, как осажден был Моргот после Дагор Аглареб, третьей битвы Войн Белерианда.

Много веков назад у северных границ мира Мелькор воздвиг Эред Энгрин, Железные горы, как прикрытие для своей цитадели Утумно, и ограждали они земли вечного холода, изогнувшись дугою с востока на запад. За стеной Эред Энгрин, на западе, где цепь гор выдавалась к северу, Мелькор выстроил еще одну крепость, чтобы противостоять возможному нападению из Валинора. Вернувшись же в Средиземье, как говорилось ранее, он избрал своим убежищем бесчисленные подземелья Ангбанда, Железной Преисподней, ибо в ходе Войны Властей Валар, спеша дать Мелькору решающий бой в его главной цитадели Утумно, не разрушили Ангбанд до основания и не обыскали всех его глубинных укрытий. Под Эред Энгрин Мелькор проложил подземный тоннель, что выводил на поверхность к югу от гор; там поставил он мощные врата. А над вратами, и за ними, вплоть до самых гор, он возвел грозные твердыни Тангородрима; а сделаны они были из пепла и шлаков его подземных печей и отвалов пустой породы из его штолен. Черные, мрачные громады громоздились до головокружительных высот, а над вершинами их курился дым, обволакивая северное небо темным, смрадным облаком. Пред вратами Ангбанда, на широкой равнине Ард-гален на много миль к югу царили грязь и запустение; но после того, как взошло Солнце, там зазеленели пышные травы; и пока длилась осада Ангбанда и врата его оставались закрыты, зелень пробилась даже среди ям и обломков скал у самых дверей ада.

К западу от Тангородрима лежала Земля Туманов, Хисиломэ: так называли ее на своем языке нолдор, потому что, когда они впервые встали там лагерем, Моргот наслал туда клубящиеся облака; но в языке синдар, что жили в тех краях, название это превратилось в Хитлум. Пока длилась Осада Ангбанда, край этот радовал глаз; хотя зимы там были суровы, и холоден воздух. На западе его ограждали горы Эха, Эред Ломин, что подступали к самому морю; а на востоке и юге — изогнутая цепь Тенистых гор, Эред Ветрин, откуда просматривались равнина Ард-гален и долина Сириона.

Финголфин и Фингон, сын его, владели Хитлумом; народ Финголфина большею частью расселился в Митриме, по берегам огромного озера; а Фингон получил в удел Дор-ломин, что лежал к западу от гор Митрима. Но главная их крепость находилась близ Эйтель Сирион в восточной части Эред Ветрин; отсюда дозорные наблюдали за равниной Ард-гален. Всадники разъезжали по равнине до самого подножия Тангородрима; поголовье коней их, изначально немногочисленное, стремительно выросло, и густы и зелены были травы Ард-галена. Предки этих коней по большей части были родом из Валинора; на кораблях перевозили их в Лосгар; и Маэдрос подарил их Финголфину в возмещение его утрат.

К западу от Дор-ломина, за горами Эха, что к югу от залива Дренгист протянулись далеко в глубь земли, находился Невраст, что означает Ближний Берег на языке синдарин. Это название дано было сперва всему побережью к югу от залива; но после – только землям между Дренгистом и горой Тарас. Этим краем много лет владел Тургон мудрый, сын Финголфина; окружали его море, и Эред Ломин, и холмы, что являлись продолжением горной цепи Эред Ветрин на западе, от Иврина до горы Тарас, что возвышалась на мысу. Некоторые считали Невраст скорее частью Белерианда, нежели Хитлума, ибо климат там был мягче: ветра с моря несли с собою дожди, но холодным северным ветрам, что дули над Хитлумом, доступ туда был закрыт. Земля эта представляла собою как бы впадину в кольце гор и гигантских прибрежных утесов, что возвышались над равнинами, раскинувшимися за их пределами; и не вытекало оттуда ни одной реки. В центре Невраста располагалось огромное озеро с размытыми берегами, в окружении обширных болот. Линаэвен называлось то озеро, ибо гнезилось там множество птиц – из тех, что любят высокие тростники и неглубокие заводи. Во времена прихода нолдор в Неврасте жило много Серых эльфов – у морского побережья и особенно вокруг горы Тарас на юго-западе; ибо туда в древние дни часто являлись Ульмо и Оссэ. Народ этот признал Тургона своим повелителем; здесь ранее, нежели в других местах, смешались народы нолдор и синдар. Сам же Тургон надолго поселился в чертогах, что называл Виньямар, под горой Тарас у самого моря.

К югу от Ард-галена простиралась на шестьдесят лиг с запада на восток огромная возвышенность, названная Дортонион; там росли густые сосновые леса – особенно в северной

и западной ее части. Пологие ее склоны начинались от равнин и поднимались до открытых ветрам высот, где у подножий скалистых утесов, пики которых вознеслись выше хребтов Эред Ветрин, лежало много каровых озер; а в южной части, со стороны Дориата, разверзлись зловещие пропасти. С северных склонов Дортониона Ангрод и Аэгнор, сыновья Финарфина, вассалы брата своего Финрода, владыки Нарготронда, оглядывали просторы Ард-галена. Немного подданных насчитывалось у них, ибо земля была неплодородна, а высокие нагорья позади служили надежной защитой от врагов; считалось, что Морготу непросто будет их преодолеть.

Между Дортонионом и Тенистыми горами лежала узкая долина: отвесные склоны ее поросли соснами, но в самой долине зеленели травы, ибо по ней река Сирион стремительно катила свои воды к Белерианду. Финрод владел ущельем Сириона; на острове Тол Сирион посередине реки он возвел мощную сторожевую башню Минас Тирит; после же того, как был отстроен Нарготронд, Финрод передал эту крепость в ведение брата своего Ородрета.

Земли Белерианда, обширные и прекрасные, раскинулись по обе стороны от могучей реки Сирион, воспетой в песнях: река брала начало в Эйтель Сирион, огибала край Ард-галена и ныряла в ущелье, и разливалась все шире, питаемая ручьями с гор. Далее на протяжении ста тридцати лиг текла она на юг, вбирая по дороге воды многих притоков, и, наконец, могучим потоком достигала своих многочисленных устьев и песчаной дельты залива Балар. По течению Сириона с севера на юг, по правую сторону, в Западном Белерианде, от Сириона до Тейглина простирался лес Бретиль, а дальше, между Тейглином и Нарогом – королевство Нарготронд. Истоком реки Нарог стали водопады Иврина на южном склоне Дор-ломина: Нарог катил свои воды на протяжении примерно восьмидесяти лиг прежде, чем впадал в Сирион в Нан-татрене, Краю Ив. К югу от Нан-татрена раскинулись цветущие луга, где мало кто жил; а еще дальше лежали болота и островки тростника близ устьев Сириона, и пески его дельты, где не селилось ничто живое, кроме морских птиц.

Но королевство Нарготронд протянулось также и к западу от Нарога, до самой реки Неннинг, что впадала в море у Эглареста; Финрод же стал верховным правителем всех эльфов Белерианда, что жили между Сирионом и морем – только на Фалас не распространялась его власть. В Фаласе поселились синдар, не утратившие любви к кораблям; ими правил Кирдан Корабел; Финрод и Кирдан стали друзьями и союзниками, и с помощью нолдор были отстроены заново Бритомбар и Эгларест. За их высокими стенами выросли прекрасные города и гавани с причалами и каменными пирсами. На мысу же к западу от Эглареста Финрод воздвиг башню Барад Нимрас для наблюдения за западным морем; хотя, как оказалось, необходимости в том не было: никогда не пытался Моргот строить корабли или вести войну на море. Все прислужники его держались подальше от воды; ни один из них не приблизился бы к морю по доброй воле, разве что по крайней необходимости. С помощью эльфов Гаваней некоторые из эльфов Нарготронда выстроили новые корабли и вышли в море, и разведали огромный остров Балар, надеясь устроить там надежное прибежище на случай, если придет беда; однако не суждено им было когда-либо там поселиться.

Так, королевство Финрода значительно превосходило все прочие, хотя сам Финрод числился младшим среди великих нолдорских владык, каковыми почитались Финголфин, Фингон, и Маэдрос, и Финрод Фелагунд. Но верховным правителем над всеми нолдор признавали Финголфина, а после него – Фингона, хотя владения их составлял только северный край Хитлум; однако народ их не знал себе равных по стойкости и отваге; никто другой не внушал такого страха оркам и такую ненависть – Морготу.

По левую сторону от реки Сирион раскинулся Восточный Белерианд; в самой широкой его части сто лиг отделяли Сирион от Гелиона и границ Оссирианда. Между Сирионом и Миндебом, под сенью пиков Криссаэgrim, гнездовья орлов, лежал пустынный край Димбар. Далее, между Миндебом и верховьями Эсгалдуина, простирались проклятые земли Нан

Дунгортеб: этот край стал сосредоточием страха, ибо с одной его стороны чары Мелиан ограждали северные пределы Дориата, с другой же стороны резко обрывалось нагорье Дортонион – там разверзлись отвесные пропасти гор Ужаса, Эред Горгорот. Туда, как говорилось ранее, бежала от бичей балрогов Унголиант; там она поселилась на время, заполняя расщелины смертоносным мраком; там по сию пору, даже после того, как сгинула сама Унголиант, таились ее гнусные отпрыски и сплетали свои мерзкие сети. Жалкие струйки ручьев, что стекали с Эред Горгорот, были осквернены и непригодны для питья, ибо сердцами тех, кто отведал их воду, овладевали призраки безумия и отчаяния. Все живое сторонилось этой земли; лишь в час крайней нужды проходили нолдор через Нан Дунгортеб – выбирая те тропы, что вели как можно ближе к границам Дориата и как можно дальше от зловещих холмов. Этот путь проложен был в давние времена, еще до того, как Моргот вернулся в Средиземье; идущий по нему выходил на восток, к Эсгалдуину, где в дни Осады еще высился каменный мост Иант Иаур. Оттуда можно было пересечь Дор Динен, Безмолвную Землю, и, перейдя Ароссиях (что означает Броды Ароса), выйти к северным границам Белерианда, где жили сыновья Феанора.

К югу лежали огражденные леса Дориата, обитель Тингола, Сокрытого Короля, в чьи владения никто не мог вступить против его воли. Их северную, меньшую часть, лес Нельдорет, омывали на юго-востоке темные воды реки Эсгалдуин, что на середине пути через тамошние земли резко сворачивала к западу; а между Аросом и Эсгалдуином простирался более густой и обширный лес Регион. На южном берегу Эсгалдуина, там, где река меняла курс и текла на запад, в сторону Сириона, находились Пещеры Менегрота; а весь Дориат располагался к востоку от Сириона – весь, кроме небольшой полоски леса между слиянием Тейглина и Сириона и Озерами Сумерек. Народ Дориата называл этот лес Ниврим, Западный Предел; там росли могучие дубы. И его тоже ограждал Пояс Мелиан – так, чтобы хотя бы часть Сириона полностью оказалась под властью Тингола; ибо Мелиан любила бурный Сирион из почтения к Улмо.

На юго-западе Дориата, там, где Арос впадает в Сирион, по обе стороны реки лежали огромные заводы и болота: там река замедляла свой ход и распадалась на множество рукавов. Этот край звался Аэлин-уиал, Озера Сумерек; ибо их окутывали туманы и довели над ними чары Дориата. А вся северная часть Белерианда шла под уклон к югу вплоть до этого места и далее переходила в равнину; и замедлялось течение Сириона. Но к югу от Аэлин-уиал местность резко понижалась, и обрыв этот отделял низовья Сириона от его верховьев: если смотреть с юга на север, то казалось, будто перед глазами – бесконечная цепь холмов, протянувшаяся с запада, от Эглареста, что за Нарогом, на восток, до Амон Эреб, откуда виден был далекий Гелион. Через эти холмы по глубокому ущелью протекал Нарог: река мчалась по перекатам, но водопадов не образовывала; а на западном берегу Нарога вознеслись обширные лесистые нагорья Таур-эн-Фарот. На западной стороне этого ущелья, там, где недлинный пенистый поток Рингвиль обрушивался в Нарог с отвесной стены Высокого Фарота, Финрод основал Нарготронд. Примерно в двадцати пяти лигах к востоку от ущелья Нарготронда Сирион низвергался с севера огромным водопадом ниже границы Озер, а потом вдруг нырял под землю, в глубинные тоннели, пробитые силой падающей воды; и вновь выходил на свет с шумом, грохотом и брызгами сквозь скалистые своды у подножия холмов в трех лигах к югу; и место это называлось Врата Сириона.

Этот разграничивающий обрыв назывался Андрам, Долгая Стена, и протянулся от Нарготронда до Рамдала, Оконечности Стены, в Восточном Белерианде. На востоке он становился менее отвесным, ибо долина Гелиона плавно понижалась к югу, и по всему руслу Гелиона не встречалось ни водопадов, ни порогов; хотя течение его было более стремительным, нежели у Сириона. Между Рамдалом и Гелионом стоял одинокий холм – весьма обширный, с пологими склонами; он казался выше, чем на самом деле, ибо стоял отдельно; назывался тот холм Амон Эреб. На Амон Эреб пал Денетор, правитель нандор, живших в Оссирианде – он пришел на помощь Тинголу в войне против Моргота в те дни, когда полчища орков впервые спустились с гор и нарушили мир осиянного звездами Белерианда. На этом холме поселился Маэдрос после великого поражения. К югу от Андрама, между Сирионом и Гелионом, лежал дикий край непроходимых лесов, куда забредали порою одни лишь странствующие Темные эльфы. Таур-им-Дуинат назывался он, Лес Междуречья.

Могучей рекою был Гелион; и было у него два истока, и в верховьях – два рукава: Малый Гелион брал начало на холме Химринг, а Большой Гелион – на горе Рерир. От места их слияния Гелион тек на юг на протяжении сорока лиг прежде, чем вливались в него притоки; и по пути к морю достигал в два раза большей длины, нежели Сирион, хотя был менее широк и полноводен: в Хитлуме и Дортонионе, воды которых вливались в Сирион, выпадало больше дождей, чем на востоке. В Эред Луин брали свое начало шесть притоков Гелиона: Аскар (что позже назван был Ратлоризель), Талос, Леголин, Брильтор, Дуильвен и Адурант – бурные, стремительные потоки, низвергающиеся с отвесных скал. Между Аскаром на севере и Адурантом на юге, от Гелиона до Эред Луин простирался далекий зеленый край Оссирианд, Земля Семи Рек. Примерно на середине пути Адурант распадался на два рукава, а затем соединялся вновь; и остров, омываемый его водами, назван был Тол Гален, Зеленый остров. Там поселились после своего возвращения Берен и Лутиэн.

В Оссирианде под защитой своих рек жили Зеленые эльфы: ибо после Сириона Ульмо превыше всех вод западного мира любил Гелион. Столь искушены были в лесной науке эльфы Оссирианда, что чужой мог пройти через земли их от края и до края, так и не увидев ни одного. Летом и весной они одевались в зеленое, а отзвук их песен доносился даже за Гелион; потому нолдор нарекли край тот Линдон, земля музыки; а горам за его пределами дали название Эред Линдон – ибо впервые увидели их из Оссирианда.

К востоку от Дортониона границы Белерианда были хуже всего защищены от нападения, и только невысокие холмы ограждали с севера долину Гелиона. В этом краю, в Пределе Маэдроса и землях за ним поселились сыновья Феанора и многочисленный народ их. Всадники нолдор разъезжали по широкой северной равнине Лотланн, обширной и пустынной, к востоку от Ард-галена, на случай, если Моргот попытается предпринять вылазку в Восточный Белерианд. Главная цитадель Маэдроса возвышалась на холме Химринг, что означает Вечно-холодный: этот безлесный, с плоской вершиной и пологими склонами холм окружали холмы поменьше, и в большом числе. Между Химрингом и Дортонионом лежало ущелье Аглон, врата в Дориат; стены его в западной части были совершенно отвесны. Сквозь это ущелье с севера вечно дул ледяной ветер. Келегорм и Куруфин укрепили Аглон и держали там немалые силы; а также и в земле Химлад на юге, между рекою Арос, что брала начало в Дортонионе, и ее притоком Келон, что вытекал из Химринга.

Между двумя рукавами Гелиона лежали земли, вверенные Маглору; и было такое место, где не смыкались горы; именно там орки и вошли в Восточный Белерианд накануне Третьей Битвы. Потому нолдор держали свою конницу близ того места на равнине, а народ Карантира возвел укрепления в горах к востоку от Бреши Маглора. Гора Рерир, а вокруг нее – много утесов поменьше, отстояли чуть западнее от основной горной гряды; в углу между Рериром и Эред Линдон лежало озеро, окруженное скалами со всех сторон, кроме юга. То было озеро Хелеворн, темное и глубокое; близ него поселился Карантир. Все обширные земли между Гелионом и горами, и между Рериром и рекой Аскар нолдор называли Таргелион, что означает «Земля за Гелионом», или Дор Карантир, Земля Карантира; именно там нолдор впервые повстречали гномов. Однако прежде Серые эльфы именовали Таргелион Талат Рунен, Восточная Долина.

Так сыновья Феанора во главе с Маэдросом правили Восточным Белериандом; народ же их в то время селился главным образом на севере, а на юг эльфы выезжали разве что поохотиться в лесах. Там, на юге, жили Амрод и Амрас; редко случалось им появляться на севере, пока длилась Осада. В южные области выезжали порою и другие эльфийские правители, даже из дальних краев, ибо дикие земли те радовали глаз. Чаше прочих бывал там Финрод Фелагунд, ибо любил он странствия: Финрод добрался до самого Оссирианда и подружился с Зелеными эльфами. Но никто из нолдор никогда не оказывался по ту сторону Эред Линдон, пока стояли их королевства; скудные вести поступали в Белерианд о том, что происходило в восточных краях; да и те с опозданием.

Глава 15

О нолдор в Белерианде

Уже говорилось о том, как, ведомый Ульмо, Тургон из Невраста обнаружил сокрытую долину Тумладен, которая (как узнали позже) лежала к востоку от верховий Сириона, в кольцо гор, высоких и отвесных; недоступная для всех живых существ, кроме орлов Торондора. Но глубоко под землей пролегал тоннель, проложенный в толще камня водами, что вытекали из-под скалы и вливались в потоки Сириона: этот-то путь и нашел Тургон, и вышел на зеленую равнину среди гор; и увидел посреди нее остров-холм из гладкого, твердого камня: ибо в древние дни долина была огромным озером. И понял Тургон, что отыскал наконец желанное ему место, и решил выстроить там прекрасный город в память о Тирионе на холме Туна. Но до поры возвратился Тургон в Невраст и зажил там в мире, хотя постоянно размышлял про себя, как бы ему исполнить задуманное.

После Дагор Аглареб смутная тревога, что пробудил в сердце Тургона Ульмо, возвратилась; и призвал он к себе многих своих подданных из числа самых стойких и искусных, и тайно провел их в сокрытую долину, и принялись они возводить город, задуманный Тургоном; и расставили повсюду стражу, чтобы никто извне не подглядел за их работой; и хранила их власть Ульмо, что несли в себе воды Сириона. Однако большую часть времени Тургон проводил в Неврасте, пока наконец не был отстроен город – после пятидесяти двух лет тайных трудов. Говорится, что Тургон нарек его Ондолиндэ на языке эльфов Валинора, то есть Скала Музыки Вод, ибо там, на холме, били фонтаны, но на языке синдар название это звучало иначе и превратилось в Гондолин, что значит Потаенная Скала. И вот Тургон собрался уйти из Невраста и покинуть чертоги свои в Виньямаре у моря; и тогда вновь явился к нему Ульмо и заговорил с ним. И сказал он: «Теперь, наконец, уйдешь ты в Гондолин, Тургон, а я сохраняю власть свою над долиной Сириона и всеми водами, что струятся там – так что никто не проследит путь твой и никто не отыщет тайный вход против твоей воли. Долее всех прочих королевств эльдалиэ выстоит Гондолин против Мелькора. Но умеряй любовь свою к творениям рук твоих и замыслам твоего сердца; и помни, что истинная надежда нолдор живет на Западе и приходит из-за Моря».

И предостерег Ульмо Тургона, что и над ним тяготеет Приговор Мандоса, и не во власти Ульмо снять его. «Может случиться и так, – рек Владыка Вод, – что проклятие нолдор настигнет и тебя еще до наступления конца, и в стенах твоих пробудится предательство, и городу твоему будет угрожать опасность погибнуть в огне. Но если угроза та надвинется совсем близко, тогда придет некто из Невраста упредить тебя; и от него, вопреки разрушениям и пожарам, родится надежда эльфов и людей. Потому оставь в этом доме доспехи и меч, чтобы в последующие годы смог он найти их – так ты узнаешь его и не обманешься». И объявил Ульмо Тургону, какого размера и вида должны быть шлем, и броня, и меч, кои надлежало оставить.

Тогда Ульмо возвратился в море, а Тургон послал вперед весь народ свой, а было там почти треть всех нолдор из числа последовавших за Финголфином, и еще больше синдар. Так ушли они, отряд за отрядом, тайно, под покровом тьмы Эред Ветрин; и, никем не замеченные, достигли Гондолина; и никто не знал, куда исчезли они. Последним снялся с места Тургон, и с домочадцами своими прошел по тайным тропам среди холмов, и вступил в горные врата, и они затворились за ним.

После того на протяжении долгих лет никто не попадал внутрь, кроме одних только Хурина и Хуора, а подданные Тургона вовеки не покидали пределов долины, пока не настал Год Скорби и не прошло трехсот пятидесяти лет, и более. Но под защитой гор народ Тургона множился и процветал; и вкладывали эльфы искусство свое в непрерывный труд; и вот

Гондолин на Амон Гварет сделался воистину прекрасен, и мог сравниться даже с эльфийским Тирионом, что за морем. Высоки были его белокаменные стены; вниз сбегали ровные лестницы, и вознеслась ввысь башня короля. Там били сверкающие струи фонтанов, а во дворе Тургона красовались изображения Дерев древности, что сработал сам Тургон, призвав на помощь многие умения эльфов. Дерево, созданное им из золота, называлось Глинггал, а Дерево, цветы которого Тургон отковал из серебра, звалось Бельтиль. Но все чудеса Гондолина затмевала красота Идрили, дочери Тургона – той, что прозывалась Келебриндал, Среброногая, чьи кудри сияли золотом, словно свет Лаурелин до прихода Мелькора. Так долго текли в блаженстве дни Тургона; Невраст же пришел в запустение, и никто в нем не жил вплоть до гибели Белерианда.

А пока строился втайне город Гондолин, Финрод Фелагунд возводил в подземных глубинах Нарготронд; а сестра его, Галадриэль, гостила в королевстве Тингола, в Дориате, как говорилось ранее. Часто беседовали Мелиан и Галадриэль о Валиноре и об ушедших благословенных днях; но никогда не рассказывала Галадриэль о том, что последовало за мрачным часом гибели Дерев; всегда на том смолкала она. И однажды молвила ей Мелиан:

«Какое-то горе гложет тебя и родню твою. Это я могу прочесть в тебе: прочее же сокрыто от меня. Ни мысль, ни взор мой не в силах различить то, что произошло или происходит на Западе: тень застлала землю Аман от края до края и простирается далеко над морем. Отчего не расскажешь ты мне более?»

«Горе наше в прошлом, – отвечала Галадриэль, – и хочу я насладиться той радостью, что еще жива здесь, и не тревожить скорбных воспоминаний. Может статься, много еще горя выпадет нам на долю – хоть и кажется теперь, будто засиял для нас свет надежды».

Тогда Мелиан заглянула в глаза ей и молвила: «Я не верю, что нолдор пришли сюда посланцами Валар, как говорилось вначале – хоть и явились они в час нашей крайней нужды. Ибо никогда не упоминают они в речах Валар; а правители их не принесли посланий Тинголу ни от Манвэ, ни от Ульмо, ни даже от Олвэ, брата короля, ни от народа Тингола, что ушел за море. Почему же, о Галадриэль, славный род нолдор был изгнан из Амана, словно преступники? Что за зло овладело сыновьями Феанора, почему столь надменны они и столь безжалостны? Близка ли я к истине?»

«Близка, – отвечала Галадриэль, – только не изгоняли нас; ушли мы по своей воле и против воли Валар. А преодолели мы великие опасности и не посчитались с Валар во имя вот какой цели: отомстить Морготу и вернуть то, что похитил он».

И тогда Галадриэль поведала Мелиан о Сильмарилиях и о том, как убит был в Форменосе король Финвэ; однако, как и прежде, ни слова не сказала она о Клятве, и о Братоубийстве, и о том, как сожжены были корабли в Лосгаре. Но отвечала Мелиан: «Многое рассказала ты мне – но, сдается мне, не все. Завесу тайны тщишься набросить ты на долгий путь от Тириона, но я прозреваю там зло, и Тинголу следовало бы узнать о нем».

«Может быть, – отвечала Галадриэль. – Но не от меня».

И Мелиан не говорила более о том с Галадриэлью, но поведала королю Тинголу все, что слышала о Сильмарилиях. «Это – дело великой важности, – сказала она. – Большей важности, нежели в состоянии понять сами нолдор, ибо Свет Амана и судьба Арды заключены в этих камнях, творении погибшего Феанора. Не во власти эльдар, предрекаю я, вернуть Сильмарили; и мир разрушен будет в грядущих войнах прежде, чем удастся вырвать их у Моргота. Видишь! – Феанора они уже погубили – да и многих других, догадываюсь я. Первой же в цепочке смертей, что навлекли эти самоцветы и навлекут еще, стала смерть друга твоего Финвэ: Моргот сразил его, прежде чем бежал из Амана».

Тогда замолчал Тингол, охваченный горем, и мрачное предчувствие овладело им; но со временем молвил он: «Теперь наконец понимаю я, отчего нолдор пришли с Запада – чему

немало удивлялся я прежде. Не на помощь нам явились они (разве по воле случая); ибо тех, кто остался в Средиземье, Валар намерены предоставить их собственной участи, пока не пробьет час крайней нужды. Ради того, чтобы отомстить и вернуть утраченное, явились нолдор. Однако тем более верными союзниками в борьбе против Моргота окажутся они: теперь и помыслить невозможно, чтобы нолдор когда-либо заключили союз с врагом».

Но молвила Мелиан: «Истинно, во имя этих целей пришли нолдор – однако есть и другое. Остерегайся сынов Феанора! Тень гнева Валар коснулась их; и содеяли они зло, как я вижу – и в Амане, и противу своей же родни. Вражда разделяет нолдорских владык – хотя и усыплена до времени».

Но ответил Тингол: «Что мне до этого? О Феаноре доходили до меня только слухи, что свидетельствуют о величии его. О сыновьях его слышу я мало приятного, однако похоже на то, что они проявят себя неумолимыми и беспощадными врагами нашего врага».

«Но обоюдоостры мечи их, как и замыслы», – отозвалась Мелиан; и более они о том не говорили.

Очень скоро прошли меж синдар слухи о том, что содеяли нолдор до своего прихода в Белерианд. Известно, откуда взялись эти слухи: горькая правда отравлена была лживыми подробностями и много преувеличена. Но синдар еще не привыкли к осмотрительности и доверчиво внимали чужим речам; и (надо думать) Моргот избрал их как первую жертву своей злобы, так как они Моргота не знали. Обеспокоился Кирдан, слушая эти злобные наветы; но мудр он был и быстро понял, что, правдивы они или нет, но распространяет их в ту пору злоба; хотя злобу эту приписал он нолдорским владыкам и отнес за счет зависти соперничающих домов. Потому послал он гонцов к Тинголу передать все, что слышал.

Так случилось, что в ту пору сыновья Финарфина вновь гостили у Тингола, ибо захотелось им повидаться с сестрой их Галадриэлью. Тогда Тингол, весьма расстроенный вестями, гневно заговорил с Финродом, молвив: «Худо поступил ты со мною, родич, утаив от меня события столь важные. Ибо теперь узнал я обо всех преступлениях нолдор».

Но отвечал Финрод: «Что худого сделал я тебе, лорд? Что за преступления совершили нолдор во владениях твоих, чем огорчили тебя? Ни против короля Дориата, ни против кого-либо из твоего народа не замыслили они зла и не содеяли».

«Дивлюсь я тебе, сын Эарвен, – молвил Тингол, – являешься ты к столу родича своего, и руки у тебя обагрены кровью после убийства родни твоей матери, – и, однако, не говоришь ты ничего в защиту свою и не молишь о прощении!»

Немалую боль причинили слова эти Финроду, но не вымолвил он ни слова, ибо не мог говорить в защиту свою иначе, как обвинив других нолдорских владык; и не хотел он обвинять их перед Тинголом. Но сердце Ангрода горестно сжалось при воспоминании о словах Карантира, и воскликнул он: «Не знаю, владыка, что за лживые речи слышал ты и от кого; но не обагрены кровью наши руки. Безвинны мы, и упрекнуть нас можно лишь в безрассудстве – в том, что слушали мы речи одержимого Феанора и опьянились ими, словно вином – и на столь же короткий срок. Не содеяли мы зла на пути своем, но сами пострадали от великой обиды – и простили ее. И за то прозывают нас твоими доносчиками и предателями народа нолдор – несправедливо, сам знаешь, ибо, храня нолдор верность, до сих пор молчали мы пред тобою и тем заслужили твой гнев. Но более не потерпим мы подобных обвинений; должен ты узнать истину».

С горечью заговорил Ангрод, обвиняя сыновей Феанора, и рассказал о пролитой в Алквалондэ крови, и о Приговоре Мандоса, и о сожжении кораблей в Лосгаре. И воскликнул он: «За что же нам – тем, что выдержали переход через Скрежещущие Льды – носить клеймо братоубийц и предателей?»

«Однако и на вас пала тень Мандоса», – молвила Мелиан. Но Тингол долго молчал, прежде чем заговорил вновь. «Теперь уходите! – объявил он. – Ибо в сердце моем пылает гнев. Позже можете вернуться, если захотите: никогда не закрою я дверей перед вами, родней моей; запутались вы в тенетах зла, коему не содействовали. И с Финголфином и его народом останусь я в дружбе, ибо горькой ценою заплатили они за то дурное, что совершили. В общей ненависти нашей к Власти, породившей все эти беды, забудутся обиды наши. Но запомните мои слова! Пусть никогда более не коснется моего слуха речь убийц родни моей из Алквалондэ! Во всем моем королевстве не будет открыто звучать их язык, пока длится моя власть. Все синдар да услышат мое повеление: никто пусть впредь не смеет говорить на языке нолдор или отвечать говорящим на нем. А все, кто изъясняется на этом наречии, будут почитаться братоубийцами и предателями родни своей, упорствующими во зле!»

С тяжелым сердцем покинули Менегрот сыновья Финарфина, понимая, что всегда будут сбываться слова Мандоса и что никому из нолдор, последовавших за Феанором, не укрыться от тени, павшей на род его. И стало, как сказал Тингол: ибо синдар вняли его словам и впредь по всему Белерианду эльфы отрекались от языка нолдор и чуждались тех, кто вслух говорил на нем; Изгнанники же в обиходе перешли на синдарин, а на Высоком наречии Запада говорили промеж себя только владыки нолдор. Однако язык этот сохранился как книжный везде, где жили нолдор.

И вот возведен был Нарготронд (Тургон же все еще жил в чертогах Виньямара); и сыновья Финарфина съехались туда на пир; приехала и Галадриэль из Дориата, и осталась на время в Нарготронде. Король же Финрод Фелагунд так и не взял себе жены, и Галадриэль спросила его – почему так? Тогда дар предвидения снизошел на Фелагунда, и молвил он: «И я тоже принесу клятву и должен быть свободен исполнить ее и уйти во тьму. Да и ничего не останется от моего королевства, что мог бы унаследовать сын».

Но говорится, что до этого часа не владели королем столь рассудочные мысли: ибо воистину любил он Амариэ из рода ваньяр, и она не последовала за ним в изгнание.

Глава 16 О Маэглине

Арэдель Ар-Фейниэль, Белая Госпожа нолдор, дочь Финголфина, жила в Неврасте вместе с братом своим Тургоном; с ним отправилась она в Сокрытое королевство. Но скоро прискучил ей хранимый город Гондолин, и, чем дальше, тем сильнее хотелось ей разъезжать верхом по бескрайним просторам и бродить по лесам, как некогда в Валиноре. Когда же минуло двести лет с той поры, как отстроен был Гондолин, она обратилась к Тургону, прося дозволения уехать. Очень не лежало к тому сердце Тургона, и долго отказывал он ей, но наконец уступил, говоря: «Ступай же, если на то твоя воля; хотя мудрость подсказывает мне, что не след отпускать тебя, и предчувствую я, что бедой обернется твой отъезд для нас обоих. Но поедешь ты только навестить Фингона, нашего брата; тем же, кого пошлю я с тобою, должно возвратиться в Гондолин как можно скорее».

Но молвила Арэдель: «Я – сестра твоя, а не прислужница, и за пределами твоих владений стану поступать как знаю. А ежели жалеешь ты для меня эскорта, так я поеду одна».

И отвечал Тургон: «Ничего мне для тебя не жаль. Однако не желаю я, чтобы долго оставались за пределами стен моих те, кто знает сюда дорогу; и если тебе, сестра моя, я доверяю, то откуда знать мне, что другие не разболтают лишнего?»

И назначил Тургон троим лордам из своей свиты сопровождать Арэдель, и повелел им доставить сестру к Фингону, в Хитлум, ежели послушается она их. «Но будьте осторожны, – рек он, – ибо хотя Моргот и заперт в своей северной крепости, немало в Средиземье и иных опасностей, о которых Госпожа не ведает». И Арэдель покинула Гондолин, и тяжело было на сердце Тургона, как прощался он с нею.

Но когда подъехала Арэдель к броду Бритиах на реке Сирион, она объявила своим спутникам: «Теперь сворачивайте к югу, а не к северу, ибо не поеду я в Хитлум; сердце мое склоняется скорее к тому, чтобы повидаться с сыновьями Феанора, моими давними друзьями». Невозможно было переубедить ее, и, как повелела Арэдель, они свернули к югу, надеясь получить доступ в Дориат. Но пограничная стража не пропустила их, ибо Тингол никому, кроме родни своей из дома Финарфина, не позволял проходить сквозь Пояс, и менее всего – тем, что называли себя друзьями сыновей Феанора. Потому стражи сказали Арэдели так: «В край Келегорма, куда направляетесь вы, госпожа, никоим образом не проехать вам через владения короля Тингола; придется вам обогнуть Пояс Мелиан с севера или с юга. Кратчайший же путь лежит к востоку от Бритиаха через Димбар, а затем – вдоль северных границ нашего королевства. Миновав же мост Эсгалдуина и Броды Ароса, вы доберетесь до тех земель, что лежат за холмом Химринг. Там, как нам думается, и живут Келегорм и Куруфин; может быть, вы их и застанете. Однако путь ваш полон опасностей».

Тогда Арэдель повернула назад и поехала опасной тропой, что вилась между наводненных призраками ущелий Эред Горгорот и северными рубежами Дориата; когда же приблизился маленький отряд к земле зла Нан Дунгортеб, всадники заплутали среди теней, и Арэдель отстала от сопровождающих ее и затерялась во мраке. Долго и безуспешно искали ее спутники, опасаясь, что Арэдель попала в западню или выпила воды из ядовитых ручьев тех мест; но злобные порождения Унголиант, скрывающиеся среди расщелин, пробудились и бросились за ними в погоню; и эльфы едва спаслись из тех мест. Когда же наконец возвратились они в Гондолин и поведали свою историю, великая скорбь охватила город, и долго пребывал Тургон в уединении, во власти гнева и горя.

Но Арэдель долго и безуспешно искала своих спутников, а, не найдя, поскакала дальше, ибо, как все в роду Финвэ, обладала стойким и бесстрашным сердцем; и не свернула она с пути, но пересекла Эсгалдуин и Арос и оказалась в земле Химлад в междуречье Ароса

и Келона, где в те времена, до того, как прорвана была Осада Ангбанда, жили Келегорм и Куруфин. В ту пору были они в отъезде и гостили у Карантира в Таргелионе, на востоке; но подданные Келегорма оказали Арэдели добрый прием и пригласили пожить среди них в почете и в холе до возвращения правителя. Всем довольна была она первое время и немало радовалась, бродя на воле под сенью лесов; но шли месяцы, а Келегорм не возвращался; и Арэдель вновь утратила покой и стала уезжать одна из дому еще дальше, чем прежде, ища нехоженных троп и незнакомых полян. И случилось как-то раз в конце года, что Арэдель оказалась в южных пределах Химлада, и пересекла Келон, и, сама не зная как, затерялась в чаще Нан Эльмота.

Много веков назад в том лесу звучали шаги Мелиан – когда Средиземье укрывали сумерки, а деревья были еще молоды; на них, как и встарь, лежали колдовские чары. Теперь же деревья Нан Эльмота вознесли свои одетые мраком ветви выше всех лесов Белерианда, и свет солнца не проникал в чащу: там жил Эол, прозываемый Темным эльфом. Некогда он числился среди родни Тингола, но в Дориате не находил себе ни покоя, ни отрады; когда же Пояс Мелиан окружил лес Регион, где жил он, Эол бежал оттуда в Нан Эльмот. Там поселился он в густой тени, ибо любил ночь и подзвездные сумерки. Эол чуждался нолдор, считая их виновными в том, что вернулся Моргот и нарушил покой Белерианда; однако гномов жаловал куда больше, нежели любой другой эльф былых времен. Многие узнавали гномы от Эола о том, что происходит в краю эльдар.

Гномы Синих гор вели торговлю с Белериандом, проезжая по двум дорогам через Восточный Белерианд; и северный путь – тот, что вел к бродам Ароса – пролегал близ Нан Эльмота. Там Эол обычно и встречался с наугрим и вел с ними беседы. По мере того, как крепла их дружба, Эол стал частым гостем в подземных чертогах Ногрода и Белегоста. Там

перенял он многие секреты работы с металлом и обрел великое искусство. И создал он металл, прочный, как гномья сталь, но столь ковкий, что даже самая тонкая и гибкая пластинка оставалась непробиваемой для клинков и стрел. Эол назвал его *галворн*, ибо металл был черным и блестящим как гагат, и облекался в него всякий раз, как выезжал из дому. От работы в кузнице согнулся его стан, однако Эол был не гномом, но эльфом высокого роста, из знатного рода телери; лик его, хотя и мрачный, дышал благородством, а взгляд пронзал тень и проникал в самые глубины тьмы. И случилось так, что увидел он Арэдель АрФейниэль, заплутавшую среди высоких деревьев у границ Нан Эльмота – словно светлый отблеск в этой сумрачной земле. Прекрасной показалась она Эолу, и он возжелал ее; и наслал на нее чары, так, чтобы не смогла она отыскать дорогу из леса, но неуклонно приближалась к жилищу его в глубине чащи. Там была его кузница и сумрачные его чертоги; и немногие слуги его жили там, молчаливые и скрытные, как и их хозяин. И когда Арэдель, утомленная блужданиями по лесу, вышла наконец к его дверям, Эол предстал перед нею, и приветствовал ее, и ввел ее в дом. Там она и осталась, ибо Эол взял ее в жены; и много времени прошло прежде, чем родня Арэдели услышала о ней вновь.

Не говорится в легендах, будто все произошло вовсе противу воли Арэдели и что на протяжении всех лет жизнь в Нан Эльмоте казалась ей ненавистной. Ибо хотя, по повелению Эола, Арэдель должна была избегать солнечного света, часто бродили они вдвоем под звездами или в сиянии месяца. Позволялось ей странствовать и одной где вздумается; единственное, что запретил ей Эол – это встречаться с сыновьями Феанора или другими нолдор. Под сенью Нан Эльмота Арэдель родила Эолу сына и в сердце своем нарекла его на запретном языке нолдор «Ломион», что означает «Дитя Сумерек»; но отец не давал ему имени, пока не исполнилось мальчику двенадцать лет. Тогда Эол нарек его Маэглин, что означает «Острый Взгляд», ибо видел Эол, что сын его обладает зрением более зорким, нежели его собственное, а мысль ребенка в состоянии проникать в сокровенные тайны сердца, минуя завесу слов. Когда же возмужал Маэглин, лицом и статью стал он схож с нолдор, родней своей, но нрав и ум унаследовал от отца. Немногословен был Маэглин – кроме тех случаев, что задевали его за живое; тогда же голос его обретал способность воспламенять тех, кто внимал ему, и ниспровергать тех, кто ему противостоял. Он был высок и черноволос; темные, пронизательные глаза его ярко сияли на бледном лице – черта, унаследованная от нолдор. Часто бывал он вместе с Эолом в городах гномов на востоке Эред Линдон и там охотно перенимал все, чему готовы были учить его гномы; а более всего – искусство отыскивать в горах руды металлов.

Говорится, однако, что Маэглин больше любил свою мать и, если Эола не случалось рядом, подолгу сиживал подле нее, слушая рассказы Арэдели о родне ее и о деяниях нолдор в Эльдамаре, и о мощи и доблести эльфийских владык из Дома Финголфина. Эти речи западали ему в сердце, особенно же – все, что слышал он о Тургоне, и то, что нет у Тургона наследника, ибо Эленвэ, жена его, погибла при переходе через Хелькараксэ, оставив ему единственного ребенка, дочь Идриль Келебриндал. Долгие эти беседы пробудили в Арэдели желание вновь увидеть родню свою, и дивилась она, что когда-то прискучил ей свет Гондолина и сверкающие под солнцем фонтаны, и колеблемые ветром зеленые травы Тумладена под весенним небом; тем более, что часто оставалась она одна во мраке, когда муж ее и сын были в отъезде. Эти рассказы вызвали также и первые ссоры между Маэглином и Эолом. Ибо ни за что не соглашалась Арэдель открыть Маэглину, где живет Тургон и как можно попасть туда; и Маэглин выжидал подходящего случая, надеясь выманить у матери эту тайну, или, может быть, рассчитывая прочесть ее мысли, как только утратит она осторожность. Но прежде, чем осуществится этот замысел, мечтал Маэглин поглядеть на нолдор и поговорить с сыновьями Феанора, своими родичами, живущими неподалеку. Но когда поведал он о желании своем Эолу, отец Маэглина пришел в ярость. «Ты – из рода Эола, Маэ-

глин, сын мой, – воскликнул он, – а не из голодрим. Вся эта земля принадлежит телери, и я не стану иметь дела с убийцами родни нашей, с узурпаторами и захватчиками домов наших; не стану сам и не позволю сыну. В этом изволь покориться моей воле, или же я закую тебя в цепи». Ничего не ответил Маэглин; но промолчал с холодным видом и больше не выезжал из дому с Эолом; и отец перестал ему доверять.

И случилось так, что в середине лета гномы, по обычаю своему, позвали Эола на пир в Ногрод, и он ускакал прочь. На время Маэглин и мать его получили свободу бродить, где вздумается, и часто выезжали на опушку леса полюбоваться на солнечный свет. Все сильнее разгоралось в сердце Маэглина желание навсегда покинуть Нан Эльмот, и сказал он Арэдели: «Госпожа моя, уедем, пока есть время! На что уповать нам в этом лесу – тебе и мне? Здесь держат нас в плену, и не вижу я пользы для себя: ибо все уже постиг я из того, чему мог научить меня отец и что согласны открыть наугрим. Так не отправиться ли нам в Гондолин? Ты станешь проводником моим, а я – твоей защитой!»

Тогда обрадовалась Арэдель и с гордостью взглянула на сына; и, сказав слугам Эола, что поедут они повидать сыновей Феанора, Арэдель и Маэглин покинули дом и поскакали к северным окраинам Нан Эльмота. Там переправились они через неширокий поток Келон и оказались в земле Химлад, и направились дальше, к Бродам Ароса, а затем на запад, вдоль ограждений Дориата.

Но Эол возвратился с востока ранее, нежели предвидел Маэглин, и обнаружил, что жена его и сын два дня как уехали; и столь велик был его гнев, что Эол тут же устремился в погоню, невзирая на дневной свет. Но, оказавшись в Химладе, он смирил свою ярость и далее двинулся с оглядкой, памятуя об опасности: ибо Келегорм и Куруфин были могучими владыками и терпеть не могли Эола; а Куруфин к тому же славился тяжелым нравом. Но дозорные Аглонского ущелья заметили Маэглина и Арэдель, как проезжали они к Бродам Ароса; и понял Куруфин, что происходит нечто странное. Потому отправился он от ущелья к югу и разбил лагерь у Бродов. И, прежде чем Эол успел углубиться в Химлад, всадники Куруфина схватили его и привели к своему господину.

И сказал Куруфин Эолу: «Что за нужда привела тебя, Темный эльф, в мои земли? Срочное дело, надо думать, – раз такой солнценовистник да разъезжает при свете дня!»

Эол же, памятуя об угрожающей опасности, сдержал готовые прорваться горькие слова. «Узнал я, лорд Куруфин, – молвил он, – что мой сын и жена моя, Белая Госпожа Гондолина, отправились навестить тебя, пока я был в отъезде; думается, что пристало и мне присоединиться к ним».

Тогда Куруфин расхохотался ему в лицо и сказал: «Уж верно, явись ты вместе с ними, встретили бы они здесь менее теплый прием, нежели надеялись; но это не важно, ибо иная цель вела их. Еще двух дней нет, как проехали они через Ароссиах и умчались на запад. Сдается мне, ты пытаешься меня обмануть – или, разве что, сам обманут».

Отвечал Эол: «Тогда, правитель, может, отпустишь меня, чтобы узнал я истину об этом деле?»

«Отпустить – пожалуй, да только не от большой любви, – отвечал Куруфин. – Чем скорее уберешься ты из моих владений, тем более угодишь мне».

Тогда Эол вскочил на коня, говоря: «Отрадно, правитель Куруфин, встретить в час нужды столь любезно расположенного родича! Припомню я это, когда вернусь». Куруфин же окинул Эола мрачным взглядом.

«Не хвастай тут передо мною именем своей жены, – промолвил он. – Ибо те, что похищают дочерей нолдор и женятся на них без дозволения и свадебных даров, не становятся родней их родни. Я дал тебе дозволение уехать. Так воспользуйся же им и убирайся! По закону эльдар я не вправе убить тебя ныне. Но вот тебе в придачу совет мой: возвращайся

лучше в дом свой во тьме Нан Эльмота, ибо подсказывает мне сердце, что если станешь ты преследовать тех, чью любовь утратил – никогда не вернешься ты туда».

Тогда Эол умчался прочь, обуреваемый ненавистью ко всем нолдор, ибо теперь он понял, что Маэглин и Арэдель бегут в Гондолин. Подгоняемый вперед яростью и стыдом от пережитого унижения, он миновал Броды Ароса и поскакал во весь опор по дороге, по которой беглецы проехали ранее. Хотя и не подозревали они о погоне, а конь Эолу достался более быстрый, так и не удалось Эолу приблизиться к ним настолько, чтобы увидеть – пока не доехали Маэглин и Арэдель до Бритиаха и не спешили. Досадная случайность выдала их: кони громко заржали, и скакун Эола, услышав, устремился к ним. Издалека различил Эол белые одежды Арэдели и приметил, каким путем идет она, пробираясь по тайной тропе в горы.

И вот Арэдель и Маэглин добрались до Внешних Врат Гондолина и миновали Темную Стражу под горою; радостно встретили там Арэдель; а, пройдя через Семь Врат, она и Маэглин предстали перед Тургоном на Амон Гварет. Там король в изумлении выслушал рассказ сестры и с одобрением взглянул на Маэглина, ее сына, видя, что он достоин числиться среди нолдорских владык.

«Воистину, отрадно мне, что Ар-Фейниэль возвратилась в Гондолин, – молвил король, – еще прекраснее покажется теперь мой город, нежели в те дни, когда я полагал, что утратил ее навеки. Маэглина же ждет в королевстве моем почетный прием».

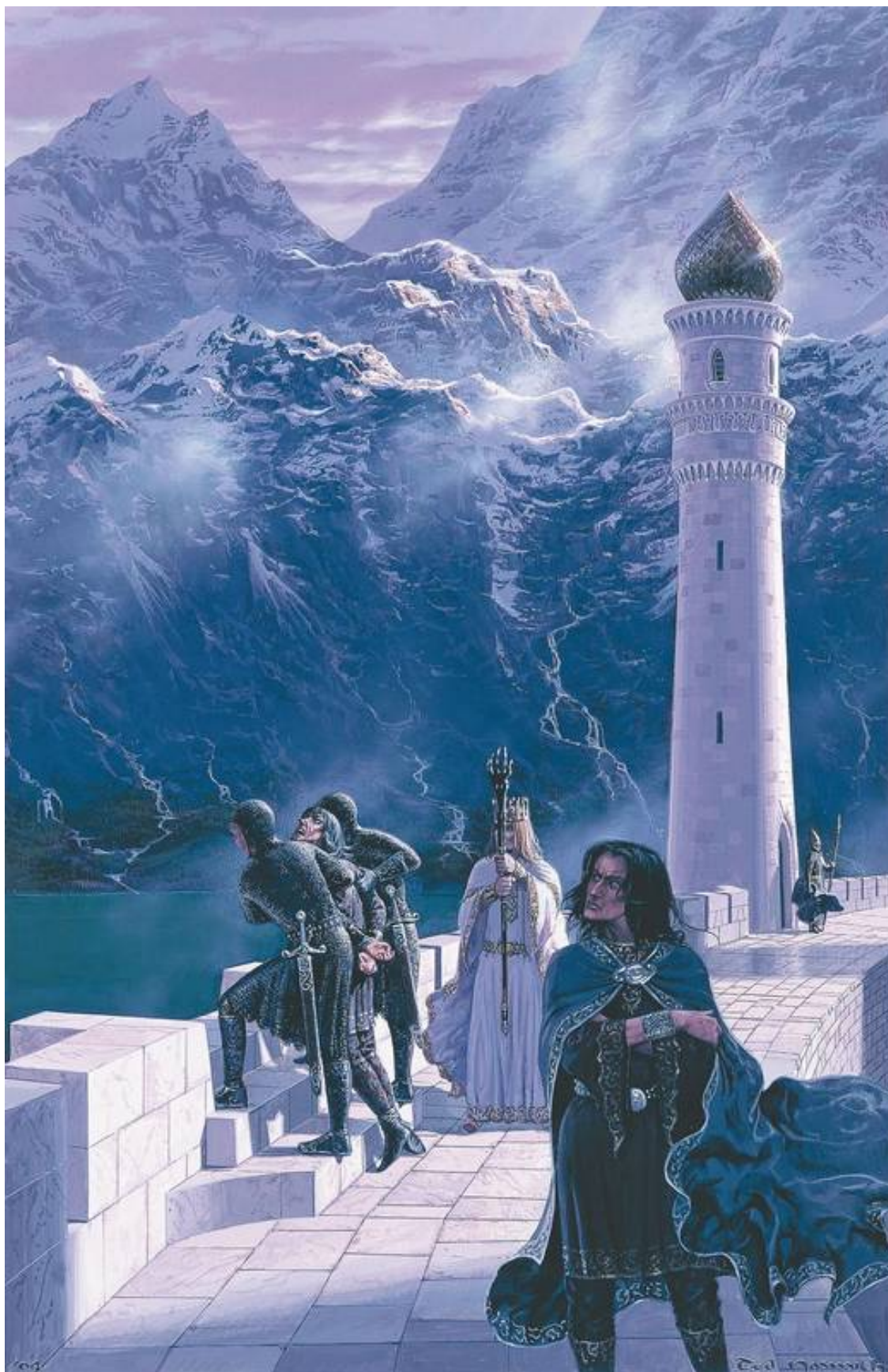
Тогда Маэглин низко поклонился Тургону и признал его своим господином и королем, и поклялся во всем чтить его волю. Глядел Маэглин вокруг во все глаза, не говоря ни слова, ибо красота и великолепие Гондолина превосходили все, созданное его воображением после бесед с матерью; поразила его мощь города, и бессчетные толпы его жителей, и творения дивные и небывалые, что видел он вокруг себя. Однако чаще всего взор Маэглина обращался к Идрили, дочери короля, восседавшей подле отца: кудри ее сияли золотом, как у ваныар, родни ее матери; и показалась она Маэглину солнцем, что озаряет своими лучами королевский чертог.

Но Эол, следуя за Арэделью, отыскал Пересохшую реку и тайную тропу, и, пробираясь украдкой, приблизился к Страже, но был схвачен и подвергнут допросу. Когда же услышали Стражи, что он объявляет Арэдель своей женою, изумились они и тотчас же послали гонца в Город, и посланец предстал перед королем.

«Повелитель, – воскликнул он, – Стража захватила пленника, что пробрался тайком к Темным Вратам. Он называет себя Эол; то – высокий эльф, темноволосый, суровый обликом, из рода синдар; однако ж он заявляет, что госпожа Арэдель – жена ему, и требует, чтобы его привели к королю. Он обуреваем яростью, и нелегко совладать с ним; но мы не убили его, как велит твой закон».

Тогда отозвалась Арэдель: «Увы! Как я и опасалась, Эол последовал за нами. С великой осторожностью выследил он нас, ибо мы не видели и не слышали погони, вступая на Потаенный Путь». И сказала она посланцу: «Пленник говорит чистую правду. Он – Эол, а я – жена ему, и он – отец моего сына. Не убивайте его, но приведите сюда: пусть судит его король, если будет на то королевская воля».

Так и сделали; и Эол приведен был во дворец Тургона и предстал перед его высоким тронном, угрюм и горд. Не менее, чем сын, дивился Эол всему, что видел, но сердцем его тем сильнее овладевали гнев и ненависть к нолдор. Тургон же оказал Эолу почетный прием, и поднялся, и протянул ему руку, и молвил: «Добро пожаловать, родич – ибо таковым тебя почитаю. Здесь будешь жить ты в довольстве и холе; одно лишь условие ставлю: поселишься ты здесь навсегда и никогда не покинешь моего королевства, ибо таков мой закон: тот, кто нашел сюда дорогу, здесь и остается».

Но Эол отдернул руку. «Я не признаю твоих законов, — отозвался он. — Ни ты, и никто другой из родни твоей не имеют права захватывать эти земли и устанавливать границы —

здесь или в другом месте. Здесь – владения телери; вы принесли сюда лишь войны да неурядицы; несправедливы ваши деяния и горды сердца ваши. Мне нет дела до твоих секретов, и явился я сюда не шпионить за тобою, но забрать то, что принадлежит мне: жену мою и сына. Однако если на сестру твою у тебя есть права – так пусть остается; пусть птица возвращается в свою клетку, где вскоре опять начнет чахнуть, как чахла прежде. Но Маэглин – иное дело. Моего сына ты у меня не отнимешь. Идем, Маэглин, сын Эола! Твой отец приказывает тебе. Оставь дом его недругов и убийц родни его или будь проклят!» Но ничего не ответил на это Маэглин.

Тогда Тургон, восседающий на высоком троне, воздев жезл судии, отвечал строго: «Я не стану спорить с тобою, Темный эльф. Только мечами нолдор защищены твои сумрачные леса. Свободой странствовать, где тебе вздумается, ты обязан родне моей: если бы не нолдор, давно уже томился бы ты в рабстве в подземельях Ангбанда. А здесь король – я; и хочешь ты того или нет, мой приговор – закон. Только один выбор дается тебе: поселиться здесь или умереть здесь; то же и для твоего сына».

Тогда Эол встретился взглядом с королем Тургоном и, несколько не укрощенный, долго стоял неподвижно, не говоря ни слова. Глубокое молчание воцарилось в зале, и страх охватил Арэдель, ибо знала она, что муж ее опасен в гневе. Вдруг, молниеносно, словно бросок змеи, Эол выхватил дротик, что прятал под плащом, и метнул его в Маэглина со словами: «Второй путь выбираю я для себя и своего сына! Тебе не достанется то, что принадлежит мне!»

Но Арэдель заслонила сына, и дротик ранил ее в плечо. Тотчас же был схвачен Эол, закован в цепи и уведен; прочие же принялись ухаживать за Арэделью. И Маэглин проводил взглядом отца своего, не говоря ни слова.

И назначено было Эолу на следующий день предстать перед королевским судом; и Арэдель с Идрилью уговорили Тургона явить милосердие. Но к вечеру ослабела Арэдель, хотя рана казалась неглубокой; тьма обступила ее, она лишилась чувств и ночью умерла: острие дротика было отравлено, и узнали об этом слишком поздно.

Потому, когда Эол предстал перед Тургоном, не встретил он снисхождения: и отвели Эола к Карагдуру, обрыву в черных скалах на северном склоне холма Гондолин, чтобы сбросить его вниз с отвесной стены города. И Маэглин стоял тут же, ни слова не говоря; но в последний миг воскликнул Эол: «Так значит, отрекаешься ты от отца и родни его, о сын, рожденный в злой час! Здесь обратятся в прах все твои упования, и да умрешь ты здесь той же смертью, что и я!»

Тогда сбросили Эола с Карагдура, и так встретил он свой конец. Все жители Гондолина нашли приговор справедливым, однако Идриль встревожилась, и с этого дня в сердце ее поселилось недоверие к родичу. Но Маэглин возвеличен был среди гондолиндрим и немало достиг: все превозносили его, и король осыпал его милостями; охотно и быстро постигал Маэглин то, чему учили его, но и сам мог научить многому. Собрал он вокруг себя тех, что склонны были к кузнечному ремеслу и горному делу, и разведал он Эхориат (то есть Окружные горы), и нашел богатые залежи разнообразных металлов. Выше всего ценил он твердое железо шахты Ангхабар в северной части гор Эхориат; там немало добыл он руды и в изобилии выковал металла и стали, так что острее и мощней стало оружие гондолиндрим, и это сослужило им добрую службу в последующие дни. Мудрые, осмотрительные советы подавал Маэглин, и в то же время в час нужды являл бесстрашие и отвагу. Все убедились в том, когда, в черный год Нирнаэт Арноэдиад, Тургон открыл ворота и выступил с войском на север, на помощь Фингону, Маэглин же не пожелал остаться в Гондолине наместником короля, но отправился на войну, и сражался бок о бок с Тургоном, и показал себя яростным и бесстрашным воином.

Так судьба Маэглина, казалось, сложилась вполне счастливо: он возвысился среди нолдорских владык и в самом прославленном из эльфийских королевств одному лишь уступал

в величии. Но сердца своего Маэглин не открыл никому, и хранил молчание, если не все шло так, как хотелось ему, и таил свои думы, — мало кто мог прочесть их, кроме Идрили Келебриндал. Ибо с первых дней пребывания Маэглина в Гондолине терзала его тоска, с каждым днем все сильнее, и лишала его радости: он полюбил прекрасную Идриль и втайне мечтал о ней, но безнадежно. Эльдар не заключали браков между родичами столь близкими, да прежде никто и не желал того. Как бы то ни было, Идриль ничуть не любила Маэглина, а, зная его помыслы о ней, не могла побороть растущей неприязни. Ибо это чувство казалось ей в нем непонятым и искаженным; таковым находили его впредь все эльдар: то были горькие плоды Братоубийства; так тень проклятия Мандоса пала на последнюю надежду нолдор. Но шли годы; Маэглин все следил взором за Идрилью и выжидал, и в сердце его любовь обратилась в тьму. Тем более тщился он настоять на своем в других делах и не боялся ни труда, ни тягот, если таким путем обретал власть.

Так было в Гондолине; так, в безмятежные дни королевства, осиянного славой, посеяно было черное семя зла.

Глава 17

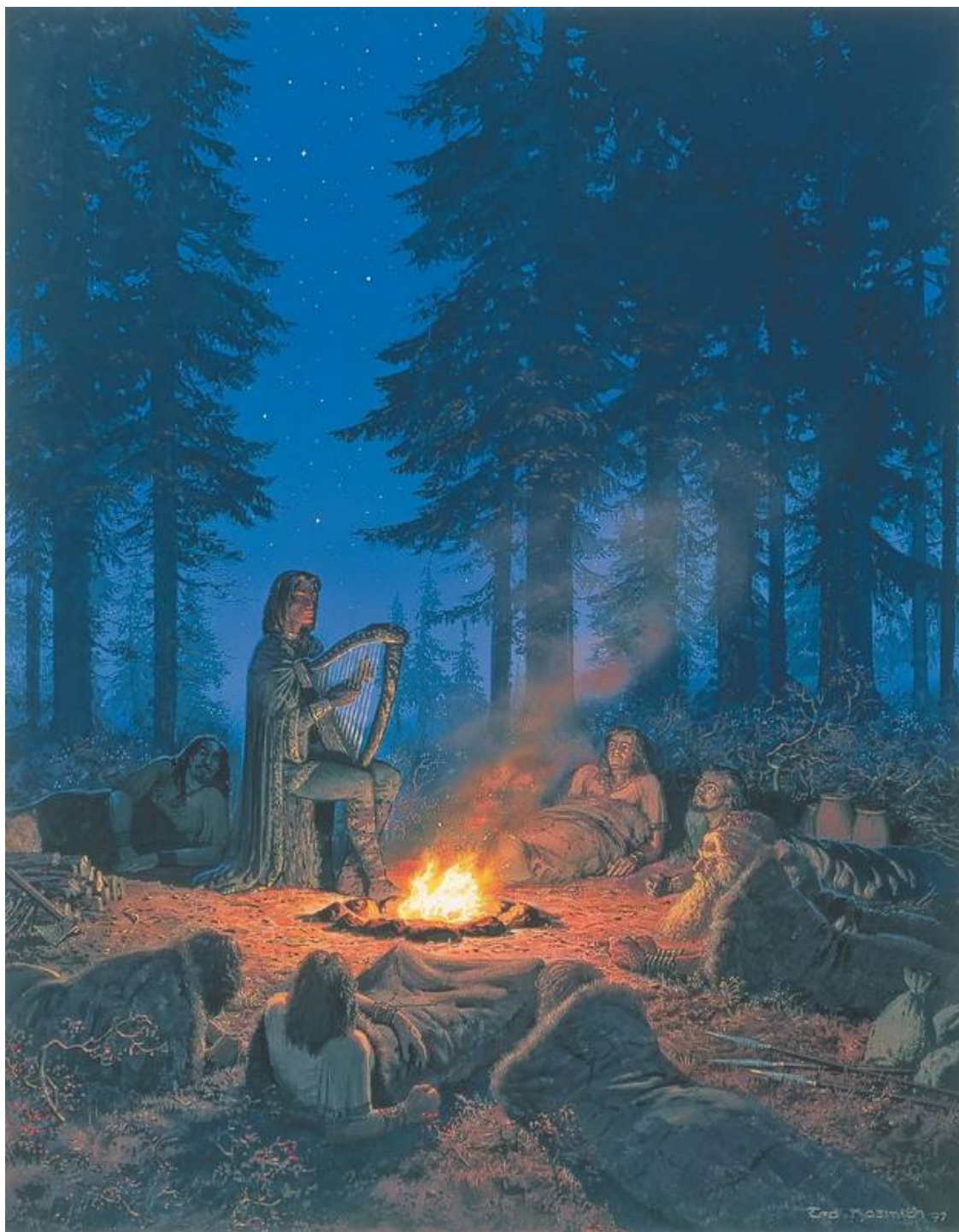
О приходе людей на Запад

Когда миновало триста и более лет с тех пор, как нолдор пришли в Белерианд, во времена Долгого Мира Финрод Фелагунд, правитель Нарготронда, отправился на охоту вместе с Маглором и Маэдром, сыновьями Феанора, к востоку от реки Сирион. Но погоня за дичью утомила его, и, отстав от спутников, проехал король к горам Эред Линдон, мерцающим вдали, и, двинувшись по Гномьему тракту, пересек Гелион у брода Сарн Атрад, свернул к югу за верховьями Аскара и оказался в северной части Оссирианда.

И в долине среди предгорий, близ родников Талоса, различил он огни в вечернем сумраке и издали слышал пение. Весьма изумился Финрод, ибо Зеленые эльфы тех мест не разводили костров и не пели по ночам. Сперва испугался Финрод, что отряд орков прорвался сквозь кольцо осады Севера, но, подъехав ближе, понял, что это не так: песня звучала на языке, доселе ему неведомом, непохожем на наречие гномов или орков. Тогда Фелагунд, молча стоявший среди деревьев, укрытых ночным мраком, взглянул вниз, на лагерь в долине, и взору его предстали незнакомые существа.

То были люди из народа Беора Старого, как называли его позже; его родня и подданные. Долго шли люди с востока, — несколько поколений сменились на том пути, — и наконец Беор, один из вождей, перевел свой народ через Синие горы. Эти люди первыми вступили в Белерианд; и пели они, ибо радостно было у всех на душе, и верилось им, что все опасности уже позади, и пришли они наконец в землю, где не властвует страх.

Долго глядел на них Фелагунд, и в сердце его проснулась любовь к пришлецам; но Финрод оставался за деревьями, пока все они не уснули. Тогда король приблизился к спящим и присел у потухающего костра (а люди даже не выставили часовых), и взял в руки грубо сработанную арфу, что отложил в сторону Беор; и заиграл на ней. Подобной музыке не внимал доселе слух людей, ибо никто прежде не наставлял их в этом искусстве, кроме Темных эльфов в диких краях.

И люди очнулись ото сна и заслушались Фелагунда, а он все перебирал струны и пел; и каждый думал, что видит, верно, чудесный сон, пока не замечал, что и товарищи его рядом тоже не спят; но никто не пошевелился и не вымолвил ни слова, пока играл Фелагунд, ибо прекрасной была музыка и дивной – песня. Мудрость звучала в словах эльфийского владыки, и сердца тех, что внимали ему, становились мудрее, ибо все, о чем пел король: о сотворении Арды, о благословенных днях Амана за темным Морем, представало перед взорами людей, словно яркие видения; и ум каждого по-своему воспринимал эльфийскую речь.

Вот почему люди дали королю Фелагунду, первому из встреченных ими эльдар, имя Ном, что на языке того племени означает «Мудрость»; а народ его прозвали в честь Финрода номин, Мудрые. Поначалу люди принимали Фелагунда за одного из Валар – тех, что, по

слухам, живут далеко на Западе: именно эти слухи (как говорят иные) и побудили людей отправиться в путь. А Фелагунд остался с народом Беора и открыл людям многие истины, и люди полюбили его и избрали своим правителем; и после всегда хранили верность роду Финарфина.

Эльдар же превыше всех народов обладали способностью к языкам; кроме того, открыл Фелагунд, что легко может читать в умах людей те мысли, что желали они облечь в слова; потому нетрудно ему было понимать людскую речь. Говорится также, что это племя долгое время зналось с Темными эльфами, живущими к востоку от гор, и отчасти переняло их наречие. А поскольку все языки квенди – одного происхождения, язык Беора и его народа во многом напоминал эльфийский; немало в нем встречалось похожих слов и оборотов. Потому очень скоро Фелагунд смог беседовать с Беором и, пока жил король среди людей, часто толковали они друг с другом. Но когда Фелагунд принимался расспрашивать Беора о пробуждении людей и их странствиях, скупыми бывали ответы Беора, да и знал он немного, ибо отцы его народа мало что рассказывали о своем прошлом и молчание сковало их память. «Тьма лежит за нами, – говорил Беор, – но мы отвернулись от нее и не желаем возвращаться к ней даже в мыслях. К Западу обратились сердца наши, и верим мы, что там обретем Свет».

Но говорилось позже среди эльдар, что, когда пробудились люди в Хильдориэне при первом восходе Солнца, не дремали соглядатаи Моргота и тотчас же извещен был Властелин Тьмы. И показалось то ему событием столь великой важности, что Моргот сам, тайно, под покровом тьмы покинул Ангбанд и отправился в Средиземье, доверив Саурону ведение войны. О сношениях Моргота с людьми эльдар ничего не ведомо было в ту пору, да и после некоторое узнали они; но то, что тьма подчинила себе сердца людей (так же, как тень Братоубийства и Приговора Мандоса пала на нолдор), прозревали они ясно, даже в Друзьях Эльфов, коих встретили первыми. Моргот всегда стремился к тому, чтобы уничтожить, исказить и склонить ко злу все новое и прекрасное; без сомнения, в вылазке своей ставил он и такую цель: с помощью страха и лживых наветов настроить людей против эльдар и повести их с востока против воинств Белерианда. Но замысел тот зрел медленно, и не суждено было Морготу вполне достичь задуманного, ибо люди (так говорится) поначалу были весьма немногочисленны; Моргот же, устранившись, что растет мощь эльдар и крепнет их союз, возвратился в Ангбанд, оставив вместо себя лишь немногих прислужников; да и те не отличались ни силой, ни особым коварством.

И вот Фелагунд узнал от Беора, что будто бы многие другие людские племена, движимые той же мыслью, идут на Запад. «Часть моего народа, родня моя, уже перевалила через горы, – говорил Беор, – и скитается где-то неподалеку; а халадин – народ, чей язык отличен от нашего, – задержались в долинах восточных склонов и ожидают вестей, прежде чем тронуться дальше. Есть и еще люди – их речь более схожа с нашей; с ними мы порою сносимся. Они раньше нас отправились на Запад, но мы обогнали их: это – многочисленное племя, однако держатся они кучно и потому двигаются медленно, и подчиняются единому вождю, кого зовут они Марах».

Но приход людей встревожил Зеленых эльфов Оссирианда; а когда слышали лай-квенди, что некий владыка эльдар из-за Моря живет среди людского племени, они послали к Фелагунду гонцов. «Владыка, – говорили они, – если есть у тебя власть над пришлецами, повели им возвратиться тем же путем, каким пришли они, а нет – пусть идут вперед. Дорог нам наш покой, и не потерпим мы чужаков в своих владениях. Существа эти рубят лес и охотятся на зверье; потому мы им не друзья, и если не уйдут они, мы станем чинить им вред, как сможем».

Тогда по совету Фелагунда Беор собрал все странствующие семьи и роды своего племени и увел их за Гелион; и поселились они в земле Амрода и Амраса, на восточных берегах

Келона, к югу от Нан Эльмота, близ границ Дориата; и название тому краю впредь было Эстолад, что означает «Походный лагерь». Когда же истек год и пожелал Фелагунд возвратиться в свои владения, Беор испросил у него позволения уйти вместе с ним; и оставался он на службе у короля Нарготронда до конца дней своих. Там-то и получил он свое имя, Беор, тогда как прежде звали его Балан; ибо «Беор» означает «Вассал» на языке его племени. А правление над народом своим он передал Барану, своему старшему сыну, и не возвращался более в Эстолад.

Вскоре после ухода Фелагунда в Белерианде появились новые людские племена, о которых говорил Беор. Сперва явились халадин, но, встретив отпор недружелюбно настроенных Зеленых эльфов, они свернули к северу и поселились в Таргелионе, в земле Карантира, сына Феанора; там на время обрели они мир, ибо народ Карантира почти не замечал их. На следующий год Марах перевел народ свой через горы: то были люди высокие и воинственные; шли они упорядоченными отрядами, и эльфы Оссирианда укрылись в лесах и не препятствовали им. Но Марах, прослышав, что народ Беора живет в цветущем, плодородном краю, спустился по Гномьему тракту на юго-восток от поселений Барана, сына Беора; и великая дружба родилась между этими народами. Сам Фелагунд часто возвращался к людям; по его примеру многие другие эльфы западных земель, нолдор и синдар, тоже наведывались в Эстолад, любопытствуя увидеть эдайн, чей приход предсказан был давным-давно. В легендах Валинора, повествующих о назначенном приходе людей, людям дано было имя атани, Второй народ; но в языке Белерианда имя это превратилось в «эдайн» и употреблялось лишь по отношению к трем домам Друзей Эльфов.

Финголфин, как Верховный король нолдор, послал к людям гонцов, приветствуя их в своей земле; и тогда многие отважные юноши из рода эдайн ушли от своих поселений и поступили на службу к эльфийским королям и лордам. Среди них был Малах, сын Мараха; он прожил в Хитлуме четырнадцать лет, овладел эльфийским языком и получил имя Арадан.

Но недолго жили эдайн в довольстве в Эстоладе; по-прежнему многих снедало желание идти на запад, но не знали они дороги. Прямо перед ними путь преграждал Пояс Чар Дориата, а на юге тек Сирион и лежали непроходимые болота. Потому короли трех домов нолдор, видя в сыновьях людей надежду на подкрепление, послали к эдайн гонцов, призывая всех, кто пожелает, сняться с мест и перебраться к эльдар. Так началось переселение эдайн: сперва поодиночке, затем семьями и целыми родами покидали они Эстолад; а лет через пятьдесят во владениях эльфийских владык оказались целые тысячи. Большинство отправилось по долгой дороге на Север, и со временем стали им знакомы тамошние пути. Народ Беора переселился в Дортонион и обосновался в тех краях, где правил дом Финарфина. Народ Арадана (ибо Марах, отец Арадана, оставался в Эстоладе до самой смерти) по большей части ушел еще дальше на запад; кое-кто осел в Хитлуме, но Магор, сын Арадана, и многие другие, пройдя вниз по течению Сириона, оказались в Белерианде и некоторое время жили в долинах по южным склонам Эред Ветрин.

Говорится, что обо всех тех делах никто, кроме Финрода Фелагунда, не посоветовался с королем Тинголом, и Тингол был тем весьма недоволен; притом, уже давно тревожили его сны, предвещавшие приход людей – еще до того, как принесли о них первые вести. Потому повелел Тингол, чтобы люди не смели селиться нигде, кроме как в северных краях, и объявил, что правители, принявшие людей на службу, станут держать ответ за все их деяния. И сказал он: «Никто из людей не вступит в Дориат, пока стоит мое королевство; не сниму я запрет и для смертных из народа Беора – того, что служит Финроду желанному». В ту пору ничего не ответила ему Мелиан, но после сказала Галадриэли: «Мир ныне в преддверии великих событий, и быстро летит время. Воистину придет смертный из рода Беора, и Пояс Мелиан не окажется для него преградой, ибо он явится посланцем судьбы, перед которой

власть моя бессильна; и песни, сложенные в честь его прихода, будут звучать и тогда, когда все Средиземье изменится безвозвратно».

Однако многие люди остались в Эстоладе, и на протяжении долгих лет жил в тех краях смешанный народ – до тех самых пор, как разрушен был Белерианд и люди погибли либо бежали назад, на Восток. Ибо помимо стариков, которые полагали, будто кончились для них дни скитаний, было немало и таких, которые не желали ни от кого зависеть и боялись эльдар и света их глаз. Так среди эдайн возник раскол, за которым угадывалась тень Моргота, ибо ясно одно: Моргот знал о приходе людей в Белерианд и о крепнущей дружбе между ними и эльфами.

Возглавили недовольных Берег из рода Беора и Амлах, один из внуков Мараха, и они открыто заявляли: «Много дорог исходили мы, ища спасения от опасностей Средиземья и рыскающих там порождений тьмы; ибо слышали мы, будто на Западе сияет Свет. Но теперь ведомо нам, что Свет – за Морем. Не дано нам попасть в те края, где в блаженстве живут Боги. Все, кроме одного: ибо Властелин Тьмы тут, перед нами, и мудрые, но беспощадные эльдар ведут с ним бесконечную войну. На Севере обитель его, говорят эльфы; там – боль и смерть, от которых мы бежали. Мы туда не пойдем».

Тогда созван был совет людей, и собралось на него великое множество народу. И Друзья Эльфов ответствовали Берегу так: «Верно; от Темного Короля идет все то зло, от которого бежали мы; но он тщится подчинить себе все Средиземье: куда направить нам путь, чтобы укрыться от его карающей длани? Выход один: одолеть его или по крайней мере держать в осаде. Только доблесть эльдар обуздывает до поры его мощь; может статься, судьба привела нас в эти земли того ради, чтобы помочь эльфам в час нужды».

На это отвечал Берег: «Это – забота эльдар! Наша жизнь слишком коротка». Но вот поднялся некто, кого все приняли за Амлаха, сына Имлаха, и слова его звенели яростью, и дрогнули сердца внимавших ему. «Это все эльфийские выдумки, сказки, какими дурачат несмышленных новичков, – говорил он. – У Моря нет берегов. И не сияет Свет на Западе. Яркой приманкой поманили вас эльдар, а вы и рады следовать за ними хоть до границ мира! Да кому из вас довелось лицезреть хотя бы самого меньшего из Богов? Кто видел Темного Короля Севера? Это эльдар тщится подчинить себе все Средиземье. Жадные до сокровищ, они вторглись в горные недра, ища скрытое в них, и разъярили подземных обитателей; так поступали эльфы всегда, так будут поступать и впредь. Пусть оркам остаются их земли, нам же достанутся наши. В мире всем есть место, если только эльдар оставят нас в покое».

Долго молчали слушавшие, пораженные такими речами, и тень страха пала на их сердца; и решились люди уйти подальше от владений эльдар. Но после вновь объявился среди них Амлах и отрицал, что присутствовал на совете или говорил подобные слова; и людей охватили сомнение и тревога. Тогда сказали Друзья Эльфов: «Теперь-то уверуете вы хотя бы в то, что воистину есть на свете Темный Властелин, а подсылы его и соглядатаи уже рыщут среди нас. Ибо Владыка Тьмы боится нас, боится и того, что придем мы на помощь его недругам».

Однако отвечали некоторые: «Не боится, а ненавидит он нас, и тем сильнее, чем дольше живем мы здесь и вмешиваемся в его распрю с королями эльдар – безо всякой выгоды для себя». Потому многие из тех, что оставались еще в Эстоладе, приготовились уходить, и Берег увел тысячное воинство народа Беора на юг, и ушли они, и в песнях тех дней нет о них ни слова. Но Амлах раскаялся и объявил: «Теперь и я в ссоре с этим Владыкой Лжи, и ссоре этой длиться до конца дней моих», – и ушел он на север, и поступил на службу к Маэдросу. Те же из его народа, кого убедил Берег, избрали себе нового вождя и вернулись через горы в Эриадор, и забыты ныне.

В ту пору халадин жили в довольстве в Таргелионе. Но Моргот, видя, что обманом и ложью не удастся ему окончательно рассорить людей и эльфов, пришел в ярость и попытался причинить людям сколь можно больше вреда. Потому выслал он отряд орков: пройдя на восток, враги миновали осадные лагеря, а затем прокрались тайком назад через перевалы Эред Линдон, по Гномьему тракту, и атаковали халадин в южных лесах земли Карантира.

А халадин не выбирали себе вождей и не жили кучно: каждый двор стоял отдельно и на каждом дворе бытовали свои порядки; и не спешили они объединяться. Но нашелся среди них человек по имени Халдад, отважный и властный; собрал он всех храбрецов, кого только смог отыскать, и отступил туда, где сливались Гелион и Аскар, и в самом углу того участка земли выстроил он частокол от реки к реке, и за ним укрылись уцелевшие женщины и дети. Так выдерживали халадин осаду, пока не кончились запасы еды.

У Халдада были дети-близнецы: дочь Халет и сын Халдар; и оба отважно сражались, держа оборону, ибо Халет наделена была великим мужеством и силой. И вот Халдад был убит в вылазке против орков, и Халдар выбежал из-за укрытия, дабы спасти тело отца от надругательств, и пал рядом с ним. Тогда Халет сплотила вокруг себя народ свой, хотя те уже утратили надежду; были и такие, что в отчаянии бросились в реки и утонули. Но семь дней спустя, когда орки вновь пошли на приступ и уже почти прорвались сквозь частокол, вдалеке вдруг запели трубы и с севера подошел Карантир с войском и оттеснил орков в реки.

Приветливо взглянул на людей Карантир и оказал Халет великие почести, и предложил ей богатые дары как виру за смерть отца и брата. И убедившись, хотя и с запозданием, сколь велика доблесть эдайн, сказал ей так: «Если пройдете вы дальше к северу, там обретете вы дружбу и защиту эльдар и свободные земли себе в удел».

Но Халет была горда и не желала следовать чужим указаниям или подчиняться чьей-то воле; и большинство халадин отличались таким же нравом. Потому поблагодарила она Карантира, но ответила так: «Я решилась, правитель, покинуть сумрачные предгорья и идти на запад, куда уже ушли другие из числа родни нашей». И вот халадин собрали всех уцелевших – из тех, что в панике бежали в леса, спасаясь от орков; и выбрали все до мелочи из имущества своего, что еще можно было отыскать на пепелище; и избрали Халет своим вождем. И она увела наконец народ свой в Эстолад; там они и поселились до поры.

Халадин так и остались обособленным народом: впоследствии эльфы и люди называли их Народ Халет. Халет правила ими до конца дней своих, но не взяла себе мужа, и правление перешло после к Халдану, сыну брата ее Халдара. Очень скоро, однако, Халет пожелала отправиться еще дальше на запад, и хотя большая часть ее народа воспротивилась этому замыслу, она вновь повела халадин в путь, – не ища ни поддержки, ни подсказки эльдар; и, перейдя Келон и Арос, халадин вступили в полные опасностей земли между горами Ужаса и Поясом Мелиан. В ту пору края эти еще не являлись таким средоточием зла, каким стали после, однако смертным не пройти было тамошними путями самим, без помощи. Немалые тяготы и лишения выпали на долю халадин; с великими потерями провела Халет народ свой через те земли, принуждая людей идти вперед силою собственной воли. И наконец они пересекли Бритиах, и многие горько раскаялись, что не остались на месте, но пути назад уже не было. Потому в новой земле халадин, как смогли, вернулись к прежней жизни, и расселились отдельными дворами в лесах Талат Дирнен за Тейглином, а некоторые далеко углубились в земли Нарготронда. Однако многие любили госпожу Халет и желали идти туда, куда поведет она, и жить под ее властью: их она увела в лес Бретиль в междуречье Тейглина и Сириона. Туда возвратились многие из ее разобщенного народа, когда настали черные дни.

А Бретиль являлся частью владений короля Тингола, хотя и находился за пределами Пояса Мелиан, и Тингол готов уже был изгнать Халет, но Фелагунд, связанный с Тинголом узами дружбы, узнал обо всем, что довелось вынести народу Халет, и добился для нее милости. Халет получила дозволение свободно жить в Бретиле, с одним лишь условием: народ

ее должен был впредь охранять Переправу Тейглина от любых врагов эльдар и не допускать орков в свои леса. На это ответила Халет: «Где Халдад, отец мой, и Халдар, брат мой? Если король Дориата опасается, что Халет станет водить дружбу с теми, что пожрали родню ее, тогда и впрямь непостижны для людей мысли эльдар». И Халет жила в Бретиле до самой смерти, и народ ее воздвиг над ее телом зеленый могильный холм на возвышенности в глубине леса: Тур Харета, курган Госпожи, Хауд-эн-Арвен на языке синдарин.

Вот так случилось, что эдайн обосновались во владениях эльдар, одни там, другие здесь; одни странствовали от места к месту, другие селились семьями или небольшими общинами, и по большей части вскорости переняли язык Серых эльфов и изыскали на нем промеж себя в обиходе; а многие, к тому же, движимы были стремлением постичь эльфийские знания. Но со временем эльфийские короли, видя, что негоже эльфам и людям селиться вместе без разбора и что людям необходимы свои правители, назначили эдайн земли в удел, чтобы жили они там своей жизнью, и передали те земли избранным ими вождям в свободное владение. Люди по-прежнему оставались союзниками эльфов в войне, но в походах теперь подчинялись своим предводителям. Однако многие эдайн радовались дружбе с эльфами и жили среди них, пока имели на то дозволение; юноши же часто поступали на временную службу в войска эльфийских королей.

Хадор Лориндол, сын Хатола сына Магора сына Малаха Арадана в юности оказался при дворе Финголфина и завоевал расположение короля. Потому Финголфин отдал ему в удел Дор-ломин, и в этой земле собрал Хадор почти весь народ свой, став самым могущественным из вождей эдайн. В доме Хадора говорили только на эльфийском наречии, но и собственный язык его народа не был забыт: от него произошел общепринятый язык Нуменора. А в Дортонионе владычество над народом Беора и земля Ладрос были дарованы Боромиру, сыну Борона, внука Беора Старого.

Сыновья Хадора звались Галдор и Гундор; а сыновьями Галдора были Хурин и Хуор, а сыном Хурина был Турин, Погибель Глаурунга; а сыном Хуора был Туор, отец Эарендила Благословенного. Сыном Боромира был Брегор, а сыновья Брегора звались Бреголос и Барахир; а сыновьями Бреголоса были Барагунд и Белегунд. Дочерью Барагунда была Морвен, мать Турина, а дочерью Белегунда была Риан, мать Туора. А сыном Барахира был Берен Однорукий – тот, что завоевал любовь Лутиэн, дочери Тингола, и вернулся из обители Смерти: от них происходит Эльвинг, жена Эарендила, и все короли Нуменора последующих времен.

Все они запутались в тенетах Приговора нолдор, и свершили они великие подвиги, что эльдар помнят и по сей день в ряду деяний королей древности. В те дни сила людей подкрепляла мощь нолдор, и ярко сиял для них свет надежды, а Моргот надежно заперт был в кольце осады, ибо люди Хадора, привычные к холодам и долгим странствиям, не боялись уходить порою далеко на север и следить за передвижениями Врага. Народы Трех Домов множились и процветали, самым же прославленным среди них был дом Хадора Златоглавого – правителя, почитаемого равным среди равных промеж эльфийских владык. Люди этого рода обладали великой силой и могучей статью: жадные до знания, отважные и стойкие, вспыльчивые и смешливые, славнейшие из Детей Илуватара в пору юности человечества. По большей части были они золотоволосые и голубоглазые, но иначе выглядел Турин, сын Морвен из дома Беора. Эдайн этого дома, сероглазые, с темными или темно-русыми волосами, из всех людей наиболее схожи были с нолдор и пользовались их особым расположением. Ибо эти люди обладали пытливым умом и искусными руками; быстро все постигали они и нескоро забывали; легче было пробудить в них сострадание, нежели вызвать смех. Весьма походил на них лесной народ Халет, но те были ниже ростом и не столь охочи до знания. Немногословные и замкнутые, халадин не жаловали больших скоплений людей; многие из них предпочитали одиночество и странствовали на воле по зеленым лесам, не уставая

дивиться всему новому, что открывалось их взорам во владениях эльдар. Но недолго прожили они в западных землях, и многие страдания выпали им на долю.

По подсчетам людей срок жизни эдайн с приходом в Белерианд заметно удлинился; однако настал день и умер Беор Старый – а прожил он девяносто три года, из которых сорок лет и еще четыре прослужил королю Фелагунду. Когда же скончался он – не от ран, не от горя, но потому, что настигла его старость, – тогда впервые осознали эльдар, сколь быстротечна жизнь людей; и увидели смерть от усталости, каковой в своем народе не знали; и немало скорбели они об утрате своих друзей. Но Беор в последний миг охотно распростился с жизнью и опочил в мире; и много дивились эльдар странной участи людей, ибо в эльфийских преданиях про то не было ни слова, и дальнейшая судьба смертных оставалась от них сокрыта.

Тем не менее эдайн древних времен быстро перенимали у эльдар искусство их и знание, доступные людям; и сыновья их обретали все большую мудрость и мастерство и наконец далеко превзошли все прочие людские племена – те, что по-прежнему жили к востоку от гор и не знали эльдар, и не видели лиц, в коих сиял отблеск света Валинора.

Глава 18

О гибели Белерианда и смерти Финголфина

И вот Финголфин, правитель Севера и Верховный король нолдор, видя, что народ его умножился в числе и обрел немалую мощь и что союзные эльфам люди многочисленны и отважны, вновь задумался о штурме Ангбанда. Хорошо знал Финголфин, что эльфийские королевства в опасности, пока не сомкнуто кольцо осады и Моргот волен трудиться в своих подземных шахтах, творя зло, а какое – никто не в состоянии предугадать прежде, чем он явит его миру. То было мудрое решение, – в меру разума Финголфина, ибо нолдор еще не постигли, сколь велико могущество Моргота и не убедились, что воевать с ним, не заручившись помощью и поддержкой, значило обречь себя на поражение, независимо от того, помедлят ли эльфы или поторопятся. Но цветущие земли, где раскинулись обширные владения эльдар, радовали глаз, и большинство нолдор довольны были положением дел и полагали, что так будет всегда; и не спешили начинать штурм, который, верно, отнимет много жизней, что бы ни ждало нолдор, победа или поражение. Потому не склонны были эльфы прислушиваться к советам Финголфина, а сыновья Феанора в ту пору – менее всего. Из всех нолдорских владык короля поддерживали только Ангрод и Аэгнор: они жили в том краю, откуда виден был Тангородрим, и постоянно ощущали нависшую угрозу. Так замыслы Финголфина ни к чему не привели, и еще некоторое время на земле царил мир.

Когда же шестое поколение людей после Беора и Мараха еще не вполне возмужало, а со дня прихода Финголфина истекло четыреста пятьдесят лет и еще пять, случилась беда, которой он давно страшился – беда еще более страшная и неожиданная, нежели самые мрачные его опасения. Ибо Моргот долго втайне копил силы, и злоба в сердце его все росла, и ненависть к нолдор становилась все нетерпимее; и мечтал Моргот не только уничтожить врагов своих, но разорить и осквернить те земли, что эльфы превратили в цветущий сад. И говорится, что ненависть в душе Моргота взяла верх над предусмотрительностью: если бы только выждал он еще немного, пока не созреют окончательно его замыслы, тогда нолдор погибли бы все до единого. Но сам Моргот недооценил доблесть эльфов, а людей вообще не брал в расчет.

И вот пришла зима, и настала ночь, темная и безлунная, и широкая равнина Ард-гален лежала в дымке под холодными звездами – от нолдорских крепостей на холмах до подножия Тангородрима. Неярко горели сигнальные костры; мало выставлено было часовых; немногие бодрствовали в лагерях всадников Хитлума. Тогда Моргот внезапно обрушил на равнину огненные реки, и потоки огня хлынули с Тангородрима вниз, стремительнее, чем балроги, и захлестнули Ард-гален. Железные горы изрыгнули пламя многих ядовитых оттенков, и смертоносный дым навис в воздухе. Так погибла равнина Ард-гален: огонь пожрал ее травы, и превратилась она в обугленную, бесплодную пустошь, черную и безжизненную, покрытую слоем удушливого пепла. И получила она другое имя: Анфауглит, Удушливая Пыль. Немало обгорелых костей обрели там могилу под открытым небом; ибо многие нолдор погибли в том пожаре: их захлестнуло ревущее пламя, и не успели они бежать в горы. Нагорья Дорто-ниона и Эред Ветрин преградили путь огненным потокам: тогда запылали леса, растущие по склонам со стороны Ангбанда, и дым внес смятение в ряды защитников. Так началась четвертая великая битва, Дагор Браголлах, Битва Внезапного Пламени.

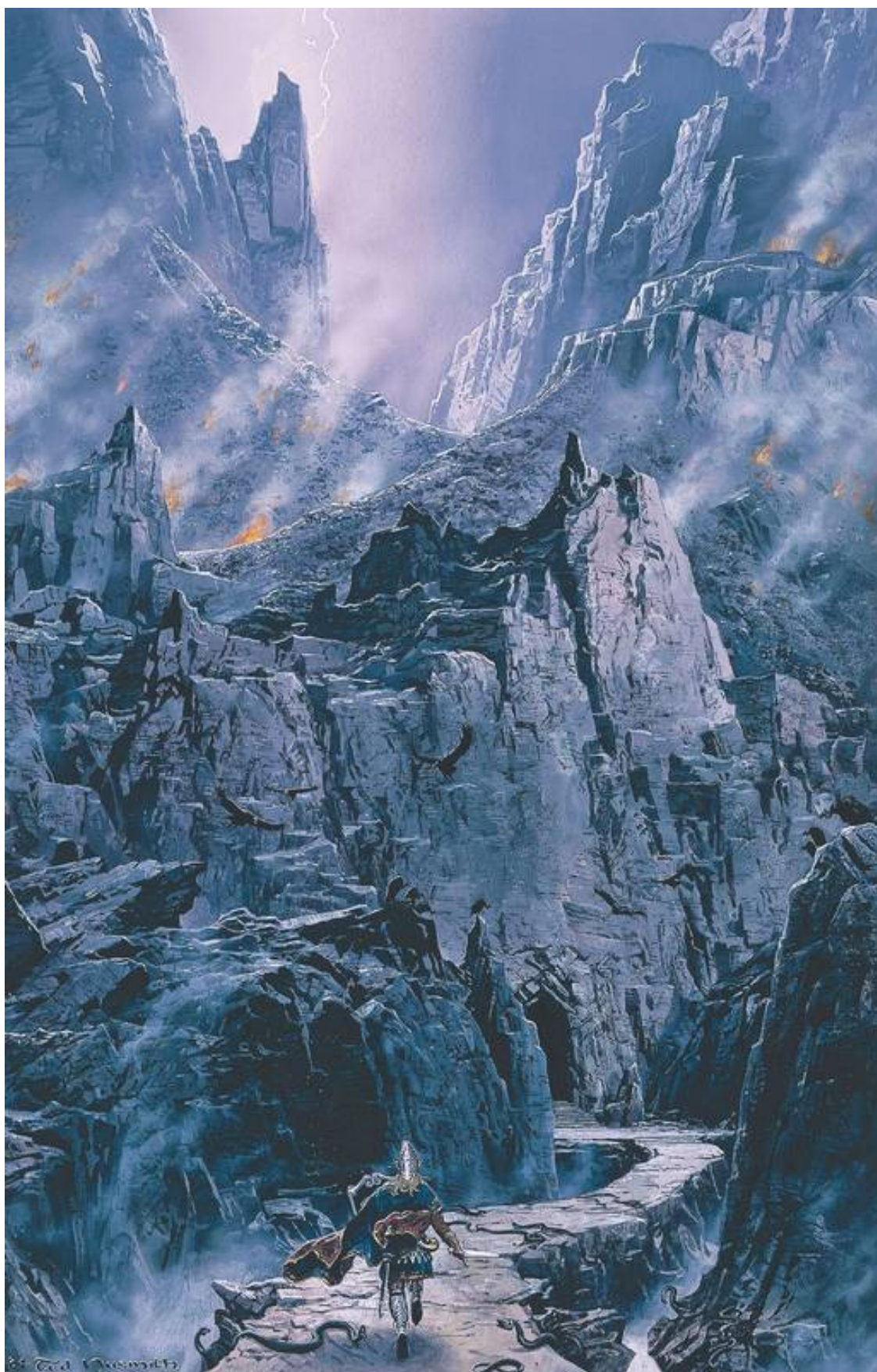
Прямо перед надвигающейся огненной стеною полз Глаурунг золотой, отец драконов, в расцвете своей мощи; за ним следовали балроги, а дальше надвигались черные полчища орков – такого количества их нолдор доселе не видели и не могли даже представить. Враги атаковали крепости нолдор, и прорвали кольцо осады вокруг Ангбанда, и убивали без жало-

сти всех, кто оказывался у них на пути: нолдор и союзников их, Серых эльфов и людей. Многие из числа самых стойких недругов Моргота уничтожены были в первые дни войны: в смятении рассыпались они по округе, не в состоянии оказать сопротивление. Война в Беле-рианде с тех пор так и не прекращалась, но окончанием Битвы Внезапного Пламени считается приход весны, когда натиск Моргота стал ослабевать.

Так завершилась Осада Ангбанда; и недруги Моргота рассыпались по равнине, оказавшись далеко друг от друга. Большинство Серых эльфов бежали на юг, отказавшись участвовать в северной войне; многих приютили в Дориате, и мощь королевства Тингола многократно возросла, ибо власть королевы Мелиан ограждала его границы и злу до поры закрыт был доступ в пределы потаенного королевства. Другие же укрылись в приморских крепостях и в Нарготронде; а иные покинули те земли и обрели убежище в Оссирианде; многие же, перейдя через горы, скитались в глуши без крыши над головой. А вести о войне и о прорыве осады достигли слуха людей, живущих на востоке Средиземья.

Сыновья Финарфина приняли на себя главный удар: пали Ангрод и Аэгнор; а рядом с ними – Бреголас, правитель дома Беора; большая часть воинов этого народа погибла на поле битвы. Но Барахир, брат Бреголаса, сражался дальше к западу, близ ущелья Сириона. Там король Финрод Фелагунд, подоспевший с юга, был отрезан от своего войска и с небольшим отрядом окружен в Топях Сереха; там и погиб бы он либо попал бы в плен, но подоспел на помощь Барахир с храбрейшими воинами своего отряда и вызволил короля: они окружили Финрода стеною копий и с великими потерями проложили путь из битвы. Так спасся Фелагунд и возвратился в свою подземную крепость Нарготронд, но прежде поклялся Барахиру в вечной дружбе, обещая прийти на помощь по первому зову к нему и к любому из родни его; и, как залог этой клятвы, вручил Барахиру свое кольцо. Барахир, теперь по праву ставший правителем дома Беора, вернулся в Дортонион; но большая часть его народа покинули дома свои и укрылись в укрепленном Хитлуме.

Столь сокрушительной оказалась стремительная атака Моргота, что Финголфин и Фингон не смогли прийти на помощь сыновьям Финарфина, и армии Хитлума отброшены были с большими потерями назад, к цитаделям Эред Ветрин: эти крепости они с трудом обороняли от орков. У стен Эйтель Сирион пал Хадор Златоволосый, защищая арьергард лорда своего Финголфина; а было Хадору в ту пору шестьдесят и еще шесть лет от роду. Рядом с ним пал Гундор, его младший сын, пронзенный множеством стрел, и эльфы оплакивали их гибель. Тогда правление принял Галдор Высокий, сын Хадора. И, благодаря крутизне и мощи Тенистых гор, что преградили путь огненному потоку, и благодаря доблести эльфов и людей Севера, которую не смогли до поры сломить ни орк, ни балрог, Хитлум остался непокоренным – угрозой с фланга для наступления Моргота. Но целое море недругов отделило Финголфина от родни его.

Ибо для сыновей Феанора война обернулась неблагоприятно: почти все восточные пределы были захвачены. Армии Моргота прорвались сквозь Аглонское ущелье, хотя и с боль-

шими потерями; и Келегорм с Куруфином, потерпев поражение, бежали на юго-запад вдоль границ Дориата и, добравшись наконец до Нарготронда, просили убежища у Финрода Фелэгунда. Так народ их усилил мощь Нарготронда; хотя, как оказалось в дальнейшем, лучше было бы братьям остаться на востоке среди родни своей. Маэдрос свершил подвиги непревзойденной доблести, и орки в страхе бежали пред ним; ибо со времен пытки на Тангород-риме дух его пылал ослепительно белым пламенем, сам же он походил на восставшего из мертвых. Засим не удалось врагам захватить мощную крепость на холме Химринг, и многие отважные воины Дортониона, а также из числа жителей восточных пределов, сплотились вокруг Маэдроса, и вновь закрыли оркам путь в Белерианд через ущелье Аглон. Но черные полчища смяли конников народа Феанора на равнине Лотланн: туда явился Глаурунг, и прошел сквозь Брешь Маглора, и испепелил все земли между рукавами Гелиона. Орки захватили крепость на западных склонах горы Рерир, и опустошили весь Таргелион, владения Карантира, и осквернили озеро Хелеворн. Оттуда перешли враги Гелион, неся с собой огонь и смерть, и вторглись далеко в Восточный Белерианд. Маглор присоединился к Маэдросу на Химринге; но Карантир бежал и вместе с немногими уцелевшими из своих подданных примкнул к разобщенному народу охотников Амрода и Амроса; вместе они отступили на юг, обошли Рамдал, укрепились на Амон Эреб и выставили там стражу, а Зеленые эльфы оказывали им помощь. И орки не вошли ни в Оссирианд, ни в Таур-им-Дуинат, ни в дикие земли юга.

И вот до Хитлума дошли вести о том, что Дортонион захвачен врагом, сыновья Финарфина повержены, а сыновья Феанора бежали прочь из своих владений. Тогда показалось Финголфину, что видит он крушение всех надежд, полное поражение и разгром нолдор и гибель домов их. Охваченный отчаянием и гневом, король вскочил на своего могучего коня Рохаллора и ускакал прочь, один, и никто не посмел удержать его. Словно ураган, вздымающий клубы пыли, пронесся он через Дор-ну-Фауглит, и все в страхе бежали пред ним, принимая за самого Оромэ, ибо Финголфин обезумел от ярости, и взор его полыхал огнем, словно очи Валар. Один подъехал он к воротам Ангбанда и затрубил в рог, и вновь ударил в медные створки, вызывая Моргота на поединок. И Моргот явился.

В последний раз за все время войн переступил Враг порог своей крепости, и говорит, что с неохотою принял он вызов, ибо, хотя в этом мире и не было пределов его могуществу, единственный из Валар, знал он страх. Но не мог Моргот отказаться от поединка перед лицом своих военачальников, ибо звонкая песнь рога Финголфина звенела в скалах, а голос короля, ясный и чистый, проникал в самые глубины Ангбанда; и эльфийский владыка назвал Моргота трусом и повелителем рабов. Потому Моргот явился: медленно сполз он со своего подземного трона, и поступь его сотрясала землю, точно глубинный гром. И предстал он перед королем, облаченный в черные доспехи, точно башня, коронованная железом; и огромный щит его, черный, без герба, отбрасывал на короля тень, словно грозовая туча. Но Финголфин сиял перед ним, как звезда, ибо броня короля сверкала серебром, а синий щит украшен был хрусталем. И выхватил Финголфин меч свой, Рингиль, искрящийся льдистым блеском.

Тогда Моргот размахнулся Грондом, Молотом Преисподней, и обрушил его вниз, точно удар грома. Но отпрянул Финголфин, и Гронд пробил в земле огромную трещину, откуда тотчас же вырвались пламя и дым. Вновь и вновь пытался Моргот сокрушить короля, но всякий раз Финголфин уклонялся в сторону, словно светлая молния, что бьет из-под края черного облака. И нанес он Морготу семь ран, и семь раз издавал Моргот крик боли, и, слыша тот крик, воинства Ангбанда в страхе падали ниц, а в северных землях отвечало эхо.

Но вот, наконец обессилел Финголфин, и Моргот обрушил на него всю тяжесть своего щита. Трижды брошен был король на колени, трижды поднимался он вновь и подбирал свой иссеченный щит и пробитый шлем. Вся земля вокруг него была изрыта ямами и трещинами,

и вот оступился Финголфин и рухнул навзничь к ногам Моргота; и Моргот пригнул его шею к земле, водрузив на нее свою левую ногу, и тяжесть ее была подобна обрушившейся горе. Но последним отчаянным ударом меча своего, Рингиля, Финголфин рассек ступню Врага, и хлынула, дымясь, черная кровь, и затопила выбоины, пробитые Грондом.

Так погиб Финголфин, Верховный король нолдор, самый гордый и отважный из эльфийских королей древности. Орки не похвалялись исходом поединка у врат, и эльфы о нем не поют, ибо слишком велика их скорбь. Но предание о нем помнят и по сей день, ибо Торондор, король Орлов, принес вести в Гондолин и в далекий Хитлум. А Моргот поднял тело эльфийского короля, и смял его, и хотел уже скормить его волкам, но Торондор слетел с гнездовья своего среди скал Криссаэгрима, и обрушился сверху на Моргота и искогтил его лик. Шум крыльев Торондора подобен был гулу ветров Манвэ: подхватил орел тело погибшего короля в свои могучие когти и, взлетев над стрелами орков, унес его прочь, и оставил его на вершине горы, что с севера смотрит на потаенную долину Гондолина. Пришел Тургон, и воздвиг над телом отца высокий каменный курган. Никто из орков не смел впредь ступить на гору Финголфина или приблизиться к могиле эльфийского короля, пока среди родни его не пробудилась измена и не пробил час Гондолина. Моргот же с того дня хромал на одну ногу, и не стихала боль его ран, а лицо его навек обезобразил шрам, оставленный Торондором.

Великая скорбь воцарилась в Хитлуме, когда известно стало о гибели короля; и Фингон, горя, принял власть над домом Финголфина и над королевством нолдор; но юного своего сына Эрейниона (после прозванного Гиль-галад) отослал в Гавани.

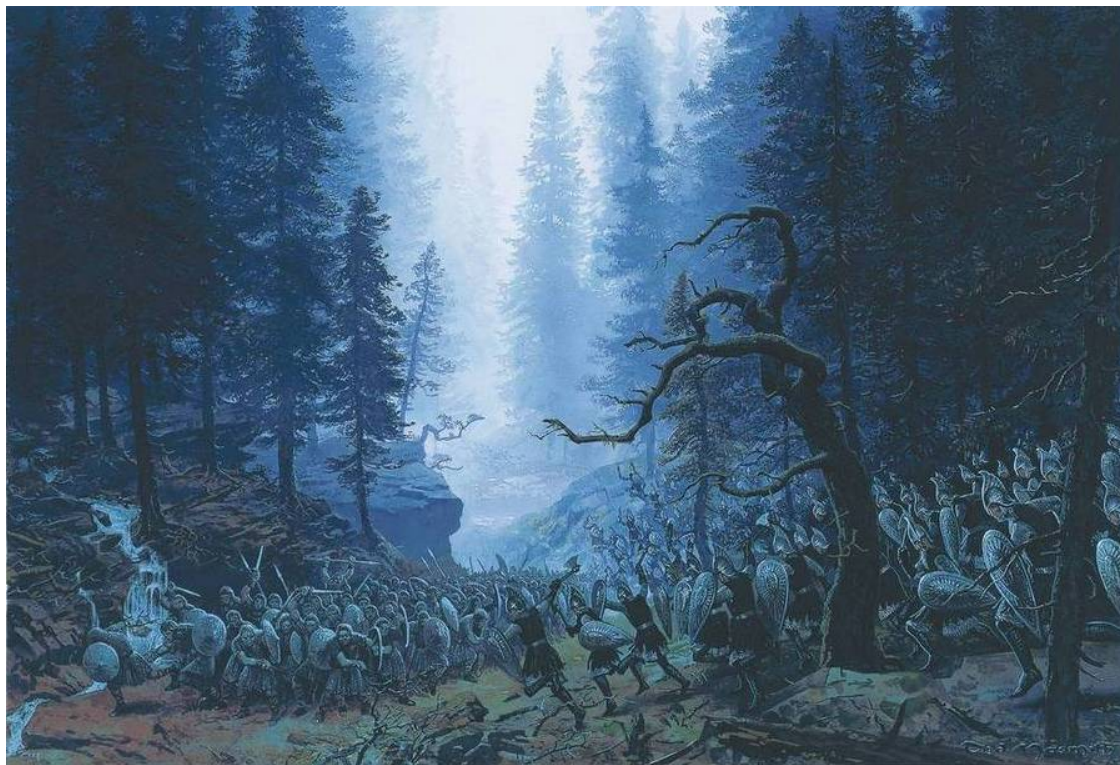
И вот длань Моргота простерлась над северной землей, но Барахир не пожелал покинуть Дортонион и остался, оспаривая у врага каждую пядь земли. Моргот безжалостно преследовал и убивал его подданных и со временем уничтожил почти всех, а леса на северных склонах превратились постепенно в средоточие страха и темных чар, и даже орки опасались заходить в них, разве только по необходимости. Эти чащи получили название Дельдуват и Таур-ну-Фуин, Лес, Одетый Ночною Мглой. Деревья, уцелевшие после пожара, почернели и обуглились; переплелись их корни, словно когти, нащупывая свой путь во тьме. Тот, кто забредал в этот лес, плутал в нем, точно слепой, и становился добычей призраков: порождения ужаса душили его либо лишали рассудка. Наконец столь отчаянным стало положение Барахира, что Эмельдир Мужественная, его жена (она предпочла сражаться бок о бок с мужем и сыном, нежели бежать) собрала вместе уцелевших женщин и детей, раздала оружие способным носить его и увела их опасными тропами назад, в горы. Многие страдания выпали им на долю, многих недосчитались в пути, но дошли они наконец до леса Бретиль. Там иных приютили халадин, прочие же перевалили через горы и пришли в Дор-ломин, к народу Галдора, сына Хадора. Среди них была Риан, дочь Белегунда, и Морвен, дочь Барагунда, прозванная Эледвен, что означает Эльфийское сияние. Но никто более не видел тех, с кем распрощались они в Дортонионе: мужей перебили одного за одним, и наконец только двенадцать спутников осталось у Барахира: Берен, сын его; Барагунд и Белегунд, его племянники, сыновья Бреголасса, и девять преданных слуг его дома, чьи имена надолго запомнились в песнях нолдор: Радруин и Дайруин, Дагнир и Рагнор, Гильдор и Горлим злосчастный, Артад и Уртель, и Хаталдир юный. Им выпала участь изгоев, лишенных всякой надежды: то был отряд отчаянных храбрецов, что спастись не могли, а сдаться не желали, ибо дома их лежали в руинах, жены и дети погибли, попали в плен либо бежали. Ни помощи, ни вестей не слал Хитлум; за Барахиром и его людьми шла охота, словно за дикими зверями; и отступили они к бесплодным нагорьям над лесом и там скитались среди каровых озер и каменистых пустошей, сколь можно дальше от соглядатаев Моргота и его злобных чар. Постелью им стал вереск, а крышей — затянутое тучами небо.

Спустя почти два года после Дагор Браголлах нолдор все еще удерживали западный перевал близ истоков Сириона, ибо воды реки заключали в себе власть Ульмо; и Минас Тирит по-прежнему отражал атаки орков. Но, наконец, после гибели Финголфина Саурон, самый могущественный и самый ужасный из слуг Моргота, прозванный Гортаур на языке синдарин, вышел против Ородрета, стража башни на Тол Сирион. Саурон к тому времени стал великим чародеем, наделенным страшною властью, владыкой теней и призраков: мудрость его оборачивалась гнусностью, и сила – жестокостью; обезображивал он все, к чему бы ни прикоснулся, искажал все, чем правил; то был повелитель волколаков, исчадие зла, обрекающий свои жертвы на пытку и муку. Он штурмом захватил Минас Тирит, ибо черное облако страха окутало защитников крепости, и Ородрет был вынужден отступить и бежал в Нарготронд. Тогда Саурон превратил крепость в сторожевую башню Моргота – оплот зла, таящий в себе угрозу; и проклятие пало на цветущий остров Тол Сирион: отныне название ему было Тол-ин-Гаурхот, остров Волколаков. Все видел Саурон со своей башни: никакое живое существо не могло проскользнуть незамеченным через долину. Теперь Моргот удерживал и западный перевал; и ужас наводнил поля и леса Белерианда. Безжалостно преследовал он своих недругов за пределами Хитлума, отыскивая их убежища и захватывая крепости одну за другой. Осмелевшие орки бродили, где им вздумается, спускаясь вниз по течению Сириона на запад, и по Келону – на восток: они окружили Дориат и опустошали тамошние земли; зверь и птица бежали при их приближении; так с Севера неуклонно надвигались безмолвие и гибель. Немало нолдор и синдар враги захватили в плен, и привели в Ангбанд, и обратили в рабов, заставляя применять знания свои и искусство на службе у Моргота. А Моргот слал во все концы своих соглядатаев: они принимали чужое обличье и вели обманные речи. Награду сулили они и коварными наветами тщились пробудить в народах страх и зависть, обвиняя их королей и вождей в жадности и в предательстве по отношению друг к другу. Многие верили этим лживым словам, памятуя о проклятии Братоубийства в Алквалондэ; и, по мере того, как сгущалась тьма, ложь становилась все более похожа на правду, ибо сердцами и умами эльфов Белерианда овладевали отчаяние и страх. Но более всего нолдор опасались предательства со стороны своих же собратьев, побывавших рабами в Ангбанде, ибо многих Моргот сделал орудием своих злобных замыслов: притворившись, будто возвращает пленникам свободу, он отсылал их прочь – но подменив их волю своею, и со временем несчастные вновь возвращались к нему. Потому если кому из пленников и впрямь удавалось бежать и возвратиться невредимыми к своему народу, нелюбезный ждал их прием, и скитались они в глуши одинокими, отчаявшимися изгоями.

К людям Моргот якобы готов был явить сострадание, если только они согласятся внять его посланиям; а говорилось в тех посланиях, будто все беды людей оттого, что служат они мятежным нолдор. Но из рук законного Владыки Средиземья они получают великие почести и заслуженную награду их доблести, если только перестанут бунтовать. Но мало кто из Трех Домов эдайн склонил слух свой к подобным речам, даже в Ангбанде и под пытками. Потому Моргот преследовал людей с особой ненавистью, а посланцев своих слал дальше, за горы.

Говорится, что в эту пору впервые объявилось в Белерианде Смуглое племя. Некоторые втайне уже подпали под власть Моргота и теперь пришли по его зову; но не все – ибо слухи о Белерианде, его землях и водах, его войнах и сокровищах разнеслись по всему свету; люди же, странствуя по земле, пути свои в те дни всегда направляли на Запад. Вновь пришедшие были коренастыми и низкорослыми, с длинными, жилистыми руками; кожа у них была смуглая или желтоватая, а волосы и глаза – темные. Немало родов насчитывал этот народ; и многие охотнее водили компанию с горными гномами, нежели с эльфами. Но Маэдрос, видя, что нолдор и эдайн слабеют, в то время как резервы подземелий Ангбанда казались неистощимыми и постоянно пополнялись, заключил с пришлецами союз и дарил своею дружбой самых могущественных их вождей, Бора и Улфанга. Моргот остался тем

весьма доволен: этого он и добивался. Сыновья Бора звались Борлад, Борлах и Бортанд: они служили Маэдросу и Маглору и остались им верны, обманув надежды Моргота. Сыновья Улфанга Черного звались Улфаст, и Улварт, и Улдор проклятый; они служили Карантиру, и присягнули ему в верности, и изменили клятве.

Не было особой любви между эдайн и восточанами; редко встречались они, ибо пришлецы надолго поселились в Восточном Белерианде, народ же Хадора был заперт в Хитлуме, а дом Беора почти истреблен. Северная война поначалу почти не затронула народ Халет, обосновавшийся на юге в лесу Бретиль. Но теперь и халадин сражались с захватчиками-орками, ибо отличались стойкостью и мужеством и не желали так просто уйти из любимых ими лесов. Среди легенд о поражениях этой войны прославляют и помнят подвиги халадин, ибо после того, как захвачен был Минас Тирит, орки прошли через западный перевал и, может статься, опустошили бы земли до самых устьев Сириона – но Халмир, вождь халадин, тотчас же известил Тингола, ибо был в дружбе с эльфами, охраняющими границы Дориата. Тогда Белег Могучий Лук, предводитель приграничной стражи, привел в Бретиль крупные силы синдар, вооруженных секирами; и, появившись вдруг из самой чащи леса, Халмир и Белег захватили врасплох целое воинство орков и уничтожили их. Так в том краю прегражден был путь черному потоку с Севера, и еще много лет орки не отваживались пересечь Тейглин. Народ Халет жил в мире под сенью леса Бретиль, но бдительности не терял; а под защитою его королевство Нарготронд получило передышку и возможность собрать силы.

В ту пору Хурин и Хуор, сыновья Галдора из Дор-ломина, жили среди халадин, родни своей. Еще до Дагор Браголлах породнились два дома эдайн: созван был великий пир, и Галдор и Глорэдель, дети Хадора Златоглавого, сочетались браком с Харет и Халдиром, детьми Халмира, правителя халадин. Потому сыновья Галдора воспитывались в Бретиле у Халдира, своего дяди, по обычаю людей того времени; и оба они отправились на ту битву с орками, – даже Хуор, – ибо невозможно было удержать его, хотя в ту пору едва исполнилось ему тринадцать лет. Но отряд их оказался отрезан от главных сил, и враги преследовали братьев до

брода Бритиах; там захватили бы их в плен либо убили, если бы не могущество Ульмо, что до поры заключал в себе Сирион. Над рекою поднялся туман и укрыл сыновей Галдора от врагов: они перешли Бритиах и, оказавшись в Димбаре, блуждали среди холмов под сенью отвесных стен Криссаэгрима, пока не заплутали среди мороков той земли, не зная пути ни вперед, ни назад. Но углядел их Торондор и выслал им на помощь двух орлов; и орлы подхватили отроков и перенесли их через Окружные горы в потаенную долину Тумладен, в сокрытый город Гондолин, где не бывал доселе никто из смертных.

Добрый прием оказал гостям король Тургон, узнав о происхождении их, ибо воды Сириона несли к нему с моря, от Ульмо, Владыки Вод, послания и вещие сны. Так загодя предупрежден был король о грядущих невзгодах, и присоветовал ему Ульмо приветливо обойтись с сыновьями дома Хадора, от коих придет помощь в час нужды. Хурин и Хуор прогостили во дворце Тургона без малого год; и говорится, что за это время Хурин постиг многое из того, что ведомо эльфам, и стал отчасти понимать намерения и замыслы короля. Ибо Тургон очень привязался к сыновьям Галдора; подолгу беседовал он с ними и воистину желал оставить их в Гондолине из любви к ним, а не только потому, что закон гласил: никто чужой, будь то эльф или смертный, отыскав путь в потаенное королевство и увидев город, не покинет Гондолина вновь, до тех пор, пока сам король не откроет ворота и скрытый до времени народ не выйдет на свет.

Но Хурин и Хуор желали вернуться к своему народу, дабы сражаться в войнах и разделять невзгоды, выпавшие на его долю. И сказал Хурин Тургону: «Владыка, мы – всего лишь смертные, не схожи мы с эльдар. Эльфы могут терпеливо выжидать на протяжении долгих лет, пока, в необозримом будущем, не пробьет час великих битв; но наш срок короток, быстро иссякают надежда наша и силы. Не сами нашли мы путь в Гондолин и даже не знаем доподлинно, где находится город; страх и изумление владели нами, пока несли нас Орлы дорогами ветров; и, по счастью, затуманен был наш взор». Тогда Тургон внял их просьбе и отвечал так: «Тем путем, каким прибыли вы сюда, вольны вы и уйти, ежели согласится Торондор. Горько мне расставаться с вами, однако, может статься, в скором времени, по меркам эльдар, встретимся мы вновь».

Уход их нисколько не огорчил Маэглина, сына сестры короля, что пользовался в Гондолине немалой властью; однако недоволен остался Маэглин королевской снисходительностью, ибо не жаловал весь людской род; и сказал он Хурину: «Милость короля больше, нежели ты думаешь, и закону теперь следуют не столь строго, как в былые дни – иначе остаться бы вам здесь до конца жизни».

На это отвечал ему Хурин: «Воистину, велика милость короля; но если нашего слова недостаточно – мы поклянемся». И братья дали клятву вовеки не разглашать замыслов короля и молчать обо всем, что видели во владениях Тургона. И распрощались они; и прилетели орлы, и унесли сыновей Галдора под покровом ночи, и опустили их в Дор-ломине еще до рассвета. Обрадовалась братьям родня их, ибо гонцы из Бретиля уже сообщили, что те сгинули без вести; но даже отцу своему не согласился Хурин с Хуором открыть, где пробыли все это время – сказали только, что в глуши пришли им на помощь орлы и отнесли их домой. На это молвил Галдор: «Стало быть, прожили вы в глуши целый год? Или, может, орлы приютили вас в своих гнездах? Но нет: нашли вы пропитание и богатые одежды, и возвращаетесь разряженные что юные принцы, а отнюдь не оборванными бродягами лесными». На это отвечал Хурин: «Довольствуйся тем, что мы возвратились, ибо дозволено это было только в силу обета молчания». И Галдор не расспрашивал их более; однако и он, и многие другие догадывались об истине; и со временем слухи о необычной судьбе Хурина и Хуора достигли прислужников Моргота.

Когда же Тургон узнал о прорыве осады Ангбанда, не пожелал он, чтобы его подданные отправились на войну, ибо мнилось королю, что Гондолин надежно укреплен и еще не

настало время явить его миру. Но полагал Тургон также, что окончание осады может оказаться предвестием гибели нолдор – если не подоспеет помощь. Потому он втайне отсылал отряды гондолиндрим к устьям Сириона и на остров Балар. Там по повелению Тургона возводили они корабли и отплывали на заокраинный Запад в поисках Валинора, чтобы молить Балар о прощении и помощи; и заклинали они морских птиц указать кораблям путь. Но простирались перед ними бескрайние и бурные морские просторы, сосредоточие сумрака и волшебных чар; и сокрыт был Валинор. Потому никто из посланцев Тургона не добрался до Западных берегов; многие сгинули, мало кто возвратился; и рок, тяготевший над Гондолином, уже готов был свершиться.

До Моргота дошли слухи об этих событиях; и, несмотря на все победы, неотступно терзала его тревога, и многое бы отдал он за известия о Фелагунде и Тургоне. Ибо эти двое вдруг исчезли, а куда – неведомо; однако не умерли; и Моргот непрестанно опасался с их стороны неожиданного удара. О Нарготронде Моргот слышал – но не ведал ни о местонахождении города, ни о его силах; о Гондолине же не знал ничего, и тем больше беспокоила его неотвязная мысль о Тургоне. Потому Моргот слал в Белерианд все новых и новых соглядатаев, но основные воинства орков отозвал в Ангбанд. Понимал Враг, что еще не пробил час последней и решающей битвы, и необходимо собрать новые силы, ибо прежде недооценил он доблесть нолдор и воинскую мощь людей, сражавшихся бок о бок с эльфами. Он одержал верх в Дагор Браголлах и в битвах последующих лет, и великий урон нанес своим недругам, однако и его потери были немалыми; хотя и удерживал Моргот Дортонион и ущелье Сириона, эльдар, оправившись от первого потрясения, принялись уже отвоевывать назад утраченные земли. Так на юге Белерианда на несколько кратких лет воцарилась видимость мира, но кузни Ангбанда были загружены работой.

Когда же со времен Четвертой Битвы минуло семь лет, Моргот предпринял новую атаку и выслал против Хитлума огромные силы. Черные полчища хлынули через перевалы Тенистых гор; и в осажденной крепости Эйтель Сирион пал, пронзенный стрелой, Галдор Высокий, правитель Дор-ломина. Этой крепостью владел он как наместник Фингона, Верховного короля; в этом же самом месте несколько лет назад погиб его отец, Хадор Лориндол. Хурин, сын Галдора, едва возмужал, однако наделен он был великой силой и острым умом; в кровавом сражении он отбросил орков от Эред Ветрин и оттеснил их далеко в пески Анфауглита. Нелегко было королю Фингону сдерживать армии Ангбанда, явившиеся с севера; и вот на равнине Хитлума закипела битва. Враги превосходили Фингона в числе; но вверх по заливу Дренгист поднялись корабли Кирдана с большим подкреплением; и эльфы Фаласа атаковали воинства Моргота с запада. Тогда орки дрогнули и бежали; эльдар одержали победу, а их конные лучники гнали врагов до самых Железных гор. После этого Хурин, сын Галдора, стал править домом Хадора в Дорломине и служить Фингону. Хурин уступал в росте своим предкам, а также и своему сыну, но не ведал усталости и стойко переносил лишения; а гибкость и ловкость он унаследовал от родни своей матери, Харет из племени халадин. Женою Хурина стала Морвен Эледвен, дочь Барагунда из рода Беора – та, что бежала из Дортониона вместе с Риан, дочерью Белегунда, и Эмельдир, матерью Берена.

В ту же пору истреблены были изгнанники Дортониона, как будет сказано далее; уцелел лишь Берен, сын Барахира, и с трудом добрался до Дориата.

Глава 19

О Берене и Лутиэн

Легенды о страданиях и гибели дошли до нас из тьмы тех дней, однако есть среди них и такие, в которых радость звучит сквозь слезы, а за тенью смерти сияет свет. В числе тех хроник самым прекрасным эльфы и по сей день считают сказание о Берене и Лутиэн. О судьбе их повествует «Лэ о Лейтиан», «Избавление от Оков», самая долгая из песен древних времен, за исключением одной. Здесь же предание это изложено не столь пространно, и в прозе.

Говорилось ранее, что Барахир не пожелал покинуть Дортонион; Моргот же безжалостно преследовал его, вознамерившись уничтожить, и наконец остались с Барахиром только двенадцать спутников. Лес Дортониона к югу переходил в заболоченные нагорья; в восточной части тех нагорий лежало озеро Тарн Аэлуин, а вокруг – вересковые пустоши. То был дикий, нехоженный край, ибо даже во времена Долгого Мира никто там не жил. Однако воды Тарн Аэлуин внушали всем глубокое почтение: днем сияли они прозрачной синевой, а ночью, словно зеркало, отражали звезды; говорилось, что сама Мелиан освятила озеро в давние времена. Туда-то и отступили Барахир и отряд изгнанников; там разбили они свой тайный лагерь, и Моргот не мог отыскать его. Слухи о подвигах Барахира и его соратников передавались из уст в уста, и вот Моргот повелел Саурону найти и истребить непокорных.

В числе соратников Барахира был Горлим, сын Ангрима. Жена Горлима звалась Эйлинель, и любили они друг друга великой любовью, но вот пришла беда. Однажды Горлим, возвратившись с войны, что шла на границах, нашел дом свой разграбленным и опустевшим, а жена его исчезла; и не ведал Горлим, убили ее или забрали в плен. Тогда он бежал к Барахиру, и во всем отряде никто не сражался яростнее и отчаяннее него; однако сомнение терзало его душу: думал Горлим, что, может быть, не погибла Эйлинель. Порою покидал он лагерь и один, втайне, возвращался в дом свой (дом тот по-прежнему стоял среди некогда принадлежавших Горлиму лесов и полей); и прознали о том прислужники Моргота.

Как-то осенью, в вечерних сумерках, пришел Горлим к дому и заметил, как ему показалось, свет в окне; и, опасливо приблизившись, заглянул внутрь. Там увидел он Эйлинель: лицо ее побледнело от истощения и горя; и померещилось Горлиму, будто слышит он родной голос и жалуется Эйлинель, что муж покинул ее на произвол судьбы. Но едва окликнул он ее вслух, как порыв ветра загасил свечу, завyli волки, и на плече своем Горлим ощутил тяжелую длань ловчих Саурана. Так Горлим угодил в ловушку: его отвели во вражеский лагерь и долго пытали, надеясь узнать об убежище Барахира и его замыслах. Но Горлим молчал. Тогда пообещали враги, что отпустят его и вернут ему Эйлинель, если он покорится; и вот, истерзан болью и тоскою о жене, он дрогнул. Тотчас же привели его к грозному Саурону, один вид которого повергал в ужас, и Саурон сказал: «Дошло до меня, что ты согласен заключить со мною сделку. Какова же твоя цена?»

И Горлим ответил, что хочет вновь увидеть Эйлинель и вместе с ней обрести свободу; ибо полагал несчастный, что и жена его томится здесь пленницей.

Тогда Саурон улыбнулся и молвил: «То небольшая цена за предательство столь великое. Исполню все. Говори же!»

Горлим же готов был отречься от своих слов, но, устранный взором Саурана, наконец рассказал ему все, что тот требовал. Тогда рассмеялся Саурон и, издеваясь над пленником, открыл Горлиму, что видел тот в окне только тень, призрак, созданный колдовством, чтобы заманить несчастного в ловушку, ибо Эйлинель давно была мертва. «Однако ж я исполню твою просьбу, — молвил Саурон. — Ты отправишься к Эйлинели и обретишь свободу, ибо не нуждаюсь я более в твоей службе». И Саурон предал пленника жестокой смерти.

Вот так известно стало о тайном убежище Барахира, и Моргот стянул сети вокруг него: орки, подкравшись неслышно в предрассветный час, захватили людей Дортониона врасплох и перебили их всех, кроме одного только. Ибо Берен, сын Барахира, отослан был отцом в тот день с опасным поручением — выведать намерения Врага; и находился далеко от лагеря, когда убежище было захвачено. Ночь застигла Берена в лесу; заночевав в чаще, увидел во сне он, будто бы вороны, пожиратели падали, расселись гуще, чем листва, на голых ветвях деревьев у озера, и кровь стекала с их клювов. Затем привиделся Берену неясный силуэт: тихо приблизилась к нему тень, скользя по поверхности воды. То был призрак Горлима; он заговорил с Береном, поведал о своем предательстве и смерти и повелел сыну Барахира поторопиться предупредить отца.

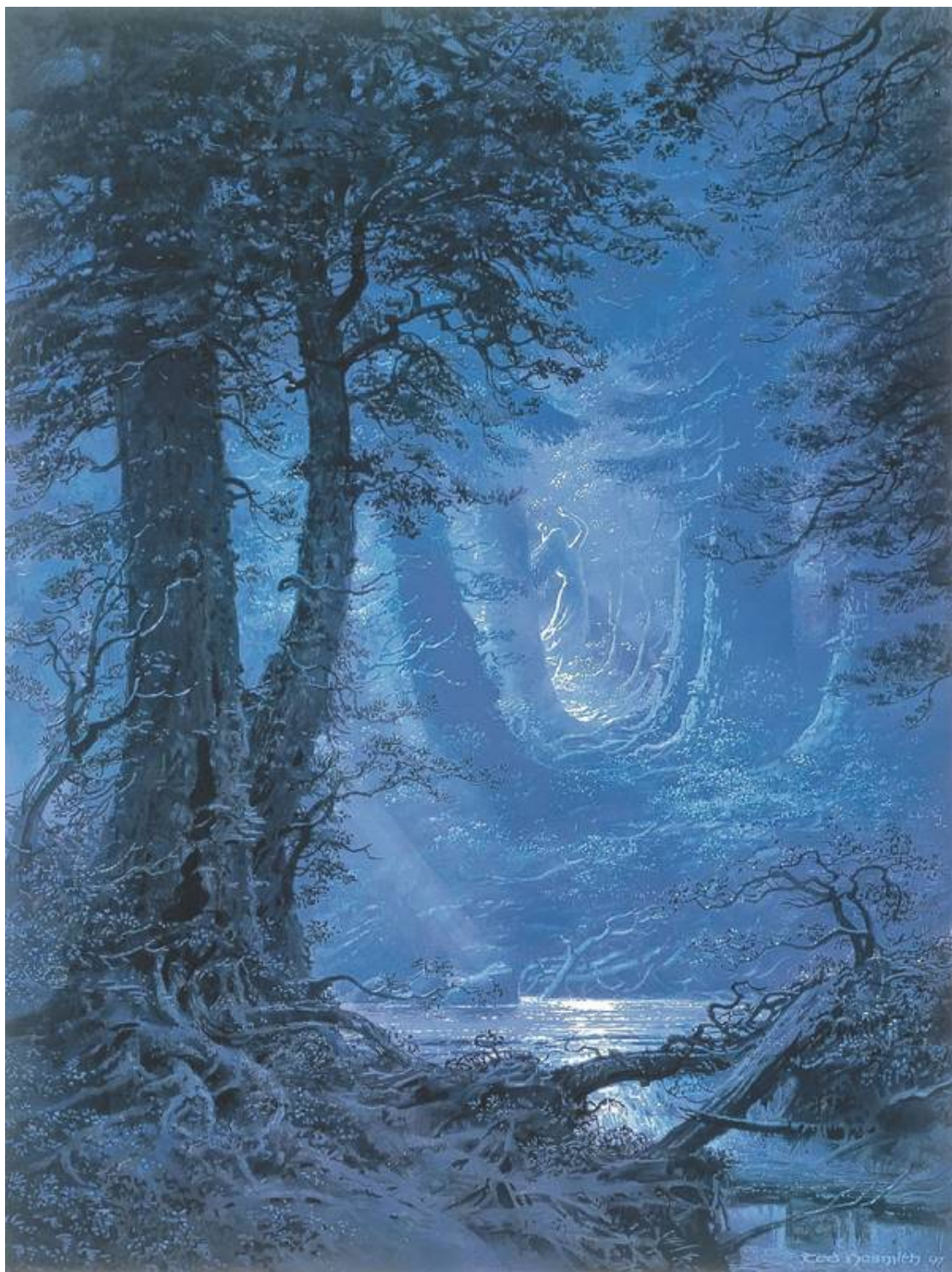
Тотчас же Берен проснулся и устремился сквозь ночь; и поутру второго дня возвратился в лагерь изгоев. Но как только приблизился он, вороны, пожиратели падали, поднялись с земли, и расселись на ветвях ольхи близ Тарн Аэлуин, и насмешливо закаркали.

Там, у озера, предал Берен земле прах своего отца, и воздвиг над могилой курган из валунов, и принес над ним клятву мести. Сперва бросился Берен в погоню за орками, убийцами отца его и родни, и вот настиг их: с наступлением ночи враги разбили лагерь у Родника Ривилия выше Топей Серех. Берен незамеченным приблизился к их костру, ибо в совершенстве постиг лесную науку. В это время главарь орков похвалялся громогласно своими деяниями; он поднял вверх кисть Барахира, которую отсек для Саурана, как доказательство того, что приказ исполнен; и на руке той сияло кольцо Фелагунда. Тогда Берен метнулся из-за скалы, сразил главаря и, схватив кисть руки и кольцо, скрылся, хранимый судьбою; ибо орки были перепуганы и стрелы их не попали в цель.

На протяжении еще четырех лет Берен скитался в Дортонионе: одинокий мститель, он стал другом зверей и птиц; и лесной народ помогал ему и ни разу не предал. С той поры Берен не ел более мяса и не поднимал руку на живое существо, если только оно не служило Морготу. Берен не боялся смерти, но страшился лишь плена: бесстрашный и отчаянный, он ускользал и от гибели, и от оков; и слава о дерзких подвигах, свершенных Береном в одиночку, гремела по всему Белерианду; и слухи о них дошли даже до Дориата. Наконец Моргот назначил за его голову цену не меньшую, чем за голову Фингона, Верховного короля нолдор; но орки скорее бежали прочь, заслышав о приближении Берена, нежели пытались отыскать его и выследить. Потому Враг выслал против сына Барахира целую армию, а командовал ею Саурон; и Саурон привел волколаков, свирепых тварей, одержимых наводящими ужас духами, что сам же он вложил в их тела.

Весь этот край стал теперь сосредоточием зла, и все доброе покидало его. Положение Берена сделалось настолько отчаянным, что наконец и он вынужден был бежать из Дортониона. Зимой, когда выпал снег, Берен оставил эти земли и могилу отца, и, поднявшись на хребет Горгорот, гор Ужаса, различил вдали край Дориат. Тогда вложена была в его сердце дума спуститься в Сокрытое Королевство, куда не ступала еще нога смертного.

Ужасным был путь Берена на юг. Прямо перед ним разверзлись отвесные пропасти Эред Горгорот, а на дне их клубился мрак, зародившийся еще до восхода Луны. А дальше простиралась пустошь Дунгортеб, где столкнулись чары Саурана и сила Мелиан; этот край стал сосредоточием безумия и страха. Там расселились пауки из гнусного племени Унголиант, и плели свои невидимые сети, в которых запутывалось все живое. Там рыскали чудища, рожденные на свет в кромешной тьме еще до восхода Солнца, и беззвучно выискивали добычу своими бесчисленными глазами. Не было еды ни для эльфов, ни для людей в этой наводненной призраками земле – но только смерть. Путь, проделанный Береном, числится не последним из его подвигов, однако никому не рассказывал он впоследствии о своем переходе, боясь, что пережитый ужас вновь проснется в душе. Никто не ведал, как отыскал он дорогу, по которой не ступал доселе ни эльф, ни смертный; никто не знает, какими тропами добрался он до границ Дориата. И прошел Берен сквозь лабиринты, коими окружила Мелиан королевство Тингола, и сбылось предсказанное ею: ибо судьба назначила Берену высокий удел.

Говорится в «Лэ о Лейтиан», что Берен вступил в Дориат, едва держась на ногах, поседевший и согбенный, словно под бременем долгих лет страданий и горя – столь великие муки испытал он в пути. Но, блуждая летней порою в лесах Нельдорета, встретил он Лутиэн, дочь Тингола и Мелиан: в вечерний час, когда над лесом вставала луна, кружилась она в танце на неувядающей траве полян близ Эсгалдуина. Тогда воспоминания о пережитой боли оставили Берена, и он застыл, очарованный, ибо красота Лутиэн не имела себе равных среди Детей Илуватара. Одежды ее были синими, как ясное небо, а глаза – серыми, словно звездный вечер; плащ ее заткан был золотыми цветами, а кудри – темны, как сумеречные тени.

Словно солнечный блик в листве деревьев, словно хрустальный перезвон ручьев, словно звездный луч в дымке тумана, сверкала ее гордая красота, а в лице ее сиял свет.

Но Лутиэн скрылась из виду, и Берен лишился дара речи, точно заколдовали его; долго блуждал он в лесах, пуглив и дик, словно зверь, ища ее. В сердце своем Берен назвал ее Тинувиэль, что означает Соловей, дочь сумерек, на языке Серых эльфов, ибо настоящего ее имени Берен не знал. Порою различал он ее вдаль, осенью – в хороводе листьев, гонимых ветрами, зимой – в сиянии звезды над холмом; но словно цепь сковывала его поступь.

И вот наступил предрассветный час в канун весны; и Лутиэн снова кружилась в танце на зеленом холме; и вот она запела. Звонкая песнь ее пронзала душу, словно трель жаворонка, что взмывает ввысь над воротами ночи и дарит напев свой умирающим звездам, провидя солнце, встающее за стенами мира. Песнь Лутиэн разбила цепи зимы, и заговорили скованные льдом воды, и там, где ступала она, на промерзшей земле распускались цветы.

Тогда пали чары немоты, и Берен воззвал к ней, восклицая: «Тинувиэль!» – и лесное эхо повторило это имя. И она помедлила в изумлении и более не убегала, и Берен приблизился к ней. И встретились их взгляды, и настиг ее рок, и Лутиэн полюбила Берена; но вот засиял первый рассветный луч, и она выскользнула из его объятий и исчезла из виду. Тогда Берен пал на землю без чувств, словно сраженный горем и блаженством одновременно, и погрузился в мрачные бездны сна. Очнувшись же, он ощутил могильный холод, а в сердце его царили одиночество и пустота. Мысли его блуждали, и ощупью искал он путь в темноте, словно человек, внезапно ослепший, что руками пытается удержать исчезнувший свет. Так ценою скорби расплачивался Берен за назначенную ему судьбу; но та же судьба подчинила себе и Лутиэн: бессмертная, она разделила с ним удел смертных, и, будучи свободной, приняла его оковы; и страданий, подобных тем, что выпали ей на долю, не знал никто из эльдалиэ.

И Лутиэн возвратилась к нему, туда, где пребывал он во мраке, утратив надежду, и вложила свою руку в руку смертного – давным-давно, в лесах Сокрытого Королевства. После того часто приходила она к нему, и бродили они вдвоем, вдаль от чужих глаз, в густых лесах, а над миром цвела весна, и приближалось лето, и большей радости не выпадало в удел никому из Детей Илуватара, хотя недолог был миг блаженства.

Даэрон, менестрель, тоже любил Лутиэн; он проследил ее встречи с Береном и выдал их Тинголу. Король пришел в ярость, ибо Лутиэн любил он превыше всех сокровищ, и полагал, что даже среди эльфийских владык нет никого, достойного его дочери; смертных же Тингол даже не принимал на службу. Охваченный изумлением и горем, король стал расспрашивать Лутиэн, но она отказывалась открыть отцу что-либо, пока не поклялся Тингол, что ни темница, ни казнь не грозят Берену. Однако король послал своих слуг схватить дерзкого и доставить его в Менегрот как преступника и злодея; но Лутиэн, опередив слуг отца, сама привела Берена к трону Тингола как почетного гостя.

Презрительно и гневно взглянул Тингол на Берена, Мелиан же хранила молчание. «Кто ты, – спросил король, – явившийся сюда как вор; незваным посмевающий приблизиться к моему трону?»

Но Берена охватил благоговейный страх, ибо не знали равных великолепию Менегрота и величие Тингола; и промолчал он. Тогда заговорила Лутиэн и молвила: «Это Берен, сын Барахира, вождь людей и заклятый враг Моргота; даже эльфы складывают песни о его подвигах».

«Пусть говорит Берен! – молвил король. – Что нужно тебе здесь, злосчастный смертный? Ради какой нужды покинул ты свои владения и явился в мое королевство, закрытое для таких, как ты? Можешь ли ты оправдать свой приход, чтобы властью своей не подверг я тебя суровому наказанию за дерзость твою и безрассудство?»

И Берен, подняв глаза, встретился взглядом с Лутиэн, а затем взор его обратился к Мелиан, и показалось ему, будто слова вложили в его уста. Страх оставил гостя, и в сердце его проснулась гордость старшего из домов эдайн, и отвечал он: «Судьба, о король, привела меня сюда – через такие опасности, каким немногие эльфы отважились бы бросить вызов. И здесь обрел я то, чего, воистину, не искал, – но найдя, отнять не позволю. То, что обрел я, дороже золота и серебра, светлее драгоценных камней. Ни скалы, ни сталь, ни огни Моргота, ни вся мощь эльфийских королевств не разлучат меня с сокровищем, о котором мечтаю я. Ибо дочь твоя, Лутиэн, прекраснее всех Детей Мира».

Тогда молчание воцарилось в зале; все стоявшие там преисполнились изумления и страха, и полагали они, что Берен тотчас же будет казнен. Но Тингол заговорил, медленно взвешивая слова: «Смерть заслужил ты подобными речами, и смерть уже настигла бы тебя, низкородивший смертный, во владениях Моргота научившийся пробираться тайными путями, под стать соглядатаям его и рабам – если бы не принес я опрометчивой клятвы, о которой весьма сожалею».

И отвечал ему Берен: «Смерть, заслуженную или нет, приму я от тебя – но не бранные слова; не позволю клеймить себя ни низкородившим, ни соглядатаем, ни рабом. Клянусь кольцом Фелагунда, что эльфийский владыка вручил Барахиру, отцу моему, на поле битвы Севера, род мой не заслужил от эльфа подобных оскорблений – будь он хоть королем».

Гордостью звенели слова Берена, и все взоры обратились к кольцу; Берен поднял его над головою, и вспыхнули зеленые камни, созданные нолдор в Валиноре. Кольцо это было в форме двух змей с изумрудными глазами: змеиные головки соприкасались под короной из золотых цветов; первая змея поддерживала ее, а вторая пожирала: таков был знак Финарфина и его рода. Тогда Мелиан склонилась к плечу Тингола и шепотом посоветовала ему умерить свой гнев. «Ибо не от тебя, – молвила она, – примет Берен смерть; судьба уведет его в далекие, неведомые края – и однако судьба эта сплетена с твоею. Остерегись же!»

Но Тингол молча глядел на Лутиэн и думал про себя: «Жалкие люди, дети ничтожных правителей и недолговечных королей! Неужели такой, как эти, коснется тебя – и все же останется жить?» И, нарушив молчание, молвил король: «Я вижу кольцо, сын Барахира, и понимаю, что горд ты и мнишь себя непобедимым. Но подвигов отца, пусть даже мне оказал бы он услугу, недостаточно, чтобы завоевать дочь Тингола и Мелиан. Так слушай! И я тоже мечтаю о сокровище, в котором отказано мне. Ибо скалы, и сталь, и огни Моргота хранят драгоценность, которой хотел бы я завладеть, бросив вызов мощи эльфийских королевств. Но говоришь ты, что подобные препятствия не пугают тебя? Так отправляйся в дорогу! Принеси мне в руке своей один Сильмариль из короны Моргота, и тогда Лутиэн отдаст тебе свою руку, если будет на то ее воля. Только тогда получишь ты мое сокровище, и, хотя в Сильмарильях заключены судьбы Арды – считай, что щедрость моя не имеет границ».

Так Тингол призвал гибель на Дориат и опутал себя тенетами проклятия Мандоса. Те, кто слышал его слова, поняли, что король, не нарушая клятвы, тем не менее посылает Берена на верную смерть: знали эльфы, что всей мощи нолдор до прорыва Осады не достало, чтобы те хотя бы издалека увидели сияющие Сильмарили Феанора. Ибо камни вправлены были в Железную Корону и ценились в Ангбанде превыше всех сокровищ, и стерегли их балроги, и бесчисленные мечи, и крепкие решетки, и неприступные стены, и черные чары Моргота.

Но рассмеялся Берен. «Дешево же продают эльфийские владыки своих дочерей – за драгоценные побрякушки, за поделки ремесленника, – молвил он. – Но если такова твоя воля, Тингол, я исполню ее. И когда встретимся мы вновь, моя рука будет сжимать Сильмариль из Железной Короны. Помни: не в последний раз видишь ты перед собою Берена, сына Барахира!»

И Берен посмотрел в глаза Мелиан, что по-прежнему не произнесла ни слова, распрошавшись с Лутиэн Тинувиэль, и, поклонившись Тинголу и Мелиан, отстранил стражу, стоявшую подле него, и один покинул Менегрот.

Тогда наконец заговорила Мелиан, и сказала Тинголу так: «Коварный замысел затаил ты, о король! Но если только не обманывается мой взор, для тебя равно обернется злом, потерпит ли Берен неудачу или одержит победу. Ибо ты обрек на гибель либо дочь свою, либо себя самого. Отныне судьбы более могучего королевства переплелись с судьбою Дориата».

Но отозвался Тингол: «Я не продаю ни эльфам, ни людям тех, кого люблю и кем дорожу превыше всех сокровищ. Если бы ожидал или опасался я, что Берен возвратится в Менегрот живым, не увидел бы он более света небес, невзирая на мою клятву».

Но Лутиэн промолчала, и с этого часа в Дориате не звучали более ее песни. Мрачное безмолвие воцарилось в лесу, и удлинились тени в королевстве Тингола.

Говорится в «Лэ о Лейтиан», что Берен беспрепятственно прошел через Дориат и вышел наконец к Озерам Сумерек и Топям Сириона; и, оказавшись за пределами владений Тингола, поднялся на гряде холмов над Водопадами Сириона, откуда река с шумом и грохотом низвергалась под землю. Оттуда взглянул Берен на запад и, за завесой туманов и дождей, разглядел Талат Дирнен, Хранимую Равнину, простирающуюся между Сирионом и Нарогом; а за нею, вдалеке, различил нагорья Таурэн-Фарот, нависающие над Нарготрондом. И, отчаявшись, не имея ни надежды, ни поддержки, он направил свой путь туда.

На той равнине эльфы Нарготронда держали неусыпную стражу; на каждом пригравном холме таились сторожевые башни; леса и поля обходили дозором, таясь от чужих глаз, искусные лучники. Стрелы их разили точно в цель; ничто не могло проскользнуть через эти земли против их воли. Потому, едва Берен вступил на равнину, его обнаружили, и оказался он на волосок от гибели. Зная об опасности, он поднял вверх кольцо Фелагунда; и, хотя никого не встретил на своем пути (ибо лучники в совершенстве владели искусством передвигаться незаметно), Берен чувствовал, что за ним наблюдают невидимые глаза и часто восклицал вслух: «Я – Берен, сын Барахира, друг Фелагунда. Отведите меня к королю!»

Потому охотники не убили его, но, собравшись вместе, преградили ему путь и приказали остановиться. Но, увидев кольцо, они поклонились Берену, невзирая на жалкий его вид – а был он измучен и оборван; и повели его на северо-запад, а шли ночью, чтобы не видел Берен тайных троп. В те времена через бурную реку Нарог не было ни брода, ни моста близ ворот Нарготронда; но далее к северу, где Гинглит впадал в Нарог, поток становился уже: там перебрались они на другой берег и снова свернули к югу. И вот, наконец эльфы ввели Берена в освещенные луною темные ворота своих тайных чертогов.

Так Берен предстал перед королем Финродом Фелагундом, и Фелагунд тотчас же узнал его – даже и без кольца не забыл бы он черт родича Беора и Барахира. За закрытыми дверями беседовали они, и Берен поведал о смерти Барахира и обо всем, что случилось с ним в Дориате; и зарыдал он, вспоминая о Лутиэн и радостных их встречах. Но Фелагунд выслушал рассказ его в изумлении и тревоге, и понял, что некогда принесенная клятва наконец настигла его и влечет к смерти, как давным-давно предсказал он Галадриэли. С тяжелым сердцем обратился он к Берену: «Ясно, что Тингол желает твоей гибели, однако кажется мне, что и он не видит всех путей судьбы и того, что вновь дает о себе знать Клятва Феанора. Ибо на Сильмарилиях лежит проклятие ненависти; и тот, кто хотя бы упомянет камни, пожелав их в сердце своем, пробуждает ото сна великую силу. Сыновья Феанора скорее разрушат до основания все эльфийские королевства, нежели позволят другому отвоевать Сильмариль или завладеть им, ибо братьями движет их Клятва. Теперь же Келегорм и Куруфин живут в моем дворце; и хотя я, сын Финарфина, король здесь, братья обрели в этой земле немалую

власть и привели сюда многих своих подданных. Друзьями были они мне в трудный час, но опасаясь я, что тебе не дождаться от них сочувствия и снисхождения, если братья узнают о цели твоего похода. Однако и мною принесен обет, от коего не отрекусь я: так все мы оказались в ловушке».

Тогда король Фелагунд обратился к своему народу и поведал о подвигах Барахира и своей клятве; и объявил, что надлежит ему помочь сыну Барахира в час нужды; и просил помощи своих военачальников. Но Келегорм выступил из толпы и воскликнул, обнажив меч: «Будь он друг или враг, будь он демон Моргота, эльф или дитя людей, или любое другое существо, живущее в Арде: ни закон, ни любовь, ни силы ада, ни могущество Валар, ни колдовские чары не защитят его от неутолимой ненависти сыновей Феанора – если он отвоюет или найдет Сильмариль, и оставит его у себя. Ибо только мы владем правом на Сильмарили, пока существует мир».

Долго говорил Келегорм, и слова его подчиняли себе умы, точно так же, как давным-давно в Тирионе речи его отца впервые сподвигли нолдор к бунту. А после Келегорма заговорил Куруфин – более мягко, но не менее убедительно, пробуждая в душах эльфов видения войны и гибели Нарготронда. Страх столь великий вселил Куруфин в их сердца, что после на протяжении долгих лет, вплоть до прихода Турина, никто из эльфов этого королевства не участвовал в открытом бою: отныне нападали они на врагов врасплох, из засады; прибегая к помощи колдовства и отравленных стрел, и преследовали всех чужаков, забывая об узах родства. Так утратили они доблесть и свободный дух эльфов древних времен; и над землею их сгустились сумерки.

Теперь же возроптали эльфы, говоря, что сын Финарфина вовсе не Вала, чтобы им приказывать; и отвратились от законного короля. Но проклятие Мандоса пало на братьев, и черные мысли пробудились в их сердцах, и решили они отослать Фелагунда одного на верную смерть; и, может статься, захватить трон Нарготронда, ибо сыновья Феанора принадлежали к старшей ветви нолдорских владык.

И Фелагунд, видя, что все отвернулись от него, снял с головы серебряную корону Нарготронда и швырнул ее на землю к ногам своим, говоря: «Хотя бы и нарушили вы принесенную мне клятву верности – но я свой обет исполню. Однако если остались еще такие, на кого не пала тень проклятия нашего, должны найтись хотя бы несколько, что последуют за мною, и не уйду я отсюда как нищий, которого прогнали от ворот». Тотчас же встали рядом с ним десять воинов, и главный среди них, именем Эдрахиль, нагнулся и поднял корону, и просил передать ее наместнику до возвращения Фелагунда. «Ибо ты остаешься моим королем, и их тоже, что бы ни случилось», – молвил он.

Тогда Фелагунд вручил корону Нарготронда брату своему Ородрету, чтобы правил тот от его имени. А Келегорм и Куруфин промолчали: улыбнулись они и ушли из дворца.

И вот осенним вечером Фелагунд и Берен покинули Нарготронд с десятью спутниками и, пройдя вдоль берегов Нарога, добрались до истока реки у Водопадов Иврина. У подножия Тенистых гор они натолкнулись на отряд орков и перебили их всех в лагере под покровом ночи; и забрали их доспехи и оружие. Волшебное искусство Фелагунда изменило обличье воинов Нарготронда: фигуры их и лица превратились в подобие орочьих; так, преобразенные до неузнаваемости, они прошли далеко на север и вступили в западное ущелье между Эред Ветрин и нагорьями Таур-ну-Фуин. Но Саурон заметил их со своей башни, и в душу его закралось сомнение: ибо этот отряд шел в большой спешке и не остановился доложить о своих деяниях, как приказано то было всем слугам Моргота, проходившим этим путем. Потому Саурон повелел схватить пришлецов и привести к нему.

Вот так произошел знаменитый поединок Саурана и Фелагунда. Ибо Фелагунд сразился с Сауроном на песнях силы, и велико было могущество эльфийского короля, но Саурон одержал верх, как говорится в «Лэ о Лейтиан»:

*Он в песнь свою вплетал слова
Прозрения и волшебства,
Предательства, разоблаченья,
Уничтоженья, принужденья,
Являя скрытое – на свет.
И дрогнул Фелагунд. В ответ
Он пел о доблести, борьбе,
О стойкой верности судьбе,
О развенчаньи обольщений,
О смене перевоплощений,
О вызволеньи из силков,
Об избавленьи от оков.
Так песня с песней спор вели,
И нарастал, и гас вдали
Напев, тревожа эхо скал.
И Фелагунд в мотив вплетал
Узор видений: трели птиц
Над Нарготрондом; свет зарниц,
Вздых моря, тихий плеск волны
О берег дальней стороны,
Где тонет в блеске золотом
Бессмертный край, эльфийский дом.
Но мрак сгущался. Пала мгла
На Валинор, и кровь текла,
Пятная берег и пески.
То нолдор, чести вопреки,
На родичей войной пошли
И захватили корабли.
Донесся ропот черных крыл.
Закаркал ворон. Волк завыл.
В морях раздался скрежет льдов.
Им вторил стон и звон оков
В темницах Ангбанда. Вдали
Взметнулось пламя. Потрясли
Раскаты грома своды скал —
И Финрод, побежденный, пал.*

Тогда Саурон сорвал с пленников личины, и перепуганные эльфы предстали перед ним в своем истинном облиции. Но хотя открылась их подлинная суть, Саурон не мог узнать ни имен их, ни цели похода.

Тогда он бросил несчастных в глубокое подземелье, в немой, непроглядный мрак, и угрожал им жестокой смертью, если только один из них не расскажет правды. Время от времени в темноте вспыхивали два горящих глаза, и волколак пожирал одного из эльфов; но ни один не предал своего господина.

В то время, как Саурон бросил Берена в подземелье, тень страха пала на сердце Лутиэн, и, придя за советом к Мелиан, узнала она, что Берен томится в темнице Тол-ин-Гаурхот, лишенный надежды на спасение. Тогда Лутиэн, видя, что ни от кого другого не дожидаться Берену помощи, решила бежать из Дориата и самой поспешить к нему. Но она обратилась за помощью к Даэруну, и тот выдал ее замысел королю. Изумился и испугался Тингол, и, не желая лишить Лутиэн сияния дня, дабы не ослабела она и не угасла, но стремясь удержать ее, приказал выстроить дом, откуда она не могла бы бежать. Неподалеку от врат Менегрота росло самое могучее дерево Нельдорета, а буковый лес Нельдорет составлял северную часть королевства. Этот раскидистый бук именовался Хирилорн; три ствола его, равные в обхвате, с гладкой корою, вознеслись до недостижимых высот, а ветви начинались высоко от земли. Среди ветвей этого дерева выстроен был деревянный дом, и в нем заточили Лутиэн. Слуги Тингола доставляли ей все необходимое, а приставные лестницы убирались и тщательно охранялись.

В «Лэ о Лейтиан» рассказывается о том, как Лутиэн удалось бежать из дома на буке Хирилорн: она призвала на помощь свою волшебную силу и сделала так, что волосы ее отросли до невиданной длины. Из них соткала Лутиэн темный плащ, что укрыл красоту ее, словно ночная мгла; и заключались в том плаще чары сна. Из оставшихся прядей Лутиэн сплела веревку и сбросила ее из окна; и когда закачалась веревка над головами стражей, сидящих под деревом, стражи погрузились в глубокий сон. Тогда Лутиэн выбралась из своей темницы и, закутавшись в свой темный плащ, ускользнула, никем не замеченная, и исчезла из Дориата.

Случилось так, что Келегорм и Куруфин надумали поохотиться на Хранимой Равнине, ибо не так давно Саурон, охваченный подозрением, выслал в эльфийские земли стаи волков. И вот братья взяли с собой своих псов и выехали в дорогу, надеясь попутно услышать что-либо о короле Фелагунде. Лучший и первый из волкодавов в своре Келегорма звался Хуан. Он рожден был не в Средиземье, но в Благословенном Королевстве: давным-давно, в Валиноре, Оромэ подарил пса Келегорму: там следовал он на звук рога своего хозяина, прежде чем свершилось непоправимое зло. Хуан остался верен Келегорму и отправился за ним в изгнание: так и на него пал горький рок, что тяготел над нолдор. Хуан утратил бессмертие, но предсказано ему было, что погибнет он не раньше, чем встретит самого могучего из волков, который когда-либо ступал по земле.

И вот Келегорм и Куруфин остановились отдохнуть близ западных пределов Дориата, и Хуан заметил Лутиэн, когда она, точно тень, застигнутая светом дня, метнулась под сень деревьев – ибо ничто не могло укрыться от взора и нюха Хуана, никакие чары не имели над ним власти и не смыкал он глаз ни днем, ни ночью. Пес доставил дочь Тингола к Келегорму, и Лутиэн, узнав, что перед нею – один из нолдорских владык и заклятый враг Моргота, возрадовалась, и назвала себя, и сбросила плащ. Засияла в лучах солнца непревзойденная красота Лутиэн, и Келегорм вспылал к ней внезапной любовью; но заговорил с ней учтиво и пообещал оказать помощь, если она отправится вместе с ним в Нарготронд. Лутиэн поведала ему о Берене и его походе, но ничем не выдал Келегорм, что знал уже обо всем и что события эти близко его касаются.

Так братья возвратились в Нарготронд, позабыв об охоте; и Лутиэн оказалась в ловушке: ее бдительно стерегли, и отняли у нее волшебный плащ; и не позволялось ей выходить за ворота и говорить с кем-либо, кроме братьев Келегорма и Куруфина. Ибо теперь, полагая, что Берен и Фелагунд в плену и помочь им некому, сыновья Феанора вознамерились бросить короля на верную гибель и удержать Лутиэн у себя, и заставить Тингола согласиться на брак ее с Келегормом. Тем самым братья упрочили бы свою власть, став самыми могущественными из правителей нолдор. Не собирались они добывать Сильмарили ни хитростью, ни в бою (и не могли допустить, чтобы это сделал другой), пока в их руках не сосредоточится мощь всех эльфийских королевств. У Ородрета не было сил противостоять сыновьям Феанора, ибо они подчинили себе народ Нарготронда; и Келегорм послал сватов к Тинголу.

Но волкодав Хуан обладал благородным сердцем; любовь к Лутиэн проснулась в нем в первый же час их встречи, и горевал он, что дочь Тингола оказалась в плену. Потому часто приходил Хуан в ее покои, а ночами сторожил у ее дверей, ибо чувствовал верный пес, что зло пробудилось в Нарготронде. Лутиэн, томясь в одиночестве, часто беседовала с Хуаном, рассказывая ему о Берене, что был другом всех зверям и птицам, ежели не служили они Морготу; и Хуан внимал каждому слову. Ибо пес понимал речь всего живого, но самому ему позволено было заговорить лишь трижды за всю жизнь.

И вот Хуан задумал помочь пленнице; явившись в ее покои под покровом ночи, он принес ей волшебный плащ и заговорил в первый раз, и посоветовал ей, что делать. И вывел ее Хуан из Нарготронда тайными переходами, и вместе бежали они на север; и пес смирил свою гордость и позволил Лутиэн ехать на нем верхом, точно на коне: вот так же орки порою разъезжают на огромных волках. Стремительно мчались они вперед, ибо Хуан был быстр как ветер и не ведал усталости.

В подземельях Саурона томились Берен и Фелагунд, и все их спутники были к тому времени уже мертвы. Фелагунду Саурон намеревался оставить жизнь до последнего, ибо видел он, что перед ним – нолдо, наделенный великой мудростью и могуществом, и полагал,

что в нем-то и кроется тайна похода. Но когда волк пришел за Береном, Фелагунд призвал на помощь всю свою силу и разорвал цепи, и бросился на волколака и убил чудовище голыми руками, но и сам был смертельно ранен. И обратился король к Берену, говоря: «Ухожу я теперь, чтобы обрести покой в чертогах вне времени за гладью морей, за горами Амана. Нескоро увидят меня вновь среди нолдор; может статься, не встретимся мы более ни в жизни, ни после смерти, ибо у наших народов разные судьбы. Прощай!» И умер король в непроглядной тьме, на Тол-ин-Гаурхот, в стенах башни, что сам некогда отстроил. Так Финрод Фелагунд, прекраснейший из рода Финвэ и всеми чтимый, исполнил свою клятву; Берен же в отчаянии оплакивал его.

В этот час Лутиэн взошла на мост, ведущий к острову Саурана, и запела, и толща каменных стен не оказалась преградой для ее песни. Услышал Берен ее голос и подумал, что видит сон – ибо над ним засияли звезды, а в кронах деревьев зазвучали соловьиные трели. И в ответ запел он песнь-вызов, что сложил некогда в честь Семи Звезд, Серпа Валар, начертанного встарь Вардой над северной землей грозным предвестием низвержения Моргота. И тогда последние силы оставили Берена, и рухнул он наземь, и сомкнулась тьма.

Но Лутиэн услышала его ответный зов и запела тогда песню великой силы. Завыли волки, и содрогнулся остров. Саурон же стоял в своей высокой башне, погруженный в черные мысли; и улыбнулся он, заслышав ее голос, ибо понял, что явилась дочь Мелиан. Слава о красоте Лутиэн и дивном ее пении давно уже гремела за пределами Дориата; и Саурон замыслил захватить дочь Тингола в плен и передать ее в руки Моргота, ибо Владыка Тьмы богато вознаградил бы своего слугу.

И вот Саурон послал на мост волка, но Хуан беззвучно убил его. Саурон слал волков одного за одним; один за одним вступали они на мост, и Хуан смыкал челюсти на их горле и убивал их. Тогда Саурон послал Драуглуина, чудовищного зверя, древнего и злобного, предводителя и прародителя волколаков Ангбанда. Великой мощью обладал он; долго и яростно бились Хуан и Драуглуин. Но вот наконец Драуглуин отступил и бежал назад в башню, и испустил дух у ног Саурана; и, умирая, сказал хозяину: «Хуан здесь!» Саурон же, как и любой в той земле, хорошо знал о судьбе, назначенной псу из Валинора; и пришлось ему на ум самому свершить предначертанное. И вот Саурон принял облик волколака – самого могучего из всех, что ступали когда-либо по земле; и вышел сражаться за мост.

Столь ужасен был вид приближающегося чудовища, что Хуан отскочил в сторону. Тогда Саурон ринулся на Лутиэн, и она лишилась чувств под взглядом его, горящим яростью и злобой, и смрадным дыханием. Но едва приблизился он, Лутиэн, падая, взмахнула пред глазами его своим темным плащом, и волколак споткнулся, ибо на миг сонливость овладела им. Тогда прыгнул Хуан. Так произошла битва Хуана и Волка-Саурана; в холмах эхом отзывались вой и лай, и часовые на стенах Эред Ветрин за долиной издали слышали шум сражения и содрогнулись от страха.

Но ни колдовство, ни чары, ни яд и ни клык, ни дьявольская хитрость, ни звериная сила не могли одолеть Хуана из Валинора; и вот пес схватил врага за горло и поверг его на землю. Тогда Саурон прибег к превращениям, становясь то змеею, то волком, то невиданным чудовищем, то вновь принимая свое привычное обличье; но не мог он высвободиться из железной хватки Хуана, не покинув тела. И прежде, чем гнусный дух Саурана оставил свое темное вместилище, приблизилась к нему Лутиэн, говоря, что сорвут с него оболочку из плоти и трепещущий призрак его отошлют назад, к Морготу. «Там бестелесный дух твой будет пребывать вечно, терзаемый его презрением, под пронизывающим его взором, если не уступишь ты мне владычества над башней», – молвила она.

И покорился Саурон, и Лутиэн получила власть над островом и всем, что находилось на нем; и Хуан отпустил Саурана. Тотчас же принял Саурон обличие вампира – огромного, словно черная грозная туча, наползающая на луну; и бежал он, и кровь из прокушенного

горла капала на деревья. И укрылся Саурон в Таур-ну-Фуин, и поселился там; и лес стал сосредоточием ужаса.

Тогда Лутиэн, стоя на мосту, явила свое могущество; и пали чары, что сковывали один камень с другим, и обрушились ворота, и расступились стены, и разверзлись подземные темницы. Много рабов и узников вышло на волю в изумлении и страхе, прикрывая глаза от бледного света луны, ибо слишком долго томились они во мраке подземелий Саурона. Но не было между ними Берена. Тогда Хуан и Лутиэн бросились искать его на острове, и Лутиэн нашла его оплакивающим Фелагунда. Столь велика была скорбь Берена, что лежал он неподвижно и не слышал ее шагов. Тогда, сочтя его мертвым, Лутиэн обняла его и погрузилась в непроглядное забытие. Но Берен, вернувшись к свету из бездны отчаяния, подхватил ее на руки, и они вновь взглянули друг на друга; и засиял над ними день, встающий над темными холмами.

Берен и Лутиэн похоронили тело Фелагунда на вершине холма его же острова, и остров очистился вновь. Над могилой Финрода, сына Финарфина, прекраснейшего из эльфийских владык, зазеленела трава; и место это оставалось неприкосновенным до тех пор, пока не раскололась земля и не изменились ее очертания, и не поглотили ее всесокрушающие моря. Но Финрод, вместе с отцом своим Финарфином, странствует под сенью деревьев Эльдамара.

Так Берен и Лутиэн Тинувиэль оказались на свободе, и вместе вернулись в леса, и на время вновь обрели радость. Настала зима, но не коснулась их, ибо там, где ступала Лутиэн, распускались цветы, и птицы пели у заснеженных холмов. Но преданный Хуан отправился назад к хозяину своему Келегорму; хотя теперь не питали они друг к другу прежней любви.

А в Нарготронде началась смута. Ибо возвратились туда многие эльфы из тех, что томились в плену на острове Саурона, и поднялся ропот, унять который бессильны были слова Келегорма. Эльфы горько оплакивали гибель короля своего, Фелагунда, говоря: дева свершила то, на что не осмелились сыны Феанора. Однако многие поняли, что не страх, а предательство направляли Келегорма и Куруфина. Потому сердца жителей Нарготронда отвратились от них и вновь обратились к дому Финарфина; и покорились они Ородрету. Но Ородрет не позволил эльфам казнить братьев, как того требовали многие; ибо пролить кровь родни своей означало еще сильнее связать себя проклятием Мандоса. Однако тщетно стали бы просить защиты и хлеба в пределах его королевства Келегорм и Куруфин; и поклялся Ородрет, что отныне и впредь сыновья Феанора – не друзья Нарготронду.

«Да будет так!» – молвил Келегорм, и угроза вспыхнула во взоре его; но Куруфин лишь улыбнулся. И братья вскочили на коней и помчались, как ветер, на восток, надеясь отыскать там родню свою. Никто не последовал за ними, даже бывшие их подданные: все понимали, что братья – во власти проклятия и зло преследует их по пятам. В ту пору Келебримбор, сын Куруфина, отрекся от деяний отца своего и остался в Нарготронде, однако Хуан не бросил хозяина своего Келегорма.

На север поскакали братья, намереваясь пересечь Димбар и обогнуть северные пределы Дориата, – то был кратчайший путь к Химрингу, где жил брат их, Маэдрос; и надеялись они проехать через Димбар сколь можно быстрее, держась подальше от Нан Дунгортеб и грозных гор Ужаса, ибо тропа шла вдоль самых границ Дориата.

Говорится, что Берен и Лутиэн, скитаясь по свету, вступили в лес Бретиль и оказались наконец у пределов Дориата. Тогда Берен задумался о своем обете и, вопреки своему сердцу, решил попытаться еще раз, как только Лутиэн окажется в безопасности в защищенной своей земле. Но дочь Тингола не соглашалась расстаться с ним вновь, говоря: «Выбирай, Берен; только два пути есть у тебя: отказаться от похода, забыть о клятве и принять удел неприкаянного скитальца – или сдержать слово и бросить вызов власти тьмы и черному трону. Но и на том, и на другом пути я не оставлю тебя: единая назначена нам судьба».

Так беседовали они, позабыв обо всем, в том числе и об осторожности, а мимо мчались во весь опор через лес Келегорм и Куруфин. Братья заметили путников и издали узнали их. Тогда Келегорм поворотил коня и, прищпорив, погнал его на Берена, намереваясь затоптать недруга копытами. Куруфин же свернул в сторону и, на всем скаку наклонившись в седле, подхватил Лутиэн, ибо был сильным и ловким наездником. Тогда Берен, увернувшись от Келегорма, вскочил на спину коня Куруфина: эльфы и люди славят в песнях Прыжок Берена и по сей день. Берен сзади сдавил Куруфину горло и отшвырнул его назад; и вместе рухнули они на землю. Конь встал на дыбы и пал; Лутиэн отбросило в сторону и она осталась лежать на траве.

Тогда Берен принялся душить Куруфина, но и сам, казалось, был на волосок от гибели, ибо Келегорм несся на него с копьем. Но в этот миг Хуан отрекся от служения Келегорму и прыгнул на него: конь свернул в сторону, не смея приблизиться к Берену из страха перед гигантским псом. Келегорм проклинал и собаку, и коня, но Хуан не двинулся с места. Тогда Лутиэн, поднявшись, запретила убивать Куруфина; однако Берен отобрал его оружие и доспехи, а также и кинжал его, Ангрист. Этот кинжал ковал Тельхар из Ногрода; Куруфин обычно носил его у пояса без ножен; сверкающий клинок тот рассекал железо словно молодое дерево. Подхватив Куруфина, Берен легко отшвырнул его в сторону и наказал ему возвращаться пешком к знатной родне своей, каковая, может статься, научит его обращать свою доблесть на дела более достойные. «Коня же твоего, – молвил Берен, – я сохраняю для Лутиэн; можно считать, повезло ему избавиться от такого хозяина».

Тогда Куруфин проклял Берена, призывая в свидетели небо и облака. «Ступай же, – сказал он, – навстречу скорой и мучительной смерти». И Куруфин уселся в седло позади Келегорма, и братья, казалось, готовы уже были тронуться в путь; Берен же отвернулся, не обратив внимания на их слова. Но Куруфин, охваченный стыдом и яростью, взял лук Келегорма и на скаку выстрелил назад, целясь в Лутиэн. Подпрыгнул Хуан и поймал стрелу зубами. Но снова выстрелил Куруфин; Берен заслонил девушку, и стрела пробила ему грудь.

Говорится, что Хуан бросился в погоню за сыновьями Феанора, и они в страхе бежали прочь. А, возвратившись, пес принес из лесу целебную траву для Лутиэн. С помощью этих листьев дочь Тингола уняла кровь и исцелила Берена искусством своим и любовью; и так наконец возвратились они в Дориат. Там Берен, разрываясь между клятвой своей и любовью и почитая Лутиэн в безопасности, встал как-то утром до рассвета, вверил дочь Тингола заботам Хуана и ушел с тяжелым сердцем, пока она еще спала на траве.

И вновь поскакал Берен на север, к ущелью Сириона; и, добравшись до окраин Таурну-Фуин, окинул взглядом пустошь Анфауглит и различил вдали скалы Тангородрима. Там он отпустил на волю коня Куруфина и наказал ему позабыть о рабстве и страхе в зеленом краю Сириона. Так, оставшись наконец в одиночестве на пороге последнего испытания, Берен сложил Песнь Расставания в честь Лутиэн и огней небес, ибо полагал он, что настало ему время распрощаться с любовью и светом. В песне этой звучали и такие слова:

*Прощай, земля; твой сладкий плен
Вовеки будь благословен:
Ведь здесь, под Солнцем и Луной
Сияла дивной красотой
Ты, Лутиэн Тинувизль —
Свет утра, звездная метель!
Пусть волей беспощадных сил
Прервется ход земных светил,
В кострах грядущих перемен
Мир обратится в прах и тлен*

*И в хаос будет погружен
Вне бытия и вне времен —
Но были созданы не зря
Равнины, реки и моря;
Рассветный луч и звездный свет
Бутон цветка и путь планет —
Ведь мир обрел свои черты,
Чтоб в этот мир явилась ты.*

И пел Берен во весь голос, не заботясь о том, кто может его услышать; ибо был он охвачен отчаянием и не искал спасения.

Но Лутиэн услышала его песню и запела в ответ, появившись вдруг из лесной чащи. Хуан вновь согласился послужить ей конем и быстро домчал ее по следу Берена. Долго размышлял пес про себя, какой бы план измыслить, чтобы уменьшить опасность для тех двоих, кого полюбил он всем сердцем. И вот, по пути на север, пес свернул на остров Саурона и взял там чудовищную шкуру Драуглуина и крылья летучей мыши Турингветиль. Турингветиль была посланницей Саурона и часто летала в облинии вампира в Ангбанд; каждое сочленение ее перепончатых крыльев венчал острый железный коготь. Облаченные в эти жуткие одежды, Хуан и Лутиэн мчались сквозь Таур-ну-Фуин, и все живое в страхе бежало от них.

Содрогнулся Берен, заметив их приближение, и изумился он, ибо только что слышал он голос Тинувиэль и теперь думал, что это призрак завлекает его в ловушку. Но остановились чудовища, и сбросили страшные свои облачения, и Лутиэн подбежала к нему. Так Берен и Лутиэн встретились вновь на границе пустыни и леса. Долго молчал он, целиком отдавшись своему счастью, но, опомнившись, вновь попытался отговорить Лутиэн от похода.

«Трижды проклиная я теперь клятву, данную Тинголу, — сказал он. — Лучше бы мне пасть от руки его в Менегроте, чем привести тебя во мглу Моргота».

Тогда во второй раз заговорил Хуан и дал Берену совет, говоря: «Ты уже не в силах спасти Лутиэн от тени смерти: полюбив тебя, она оказалась в ее власти. Ты можешь отречься от своей судьбы и увести дочь Тингола в изгнание, тщетно пытаясь обрести покой, пока жив. Но если не откажешься ты от назначенной тебе участи, тогда либо Лутиэн непременно умрет в одиночестве, покинутая тобой, либо вместе с тобою бросит вызов тяготеющему над тобой року – кто знает, так ли безнадежен этот путь? Не могу я дать вам другой совет и не вправе идти с вами дальше. Но подсказывает мне сердце: то, что встретится вам у Врат, увижу и я. Прочее укрыто тьмой; однако, может случиться, все три дороги наши ведут назад, в Дориат; может быть, суждена нам еще одна, последняя встреча».

Тогда понял Берен, что судьбы его и Лутиэн отныне переплелись воедино и более не пытался отговаривать ее. По совету Хуана Лутиэн при помощи своего волшебного искусства помогла Берену облачиться в шкуру Драуглуина, а на себя набросила крылатую оболочку Турингветиль. Обличьем Берен во всем уподобился волколаку: только во взоре его светился дух хоть и суровый, но не злобный; и содрогнулся он от ужаса, увидев, как похожее на летучую мышшь существо вцепилось в шерсть его складчатыми крыльями. И вот, завывая под луною, волк помчался вниз по склону холма, а летучая мышшь кругами парила над ним.

Пройдя через многие опасности, покрытые пылью после долгого и изнурительного путешествия, достигли они наконец мрачной долины пред Вратами Ангбанда. По обе стороны от дороги разверзлись черные пропасти, над которыми клубился дым, точно извивающиеся змеи. Далее громоздились утесы, подобно зубчатым стенам бастионов; на вершинах сидели вороны, пожиратели падали, и кричали зловещими голосами. Впереди возвышались неприступные Врата: широкая, темная арка у подножия горы; а над нею нависали отвесные скалы высотой в тысячу футов.

Страх охватил пришлецов, ибо у ворот стоял страж, о котором никто доселе не слышал. Смутные слухи о замыслах эльфийских правителей доходили до Моргота, а по лесным чащам разносился неумолчный лай Хуана, могучего боевого пса, что Валар спустили со своры в незапамятные времена. И Моргот, памятуя о судьбе, назначенной Хуану, выбрал волчонка из рода Драуглуина и выкормил его с руки живым мясом, и вложил в него свою силу. Быстро рос волк и очень скоро не мог уже вмещаться в логово, но лежал у ног Моргота, огромный и голодный. Огни и страсти преисподней вобрал он в себя, и воплотился в нем дух разрушения, истерзанный адскими муками, грозный и могучий. В легендах тех дней назван он Кархарот, Алая Утроба, и еще Анфауглир, Алчные Челюсти. И Моргот определил ему неусыпно сторожить двери Ангбанда, на случай, если появится Хуан.

Издали заметил Кархарот чужаков и встревожился, ибо давно уже достигли Ангбанда вести о смерти Драуглуина. Потому, когда приблизились пришлецы, волк преградил им путь и приказал остановиться, и угрожающе двинулся вперед, учуяв в воздухе нечто странное. Но в этот миг древняя сила, унаследованная встарь от божественной расы, снизошла на Лутиэн, и, отбросив прочь свое мерзкое одеяние, она выступила вперед, бросая вызов могуществу Кархарота: столь хрупкая в сравнении с чудовищем, но сияющая и грозная. Воздев руку, она повелела ему уснуть, говоря: «О дух, рожденный на горе, погрузись же теперь в темное забытие и отрешись на время от скорбного бремени жизни». И рухнул Кархарот на землю, словно сраженный молнией.

Тогда Берен и Лутиэн прошли сквозь Врата и спустились вниз по запутанным лабиринтам лестниц и переходов; и вместе свершили они величайший из подвигов, на которые осмеливались когда-либо эльф или смертный. Ибо приблизились они к трону Моргота в его глубинном зале в самых недрах земли – а зал тот, сосредоточие ужаса, освещен был огнем и заполнен орудиями пыток и смерти. Берен в образе волка прокрался к трону и затаился под ним; но воля Моргота принудила Лутиэн явить свою подлинную суть, и Враг впери́л в нее

свой взгляд. Но не устрасил Лутиэн этот горящий взор, и она назвала себя, и предложила петь перед ним, как это делают менестрели. И узрел Моргот красоту ее, и родилось в помыслах его гнусное вожделение: чернее замысла не рождалось в его сердце с тех пор, как бежал он из Валинора. Так оказался он во власти собственной своей злобы, и глядел на нее, оставив пока на свободе, и втайне наслаждался своими мыслями. Тогда вдруг Лутиэн скользнула во тьму, и из мрака запела песнь столь невыразимой прелести, исполненную столь неодолимых чар, что Моргот поневоле заслушался, и взор его затмился, и тщетно обшаривал он взглядом мглу, ища ее.

Весь двор его погрузился в сон, все огни померкли и погасли; но Сильмарили в короне, венчавшей чело Моргота, вспыхнули вдруг ослепительно белым пламенем; и под тяжестью короны этой и драгоценных камней глава Моргота склонилась, словно бремя целого мира – мира, исполненного забот, страстей и страха, – пригнуло ее к земле; и даже воля Моргота не в состоянии была удержать подобное бремя. Тогда Лутиэн, подхватив свое крылатое одеяние, взвилась вверх, к каменным сводам, и голос ее заструился вниз, точно капли дождя, звенящие о гладь темного и глубокого озера. Лутиэн взмахнула перед взором Моргота своим плащом и погрузила Врага в сон, непроглядный, как Внешняя Пустота, где некогда бродил он в одиночестве. И пал Моргот – так рушится смятый лавиной холм; с грохотом низвергся он со своего трона и распростерся, недвижим, на полу подземного ада. Железная корона откатилась в сторону, прогремело и угасло эхо. И все замерло.

Точно мертвый, лежал Берен на полу в обличии зверя; но Лутиэн легким прикосновением руки пробудила его. И отбросил Берен прочь волчью шкуру, и выхватил кинжал Ангрист, и из железных тисков, сжимающих сокровище, вырезал Сильмариль.

Берен сжал его в ладони, и ясное зарево хлынуло сквозь пальцы, и рука его переливалась в сиянии лучей, словно зажженный светильник: драгоценный камень снес прикосновение Берена и не повредил ему. Тогда пришло Берену на ум свершить больше, нежели пообещал он, и унести из Ангбанда все три Самоцвета Феанора; но иная судьба назначена была Сильмарилиям. Кинжал Ангрист сломался, и осколок лезвия, отскочив в сторону, оцарапал Морготу щеку. Тот пошевелился и застонал; и все воинство Ангбанда заворочалось во сне.

Тогда ужас объял Берена и Лутиэн, и обратились они в бегство, позабыв об осторожности и обманных личинах, охваченные одной только мыслью: еще раз увидеть свет. Никто не препятствовал им, никто не бросился в погоню; но Врата оказались закрыты для беглецов: Кархарот пробудился ото сна и стоял теперь, разъяренный, на пороге Ангбанда. Углядел он беглецов прежде, чем те его заметили, и прыгнул на них.

У измученной Лутиэн не было ни времени, ни сил, чтобы совладать с волком. Но Берен выступил вперед и заслонил девушку, сжимая в правой руке Сильмариль. Замер Кархарот и на мгновение ощутил страх. «Убирайся же, прочь отсюда! Ибо здесь пылает огонь, который испепелит тебя – и все порождения зла!» – воскликнул Берен и поднес Сильмариль к самым глазам зверя.

Но Кархарота не устрасил вид священного камня; и пробудился в нем его алчный дух, разгораясь огнем: он широко разинул пасть и, кляцнув зубами, откусил руку Берена у самой кисти. Тотчас же все внутренности его охватило пламя и зверь содрогнулся от боли, ибо Сильмариль опалил его проклятую плоть. Завывая, волк бросился бежать, и в долине Врат эхом зазвенел вопль боли. Столь ужасен стал Кархарот в безумии своем, что все твари Моргота, обитающие в той долине либо оказавшиеся на одной из дорог, в долину ведущих, в страхе бежали прочь при его приближении – ибо волк убивал без разбору все живое, что встречалось ему на пути; и вырвался он за пределы северных земель, неся в мир гибель. Из всех ужасов, что испытал Белерианд до того, как сокрушен был Ангбанд, безумие Кархарота не имело себе равных – ибо чудовищу передалась сила Сильмарилья.

А Берен лежал без сознания под сенью грозных Врат, и смерть уже подступила к нему, ибо на волчьих клыках был яд. Лутиэн коснулась поцелуем его ужасной раны – и рана очистилась; и призвала она на помощь свою слабеющую волшебную силу, чтобы унять кровь. Но позади нее в глубинах Ангбанда рос и нарастал глухой шум – ропот растревоженной ярости. Воинство Моргота просыпалось.

Так поход за Сильмарилем, казалось, должен был завершиться гибелью и отчаянием – но в этот миг над склоном долины показались три могучие птицы, что летели к северу, обгоняя ветер. О скитаниях Берена и беде его стало известно всем птицам и зверям; и сам Хуан наказал всему живому быть на страже и прийти Берену на помощь, если доведется. Высоко над владениями Моргота парили Торондор и его подданные; и, заметив сверху обезумевшего Волка и потерявшего сознание Берена, они стремительно спикировали вниз, – в тот самый миг, как силы Ангбанда освободились от пут сна.

Орлы подхватили с земли Берена и Лутиэн и унесли их в облака. Внизу, под ними, грохотал гром, вспыхивали молнии и содрогались горы. Тангородрим изрыгнул огонь и дым; огненные смерчи взвились к небу и обрушились на землю, уничтожая все вокруг; и страх объял нолдор Хитлума. Но Торондор устремил свой полет в небесные высоты, в бескрайние воздушные пределы, где солнце сияет весь день незамутненным светом, и Луна странствует среди бесчисленных звезд вне завесы облаков. Так пронеслись они над Дор-ну-Фауглит и над Таур-ну-Фуин, и над сокрытой долиной Тумладен. Ни облака, ни пелена тумана не нависали над ней, и Лутиэн различила далеко внизу сияющий Гондолин, прекрасный город Тургона: точно лучи искристого белого пламени из глубины зеленого кристалла. Но слезы застилали ей взгляд, ибо думала Лутиэн, что Берену суждено умереть: ни слова не произнес он и не открыл глаза; после же ничего не помнил о полете. Наконец орлы снизились у границ Дориата, в той самой долине, откуда охваченный отчаянием Берен тайком ушел прочь, покинув спящую Лутиэн.

Там орлы опустили девушку подле Берена и вернулись к скалам Криссаэгрима, в свои высокие гнездовья. Но явился Хуан и вместе с Лутиэн принялись они ухаживать за Береном; так некогда дочь Тингола исцелила его от раны, что нанес Куруфин. Но эта рана была опаснее, ибо в кровь проник яд. Долго лежал Берен без сознания, и дух его странствовал у темных границ смерти; и не отступала боль, преследуя его в видениях и снах. Но когда Лутиэн уже утратила надежду, Берен вдруг очнулся, и взглянул вверх, и увидел листву на фоне неба, и услышал под сенью листвы негромкий, медленный напев Тинувиэль. И вновь наступила весна.

Впредь Берен звался Эрхамион, что означает Однорукий; и в чертах его лица навеки запечатлелось страдание. Но любовь Лутиэн вернула его к жизни; и поднялся он; и вновь бродили они по лесам рука об руку. И не спешили они покидать те места, ибо казалось им, что нет прекраснее края. Воистину Лутиэн всем сердцем желала поселиться навсегда в лесной чаще, забыв дом и народ свой, и величие эльфийских королевств; и на время Берен обрел покой. Но не мог он надолго позабыть о своей клятве возвратиться в Менегрот и не

желал навсегда разлучить Лутиэн с Тинголом. Ибо Берен чтит законы людей и считал, что воля отца – священна, и не посчитаться с нею возможно лишь в крайности; и казалось ему, что не пристало деве столь благородной и прекрасной вечно жить в лесах, словно неотесанным охотникам из числа людей, не зная ни дома, ни почестей, ни прекрасных творений, отрадных для королей эльдалий. Потому со временем Берен убедил ее: вдвоем покинули они эти бесприютные земли; и Берен вступил в Дориат, ведя Лутиэн домой. Так судил им рок.

А в Дориате наступили черные дни. Горе и безмолвие воцарились во владениях Тингола, когда исчезла Лутиэн. Долго искали ее, но напрасно. И говорится, что в ту пору Даэрон, менестрель короля, покинул Дориат, и никто его более не видел. До того, как Берен явился во владения Тингола, Даэрон слагал музыку для Лутиэн, когда пела и танцевала она; и любил ее великой любовью, и грезы свои о ней воплощал в дивных мелодиях. То был величайший из эльфийских менестрелей к востоку от Моря, что превзошел самого Маглора, сына Феанора. Охваченный отчаянием, ушел он в неведомые края, разыскивая Лутиэн; и, перевалив через горы, оказался на Востоке Средиземья. Там, на протяжении долгих веков, слагал он близ темных вод плач о Лутиэн, дочери Тингола, что красотой затмевает все живое.

В ту пору Тингол обратился к Мелиан, но на этот раз она не дала ему совета, говоря, что судьба, которую сам же он навлек на себя, должна свершиться до конца и что Тинголу остается только ждать. Но король узнал о том, что пути его дочери увели ее далеко от Дориата, ибо пришли тайные гонцы от Келегорма, как уже говорилось ранее, сообщая, что Фелэгунд и Берен мертвы, а Лутиэн находится в Менегроте и Келегорм желает взять ее в жены. Тогда разгневался Тингол и разослал лазутчиков, думая объявить войну Нарготронду: так стало известно королю, что Лутиэн бежала опять, а Келегорм и Куруфин изгнаны из Нарготронда. Теперь же Тингол пребывал в нерешительности, ибо у него не доставало сил воевать с семью сыновьями Феанора; но он послал гонцов в Химринг просить их о помощи в поисках Лутиэн, раз уж Келегорм не отослал ее в дом отца и не сумел удержать ее в безопасности. Но на северных границах королевства гонцов Тингола поджидала неожиданная и нежданная опасность: разъяренный Кархарот, Волк из Ангбанда. Одержимый зверь мчался с севера, разрушая все на своем пути, и, миновав наконец восточные пределы Таур-ну-Фуин, пронесся вниз от истоков Эсгалдуина точно лесной пожар. Ничто не могло остановить его, и бессильны оказались чары Мелиан, ограждающие Дориат, ибо сама судьба гнала волка вперед, и сила Сильмариля, пламя коего сжигало чудовище изнутри. Так ворвался зверь в хранимые леса Дориата, и все живое бежало пред ним. Из гонцов уцелел только Маблунг, главный военачальник короля: он-то и принес страшную весть Тинголу.

В этот-то горький час и возвратились Берен и Лутиэн. Они спешили с запада, а слухи об их возвращении опережали их, словно звуки музыки, что приносит на крыльях ветер в дома, погруженные во тьму, где царствует скорбь. Наконец достигли скитальцы врат Менегрота, и огромная толпа следовала за ними по пятам. И Берен подвел Лутиэн к трону отца ее, Тингола, и тот в изумлении взглянул на Берена, ибо почитал его мертвым, но не обрадовался король его приходу, ибо бесчисленные бедствия навлек этот смертный на Дориат. А Берен опустился пред ним на колени и молвил: «Я дал слово, и я возвратился. Я пришел за тем, что принадлежит мне».

И отозвался Тингол: «Свершил ли ты назначенный тебе подвиг, исполнил ли обет свой?»

И отвечал Берен: «Мой обет исполнен. Даже теперь рука моя сжимает Сильмариль».

Тогда молвил Тингол: «Так покажи мне его!»

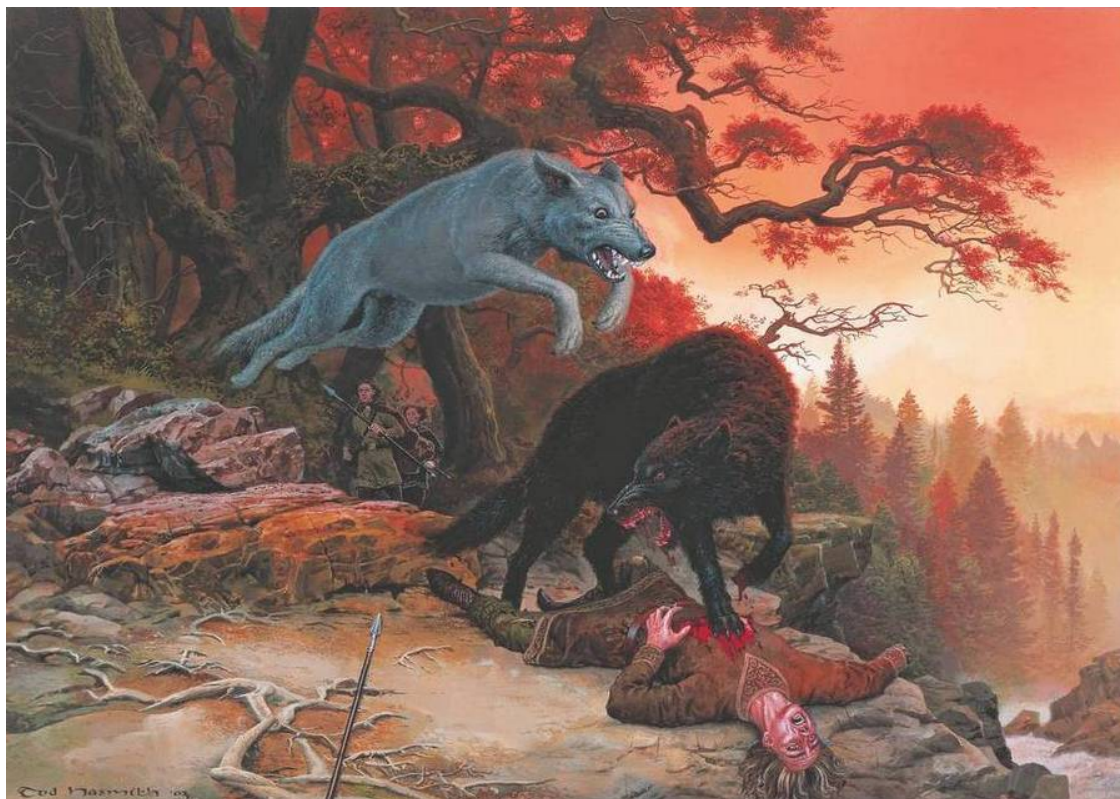
И Берен протянул свою левую руку, и медленно разжал пальцы, и рука была пуста. Он протянул свою правую руку – и с этого часа нарек себя Камлост, Тот, Кто Приходит с Пустыми Руками.

Тогда сердце Тингола смягчилось, и Берен сел у трона его по левую сторону, а Лутиэн – по правую, и они поведали историю Похода, а все слушали и дивились. И показалось Тинголу, что этот человек непохож на прочих смертных, и числится ему среди великих Арды; непостижной и небывалой представилась королю любовь Лутиэн; и понял король, что назначенной им судьбе не могут противостоять никакие силы мира. Потому наконец он уступил, и перед тронем короля Берен и Лутиэн соединили руки.

Но тень омрачила ликование жителей Дориата, радующихся возвращению прекрасной Лутиэн. Узнав о причине безумия Кархарота, эльфы преисполнились еще большего страха, понимая, что разъяренный зверь заключает в себе великую угрозу, ибо ему передалось могущество священного камня; и одолеть его едва ли возможно. И Берен, услышав о нападении Волка, понял, что не завершён ещё Поход.

С каждым днем Кархарот приближался к Менегроту; засим стали готовить Охоту на Волка: немало сложено легенд о травле чудовищ, но ни одна не повествует о подвиге более опасном. На Охоту отправились Хуан, Пес из Валинора, и Маблунг, Тяжелая Длань, и Белег Могучий Лук, и Берен Эрхамион, и Тингол, король Дориата. Ранним утром выехали они в путь и переправились через реку Эсгалдуин; Лутиэн же осталась ждать у врат Менегрота. Мрачная тень пала на ее сердце, и показалось ей, что померкло солнце и сделалось черным.

Охотники свернули к северо-востоку и, следуя по течению реки, набрали наконец на Кархарота, злобного Волка, в темной лощине, там, где в северной ее части Эсгалдуин низвергается с отвесного обрыва. Кархарот стоял у подножия водопада и пил, пытаясь утолить сжигающую его жажду, и подвывал – так охотники и нашли его. Но зверь, заметив их приближение, не сразу бросился на врагов. Может статься, в сердце его вновь пробудилось дьявольское коварство, ибо сладкие воды Эсгалдуина на мгновение утишили боль; и, как только всадники направились к нему, волк прокрался в густые заросли кустарника и залег там. Но охотники расставили дозорных повсюду вокруг того места и стали ждать. В лесу же сгустились сумерки.

Берен стоял подле Тингола, и вдруг заметили оба, что Хуана рядом с ними нет. Тут же в чаще раздался громкий лай, ибо Хуан, которому не терпелось взглянуть на волка, ушел один поднять зверя. Но Кархарот ускользнул от пса и, выскочив вдруг из тернистых кустов, ринулся на Тингола. Тотчас же Берен оказался перед чудовищем, сжимая копье, но Кархарот выбил оружие из его рук и повалил Берена на землю, вцепившись зубами в грудь. В этот миг из чащи леса на спину Волка прыгнул Хуан, и рухнули оба, и завязалась кровавая битва: никакой поединок волка и пса не сравнится с ней, ибо в лае Хуана звучал голос рогов Оромэ и гнев Валар; а в завывании Кархарота слышалась ненависть Моргота и злоба более беспощадная, чем стальные клыки. От шума этого раскололись скалы, с вершин обрушились камни и завалили водопады Эсгалдуина. Враги бились насмерть, но Тингол ничего не замечал: опустившись на колени подле Берена, король понял, что тот опасно ранен.

И вот Хуан одолел Кархарота: однако здесь, в густых лесах Дориата, исполнилась его собственная судьба, давно предрешенная: раны пса были смертельны, и яд Моргота проник в его кровь. Хуан сделал несколько шагов и, упав подле Берена, заговорил в третий раз, и распрощался с Береном прежде, чем умер. Ничего не сказал Берен, но положил руку на голову пса; так расстались они.

Маблунг и Белег поспешили к королю на помощь, но, увидев, что произошло, отбросили копья и зарыдали. И вот Маблунг взял нож и вспорол брюхо Волка: все внутренности зверя испепелило словно бы пламя, но кисть Берена, сжимавшая Сильмариль, осталась нетронутой. Однако когда Маблунг протянул к ней руку, кисть распалась, и Сильмариль засиял незамутненным светом, и лучи его разогнали сгущавшиеся вечерние сумерки. Тогда Маблунг благоговейно взял камень и поспешил вложить его в левую руку Берена; и Берен очнулся от прикосновения к Сильмариллю, и высоко поднял его, и вручил сокровище Тинголу. «Теперь Подвиг исполнен, – сказал он. – И судьба моя свершилась». И более не произнес он ни слова.

Берена Камлоста, сына Барахира, отнесли в Менегрот на носилках, сплетенных из ветвей; и волкодав Хуан лежал подле него; и сгустилась ночь, прежде чем охотники достигли дворца. У подножия раскидистого бука Хирилорн встретила их Лутиэн; медленно двигалась процессия, и у некоторых были в руках факелы. Лутиэн обняла Берена и поцеловала его, и наказала дожидаться ее за Западным морем; и Берен взглянул ей в глаза, прежде чем дух его оставил тело. Померк звездный свет и тьма пала на Лутиэн Тинувиэль. Так завершился Поход за Сильмарилем, но «Лэ о Лейтиан», «Избавление от Оков» на этом не кончается.

Ибо дух Берена по повелению Лутиэн задержался в чертогах Мандоса, не желая покинуть мир, пока не придет Лутиэн в последний раз попрощаться с ним у сумрачных берегов Внешнего моря; оттуда умершие люди отправляются в путь без возврата. Душа же Лутиэн погрузилась во тьму и оставила мир живых; тело ее поникло, словно срезанный цветок, что лежит на траве, еще не увянув.

Тогда зимний холод сковал сердце Тингола – так седая старость приходит к смертным. Но Лутиэн явилась в чертоги Мандоса, туда, где назначено ожидать эльдалиэ – вдали от дворцов Запада у границ мира. Там души умерших пребывают в раздумьях и мрак окутывает их. Но не было среди них никого прекраснее Лутиэн; никто из них не испытал всей глубины ее скорби. Лутиэн опустилась перед Мандосом на колени и запела для него.

Песнь Лутиэн перед троном Мандоса заключала в себе неизъяснимую красоту, что никому доселе не удавалось воплотить в словах; более скорбной песни не слышал мир. Нетленная, неизменная, до сих пор звучит она в Валиноре за пределами мира и, внимая ей, Валар отрешаются от радости. Ибо Лутиэн сплела воедино две темы: страдания эльдар и горе людей; так в мелодии слились судьбы Двух Народов, сотворенных Илуватаром и получивших от него в удел Арду, Земное Королевство среди бесчисленных звезд. Долго стояла

она на коленях перед Мандосом, и слезы ее омывали его ноги, словно капли дождя, струящиеся по камням. И Мандос преисполнился жалости: он, который ни встарь, ни впредь не уступал этому чувству.

Потому Мандос призвал Берена; так исполнилось обещанное Лутиэн в час его смерти, и они встретились вновь за гладью Западного Моря. Но не во власти Мандоса было удержать души умерших людей в пределах этого мира после того, как истечет для них срок ожидания; и не вправе он был менять судьбы Детей Илуватара. Потому отправился он к Манвэ, Владыке Валар, что поставлен Илуватаром править миром; и Манвэ искал совета в сокровенных помыслах своего сердца, и открывалась ему воля Илуватара.

Вот какой выбор предложил он Лутиэн. Великие испытания выпали ей на долю, и ценою перенесенных страданий освобождалась она из-под власти Мандоса и могла уйти в Валимар, чтобы жить там среди Валар до конца мира, позабыв все горести своей жизни. Туда не было пути Берену. Ибо Валар не обладали правом лишить его Смерти, дара Илуватара людям. Второй же выбор был таков: позволялось ей возвратиться в Средиземье вместе с Береном и поселиться там, но без уверенности, что на этом пути обретут они долгую жизнь и радость. Лутиэн становилась смертной, и вторая смерть назначалась ей в удел так же, как и ему; и очень скоро предстояло ей покинуть мир навсегда, и красота ее осталась бы жить только в песнях.

Эту участь и избрала она, и отказалась от Благословенного Королевства, и отреклась от родства с живущими там: какое бы горе ни сулило будущее, судьбы Берена и Лутиэн слились воедино и пути их увели за пределы мира. Вот так единственной из рода эльдалиэ приняла она смерть и много веков назад покинула мир. Однако в выборе ее соединились судьбы Двух Народов, и дочь Тингола стала прародительницей многих, в ком эльдар видят до сих пор, хотя мир и изменился безвозвратно, прекрасный образ утраченной ими Лутиэн.

Глава 20

О пятой битве: Нирнаэт Арноэдиад

Говорится, что Берен и Лутиэн возвратились в северные пределы Средиземья и поселились там на время как муж и жена; и вновь приняли в Дориате обличие смертных. Те, кто видел их, преисполнились радости и страха; и Лутиэн отправилась в Менегрот и прикосновением руки разбила оковы зимы, сковавшие душу Тингола. Но Мелиан взглянула ей в глаза и прочла судьбу, начертанную там; и отвернулась, ибо поняла она, что им суждена разлука за пределами конца мира; и никто не скорбел так о своей утрате, как Мелиан из рода Майар в тот час. А Берен и Лутиэн ушли вдвоем, не боясь ни голода, ни жажды; и перешли реку Гелион, и оказались в Оссирианде, и поселились там на Тол Гален, зеленом острове реки Адурент. Шли годы, и никто более не слышал о них. Впоследствии эльдар назвали то место Дор Фирн-и-Гуинар, Земля Умерших, что Живы; там рожден был прекрасный Диор Аранель, впоследствии прозванный Диор Элухиль, что означает Наследник Тингола. Никто из смертных не говорил более с Береном, сыном Барахира; никто не видел, как Берен и Лутиэн покинули мир; никто не приметил места, где покоятся их тела.

В ту пору Маэдрос, сын Феанора, воспрял духом, видя, что Моргота возможно одолеть: ибо подвиги Берена и Лутиэн воспевали в песнях по всему Белерианду. Однако Моргот уничтожил бы своих недругов одного за одним: необходимо было объединиться вновь, составить новый союз и собраться на общий совет. И Маэдрос начал осуществлять свои планы, мечтая привести эльдар к победе: так создан был Союз Маэдроса.

Однако клятва Феанора и преступления, что навлекла она, повредили замыслу Маэдроса, и не получил он той помощи, на которую мог бы рассчитывать, сложись все иначе. Ородрет отказался выступить в поход по слову кого бы то ни было из сыновей Феанора, памятуя о деяниях Келегорма и Куруфина, а эльфы Нарготронда по-прежнему полагались на неприступность своей тайной крепости, находя, что осторожность и скрытность – надежная защита. Оттуда явился лишь небольшой отряд во главе с Гвиндором, сыном Гуилина, эльфом знатного рода и великой доблести; он отправился на северную войну против воли Ородрета, ибо скорбел об утрате брата своего Гельмира, сгинувшего в Дагор Браголлах. На щитах этих воинов сиял герб рода Финголфина, и встали они под знамена Фингона. Никто из них не вернулся назад, кроме одного.

Немногим помог и Дориат. Ибо Маэдрос и его братья, понуждаемые своею клятвой, незадолго перед тем послали гонцов к Тинголу и в надменных словах напомнили о своем праве, объявляя, что либо король отдаст им Сильмариль, либо станет им врагом. Мелиан посоветовала Тинголу уступить камень, но слова сыновей Феанора дышали высокомерием и угрозой, и разгневался владыка Дориата, памятуя о том, какой ценою добыт был камень вопреки злобе Келегорма и Куруфина – страданиями заплатила за него Лутиэн, а Берен – своей кровью. Каждый день любовался король на Сильмариль, и все сильнее овладевало им желание оставить сокровище у себя навсегда: такова была власть камня. Потому Тингол отослал гонцов назад с презрительным ответом. Никак не отозвался на это Маэдрос, ибо уже начал создавать союз и объединенные силы эльфов; но Келегорм и Куруфин во всеуслышание поклялись убить Тингола и стереть с лица земли его народ, если вернуться с войны с победой, а камень не будет им передан по доброй воле. Тогда король укрепил границы своих владений, на войну же не поехал ни он сам и никто другой из Дориата, кроме одних только Маблунга и Белега – им не хотелось остаться в стороне от деяний столь славных. Тингол дозволил им ехать с условием, что не встанут они под знамена сыновей Феанора, и Маблунг с Белегом присоединились к дружине Фингона. Но Маэдрос заручился помощью наугрим,

что поддерживали его как военной силой, так и оружием в изобилии; в те дни не знали отдыха кузницы Ногрода и Белегоста. И снова собрал Маэдрос воедино своих братьев и весь народ, желавший следовать за ними; и люди Бора и Улфанга были приведены в боевой порядок и обучены воинскому делу; они же призвали родню свою с Востока. Более того, на западе Фингон, неизменный друг Маэдроса, посовещался с Химрингом, и в Хитлуме нолдор и люди дома Хадора стали готовиться к войне. В лесу Бретиль Халмир, правитель народа Халет, призвал своих мужей, и те вострили боевые топоры; однако перед самой войной Халмир умер, и Халдир, сын его, принял бразды правления. Дошли вести и до Тургона, сокрытого короля Гондолина.

Но Маэдрос слишком рано испытал свои силы – еще до того, как замыслы его вполне осуществились, и хотя все северные области Белерианда очистили от орков и даже Дортонион на время был освобожден, Моргот оказался упрежден о намерениях эльдар и Друзей Эльфов, и вовремя принял меры. Он разослал среди неприятеля своих соглядатаев и смутьянов, подбивающих к измене: и теперь делал это тем успешнее, что вероломные предатели из числа людей, втайне переметнувшиеся на его сторону, были до поры посвящены во многие секреты сыновей Феанора.

Наконец Маэдрос, собрав все силы, что смог, объединив эльфов, людей и гномов, решился атаковать Ангбанд с востока и с запада, и вознамерился, развернув знамена, пройти с войском через Анфауглит, открыто являя свою мощь. Когда же армии Моргота, как надеялся Маэдрос, выступят им навстречу, тогда с горных перевалов Хитлума явится Фингон, и тем самым силы Моргота окажутся словно между молотом и наковальней и будут смяты. Знаком же к тому послужит яркий сигнальный огонь в Дортонионе.

В назначенный день, утром середины лета, трубы эльдар возвестили восход солнца; на востоке взвилось знамя сыновей Феанора, а на западе – стяг Фингона, Верховного короля нолдор. Тогда Фингон взглянул вниз со стен Эйтель Сирион: воинство его, выстроенное в боевом порядке в долинах и лесах восточных склонов Эред Ветрин, было надежно укрыто от глаз Врага; но знал Фингон, сколь велико оно. Ибо здесь собрались все нолдор Хитлума, и эльфы Фаласа, и отряд Гвиндора из Нарготронда, и бесчисленные армии людей; справа разместилась рать Дорломина, и доблестные воины Хурина, и Хуора, брата его; к ним же приспели Халдир Бретильский и многие лесные жители.

Тогда Фингон обратил взор свой к Тангородриму: над горой сгустилось темное облако и курился черный дым; и понял король: пробудилась ярость Моргота и принят вызов. Тень сомнения омрачила сердце Фингона, и он перевел взгляд свой к востоку, надеясь с эльфийской зоркостью разглядеть вдаль, как клубится пыль Анфауглита под поступью воинств Маэдроса. Не ведал король, что Маэдрос задержал выступление из-за коварства проклятого Улдора: тот обманул сына Феанора ложными известиями о нападении из Ангбанда.

Но вдруг поднялся ликующий крик: ветер донес его с юга, от долины к долине, и голоса эльфов и людей слились в общем хоре изумления и радости. Ибо, неожиданным и незванным, Тургон распахнул врата Гондолина и теперь спешил к эльфам на помощь с десятитысячным воинством; сияли кольчуги, а длинные мечи и копья ощетились, словно лес. Издалека слышал Фингон могучую трубу брата своего Тургона, и сгинула тень, и воспрял он духом, и воскликнул: «Утулиэ'н аурэ! Айа эльдалиэ ар атанатари, утулиэ'н аурэ! День настал! Се, народ эльдар и отцы людей, день настал!» И все, кто услышал, как гулкий голос Фингона эхом гремит среди холмов, отозвались: «Аута и ломэ! Ночь отступает!»

Моргот же, коему многое было известно о том, что делают и замышляют его враги, счел, что час пробил, и, полагаясь на то, что лживые его слуги задержат Маэдроса и не позволят недругам воссоединиться, он выслал к Хитлumu воинство, казавшееся огромным – и, однако, то была лишь часть заготовленных им сил. Воины Моргота облачены были в серо-

бурые одежды и сталь не сияла на солнце – потому далеко удалось им продвинуться через пески Анфауглита, прежде, чем заметили их приближение.

Тогда сердца нолдор запылали яростью, и полководцы их уже хотели атаковать врагов на равнине, но Хурин воспротивился тому, советуя остерегаться Морготова коварства, чья мощь неизменно превосходила ожидания, а замысел оказывался иным, нежели явствовало поначалу. И хотя не было сигнала о приближении Маэдроса и воинов снедало нетерпение, Хурин настойчиво убеждал дождаться союзников и позволить натиску орков разбиться, штурмуя холмы.

Но полководец Моргота на западе получил приказ поскорее выманить Фингона с холмов любыми средствами. Потому он двинулся дальше, пока авангард его войска не выстроился вдоль реки Сирион, от стен крепости Эйтель Сирион до того места, где Ривиль впадал в Топи Серех; и аванпосты Фингона могли уже видеть глаза врагов. Но не было ответа на вызов, зловеще молчали высокие стены, и холмы таили в себе угрозу, и смолкли насмешки орков. Тогда полководец Моргота выслал всадников словно бы для переговоров, и они подъехали к внешним укреплениям Барад Эйтель. С собою привезли они Гельмира, сына Гуилина, эльфа знатного рода из Нарготронда: он был захвачен в Браголлах; и враги ослепили его. И вот герольды Ангбанда вывели пленника вперед, крича: «У нас дома еще много вот таких же, но вам стоит поторопиться, коли хотите застать их в живых, ибо со всеми мы обойдемся вот так же – дайте только вернуться». И они отрубили Гельмиру кисти рук и ступни ног, а затем и голову, на глазах у эльфов – и бросили его у стен.

По роковой случайности в этом самом месте внешних укреплений стоял Гвиндор из Нарготронда, брат Гельмира. Теперь же он обезумел от гнева и вскочил в седло; и во главе отряда всадников бросился в погоню за герольдами, и зарубили их эльфы, и глубоко вклинились в ряды главной вражеской армии. При виде этого воодушевилось войско нолдор, и Фингон надел свой белый шлем и затрубил в трубы, и все воинство Хитлума хлынуло вдруг с холмов и ринулось в атаку. Засверкали мечи нолдор, извлеченные из ножен, словно огонь, пожирающий сухой тростник; столь яростным и стремительным оказался натиск эльдар, что планы Моргота едва не рухнули. Армия, посланная им на запад, была сметена прежде, чем смогла получить подкрепление, и знамена Фингона взвились над равниной Анфауглит и затрепетали под стенами Ангбанда. В первых рядах сражались Гвиндор и эльфы Нарготронда: даже теперь невозможно было сдержать их: они прорвались сквозь Врата и перебили стражу на самых лестницах Ангбанда, и Моргот содрогнулся на своем подземном троне, заслышав удары в двери. Но маленький отряд оказался в ловушке: эльфов перебили всех до единого, а Гвиндора захватили живым; ибо Фингон не смог прийти к ним на помощь. Через бесчисленные потайные двери Тангородрима Моргот уже вывел на поверхность главные воинства, что ждали своего часа, и Фингон был отброшен от стен с великими потерями.

И вот на четвертый день войны на равнине Анфауглит началась Нирнаэт Арноэдиад, Битва Бессчетных Слез, названная так потому, что ни песне, ни повести не вместить всей ее скорби. Армия Фингона отступила через пески; Халдир, вождь халадин, был убит в арьергарде; рядом с ним пали почти все мужи народа Бретилия – не суждено им было вернуться в свои леса. На пятый день, когда опустилась на землю ночь, воинство Фингона находилось еще далеко от Эред Ветрин; и орки окружили рать Хитлума, и сражение длилось до рассвета, и все теснее смыкалось кольцо. Но с зарей пришла надежда: донесся звук рогов Тургона, что вел на подмогу основное войско Гондолина: до того они стояли лагерем южнее, охраняя ущелье Сириона, и Тургон удержал большую часть своего народа от опрометчивой атаки. Теперь же он спешил на помощь брату; сильны были гондолиндрим, облаченные в сверкающую броню; строй их сиял, точно река расплавленной стали под лучами солнца.

И вот отряд королевских дружинников прорвался сквозь ряды орков, и Тургон мечом проложил путь к брату. Говорится, что радостной была встреча Тургона и Хурина – Хурин

же сражался бок о бок с Фингоном в самой гуще битвы. В сердцах эльфов вновь вспыхнула надежда, и в этот самый миг, в третьем часу утра послышался наконец звук труб Маэдроса – его армия подходила с востока, и знамена сыновей Феанора взвились в тылу врага. Говорят некоторые, что даже тогда победа могла бы остаться за эльдар, если бы все войска их остались верны; ибо орки дрогнули, натиск их был остановлен, и многие уже обращались в бегство. Но, как только авангард Маэдроса обрушился на орков, Моргот двинул в бой свои последние силы, и Ангбанд опустел. Явились волки и волчьи всадники; явились балроги и драконы, был там и Глаурунг, отец драконов. Велика была сила и мощь Великого Змея, ужас следовал за ним по пятам, дыхание испепеляло эльфов и людей; и он вклинился между войсками Маэдроса и Фингона, отрезав их друг от друга.

Но ни волк, ни балрог, ни дракон не помогли бы Морготу достичь задуманного, если бы не предательство людей. В этот час обнаружился заговор Улфанга. Многие восточане дрогнули и обратились в бегство, ибо сердца их оказались во власти страха и лживых посулов, но сыновья Улфанга неожиданно переметнулись к Морготу и атаковали Маэдроса с тыла, и, среди всеобщего смятения, ими же созданного, подобались к самому знамени Маэдроса. Но не суждено было предателям получить обещанную Морготом награду, ибо Маглор сразил Улдора проклятого, главаря изменников, а сыновья Бора, прежде, чем пали сами, убили Улфаста и Улварта. Однако подошли новые войска злых людей: их призвал загодя Улдор и держал до поры в укрытии среди восточных холмов. Теперь армия Маэдроса подверглась нападению с трех сторон, ряды эльфов были расстроены, и воины рассыпались в беспорядке. Однако судьба хранила сыновей Феанора: никто из них не погиб, хотя все были ранены. Братья соединились, собрали вокруг себя уцелевших нолдор и наугрим, мечами прорубили путь из битвы и бежали далеко на восток, к горе Долмед.

Дольше всех восточных армий выстояли гномы Белегоста; за то прославлены они в веках. Ибо наугрим выдерживали огонь лучше, нежели эльфы или люди; к тому же в обычае их было надевать в битву огромные устрашающие маски, и маски эти сослужили гномам хорошую службу, защитив от палящего дыхания драконов. Если бы не наугрим, Глаурунг и его племя сожгли бы уцелевших нолдор. Но гномы окружили разъяренного дракона тесным кольцом, и даже прочная драконья броня не вполне защитила чудовище от их могучих топоров. Когда же Глаурунг в ярости поворотился и поверг на землю Азагхала, правителя Белегоста, и подмял его под себя, последним своим ударом Азагхал вонзил кинжал ему в брюхо и ранил его; и Глаурунг бежал с поля боя, и все злобные твари Ангбанда в панике последовали за ним. А гномы подняли тело Азагхала и вынесли его из битвы: медленно шагали наугрим и низкими, глубокими голосами пели погребальную песнь по обряду своей страны, и не обращали внимания на врагов; и никто не посмел остановить их.

А на западном участке на Фингона и Тургона хлынул поток врагов, втрое превышающий поредевшие рати эльфов. Был там Готмог, Предводитель Балрогов, войсководитель Ангбанда: его армия черным клином врезалась между эльфийскими войсками, отбросив Тургона и Хурина к Топям Серех, а Фингон оказался в кольце врагов. И бросился на него Готмог: мрачная то была встреча. И вот Фингон остался один среди поверженной своей дружины, и бился он с Готмогом, пока не подобрался сзади еще один балрог и не захлестнул его огненной плетью. Тогда Готмог зарубил Фингона своим черным топором, и из рассеченного шлема Фингона взметнулось белое пламя. Так пал Верховный король нолдор, и враги булавами вбили его тело в грязь, а королевское знамя, синее с серебром, втоптали в лужу его крови.

Битва была проиграна; но Хурин, Хуор и немногие уцелевшие из дома Хадора еще сражались плечом к плечу с Тургоном из Гондолина, не отступая ни на шаг; и полчищам Моргота не удавалось отбить ущелье Сириона. Тогда молвил Хурин Тургону: «Уходи, владыка,

пока есть время! Ибо в тебе заключена последняя надежда эльдар, и пока стоит Гондолин, в сердце Моргота будет жить страх».

Но отозвался Тургон: «Недолго теперь оставаться Гондолину сокрытым от чужих глаз, а, как только обнаружат город, суждено ему пасть». Тогда заговорил Хуор и молвил: «Однако ж, если выстоит город еще немного, тогда из дома твоего явится надежда для эльфов и людей. Вот что я скажу тебе, владыка, в смертный мой час: хотя расстанемся мы сейчас навсегда, и не увижу я вновь твоих белокаменных стен, от тебя и меня родится и взойдет над миром новая звезда. Прощай!»

А Маэглин, сын сестры Тургона, стоял тут же и слышал эти слова, и крепко их запомнил; но промолчал он, по обыкновению своему.

Тогда Тургон внял совету Хурина и Хуора, и созвав всех тех, кто оставался еще в живых из войска Гондолина, а также и немногих уцелевших из воинства Фингона, отступил к ущелью Сириона, а военачальники его Эктелион и Глорфиндель обороняли от врага правый и левый фланги. Но люди Дор-ломина прикрывали отступление, как пожелали того Хурин и Хуор, ибо сердца их противились тому, чтобы покинуть северные земли, и если не суждено было им возвратиться к домам своим, вознамерились они держаться до конца. Так искупили они предательство Улдора; так люди Дор-ломина в последнем своем бою покрыли себя неувядаемой славой, и из всех воинских подвигов, свершенных отцами людей на стороне эльдар, нет равного этому.

Вот так Тургон пробился к югу, и, выйдя из-под прикрытия Хурина и Хуора, прошел вниз по течению Сириона и ускользнул от врагов, и исчез в горах, сокрывшись от взора Моргота. Братья же собрали вокруг себя уцелевших воинов из дома Хадора и, пядь за пядью, отступили наконец за Топи Серех, так, что прямо перед ними тек Ривиль. Там остановились они, и более не отступали.

Тогда обрушились на них все ангбандские полчища, и поток запружен был мертвыми телами; враги окружили остатки войск Хитлума, и все теснее смыкалось кольцо – так морской прилив надвигается на скалу. На шестой день, когда солнце склонялось к западу и удлинились темные тени Эред Ветрин, Хуор пал, пронзенный отравленной стрелой, что впиалась ему в глаз; а вокруг него беспорядочной грудой лежали мертвые тела доблестных воинов народа Хадора. Орки поотрубили им головы и свалили их в кучу – точно курган чистого золота в закатном зареве.

Хурин выстоял дольше других. Оставшись же в одиночестве, он отшвырнул свой щит и обеими руками взялся за топор, и говорится в песнях, что лезвие топора дымилось от черной крови троллей из дружины Готмога – и со временем затупилось; и всякий раз, как падал поверженный враг, Хурин восклицал: «Аурэ энтулува! Еще придет день!» Семьдесят раз издавал он этот клич; но наконец враги захватили его живым по повелению Моргота: орки вцеплялись в него когтями, и не разжималась хватка даже когда Хурин отсекал им лапы. Не убывало число врагов, и наконец Хурин пал, погребенный под тяжестью их тел. Тогда Готмог связал его и, насмехаясь, потащил в Ангбанд.

И вот солнце опустилось за море, и закончилась битва Нирнаэт Арноэдиад. В Хитлуме наступила ночь, и с Запада налетел ураган.

Моргот торжествовал победу: замысел его сбылся, причем в точности так, как хотелось ему, ибо люди подняли меч на людей и предали эльдар; страх и ненависть родились промеж тех, кто мог бы объединиться против общего врага. С этого дня сердца эльдар отвратились от людей, кроме лишь тех, что принадлежали к Трем Домам эдайн.

Королевство Фингона не существовало более, и сыны Феанора скитались по свету, точно гонимые ветром листья. Войска их были разбиты, союз распался; и поселились братья в диком лесном краю у подножия Эред Линдон, и, утратившие свое бывшее могущество

и славу, смешались с Зелеными эльфами Оссирианда. В Бретиле, под защитой лесов, еще жили немногие халадин, и правил ими Хандир, сын Халдира; но никто из воинства Фингона, и никто из мужей дома Хадора не вернулся в Хитлум, и не было вестей ни об исходе битвы, ни об участии владык. Моргот же выслал в Хитлум восточан, состоявших у него на службе, отказав им в плодородных землях Белерианда, на которые зарились изменники; и запер их в Хитлуме, и запретил им покидать его пределы. Так вознаградил их Моргот за измену Маэдросу: позволил грабить и тиранить стариков, женщин и детей народа Хадора. Уцелевшие эльдар Хитлума отправлены были в северные копи и трудились там, как рабы: немногим удалось ускользнуть и скрыться в горах и чащах.

Орки и волки рыскали беспрепятственно по всему Северу, пробираясь дальше и дальше на юг, до самого Нан-татрена, Края Ив, и до границ Оссирианда; никто не чувствовал себя в безопасности ни в поле, ни в лесу. Дориат, правда, уцелел; сокрыты были и чертоги Нарготронда, но Моргота это не тревожило: либо он знал о них слишком мало, либо находил, что не пробил еще час обратить на них свою злобу. Ныне многие бежали в Гавани и укрылись за стенами Кирдана; мореходы же плавали вдоль берегов и неожиданными высадками чинили врагу немалый вред. Но на следующий год, прежде, чем наступила зима, Моргот выслал многочисленную армию через Хитлум и Невраст: враги спустились вниз по течению рек Бритон и Неннинг и разорили весь Фалас, и осадили стены Бритомбара и Эглареста. Они привели с собою кузнецов, и рудокопов, и мастеров, умеющих обращаться с огнем; и те создали гигантские машины; и, несмотря на упорное сопротивление защитников, наконец сокрушили стены. Тогда Гавани разрушены были до основания; захватчики низвергли башню Барад Нимрас, а большую часть народа Кирдана перебили или угнали в рабство. Но некоторым удалось подняться на корабли и бежать морем; среди них был и Эрейнион Гильгалад, сын Фингона, отосланный отцом в Гавани после Дагор Браголлах. Эти уцелевшие отплыли с Кирданом на юг, к острову Балар, и там основали убежище для всех, кто мог туда добраться; ибо эльфы укрепились также и в устьях Сириона: там в бухтах и небольших заливах, где тростники росли густо, словно лес, укрыты были легкие, быстроходные ладьи.

Когда же прознал о том Тургон, он вновь отправил гонцов к устьям Сириона, прося Кирдана Корабела о помощи. По воле Тургона Кирдан выстроил семь быстрых кораблей, и они отплыли на Запад; но напрасно ждали о них вестей на острове Балар – ведомо стало о судьбе одного лишь, и последнего. Мореходы этого корабля долго скитались в океане и, наконец в отчаянии повернув назад, затонули в великом шторме, уже в пределах видимости берегов Средиземья. Однако одного из мореходов Ульмо спас от гнева Оссэ: волны подхва-

тили его и вынесли на берег в Неврасте. Звали спасенного Воронвэ: то был один из посланцев Тургона, владыки Гондолина.

Теперь думы Моргота непрестанно обращались к Тургону, ибо Тургон ускользнул от него — а из всех своих врагов именно Тургона Морготу особенно хотелось захватить или уничтожить. Эта дума не давала покоя Темному Властелину и омрачала его триумф: Тургон из могущественного дома Финголфина ныне по праву стал королем над всеми нолдор, Моргот же ненавидел дом Финголфина и боялся его, ибо род сей был в дружбе с Ульмо, его недругом; а также и потому еще, что Финголфин изранил Моргота своим мечом. А из родни его никого так не боялся Моргот, как Тургона, ибо еще встарь, в Валиноре, заметил его Моргот, и при одном только приближении Тургона тень омрачала его душу, предвещая, что когда-нибудь, в неведомом еще будущем Тургон явится орудием его гибели.

И вот привели к Морготу Хурина, ибо знал Враг, что тот в дружбе с королем Гондолина; но Хурин отказался покориться Морготу и осыпал его насмешками. Тогда Моргот проклял Хурина и Морвен, и потомство их, и назначил им в удел бесчисленные страдания и неизбежное горе, и, забрав Хурина из темницы, поместил его на каменное кресло на вершине Тангордрима. Там сковали его чары Моргота, и Темный Властелин, стоя перед пленником, проклял его вновь, говоря: «Оставайся же здесь и гляди на те земли, где тех, кого ты любишь, постигнут отчаяние и зло. Ты посмел насмехаться надо мною и бросить вызов могуществу Мелькора, Владыки судеб Арды. Так моими глазами будешь ты видеть отныне; моим слухом слышать; и не сдвинешься ты с этого места, пока не исполнится все, как я сказал, и не завершится горьким итогом».

Так все и случилось; однако говорится, что Хурин ни разу не попросил Моргота ни о снисхождении, ни о смерти — ни для себя, ни для кого бы то ни было из родни своей.

По велению Моргота орки с превеликим трудом снесли в одно место тела павших в кровавой битве, и все их доспехи и оружие, и вырос великий курган посреди Анфауглита, подобный холму, и виден был издалека. Эльфы назвали его Хауд-эн-Нденгин, Холм Павших, и Хауд-эн-Нирнаэт, Холм Слез. И пробилась там молодая поросль, и зазеленели густые, пышные травы – точно не лежала вокруг мертвая пустыня, созданная Морготом; и ни одна тварь Моргота не смела впредь ступить на землю кургана, под которой мечи эльдар и эдайн ржавели и обращались в прах.

Глава 21

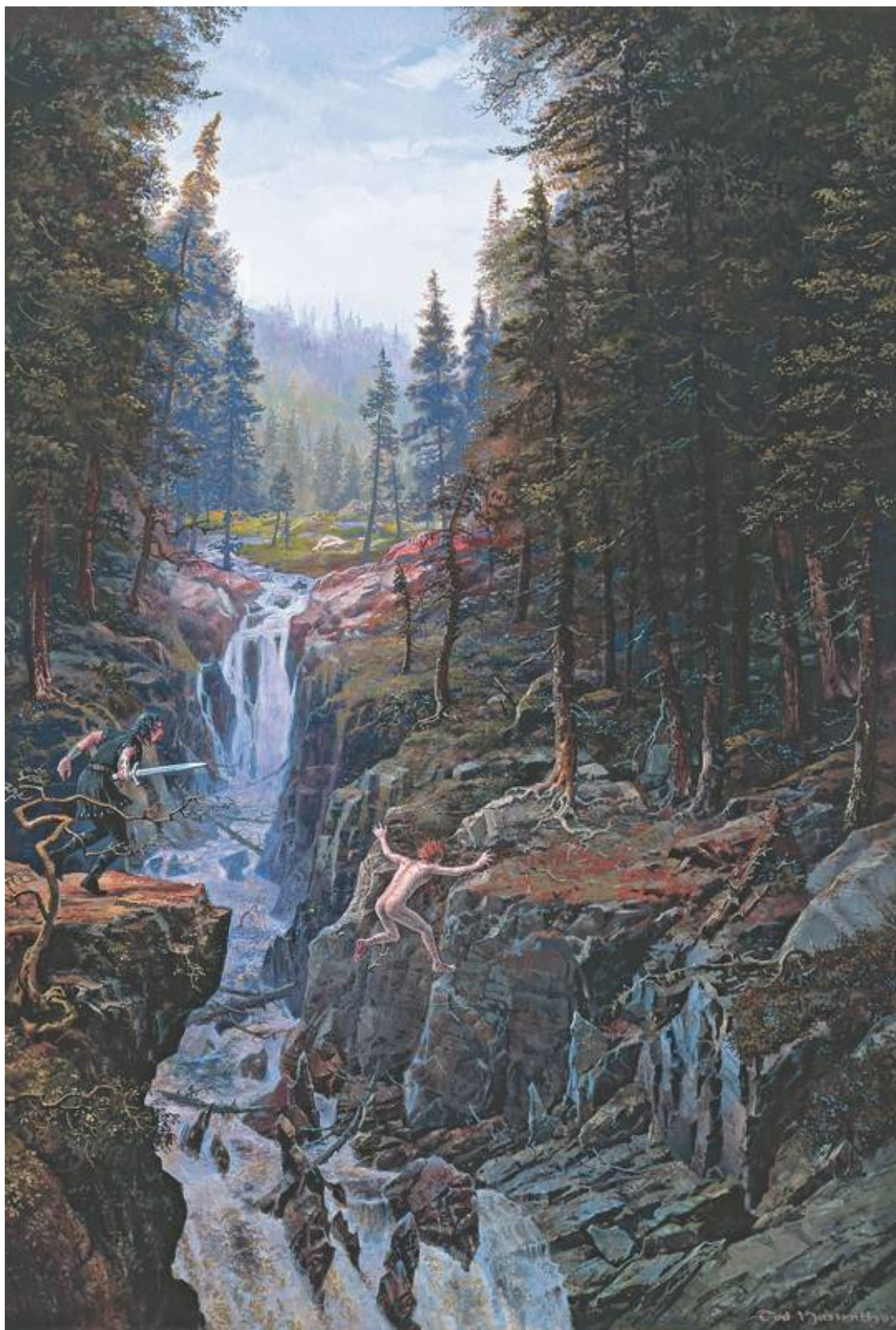
О Турине Турамбаре

Женой Хуора, сына Галдора, была Риан, дочь Белегунда, и сыграли они свадьбу за два месяца до того, как уехал Хуор вместе с братом своим Хурином на битву Нирнаэт Арноэдиад. Шло время, и не было вестей о муже, и Риан бежала в глушь; там приютили ее Серые эльфы Митрима; когда же родился сын ее Туор, эльфы взяли его на воспитание. А Риан покинула Хитлум и, придя к Хауд-эн-Нденгин, легла там на землю и умерла.

Женою Хурина, правителя Дор-ломина, была Морвен, дочь Барагунда; сын их звался Турин и родился он в тот самый год, когда Берен Эрхамион повстречал Лутиэн в лесу Нельдорет. Еще была у Хурина и Морвен дочь по имени Лалайт, что означает Смех; и Турин, брат ее, нежно любил девочку; но когда исполнилось ей три года, злой ветер принес из Ангбанда моровое поветрие, и Лалайт умерла.

После Нирнаэт Арноэдиад Морвен осталась жить в Дор-ломине, ибо Турину едва исполнился восьмой год, а она вновь носила под сердцем дитя. Жилось в ту пору несладко, ибо восточане, наводнившие Хитлум, презирали и притесняли оставшихся в живых из народа Хадора, отбирали их земли и добро их, а детей обращали в рабство. Но столь велики были красота и величие Владычицы Дор-ломина, что даже восточане преисполнились благоговейного страха и не посмели поднять руку на нее и ее домочадцев; и прошел среди восточан слух, что с Морвен связываться опасно: будто бы она – ведьма, искусная в магии, и знает с эльфами. Однако Морвен жила теперь в бедности, покинутая всеми; втайне помогала ей только некая родственница Хурина по имени Аэрин, ставшая женой восточанина Бродды; и Морвен жила в неотвязном страхе, что отберут у нее Турина и обратят в рабство. Потому задумала она отослать его от себя – так, чтобы никто о том не проведал; и упросить короля Тингола приютить мальчика, ибо Берен, сын Барахира, приходился родней ее отцу и, кроме того, встарь, до того, как пришла беда, связан был с Хурином узами дружбы. И вот осенью, в Год Скорби, Морвен отослала Турина через горы в сопровождении двух челядинцев преклонных лет, и наказала им попытаться получить доступ в королевство Дориат. Вот так сложилась судьба Турина: подробно о том рассказано в песни под названием «Нарн и Хин Хурин», «Повесть о детях Хурина»; это самая долгая из песней, повествующих о событиях тех дней. Здесь предание это изложено в немногих словах, ибо неразрывно вплетены в него судьбы Сильмарилей и эльфов; «Повестью горя» зовется печальный этот рассказ о наигнуснейших деяниях Моргота Бауглира.

В начале года Морвен родила дитя, дочь Хурина, и нарекла ее Ниэнор, что означает Скорбь. Турин же и его спутники, пройдя через великие опасности, вышли наконец к пределам Дориата; там отыскал их Белег Могучий Лук, предводитель приграничной стражи короля Тингола, и отвел гостей в Менегрот. Радужный прием оказал Тингол Турину, и повелел считать отныне мальчика своим воспитанником из уважения к Хурину Стойкому: весьма переменился Тингол по отношению к домам Друзей Эльфов. Спустя какое-то время король отослал гонцов на север, в Хитлум, приглашая Морвен оставить Дор-ломин и приехать вместе с ними в Дориат; но не согласилась Морвен покинуть дом свой, где жила некогда с Хурином. Когда же собрались эльфы в обратный путь, она отослала с ними Драконий Шлем Дор-ломина, величайшее из сокровищ дома Хадора.

Турин рос в Дориате красивым и сильным, однако в облике его запечатлелась неизгладимая скорбь. Девять лет прожил он в чертогах Тингола, и за это время утихло отчасти его горе, ибо время от времени гонцы отправлялись в Хитлум и приносили ему добрые вести о Морвен и Низнор. Но вот однажды не вернулись гонцы с далекого севера, и Тингол отказался

послать новых. Тогда Турина охватил страх за мать и сестру, и, преисполнившись мрачной решимости, предстал он перед королем и потребовал себе кольчугу и меч, и надел Драконий Шлем Дор-ломина, и ушел сражаться на границы Дориата, и стал собратом по оружию Белега Куталиона.

Прошло три года, и Турин вновь возвратился в Менегрот: явился он прямо из лесной чащи, волосы его были нечесаны, а снаряжение и одежда пришли в небрежение. И был в Дориате некто Саэрос из рода нандор, эльф, приближенный к королю. Давно недолголюбивал он Турина, завидуя почестям, какие оказывались приемному сыну Тингола; и, усевшись за столом напротив Турина, он принялся насмехаться над юношей, говоря: «Ежели мужи Хитлума столь свирепы и дики, то каковы женщины той земли? Верно, бегают они по лесам, точно лани, одетые лишь в плащ из собственных волос?» Тогда Турин, вне себя от гнева, схватил кубок и швырнул его в Саэроса, и сильно ранил его.

На следующий день Саэрос подстерег Турина, когда тот возвращался из Менегрота на границы; но Турин одолел недруга и погнал его обнаженным через лес, точно охотник – зверя. Саэрос же, убегая от него в страхе, споткнулся и рухнул в ущелье, на дне которого шумел поток, и разбился о скалу, выступающую из воды. Подошли остальные и увидели, что произошло; а среди них был Маблунг, и повелел он Турину тотчас же возвращаться в Менегрот, дабы предстать перед королевским судом и просить короля о милости. Но Турин, полагая, что теперь он – вне закона, и боясь заточения, отказался повиноваться Маблунгу и скрылся в лесной чаще, и, пройдя через Пояс Мелиан, оказался в лесах к западу от Сириона. Там примкнул он к банде бездомных, отчаявшихся бродяг: немало таких скрывалось в глуши в те черные дни и нападало на любого встречного, будь то эльф, человек или орк.

Но когда Тингол узнал обо всем, что произошло, и подробно расспросил всех об этом деле, он простил Турина, сочтя, что не Турин виновен в случившемся. В ту пору Белег Могучий Лук возвратился с северных границ и пришел в Менегрот повидать Турина, и Тингол обратился к нему, говоря: «Горько мне, Куталион: нарек я сына Хурина своим сыном – таким и пребывать ему, пока сам Хурин не возвратится из мрака и не заберет его от меня. Не желаю я, чтобы говорили, будто Турин несправедливо был изгнан из Дориата в лесную глушь; порадовался бы я его возвращению, ибо весьма привязался к нему».

И ответил Белег: «Я стану искать Турина, пока не найду, и приведу его в Менегрот, если смогу, ибо и мне дорог он».

И Белег покинул королевский дворец и долго скитался по Белерианду, тщетно пытаясь разузнать хоть что-нибудь о Турине; и многие опасности подстерегали его на пути.

Турин же долго прожил среди изгоев и стал их главарем, и взял себе имя Нейтан, что означает Обиженный. Банда Турина скрывалась в лесной чаще к югу от Тейглина; когда же минул год с того дня, как Турин бежал из Дориата, Белег набрел ночью на тайное убежище. Случилось так, что Турина в ту пору не было в лагере, и разбойники схватили Белега и связали его, и жестоко обошлись с ним, ибо сочли его лазутчиком дориатского короля. Но возвратился Турин, и увидев, что творят его сподвижники, устыдился, вспомнив все свершенные ими злодеяния и беззакония. Тотчас же освободил он Белега, и друзья обнялись после долгой разлуки, и Турин поклялся поднимать отныне руку только на прислужников Ангбанда.

Тогда Белег поведал Турину о прощении короля и настойчиво стал убеждать его возвратиться в Дориат, говоря, что на северных рубежах королевства весьма нуждаются в его силе и доблести.

– Не так давно орки отыскиали путь вниз с нагорьев Таур-ну-Фуин, – поведал Белег. – Они проложили дорогу через перевал Анах.

– Не помню я этого места, – промолвил Турин.

– Мы никогда не уходили так далеко от границ, – отозвался Белег. – Но ты не раз видел вдалеке пики Криссаэгрима, а к востоку от них – темную гряду Горгорот. Анах лежит между ними, выше горных ключей Миндеба; опасна и трудна та дорога, однако многие приходят ныне по ней. К Димбару, некогда мирной земле, тянется Черная Длань, и встревожены люди Бретиля. Мы нужны там.

Но в гордыне своего сердца Турин отверг прощение короля, и даже слова Белега не могли поколебать его решения. Турин в ответ принялся уговаривать Белега остаться с ним в земле к западу от Сириона, но Белег не соглашался, говоря: «Суров ты, Турин, и упрям. Ныне мой черед. Если ты и впрямь хочешь быть рядом с Могучим Луком, ищи меня в Димбаре, ибо туда возвращаюсь я».

На следующий день Белег пустился в обратный путь, и Турин проводил его на расстояние полета стрелы от лагеря, но по дороге не проронил ни слова.

– Так значит, распрощаемся мы здесь, сын Хурина? – молвил Белег.

Тогда Турин обратил взор свой к западу, и различил вдалеке вершину Амон Руд, и, не ведая, что ждет его впереди, ответил:

– «Ищи меня в Димбаре», – говоришь ты. А я говорю: ищи меня на Амон Руд! Иначе прощаемся мы навсегда.

И расстались они друзьями, но у обоих тяжело было на сердце.

Тогда Белег возвратился в Тысячу Пещер, и, представ перед Тинголом и Мелиан, поведал обо всем, что произошло, умолчав лишь о том, как жестоко обошлись с ним сотоварищи Турина. И вздохнул Тингол и проговорил:

– Что еще должно мне сделать, чтобы смягчился Турин?

– Дозволь мне, владыка, – отозвался Белег, – и я стану оберегать и направлять его, как смогу; тогда никто не скажет, что эльфы бросают слова на ветер. Не хочу я, чтобы достоинства столь великие сгинули впустую в лесной глуши.

И Тингол позволил Белегу поступать, как тот задумал, и молвил:

– Белег Куталион! Многими своими деяниями заслужил ты мою признательность; особенно же тем, что отыскал моего приемного сына. Ныне же, в час расставания, проси любого дара: ни в чем не откажу я тебе.

– Тогда попрошу я о добром мече, – отозвался Белег, – ибо леса кишат орками, и одного лука мне мало, а тот клинок, что есть у меня, броню их не берет.

– Выбирай любой, – отвечал Тингол, – кроме разве Аранрута, моего собственного.

Тогда Белег выбрал Англахель, меч великой ценности, названный так потому, что выкован был из железного слитка, который пал с небес пылающей звездой: лезвие его рассекало любое железо, добытое из земных недр. Один лишь клинок в Средиземье был ему подобен. В этом предании речи о нем не идет, хотя ковал его из того же металла тот же самый кузнец, а кузнецом тем был Эол, Темный эльф: он взял в жены Арздель, сестру Тургона. Эол отдал Англахель Тинголу в уплату за дозволение поселиться в Нан Эльмоте и сделал это весьма неохотно; но Ангуирель, парный к Англахелю, Темный эльф оставил себе; впоследствии Маэглин похитил его у отца.

Когда же Тингол подал Белегу Англахель рукоятью вперед, Мелиан глянула на лезвие и молвила:

– То недобрый меч. Черная душа кузнеца живет в нем и по сей день. Не полюбит меч руку, которой станет служить, и недолго у тебя пробудет.

– Однако ж намерен я владеть им, пока в силах, – отвечал Белег.

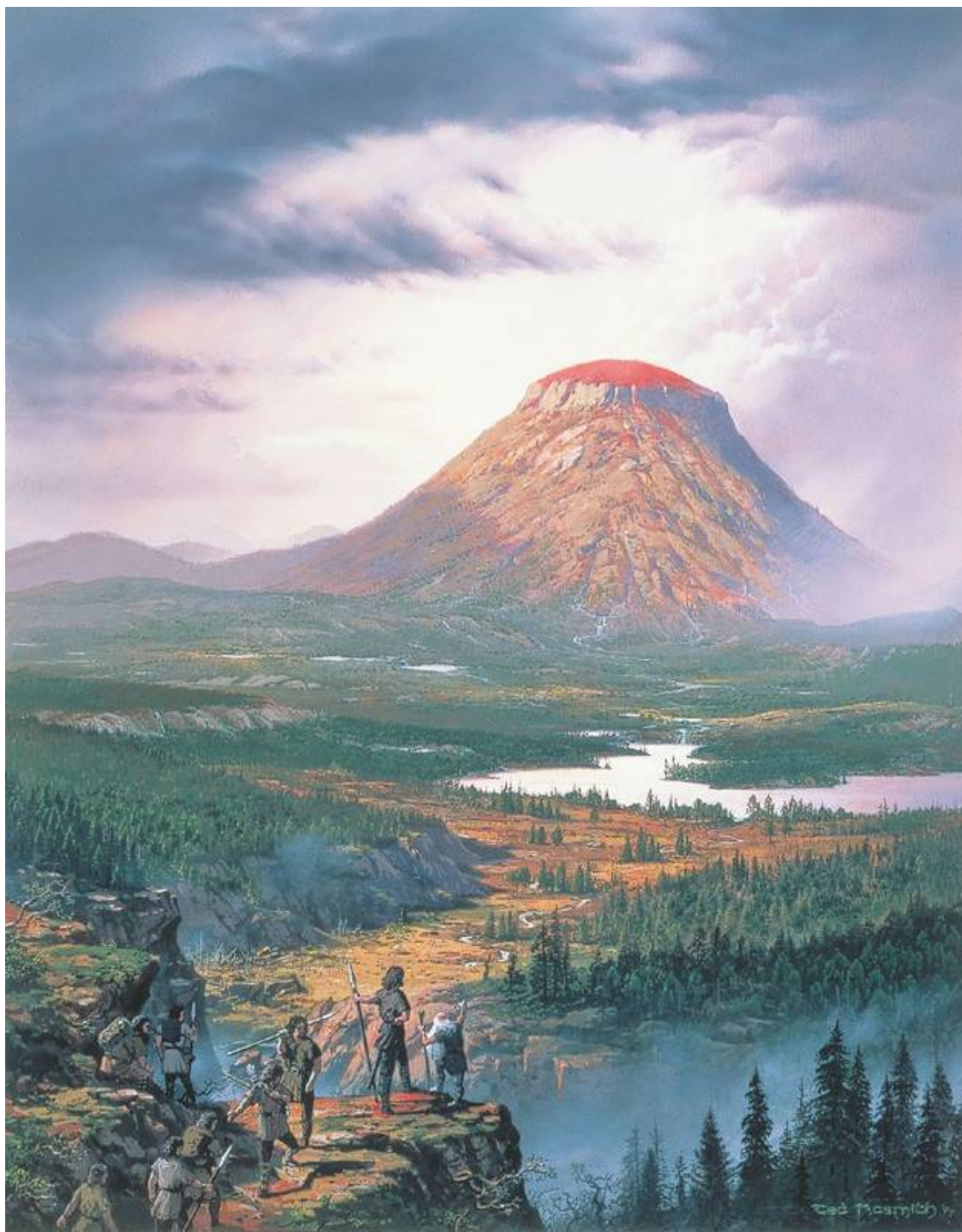
– И у королевы есть для тебя дар, Куталион, – продолжала Мелиан. – Пусть он поможет тебе в глуши, а также и тем, кого изберешь ты.

И она вручила Белегу запас *лембас* – дорожные хлебцы эльфов, завернутые в серебряные листья и перевитые нитями, нити же на узлах запечатаны были печатью королевы –

облаткой белого воска в форме единственного цветка Тельперiona; ибо по обычаю эльдалиэ одна только королева обладала правом распоряжаться *лембас* и оделять ими кого бы то ни было. Вовеки не выказывала Мелиан Турину большего благоволения, нежели теперь, посылая ему сей дар, ибо никогда прежде эльдар не позволяли людям вкушать дорожный хлеб; да и впоследствии случалось такое нечасто.

И вот Белег с дарами покинул Менегрот и возвратился к северным границам, где ждали его многие друзья и временные жилища. Вскоре орки отброшены были от Димбара, и ликовав Англахель, покинув ножны; но когда настала зима и стихли бои, Белег вдруг исчез и более не видели его собратья по оружию.

Когда Белег покинул изгоев и возвратился в Дориат, Турин увел сподвижников на запад, прочь от долины Сириона, ибо устали они от беспокойной жизни, когда приходилось быть постоянно настороже, опасаясь погони; и принялись искать убежище более надежное. И вот как-то вечером набрели они на трех гномов, и гномы бросились бежать. Один отстал; его схватили и повалили на землю. Кто-то из разбойников снял с плеча лук и выстрелил в убегающих, но они исчезли в сгущающихся сумерках. Тот гном, которого изловили они, назвал себя Мим; и взмолился он, прося Турина о пощаде, и предложил в качестве выкупа отвести изгоев в свои тайные чертоги, где никто их не отыщет. Турин пожалел Мима и пощадил его, и спросил: «Где твой дом?»

И ответил гном:

— Высоко над землею отстроен дом Мима, на огромном холме. Амон Руд прозывается этот холм теперь, ибо эльфы всему дали свои имена.

Тогда замолчал Турин, и долго смотрел на гнома, и молвил, наконец:

— Веди нас к этому месту.

На следующий день разбойники пустились в путь, следуя за Мимом к Амон Руд. А холм этот стоял на окраине верескового нагорья, что поднималось между долин Сириона и Нарога; высоко над каменистой равниной вознесся его гребень, но крутая серая вершина оставалась голой, лишь алый *серегон* плащом одевал камень. Когда же приблизились люди

Турина к холму, луч заходящего солнца пробился сквозь облака и озарил гребень; а *серегон* был весь в цвету. Тогда один из разбойников молвил:

– Кровью обагрена вершина.

Но Мим провел разбойников тайными тропами вверх по крутому склону Амон Руд и, помедлив перед входом в пещеру, поклонился Турину и молвил:

– Добро пожаловать в Бар-эн-Данвед, Дом-Выкуп, ибо так отныне и зваться ему.

И вышел к ним еще один гном, неся факел; и, обменявшись несколькими словами, он и Мим торопливо вошли под своды пещеры и исчезли во мраке. Турин последовал за ними и оказался наконец в самых глубинах пещеры, в зале, где с потолка свисали светильники, подвешенные на цепочках, и бледные отблески дрожали на стенах. Там увидел Турин Мима: гном стоял на коленях перед каменным ложем у стены и стенал, и рвал на себе бороду, выкликая непрестанно одно и то же имя, а на ложе покоился неподвижно третий гном. Турин приблизился к Миму и предложил свою помощь. Тогда Мим поднял на него взгляд и молвил:

– Помощь здесь бессильна. Это Кхим, сын мой; он мертв, пронзен стрелой. Он умер на закате. Так сказал мне сын Ибун.

Тогда Турин преисполнился сострадания и молвил:

– Увы! Я бы отозвал эту стрелу, кабы мог. Теперь дому сему и впрямь зваться Бар-эн-Данвед, и если когда-нибудь обрету я богатство, золотом заплачу я тебе выкуп за смерть сына, в знак моей скорби, пусть золото и не порадует более твоего сердца.

Тогда поднялся Мим и долго смотрел на Турина.

– Я выслушал тебя, – сказал он. – Ты говоришь как гномий владыка древних времен: дивлюсь я тому. Теперь поостыло мое сердце, хотя и нет в нем радости. В этом доме волен жить ты, коли хочешь; ибо я намерен заплатить свой выкуп.

Так Турин поселился в тайном убежище Мима на Амон Руд; и прошелся он по полоске зеленого дерна перед входом в пещеру, глядя на восток, и на запад, и на север. К северу обратил он взор, и различил вдали лес Бретиль, поднимающийся вверх по склонам Амон Обель зеленым кольцом; опять и опять глядел он в ту сторону, сам не зная, почему, ибо сердцем стремился он скорее на северо-запад: там, за бесчисленными лигами у самой границы небес он словно бы различал Тенистые горы, стеной оградившие его дом. Но вечером, когда закат окрасил небеса, взгляд Турина обратился к западу: багровое солнце склонялось к горизонту, погружаясь в туманную дымку, нависшую над далеким побережьем, а между ним и морем тонула во мраке долина Нарога.

В последующие дни Турин вел с Мимом долгие беседы; часто сиживали они вдвоем, и Турин внимал гномьим преданиям и рассказам о его жизни. Мим происходил из тех гномов, что в незапамятные времена изгнаны были из могучих гномьих городов востока, и, задолго до возвращения Моргота, ушли на запад, в Белерианд; с ходом лет они уменьшились в росте, забыли многие секреты кузнечного дела; вели скрытный образ жизни, передвигались крадучись и сутулясь. До того, как на западе появились гномы Ногрода и Белегоста, перевалив через горы, эльфы Белерианда не ведали, что это за существа, охотились на них и убивали, но позже оставили их в покое. На языке синдарин имя им было ноэгют нибин, Малые гномы. Никого не любили они, кроме самих себя; боялись и ненавидели равно и орков, и эльдар, пуще же всего Изгнанников, ибо нолдор, как утверждали они, украли земли их и дома. Задолго до того, как король Финрод Фелагунд пришел из-за Моря, гномы разведали пещеры Нарготронда и принялись углублять их; а в недрах Амон Руд, Лысого холма, трудолюбивые руки Малых гномов неспешно бурили и прорубали камень – на протяжении долгих лет, что прожили там, не тревожимые Серыми эльфами лесов. Со временем народ этот выродился, и никого из них не осталось в Средиземье, кроме Мима и его двух сыновей; а Мим был стар даже по меркам гномов – стар и позабыт всеми. В чертогах его кузницы стояли без дела,

топоры ржавели, и память о нозгют нибин хранили одни лишь древние сказания Дориата и Нарготронда.

Ближе к середине зимы с севера налетела вьюга – таких метелей не знали доселе в речных долинах, и Амон Руд потонул в снегу: говорилось, что зимы в Белерианде становятся все суровее по мере того, как растет мощь Ангбанда. Только самые стойкие осмеливались покидать пещеры; многие занедужили, всех мучил голод. Однажды, в пасмурных зимних сумерках объявился внезапно промеж них некто – с виду человек могучего сложения и высокого роста, закутанный в белый плащ, с надвинутым на глаза капюшоном, и подошел он к костру, не говоря ни слова. Все в страхе повскакали с мест, а гость рассмеялся и откинул капюшон, и извлек из-под широкого плаща тяжелый тюк, и при свете пламени Турин вновь увидел перед собою лицо Белега Куталиона.

Так возвратился Белег к Турину, и радостной была встреча друзей. Эльф принес с собою из Димбара Драконий Шлем Дор-ломина, полагая, что при виде шлема Турин воспрянет духом и обратит свои помыслы к целям более достойным, нежели прозябать в глуши главарем жалкого отряда людей без рода, без племени. Но Турин по-прежнему отказывался возвратиться в Дориат, и Белег, уступив любви вопреки мудрости, остался с ним и его не покинул; и в ту пору немало потрудился на благо отряду Турина. Белег лечил раненых и недужных, давая им *лембас* Мелиан, и те быстро исцелялись, ибо, хотя Серые эльфы и уступали в искусстве и знании Изгнанникам из Валинора, мудростью далеко превосходили они людей во всем, что касалось жизни в Средиземье. Силен и могуч был Белег, и прозорлив столь же, сколь зорок, и изгои преисполнились к нему почтения, но с каждым днем росла ненависть Мима к эльфу, что явился незванным в Бар-эн-Данвед; и гном просиживал целые дни в самом темном углу своего дома вместе с сыном Ибуном, ни с кем не разговаривая. Но теперь Турину дела не было до гнома; когда же миновала зима и наступила весна, пришла пора взяться за суровые ратные труды.

Кому ведомы ныне тайные помыслы Моргота? Кто сумеет постичь сокровенные думы того, кто некогда был Мелькором и обладал великим могуществом среди Айнури Великой Песни, а теперь восседал темным властелином на темном троне Севера, взвешивая на весах злобы вести о внешнем мире, зная о делах и намерениях своих недругов больше, нежели опасались мудрейшие из них – обо всех, кроме королевы Мелиан? К ней часто обращалась мысль Моргота, но наталкивалась на непреодолимую преграду.

И вот пришла в движение мощь Ангбанда; словно длинные пальцы шарящей во тьме руки, передовые отряды его армий нащупывали пути в Белерианд. Через Анах явились они и захватили Димбар и все северные границы Дориата. Прошли они вниз по древней дороге, что пролегалa через протяженную теснину Сириона, мимо острова, где высился некогда Минас Тирит Финрода, через земли между Малдуином и Сирионом, и далее через окраины Бретиля к Переправе Тейглина. Оттуда дорога вела на Хранимую Равнину, но до поры орки не осмеливались заходить так далеко, ибо теперь в глуши поселился потаенный ужас, и с красного холма следили за ними бдительные глаза, о коих не предостерегали захватчиков. Ибо Турин вновь надел Шлем Хадора, и по всему Белерианду, через леса и реки, и горные перевалы, разнеслись слухи о том, что Шлем и Лук, поверженные в Димбаре, паче чаяния объявились вновь. Тогда многие, утратившие своих вождей, обездоленные, но не утраченные, вновь воспряли духом и примкнули к Двум Полководцам. В ту пору все земли между Тейглином и западными пределами Дориата получили название Дор Куартол, Земля Лука и Шлема. Турин взял себе новое имя – Гортол, Грозный Шлем, и вновь воспрял духом. В Менегроте, и в глубинных чертогах Нарготронда, и даже в сокрытом королевстве Гондолин гремела слава о подвигах Двух Полководцев; прознали о них и в Ангбанде. Расхохотался Моргот, ибо по Драконьему Шлему он опознал сына Хурина; и очень скоро Амон Руд окружили соглядатаи Врага.

На исходе года гном Мим с сыном Ибуном покинули Бар-эн-Данвед и ушли собирать коренья для запасов на зиму, и орки захватили их в плен. Тогда во второй раз пообещал Мим провести своих врагов тайными тропами к своему убежищу на Амон Руд; однако обещание свое выполнить не спешил, и требовал, чтобы Гортолу сохранили жизнь. Тогда расхохотался предводитель орков и сказал Миму: «Да уж будь уверен, Турина сына Хурина убивать не станут!» Так Мим предал Барэн-Данвед: под покровом ночи он провел туда орков, и враги напали на отряд Турина врасплох. Многие были убиты во сне; другие же, бежав по внутренней лестнице, поднялись на вершину холма и бились там насмерть, и кровь их текла на *серегон*, оплетающий камень. На Турина накинули сеть; он запутался в ней, был повержен, связан и уведен прочь. Когда же наконец все стихло, Мим выполз из темных своих покоев; над завесой туманов Сириона взошло солнце, а гном все стоял подле мертвых тел на горе. Но вдруг он заметил, что не все лежащие там мертвы: один открыл глаза, и Мим встретился взглядом с Белегом. В глазах гнома вспыхнула давно накопившаяся ненависть, и Мим шагнул к эльфу и подобрал с земли меч Англахель, что один из воинов, павших подле Белега, накрыл своим телом. Но Белег с трудом поднялся на ноги, вырвал меч из рук гнома и бросился на предателя; и Мим в ужасе бежал с вершины холма, оглашая воздух стенаниями. Белег же крикнул ему вслед: – Месть дома Хадора еще настигнет тебя!

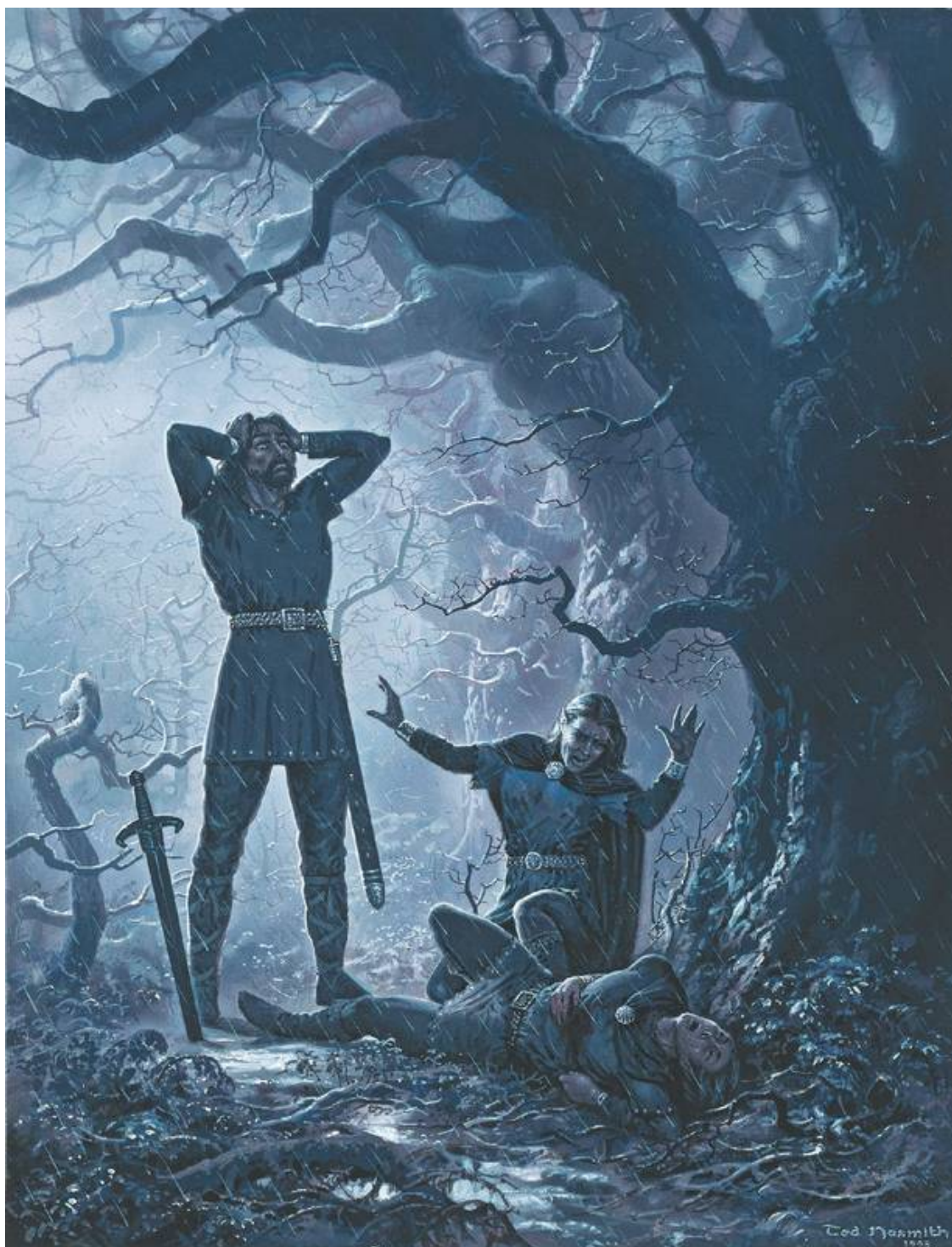
Опасные раны получил Белег, но среди эльфов Средиземья был он одним из самых могучих, и, к тому же, великим целителем. Потому эльф не умер; и медленно возвращались к нему силы. Но напрасно искал он Турина среди погибших, чтобы предать прах его земле; не найдя же его, понял, что сын Хурина жив и уведен в Ангбанд.

В отчаянии Белег покинул Амон Руд и отправился на север, к Переправе Тейглина, по следам орков; он перешел Бритиах и двинулся через Димбар к перевалу Анах. Эльф уже почти настиг врагов, ибо шел, не останавливаясь на ночлег, а орки задержались в пути, чтобы поохотиться в тамошних землях, ибо на севере не опасались они погони. Даже в жутких чащах Таур-ну-Фуин не потерял Белег следа: никто в Средиземье не знал лес лучше Могучего Лука. Но, пробираясь под покровом ночи через зловещие дебри, набрел он на путника, уснувшего у подножия раскидистого сухого дерева. Белег остановился подле спящего и увидел, что перед ним – эльф. Тогда он заговорил с незнакомцем, и разделил с ним *лембас*, и спросил, что за судьба привела его в это гиблое место; и тот назвался Гвиндором, сыном Гуилина.

Скорбно взирал на него Белег, ибо Гвиндор превратился ныне в согбенную, пугливую тень своего бывшего обличия и былой удали – в Нирнаэт Арноэдиад этот знатный эльф из Нарготронда пробился с безрассудной отвагой к самым вратам Ангбанда и там был взят в плен. Захваченных нолдор Моргот редко предавал смерти – ибо нолдор искусны были в кузнечном деле и горном промысле: умели добывать руды металлов и драгоценные камни. Потому не убили Гвиндора, но отправили в копи Севера. По тайным ходам, известным только им, эльфам-рудокопам иногда удавалось бежать; вот так случилось, что нашел его Белег – измученного, заплутавшего в лабиринтах Таур-ну-Фуин.

И поведал Гвиндор, что, скрываясь и таясь среди деревьев, заметил он большой отряд орков и волков, спешащий на север; и был среди них человек: руки пленника сковывала цепь, и гнали его вперед плетью. «Человек тот – очень высокого роста, – рассказывал Гвиндор, – высок, как люди с туманных холмов Хитлума». Тогда Белег открыл Гвиндору, что привело его в Таур-ну-Фуин; Гвиндор же попытался отговорить смельчака от его затеи, уверяя, что и Белег попадет в руки врагов и разделит с Турином боль и муки. Но тот отказался бросить друга на произвол судьбы и, отчаявшись сам, зажег надежду в сердце Гвиндора: вместе пустились они в путь по следам орков, и вышли наконец из леса, оказавшись на высоких склонах, что спускались к бесплодным дюнам Анфауглита. Там, в пределах видимости горы Тангородрим, орки встали лагерем в безлесной ложине, когда сгустились сумерки; и, рас-

ставив повсюду волков-часовых, предались пьяному разгулу. С запада надвигалась великая буря; молнии высвечивали далекие Тенистые горы; и Белег с Гвиндором незамеченными прокрались к лощине.

Когда в лагере все уснули, Белег взял лук и под покровом тьмы бесшумно перестрелял волков-часовых одного за другим. Тогда, подвергая себя страшной опасности, эльфы пробрались в лагерь и отыскивали Турина: тот был скован по рукам и ногам и привязан к сухому дереву, а вокруг него в стволе торчали ножи: орки, развлекаясь, швырялись ими в пленника. Измученный Турин погружен был в глубокий сон и ничего уже не ощущал. Белег с Гвин-

дором перерезали его путы, подхватили Турина на руки и унесли из лощины; но донести смогли только до зарослей терновника чуть выше по склону. Там эльфы уложили спасенного наземь; а гроза вот-вот готова была разразиться. Белег извлек меч свой Англахель и рассек оковы Турина; но над днем тем тяготел рок: лезвие скользнуло в сторону, когда Белег разрубал кандалы, и оцарапало Турину ступню. Сей же миг Турин очнулся от сна, во власти ярости и страха; и, видя, что темная фигура склоняется над ним с обнаженным мечом, вскочил с громким криком, полагая, что это орки вернулись истязать его; и, схватившись с противником во мгле, отнял Англахель и зарубил Белега Куталиона, почитая его за врага.

Так стоял он, оказавшись вдруг на свободе и готовясь дорого продать свою жизнь в схватке с воображаемыми недругами, как вдруг в небесах ярко сверкнула молния, и в мгновенной вспышке Турин различил черты лица Белега. И застыл он на месте, неподвижный и безмолвный, точно каменное изваяние, в ужасе глядя на убитого и осознавая, что содеял; столь жутким показалось лицо его в тот миг в свете вспыхивающих вокруг молний, что Гвиндор в страхе припал к земле и не посмел поднять глаза.

Тем временем в лощине внизу всполошились орки, и в лагере поднялась суматоха: ибо страшились они грома, что приходит с запада, полагая, будто насылают его великие Недруги-из-за-Моря. Поднялся ветер; полил проливной дождь; с высот Таур-ну-Фуин хлынули водяные потоки, и, хотя Гвиндор взывал к Турина, предостерегая его о неминуемой опасности, Турин не отвечал: он сидел подле тела Белега Куталиона, не двигаясь, не рыдая, а вокруг бесновалась буря.

Настало утро, буря пронеслась над Лотланном на восток; взошло яркое, жаркое осеннее солнце. Полагая, что Турин уже далеко от этих мест и все следы его бегства смыло дождем, орки в спешке покинули лагерь, не обыскав окрестности; и Гвиндор видел, как уходят они прочь по влажным курящимся пескам Анфауглита. Вот так вышло, что возвратились орки к Морготу с пустыми руками, оставляя позади сына Хурина, а он так и не сдвинулся с места; обезумев от горя, не сознавая, где он и что с ним, сидел он на склоне Таур-ну-Фуин, и бремя его было тяжелее орочьих оков.

Тогда Гвиндор заставил Турина помочь ему похоронить Белега, и тот поднялся, двигаясь, словно во сне: вместе опустили они тело убитого в неглубокую могилу, а рядом положили Бельтрондинг, его могучий лук из черного тисового дерева. Но грозный меч Англахель Гвиндор забрал, говоря, что лучше пусть отомстит клинок прислужникам Моргота, нежели без дела ржавеет в земле; забрал он и *лембас* Мелиан, дабы поддержать силы в глуши.

Так погиб Белег Могучий Лук, самый верный из друзей, искуснейший из следопытов, что находили приют в лесах Белерианда в Древние Дни – погиб от руки того, кого любил превыше прочих; и скорбь оставила неизгладимый отпечаток на лице Турина, и вовеки не утихло его горе. А к эльфу из Нарготронда вернулись отвага и силы; и, покинув Таур-ну-Фуин, он повел Турина далеко прочь. Ни разу не заговорил Турин за все время долгого, нелегкого пути; отрешенно брел он вперед, словно во сне, не зная, куда, и не желая знать; а год между тем близился к концу и в северном краю настала зима. Но Гвиндор неизменно был рядом с Турином, оберегая и направляя его; так прошли они на запад через Сирион и добрались наконец до Эйтель Иврин, родников под сенью Тенистых гор, где брал начало Нарог. Там Гвиндор обратился к Турина, говоря: «Очнись, Турин, сын Хурина Талиона! Над озером Иврина не умолкает смех. Неиссякаемые ключи питают кристальную заводь; Ульмо, Владыка Вод, создавший красоту озера в древние дни, хранит его от осквернения». И Турин опустил на колени, и отпил озерной воды; и внезапно бросился он наземь, и слезы наконец хлынули из глаз его, и исцелился он от своего безумия.

Там сложил Турин песнь о Белеге и назвал ее «Лаэр Ку Белег», «Песнь о Могучем Луке», и запел ее во весь голос, не задумываясь об опасности. Гвиндор же вложил ему в руки меч Англахель: и понял Турин, что меч тяжел и мощен, и заключена в нем великая сила; но

потускнело черное лезвие, и края его затупились. И молвил Гвиндор: «Странный это клинок; непохож ни на один из тех, что видел я в Средиземье. Он скорбит по Белегу так же, как и ты. Но утешься: я возвращаюсь в Нарготронд, где правит Дом Финарфина, и ты пойдешь со мной – там обретишь ты исцеление и возродишься к жизни».

«Кто ты?» – спросил Турин.

«Эльф-скиталец, беглый раб, получивший от Белега помощь и утешение, – отвечал Гвиндор. – Однако некогда, до того, как отправился я на битву Нирнаэт Арноэдиад и стал рабом в Ангбанде, называли меня Гвиндор сын Гуилина, и числился я среди нарготрондской знати.

– Тогда ты, верно, видел Хурина сына Галдора, воина Дор-ломина? – молвил Турин.

– Видеть не видел, – отвечал Гвиндор. – Но слухами о нем полнится Ангбанд: говорят, будто до сих пор не покорился он Морготу, и Моргот наложил проклятие на него и на весь его род.

– Верю, – произнес Турин.

И поднялись они, и, покинув Эйтель Иврин, направились на юг вдоль берегов Нарога; там захватили их эльфы-дозорные и привели как пленников в потаенную крепость. Так Турин пришел в Нарготронд.

Поначалу Гвиндора не признал собственный народ его – уехал он молодым и исполненным сил, теперь же, вернувшись, мог сойти за смертного, изнеможенного под бременем лет: так изменили несчастного пытки и непосильный труд. Но Финдуилас, дочь короля Ородрета, тотчас узнала его и радостно приветила: ибо любила его встарь, до Нирнаэт, Гвиндор же, преклоняясь пред красотой Финдуилас, нарек ее Фаэливрин, что означает «солнечный блик на заводах Иврина». Ради Гвиндора Турин был допущен в Нарготронд; там и поселился он, окруженный почетом. Но когда Гвиндор собирался уже назвать его имя, Турин знаком велел ему умолкнуть и ответил сам:

– Я – Агарваэн, сын Умарта (что значит Запятнанный кровью, сын Злосчастного), лесной охотник, – и эльфы Нарготронда не расспрашивали его более.

Очень скоро Турин завоевал расположение Ородрета, и сердца жителей Нарготронда обратились к нему. Ибо Турин был юн; лишь теперь вполне возмужал он, и с виду воистину походил на мать свою, Морвен Эледвен: темноволосый, светлокожий и сероглазый, красотой превосходил он всех смертных мужей Древних Дней. Держался и изыскался он так, как в обычае в древнем королевстве Дориат; даже среди эльфов его легко можно было принять за потомка одного из знатнейших нолдорских домов; потому многие называли его Аданэдель, Эльф-человек. Искусные кузнецы Нарготронда перековали для него заново меч Англахель, и черное лезвие клинка замерцало по краям бледным огнем; и Турин дал ему имя Гуртанг, Железо Смерти. Столь великое воинское искусство и доблесть явил он в сражениях на границах Хранимой Равнины, что самого его стали называть Мормегилем, Черным Мечом; и говорили эльфы: «Убить Мормегиля невозможно – смерть грозит ему разве что по роковой случайности либо от пущенной издалека стрелы». Потому Турину подарили надежную кольчугу гномьей работы; и, будучи в мрачном расположении духа, отыскал он в оружейных позолоченную гномью маску, и надевал ее в битву, и враги бежали пред ним.

Тогда сердце Финдуилас отвратилось от Гвиндора, и против воли полюбила она Турина; Турин же ничего не замечал. Загрустила Финдуилас, ибо душа ее разрывалась надвое; стала она молчалива и бледна. Гвиндора же одолевали мрачные мысли, и как-то раз обратился он к Финдуилас, говоря: «Дочь дома Финарфина, пусть не будет меж нами обиды, ибо, хотя Моргот разбил мою жизнь, по-прежнему люблю я тебя. Иди туда, куда влечет тебя любовь, но берегись! Не должно тому быть, чтобы Старшие Дети Илуватара сочетались браком с Младшими; и неразумно это – ибо краткий отмерен им срок, очень скоро уходят они,

нашему же вдовству длиться до тех пор, пока стоит мир. Да и судьба того не допустит: только однажды или дважды случается такое, по воле рока и во имя некоей высшей цели, постичь которую нам не дано. Но этот человек – не Берен. Воистину тяготеет над ним рок, – лишь слепой не разглядит того; но рок этот – злой. Не подпади под его власть! Иначе любовь твоя навлечет на тебя горе и гибель. Выслушай меня! Воистину он – «агарваэн», сын «умарта», ибо настоящее его имя – Турин, сын Хурина – того самого, что Моргот держит узником в Ангбанде; того, на чей род Враг наложил проклятие. Не сомневайся в могуществе Моргота Бауглира! Разве я – не зримое тому подтверждение?»

Надолго замолчала Финдуилас, погрузившись в мысли, но под конец вымолвила только: «Турин, сын Хурина, не любит меня и никогда не полюбит».

Когда же Турин узнал от Финдуилас о том, что произошло, он пришел в ярость и сказал Гвиндору так: «Дорог ты мне, ибо спас мне жизнь и уберег от зла. Но теперь худо поступил ты со мною, друг, выдав мое настоящее имя и призвав на меня судьбу мою, от которой тщусь я укрыться».

Но ответил Гвиндор: «Судьба заключена не в твоём имени, но в тебе самом».

Когда же Ородрету стало известно, что Мормегиль на самом деле сын Хурина Талиона, король оказал ему великие почести, и Турин обрел в Нарготронде немалую власть. Но не по душе ему пришелся тамошний способ ведения войны: засады, и уловки, и стрела в спину; Турин жаждал сражаться в открытом бою, храбро и доблестно, и советы его оказывали все большее влияние на короля. В те дни эльфы Нарготронда отказались от скрытности и выходили на битву, не прячась и не таясь более; откованы были огромные запасы оружия, и, по совету Турина, нолдор перекинули через Нарог надежный мост, от самых Врат Фелагунда, чтобы ускорить передвижение войск. В ту пору все земли, лежащие к востоку в междуречье Нарога и Сириона, и к западу до реки Неннинг и разоренного Фаласа, были очищены от прислужников Ангбанда, и хотя Гвиндор неизменно возражал Турина на королевских советах, предостерегая, что к добру подобный образ действий не приведет, он впал в немилость, и никто не прислушался к нему, ибо силы Гвиндора были уже не те, и утратил он былую воинскую доблесть. Так Нарготронд явил себя злобе и ненависти Моргота; но по-прежнему по просьбе Турина настоящее его имя не произносили вслух, и хотя молва о его подвигах дошла до Дориата и до самого Тингола, слухи говорили лишь о Черном Мече Нарготронда.

Во время этой передышки, когда вновь возродилась надежда, и деяниями Мормегиля мощь Моргота обуздана была к западу от Сириона, Морвен наконец бежала из Дор-ломина вместе с дочерью Ниэнор и отважилась на долгий путь к чертогам Тингола. Там ожидало ее новое горе, ибо не нашла она Турина: ничего не слышали о нем в Дориате с тех пор, как Драконий Шлем исчез из земель к западу от Сириона; но Морвен и Ниэнор зажили в Дориате как гости Тингола и Мелиан, в чести и холе.

И вот, когда после восхода Луны миновало четыреста девяносто пять лет, по весне явились в Нарготронд два эльфа по имени Гельмир и Арминас: подданные Ангрода, со времен Дагор Браголлах они жили на юге во владениях Кирдана Корабела. Долгий путь проделали они, и принесли вести о том, что под сенью Эред Ветрин и в ущелье Сириона собираются огромные силы орков и злобных тварей; поведали и о том, как Ульмо явился Кирдану, предостерегая о великой опасности, нависшей над Нарготрондом.

«Внемли словам Владыки Вод! – молвили эльфы королю. – Вот что рек он Кирдану Корабелу: «Северное Зло осквернило истоки Сириона, и более не властен я над перстами текучих вод. Но худшее еще впереди. Вот что скажите правителю Нарготронда: пусть замкнет двери своей крепости и не покидает ее стен. Пусть обрушит камни гордыни своей в бурлящую реку, дабы ползучее зло не отыскиало врат».

Встревожили Ородрета темные речи посланцев, но Турин наотрез отказался прислушаться к их советам; менее же всего соглашался обрушить огромный мост: ибо сделался он горд и непреклонен, и стремился всем распоряжаться по желанию своему.

Вскоре погиб Хандир, правитель Бретиля: орки вторглись в его земли, и Хандир дал им бой, но люди Бретиля потерпели поражение, и враги оттеснили их обратно в леса. А осенью того же года, выждав своего часа, Моргот бросил на народ Нарога огромное, давно подготавливаемое им воинство; сам урулки Глаурунг пересек Анфауглит, и явился к северным долинам Сириона, и учинил там великий разор. Под сенью Эред Ветрин осквернил он Эйтель Иврин, а оттуда торгся в королевство Нарготронд и выжег Талат Дирнен, Хранимую Равнину в междуречье Нарога и Тейглина.

Тогда выступило в поход воинство Нарготронда: Турин, видом высок и грозен, ехал в тот день по правую руку от Ородрета, и, глядя на него, эльфы воспряли духом. Однако армия Моргота оказалась куда более многочисленной, нежели сообщали доселе разведчики; и один только Турин, защищенный гномьей маской, смог выстоять при приближении Глаурунга; орки смяли ряды эльфов и оттеснили их на поле Тумхалад, что между Нарогом и Гинглитом: там эльдар были окружены. В тот день сгнули безвозвратно и гордость, и воинство Нарготронда; сражаясь в первых рядах, пал Ородрет, а Гвиндор, сын Гуилина, был смертельно ранен. Турин поспешил к нему на выручку, и все бежали с его пути; и вынес он Гвиндора из битвы, и, оказавшись под защитой леса, уложил его на траву.

И молвил Турину Гвиндор: «Спасением платишь ты за спасение! На горе спас я тебя, а ты меня – напрасно, ибо нет исцеления моим увечьям и должно мне покинуть Средиземье. И хотя люблю я тебя, сын Хурина, сожалею я о том дне, когда вырвал тебя из орочьих лап. Если бы не твои доблесть и гордыня, не утратил бы я разом жизнь и любовь и до поры выстоял бы Нарготронд. Теперь же, если ты любишь меня – оставь меня! Поспешి в Нарготронд и спаси Финдуилас. Последние слова мои к тебе таковы: она одна стоит теперь между тобою и роком. Если помедлишь ты и предашь ее – не замедлит настичь тебя рок. Прощай!»

И Турин бросился назад, в Нарготронд, по пути созывая к себе разбежавшихся воинов; а в воздухе кружились листья, подхваченные порывом ветра, там, где шли они, ибо близилась к концу осень и надвигалась стылая зима. Но орочья рать и дракон Глаурунг оказались в городе раньше них: враги явились как из-под земли прежде, чем часовые узнали о том, что произошло на поле Тумхалад. В тот день мост через Нарог сослужил дурную службу: крепок он был и надежен, и невозможно оказалось разрушить его в одночасье. Враги без труда перебрались через глубокую реку; Глаурунг обрушился на Врата Фелагунда огненным смерчем, и сокрушил их, и вступил в город.

Когда же подоспел Турин, страшное разграбление Нарготронда уже почти завершилось. Орки перебили или обратили в бегство всех, способных держать в руках оружие и теперь обшаривали покои и обширные залы, растаскивая и уничтожая все, что встречалось им на пути; а тех жен и дев, что не погибли от меча и пламени, орки согнали на террасы перед входом в город, чтобы увести их в рабство к Морготу. Гибель и горе застал Турин; и никто не мог противостоять его натиску, да никто и не отважился; ибо он сметал с пути всех и вся; так прошел он через мост и прорубил себе дорогу к пленным.

Так Турин оказался в одиночестве: те немногие, что последовали за ним, в страхе бежали. В этот самый миг из зияющих врат выполз Глаурунг и улегся позади, между Турин и мостом. И вдруг заговорил он, ибо злобный дух заключен был в драконьем теле, и молвил так: «Привет тебе, сын Хурина. Вот и повстречались мы!»

Турин стремительно развернулся и шагнул к чудовищу, и лезвие Гуртанга по краям словно бы вспыхнуло пламенем; Глаурунг же умерил палящее дыхание и широко раскрыл свои змеиные глаза, и вперил взор свой в Турина. Не дрогнув, Турин встретился с ним взглядом, поднимая меч; и в тот же миг сковали его неодолимые чары бессонного драконьего ока; и застыл он на месте. Долго стоял он неподвижно, точно каменное изваяние; так один на один свела их судьба пред вратами Нарготронда, и оба безмолвствовали. Но вот Глаурунг заговорил вновь, насмехаясь над Турин, и рек он:

— Зло сеешь ты повсюду на пути своем, сын Хурина. Неблагодарный приемыш, разбойник с большой дороги, убийца друга, разлучник любящих сердец, узурпатор власти в Нарготронде, безрассудный войсководитель, предатель родни своей. Мать и сестра твои прозябают в рабстве в Дор-ломине, лишения и нищета — их удел. Ты разряжен, как принц, они же ходят в лохмотьях; по тебе тоскуют они, но тебе до них нет дела. То-то отрадн будет отцу твоему узнать, каков его сын; а узнает он о том всенепременно.

И Турин, будучи во власти чар Глаурунга, поверил драконьим речам, и увидел себя со стороны точно отраженным в кривом зеркале злобы – и преисполнился отвращения.

А пока стоял Турин, прикованный к месту драконьим взглядом, не в силах пошевелиться, изнемогая от душевных мук, орки погнали прочь захваченных невольниц, и прошли они совсем рядом с Турином и пересекли мост. Была среди них и Финдуилас, и взывала она к Турину, как уводили ее; но не раньше, чем крики девушки и стенания пленниц стихли в

отдалении на северной дороге, Глаурунг освободил Турина; и с тех пор голос тот неумолчно звучал в его ушах.

И вот, наконец Глаурунг резко отвел взгляд и выждал; и Турин медленно пошевелился, точно пробуждаясь от страшного сна. Придя же в себя, он с криком ринулся на дракона. Но рассмеялся Глаурунг, говоря:

– Если ты ищешь смерти, охотно убью я тебя. Да только едва ли поможет это Морвен и Низнор. Ты не внял плачу эльфийской девы. Так и от уз крови готов ты отречься?

Турин же, размахнувшись, ударил мечом, метя дракону по глазам; но Глаурунг, стремительно прыгнув назад, навис над ним и молвил:

– Нет! По крайней мере отваги тебе не занимать; не встречал я доселе таких храбрецов. Лгут те, кто утверждает, будто не чтим мы доблесть недругов. Что ж! – предлагаю тебе свободу. Возвращайся к родне своей, если сможешь. Ступай же! А если уцелеет какой человек или эльф, чтобы было кому сложить сказание об этих днях, уж верно, презрением заклеят тебя, если отвергнешь ты мой дар.

И Турин, все еще одурманенный драконьим взглядом, поверил словам Глаурунга, как будто имел дело с врагом, которому ведома жалость, – и, развернувшись, бросился бегом через мост. А вслед ему звучал холодный голос:

– Поторопись же в Дор-ломин, сын Хурина! А не то, чего доброго, орки опять опередят тебя. Если замешкаешься ты ради Финдуилас, не видать тебе более Морвен; никогда не увидишь тебе Низнор, сестру твою; и станут они проклинать тебя.

И ушел Турин прочь по северной дороге, и снова рассмеялся Глаурунг, ибо исполнил он поручение своего Господина. Теперь дракон задумал поразвлечься сам, и изрыгнул огонь, и спалил все вокруг. Орков-мародеров он разогнал и выдворил из крепости, отняв у них все награбленное добро вплоть до последней безделицы. Затем разрушил он мост и сбросил обломки в пенный Нарог; и, почитая себя в полной безопасности, сгреб в одну кучу все сокровища и богатства Фелагунда в самом глубинном чертоге и улегся сверху, вознамерившись немного отдохнуть.

А Турин спешил на Север; он пересек разоренные ныне земли в междуречье Нарога и Тейглина, и Лютая Зима застала его в дороге; ибо в тот год снег выпал уже осенью, а весна запоздала и не принесла с собою тепла. Турин шел вперед и вперед, и все казалось ему, будто слышит он голос Финдуилас, будто выкликают она его имя через леса и холмы; и велика была его скорбь. Но бередили ему сердце лживые речи Глаурунга, и неизменно видел он мысленным взором, как орки жгут дом Хурина либо влекут на муки Морвен и Ниэнор; и Турин так и не свернул с пути.

Наконец, измученный спешкой и долгой дорогой (сорок лиг и более прошел он, не отдыхая), с первым льдом Турин добрался до заводей Иврина, где некогда обрел исцеление. Но теперь на их месте было только замерзшее болото, и не мог он более испытать там воды.

И вот, с трудом пробившись сквозь студеные метели севера, Турин прошел перевалами Дор-ломина и вновь увидел край своего детства. Унылой и опустошенной предстала та земля его взору, и не нашел он Морвен. В доме ее, разоренном и пустом, гулял ветер, а вокруг не было ни души. И ушел Турин, и явился в дом восточанина Бродды – того, что взял в жены Аэрин, родственницу Хурина; и там узнал он от старого слуги, что Морвен давно покинула эти места и бежала из Дор-ломина вместе с Ниэнор, а куда – не знал никто, кроме Аэрин.

Тогда Турин приблизился к столу Бродды и, схватив восточанина одной рукою, другой извлек из ножен меч и потребовал ответа на вопрос, куда бежала Морвен; и Аэрин поведала Турину, что Морвен отправилась в Дориат искать своего сына. «Ибо Черный Меч с юга, ныне погибший, как говорят, очистил от зла окрестные земли», – сказала она. Тогда прозрел Турин, и пали наконец последние путы чар Глаурунга; горе, и гнев при мысли о том, как жестоко он был обманут, и ненависть к притеснителям Морвен вскипели в его сердце черной яростью, и Турин зарубил Бродду в его же пиршественном зале, а с ним и прочих восточан, его гостей. И выбежал Турин из дома, а на дворе бушевала пурга; и погоня не заставила себя ждать. Но Турину помогли немногие уцелевшие из народа Хадора, знавшие пути и тропы в глуши; с ними бежал он сквозь метель и добрался до убежища изгоев в южных нагорьях Дор-ломина. Не задержавшись там, Турин покинул край своего детства и возвратился в долину Сириона. Тяжело было у него на душе, ибо только новые горести навлек он в Дор-ломине на остатки народа своего, и, верно, порадовались там его уходу. Одно утешение оставалось ему: благодаря доблести Черного Меча дороги к Дориату открылись для Морвен. И сказал себе Турин: «Выходит, не для всех обернулись злом мои деяния. Где лучше сумел бы я устроить родню мою, даже если бы пришел раньше? Ибо если падет Пояс Мелиан, тогда настанет конец последней надежде. Нет, пусть лучше все остается так, как сложилось: ибо куда бы ни направил я путь, тьму несусь я с собой. Да убережет их Мелиан! Я же не стану до поры омрачать жизнь тех, что дороги мне».

И Турин, спустившись с Эред Ветрин, отправился на поиски Финдуилас; но напрасно обшаривал он леса у подножия гор, чутко прислушиваясь к малейшему звуку, словно дикий зверь; напрасно устраивал засады на всех дорогах, ведущих на север к ущелью Сириона. Турин опоздал: слишком давно прошли орки, и все следы замела зима. Но случилось так, что однажды, идя к югу вниз по течению Тейглина, Турин набрел на небольшой отряд людей Бретиля, окруженный орками, и вызволил халадин, ибо орки в страхе бежали при виде Гуртанга. Турин назвался Лесным Дикарем, и спасенные принялись упрашивать его остаться с ними; но отвечал Турин, что не исполнил он еще того, что должно: надлежит ему отыскать Финдуилас, дочь Ородрета из Нарготронда. Тогда Дорлас, предводитель лесных жителей, поведал ему скорбную повесть о гибели девушки. Ибо люди Бретиля подстерегли у Переправы Тейглина орочье войнство, надеясь отбить несчастных, угнанных из Нарготронда, но орки немедленно предали пленников жестокой смерти; Финдуилас же они пригвоздили к дереву копьём. И умерла она, и последние ее слова были: «Скажите Мормегилю, что Фин-

дуилас здесь». Потому халадин похоронили ее близ того места, и назвали могильный курган Хауд-эн-Эллет, Холм Эльфийской Девы.

Турин повелел халадин отвести его к холму, а, оказавшись там, бросился на землю, погрузившись во мрак отчаяния на грани смерти. Но Дорлас, по черному мечу, слава о котором дошла даже до чащ Бретиля, и по тому еще, что незнакомец разыскивал дочь короля, понял, что назвавшийся Лесным Дикарем на самом деле – Мормегиль из Нарготронда, и, если верить слухам, сын Хурина из Дор-ломина. Тогда лесные жители подняли бесчувственного Турина и отнесли его в свое поселение. Дома их построены были за частоколом на возвышенности среди леса: Эффель Брандир на Амон Обель; ибо из-за войны народ тот умалился числом. Ныне правил ими Брандир, сын Хандира, человек мягкого нрава и хромой с детства; надеясь защитить народ свой от северных полчищ, он полагался скорее на скрытный образ жизни, нежели на воинскую доблесть. Потому встревожили его доставленные Дорласом вести, а при взгляде на лицо Турина, недвижно лежащего на носилках, сердцем Брандира овладело тяжелое предчувствие. Однако, тронутый бедственным положением несчастного, он принял Турина в свой дом и стал его выхаживать, ибо был весьма сведущ в искусстве врачевания. С приходом весны Турин стряхнул с себя оковы тьмы, и исцелился он; и поднялся, и решил остаться под защитой Бретиля, надеясь, что здесь избавится наконец от преследующей его тени и отречется от прошлого. Потому он взял себе новое имя, Турамбар, что на Высоком эльфийском наречии означает Победитель Судьбы, и просил лесных жителей позабыть о том, что он – чужой среди них, и что когда-то звался иначе. Однако Турин не желал вовсе отказаться от военных походов, ибо не мог допустить, чтобы орки явились к Переправе Тейглина или приблизились к Хауд-эн-Эллет; отныне здесь поджидала их смерть, и враги обходили это место далеко стороной. Однако черный свой меч Турин отложил до поры: ныне ходил он в бой, вооруженный копьем и луком.

И вот дошли до Дориата новые известия о Нарготронде: ибо те, кому удалось спастись от гибели при разграблении города и пережить в глуши Лютую Зиму, явились наконец к Тинголу просить прибежища, и приграничная стража привела их к королю. И одни уверяли, будто все враги возвратились на север, а другие – будто Глаурунг и поныне обитает в чертогах Фелагунда; одни говорили, что Мормегиль убит, а другие – что дракон заколдовал его, и пребывает Мормегиль в Нарготронде и по сей день, словно обращенный в камень. И все твердили в один голос, будто еще до гибели города многие в Нарготронде знали о том, что Мормегиль – не кто иной, как Турин, сын Хурина Дор-ломинского.

Тогда Морвен обезумела от горя и, не вняв совету Мелиан, одна выехала на поиски своего сына – или хотя бы достоверных известий о нем. Тингол же послал за нею вслед отряд доблестных воинов из числа приграничной стражи во главе с Маблунгом, чтобы те отыскиали Морвен и оберегали ее в пути, и разузнали что сумеют; однако Ниэнор приказано было остаться в Дориате. Но девушка унаследовала бесстрашие своих предков; и в недобрый час, надеясь, что Морвен возвратится, когда увидит, что и дочь стремится разделить с нею опасности, Ниэнор оделась как один из воинов Тингола и выехала вместе со злополучным отрядом.

Эльфы нашли Морвен у берегов Сириона, и Маблунг принялся уговаривать ее возвратиться в Менегрот; но Морвен была словно одержимая, и ничего не желала слушать. Тогда же обнаружила себя Ниэнор; но, невзирая на повеление матери, девушка отказалась вернуться; и Маблунг волей-неволей привел обеих женщин к тайной переправе у Озера Сумерек, и маленький отряд перебрался на другой берег Сириона. Спустя три дня они подъехали к Амон Этир, Холму Соглядатаев, что в незапамятные времена воздвигнут был с великим трудом по повелению Фелагунда в лиге от врат Нарготронда. Здесь Маблунг приставил к Морвен и ее дочери эскорт из конных всадников и запретил им продолжать путь. Сам же,

оглядев с холма окрестные земли и убедившись, что врагов поблизости нет, со всей возможной осторожностью спустился с отрядом разведчиков к Нарогу.

Однако Глаурунг не спускал с них глаз: раскалившись от ярости, дракон выполз наружу и улегся в реку; и за клубились зловонные испарения и гнусный смрад. Ослепшие, растерянные, Маблунг и его отряд метались в густом тумане. А Глаурунг, перебравшись через Нарог, пополз на восток.

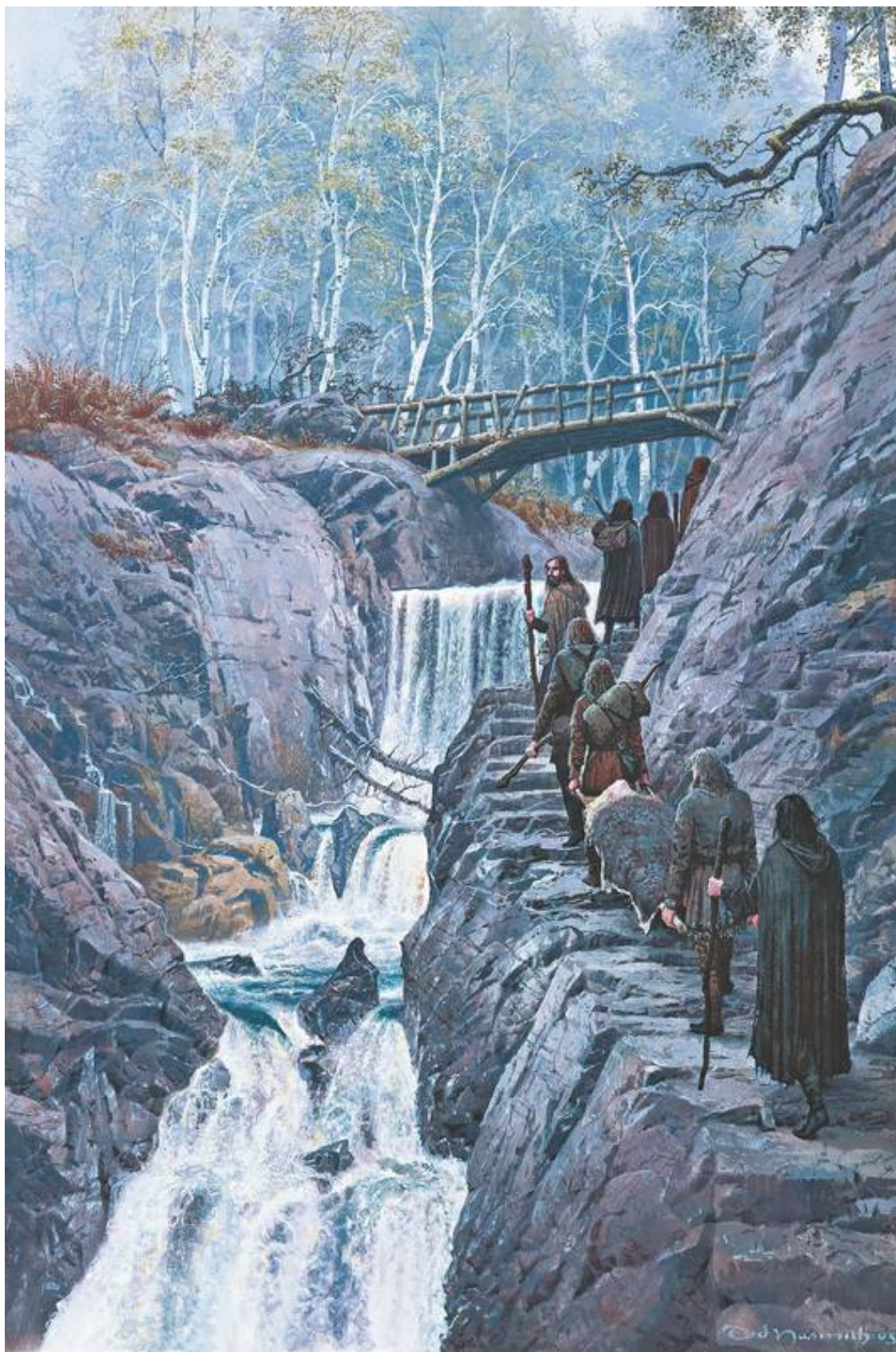
Заметив приближение дракона, стражи на Амон Этир попытались увести Морвен и Ниэнор подальше от этого места: вместе с ними стремительно поскакали они к востоку, но подул ветер и белесый туман окутал всадников непроглядной пеленой. Кони обезумели от драконьего смрада и понесли: мчались они, не разбирая дороги – одни наталкивались на деревья, и седоки разбивались насмерть, другие же ускакали далеко прочь. Так женщины затерялись в глуши; и о Морвен ничего более не слышали в Дориате. Ниэнор конь сбросил с седла, однако девушка не пострадала; поднявшись, она направилась назад к Амон Этир, чтобы дожидаться там Маблунга, и, оказавшись выше границы зловонного тумана, вышла на солнечный свет; и, поглядев на запад, встретила взглядом с Глаурунгом, ибо голова чудовища покоилась на вершине холма.

Недолго противостояла дракону ее воля; Глаурунг призвал на помощь свою магическую силу, и, узнав, кто перед ним, принудил девушку смотреть не отрываясь в его глаза, и наложил на нее чары непроглядной тьмы и забвения, чтобы прошлое вовсе изгладилось из ее памяти, чтобы не смогла она вспомнить ни своего имени, ни названий для всего сущего; и на протяжении многих дней не в состоянии она была ни видеть, ни слышать, ни двигаться по своей воле. И Глаурунг оставил ее одну на вершине Амон Этир и возвратился в Нарготронд.

И вот Маблунг, что бесстрашно разведал чертоги Фелагунда в отсутствие Глаурунга, при приближении дракона поспешил покинуть их и возвратился на Амон Этир. Солнце уже село, и настала ночь, когда поднялся он на вершину холма и не нашел там никого, кроме Ниэнор: одинокая, неподвижная фигура стояла под звездами, точно каменное изваяние. Ни слова не произнесла она, и не слышала слов, обращенных к ней, но когда Маблунг взял ее за руку, последовала за ним. С тяжелым сердцем Маблунг увел девушку с холма, хотя и не надеялся уже спасти ее; обоих, казалось, ожидала неминуемая гибель, ибо в глуши неоткуда было ждать помощи.

Но вскоре отыскиали их трое спутников Маблунга; медленно продвигался маленький отряд на северо-восток, к огражденным пределам Дориата за Сирионом и к охраняемому мосту близ места впадения Эсгалдуина. По мере того, как приближались они к Дориату, к Ниэнор медленно возвращались силы, однако по-прежнему ничего не слышала она и не видела, и слепо следовала за тем, кто вел ее за руку. Когда же подошли они к самым границам, девушка наконец смежила веки (а до того глаза ее оставались широко открыты) и уснула; и воины бережно уложили ее на траву и сами прилегли отдохнуть, даже не выставив стражи, ибо падали с ног от усталости. Тогда-то и напала на них банда орков – такие нередко ныне рыскали у границ Дориата, подбираясь все ближе. В этот миг к Ниэнор вернулись зрение и слух, и, разбуженная воплями орков, она в ужасе вскочила на ноги и бросилась бежать, спасаясь от страшного врага.

Орки тотчас устремились в погоню, а эльфы – за ними; они настигли орков и перебили их прежде, чем те чем-либо повредили Ниэнор; но вернуть беглянку эльфам не удалось. Ибо мчалась она быстрее лани, обезумев от страха, на бегу срывая с себя одежды, пока не осталась нагой; и скрылась она из виду, устремляя свой путь на север. Долго искали ее спутники, но так и не нашли ни самой Ниэнор, ни следов ее. Наконец Маблунг, отчаявшись, возвратился в Дориат и поведал обо всем, что случилось. Скорбь охватила Тингола и Мелиан, а Маблунг вновь отправился в путь и долго искал известий о Морвен и Ниэнор, но напрасно.

А Ниэнор спешила сквозь лесную чащу, пока не изнемогла от усталости; тогда рухнула она в траву и заснула; а когда очнулась ото сна, над землей сияло солнечное утро. Обрадовалась она свету, словно впервые увидела его; и все прочее, что открывалось ее взору, казалось

девушке дивным и странным, ибо не умела она назвать то, что видела вокруг. Ничего не помнила она, кроме тьмы, что осталась позади, и тени страха; потому пробиралась она сквозь лес с оглядкой, настороженно, точно преследуемый зверь. Вскоре стал ее мучить голод, ибо не было при ней пищи, и не знала она, как добыть еду. Добравшись наконец до Переправы Тейглина, она переправилась на другой берег, надеясь укрыться под сенью могучих деревьев Бретиля, ибо терзал ее страх, и померещилось ей, будто вновь настигает ее тьма, от которой бежала она.

Но то налетела с юга гроза с дождем и громом, и в ужасе бросилась Низнор на землю холма Хауд-эн-Эллет, затыкая уши, чтобы не слышать громовых раскатов; струи дождя хлестали ее что есть сил, промочив насквозь, а она лежала неподвижно, точно умирающий зверь. Там и нашел ее Турамбар: он явился с отрядом к Переправе Тейглина, ибо дошли до него слухи об орках, что рыскали неподалеку. При вспышке молнии заметил Турин тело убитой, как показалось ему, девушки, неподвижно лежащей на холме Финдуилас; и сжалось у него сердце. Но лесные жители бережно подняли ее, а Турамбар набросил на нее свой плащ; и отнесли ее в охотничий домик, стоящий неподалеку, и отогрели ее, и дали поесть. И едва взглянула она на Турамбара, она успокоилась, ибо показалось Низнор, будто нашла она наконец то, что так долго искала во тьме; и более не отпускала она его от себя. Но когда Турин спросил незнакомку об имени и родне ее, и о том, что за беда приключилась с ней, она забеспокоилась, словно дитя, которое видит: что-то от него требуют, но никак не может понять – чего; и залилась слезами. Потому Турамбар сказал:

– Не тревожься. С рассказом можно и повременить. Но я хочу дать тебе имя – и назову я тебя Ниниэль, Слезная дева.

И, услышав это имя, девушка покачала головой, но повторила: «Ниниэль». То было первое слово, что произнесла она, отрешившись от тьмы; это имя и осталось за нею впредь среди лесных жителей.

На следующее утро ее повезли к Эффель Брандир; но едва маленький отряд приблизился к Димросту, Лестнице Дождя, где бурная река Келеброс низвергалась в Тейглин, девушку охватила неумная дрожь; потому после место это называли не иначе как Нен Гирит, Воды Дрожи. Еще до того, как Ниниэль оказалась в доме лесных жителей на Амон Обель, у нее открылся жар; долго хворала она, а женщины Бретиля ухаживали за нею и учили ее языку, словно малое дитя. Но еще до наступления осени искусство Брандира исцелило ее от недуга и заговорила она. Но ничего не помнила она о своей жизни до того часа, как нашел ее Турамбар на холме Хауд-эн-Эллет. И Брандир полюбил ее; но сердце девушки отдано было Турамбару.

В ту пору орки оставили в покое лесных жителей; в Бретице воцарился мир, и Турамбар не ходил более на войну. Сердце его обратилось к Ниниэли, и он просил ее руки, но в тот раз она не дала ему ответа, несмотря на то, что любила его. Ибо неясное предчувствие овладело Брандиром, и он попытался удержать девушку, более ради нее самой, нежели ради себя или из ревности к Турамбару; и открыл ей Брандир, что Турамбар – не кто иной, как Турин, сын Хурина. И хотя имя показалось Ниниэли незнакомым, тень пала на ее сердце.

Когда же со времени разграбления Нарготронда минуло три года, Турамбар вновь просил руки Ниниэли и поклялся, что или она станет его женой, или он вновь отправится сражаться в лесную глушь. Ниниэль с радостью ответила согласием, и сыграли они свадьбу в середине лета, и лесной народ Бретиля устроил пышный пир. Но еще до конца года Глаурунг выслав против Бретиля подвластных ему орков. В тот раз Турамбар остался дома и на войну не пошел, ибо прежде пообещал Ниниэли, что отправится в битву не ранее, чем нападению подвергнутся дома их. Но лесные жители потерпели поражение, и Дорлас, вернувшись, принялся попрекать Турина, что не спешит тот помочь народу, который давно уже считает своим. Тогда воспрял Турамбар, и снова извлек из ножен черный меч, и собрал боль-

шой отряд воинов Бретиля; и они наголову разбили орков. Так Глаурунг проведал о том, что Черный Меч находится ныне в Бретице, и стал обдумывать услышанное, замышляя новые козни.

Весною следующего года Ниниэль понесла и сделалась бледна и печальна; в ту же пору в Эффель Брандир разнеслись первые слухи о том, что Глаурунг покинул Нарготронд. Тогда Турамбар выслал вперед разведчиков: теперь в Бретице всем распоряжался он, и мало кто прислушивался к Брандиру. Ближе к лету Глаурунг явился к самым границам Бретиля и залег на западном берегу Тейглина, и халадин охватил великий страх: теперь стало ясно, что Великий Змей задумал напасть на лесных жителей и разорить их земли, а не просто проходит стороной, возвращаясь в Ангбанд, как многие надеялись. Потому люди Бретиля обратились за советом к Турамбару, и тот убедил их, что у халадин неостанет сил победить Глаурунга в открытом бою: только хитростью и при удаче сумеют они одолеть дракона. Потому объявил Турин, что сам отправится биться с чудовищем к границам земли, а остальным повелел оставаться в Эффель Брандир, но готовиться к бегству. Ибо если Глаурунг одержит победу, он первым делом явится крушить дома лесных жителей; и не выстоять им перед натиском дракона; но если разбегутся они в разные стороны, многим удастся спастись, ибо Глаурунг не поселится в Бретице, но очень скоро вернется в Нарготронд.

И спросил Турамбар, не найдутся ли такие, что готовы разделить с ним опасность; и вперед вышел один только Дорлас и никто более. И принялся Дорлас попрекать народ свой, и с презрением отозвался о Брандире, которому не по плечу оказалась роль наследника дома Халет: так опозорен был Брандир перед своими подданными и горько сделалось у него на сердце. Тогда Хунтор, родич Брандира, просил у правителя дозволения пойти вместо него. Турамбар распрощался с Ниниэлью; страх и мрачное предчувствие охватили ее и скорбен был для обоих час расставания. И вот Турамбар и два его спутника выступили в поход, держа путь к Нен Гирит.

Тогда Ниниэль, истерзанная страхом, не в состоянии ожидать в Эффель известий о судьбе Турамбара, отправилась вслед за ним, и целый отряд вызвался сопровождать ее. Брандир, сердце которого сжималось от ужаса, попытался отговорить ее и тех, что готовы были последовать за нею, от столь безрассудного поступка, но никто ему не внял. Потому он отрекся от власти и от любви к тем, кто презрел его; ничего более не привязывало его к жизни, кроме любви к Ниниэли, и Брандир перепоясался мечом и поспешил вслед за нею, но, будучи хром, далеко отстал. На закате Турамбар приблизился к Нен Гирит и узнал там, что Глаурунг расположился на краю ущелья, на дне которого струится Тейглин, и, когда наступит ночь, верно, сдвинется с места. Турин счел это добрым знаком, ибо дракон залег у Кабед-эн-Арас: в этом месте расщелина была глубокой и узкой, так что преследуемый охотниками олень сумел бы перескочить на другую сторону. Турамбар решил, что лучшего места и желать нельзя, и задумал перебраться через расщелину. Он намеревался в сумерках прокрасться поближе, под покровом ночи спуститься на самое дно ущелья и переправиться через бурный поток, а потом вскарабкаться вверх по скалам и подобраться к дракону снизу, там, где не прикрывает его броня.

Так решил Турин; но сердце Дорласа дрогнуло, когда в непроглядной темноте приблизились они к стремительному потоку Тейглина, и не отважился он на опасную переправу, но повернул назад и укрылся в лесу, сгорая со стыда. Однако Турамбар и Хунтор переправились благополучно, ибо рев воды заглушал все прочие звуки, и Глаурунг крепко спал. Но ближе к полуночи дракон пробудился и с великим шумом и ревом, дохнув пламенем, перебросил переднюю часть своего тела через пропасть и принялся подтягивать хвост. Едва не теряя сознание от жара и смрада, Турамбар и Хунтор принялись поспешно карабкаться вверх, подбираясь к Глаурунгу вплотную; и Хунтор убит был огромною глыбой: камень сорвался с

кручи под поступью дракона и обрушился ему на голову, и сбросил несчастного в реку. Так погиб Хунтор, не последний из храбрецов дома Халет.

Тогда Турамбар призвал на помощь всю свою волю и отвагу и один вскарабкался по скале, и подобрался снизу к брюху дракона. Тотчас извлек он из ножен Гуртанг и, вложив в удар всю свою силу и всю свою ненависть, вонзил клинок в мягкое брюхо Змея по самую рукоять. Содрогуясь Глаурунг от непереносимой боли, предвестия смерти, и завизжал, и, корчась в муках, приподнялся и с усилием перебросил свое тело через пропасть, и, рухнув на землю, забился в агонии; все вокруг испепелил он пламенем, все сокрушил он, колотя хвостом; но вот, наконец угас его огонь, и дракон застыл неподвижно.

Извиваясь в предсмертных судорогах, Глаурунг вырвал Гуртанг из рук Турамбара, и клинок остался торчать в драконьем брюхе. Потому Турамбар вновь перебрался через поток, надеясь вернуть свой меч и взглянуть на недруга своего, и приблизился он к чудовищу: вытянувшись в длину, дракон лежал на боку, и Гуртанг торчал из брюха. Тогда Турамбар ухватился за рукоять и, упершись ногою в брюхо чудовища, воскликнул, в насмешку над речами дракона в Нарготронде:

– Привет тебе, Змий Моргота! Вот и повстречались мы снова! Умри же, и да поглотит тебя тьма! Се – отомщен Турин, сын Хурина.

И выдернул он меч, и черная кровь струей хлынула из раны и окатила его руку, и ожег ее яд. Тогда Глаурунг открыл глаза и взглянул на Турамбара с такой злобой, что тот покачнулся, словно от удара; и столь велико было потрясение и боль, причиненная ядом, что Турин погрузился в темное забытие и упал как подкошенный, накрыв меч своим телом.

Рев и визг Глаурунга эхом отозвались в лесах и донеслись до тех, что ожидали близ Нен Гирит; когда же слышали их дозорные и увидели издалека пожарище и разор, учиненный Глаурунгом, они решили, что дракон одержал победу и теперь уничтожает своих противников. Ниниэль же сидела, дрожа, у самого водопада, и едва вопль Глаурунга коснулся ее слуха, тьма вновь сомкнулась вокруг нее, так, что не могла она сдвинуться с места по своей воле.

Там нашел ее Брандир: он наконец дохромал до Нен Гирит, падая с ног от усталости; когда же услышал он, что дракон перебрался через реку и сокрушил своих недругов, сердце Брандира преисполнилось сочувствия к Ниниэли, однако подумал он и так: «Турамбар мертв, а Ниниэль жива. Может быть, теперь согласится она пойти со мною, и я уведу ее прочь, и вместе спасемся мы от дракона». Спустя некоторое время подошел он к Ниниэли и молвил:

– Пойдем же! Пора в путь. Если позволишь, я поведу тебя.

Брандир взял ее за руку; молча поднялась она и последовала за ним; никто не заметил в темноте, как ушли они.

Но когда спускались они по тропе к Переправе, встала луна и озарила землю бледным светом, и молвила Ниниэль:

– Сюда ли лежит наш путь?

И ответил Брандир, что один лишь путь остается им: бежать как можно дальше от Глаурунга, ища спасения в глуши. Но отозвалась Ниниэль:

– Черный Меч был моим возлюбленным и мужем. Я иду искать его. А ты ожидал иного?

И она побежала вперед, далеко опередив Брандира. И приблизилась она к Переправе Тейглина, и взору ее открылся Хауд-эн-Эллет, залитый призрачным лунным светом, и леденящий ужас овладел ею. С криком отвернулась она и побежала на юг вдоль реки, сбросив плащ, и белые ее одежды сияли в лунном луче.

Брандир заметил ее со склона холма и повернул ей наперерез; однако все еще находился достаточно далеко, когда Ниниэль приблизилась к месту гибели Глаурунга у края Кабед-эн-Арас. Там увидела она неподвижную тушу дракона, но даже не взглянула на него, ибо рядом лежал человек; и Ниниэль подбежала к Турамбару, и стала звать его по имени,

но напрасно. Заметив на руке его ожоги, она омыла их слезами и перевязала лоскутом от своего платья, и покрыла лицо его поцелуями, и снова принялась звать его, пытаясь вернуть к жизни. В этот миг Глаурунг пошевелился в последний раз прежде, чем испустить дух, и из последних сил заговорил:

– Привет тебе, Низнор, дочь Хурина. Довелось нам перед смертью встретиться вновь. Обрадую тебя: ты нашла наконец своего брата. Узнай же ныне, каков он: ночной убийца, вероломный враг и бесчестный друг, проклятие родни своей, Турин, сын Хурина! Но худшее из его деяний ты, верно, уже ощущаешь в себе.

И умер Глаурунг, и пелена забвения, сотканная его злобой, пала с Ниниэли, и вспомнила она всю свою прошлую жизнь. Взглянув на лежащего Турина, воскликнула она: «Прощай, о дважды любимый! *А Турин Турамбар турун амбартанен*: победитель судьбы, судьбой побежденный! Счастлив ты – ибо умер!» Тогда Брандир, что слышал все от слова и до слова и стоял, потрясенный, на краю выжженной земли, поспешил к ней, но Ниниэль отпрянула от него, вне себя от ужаса и горя, и, подбежав к краю Кабед-эн-Арас, бросилась вниз и исчезла в пенном потоке.

Подошел Брандир, заглянул в пропасть и отвернулся, охваченный страхом: хотя жизнь утратила для несчастного смысл, недостало у него мужества искать смерти в ревущей реке. С тех пор ни один человек не обращал взора к Кабед-эн-Арас; и птица, и зверь бежали этого места, и деревья не росли там; и называлось ущелье отныне Кабед Наэрамарт, Прыжок Злой Судьбы.

А Брандир направил путь свой назад, к Нен Гирит, чтобы сообщить о случившемся своему народу; и повстречал он в лесу Дорласа, и убил его: в первый и последний раз в своей жизни пролил он кровь. И пришел он к Нен Гирит, и люди закричали Брандиру:

– Видел ли ты ее? Ибо Ниниэль покинула нас.

И отвечал Брандир:

– Ниниэль покинула нас навсегда. Дракон мертв, и Турамбар тоже: то хорошие вести.

При этих словах поднялся ропот и зашептались люди, говоря, что он, верно, лишился рассудка; но молвил Брандир:

– Выслушайте меня до конца! Ниниэль, всеми любимая, тоже мертва. Она бросилась в Тейглин, ища смерти, ибо узнала, что она – не кто иная, как Низнор, дочь Хурина из Дорломина; так звалась она до того, как пали на нее чары забвения; а Турамбар, он же Турин, сын Хурина, приходился ей братом.

Но едва смолк Брандир, и зарыдали люди, как сам Турин появился среди них. Ибо как только дракон испустил дух, забытие оставило Турина – и тотчас погрузился он от усталости в глубокий сон. Но ночной холод пробрал его до костей, а рукоять Гуртанга впилась в бок, и спящий пробудился. Тогда заметил Турин, что кто-то перевязал его руку, и весьма подивился тому, что тем не менее оставили его лежать на холодной земле. И позвал он, но, не получив ответа, отправился искать помощь: голова у него кружилась, и от усталости он едва держался на ногах.

Когда же заметили его люди, они в страхе отпрянули назад, полагая, что видят неупокоенный призрак; но молвил Турин:

– Нет же, радуйтесь, ибо Дракон мертв, а я – живу. Но почему презрели вы совет мой и явились сюда, подвергая себя опасности? И где Ниниэль? Не терпится мне увидеться с нею. Надеюсь, ее-то не увели вы из дома?

И рассказал ему Брандир, что и впрямь опустел его дом и что Ниниэль погибла. Но воскликнула тут жена Дорласа:

– Да нет же, господин, несчастный утратил разум. Ибо явился он сюда, утверждая, что ты мертв, и назвал это добрыми вестями. Но ты-то жив!

Тогда Турамбар пришел в бешенство и поверил, будто все слова и деяния Брандира подсказаны были злобой, ибо ревновал тот к их с Ниниэлью любви; и Турин осыпал Брандира бранью, называя его Колченогим. Но Брандир поведал обо всем, что слышал, и назвал Ниниэль дочерью Хурина, Ниэнор, и выкрикнул в лицо Турамбару последние слова Глаурунга, повторяя, что Турин – проклятие родни своей и всех, кто приютит его себе на горе.

Турамбаром же овладела слепая ярость, ибо в словах Брандира послышалась ему неумолимая поступь надвигающегося рока; и Турин обвинил Брандира в том, что тот увел Ниниэль на смерть, а теперь повторяет злорадно лживые речи Глаурунга – если, конечно, не сам их выдумал. И проклял он Брандира, и зарубил его, и бежал от людей в лесную чащу. Но очень скоро безумие оставило его, и Турин пришел к Хауд-эн-Эллет и опустился на траву, и задумался о деяниях своих. И воззвал он к Финдуилас, прося у нее совета; ибо не знал, что обернется большим злом: возвратиться в Дориат к родне своей или отречься от них навсегда и искать смерти в битве.

Пока же размышлял он, через Переправу Тейглина перешел Маблунг с отрядом Серых эльфов. Маблунг тотчас узнал Турина и приветствовал его, радуясь, что видит его живым и невредимым: Маблунгу уже известно было о том, что Глаурунг покинул свое убежище и направился в Бретиль; слышал он и о Черном Мече Нарготронда, с некоторых пор поселившемся среди лесных жителей. Потому явился он к Турину, чтобы упредить его и оказать, если нужно, помощь; но отвечал Турин:

– Ты опоздал. Дракон повержен.

Подивились эльфы и принялись превозносить Турина, но равнодушно выслушал он похвалы и молвил:

– Об одном прошу: расскажите мне о родне моей, ибо узнал я в Дор-ломине, будто мать моя и сестра отправились в Сокрытое Королевство.

Тогда Маблунг в смятении вынужден был поведать Турину о том, как сгинула Морвен, а на Ниэнор пали чары забвения и немоты, как отбилась от спутников девушка у самых границ Дориата и бежала на север. И понял наконец Турин, что судьба настигла его, и что ни в чем не повинен был убитый им Брандир: так слова Глаурунга обернулись для Турамбара горькою правдой. И рассмеялся он, точно одержимый, восклицая: «Вот уж воистину злая шутка!» И повелел он Маблунгу возвращаться в Дориат, призывая проклятия на Сокрытое Королевство.

– Да будет проклято поручение твое! – воскликнул Турин. – Только этого лишь и не доставало. Теперь наступает ночь.

И он бросился прочь быстрее ветра; а потрясенные эльфы, недоумевая, что за безумие овладело Туриним, последовали за ним. Но Турин далеко обогнал эльфийских воинов; и прибежал он к Кабед-эн-Арас, и слышал рев реки, и увидел, что жухлые листья опадают с ветвей, словно пришла зима. Извлек он из ножен меч – все, что осталось у него в жизни, – и молвил:

– Привет тебе, Гуртанг! Не знаешь ты ни господина, ни верности, повинуюсь лишь руке, в которую вложен. Ничьей кровью не побрезгуешь ты. Так примешь ли ты Турина Турамбара, дашь ли мне быструю смерть?

И зазвенел в ответ холодный голос клинка:

– О да, охотно выпью я твою кровь, чтобы позабыть вкус крови хозяина моего Белега, и вкус крови Брандира, убитого безвинно. Я дам тебе быструю смерть.

Тогда Турин укрепил меч рукоятью к земле, и бросился на острие Гуртанга, и черный клинок взял его жизнь. Приблизились Маблунг и его воины, и увидели тушу мертвого Глаурунга, а подле него – тело Турина; и опечалились они. Когда же подошли люди Бретиля и поведали эльфам о причине безумия и гибели Турина, ужас охватил эльдар, и молвил с горечью Маблунг:

– И я оказался вовлечен в судьбу детей Хурина: вестями своими убил я того, кто был мне дорог.

Когда же подняли тело Турина, обнаружилось, что Гуртанг переломился надвое. Люди и эльфы набрали великий запас дров и запалили огромный костер, и ничего не осталось от Дракона, кроме пепла. А Турина погребли в высоком кургане, на том самом месте, где упал он; и обломки Гуртанга предали земле вместе с ним. Когда же свершен был обряд, эльфы пропели скорбную песнь о Детях Хурина, а на вершине кургана установили огромный серый камень, а на нем рунами Дориата начертали:

ТУРИН ТУРАМБАР ДАГНИР ГЛАУРУНГА

А ниже приписали:

НИЭНОР НИНИЭЛЬ

Но не там обрела она могилу; никто и никогда не узнал, куда унесли ее тело студёные воды Тейглина.

Глава 22

О гибели Дориата

Так завершилась история Турина Турамбара; но Моргот не дремал и продолжал творить зло: не все еще свел он счета с домом Хадора.

К людям этого дома Враг пылал неутолимой ненавистью, хотя Хурин по-прежнему оставался в его власти, а Морвен, утратив рассудок, блуждала в глуши.

Тяжкая доля выпала Хуину: все, что известно было самому Морготу о том, как осуществляются злобные козни, знал и Хурин, но ложь мешалась с правдой, а все доброе оставалось скрытым или искажалось до неузнаваемости. Всеми способами Моргот тщился представить в черном свете деяния Тингола и Мелиан, ибо боялся и ненавидел их. Когда же счел Враг, что пора настала, он возвратил Хуину свободу и велел ему идти куда вздумается; и притворился, что движет им сострадание к побежденному врагу. Но Моргот лгал, и цель у него была иная: сделать Хурина орудием своей ненависти против эльфов и людей прежде, чем смерть освободит его.

И вот, хотя и не доверял Хурин словам Моргота (ибо хорошо знал, что жалость Врагу чужда), пленник обрел свободу и с тяжелым сердцем ушел прочь, и душу его ожесточили речи Темного Властелина. Со дня смерти Турина, его сына, минул уже год: двадцать восемь лет провел Хурин в плену в Ангбанде, и мрачен сделался его облик. Волосы его и борода совсем поседели и отросли до невиданной длины, но годы не согнули его; в руке сжимал он тяжелый черный посох и перепоясан был мечом. Так вступил он в Хитлум, и до вождей восточан дошли известия о том, что многочисленный отряд военачальников и черных солдат Ангбанда проехал через пески Анфауглита, а с ними явился некий старик, и, похоже, что среди них он в большом почете. Потому восточане не схватили Хурина, но позволили ему беспрепятственно бродить по своей земле. Мудро поступили они, ибо немногие уцелевшие из народа Хурина теперь чуждались своего господина, ибо пришел он из Ангбанда, словно почетный союзник Моргота.

Так вновь обретенная свобода не принесла Хуину ничего, кроме нового горя, и он покинул край Хитлум, и поднялся в горы. Оттуда различил он вдали укрытые облаками пики Криссаэгрима и вспомнил о Тургоне, и захотелось ему вновь оказаться в сокровитном королевстве Гондолин. Потому Хурин спустился с гор Эред Ветрин, не подозревая, что твари Моргота следят за каждым его шагом; переправился через Бритиах, оказавшись в Димбаре, и приблизился к темному подножию Эхориата. Перед ним простиралась ледяная пустыня; чувствуя, как в сердце его гаснет надежда, Хурин огляделся, стоя у подножия огромного каменного завала ниже отвесной скалистой гряды, и не догадывался он, что это – все, что осталось от некогда существовавшего Пути Спасения: русло Пересохшей реки загромождали глыбы, и погребены были высокие арочные врата. Тогда Хурин взглянул вверх, на серое небо, надеясь разглядеть орлов, как это случилось давным-давно, в дни его юности – но увидел только тень, наползавшую с востока, и облака, что клубились над неприступными горными вершинами, и услышал только свист ветра среди камней.

Но могучие орлы в ту пору удвоили бдительность и издали заприметили одинокую фигуру Хурина далеко внизу, в гаснущем свете дня; и тотчас же сам Торондор поспешил известить Тургона, ибо счел происшедшее событием великой важности. Но отвечал Тургон: «Моргот не смыкает глаз. Ты ошибся».

«Нет же, – молвил Торондор. – Если бы Орлы Манвэ столь легко обманывались, тогда давным-давно, о король, твое тайное убежище оказалось бы захвачено».

«Тогда слова твои сулят зло, – отвечал Тургон, – ибо только одно могут означать они. Даже Хурин Талион покорился воле Моргота. Решение мое непреклонно».

Когда же улетел Торондор, Тургон долго размышлял про себя, и не находил покоя, вспоминая о подвигах Хурина из Дор-ломина; и смягчился король, и послал сказать орлам, чтобы отыскиали они Хурина и доставили его в Гондолин, если смогут. Но было слишком поздно: не удалось орлам отыскать его ни во мраке ночи, ни при свете дня.

А отчаявшийся Хурин стоял у подножия безмолвной гряды Эхориата, и лучи заходящего солнца, пронзая облака, окрашивали его седые волосы алым. Но воззвал он в пустоту, не заботясь о том, кто может услышать его, и проклял чуждые жалости земли, и, взобравшись на высокий утес, обратил взор свой в сторону Гондолина и воскликнул громовым голосом: «Тургон, Тургон, вспомни Топи Сереха! О Тургон, неужели не услышишь ты меня в своих потаенных чертогах?» Но ни звука не донеслось в ответ, только ветер шелестел в сухих травах. «Так же шелестели они в Серехе на закате», – молвил Хурин. В этот миг солнце скрылось за грядой Тенистых гор, и тьма сомкнулась вокруг него; ветер стих, и в глуши воцарилось безмолвие.

Однако многие уши слышали слова Хурина, и вскоре известия достигли Черного Трона на Севере; и улыбнулся Моргот, ибо теперь знал точно, в каком краю живет Тургон; хотя, благодаря бдительности Орлов, соглядатаям Врага не удавалось до поры пробраться в землю за пределами Окружных гор. То было первое зло, что навлекло освобождение Хурина.

Когда же сгустилась тьма, Хурин, спотыкаясь, спустился с утеса и погрузился в глубокий сон, навеянный горем. Во сне услышал он скорбный голос Морвен: часто повторяла она его имя, и показалось Хурину, будто голос доносится из Бретиля. Потому, пробудившись с наступлением дня, Хурин поднялся и возвратился к Бритиаху, и, пройдя вдоль окраин Бретиля, под покровом ночи приблизился к Переправе Тейглина. Ночные дозорные заметили его, но, охваченные ужасом, решили, что перед ними – призрак, восставший из древнего могильника, который бродит во мгле вокруг своего последнего пристанища; потому никто не задержал Хурина, и пришел он наконец к тому месту, где сожжен был Глаурунг, и увидел высокий камень, установленный у края Кабед Наэрамарт.

Но Хурин не взглянул на камень, ибо знал надпись наизусть; он уже заметил, что находится на скале не один. В тени камня на коленях застыла женщина. Хурин стоял, не говоря ни слова; она же откинула истрепанный капюшон и подняла голову. Седа была она и стара, но вот глаза их встретились, и Хурин узнал ее: ибо хотя блуждающий взгляд женщины был исполнен страха, в нем по-прежнему сиял отблеск того самого света, что некогда снискал ей, самой прекрасной и гордой из смертных дев древности, имя Эледвен.

- Ты пришел наконец, – молвила она. – Слишком долго пришлось мне ждать.
- Путь мой лежал во мгле. Я пришел, когда смог, – отозвался Хурин.
- Слишком поздно, – отвечала Морвен. – Они погибли.
- Знаю, – откликнулся он. – Но ты со мной.

– Ненадолго, – отозвалась Морвен. – Силы мои на исходе. Я уйду вместе с солнцем. Времени мало: если ты знаешь, Расскажи мне! Как удалось ей отыскать его?

Но не ответил Хурин, и они сели у камня, и не вымолвили более ни слова; когда же закатилось солнце, Морвен вздохнула и сжала руку мужа, и застыла недвижно, и Хурин понял: она мертва. Он взглянул на нее, и показалось ему в сгущающихся сумерках, будто изгладились морщины горя и жестоких лишений. «Она не покорилась», – молвил Хурин, и закрыл ей глаза, и долго сидел, не двигаясь, рядом с нею, а вокруг становилось все темнее. Ревел поток на дне Кабед Наэрамарт, но Хурин ничего не слышал, не видел и не ощущал: сердце в его груди обратилось в камень. Налетел ледяной ветер, и швырнул в лицо ему колючие брызги дождя, и очнулся Хурин, и гнев за клубился в душе его, словно дым, подчиняя себе разум. Одно лишь желание осталось у него – отомстить за свои обиды и обиды родни своей; и в горе своем обвинял он всех, кто когда-либо имел с ними дело. И вот поднялся он, и предал земле тело Морвен у края Кабед Наэрамарт на западной стороне от камня; и на камне высек следующие слова: «Здесь же покоится и Морвен Эледвен».

Говорится, что провидец и арфист Бретиля по имени Глирхуин сложил песню, в которой утверждалось, что Камень Злополучных никогда не будет осквернен Морготом или ниспровергнут – даже если море поглотит землю; так впоследствии и случилось, однако Тол Морвен по-прежнему одиноко возвышается над водою у новых берегов, возникших в дни гнева Валар. Но не там обрел свою могилу Хурин: судьба гнала его вперед, а Тень по-прежнему следовала за ним по пятам.

И вот Хурин переправился через Тейглин и двинулся на юг, вниз по древней дороге, ведущей в Нарготронд. Издалека приметил он на востоке одинокую вершину Амон Руд, и в памяти его воскресло все, что произошло там. Наконец Хурин добрался до берегов Нарога и, рискуя жизнью, переправился через бурную реку по камням разрушенного моста, как до него это сделал Маблунг из Дориата; и встал перед проломленными Вратами Фелагунда, опираясь на посох.

Здесь следует рассказать о том, что после ухода Глаурунга Мим, Малый гном, отыскал путь в Нарготронд и прокрался в разрушенные чертоги, и объявил их своими, и теперь сидел там, перебирая золото и драгоценные камни и пересыпая сокровища из руки в руку, ибо никто не смел приблизиться к пещерам и покуситься на богатства: слишком жива была память о Глаурунге, и мысль о призраке чудовища повергала в страх. Но вот явился некто, и встал на пороге, и вышел к нему Мим, вопрошая, что ему нужно. И молвил Хурин: «Кто ты, что пытаешься помешать мне войти в дом Финрода Фелагунда?»

На это отвечал гном: «Я – Мим; еще до того, как обуянные гордыней явились из-за Моря, гномы прорыли чертоги Нулуккиздина. Я всего лишь возвратился забрать то, что принадлежит мне, ибо я – последний оставшийся в живых из моего народа».

«Тогда недолго тебе осталось радоваться своему наследству, – молвил Хурин. – Ибо я, Хурин сын Галдора, возвратился из Ангбанда, а мой сын звался Турин Турамбар – ты, верно, не забыл его? Это он сразил дракона Глаурунга, который разорил эти чертоги, ныне ставшие тебе домом; и ведомо мне, кто предал Драконий Шлем Дор-ломина».

Тогда Мим, охваченный неодолимым страхом, принялся умолять Хурина забрать все, что тот пожелает, но пощадить его жизнь; Хурин же не внял его мольбе и зарубил гнома пред воротами Нарготронда. И вошел он внутрь, и оставался некоторое время в том жутком месте, где сокровища Валинора тускло мерцали во мгле, рассыпанные по каменным плитам, среди всеобщего запустения. Говорится, что когда Хурин вновь вышел на свет из разоренного Нарготронда, он унес с собою из всего несметного богатства одну только вещь.

Теперь Хурин отправился на восток, и вышел к Озерам Сумерек выше Водопадов Сириона; там схватили его эльфы, что охраняли западные пределы Дориата, и доставили чужака к королю Тинголу в Тысячу Пещер. При виде него Тингол преисполнился изумления и скорби: он узнал в этом мрачном старике Хурина Талиона, пленника Моргота, но радушно приветствовал его и оказал ему великие почести. Ничего не ответил Хурин королю, но извлек из-под плаща ту единственную вещь, что унес с собою из Нарготронда: то было сокровище из сокровищ, Наугламир, Ожерелье Гномов, сделанное для Финрода Фелагунда в незапамятные времена мастерами Ногрода и Белегоста, самое прославленное из творений гномов, созданных в Древние Дни: пока был жив Фелагунд, он ценил Ожерелье превыше всех сокровищ Нарготронда. Хурин же бросил его к ногам Тингола со словами, исполненными горечи и гнева.

«Получи свою плату, – воскликнул он, – за добрый прием, что оказал ты детям моим и жене моей! Ибо пред тобою – Наугламир, хорошо известный эльфам и людям; я принес его тебе из тьмы Нарготронда, где оставил его твой родич Фелагунд, уходя вместе с Береном, сыном Барахира, исполнять прихоть Тингола из Дориата!»

Тогда Тингол взглянул на бесценное сокровище и признал в нем Наугламир, и хорошо понял умысел Хурина; но, охваченный состраданием, смирив свой гнев и смолчал, выслушав презрительную отповедь. Тогда заговорила Мелиан и молвила: «Хурин Талион, Моргот околдовал тебя, ибо тот, кто смотрит на мир глазами Моргота, вольно или невольно, видит все в искаженном свете. Турин, твой сын, долго воспитывался в чертогах Менегрота, окруженный любовью и почестями, словно королевский сын; отнюдь не по воле короля и не по моей воле не возвратился он в Дориат. После же жена твоя и дочь обрели здесь приют и зажили в довольстве и почете; мы, как могли, пытались отговорить Морвен от поездки в Нарготронд. Слова Моргота звучат в твоих устах, когда осыпашь ты упреками друзей».

Выслушав слова Мелиан, Хурин застыл неподвижно и долго глядел, не отрываясь, в глаза королевы; там, в Менегроте, еще огражденном Поясом Мелиан от вражьей тьмы, он постиг наконец истину обо всем, что произошло, и испил до дна чашу скорби, отмеренную для него Морготом Бауглиром. И не говорил он более о том, что осталось в прошлом, но, нагнувшись, поднял Наугламир, лежащий у подножия трона Тингола, и вручил его королю,

говоря: «Прими же, владыка, Ожерелье Гномов – как дар от утратившего все и в память о Хурине из Дор-ломина. Ибо ныне судьба моя свершилась и замысел Моргота исполнился – но я больше не раб его».

И Хурин повернулся к выходу и ушел из Тысячи Пещер. Те, кто видел в тот миг его лицо, в страхе отпрянули назад; никто не попытался остановить его; никто не ведал, куда направил он свой путь. Но говорится, что, ища смерти, Хурин бросился в пучину западного моря, ибо жизнь утратила для него цель и смысл – так окончились дни славнейшего воина из числа смертных людей.

Когда же Хурин покинул Менегрот, Тингол долго размышлял в тишине, созерцая бесценное сокровище, что покоилось у него на коленях, и задумал король переделать ожерелье и вправить в него Сильмариль. Ибо с течением лет мысль Тингола все чаще и чаще обращалась к драгоценному камню Феанора, и, прикипев к нему душой, король с великой неохотой оставлял Сильмариль даже за дверями самой надежной из своих сокровищниц, и теперь вознамерился не расставаться с ним ни днем, ни ночью, но постоянно носить на груди.

В те дни гномы еще приходили в Белерианд из чертогов своих в Эред Линдон: переправившись через Гелион у Сарн Атрад, Каменного Брода, по древней дороге они добирались до Дориата; ибо велико было их искусство в работе с металлом и камнем, и для умелых мастеров в чертогах Менегрота всегда находилось дело. Но теперь гномы путешествовали не по двое-трое, как прежде, но огромными, хорошо вооруженными отрядами, чтобы защитить себя при необходимости на полном опасностей пути в междуречье Ароса и Гелиона; в Менегроте же им отводили отдельные покои и кузни, приспособленные для их нужд. В ту пору в Дориат только что прибыли искусные мастера Ногрода, и вот король призвал их к себе и объявил о своем желании: если достанет у них искусства, гномам надлежало переделать Наугламир и вправить Сильмариль в Ожерелье. И вот гномы увидели творение своих отцов, и в изумлении взглянули на сверкающий камень Феанора, и обуяло их неумемное желание завладеть сокровищами и унести их в свои далекие подгорные обители. Но гномы не выдали своих замыслов и согласились взяться за дело. Долго трудились они; часто спускался Тингол один в их глубинные кузницы и подолгу оставался там, наблюдая за работой гномов. Со временем исполнилось желание короля, и величайшие из творений эльфов и гномов соединились в единое целое, и воплотилась в нем великая красота, ибо теперь бессчетные драгоценные камни Наугламира отражали, переливаясь многоцветными искрами, свет Сильмарилия, помещенного в самой середине. Тогда Тингол, явившийся к гномам один, без свиты, вознамерился взять ожерелье и надеть на себя, но гномы не уступили сокровища, требуя его себе и говоря: «По какому праву эльфийский король называет своим Наугламир, сделанный отцами нашими для Финрода Фелагунда, ныне мертвого? К Тинголу ожерелье попало лишь из рук Хурина, человека Дор-ломина, а тот похитил его, словно вор, из темных пещер Нарготронда». Но Тингол проник в их думы и ясно понял, что в стремлении своем завладеть Сильмарилем гномы ищут только повода и благовидного предлога, тщась скрыть истинные свои намерения; и, обуянный гневом и гордыней, король презрел опасность и презрительно заговорил с наугрим, молвив: «Как это вы, неуклюжий народ, смеете требовать чего бы то ни было от меня, Элу Тингола, владыки Белерианда, чья жизнь началась у вод озера Куивизнен за тысячи лет до того, как пробудились отцы низкорослого племени». И, надменно возвышаясь над ними, Тингол осыпал гномов насмешками и повелел им убираться из Дориата, не мешкая, ибо не будет им вознаграждения.

При словах короля алчные сердца наугрим вспыхнули яростью, и они подступили к Тинголу, и подняли на него руку, и предали его смерти. Так в глубинах Менегрота погиб Эльвэ Синголло, король Дориата, единственный из Детей Илуватара, сочетавшийся браком с одною из Айнур; и перед потухающим взором того, кто, единственным из Покинутых эль-

фов, видел свет Дерев Валинора, в предсмертный миг сиял Сильмариль. Гномы же, захватив Наугламир, покинули Менегрот и бежали на восток через Регион. Но быстро разнеслись вести по лесу, и немногим наугрим удалось переправиться через Арос: пока пробирались те к восточному тракту, за ними выслали погоню; наугрим были перебиты, Наугламир отнят, и эльфийские воины в глубокой скорби доставили сокровище королеве Мелиан. Но двое из числа убийц Тингола ускользнули от преследователей у восточных границ и возвратились в свой город в далеких Синих горах, и там, в Ногроде, поведали немного из того, что произошло, утверждая, будто гномов в Дориате перебили по повелению эльфийского короля, пожалевшего справедливой платы.

Великая ярость обуяла гномов Ногрода, долго оплакивали они смерть своих родичей и искусных мастеров и рвали на себе бороды, оглашая город стенаниями; долго держали совет, обдумывая грядущую месть. Говорится, что наугрим обратились за помощью в Белегост, но получили отказ, и гномы Белегоста попытались отговорить их от задуманного; однако советы их ни к чему не привели, и очень скоро из Ногрода выступило огромное войско и, переправившись через Тейглин, двинулось походным маршем на запад через земли Белерианда.

А в Дориате произошли печальные перемены. Долго пребывала Мелиан в безмолвии подле короля Тингола, и мысль ее возвращалась в прошлое, к осиянным звездами годам, к первой их встрече много веков назад под сенью Нан Эльмота, где звенели песни соловьев; и знала она, что расставание ее с Тинголом – предвестие разлуки еще более горестной и что Дориат обречен. Ибо Мелиан принадлежала к бессмертному роду Валар; то была Майа, наделенная великим могуществом и мудростью, но во имя любви к Эльвэ Синголло она приняла обличие, присущее Старшим Детям Илуватара и в союзе этом сковали ее оковы и цепи живой плоти Арды. В этом обличии она родила Тинголу Лутиэн Тинувиэль; в этом обличии она обрела власть над материей Арды, и на протяжении долгих веков Пояс Мелиан хранил Дориат от внешнего зла. Но теперь Тингол был мертв, дух его отлетел в чертоги Мандоса, а со смертью его и в Мелиан произошла перемена. Вот так случилось, что в ту пору власть ее утратила силу в лесах Нельдорета и Региона, и зачарованная река Эсгалдуин заговорила иным голосом, и Дориат был открыт для врагов.

Впоследствии Мелиан не говорила ни с кем, кроме одного только Маблунга: ему она повелела позаботиться о Сильмариле и тотчас же известить обо всем Берена и Лутиэн, живущих в Оссирианде. И Мелиан покинула Средиземье и возвратилась в землю Валар за пределы западных морей, предаваться скорбным раздумьям в садах Лориэна, откуда некогда пришла; и в предании этом не говорится о ней более ни слова.

Засим воинство наугрим, переправившись через Арос, беспрепятственно вступило в леса Дориата, и никто не дал им отпора, ибо гномы были свирепы и многочисленны, а эльфийские полководцы пребывали в смятении и отчаянии и бесцельно бродили от места к месту. Гномы же двигались все вперед и вперед, не сворачивая; и перешли через огромный мост, и вступили в Менегрот; там произошло прискорбнейшее из горестных событий Древних Дней. В Тысяче Пещер закипела битва; многие эльфы и гномы нашли свою смерть, и память о том не изгладилась с течением лет. Гномы одержали победу и разорили и разграбили чертоги Тингола. У дверей сокровищницы, где хранился Наугламир, пал Маблунг Тяжелая Длань, и Сильмариль был похищен.

В ту пору Берен и Лутиэн еще жили на Тол Гален, Зеленом Острове реки Адурант, самого южного из водных потоков, что, сбегая с Эред Линдон, впадали в Гелион; сын их, Диор Элухиль, взял в жены Нимлот, родственницу Келеборна, знатного лорда Дориата, ставшего мужем леди Галадриэли. Сыновья Диора и Нимлот звались Элуред и Элурин; была у

них и дочь по имени Эльвинг, что означает Звездные Брызги, ибо родилась она ясной ночью, и звездным светом искрилась водяная пыль над водопадом Лантир Ламат близ дома ее отца.

Очень скоро среди эльфов Оссирианда разнеслись слухи о том, что огромное воинство до зубов вооруженных гномов спустилось с гор и переправилось через Гелион по Каменному Броду. Эти вести скоро дошли до Берена и Лутиэн; в ту же пору явился к ним посланец из Дориата и поведал обо всем, что произошло. Тогда воспрял Берен, и покинул Тол Гален, и призвал к себе сына своего Диора; вместе отправились они на север к реке Аскар, а с ними – многие Зеленые эльфы Оссирианда.

Вот так случилось, что, когда гномы Ногрода, возвращаясь из Менегрота со значительно поредевшей армией, вновь приблизились к Сарн Атрад, их атаковали невидимые враги: едва наугрим, нагруженные добычей, захваченной в Дориате, принялись взбираться по крутым берегам Гелиона, в лесах вдруг запели эльфийские рога, и со всех сторон на гномов посыпался дождь стрел. В первом же натиске погибло бесчисленное множество гномов, но некоторым удалось прорваться сквозь засаду: вместе бежали они на восток, к горам. Когда же взбирались они по пологим склонам ниже горы Долмед, явились Пастыри Дерев и оттеснили наугрим в сумрачные леса гряды Эред Линдон: говорится, что оттуда не вышел ни один; ни одному не суждено было подняться по высокогорным перевалам, ведущим к гномьим поселениям.

В битве при Сарн Атрад Берен в последний раз в своей жизни взял в руки меч; сам сразил он правителя Ногрода и вырвал у него Ожерелье Гномов, но тот, умирая, наложил проклятие на сокровища. В изумлении взглянул Берен на драгоценный камень Феанора, что сам же вырезал некогда из железной короны Моргота; теперь Сильмариль сиял среди золота и самоцветов, вправленный в Ожерелье искусными руками гномов, и смыл с него Берен кровь, погрузив в речной поток. Когда же все было кончено, сокровища Дориата утопили в реке Аскар, и с тех пор река получила новое имя: Ратлоризель, Золотое Русло; Берен же возвратился на Тол Гален, унося с собою Наугламир. Не утихло горе Лутиэн, когда узнала она о гибели правителя Ногрода и многих его подданных; но говорится в легендах и песнях, будто Лутиэн, надев Ожерелье с вправленным в него бессмертным камнем, явилась воплощением несравненной красоты и величия, подобных коим не знал мир за пределами королевства Валинора; и на краткий срок Земля Умерших, что Живы уподобилась земле Валар, и край этот стал сосредоточием невиданного доселе великолепия, изобилия и света.

А Диор, наследник Тингола, распрощался с Береном и Лутиэн, и, покинув Лантир Ламат с женою своей Нимлот, явился в Менегрот и поселился там; вместе с ними ушли их юные сыновья Элуред и Элурин, и дочь Эльвинг. Радостно приветствовали их синдар, и расступилась тьма скорби, в которую погружен был народ, оплакивающий гибель родни своей и короля своего, и уход Мелиан; и Диор Элухиль принялся возрождать величие и славу королевства Дориат.

И вот однажды осенней ночью, в поздний час, явился некто и ударил в ворота Менегрота, требуя, чтобы провели его к королю. То был эльф знатного рода из числа Зеленых эльфов, спешное дело привело его из Оссирианда; и стражи врат проводили его в покои Диора, где король пребывал в одиночестве. Там, не говоря ни слова, посланец вручил королю ларец и отбыл. В ларце же лежало Ожерелье Гномов с вправленным в него Сильмарилем, и Диор, взглянув на сокровище, понял: сие – знак того, что Берен Эрхамион и Лутиэн Тинувиэль воистину умерли и ушли туда, куда уходит род людской, к назначенной им судьбе вне пределов мира.

Долго глядел Диор на Сильмариль, добытый, вопреки всему, отцом его и матерью из жуткой крепости Моргота, и горько скорбел о том, что смерть настигла их столь скоро. Но

говорят мудрые, будто Сильмариль приблизил их конец, ибо пламя красоты Лутиэн, умноженное силою камня, оказалось слишком ярким для смертных земель.

И вот встал Диор, и надел Наугламир, и явился взгляду прекраснейшим из детей мира, воплотив в себе три народа: эдайн, и эльдар, и Майар Благословенного Королевства.

Но вот разнеслись слухи среди странствующих от места к месту эльфов Белерианда, будто Диор, наследник Тингола, носит Наугламир, и заговорили они: «Сильмариль Феанора вновь засиял в лесах Дориата», – и вновь пробудилась от сна клятва сыновей Феанора. Ибо, пока Ожерелье Гномов носила Лутиэн, никто из эльфов не посмел бы напасть на нее; но теперь, услышав о возрождении Дориата и гордости Диора, семеро скитальцев вновь собрались воедино и послали к Диору гонцов, настаивая на своем праве.

Но Диор ничего не ответил сыновьям Феанора, и Келегорм принялся подстрекать своих братьев идти войной на Дориат. В середине зимы братья напали врасплох на Сокрытое Королевство и сразились с Диором в Тысяче Пещер; так во второй раз эльф поднял меч на эльфа. От руки Диора пал Келегорм; пали Куруфин и Карантир Темный; но и сам Диор погиб, и Нимлот, жена его; а безжалостные слуги Келегорма схватили их юных сыновей и бросили их в лесу погибать голодной смертью. Однако Маэдрос устыдился содеянного и долго разыскивал детей в лесах Дориата; но поиски его ни к чему не привели, и о судьбе Элуред и Элурина ничего не ведомо.

Так уничтожен был Дориат, и уже не возродился вновь. Но сыновья Феанора не обрели то, что искали, ибо немногим уцелевшим синдар удалось бежать. Среди них была Эльвинг, дочь Диора; и спаслись они, и, унося с собою Сильмариль, вышли со временем к устьям реки Сирион у моря.

Глава 23

О Туоре и падении Гондолина

Говорится, что Хуор, брат Хурина, погиб в Битве Бессчетных Слез, и зимой того же года Риан, жена его, родила дитя в глуши Митрима; и назвала его Туором, и взял его на воспитание Аннаэль из рода Серых эльфов, что все еще жили среди холмов. Когда же Туору исполнилось шестнадцать лет, эльфы вознамерились покинуть пещеры Андروت, где обитали они, и незамеченными добраться до Гаваней Сириона далеко на юге; но в пути на них напали орки и восточане, и Туор был захвачен в плен и обращен в рабство Лорганом, вождем восточан Хитлума. Три года сын Хуора томился в рабстве, но наконец ему удалось бежать, и, возвратившись в пещеры Андروت, он поселился там в одиночестве, и столь великий урон терпели от него восточане, что Лорган назначил цену за его голову. Когда же Туор прожил так четыре года – один, объявлен вне закона, – Ульмо внушил ему желание покинуть край отцов, ибо Владыка Вод избрал Туора орудием своих замыслов; и, вновь оставив пещеры Андروت, сын Хуора ушел на запад через Дор-ломин, и отыскал Аннон-ин-Гелюд, Врата Нолдор, что отстроил много лет назад народ Тургона, живя в Неврасте. Там начинался темный тоннель; он пролегал под горами и выходил в Расселину Радуги, Кирит Нинниах, через которую бурлящий поток несея к западному морю. Вот так случилось, что бегство Туора из Хитлума не было замечено ни человеком, ни орком; и Моргот о том не прознал.

И пришел Туор в Невраст, и очарованному взору его открылось Великое море, Белегаэр. Зов моря отныне не смолкал в его сердце, и слух тосковал по плеску волн, и овладело Туором беспокойство, что много позже увело его далеко во владения Ульмо. Теперь же он поселился в опустевшем Неврасте; минуло лето, и рок, тяготеющий над Нарготрондом, уже готов был свершиться. Но когда настала осень, Туор увидел семь величавых белых лебедей, летящих на юг, и понял: это – знак ему, что слишком замешкался он в пути; и Туор последовал за птицами вдоль морских берегов. Так вышел он наконец к покинутым чертогам Виньямара у подножия горы Тарас, и вошел внутрь, и нашел там щит и кольчугу, и меч, и шлем, оставленные в незапамятные времена Тургоном по повелению Ульмо; и облачился Туор в эти доспехи, и спустился к морю. Тогда налетел с запада ураган, разыгралась буря; и из бушующих волн явился в сиянии своего величия Ульмо, Владыка Вод, и воззвал он к Туору, что стоял у кромки воды. Ульмо повелел ему покинуть те места и отыскать сокрытое королевство Гондолин; и вручил Туору длинный плащ, чтобы тот укрыл владельца от глаз врагов, точно пелена мрака.

Утром, когда шторм стих, Туор набрел на эльфа, стоявшего у стен Виньямара: то был Воронвэ, сын Аранвэ из Гондолина; он отплыл некогда на последнем из кораблей, отосланных Тургоном на Запад. Уже повернув назад и оставляя за кормою безбрежные морские пространства, корабль затонул в великом шторме в пределах видимости берегов Средиземья; но Ульмо подхватил Воронвэ, единственного из всех мореходов, и вынес его на твердую землю близ Виньямара. Узнав же о великой миссии, возложенной на Туора Владыкой Вод, Воронвэ

преисполнился изумления и не отказался провести его к тайным вратам Гондолина. Вместе покинули они Невраст; когда же с севера пришла Лютая Зима того года и застигла их в пути, они с великой осторожностью двинулись на восток, держась под сенью Тенистых гор.

Наконец, пройдя немалый путь, Туор и Воронвэ вышли к заводям Иврина и с тяжелым сердцем взглянули на оскверненные Глаурунгом воды; пока же стояли они так, заметили они одинокого путника, который спешил на север: человек тот был высок, облачен в черное с ног до головы и вооружен черным мечом. Не знали они, кто перед ними, и не ведали о том, что произошло на юге; путник же прошел мимо и они не окликнули его.

Наконец волею Улмо пришли они к тайному входу в Гондолин и, спустившись по тоннелю, достигли внутренних врат и схвачены были стражей. Пленников провели вверх по протяженному ущелью Орфалх Эхор с его семью вратами, и предстали они перед Эктелионом Фонтанным, стражем великих врат, что преграждали путь в самом конце крутого подъема. Там Туор отбросил свой плащ и по доспехам, что вынес он из Виньямара, все увидели, что пред ними в самом деле – посланник Улмо. А Туор взглянул вниз, на прекрасную долину Тумладен, что красовалась перед ним точно зеленый кристалл в оправе холмов; и различил вдалеке, на каменной вершине Амон Гварет, великий Гондолин, город семи имен, прославленный в песнях, великолепием и славой затмивший все эльфийские поселения Ближних земель. По повелению Эктелиона на башнях великих врат затрубили в трубы, и в горах отозвалось эхо; а издалека, с белокаменных стен города, окрашенных в розовое лучами встающего над равниной солнца, отчетливо донесся ответный звук труб. И вот сын Хуора проехал через Тумладен и явился к вратам Гондолина; и, поднявшись по широким лестницам города, приведен был, наконец, к Башне Короля, и взору его открылись изображения Дерев Валинора. Там Туор предстал перед Тургоном, сыном Финголфина, Верховным королем нолдор; по правую руку короля стоял Маэглин, сын его сестры, а по левую руку сидела Идриль Келебриндал, его дочь; и все, кто слышал голос Туора, весьма подивились, усомнившись, вправду ли перед ними – смертный, ибо сам Владыка Вод вложил слова в уста Туора в тот час. И упредил он Тургона, что Проклятие Мандоса уже готово свершиться – и тогда погибнут все творения рук нолдор; и повелел королю покинуть прекрасный и могучий город, отстроенный им встарь, и уйти, и спуститься вниз по течению Сириона к морю.

Долго размышлял Тургон над советом Ульмо, и пришли ему на ум слова, слышанные еще в Виньямаре: «Умеряй любовь свою к творениям рук твоих и замыслам твоего сердца; и помни, что истинная надежда нолдор живет на Западе и приходит из-за Моря». Но с тех пор немало возгордился Тургон, ибо несказанно прекрасен был Гондолин, воскрешавший в памяти образ эльфийского Тириона, и король по-прежнему полагался на то, что город неприступен и надежно укрыт от посторонних глаз – хотя бы сам Вала стал оспаривать это. После Нирнаэт Арноэдиад гондолиндрим предпочли навсегда отгородиться от страданий эльфов и людей внешнего мира; но не хотели и возвращаться на Запад, ибо на пути подстерегали бесчисленные опасности и страх. Запершись в пределах неприступных очарованных холмов, никого не впускали они в свои владения, – хотя бы ищущий приюта бежал от Моргота и ненависть следовала за ним по пятам. Лишь смутные вести о внешнем мире доходили до жителей Гондолина издалека – и мало трогали их. Напрасно разыскивали народ этот соглядатаи Ангбанда; о городе ходили слухи, но никому не дано было его отыскать. На королевских советах Маэглин всегда выступал против Туора, и слова его имели тем больший вес, что находились в согласии с сокровенными думами Тургона; и наконец отказался король исполнить повеление Ульмо и отверг его совет. Но в предостережении Владыки Вод Тургон вновь услышал слова, обращенные к уходящим нолдор на берегу Арамана много веков назад; и страх перед предательством пробудился в сердце Тургона. Вот почему в ту пору тайный вход в Окружных горах было велено завалить, и после того никто не покидал города, будь то по делам мира или войны, пока стоял Гондолин. Торондор, Повелитель Орлов, принес вести о гибели Нарготронда, а после – о смерти Тингола и Диора, наследника его, и о падении Дориата; но Тургон отказался внимать рассказу о скорбях внешнего мира и поклялся никогда не вставать под знамена сыновей Феанора; народу же своему запретил покидать пределы гряды холмов.

А Туор остался в Гондолине, преисполнившись благоговения перед великолепием и красотой города, и мудростью его жителей; и возмужал он телесно и духовно, и глубоко постиг сокровенное знание изгнанных эльфов. Тогда сердце Идрили склонилось к нему, а сердце Туора – к ней, и день ото дня росла тайная ненависть Маэглина, ибо превыше всех сокровищ мира желал он завладеть единственной наследницей короля Гондолина. Но столь

благоволил к Туору король, что, когда прожил сын Хуора в Гондолине семь лет, Тургон не отказал ему и в руке своей дочери; ибо, хотя правитель не внял повелению Ульмо, он хорошо понимал, что судьба нолдор связана с посланцем Владыки Вод, и не забыл слов, услышанных от Хуора перед тем, как воинство Гондолина покинуло поле битвы в Нирнаэт Арноэдиад.

Тогда созван был великий и радостный пир, ибо Туор завоевал сердца всех жителей Гондолина, кроме одного только Маэглина и его тайных приверженцев; так заключен был второй союз эльфов и людей.

Весною следующего года рожден был в Гондолине Эарендиль Полуэльф, сын Туора и Идрили; и случилось это спустя пятьсот лет и еще три года с тех пор, как нолдор пришли в Средиземье. Несравненной красотой наделен был Эарендиль: в лице его сиял свет небес; от эльдар унаследовал он величие и мудрость, а от людей древности – силу и мужество; и шум моря всегда ласкал его слух и отзывался в сердце, как было то с Туором, его отцом.

Дни Гондолина до поры текли в мире и благоденствии, и никто не ведал, что горестный крик Хурина, когда тот, стоя в глуши у стены Окружных гор и не находя входа, воззвал в отчаянии к Тургону, выдал наконец Морготу местонахождение Сокрытого Королевства. После того мысль Моргота непрестанно обращалась к горам между Анахом и верховьями Сириона, куда не проникали доселе его слуги; да и теперь соглядатаям и тварям Ангбанда не было туда пути, ибо орлы не теряли бдительности, препятствуя замыслам Моргота. Однако Идриль Келебриндал обладала великой мудростью и даром предвидения: уже давно сжималось у нее сердце и тяжелое предчувствие омрачало ее душу, словно грозовое облако. Потому в ту пору она приказала проложить тайный путь: он уходил от города вниз и, исчезая под землей, пролегал под равниной и выходил на поверхность далеко за пределами городских стен, к северу от Амон Гварет. Так устроила это она, что о замысле ее известно было немногим, Маэглин же оставался в полном неведении.

И вот однажды, когда Эарендиль был еще юн, Маэглин исчез. Он, как говорилось ранее, всем ремеслам предпочитал горное дело; он возглавлял и наставлял тех эльфов, что трудились в горах далеко от города, отыскивая руды металлов для своих кузниц – там искусные мастера ковали все необходимое для нужд мира и войны. Однако зачастую Маэглин с несколькими своими сподвижниками уходил за пределы гряды холмов, и не ведал король, что нарушается его запрет. И однажды, по воле рока, орки захватили Маэглина и доставили его в Ангбанд. Маэглин не был ни малодушным, ни трусом, но мысль о страшных пытках, которыми угрожали ему, сломила его дух, и пленник купил жизнь и свободу, открыв Морготу, где находится Гондолин, какие тропы к нему ведут и как легче всего напасть на город. Возликовал Моргот и пообещал Маэглину поставить его над Гондолином своим наместником и вассалом; пообещал также, что ему достанется и Идриль Келебриндал, как только город будет захвачен; воистину, именно страсть к Идрили и ненависть к Туору толкнули Маэглина на самое постыдное из предательств, о которых говорится в преданиях Древних Дней. Моргот же отослал Маэглина назад в Гондолин, чтобы никто не заподозрил измены и чтобы Маэглин изнутри помог нападающим, когда пробьет час; и жил тот в королевском дворце с улыбкой на устах, затаив в сердце зло, а тьма все сгущалась над Идрилью.

Наконец, когда Эарендилю исполнился седьмой год, Моргот собрал свои силы и бросил на Гондолин балрогов, и орков, и волков; с ними явились и драконы племени Глаурунга, а к тому времени число ужасных тварей умножилось. Воинство Моргота перешло гряду северных холмов: здесь горы были особенно высоки и потому не так бдительно охранялись. Враги явились ночью, в канун праздника, когда весь народ Гондолина собрался на стенах города приветствовать восход солнца торжественными песнопениями; наутро же назначен был великий пир, называемый гондолиндрим Вратами Лета. Но алый отблеск озарил холмы с севера, а не с востока; черные полчища наступали, сокрушая все на своем пути;

и подошли они к подножию стен Гондолина, и осажденный город был обречен. О подвигах отчаянной доблести, свершенных полководцами знатных родов, их воинами и Туором не в последнюю очередь, многое рассказывается в «Падении Гондолина»; повествуется в нем и о поединке Эктелиона Фонтанного с Готмогом Предводителем Балрогов на королевской площади, в котором оба нашли свою смерть; и о том, как домочадцы Тургона обороняли башню короля, пока враги не сокрушили ее; с грохотом обрушилась каменная твердыня – и Тургон погребен был под руинами.

Туор бросился на поиски Идрили, стремясь защитить ее от мародеров, но Мазглин уже схватил ее и Эарендила; и Туор бился с Мазглином на крепостной стене и сбросил предателя вниз, и тело его, падая, трижды ударилось о каменистый склон Амон Гварет прежде, чем рухнуло в огонь у подножия холма. Тогда Туор и Идриль, собрав тех немногих уцелевших из народа Гондолина, кого смогли отыскать во всеобщем смятении и пламени пожаров, увели их вниз по тайному ходу, загодя приготовленному Идрилью; полководцы же Ангбанда не ведали о том туннеле и не думали, что кому-либо из беглецов придет в голову пойти на север, туда, где горы были особенно высоки и близко примыкали к Ангбанду. Дым пожарищ и пар, за клубившийся над дивными фонтанами Гондолина, которые иссушило пламя драконов севера, окутали долину Тумладен унылой пеленой тумана, и это весьма помогло Туору и беглецам, ибо впереди их ждал открытый и весьма протяженный участок дороги – от выхода из туннеля до подножия скал. Все же они добрались до цели и, паче чаяния, поднялись в гору, терпя непереносимые муки, ибо на ужасных вершинах царил холод, а среди гондолиндрим были раненые, женщины и дети.

И вот достигли они жуткого перевала под названием Кирит Торонат, Расселина Орлов, а под сенью его головокружительных круч петляла узкая тропа: по правую руку стеною высилась скала, а по левую – разверзлась страшная бездонная пропасть. По этой тесной дороге цепью растянулся маленький отряд; и вдруг из засады ринулись на гондолиндрим орки, ибо в ограждающих холмах Моргот повсюду расставил свои дозоры; был среди них и балрог. Ужасным было положение беглецов, едва ли спасла бы их доблесть златокудрого

Глорфинделя, возглавлявшего Дом Златого Цветка Гондолина, если бы вовремя не подоспел им на помощь Торондор.

Многие песни сложены о поединке Глорфинделя и балрога на остроконечной скале среди горных круч; оба пали в бездну и нашли там свою смерть. Но прилетели орлы, и ринулись на орков, и те с визгом бросились назад: все они были перебиты или сброшены в пропасть, потому известия о бежавших из Гондолина нескоро дошли до Моргота. А Торондор поднял тело Глорфинделя из бездны, и эльфы сложили над ним курган из валунов у самого перевала; со временем там зазеленела молодая поросль, и золотые цветы цвели среди голого камня до тех пор, пока мир не изменился безвозвратно.

Так уцелевшие гондолиндрим во главе с Туором, сыном Хуора, перевалили через горы и спустились в долину Сириона, и бежали на юг дорогами труднопроходимыми и опасными; и пришли, наконец, в Нантатрен, Край Ив, ибо власть Ульмо все еще пронизывала воды великой реки и хранила беглецов. Там отдохнули они немного, залечили раны и восстановили силы, но невозможно было исцелить их скорбь. И устроили они пир в память о Гондолине, и эльфах, погибших там: девах, и женах, и королевских воинах; немало песен о Глорфинделе желанном звучало под ивами Нан-татрена на исходе года. Там Туор сложил для своего сына Эарендила песнь о явлении Ульмо, Владыки Вод, к берегам Невраста; и тоска по морю вновь пробудилась в сердце Туора и в сердце его сына. Потому Идриль и Туор покинули Нантатрен и отправились на юг, к морю, вниз по течению реки, и поселились там близ устьев Сириона, и народ их присоединился к отряду Эльвинг, дочери Диора – она и ее подданные, спасаясь бегством, пришли в эти места незадолго до того. Когда же вести о падении Гондолина и смерти Тургона дошли до острова Балар, Эрейнион Гиль-галад, сын Фингона, провозглашен был Верховным королем нолдор Средиземья.

Моргот же торжествовал победу, даже не вспоминая о сыновьях Феанора и об их клятве – до сих пор эта клятва ничем не повредила ему, но, напротив, всегда оборачивалась ему же во благо и в помощь. И смеялся он, погруженный в свои черные мысли, и не жалел об одном утраченном Сильмариле, ибо через него, полагал Враг, жалкая горсть оставшихся в живых эльдар обретет свою гибель и навсегда исчезнет из Средиземья, и не потревожит его более. Если и знал Враг о поселении у вод Сириона, то не подавал виду, выжидая своего часа, и полагаясь на то, что клятва и ложь сделают свое дело. Однако у моря, близ Сириона, где собрались немногие уцелевшие из Дориата и Гондолина, эльфийский народ умножился в числе и окреп; с острова Балар являлись к ним мореходы Кирдана; и эльфы полюбили волны и стали строить корабли, ибо жили у самых берегов Арверниэна, под дланью Ульмо.

Говорится, что в ту пору Ульмо явился в Валинор из глубин океана и обратился к Валар, и поведал им о бедствиях эльфов, и призвал Владык простить эльдар и спасти их от всеподчиняющей власти Моргота и отвоевать Сильмарили, ибо в них одних жил ныне свет тех Благословенных Дней, когда Два Древа еще сияли в Валиноре. Но не смягчился Манвэ; да и какое предание поведаст о сокровенных помыслах его сердца? Мудрые говорят, что в ту пору не пробил еще час и что одному только – тому, кто сам станет просить за эльфов и людей, умоляя простить их преступления и явить сострадание к их горестям, дано было повлиять на решения Властей; а клятву Феанора, возможно, не мог отменить даже Манвэ, пока не исполнится она до конца и сыновья Феанора не откажутся от Сильмарилей, права на которые отстаивали столь безжалостно. Ибо свет, заключенный в Сильмарилиях, создали сами Валар.

В ту пору Туор ощутил, что подкрадывается к нему старость, а тоска по безбрежному Морю с каждым днем все сильнее овладевала его сердцем. Потому выстроил он могучий корабль, и назвал его «Эаррамэ», что означает «Крыло Моря», и вместе с Идрилью Келебриндал отплыл на Запад, держа курс на заходящее солнце, и более не говорится о них ни слова ни в преданиях, ни в песнях. Но песни, сложенные в последующие дни, гласят, будто

Туор единственным среди смертных причислен был к старшему народу и стал одним из нолдор, к коим стремился сердцем; и судьба его разошлась с судьбою людей.

Глава 24

О плавании Эарендила и войне гнева

Сияющий Эарендил правил в ту пору народом, жившим близ устьев Сириона; он взял в жены прекрасную Эльвинг, и она родила ему Эльронда и Эльроса – их называют Полуэльфами. Но не ведал Эарендил покоя, и плавания вдоль берегов Ближних земель не могли утишить его мятущуюся душу. Два замысла с каждым днем все сильнее подчиняли себе его сердце, переплетаясь воедино в тоске по безбрежному Морю: мечтал Эарендил уплыть в необозримую даль на поиски Туора и Идрили, которые так и не возвратились, и надеялся, что, возможно, удастся ему достичь последнего берега и, прежде чем истечет отмеренный ему срок, доставить Валар Запада послание эльфов и людей и пробудить в сердцах их сострадание к горестям Средиземья.

Узы крепкой дружбы связывали Эарендила и Кирдана Корабела, поселившегося на острове Балар с теми из своих подданных, которым удалось спастись при разграблении гаваней Бритомбара и Эглареста. С помощью Кирдана Эарендил отстроил «Вингилот», «Пенный Цветок», прекраснейший из кораблей, прославленных в песнях: весла его покрывала позолота, на корпус пошла белоснежная древесина из березовых рощ Нимбретилиа, а паруса сияли серебряным светом луны. В «Лэ об Эарендиле» многое рассказывается о странствиях его в бескрайних просторах океана и в неведомых землях; немало повидал он морей и островов; но Эльвинг с ним не было – она осталась грустить близ устьев Сириона.

В тот раз Эарендил не отыскал ни Туора, ни Идрили, и так и не добрался до берегов Валинора: борясь со встречными ветрами, не сумел он пробиться сквозь мрак и одолеть колдовские чары; и наконец, затосковав по Эльвинг, он повернул к дому, к берегам Белерианда. Сердце велело ему торопиться, ибо Эарендила охватил вдруг безотчетный страх, рожденный зловещими сновидениями; и ветра, с которыми до того сражался он, теперь, казалось, несли его к берегу недостаточно быстро.

Когда до Маэдроса впервые дошли вести о том, что Эльвинг спаслась от гибели и живет близ устьев Сириона, по-прежнему владея Сильмарилем, он, устыдившись содеянного в Дориате, удержал свою руку. Но со временем осознание неисполненной клятвы вновь стало терзать его и братьев; покинув охотничьи тропы в глуши, они собрались воедино и отправили послания в Гавани – послания с уверениями в дружбе, в которых, однако, звучали жесткие требования. Но Эльвинг и народ Сириона отказались уступить Сильмариль, который отвоевал Берен и носила Лутиэн, ради которого жестоко убит был прекрасный Диор – отказались, тем более что правитель их Эарендил все еще плавал по морям. Мнилось тамошним жителям, будто в Сильмариле заключена исцеляющая, благодатная сила, что снизошла на дома их и корабли. Вот так случилось, что эльф вновь поднял меч на эльфа в последней, самой жестокой из братоубийственных битв: то было третье великое злодеяние, порожденное проклятой клятвой.

Ибо те из сыновей Феанора, что еще оставались в живых, напали врасплох на изгнанников Гондолина и беглецов из Дориата, и перебили их. Некоторые из числа подданных братьев отказались сражаться в том бою, нашлись и такие, что восстали и пали от руки своих сподвижников, защищая Эльвинг от своих же лордов (настолько скорбь и смятение овладели сердцами эльдар в те дни); но Маэдрос и Маглор одержали победу. Из всех сыновей Феанора уцелели только они, ибо и Амрод, и Амрас погибли. Слишком поздно подоспели на помощь эльфам Сириона корабли Кирдана и Гиль-галада, Верховного короля: Эльвинг исчезла, исчезли и ее сыновья. Тогда те немногие из ее народа, что не погибли в сражении, примкнули к Гиль-галаду и отправились вместе с ним на остров Балар; и поведали они, что Эльронда и Эльроса захватили в плен, а Эльвинг с Сильмарилем на груди бросилась в море.

Так Маэдросу и Маглору не удалось отвоевать драгоценный камень – однако не сгинул он. Ибо Ульмо подхватил Эльвинг и вынес ее из морской пучины, и придал ей облик огромной белой птицы, на груди же ее сиял, как звезда, Сильмариль; и полетела она над водой искать возлюбленного своего Эарендила. Стоя в полночный час у руля, Эарендиль заметил, как приближается она: точно белое облако, что проносится под луной, точно звезда, что сбилась с пути над морем; бледное пламя на крыльях бури. Говорится в песнях, будто пала она с небес на палубу «Вингилота» без чувств, будучи на грани жизни и смерти – столь стремителен был полет; и Эарендиль прижал ее к груди – но утром изумленному взгляду Эарендила предстала жена его в истинном своем облики, уснувшая подле него, и локоны ее переплелись с его кудрями. Немало скорбели Эарендиль и Эльвинг о том, что разорены Гавани Сириона, а сыновья их – в плену, и опасались они, что детей предадут смерти – но не случилось того. Ибо Маглор сжалился над Эльросом и Эльрондом, и окружил их заботой, и привязались они друг к другу (хотя и трудно поверить в это), ибо сердце Маглора истосковалось и изнемогло под бременем страшной клятвы.

Но для Эарендила не осталось более надежды в Средиземье, и в отчаянии вновь повернул он вспять, и не возвратился домой, но решил еще раз попытаться отыскать Валинор – теперь, когда рядом с ним была Эльвинг. Почти все время стоял он у руля «Вингилота», а на челе его сиял Сильмариль; и по мере того, как корабль приближался к Западу, свет самоцвета разгорался все ярче. И говорят мудрые, что благодаря силе священного камня отважные мореходы со временем вошли в воды, в которые не заплывал ни один корабль, кроме ладей телери; и добрались они до Зачарованных островов, но чары не коснулись их; и вступили они в Тенистые моря, и пробились сквозь тени; и открылся их взорам Тол Эрессеа, Одинокый остров, но они не свернули с пути; и вот, наконец, бросили они якорь в заливе Эльдамар, и заприметили телери корабль, идущий с Востока, и немало подивились, различив вдалеке сияние Сильмарилля, слепящее и яркое. Тогда Эарендиль первым из людей сошел на бессмертный берег, и обратился он к Эльвинг и своим спутникам, трем мореходам, что сопровождали его в плавании через все моря; Фалатар, Эреллонт и Аэрандир звались они. И молвил им Эарендиль: «Никто кроме меня не ступит на этот берег, чтобы гнев Валар не обратился против вас. Один приму я на себя опасность во имя Двух Народов».

Но отвечала Эльвинг: «Тогда дороги наши разойдутся навсегда. Нет же, любую опасность, грозящую тебе, разделю я с тобою». И она спрыгнула в пенный прибой и подбежала к нему; и опечалился Эарендиль, опасаясь, что гнев Владык Запада обратится на любого пришлеца из Средиземья, посмеявшего приблизиться к Аману. И распрощались они со своими спутниками, и были навеки от них отторгнуты.

Тогда Эарендиль молвил Эльвинг: «Жди меня здесь: одному лишь дано доставить послание, вверенное мне судьбою». И он двинулся в глубь острова один, и вступил в ущелье Калакирья, и показалось ему, что вокруг царят пустота и безмолвие, ибо точно так же, как некогда Мелькор и Унголиант, так и Эарендиль теперь явился во время празднества, и почти все эльфы ушли в Валимар либо собрались в чертогах Манвэ на Таникветили; лишь немногие часовые оставались на стенах Тириона.

Однако нашлись те, что издаലെка заприметили и Эарендила, и сияющий свет, что принес он с собою; и поспешили в Валимар. Эарендиль же поднялся на зеленый холм Туна – пустынным явился он взору; прошел он по улицам Тириона – и не встретил ни души; и тяжело стало у него на сердце, ибо утратил Эарендиль, что неведомое зло проникло даже в Благословенное Королевство. Он брел по опустевшим дорогам Тириона, и алмазная пыль осыпал а одежды его и обувь, мерцающая и переливаясь, в то время как поднимался Эарендиль по высоким мраморным лестницам. Громко зывал он на разных языках, – языках как людей, так и эльфов, – но не было ему ответа. Потому Эарендиль повернул наконец к морю; но едва ступил он на дорогу, уводящую к берегу, как некто окликнул его громовым голосом с

вершины холма, восклицая: «Привет тебе, Эарендиль, славнейший из мореходов! О долгожданный, явившийся вдруг; о луч надежды, пробившийся вопреки отчаянию! Привет тебе, Эарендиль, несущий свет, что был до Солнца и Луны! Слава и гордость Детей Земли, звезда во тьме, драгоценный камень в зареве заката, утреннее сияние!»

То был голос Эонвэ, глашатая Манвэ; он явился из Валимара и призвал Эарендиля пред троны Властей Арды. И Эарендиль вступил в Валинор, в чертоги Валимара, и не возвращался более в края людей. И вот Валар собрались на совет, и призвали Ульмо из морских глубин; и Эарендиль предстал перед ними и говорил от имени Двух Народов. О прощении нолдор просил он, и о сострадании к их горестям и бедам; о милости к людям и эльфам и о помощи в час нужды. И услышана была его мольба. Говорится среди эльфов, что едва ушел Эарендиль разыскивать свою жену Эльвинг, Мандос заговорил об участии его и молвил: «Ужели дозволено будет смертному при жизни вступить на неувядаемые земли – и сохранить жизнь?» Но отозвался Ульмо: «Для того и явился он в мир. Вот что скажи мне: кто он – Эарендиль ли, сын Туора из рода Хадора, или сын Идрили, дочери Тургона из эльфийского дома Финвэ?» И отвечивал Мандос: «Нолдор, по доброй воле ушедшим в изгнание, равно не позволено возвратиться сюда».

Когда же отзвучали все речи, Манвэ объявил свое решение, и молвил он так: «В этом деле приговор выношу я. Опасность, на которую пошел он во имя любви к Двум Народам, да не коснется Эарендиля, равно как и жены его Эльвинг, что бросила вызов опасности из любви к нему; но нет им отныне обратной дороги ни к эльфам, ни к людям Внешних земель. Вот какова моя воля: Эарендилю и Эльвинг, и сыновьям их, дается свободный выбор; пусть каждый решает сам, удел какого народа принять, по законам какого народа судим он будет».

Долго отсутствовал Эарендиль, Эльвинг же, изнывая от страха и одиночества, бродила у кромки воды, и дошла так до Алквалондэ, где стояли на якоре корабли телери. Там приветили ее телери; с изумлением выслушали они ее рассказы о Дориате и Гондолине, и горестях Белерианда, и преисполнились сострадания; там, в Лебединой Гавани, и нашел ее по возвращении Эарендиль. Но скоро призвали их обоих в Валимар, и Старший Король объявил им свою волю.

Тогда Эарендиль молвил Эльвинг: «Выбирай ты, ибо устал я от мира». И Эльвинг избрала участь Перворожденных Детей Илуватара, памятуя о судьбе Лутиэн; и ради нее Эарендиль предпочел тот же удел, хотя сердцем своим стремился скорее к людям, к народу своего отца. Тогда по повелению Валар Эонвэ отправился к берегам Амана, где все еще ожидали вестей спутники Эарендиля; вручил он им ладью, и три морехода поднялись на палубу; и Валар наслали могучий ветер, и ураган погнал их на Восток. Затем взяли Валар «Вингилот», и освятили его, и пронесли через весь Валинор к самым границам мира; там проплыл он через Врата Ночи и вознесся ввысь, в небесные пределы, в бескрайний воздушный океан.

Дивен и прекрасен был тот корабль: трепещущее пламя, яркое и чистое, наполняло его; Эарендиль Мореход стоял у руля, на одеждах его искрилась пыль эльфийских самоцветов, а на челе сиял Сильмариль. И отправился Эарендиль на этом корабле в далекий путь, в беззвездную тьму; чаще же всего можно видеть его сверкающий корабль утром либо вечером, в сиянии рассвета или в закатных лучах, когда возвращается он в Валинор из странствий своих за пределами мира.

Эльвинг не сопровождает его в пути, ибо не вынести ей холода бескрайних пределов непроглядной тьмы; сердцу ее дороги земля и ласковые ветра, что дуют над морем и холмом. Потому выстроили для Эльвинг белокаменную башню на севере, у границы Разделяющих морей; туда слетаются все морские птицы земли. Говорится, что Эльвинг, сама принявшая однажды их обличье, постигла птичий язык, и обучили ее птицы искусству полета, крылья же ее – белые и серебристо-серые. И порою, когда Эарендиль, возвращаясь, приближается к Арде, она взлетает навстречу ему – как летела некогда над волнами, спасенная от гибели

в морской пучине. Тогда зоркие глаза эльфов, живущих на Одиноком острове, различают ее вдалеке в облинии сияющей белой птицы, и на крыльях ее играет розовый отблеск заходящего солнца, когда радостно взмывает она ввысь, приветствуя возвращение «Вингилота» в гавань.

Когда впервые поднялся «Вингилот» в небесные пределы и, искристо-яркий, засиял над миром нежданно для всех, обитатели Средиземья узрели далекий свет и подивились, и поняли, что это – знамение, и нарекли звезду Гиль-эстель, Звезда Надежды. Когда же новая звезда вспыхнула на вечернем небе, Маэдрос обратился к Маглору, брату своему, говоря: «Воистину, то Сильмариль сияет на Западе?»

И отвечал Маглор: «Если это и вправду тот самый Сильмариль, что на наших глазах сгинул в морской пучине, вознесся ввысь волею Валар, – тогда порадуемся же; многие полуются теперь на его красоту, надежно защищенную ныне от зла». И эльфы обратили взоры свои к небесам и преисполнились надежды; Моргот же встревожился.

Говорится, однако, что Моргот не ожидал нападения с Запада; столь великая гордыня обуяла его, что полагал Враг: никто и никогда не пойдет на него войною. Более того, Моргот был убежден, что навсегда восстановил Владык Запада против нолдор, и что Валар, в довольстве живущим в своем благословенном краю, нет более дела до его королевства во внешнем мире; ибо тому, кто не ведает жалости, не постичь деяний, подсказанных состраданием, и не станет он принимать их в расчет. Но воинство Валар готовилось к битве; под белоснежные знамена встали ваньяр, народ Ингвэ, а также и те нолдор, что не покидали Валинора – во главе их выступил Финарфин, сын Финвэ. Из телери немногие пожелали отправиться на войну, ибо еще свежо было в их памяти кровопролитие в Лебединой Гавани и похищение кораблей; но они вняли уговорам Эльвинг, дочери Диора Элухия и родне своей по крови; и послали они ровно столько мореходов, сколько потребовалось, чтобы провести корабли с воинством Валинора на борту через море на восток. Однако все они оставались на кораблях; ни один не ступил на берег Ближних земель.

Немного говорится в преданиях о походе воинства Валар на север Средиземья, ибо в его рядах не было тех эльфов, что жили и страдали в Ближних землях – тех, что составили летописи былых времен, не забытые и по сей день; о событиях этих узнали они много позже, от родни своей в Амане. Но вот наконец мощь Валинора надвинулась с Запада, и от призывного звука труб Эонвэ дрогнул небесный свод, и над Белериандом вспыхнуло ослепительное сияние пламенеющих доспехов, ибо воины Валар приняли обличия юные, прекрасные и грозные, и горы звенели под их поступью.

Столкновение армий Запада и Севера получило название Великой Битвы и Войны Гнева. Все силы Трона Моргота приведены были в боевой порядок – а они умножились несказанно, так, что даже Анфауглит не мог вместить этих полчищ; и по всему Северу запылало пламя войны.

Но не помогло это Врагу. Балроги были уничтожены: лишь немногим удалось бежать с поля боя и укрыться в недоступных пещерах в недрах земли; бесчисленные легионы орков гибли, точно солома в гигантском костре; воины в сверкающих доспехах сокрушали их ряды – так огненный смерч сметает пожухшие листья. Мало кто уцелел; и еще долгие годы не тревожили они мир. Те немногие, что еще оставались в живых из трех домов Друзей Эльфов, Отцов Людей, сражались на стороне Валар, и отомстили они в те дни за Барагунда и Барахира, Галдора и Гундора, Хуора и Хурина, и многих других вождей. Но большая часть людей – будь то из народа Улдора или из числа других, недавно явившихся с востока, – прикнули к Врагу; и эльфы о том не забывают.

И вот, видя, что армии его гибнут, а мощь слабеет, Моргот дрогнул и не посмел выйти сам. Но в последней отчаянной схватке бросил он на недругов давно заготовленные силы:

из глубинных подземелий Ангбанда вырвались крылатые драконы, доселе невиданные. И столь сокрушителен и стремителен был натиск чудовищной стаи, что отступило воинство Валар – ибо драконы налетели, точно огненный смерч, и грохотал гром, и сверкала молния.

Но вот в ореоле белого пламени явился Эарендиль; и к «Вингилоту» слетелись все грозные птицы небес, а вел их Торондор; целый день и целую ночь в воздухе продолжалась битва, и исход ее оставался неясен. Перед самым рассветом Эарендиль сразил Анкалагона Черного, величайшего из драконов крылатого воинства, и сбросил его с небес; и пал он на твердыни Тангородрима, и сокрушил их своею тяжестью. И вот встало солнце, и воинство Валар одержало победу, и почти все драконы были уничтожены; подземелья Моргота были взломаны и разрушены, и могучая рать Валар спустилась в земные глубины. Морготу некуда было более отступать, и мужество оставило его. Он бежал в самую глубокую из своих шахт и запросил мира и милости, но был сбит с ног и повержен ниц. Тогда сковали Моргота цепью Ангайнор, что носил он прежде, а железную корону его перековали в ошейник, и голову его пригнули к коленям. Те два Сильмариля, что еще оставались у Моргота, извлечены были из короны, и засияли они под небесами незамутненным светом; и Эонвэ взялся хранить их.

Так покончено было с властью Ангбанда на Севере, и пало царство зла; и из глубинных темниц вышли неисчислимые толпы рабов, не чаявших уже увидеть свет дня, и взорам их предстал изменившийся мир. С такой яростью столкнулись в битве воинства, что северные области западного мира раскололись на части, и в образовавшихся расселинах заревело море, и было великое смятение, и поднялся великий грохот и шум: реки иссякли либо изменили русло, вздыбились долины, а холмы были втопты в землю, и Сириона не стало.

Тогда Эонвэ, глашатай Старшего Короля, призвал эльфов Белерианда покинуть Средиземье. Но Маэдрос и Маглор отказались внять призыву и замыслили (теперь испытывая лишь великую усталость и отвращение) предпринять еще одну отчаянную попытку исполнить клятву: ибо они готовы были биться за Сильмарили даже с победоносным воинством Валар, даже стоя в одиночестве противу всего мира. И отправили братья послание к Эонвэ, повелевая ему выдать драгоценные камни, сработанные встарь отцом их, Феанором, и похищенные Морготом.

Но отвечал Эонвэ, что сыны Феанора утратили былое право на творение своего отца через многие свои жестокие злодеяния: великие преступления свершили они, ослепленные клятвой, и худшим из них явилось убийство Диора и нападение на Гавани. Свету Сильмарилей предстояло теперь уйти на Запад – туда, где создан он был изначально; а Маэдросу и Маглору надлежало возвратиться в Валинор и там ожидать приговора Валар: лишь по повелению Владык Эонвэ мог передать вверенные ему драгоценные камни. Тогда Маглор хотел уже покориться, ибо тяжело было у него на сердце, и молвил он: «Не говорит клятва, что не вправе мы выжидать; может статься, в Валиноре все будет прощено и позабыто, и с миром вступим мы во владение своим добром».

Но отвечал Маэдрос, что, ежели возвратятся они в Аман, а Валар откажут им в милости, – клятва останется в силе, однако выполнить ее станет невозможным делом; и молвил он: «Кто знает, что за страшную участь навлечем мы на себя, если нарушим волю Властей в их собственных угодьях или попытаемся вновь развязать войну в их священном царстве?»

Но Маглор все колебался, говоря: «Если Манвэ и Варда сами не позволяют нам исполнить клятву, принося которую, мы призвали их в свидетели – разве не утрачивает такая клятва смысл?»

Однако отвечал Маэдрос: «Но как докричаться нам до Илуватара, что пребывает за Кругами Мира? Ведь Илуватаром клялись мы в безумии своем, и призвали на себя Вечную Тьму, если не исполним своего слова. Кто сможет освободить нас?»

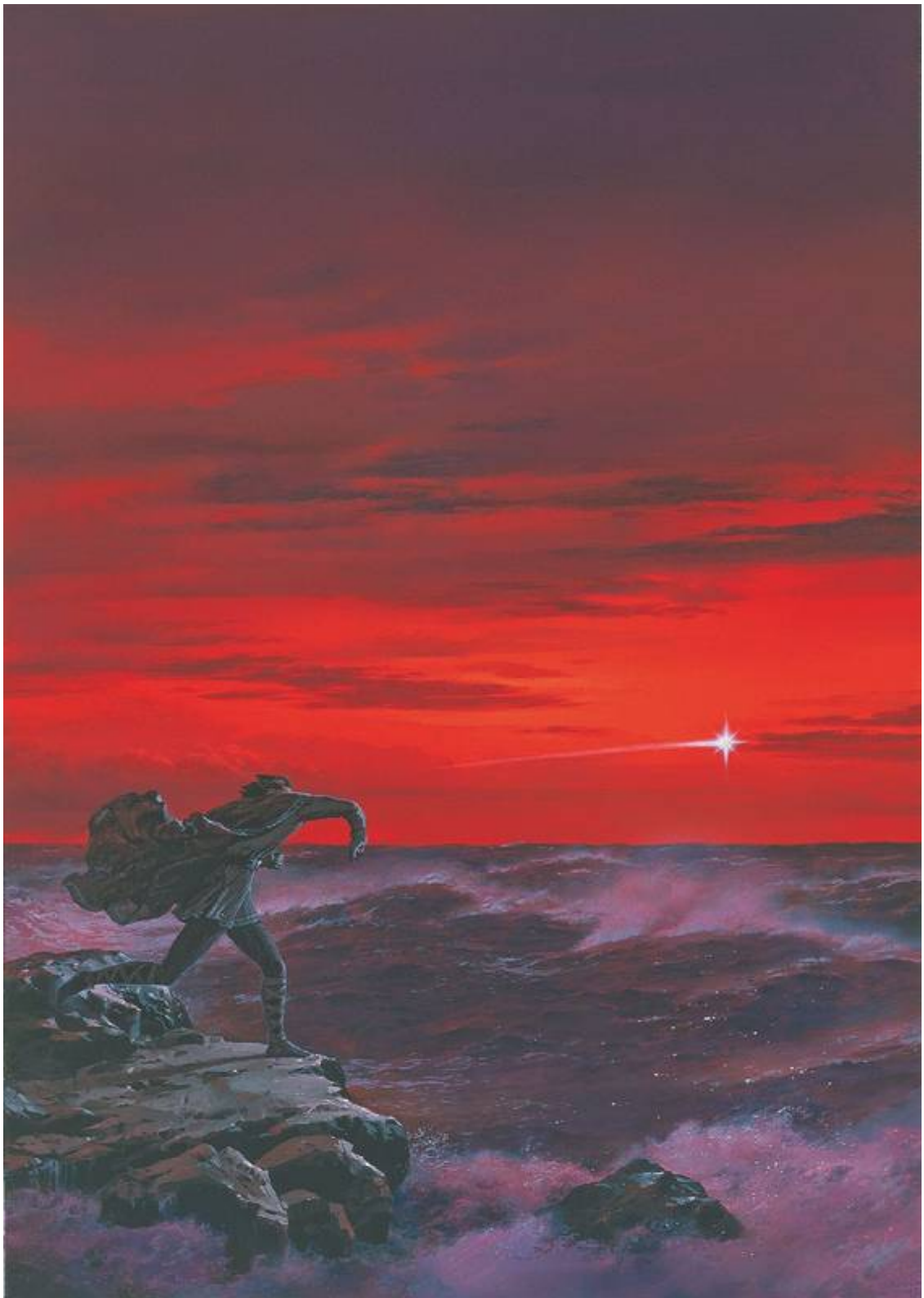
«Если никому не дано освободить нас, – молвил Маглор, – тогда, воистину, Вечная Тьма – наш удел, все равно, сдержим ли мы клятву или нарушим ее; однако меньшее зло содеем мы, нарушая».

Однако наконец уступил он воле Маэдроса, и братья стали держать совет, как отобрать им Сильмарили. Изменив внешность, под покровом ночи явились они в лагерь Эонвэ, пробрались туда, где хранились Сильмарили, перебили стражу и захватили сокровище. Тогда весь лагерь поднялся против них, и братья приготовились умереть, защищаясь до последнего. Но Эонвэ не позволил убивать сыновей Феанора; и ушли братья, и никто не поднял на них руки; и бежали они далеко прочь. Каждый взял себе по Сильмариллю, ибо рассудили они так: «Один для нас потерян, и остается два, а из всех братьев выжили только мы двое: ясно, что судьба заставляет нас поделить наследство отца».

Но драгоценный камень ожег руку Маэдроса невыносимой болью, и понял Маэдрос, что истину рек Эонвэ, говоря, будто сыновья Феанора утратили былое право и клятва потеряла силу. Мучимый болью, охваченный отчаянием, Маэдрос бросился в зияющую огненную пропасть и так окончил свои дни; и отвоеванный им Сильмариль приняла в лоно свое Земля.

О Маглоре же говорится, что, не в силах выносить жгучую боль, он наконец бросил Сильмариль в Море, а после долго скитался вдоль морских берегов и слагал песни у кромки прибоя, терзаемый раскаянием и мукой. Ибо Маглор был искуснейшим певцом былых времен; превосходил его один лишь Дазрон из Дориата; но так и не возвратился дивный песнопевец к эльфийскому народу. Вот так случилось, что Сильмарили обрели наконец пристанище на долгие времена: один – в небесных пределах, другой – в огне, что пылает в сердце мира, а третий – в пучине вод.

В ту пору на берегах Западного моря началось великое строительство кораблей: оттуда целыми флотилиями эльдар отплывали на Запад, чтобы не возвращаться более в земли слез и войн. Под белоснежными знаменами вернулись ваньяр, и с триумфом вступили в Валинор. Но радость их победы омрачило новое горе: возвратились они без Сильмарилей из короны Моргота, и знали они, что драгоценные эти камни не будут найдены и не соединятся воедино до тех пор, пока не погибнет и не возродится вновь мир.

Достигнув Запада, эльфы Белерианда поселились на Тол Эрессеа, Одиноким острове, откуда взорам их открывался и запад, и восток; оттуда плавали они и в Валинор. Они получили прощение Валар, и вновь обратилось к ним благоволение Манвэ, и телери простили давнюю обиду, и клятва была предана забвению.

Но не все эльдалиэ пожелали покинуть Ближние земли, где прожили столь долго и вынесли столькие страдания; нашлись и такие, что на много веков задержались в Средизе-

мье. Среди них были Кирдан Корабел, и Келеборн из Дориата, и Галадриэль, жена его – только она одна и оставалась в живых из тех, что некогда увели нолдор в изгнание в Белерианд. В Средиземье остался и Гиль-галад, Верховный король, а с ним – Эльронд Полуэльф, избравший удел эльдар (такова была пожалованная ему милость); но Эльрос, брат его, предпочел остаться с людьми. От этих братьев в роду людей явились потомки Перворожденных, в коих воплотился и божественный дух Айнур – тех, что обрели бытие задолго до создания Арды; ибо Эльронд и Эльрос были сыновьями Эльвинг, дочери Диора, сына Лутиэн, дочери Тингола и Мелиан; а Эарендиль, их отец, был сыном Идрили Келебриндал, дочери Тургона из Гондолина.

Моргота же Валар выбросили через Дверь Ночи за пределы Стен Мира, в Пустоту Вне Времени, и на стенах тех навеки поставлены были часовые, и Эарендиль несет стражу на небесных бастионах. Но и по сей день живы семена лжи, что Мелькор, могущественный и проклятый, Моргот Бауглир, Власть Ужаса и Ненависти, посеял в сердцах эльфов и людей, и невозможно их уничтожить; то и дело дают они новые всходы, и будут приносить свои темные плоды и в последующие времена.

Здесь кончается «СИЛЬМАРИЛЛИОН». Если картины тьмы и гибели заслонили в нем образы величия и красоты – такова была встарь судьба Арды Искаженной; изменится ли мир и удастся ли исправить Искажение, ведомо, может статься, Манвэ и Варде; но не открывают они того, что знают, и в пророчествах Мандоса о том нет ни слова.

Акаллабет

Низвержение Нуменора

Говорится среди эльдар, будто люди пришли в мир в те времена, когда над землею простиралась Тень Моргота, и быстро подпали под его власть, ибо Враг выслал к ним своих лазутчиков, и люди вняли злобным и коварным речам и стали поклоняться Тьме, хотя не внушала им Тьма ничего, кроме страха. Но нашлись и такие, что отвратились от зла, и покинули земли своих отцов, и отправились на Запад, ибо дошли до них слухи, будто на Западе сияет свет, перед которым Тень бессильна. Слуги Моргота безжалостно преследовали беглецов; долог и труден был путь, но добрались они наконец до тех земель, откуда взорам открывалось Море, и вступили в Белерианд, где в ту пору шла Война Самоцветов. На языке синдарин люди эти звались эдайн; они стали друзьями и союзниками эльдар и свершили подвиги великой доблести в битвах против Моргота.

От них по отцовской линии происходит Сияющий Эарендиль; в «Лэ об Эарендиле» говорится о том, как в ту пору, когда Моргот уже почти готов был торжествовать победу, сын Туора выстроил корабль свой «Вингилот» (люди называли его «Ротинзиль») и отправился бороздить неведомые моря в надежде отыскать Валинор: задумал он просить Валар от имени Двух Народов о снисхождении и помощи в час крайней нужды. Потому люди и эльфы нарекли его Эарендиль Благословенный, ибо свершил он задуманное, хотя великие опасности и труды выпали ему на долю; и воинство Владык Запада выступило из Валинора. Эарендиль же не возвратился более в некогда любимые им земли. В ходе Великой Битвы, когда наконец повержен был Моргот и рухнул Тангородрим, из всех людских племен одни только эдайн сражались на стороне Валар, в то время как многие другие примкнули к Морготу. Когда же Владыки Запада одержали победу, уцелевшие приспешники зла бежали обратно на восток: в тех краях многие их соплеменники все еще скитались по невозделанным полям, где торжествовали жестокость и беззаконие, равно глухи к призывам и Валар, и Моргота. И явились к ним злые люди, а с ними – и тень страха; и те избрали их королями. Тогда Валар отвернулись до поры от людей Средиземья, отказавшихся внять их призывам и признавших владыками над собою друзей Моргота; и люди жили во тьме, и не было им защиты от злобных тварей, что измыслил Моргот в дни своего могущества: от демонов и драконов, уродливых чудищ и нечистых орков, созданных в насмешку над Детьми Илуватара. Ужасна была участь людей.

Но Манвэ изгнал Моргота и запер его за пределами Мира, во внешней Пустоте, и не может Враг сам возвратиться в мир в своем осязаемом и видимом обличи, пока восседают на тронах Владыки Запада. Однако брошенные им семена давали всходы и приносили злые плоды – стоило лишь порадеть о посеве. Ибо воля Моргота по-прежнему жила в мире и направляла его слуг, принуждая их противиться воле Валар и уничтожать тех, кто повиновался им. Про то хорошо знали Владыки Запада. Потому, когда выдворили они Моргота,

принялись они совещаться касательно грядущих эпох. Эльфов Валар призвали возвратиться на Запад; и те эльдар, что вняли призыву, поселились на острове Эрессеа: одна из его гаваней носит название Аваллонэ – из всех городов земли она ближе всего к Валинору. Башня Аваллонэ, это – первое, что открывается взору морехода, когда корабль его приближается наконец к Бессмертным землям, оставляя за кормою бескрайние просторы Моря. Щедрая награда ожидала и Отцов Людей, героев трех домов, сохранивших верность Валар. Сам Эонвэ пришел наставлять их, и обрели они великое могущество и мудрость, и жизнь более долгую, нежели прочие смертные. Для эдайн создана была новая земля, не являющаяся частью ни Средиземья, ни Валинора, и отделенная от них безбрежным океаном – однако расположенная ближе к Валинору. Оссэ поднял ее из пучины Великих Вод, Аулэ укрепил, а Йаванна одарила плодородием, эльдар же украсили остров фонтанами и цветами, привезенными с Тол Эрессеа. Валар нарекли этот остров Андор, Дарованная Земля, и Звезда Эарендиля ярко вспыхнула на Западе как знак того, что все готово, и луч ее, точно путеводная нить, прочертил путь через море, и подивились люди, завидев серебристое пламя на дорогах Солнца.

Тогда эдайн вышли на кораблях в открытое море, следуя за Звездой; и Валар на много дней смирили морские бури, и по их воле сиял солнечный свет и дул попутный ветер, и водная гладь искрилась перед глазами эдайн точно стекло, подернувшись мелкой рябью, и пена разлеталась, словно снежные хлопья, перед форштевнями их кораблей. Столь ярко пылал Ротинзиль, что даже по утрам люди различали на Западе его трепетный свет, а безоблачными ночами он сиял один, ибо все другие звезды меркли в его лучах. Держа курс на Звезду, эдайн преодолели наконец бескрайние морские пространства и увидели вдаль, в мерцающей золотой дымке, приготовленный для них остров, Андор, Дарованную Землю. И вот пристали они к берегу, и сошли с кораблей, и открылся их взорам цветущий, изобильный край, и возрадовались они. И нарекли они эту землю Эленна, что означает «К Звезде», или иначе Анадунэ, то есть Западная земля, Нуменорэ на Высоком наречии эльдар.

Так началось бытие того народа, что на языке Серых эльфов зовется дунэдайн: нуменорцы, Короли среди людей. Но и они не избежали тем самым смертного удела, что Илуватар назначил всему роду человеческому; дунэдайн оставались смертны, хотя долог был отмеренный им срок, и не знали они недугов до того, как на народ их пала тень. Умножились мудрость их и слава; более прочих людских племен во всем уподобились они Перворожденным; были они высоки ростом – выше, чем самые высокие из сынов Средиземья; и глаза их сияли ярко, точно звезды. Но медленно росло число жителей этой земли, ибо хотя рождались среди дунэдайн дочери и сыновья, еще более прекрасные, нежели отцы их – однако очень немного.

Встарь главный город и гавань Нуменора находился посреди западного побережья и назывался Андунизэ, ибо смотрел на закат. В самом центре острова возвышалась скала, высокая и отвесная; название ей было Менельтарма, Столп Небес, и вершина ее – ровная, открытая всем ветрам – считалась святилищем Эру Илуватара; иных храмов и капищ не строили в земле нуменорцев. У подножия горы воздвигнуты были усыпальницы королей, а совсем рядом, на холме, стоял Арменелос, прекраснейший из городов: там высилась башня и цитадель, возведенная Эльросом, сыном Эарендиля, ставшего волею Валар первым королем дунэдайн.

Эльрос и Эльронд, брат его, вели свой род от Трех Домов эдайн, а также отчасти от эльдар и майар, ибо в числе их предков были Идриль из Гондолина и Лутиэн, дочь Мелиан. Воистину Валар не могли лишить людей дара смерти, полученного от Илуватара, однако что до Полуэльфов – здесь Илуватар передал Валар право решения, и Власти Арды судили позволить сыновьям Эарендиля самим избрать свою судьбу. Эльронд пожелал остаться с Перворожденными, и удел Перворожденных дарован был ему. Эльросу же, который предпочел стать королем людей, отмерен был долгий срок жизни – во много раз превышающий лета

людей Средиземья; и все потомки его, короли и знатные лорды королевского дома, жили долго даже по меркам нуменорцев. Эльрос же прожил пятьсот лет, и из них правил нуменорцами четыреста лет и еще десять.

Так шли годы, Средиземье приходило в упадок, померк свет и позабылась древняя мудрость, но дунэдайн жили под покровительством Валар и в дружбе с эльдар, и мужали телесно и духовно. Хотя народ этот, как встарь, говорил на своем языке, короли и знать изъяснялись также и на эльфийском наречии, которым овладели во времена союза эльфов и людей, и так вели беседы с эльдар – теми, что жили на Эрессеа, и теми, что приплывали от западных берегов Средиземья. Мудрецы Нуменора постигли также и Высокое наречие эльдар Благословенного Королевства – немало преданий и песен, сложенных на древнем языке, дошли до них из глубины веков, от начала сотворения мира. И создали они манускрипты, и книги, и свитки, и вписали в них многие дивные истины в пору расцвета нуменорского королевства – истины, позабытые ныне. Таким образом, помимо собственных своих имен, все знатные нуменорцы принимали имена также и на языке эльдар; то же справедливо было в отношении прекрасных городов и поселений, что основали они в Нуменоре и по берегам Ближних земель.

Ибо несказанно возросло мастерство дунэдайн, и с легкостью превзошли бы они злобных королей Средиземья в искусстве ведения войны и изготовления оружия, если бы только пожелали – но теперь всей душой стремились они к миру. Превыше всех ремесел нуменорцы ставили кораблестроение и морское дело, и не будет вновь равных им мореходов с тех пор, как мир пришел в упадок; а морские странствия стали излюбленной забавой и испытанием доблести для отважных мужей в славные дни их юности.

Но Владыки Валинора запретили нуменорцам плавать на запад за пределы видимости острова; и долгое время дунэдайн принимали это как должное, хотя и не до конца понимали причину подобного запрета. Манвэ же задумал оградить нуменорцев от искушения искать Благословенное Королевство или желать перейти границы, назначенные их благоденствию, возмечтав о бессмертии Валар и эльдар и о землях, над коими тлен не властен.

Ибо в те времена Валинор еще оставался частью видимого мира: Илуватар позволил Валар сохранять там свою земную обитель, как память о том, что могло бы быть, если бы тень Моргота не пала на мир. О том хорошо знали нуменорцы, и порою, когда воздух был прозрачен и чист, а солнце сияло на востоке, они вглядывались вдаль и различали на западе сверкающий белизною город на далеком берегу, и величественную гавань, и башню. В те дни нуменорцы обладали острым зрением; однако только самому зоркому взгляду дано было разглядеть дивное видение – с вершины Менельтармы или, может статься, с высокой палубы корабля, что удалялся от западного берега так далеко, насколько то было дозволено. Ибо дунэдайн не смели нарушить Запрет Владык Запада. Однако мудрые из числа нуменорцев ведали, что эта недосыгаемая земля – отнюдь не Благословенное Королевство Валинора, но Аваллонэ, гавань эльдар на Эрессеа, самой восточной части Бессмертных земель. Оттуда в Нуменор порою являлись Перворожденные – они приплывали на кораблях, не знающих весел, словно белые птицы, летящие из тех краев, где заходит солнце. Они привозили в Нуменор бесчисленные дары: певчих птиц и благоуханные цветы, и травы с чудесными свойствами. Привезли они и саженец, взятый от Келеборна, Белого Древа, что росло в самом центре Эрессеа; а тот, в свою очередь, происходил от Галатилиона, Древа Туны, созданного Йаванной по образу Тельперииона для эльдар Благословенного Королевства. Дерево это выросло и зацвело во дворцовых садах короля в Арменелосе, и нарекли его Нимлот; вечером раскрывались душистые лепестки, и ночные сумерки наполняло дивное благоухание.

Вот так случилось, что, памятуя о Запрете Валар, дунэдайн не плавали на запад в те времена, но только на восток: от укрытого мраком Севера до жаркого Юга и далее, до Нижних Границ Тьмы; заходили они и во внутренние моря, и, огибая берега Средиземья, различали с высоких палуб Врата Утра на Востоке. Случалось, что дунэдайн приставали у берегов Великих земель, и жалость охватывала их при виде пришедшего в запустение Средиземья; и правители Нуменора вновь высадились на западном побережье в те времена, что вошли в историю как Темные Годы людей, и до поры никто не посмел встать у них на пути. Ибо в те дни люди, в большинстве своем пребывая под властью Тьмы, сделались малодушны и слабы. И, придя к ним, многому стали учить их нуменорцы. Пшеницу и вино привезли они, и научили людей сеять зерно и молотить муку, обрабатывать дерево и обтесывать камень, и помогли им упорядочить ход своей жизни – насколько возможно то было в земле, где смерть приходит скоро, а радость – редкий гость.

Так люди Средиземья обрели утешение и поддержку; тут и там вдоль западного побережья глухие леса отступили вглубь материка; люди сбросили ярмо морготова детища и позабыли о страхе своем перед тьмою. И чтители они память о высоких Морских Королях, и, когда те уплыли прочь, стали звать их богами, уповая на их возвращение. Ибо в те времена нуменорцы не задерживались в Средиземье надолго, и до поры не спешили основать там свои поселения. На восток призывал их долг, но к западу по-прежнему стремились сердца их.

Тоска эта все усиливалась с течением лет; все сильнее манил нуменорцев город бессмертия, что различали они вдалеке, и мечта о вечной жизни, об избавлении от смерти и блаженстве, не имеющем предела все больше овладевала ими; и в то время, как росли могущество и слава дунэдайн, росло и недовольство. Ибо хотя Валар вознаградили дунэдайн долгой жизнью, усталость от бремени мира, что приходит рано или поздно, не могли исцелить Владыки Запада; и нуменорцы умирали – все, даже короли из рода Эарендиля, и краток был в глазах эльдар отмеренный им срок. Вот так на нуменорцев пала тень: может статься, это вновь явила себя злобная воля Моргота, что все еще жила в мире. Нуменорцы принялись роптать – сперва втайне, а затем и открыто, проклиная участь людей, а более всего – Запрет, не позволяющий им плавать на Запад.

И говорили они промеж себя: «Почему Владыки Запада живут там в мире, и нет пределов их благоденствию – мы же должны умирать и отправляться сами не знаем куда, покидая дома наши и все, что создали своим трудом? Эльдар тоже не знают смерти – даже те, что восстали против Владык. Мы подчинили себе все водные просторы, нет такого моря, что оказалось бы слишком широким и бурным для наших кораблей – почему же не позволено нам доплыть до Аваллонэ и повидать живущих там друзей наших?»

Находились и такие, что заявляли: «Почему не позволено нам доплыть хотя бы и до Амана, и, оказавшись там, вкусить – пусть на один только день – блаженство Властей? Разве не превзошли мы в могуществе народы Арды?»

Эльдар передали эти речи Валар, и опечалился Манвэ, видя, как над Нуменором в расцвете славы сгущаются тучи. И отправил он к дунэдайн вестников; долго и убежденно говорили они с королем и всеми, кто соглашался слушать, рассказывая об участи и устройстве мира.

«Судьбу Мира изменить может только Тот, кто создал его, – увещевали они. – Даже если бы и впрямь пустились вы в плавание и, миновав все ловушки и мороки, добрались бы до Амана, Благословенного Королевства – немного пользы принесло бы то вам. Ибо отнюдь не земля Манвэ делает обитателей ее бессмертными, но Бессмертные, живущие там, освятили землю; вы же, оказавшись в Амане, только ощутили бы до срока усталость прожитых лет и погибли бы, словно мотыльки в свете чересчур ярком и неугасимом».

Но молвил король: «Разве Эарендиль, мой предок, не здравствует и поныне? Или он не в земле Аман?»

На это отвечали Вестники: «Сам знаешь, ему дарован особый удел: он причислен был к Перворожденным, над которыми смерть не властна; однако помни также, что не суждено ему когда-либо возвратиться в смертные земли. Тогда как ты и народ твой – не из числа Перворожденных; вы – смертные люди; такими сотворил вас Илуватар. Сдается, однако, что хотите вы завладеть достоянием обоих народов: плавать в Валиноре, когда заблагорассудится, и возвращаться, буде на то ваша воля, к домам своим. Тому не бывать. Да и не могут Валар отнять дары Илуватара. Эльдар не понесли наказания, говорите вы – даже те, что восстали, не знают смерти. Однако для них это – не награда и не кара, но суть их бытия. Эльфы не могут уйти, они связаны с этим миром и не покинут его пределов, пока стоит мир, ибо жизнь Арды и жизнь эльфов едины. Вы же несете наказание за бунт людей, к коему отчасти причастны, говорите вы, – потому смерть имеет над вами власть. Но изначально не карой задумана была смерть. Это – путь к спасению; вы покидаете мир и не связаны с ним, будь то в надежде или усталости. Так кому же из нас пристало завидовать другому?»

И ответствовали нуменорцы: «Как же не завидовать нам Валар или даже последнему из Бессмертных? От нас требуют слепой веры, надежды без уверенности; не ведаем мы, что ждет нас в ближайшем будущем. А ведь и мы любим Землю и не желаем расставаться с нею».

Тогда молвили Вестники: «Это так: замысел Илуватара во всем, что касается вас, неведом Валар; не все, чему суждено случиться, открыл Эру. Но вот что почитаем мы истинным: ваш дом – не здесь, не в земле Аман и не в пределах Кругов Мира. Судьба людей, уводящая их прочь, изначально была даром Илуватара. Горем обернулась она для них потому лишь, что, когда пала на них тень Моргота, показалось людям, будто окружает их тьма еще более непроглядная, и убоялись они; многие же возгордились, и в своеенравии своем не пожелали смириться и добровольно расставаться с жизнью. Мы, изнывающие под бременем лет, что с каждым днем все тяжелее, не в состоянии постичь этого – но если горе это вновь вернулось терзать вас, как утверждаете вы, тогда опасаемся мы, что над миром вновь встанет Тень и подчиняет себе сердца ваши. Потому, хоть вы и дунэдайн, прекраснейшие из рода людей, что встарь вырвались из-под власти Тени и доблестно сражались с нею, мы говорим вам: остерегитесь! Не след противостоять воле Эру; и Валар настоятельно велят вам не отрекаться

от веры, к которой призывают вас – иначе очень скоро она вновь превратится в связующие вас оковы. Надейтесь лучше, что в итоге даже ничтожнейшие из ваших желаний принесут свои плоды. Илуватар вложил в сердца ваши любовь к Арде, а он ничего не насаждает без причины. Однако же немало веков пройдет перед глазами не родившихся еще поколений прежде, чем замысел Эру станет явным; и вам откроется он, а не Валар».

Эти события произошли во времена Тар-Кирытана Корабельщика и Тар-Атанамира, его сына; то были гордые властители, жадные до богатства; они обложили данью жителей Средиземья, и теперь охотнее брали, нежели давали. Именно к Тар-Атанамиру явились Вестники; он же был тринадцатым королем, и к моменту его вступления на престол королевство Нуменор просуществовало уже более двух тысяч лет и достигло расцвета своего благоденствия, если не могущества. Но Атанамир остался недоволен советами Вестников и не внял им, и большинство его подданных последовали примеру короля, ибо, как и прежде, одолевало их желание обрести избавление от смерти тотчас же, немедленно, не дожидаясь исполнения надежды в неведомом будущем. Сам Атанамир дожил до лет весьма преклонных, цепляясь за жизнь даже тогда, когда не осталось в ней и следа радости; первым из нуменорцев поступил он так, не соглашаясь уйти до тех пор, пока не утратил вовсе разум и силу, и отказывая в престоле своему сыну в расцвете лет. Владыки же Нуменора, как правило, женились поздно, ибо долгая жизнь отпущена была им, и уходили, передавая власть сыновьям, как только возмужают те телесно и духовно.

После на престол взошел Тар-Анкалимон, сын Атанамира; образ мыслей его не отличался от отцовского, и в дни его правления в народе Нуменора возник разлад. В одном лагере собралось большинство; их называли Людьми Короля; и они возгордились и отделились от эльдар и Валар. Во втором лагере оказались немногие; этих называли Элендили, Друзья Эльфов, ибо хотя они по-прежнему хранили верность королю и Дому Эльроса, они желали остаться в дружбе с эльдар и вняли совету Западных Владык. Тем не менее даже их, называвших себя Верными, коснулась скорбь народа дунэдайн; и их тоже терзала мысль о смерти.

Так сходило на нет благоденствие Западной земли, однако росли ее могущество и богатство. Ибо короли и их подданные не вовсе утратили мудрость, и если более не почитали Валар, то по крайней мере все еще опасались их. Они не смели открыто нарушить Запрет или плавать далее назначенных им пределов. Как и прежде, на восток направляли они свои высокие корабли. Но страх перед смертью все сильнее подчинял себе души людей, и любой ценою стремились они продлить отмеренный им срок; и стали они возводить громадные усыпальницы для умерших, а мудрецы Нуменора трудились, не покладая рук, тщась разгадать секрет воскрешения к жизни или хотя бы ее продления. Но преуспели они лишь в искусстве уберечь от тлена мертвую плоть; и весь остров загромодили безмолвные гробницы, где во тьме саркофагов затаилась мысль о смерти. Живущие же с тем большей охотой искали забвения в наслаждениях и разгульных пирах, алкая все больших богатств и сокровищ; а после Тар-Анкалимона обычай подносить Эру первые плоды был предан забвению, и теперь редко поднимались люди в Святилище на вершине Менельтармы в центре острова.

Вот так случилось, что в те времена нуменорцы впервые основали огромные поселения на западном побережье древних земель, ибо собственная их земля с некоторых пор казалась им тесной, и не знали они там более ни радости, ни покоя: теперь они жаждали власти над Средиземьем и его сокровищ, раз уж Запад оставался для них закрыт. Укрепленные гавани и неприступные башни возвели они; там многие и поселились. Но теперь нуменорцы являлись в Средиземье скорее как повелители и хозяева, и сборщики дани, нежели как помощники и наставники. Ветра уносили на восток могучие корабли нуменорцев, обратно же возвращались они нагруженными доверху; росли могущество и величие королей; пировали они и пили, и рядились в золото и серебро.

От всего этого Друзья Эльфов остались в стороне. Они одни плавали теперь на север, в земли Гиль-галада, поддерживая дружбу с эльфами и помогая им в борьбе против Саурона; гавань их близ устьев Великого Андуина называлась Пеларгир. Те же, кто называл себя Людьми Короля, плавали далеко на юг; твердыни и крепости, что возвели они, оставили свой след в легендах людей.

В эту эпоху, как о том говорится в других преданиях, Саурон вновь воспрял в Средиземье; возросла его сила и снова обратился он ко злу, в котором наставлял его Моргот по мере того, как слуга его обретал все большее могущество. Уже во времена Тар-Минастира, одиннадцатого короля Нуменора, Саурон укрепил земли Мордора и выстроил там башню Барад-дур; после же непрестанно стремился к тому, чтобы подчинить себе все Средиземье и стать королем над королями и божеством для людей. Саурон ненавидел нуменорцев, ибо помнил о деяниях их отцов, о древнем союзе их с эльфами и верности их Валар; не забыл он и о той помощи, что Тар-Минастир оказал встарь Гиль-галаду – в те времена, когда отковано было Единое Кольцо и в Эриадоре шла война между Сауроном и эльфами. Теперь же прознал он, что умножились могущество и слава королев Нуменора, и еще сильнее возненавидел их, и убоился, что захватят они его земли и вырвут у него владычество над Востоком. Но на протяжении долгого времени Саурон не смел бросить вызов Владыкам Моря и отступил от побережья.

Однако коварство Саурана не знало себе равных, и говорится, будто среди тех, кого заманил он в свои сети при помощи Девяти Колец, трое были знатными лордами из народа Нуменора. Когда же воспряли улайри, Призраки Кольца, его слуги, и несказанно возросла грозная мощь Саурана и власть его над людьми, он атаковал прибрежные крепости нуменорцев.

В те дни Тень сгустилась над Нуменором, и сократился срок жизни непокорных королей Дома Эльроса, но тем сильнее ожесточились они сердцем против Валар. Двадцатый король, приняв скипетр отцов, взошел на трон под именем Адунахор, Владыка Запада, отказавшись от эльфийских языков и запретив пользоваться ими в своем присутствии. Однако в Свитке Королей имя Херунумен было вписано на Высоком эльфийском наречии, согласно древней традиции, ибо короли не смели вовсе нарушить ее, опасаясь беды. Верным же этот титул показался непомерной дерзостью, ибо так именовались Валар; и сердца их подверглись жестокому испытанию, разрываясь между преданностью Дому Эльроса и почтением к поставленным над миром Властям. Но худшее было еще впереди. Ар-Гимильзор, двадцать третий король, стал непримиримым врагом Верных. В дни его правления никто не ухаживал более за Белым Древом и оно стало чахнуть; он вовсе запретил эльфийские языки и жестоко карал тех, кто оказывал добрый прием кораблям с Эрессеа, которые еще приставали втайне у западных берегов острова. Элендили же селились главным образом в западных областях Нуменора; однако Ар-Гимильзор повелел всем, кого ему удалось уличить в приверженности к этому лагерю, покинуть западные края и перебраться в восточные земли; там за ними следили днем и ночью. Вот так главное поселение Верных в последующие времена оказалось близ гавани Роменна; оттуда многие отплывали в Средиземье, держа курс к северным берегам, где они по-прежнему могли свободно говорить с эльдар во владениях Гиль-галада. Короли о том знали, но нимало тому не препятствовали до тех пор, пока Элендили покидали их владения и не возвращались более; ибо короли желали прекратить всякие сношения между своими подданными и эльдар Эрессеа, которых прозвали Доносчиками Валар – в надежде скрыть свои деяния и замыслы от Владык Запада. Но все их поступки ведомы были Манвэ, и разгневались Валар на королей Нуменора, и лишили их своего заступничества и советов; и корабли Эрессеа не появлялись более на фоне заходящего солнца, и опустели гавани Андуниэ.

Наибольшим почетом после королевского дома пользовались правители Андуниз, ибо они вели род свой от Эльроса, будучи потомками Сильмариэн, дочери Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора. Эти лорды хранили верность королям и чтили их; и правитель Андуниз всегда числился среди главных советников Скипетра. Однако испокон веков великую любовь питали они к эльдар и почитали Валар; когда же надвинулась Тень, они, как могли, помогали Верным, но долгое время они не заявляли о себе открыто, а тщились скорее смягчить сердца правителей Скипетра мудрым советом.

В ту пору славилась своей красотой некая леди Инзильбет: матерью ее была Линдориэ, сестра Эарендура, правителя Андуниз во времена Ар-Сакалтора, отца Ар-Гимильзора. Гимильзор взял ее в жены, хотя не склонялось ее сердце к такому союзу – в душе она была одной из Верных, проникшись наставлениями матери; но обуянные гордыней короли и сыновья их не привыкли встречать отказа в своих желаниях. Не было любви ни между Ар-Гимильзором и его королевой, ни между их сыновьями. Старший, Инзиладун, обликом и нравом походил на свою мать; младший же, Гимильхад, вышел в отца, разве что был еще более надменен и своеволен. Ему, а не старшему сыну, предпочел бы Ар-Гимильзор уступить скипетр, если бы позволял закон.

Когда же Инзиладун вззошел на трон, он вновь принял титул на эльфийском наречии, как делалось встарь, и нарек себя Тар-Палантир, ибо далеко видел он, в том числе и мысленным взором; и даже те, кто ненавидели короля, боялись его слов, точно пророчеств ясновидящего. Благодаря ему Верные на время обрели покой; вновь в надлежащее время стал он приходить к Святилищу Эру на Менельтарме, возродив обычай, что презрел Ар-Гимильзор. Опять принялся он ухаживать за Белым Древом, окружив его почетом; и предрек он, что когда погибнет Древо, прервется и род королевей. Но раскаяние его пришло слишком поздно и не могло уже смягчить Валар, разгневанных на дерзость его отцов; да и большая часть подданных Тар-Палантира ни в чем не раскаивалась. Гимильхад же был могуч и упрям; он возглавил тех, что некогда названы были Людьми Короля, и противостоял воле своего брата настолько открыто, насколько смел; однако чаще втайне. Так дни Тар-Палантира омрачила скорбь; большую часть времени он проводил в западной части острова; часто поднимался он на древнюю башню короля Минастира на холме Оромет близ Андуниз и с тоской глядел на запад, все надеясь, что, может статься, увидит вдаль парус. Но корабли с Запада не приплывали более к Нуменору, и невозможно было различить Аваллонэ в густой облачной пелене.

И вот Гимильхад умер, не дожив двух лет до своего двухсотлетия (то была ранняя смерть для потомка Эльроса, даже в пору заката королевского рода), но король так и не обрел покоя. Ибо Фаразон, сын Гимильхада, отличался еще более нетерпеливым и жадным до богатства и власти нравом, нежели его отец. Он часто уходил в дальние плавания и вставал во главе нуменорских воинств, что сражались на побережьях Средиземья, тщаь упрочить свою власть над людьми и подчинить себе новые земли; так немало прославился он как полководец на суше и на море. Когда же, узнав о смерти отца, Фаразон возвратился в Нуменор, сердца людей обратились к нему, ибо он привез с собою несметные богатства и поначалу раздавал их щедрой рукой.

И вот случилось так, что Тар-Палантир умер, сломленный горем. У него не было сыновей, но лишь единственная дочь, которую он нарек эльфийским именем Мириэль; теперь к ней по праву и по законам нуменорцев перешел скипетр. Но Фаразон взял Мириэль в жены против ее воли, содеяв зло как в этом, так и в том еще, что законы Нуменора не допускали браков между родичами более близкими, чем троюродные братья и сестры – пусть даже речь шла о королевском доме. Когда же заключен был брак, он узурпировал скипетр и назвался Ар-Фаразон (Тар-Калион на эльфийском наречии), а имя королевы изменил на Ар-Зимрафель.

Среди владевших Скипетром Морских Королей со времен основания Нуменора не было никого могущественнее и надменнее Ар-Фаразона Золотого; до него же правили двадцать четыре короля и королевы – те, что спали ныне вечным сном на золотых ложах в глубоких могилах под горою Менельтарма.

Восседая на своем резном троне в городе Арменелосе, в сиянии славы, Ар-Фаразон предавался мрачным раздумьям, замышляя войну. Ибо еще встарь в Средиземье прознал он о могуществе Саурона и о ненависти его к Западной земле. Теперь же к королю явились капитаны и шкиперы кораблей, возвратившиеся с Востока, и поведали о том, что Саурон, с тех пор, как Ар-Фаразон покинул Средиземье, открыто являет свою мощь и осаждает прибрежные города; что провозгласил он себя Королем над людьми и объявил, будто намерен сбросить нуменорцев в море и уничтожить по возможности сам Нуменор.

Услышав эти вести, Ар-Фаразон пришел в ярость; долго размышлял он втайне, и сердцем его все сильнее овладевала жажда безграничного могущества и единовластного утверждения своей воли. И решил он, не ища совета Валар, доверившись лишь собственной мудрости, что сам завоюет титул Короля над людьми и вынудит Саурона стать вассалом своим и слугою; ибо, обуянный гордыней, считал он, что нет и не будет на свете короля, способного оспаривать могущество Наследника Эарендила. Потому в ту пору Ар-Фаразон принялся ковать великие запасы оружия, выстроил немало боевых кораблей и погрузил на борт все, что нужно для битвы; когда же все было готово, он сам во главе своего воинства отплыл на Восток.

И увидели люди, как на фоне заходящего солнца поднялись его паруса, словно окрашенные алым, отсвечивающие багрянцем и золотом; тогда страх охватил прибрежных жителей, и бежали они далеко прочь. Флот же причалил наконец к месту под названием Умбар, где находилась укрепленная гавань нуменорцев, созданная самою природой, но не руками людей. Земли вокруг лежали пусты и безмолвны, когда Морской Король вступил в Средиземье. Семь дней шло его воинство под развернутыми знаменами, трубя в трубы, и вот приблизилось к холму, и король поднялся на его вершину, и поставил там шатер свой, и воздвиг свой трон, и воссел на него посреди бескрайних земель, а вокруг раскинулись шатры его воинов, синие, золотые и белые – точно поле огромных цветов. Тогда Ар-Фаразон выслал герольдов и повелел Саурону явиться к нему и присягнуть на верность.

И Саурон явился. Без боя покинул он свою неприступную башню Барад-дур. Ибо видел он, что мощь и величие Морских Королей превосходит самые слухи о них, и не мог надеяться на то, что даже сильнейшие из его слуг сумеют выстоять против нуменорцев; и понимал, что не пришло еще время навязывать дунэдайн свою волю. Лукав и коварен был Саурон, и умел добиться желаемого хитростью, если силы недоставало. Потому он смиренно предстал пред Ар-Фаразоном, и повел сладкие речи; и подивились люди – ибо все слова его, казалось, дышали благородством и мудростью.

Но в ту пору Ар-Фаразона подобные речи не обманули, и пришло королю на ум, что, дабы впредь можно было с большим основанием полагаться на Саурона и на его клятвы верности, следует отвезти его в Нуменор и оставить там в качестве заложника – и за себя самого, и за всех слуг его, обретавшихся в Средиземье. На это Саурон согласился, якобы уступая принуждению – втайне же порадовался, ибо все сложилось именно так, как хотелось ему. И Саурон был перевезен через море, и взору его открылась земля Нуменор, и город Арменелос в зените славы, и подивился он; но тем сильнее овладели его сердцем зависть и ненависть. И столь коварны были его замыслы и его речи, столь велика оказалась скрытая сила его воли, что не прошло и трех лет, как Саурон стал доверенным советником короля, ибо уста его непрестанно источали сладкий мед лести, и знал он многое из того, о чем люди доселе не ведали. Видя же, как благоволит к нему король, их повелитель, все советники принялись раболепствовать перед ним, кроме одного только Амандиля, правителя Андунизэ.

Так над Нуменором медленно свершалась перемена; встревожились Друзья Эльфов, и многие отступились из страха; те же, что остались, по-прежнему называли себя Верными, но недруги окрестили их мятежниками. Ибо теперь, подчинив себе слух людей, Саурон при помощи бесчисленных доводов опровергал все, чему прежде учили Валар, и внушал людям, будто в мире – и на востоке, и даже на западе – есть еще немало земель и морей, надо лишь завоевать их; там победителей ждут несметные богатства. А если в итоге итогов нуменорцы доберутся до самого края этих земель и морей – там за пределами всего сущего лежит Древняя Тьма. «Из нее создан был мир. Ибо поклонения достойна только Тьма, а Властелин ее может сотворить новые миры в дар своим слугам, так что могуществу их не будет предела».

И спросил Ар-Фаразон: «Кто – Властелин Тьмы?»

И тогда за закрытыми дверями Саурон отвечал королю и солгал, говоря: «Это – тот, чьего имени не называют ныне, ибо Валар обманули вас касательно него и провозгласили имя Эру – призрака, коего сами же измыслили в безумии своем, тщась обратить людей в своих рабов. Ибо Валар – оракулы этого Эру, и вещает он лишь то, что угодно им. Но тот, кто господин над ними, еще возьмет верх и избавит вас от этого призрака; имя же ему – Мелькор, Властелин Всего Сущего, Даритель Свободы; и он сделает вас сильнее Валар».

Тогда Ар-Фаразон стал поклоняться Тьме и Мелькору, Властелину ее – сперва втайне, но очень скоро и открыто, на глазах у своего народа; и большинство его подданных последовали примеру короля. Однако оставались еще Верные – как говорилось ранее, они жили в Роменне и окрестностях города, а также в небольшом числе там и тут в других краях. Главным среди них, в ком Верные видели вождя и вдохновителя в те черные дни, был Амандиль, советник короля, и сын его Элендиль; его же сыновья, Исильдур и Анарион, в ту пору были еще совсем юны по нуменорским меркам. Амандиль и Элендиль, славные мореходы, вели свой род от Эльроса Тар-Миньятура, хотя и не принадлежали к правящему дому, что владел короной и престолом города Арменелоса. В пору своей юности Фаразон дорожил дружбой Амандиля, с которым вырос бок о бок, и, хотя Амандиль числился среди Друзей Эльфов, он оставался в совете вплоть до самого прихода Саурана. Теперь его отстранили, ибо Саурон ненавидел его превыше всех в Нуменоре. Однако столь благороден был Амандиль, столь великими подвигами прославил он себя на море, что многие по-прежнему чтили его, и ни король, ни Саурон не смели до поры поднять на него руку.

Потому Амандиль возвратился в Роменну и тайно призвал туда всех тех, кого почитал верными, ибо опасался он, что зло отныне возрастет несказанно и что над всеми Друзьями Эльфов нависла опасность. Так вскорости и случилось. Ибо Менельтарма в те дни оказалась вовсе заброшена, и хотя даже Саурон не смел осквернить вершину, король запретил всем под страхом смерти подниматься туда – даже тем из числа Верных, что чтили Илуватара в сердце своем. Саурон же принялся убеждать короля срубить Белое Дерево, Прекрасный Нимлот, росший во дворцовых садах; ибо Дерево оставалось вечным напоминанием об эльдар и свете Валинора.

Сперва король не соглашался, ибо верил, что судьбы его дома связаны с Древом, как предсказал Тар-Палантир. Так в безумии своем тот, кто ненавидел ныне и эльдар, и Валар, напрасно цеплялся за тень древней верности Нуменора. Когда же до Амандиля дошли слухи о злобном замысле Саурана, он опечалился до глубины души, ибо знал, что в итоге Саурон всенепременно добьется своего. Тогда обратился Амандиль к Элендилю и сыновьям Элендиля, и напомнил им предание о Древах Валинора; и Исильдур не сказал ни слова, но ушел из дома под покровом ночи и свершил подвиг, прославивший его в последующие дни. Один, переодевшись и изменив внешность, добрался он до Арменелоса и дворцовых садов короля, куда Верным ныне закрыт был доступ; и пришел к тому месту, где росло Дерево – а доступ туда приказом Саурана закрыт был для всех, и Дерево охранялось день и ночь его прислужниками. В ту пору Нимлот казался темен и не цвел, ибо осень была на исходе и близилась

зима; и Исильдур пробрался сквозь ряды стражи и сорвал с Древа плод, и повернулся, чтобы уходить. Но всполошилась стража, и бросилась к нему; и он пробился сквозь строй врагов, получив множество ран, и скрылся; а, поскольку был он переодет, никто так и не дознался, кто покусился на Древо. Исильдур же с трудом возвратился в Роменну и из последних сил передал плод в руки деда. Тогда плод был тайно посажен в землю, и Амандиль благословил его, и по весне пробился молодой побег и быстро пошел в рост. Когда же развернулся первый лист, тогда Исильдур, долгие дни пролежавший без чувств, на грани жизни и смерти, поднялся, и исцелились его раны.

Вовремя успел Исильдур, ибо после этого происшествия король уступил Саурону и срубил Белое Древо, и вовсе отрекся от веры своих отцов. Саурон же приказал отстроить на холме в центре Златого Арменелоса, города нуменорцев, огромный храм; в основании его лежал круг, стены были в пятьдесят футов толщиной, а ширина основания составляла пятьсот футов и на пятьсот футов поднимались от земли стены, а венчал их высокий купол. Купол этот, посеребренный сверху, вздымался к небу, переливаясь на солнце, и сияние его можно было заметить издалека; но вскоре свет померк и серебро почернело. Ибо в центре храма возвышался алтарь, в нем пылал огонь; башенка с отверстиями для выхода воздуха увенчивала купол, а над нею курился дым. В первый раз Саурон разжег на алтаре огонь из древесины срубленного Нимлота; потрескивая, пламя поглотило его, и подивился народ: вверх клубами потянулся чад и облаком укрыл землю на семь дней, а после медленно уплыл на запад.

С тех пор на алтаре не гас огонь, и дым курился, не переставая, ибо могущество Саурана росло день ото дня, и в храме этом лилась кровь, пытали пленников и вершились великие злодеяния: люди приносили жертвы Мелькору, надеясь, что тот избавит их от смерти. Чаше всего на заклятие посылали они нуменорцев из числа Верных – однако никогда открыто не обвиняли их в том, что те отказываются поклоняться Мелькору, Дарителю Свободы, но скорее тщились доказать, что Верные ненавидят короля и готовят мятеж, или что злоумышляют против своей же родни, прибегая к яду и лживым наветам. По большей части эти обвинения не содержали в себе ничего, кроме лжи, однако то были черные дни, а ненависть, как известно, порождает ненависть.

Но, невзирая ни на что, Смерть не покинула эти земли; напротив, ныне являлась она раньше и чаще, и во многих ужасных обличьях. Ибо если прежде люди старились медленно и, устав от бремени мира, по доброй воле погружались в сон, то теперь слабоумие и дряхлость овладевали ими – однако и тогда страшились они умереть и уйти во тьму, в царство властелина, которого сами же признали над собою; и проклинали они в агонии самих себя. В те дни люди взялись за оружие и убивали друг друга по ничтожному поводу; теперь легко впадали они в гнев, и Саурон, или же те, кого он привлек на свою службу, бродили по острову, настраивая людей друг против друга – так, что народ роптал против короля и правителей, и любого, владеющего чем-то, чего им самим не достало; и те, что стояли у власти, жестоко мстили.

Тем не менее долгое время нуменорцам казалось, что народ их процветает; и если счастливее они не становились, то умножилась их сила, а богатые разбогатели еще больше. Ибо, воспользовавшись помощью и советами Саурана, они умножили свое достояние, и научились создавать машины и строить корабли мощнее прежних. Во всеоружии плавали они к берегам Средиземья, однако теперь являлись нуменорцы отнюдь не как дарители и даже не как правители, но как безжалостные захватчики. Они преследовали жителей Средиземья, отбирали их добро, обращали людей в рабов, а многих предавали жестокой смерти на своих алтарях. Ибо в те времена нуменорцы возводили в крепостях храмы и огромные гробницы, и люди научились бояться пришельцев из-за моря, и память о милостивых коро-

лях былых времен угасла в мире, и омрачили ее бесчисленные предания, в которых господствовал ужас.

Так Ар-Фаразон, король над Землей Звезды, стал могущественнейшим тираном из всех, что существовали когда-либо в мире со времен Моргота – хотя на самом деле всем заправлял Саурон от имени короля. Шли годы, и с наступлением старости Ар-Фаразон ощутил приближение смерти, и охватили его ярость и страх. Долго ожидал Саурон этого часа и готовился к нему – и вот час пробил. Саурон обратился к королю, уверяя его, будто теперь, когда мощь правителя Нуменора так возросла, пора ему научиться во всем одерживать верх и перестать подчиняться приказам и запретам.

И молвил он: «Валар владеют землею, над которой не властна смерть, и лгут они тебе, говоря о ней, и прячут ее от посторонних глаз, ибо скупы и опасаются, что Короли Людей отвоюют у них царство бессмертия и станут править миром вместо них. Бесспорно, дар вечной жизни пристал не всем, но тем только, кто достоин подобного дара, могучим и гордым потомкам знатного рода – однако справедливо ли, что отнят этот дар у того, кому принадлежит он по праву, у короля из королев, у Ар-Фаразона, могущественнейшего из сынов Земли, с кем сравниться может разве что один Манвэ, да и то вряд ли? Но великие короли не признают отказов и сами берут то, что принадлежит им».

И вот одурманенный Ар-Фаразон, ощущая, что тень смерти простерлась над ним (ибо срок его жизни близился к концу), внял Саурону и принялся размышлять втайне о том, как начать войну против Валар. Долго вынашивал он свой замысел, и хотя не говорил о нем открыто, невозможно оказалось сохранить его в тайне. Прознав о намерениях короля, Амандиль встревожился и преисполнился великого страха, ибо понимал он, что людям не под силу победить Валар в войне и что миру суждено погибнуть, если войну эту не предотвратить. Потому призвал он своего сына Элендила и молвил ему так:

«Настали черные дни, и не на что надеяться людям, ибо Верных слишком мало. Потому намерен я испытать то средство, к коему прибег встарь предок наш Эарендиль, и направить корабль на Запад, невзирая на запрет, и воззвать к Валар, и, буде на то их воля, к самому Манвэ, и умолять его о помощи, пока еще не все потеряно».

«Ужели ты предашь короля? – молвил Элендиль. – Сам знаешь, обвиняют нас в том, будто изменники мы и доносчики, хотя до нынешнего дня в обвинениях этих не было ни слова правды».

«Если бы полагал я, что у Манвэ есть нужда в таком вестнике, – отвечал Амандиль, – я бы предал короля. Ибо одному лишь надлежит хранить верность, и нарушившему обет не может быть оправдания. Но молить я стану о милости к людям и об избавлении их от Лжеца Саурона, ибо остались еще Верные, пусть и немного их. Что до Запрета, на себя приму я кару, дабы не было вины на всем моем народе».

«Но как думаешь ты, отец, что за участь постигнет родню твою, оставшуюся на острове, когда прознают о твоём деянии?»

«О нем не должно прознать, – молвил Амандиль. – Втайне готовлю я отъезд свой, и курс возьму на восток: каждый день отплывают туда корабли от наших гаваней; после же, если позволят ветра и удача, я обогну остров с севера или с юга и возвращусь на запад искать свою судьбу, а найду ли – кто знает? Но что до тебя и родни нашей, сын, совет мой вам таков: приготовьте для себя другие корабли, поднимите на борт все то, с чем не в силах расстаться сердца ваши; когда же все будет сделано, поставьте корабли на якорь в Роменне и распустите слухи, будто намереваетесь, выждав подходящего часа, последовать за мною на восток. Венценосный наш родич ныне не так дорожит Амандилем, чтобы стал слишком уж горевать о нашем отъезде – на год ли, или навсегда. Но пусть не знают о том, что берешь ты с собою многих, иначе встревожится король: он замышляет войну, для которой понадобятся ему все силы, что он только сможет собрать. Разыщи тех Верных, что известны своей пре-

данностью и по сей день: пусть втайне присоединятся к тебе, если готовы уплыть с тобою и разделить твой замысел».

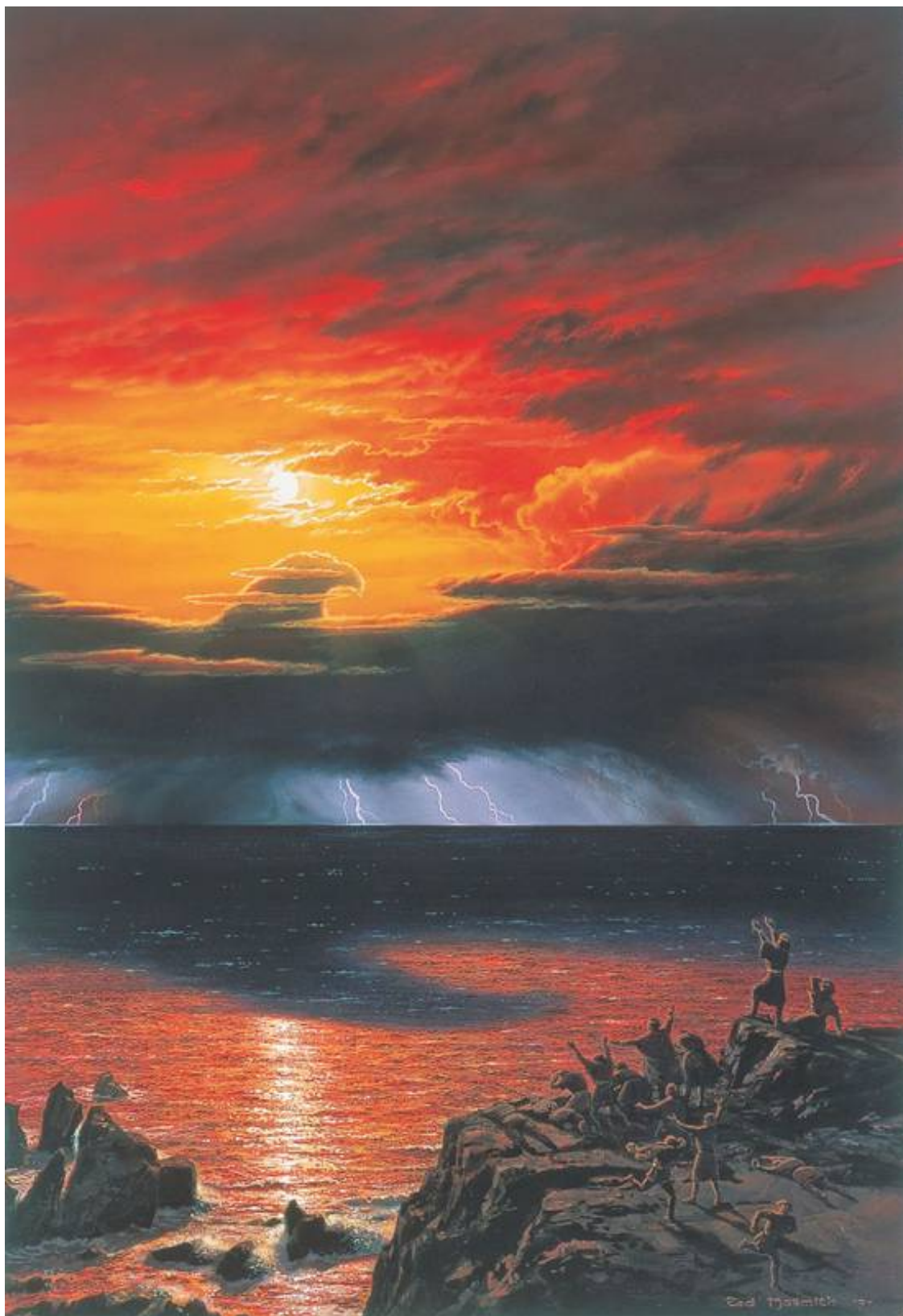
«В чем же должен состоять этот замысел?» – спросил Элендиль.

«Вам надлежит не вмешиваться в войну – но наблюдать и ждать, – отвечал Амандиль. – Ничего более не могу я сказать тебе до возвращения. Однако похоже на то, что придется тебе бежать с Земли Звезды, и звезда не укажет тебе путь, ибо земля эта осквернена. Тогда утратишь ты все, чем дорожил до сих пор, и еще при жизни ощутишь на губах привкус смерти – и станешь искать прибежища в чужих краях, словно изгнанник. На востоке, на западе ли – о том известно лишь Валар».

И Амандиль распрощался со всеми своими домочадцами, точно идущий на смерть. «Ибо, – молвил он, – вполне может случиться, что не увидите вы меня более, и не явлю я вам знамения, подобного тому, что явил встарь Эарендиль. Но будьте наготове, ибо привычный вам мир – в преддверии гибели».

Говорится, что под покровом ночи Амандиль вышел в море на маленькой ладье и направил ее сперва на восток, а затем, обойдя остров кругом, уплыл на запад. И взял он с собою троих дорогих его сердцу слуг; и более ничего не слышали о них в этом мире – не было ни послания, ни знака; легенды и догадки молчат об их судьбе. Не суждено было посланнику спасти людей во второй раз; да и что могло искупить измену Нуменора?

Элендиль же сделал все как велел отец: корабли его стояли на якоре близ восточного побережья, и Верные разместили на борту своих жен и детей, и сокровища, переходящие от отца к сыну, и немало прочего добра. Много было там дивных и прекрасных творений, созданных нуменорцами в пору их мудрости: кубки и драгоценные камни, и скрижали знания, записанные алыми и черными буквами. Были там и Семь Камней, подаренных эльдар; а на корабле Исильдура бережно разместили юное деревце, саженец Прекрасного Нимлота. Так Элендиль пребывал наготове и не вмешивался в роковые события тех дней, и все ждал знака – а знака не было. Тогда отправился он втайне к западным берегам и долго вглядывался там в морскую даль, охваченный тоской и отчаянием – ибо нежно любил он отца. Но ничего не мог он различить, кроме грозного флота Ар-Фаразона, возводимого в западных гаванях.

В былые времена погода на острове Нуменор всегда была на пользу и радость людям: дождь шел в должное время и всегда ровно столько, сколько нужно; солнце светило то ярче, то слабее; с моря веяли ветра. Когда же ветер дул с Запада, многим казалось, будто в воздухе разливается благоухание, неуловимое и сладкое, и тревожит душу – словно аромат цветов, что цветут вечно на неувядаемых лугах – цветов, для которых нет названий в земле смерт-

ных. Теперь же все изменилось: небо потемнело, то и дело налетали грозы с дождем и градом, свирепствовали ураганы. Часто случалось так, что нуменорский корабль шел ко дну и не возвращался в гавань – о подобных бедствиях люди не слыхивали с тех самых пор, как на небе засияла Звезда. А вечерами с запада надвигалось порою огромное облако, принявшее очертания орла с крыльями, распростертыми на юг и на север; медленно поднималось оно над горизонтом, заслоняя гаснущее солнце, и тогда непроглядная ночь укрывала Нуменор. На крыльях орлов порою вспыхивали молнии, а между морем и облаком эхом отдавались раскаты грома.

И устрешились люди. «Глядите – это Орлы Владык Запада! – восклицали они. – Орлы Манвэ летят на Нуменор!» И люди падали ниц. Тогда немногими на краткий срок овладевало раскаяние, другие же ожесточались сердцем и потрясали кулаками, грозя небесам. «Владыки Запада замыслили зло против нас, – говорили они. – Первый удар наносят Валар. Теперь наш черед!» Сам король повторял эти слова, однако подсказаны они были Сауроном.

И вот молнии засверкали с удвоенной силой, поражая людей на холмах и в полях, и на улицах города, и огненный смерч ударил в купол Храма и рассек его надвое, и пламя увенчало сверкающий свод. Но сам Храм выдержал и не рухнул; Саурон же стоял на вершине его, бросая вызов буре, и молнии не причинили ему вреда; с того самого часа люди объявили его богом и преклонились перед его волей. Потому, когда явлено было последнее знамение, нуменорцы не вняли ему. Ибо затряслась земля у них под ногами, и подземный гул, точно стон, смешался с ревом моря, и дым за клубился над вершиной Менельтармы. Но тем более торопился Ар-Фаразон вооружить свое воинство.

В ту пору на море к западу от острова пала тень нуменорского флота; словно архипелаг из тысячи островов, воздвигся он над водою: мачты кораблей казались лесом на горном склоне, паруса вздымались словно нависшая туча, а знамена были черные и золотые. Все делалось по слову Ар-Фаразона, Саурон же уединился во внутреннем приделе Храма, и люди доставляли ему все новые жертвы для сожжения.

И вот на закате дня взмыли ввысь Орлы Владык Запада, исполненные грозной мощи: надвигались они развернутым строем, конец которого терялся вдали; чем ближе подлетали они, тем шире распахивались их крылья, затмевавшие небо. На Западе позади них вставало алое пламя, багровые отблески играли на крыльях орлов, словно отсвет великого гнева, и весь Нуменор озарен был словно огнями затухающих пожаров. И глядели люди друг на друга, и казалось им, что лица багровы от ярости.

Тогда Ар-Фаразон, укрепившись сердцем, поднялся на палубу своего грозного корабля, что назывался «Алкарондас», «Морская крепость». Многими веслами оснащен он был, много мачт, черных с позолотой, поднималось к небу, а на палубе возвышался трон Ар-Фаразона. И вот король облачился в доспехи и возложил корону на чело свое, и приказал развернуть знамя, и дал сигнал поднимать якоря; и в этот час нуменорские трубы заглушили гром.

Так флот Нуменора двинулся к грозному Западу; ветер почти стих, но на кораблях было много весел и много сильных рабов, что гребли изо всех сил, подгоняемые ударами плети. Солнце село, и наступило безмолвие. Тьма окутала землю, недвижна была морская гладь; мир замер в ожидании того, чему суждено было сбыться. Оставшиеся в гаванях провожали взглядом медленно удаляющиеся корабли: погасли огни, и ночь поглотила их; утром же все они исчезли. Ибо с востока налетел ветер и унес их прочь: так нарушен был Запрет Валар, и корабли людей вступили в недоступные воды; так нуменорцы пошли войной на Бессмертных, чтобы силой отнять у них жизнь вечную в пределах Кругов Мира.

И вот корабли Ар-Фаразона явились из безбрежных океанских просторов и окружили Аваллонэ и весь остров Эрессеа; и опечалились эльдар, ибо свет заходящего солнца застлала туча нуменорского флота. Ар-Фаразон же наконец приблизился к самому Аману, Благосло-

венному Королевству, к берегам Валинора; но по-прежнему ничего не нарушало тишины, и судьба мира висела на волоске. Ибо в итоге Ар-Фаразон дрогнул и уже готов был повернуть вспять. Дурные предчувствия овладели им, когда взглянул король на безмолвные берега и увидел сияющую скалу Таникветиль – белее, чем снег, холоднее, чем смерть, немую, неизменную и грозную, словно отблеск света Илуватара. Но гордыня владела Ар-Фаразоном; и вот сошел он с корабля и ступил на берег, объявляя эту землю своею, если никто не явится биться за нее. И воинство нуменорцев встало боевым лагерем вокруг холма Туна; эльдар же загодя бежали из города.

Тогда Манвэ, стоя на Горе, воззвал к Илуватару, и в тот час Валар сложили с себя власть над Ардой. Но Илуватар явил свое могущество и изменил природу мира; бездонная пропасть разверзлась в море между Нуменором и Бессмертными землями; воды потоком устремились туда, грохот и дым от гигантских водоворотов поднялся до небес, и содрогнулся мир. Все корабли нуменорцев увлекло в пропасть, и потонули они, и бездна навеки поглотила их. Король же Ар-Фаразон и смертные воины, ступившие на землю Амана, погребены были под обломками скал; говорится, будто так и лежать им в каменном склепе Пещер Тех, кто Забыт – вплоть до Последней Битвы и Судного Дня.

Но земля Аман и эльфийский остров Эрессеа были изъяты из мира и навеки перенесены за пределы досягаемости людей. А Нуменор Королей, Эленна Звезды Эарендиля, Андор, Дарованная Земля, был уничтожен до основания. Ибо остров находился у восточного края великого разлома, и сместилось его основание, и обрушился он, и погрузился в пучину, и погиб. И нет теперь на Земле такого места, где бы сохранилась память о былых временах, не омраченных злом. Ибо Илуватар сдвинул вспять Великие моря к западу от Средиземья и Пустынные земли на востоке; созданы были новые моря и новые земли, и умалился мир, ибо Валинор и Эрессеа были изъяты из него в пределы сокрытого.

Нежданно для людей исполнилась воля рока – на тридцать девятый день с тех пор, как корабли покинули гавань. Над Менельтармой вдруг взметнулось пламя, налетел ураган, задрожала земля, покачнулся небесный свод, обрушились горы, и Нуменор погрузился в

море: все его дети и жены, девы и гордые властительницы; все его сады, и дворцы, и башни, гробницы и сокровищницы, драгоценные украшения и роскошные ткани, и дивные творения, написанные кистью и изваянные из камня, и смех его, и радость, и музыка, и мудрость, и великие знания – все погибло безвозвратно. А последней изумрудно-зеленая, холодная, венчанная пеной вздымающаяся волна, нахлынув на землю, приняла в лоно свое королеву Тар-Мириэль – ту, что была светлее жемчуга, прекраснее, чем серебро и слоновая кость. Слишком поздно попыталась она подняться крутою тропой Менельтармы к святилищу; валы захлестнули ее, и крик ее потонул в реве ветра.

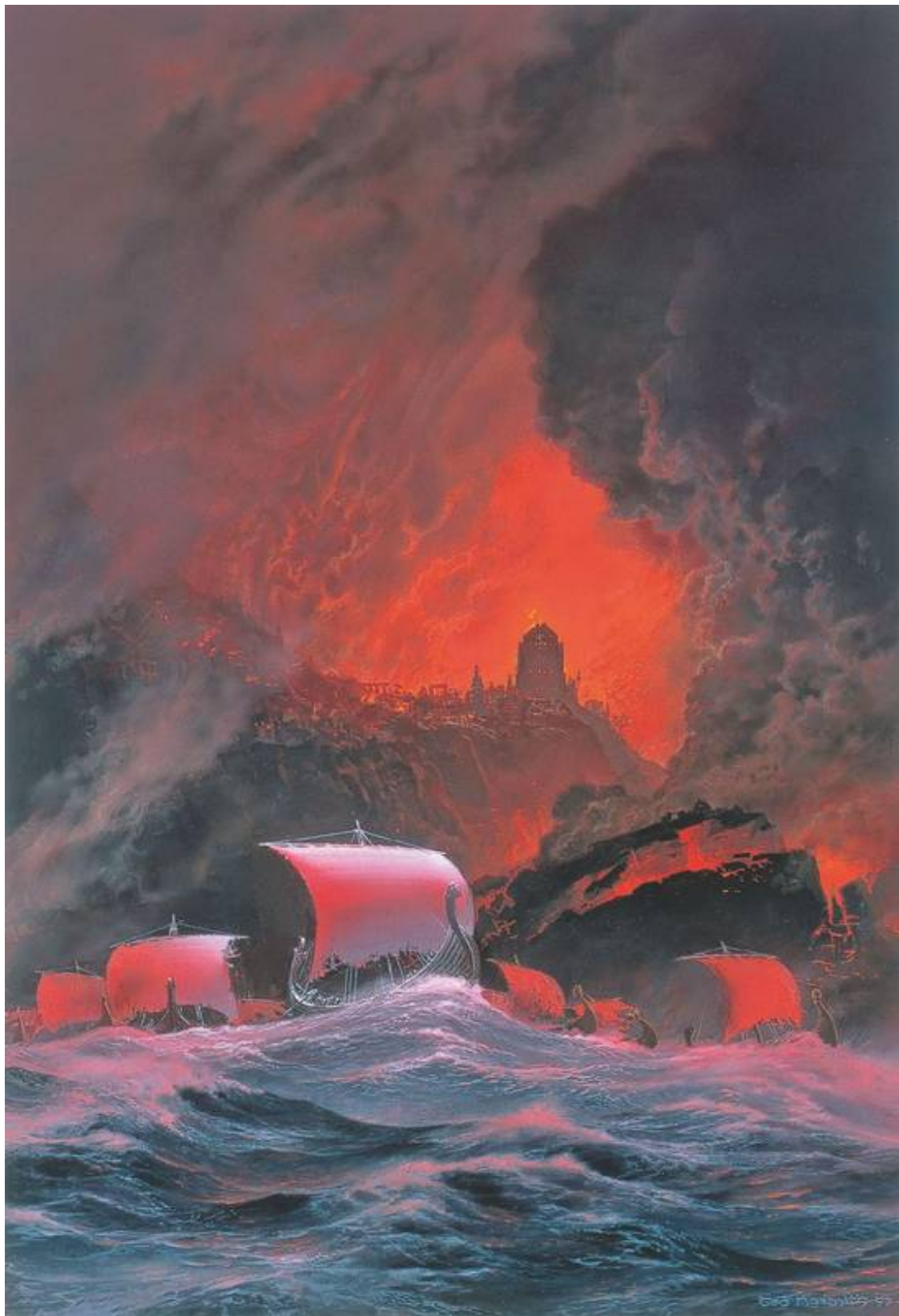
Неизвестно, довелось ли Амандилию доплыть до Валинора, и внял ли Манвэ его мольбе или нет, однако милостью Валар Элэндиль, сыновья его и их подданные не погибли в тот день. До того Элэндиль оставался в Роменне, отказавшись явиться на призыв короля, когда тот отправлялся в военный поход; уклонившись от наемников Саурона, что явились схватить его и притащить на алтарь Храма, Элэндиль поднялся на борт корабля и встал на якоре в некотором отдалении от берега, выжидая своего часа. Так остров словно бы заслонил его от гигантского водоворота, увлекающего все по направлению к пропасти; после же защитил от первого натиска бури. Когда же волна, сметая все на своем пути, прокатилась над островом, и Нуменор обрушился в бездну, тогда и Элэндиль погиб бы в морской пучине, и охотно принял бы сию судьбу, ибо даже жестокая смерть не могла быть горше, чем утраты и ужасы того дня; но порыв ветра, с ревом налетевший с запада (урагана сильнее не знали люди), подхватил корабли Верных, и угнал их далеко прочь, и изорвал паруса их, и поломал мачты, преследуя несчастных, словно соломинки в водовороте.

Кораблей же было числом девять: четыре принадлежали Элэндилю, три – Исильдuru и два – Анариону; и умчались они, гонимые черным смерчем, из глубин сумерек рока во тьму мира. Море вздымалось у них за кормою, волны в яростном гневe громоздились одна на другую, валы, словно живые горы, увенчанные шапками рыхлого снега, возносили корабли вверх, к разорванным облакам, по прошествии же многих дней прибили их к берегам Средиземья. Все побережье и приморские области западного мира изменились до неузнаваемости; многое в ту пору погибло, ибо моря затопили сушу, берега ушли под воду, затонули древние острова, а новые поднялись со дна; обрушились горы, а реки изменили русло.

Впоследствии Элэндиль и его сыновья основали в Средиземье новые королевства; и хотя знание их и искусство явились лишь слабым отзвуком того, что существовало встарь, прежде, чем Саурон явился в Нуменор – однако дикарям Средиземья показались они не имеющими себе равных. В иных преданиях многое рассказывается о деяниях наследников Элэндилia в последующую эпоху и о борьбе их с Сауроном – поскольку борьба эта еще не завершилась.

Ибо гнев Валар и рок, призванный Эру на море и земли, повергли в великий страх самого Саурона. Подобного Враг не предвидел, рассчитывая только на гибель нуменорцев и поражение их надменного короля. Восседаая на своем черном троне в самом сердце Храма, Саурон рассмеялся в первый раз, заслышав трубы Ар-Фаразона, зовущие к битве; и вновь рассмеялся он, заслышав гром бури; а в третий раз, когда смеялся Враг своим мыслям, предвкушая, что теперь станет творить он в мире, навсегда избавившись от эдайн, в самый разгар его торжества и он, и трон его, и храм рухнули в пропасть. Но Саурон не был существом из плоти и крови, и, хотя теперь сорвали с него оболочку, в которой содейл он столь великое зло, – чтобы никогда впредь не являться ему в прекрасном обличии взорам людей, – однако дух его восстал из бездны и пронесся над морем, как тень, как черный смерч, и возвратился в Средиземье и в Мордор, свое обиталище. Там, в Барад-дуре, он вновь взял в свои руки великое Кольцо и оставался в крепости, во тьме и безмолвии, до тех пор, пока не создал себе

новую личину, зримое воплощение злобы и ненависти; и немногим под силу было выдержать Взор Сауона Ужасного.

Но обо всем об этом не говорится в повести о Низвержении Нуменора; эта история подошла к концу. Не сохранилось даже названия этой земли, и люди впоследствии называли

в речах своих не Эленну, не Андор, Дар, который утратили, не остров Нуменорэ у границ мира; нет – изгнанники, поселившиеся у морских берегов, обращая взоры свои на Запад, с тоскою в сердце вспоминали Мар-ну-Фалмар, остров, погребенный под волнами, Акаллабет, Низвергнутую землю; на языке же эльдар имя ей – Аталантэ.

Многие из числа Изгнанников верили, что вершина Менельтармы, Столпа Небес, не ушла под воду навсегда, но вновь поднялась над морем – одинокий островок, затерянный среди бушующих волн, ибо встарь то было священное место, и даже во времена Саурона никто не смел осквернить его. Находились среди потомков Эарендила и такие, что впоследствии пытались отыскать скалу, ибо говорили мудрецы, будто зоркие глаза людей древности могли различить с вершины Менельтармы мерцающий отблеск Бессмертных земель. Ибо даже после гибели Нуменора сердца дунэдайн по-прежнему влекло к западу; и хотя знали люди, что мир изменился безвозвратно, так говорили они: «Гавань Аваллонэ исчезла с лица Земли; навеки утрачен Аман, и в нынешнем мире, укрытом тьмой, не отыскать их. Однако некогда существовали они, а потому существуют и ныне, существуют воистину, как часть того мира, что задуман был изначально».

Ибо верят дунэдайн, что даже смертные, если снизойдет на них благословение, могут заглянуть в иные времена, нежели те, к которым принадлежат их тела; и вечно стремятся они вырваться из мрака своей темницы и узреть, чего бы ни стоило, немеркнущий свет, ибо скорбные думы о смерти не оставили людей даже за гладью морей. Потому доблестные мореходы из числа их по-прежнему упрямо бороздили пустынные морские пространства, надеясь отыскать остров Менельтарму, дабы там открылись их взорам образы далекого прошлого, навсегда ушедшего в небытие. Но острова они не нашли. Те, что плыли в неведомые дали, на пути своем встречали только лишь новые земли, во всем похожие на уже известные, и там тоже властвовала смерть. Те же, что плыли еще дальше, всего лишь описывали круг и, обойдя Землю, утомленные, возвращались в итоге к тому самому месту, откуда отправились в путь; и говорили они: «Все дороги ныне замкнулись в кольцо».

Так в последующие дни благодаря морским путешествиям, и обретенной учености, и знанию звезд короли людей узнали, что мир и в самом деле стал круглым; однако эльдар по-прежнему позволено было покидать его пределы и плыть на Древний Запад и к Аваллонэ, буде пожелают они того. Потому мудрецы из числа людей говорили, что Прямой Путь существует, верно, и по сей день – для тех, кому дозволено отыскать его. И учили они, что в то время, как новый мир теряется внизу, древняя дорога и тропа памяти Запада по-прежнему уводят вперед, словно могучий незримый мост, и пролегает путь через воздушные сферы дыхания и полета (а они ныне тоже замкнулись в кольцо, как и весь мир), и пересекает Ильмен, губительный для смертной плоти, и доходит до Тол Эрессеа, Одинокого острова, а, может статься, и далее, до Валинора, где и по сей день обитают Валар, наблюдая, как разворачивается перед их глазами история мира. А у морских берегов рождались легенды и слухи о мореходах и странниках, заплутавших среди водных просторов, которые по воле судеб либо благоволением и милостью Валар вступали на Прямой Путь и видели, как гаснет, медленно уходя вниз, мир, и причаливали наконец к осиянным

светильниками гаваням Аваллонэ или воистину даже к последнему берегу у границ Амана, и там, прежде, чем настигала их смерть, взорам их открывалась величественная и грозная Белая Скала.

О кольцах власти и третьей эпохе, в каковой завершаются эти предания

Был встарь Майа Саурон – синдар Белерианда прозвали его Гортаур. В начале бытия Арды Мелькор склонил его ко злу и привлек на свою сторону, и Саурон стал самым доверенным и самым могущественным из вражьих слуг – а также и самым опасным, ибо обладал способностью принимать любые облики и долгое время мог по желанию являться в образе, исполненном благородства и красоты, вводя в заблуждение всех, кроме самых осмотрительных.

Когда рухнул Тангородрим и низвергнут был Моргот, Саурон вновь принял прекрасный облик и смиренно преклонился перед Эонвэ, глашатаем Манвэ, и отрекся от былых злодеяний. И полагают иные, будто поначалу он не лицемерил, но и впрямь раскаялся, пусть даже из одного только страха, – в такой ужас повергли его падение Моргота и великий гнев Владык Запада. Но не во власти Эонвэ было даровать прощение себе подобным, и повелел он Саурону возвращаться в Аман и там предстать перед судом Манвэ. Тогда устыдился Саурон, и не пожелал униженным возвращаться к Валар и принимать приговор их, – может статься, долгая служба ожидала его, в подтверждение его искренности; при Морготе же он обладал немалой властью. Потому, когда ушел Эонвэ, Саурон укрылся в Средиземье и вновь обратился ко злу, ибо оковы весьма крепкие некогда наложил на него Моргот.

В ходе Великой Битвы и при падении Тангородрима произошли сильные землетрясения; опустошенный Белерианд лежал в руинах; воды Великого моря затопили многие земли к северу и к западу. На востоке, в Оссирианде, обрушилась гряда Эред Луин, гигантская брешь разверзлась в южной их части, туда хлынуло море и образовался залив. В этот залив теперь впадала река Лун, проложившая новое русло; потому называли его залив Лун. Край тот нолдор встарь называли Линдон; это имя осталось за ним и впредь; многие эльдар, задержавшись в Средиземье, по-прежнему жили там, не желая до поры покинуть Белерианд, где многие труды и битвы выпали им на долю. Правил ими Гиль-галад, сын Фингона, а с ним – Эльронд Полуэльф, сын Морехода Эарендила и брат Эльроса, первого короля Нуменора.

На побережье залива Лун эльфы возвели свои гавани и нарекли их Митлонд; там стояли на якоре многие корабли, ибо место было удобным для причала. В Серых Гаванях то и дело поднимались паруса, и эльдар уплывали прочь, спасаясь от тьмы земного бытия, ибо по милости Валар Перворожденные по-прежнему могли вступить на Прямой Путь и возвращаться, буде на то их воля, к родне своей на Эрессеа и в Валинор за пределами окружающих морей.

Были и другие эльдар, что перешли в ту эпоху через горы Эред Луин и переселились далеко в глубь материка. Среди них было немало телери из числа уцелевших жителей Дориата и Оссирианда; они основали королевства в местах, облюбованных эльфами Чаш, в лесах и среди холмов вдаль от моря, но зов его вечно звучал в их сердцах. Но за грядою Эред Луин лишь в Эрегионе, что люди называли Падубью, эльфам народа нолдор удалось создать королевство, просуществовавшее достаточно долго. Эрегион находился близ великолепных гномьих чертогов, что звались Кхазад-дум, эльфы же нарекли их Хадодронд, а после – Мория. От города эльфов Ост-ин-Эдиль до западных врат Кхазад-дума вела широкая дорога, ибо гномов и эльфов связывала небывалая доселе дружба, обернувшаяся немалым благом для тех и других. В Эрегионе искусники гвайт-и-мирдайн, народа златокузнецов, превзошли в мастерстве творцов былых времен, кроме разве самого Феанора; среди них же не имел себе равных Келебримбор, сын Куруфина, что порвал с отцом и остался в Нар-

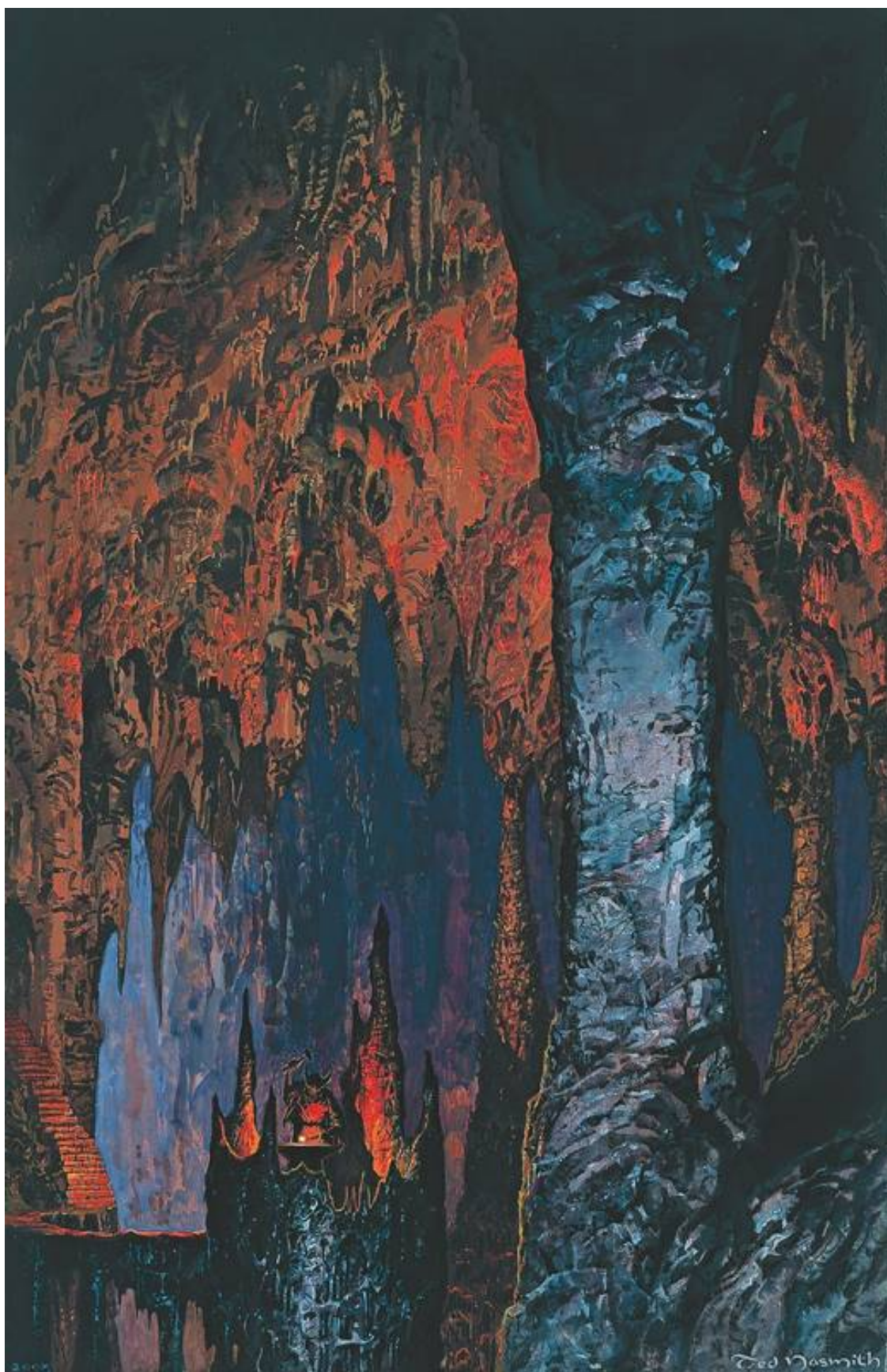
готронде, когда изгнаны были Келегорм и Куруфин, как говорится о том в «Квента Сильмариллион».

В иных краях Средиземья долгие годы царил мир, однако земли по большей части оставались пустынно и дики, кроме тех, где поселились обитатели Белерианда. Многие эльфы жили там, как и прежде, на протяжении бесчисленных лет, скитаясь на воле в глуши, вдали от Моря; но то были авари, до которых доходили только слухи о событиях Белерианда, а слово Валинор звучало как отголосок забытых легенд. На юге и далеко к востоку множился род людей, и большинство их склонилось ко злу, ибо Саурон не бездействовал.

Видя, что мир пришел в запустение, Саурон решил про себя, будто Валар, ниспровергнув Моргота, вновь позабыли о Средиземье, и гордыня его возросла несказанно. С ненавистью взирав на эльдар и страшился людей Нуменора, что порою возвращались на своих кораблях к берегам Средиземья; но долгое время он скрывал свои мысли и хранил в тайне черные замыслы, рождавшиеся в глубине его сердца.

Из всех народов Земли легче всего оказалось поработить людей; однако долго тщился он привлечь к себе на службу эльфов, ибо знал Саурон, что Перворожденные наделены неизмеримо большим могуществом, и странствовал он среди них в обличии, по-прежнему исполненным красоты и мудрости. Только в Линдон не приходил Саурон, ибо Гиль-галад и Эльронд не доверяли ему и его обманчиво прекрасному облику; и хотя не знали правители, кем был он на самом деле, однако не соглашались допустить его в свои владения. Но в других краях эльфы охотно привечали его, и мало кто прислушался к предостережениям гонцов из Линдона, ибо Саурон принял имя Аннатар, Владыка Даров, и поначалу дружба его оборачивалась для эльфов немалым благом. И говорил он эльфам: «Увы, воистину слабы великие! Славный король Гильгалад, и во всяком знании искушен правитель Эльронд, однако не склонны они помочь мне в трудах моих! Может ли быть, что не желают они, чтобы и на другие земли, помимо их собственных, снизошло благоденствие? Но должно ли Средиземье вечно пребывать в запустении и непроглядной тьме, если эльфам под силу превратить его в край не менее прекрасный, чем Эрессеа или даже Валинор? Раз не возвратились вы туда до сих пор, хотя и могли, мнится мне, что любите вы Средиземье так же, как и я. Разве не долг наш в таком случае объединить усилия, трудясь на благо сей земли, дабы все эльфийские племена, что скитаются здесь в невежестве, сумели подняться до высот того могущества и мудрости, коими обладают обитающие за Морем?»

Именно в Эрегионе речам Саурона внимали особенно охотно, ибо живущих там нолдор снедало неодолимое желание умножить свое искусство и достичь еще большего совершенства в творениях своих. Более того, не знали покоя их души, ибо некогда отказались они возвратиться на Запад, и равно желали остаться в Средиземье, которое воистину любили, и в то же самое время обрести блаженство тех, что ушли. Потому вняли они Саурону и многому научились от него, ибо обладал тот немалыми познаниями. В те дни кузнецы крепости Остин-Эдиль превзошли все, что удавалось сотворить им до сих пор, и задумали они великий труд, и создали Кольца Власти. Но Саурон направлял их труды, и ведал обо всем, что делали они, ибо мечтал он поработить эльфов и всецело подчинить их своей воле.

И вот эльфы отковали много колец, Саурон же втайне создал Единое Кольцо, чтобы управлять всеми прочими; и сила прочих колец заключена была в Едином и полностью зави-

села от него, и существовала лишь до той поры, пока существует Единое. Немалая доля могущества и воли Саурона перешла в Единое Кольцо, ибо сила эльфийских колец была воистину велика, и, чтобы направлять их, требовалась мощь, не имеющая себе равных; и отковал его Саурон в Огненной горе, в земле Тени. Надевая же Единое Кольцо, он мог видеть все, что делалось с помощью меньших колец, мог проникать в мысли тех, кто их носит – и управлять этими мыслями.

Но эльфов не так просто было захватить врасплох. Как только Саурон надел Единое Кольцо на палец, эльдар узнали о Сауроне, и постигли его истинную суть, и поняли, что он желает стать господином над ними и над всем, что создали они. Тогда в страхе и гневe они сняли свои кольца. Саурон же, обнаружив, что его предали и что эльфов обмануть не удалось, преисполнился ярости и пошел на них войной, требуя, чтобы все кольца переданы были ему, ибо без его познаний и совета эльфийские кузнецы не сумели бы создать их. Но эльфы бежали от него; три кольца удалось им спасти, унести далеко прочь и сокрыть от врага.

То были Три Кольца, созданные последними; наибольшим могуществом обладали они. Назывались они Нарья, Ненья и Вилья, Кольца Огня, Воды и Воздуха; рубин, адамант и сапфир вправлены были в них. Именно ими более всего мечтал завладеть Саурон, ибо над хранителями Трех не властны были время и тлен, и до поры не могла их коснуться усталость мира. Но Саурону не удалось отыскать эти Кольца: в руки Мудрых переданы были они, Мудрые же спрятали их и никогда впредь не пользовались ими открыто, пока Правящее Кольцо находилось у Саурона. Потому Три Кольца зло не затронуло: Келебримбор ковал их один, сам, и рука Саурона вовеки не касалась их; однако и они подчинялись Единому Кольцу.

С тех пор война между эльфами и Сауроном не прекращалась; Эрегион был опустошен, Келебримбор убит, а Врата Мории захлопнулись. В те времена Эльронд Полуэльф основал Имладрис (или, как говорили люди, Ривенделл), крепость и прибежище эльфов. Но Саурон сумел завладеть оставшимися Кольцами Власти и передал их другим народам Средиземья, надеясь подчинить себе всех тех, кто желал тайного могущества превыше отмеренного его сородичам. Семь Колец вручил он гномам, людям же отдал девять, ибо люди и в этом случае, как, впрочем, и всегда, явили наибольшую готовность склониться пред его волей. Саурон искажил сущность всех находившихся в его власти колец, обратив их во зло – тем легче было ему сделать это, что сам он участвовал в их создании; и кольца отмечены были проклятием и предали в итоге всех, кто прибегал к их помощи. Гномы, правда, оказались упрямы и неуступчивы; они не переносят, когда другие пытаются навязать им свою волю; трудно постичь тайные помыслы их душ, и в тень обратить их невозможно. Гномы пользовались своими кольцами только для того, чтобы умножить богатства, но гнев и всепоглощающая жажда золота вспыхнули в их сердцах, и великим злом обернулось это впоследствии, на благо Саурону. Говорят, будто в основание каждого из Семи Кладов гномьих королей легло золотое кольцо; но клады эти разграблены были давным-давно, драконы пожрали их, а из Семи Колец одни поглотило пламя, а другие вернул себе Саурон.

Завлечь в сети людей оказалось легче. Те, кто пользовался Девятью Кольцами, в дни жизни обрели немалую власть: то были могущественные короли, чародеи и воины древних времен. Слава и несметные богатства достались им в удел; но гибелью обернулись они. Казалось, жизнь вечная дарована была владельцам колец – однако жизнь стала для них невыносимой. Они могли по желанию передвигаться невидимыми для всех взоров сего подлунного мира; могли и прозревать миры, невидимые для смертных, – однако слишком часто глазу их являлись лишь мороки и обманные видения Саурона. Один за одним, раньше или позже в зависимости от того, сколь сильна была их воля и от того, к добру или ко злу склонялись изначально сердца их, они попадали в рабство к кольцу, которое носили, и оказывались под властью Единого Кольца, которым владел Саурон. Навсегда утрачивали они зримый облик – но не для того, кто носил Правящее Кольцо, и вступали в обитель теней. Назгул,

Кольцепризраками стали они, самыми ужасными из Вражьих слуг; тьма следовала за ними по пятам, а в голосах звучала смерть.

Гордыня и алчность Саурана росли день ото дня, не зная преград, и вот вознамерился он стать господином всего, что есть в Средиземье, и уничтожить эльфов, и добиться по возможности гибели Нуменора. Он не терпел ни свободолюбия, ни соперничества, и нарек себя Властелином Земли. По-прежнему умел он скрыть под личиной свою истинную суть и обманывать взоры людей, являясь им в облинии, якобы исполненном мудрости и красоты. Однако управлять предпочитал он при помощи насилия и страха, если мог обойтись этими средствами; те же, кто заметил, как тень его растет и простирается над миром, нарекли его Темным Властелином и прозвали Врагом; вновь призвал он под свое начало всех злобных тварей времен Моргота, что еще оставались на земле или под землею; и подчинялись ему орки, кои множились как мухи. Так начались Черные Годы; эльфы называют их Дни Бегства. Ибо в ту пору многие эльфы Средиземья бежали в Линдон, а оттуда – за моря, чтобы не возвращаться более; многие же погибли от руки Саурана и его слуг. Но в Линдоне Гиль-галад все еще сохранял свою власть, и Саурон не осмеливался до поры пересечь горы Эред Луин или напасть на Гавани; Гиль-галаду же помогали нуменорцы. Однако в иных краях царил Саурон, и те, что не желали стать рабами, искали убежища в горах и лесной чаще, и страх повсюду следовал за ними по пятам. На востоке и юге почти все люди подпали под его власть; в те дни возросла их мощь, и возвели они многие города и каменные стены, и умножились в числе; свирепы были они в битве и вооружены железом. Для них Саурон был королем и богом; великий страх внушал он им, ибо обиталище свое окружил огнем.

Но наконец стремительный натиск Саурана в западных землях был остановлен. Ибо, как говорится в «Акаллабет», мощь нуменорцев бросила ему вызов. Столь велики были могущество и величие нуменорцев в пору расцвета их королевства, что слуги Саурана побоялись выступить против них, и, надеясь хитростью достичь того, чего не смог добиться силой, Саурон покинул на время Средиземье и отправился в Нуменор как заложник короля Тар-Калиона. Там и оставался он, пока наконец, коварством своим не склонил ко злу сердца большинства нуменорцев и не восстановил их против Валар; так Саурон привел их к гибели, к чему давно стремился. Однако гибель острова оказалась ужаснее, нежели предвидел Саурон, ибо позабыл он о том, сколь грозны в гневе Владыки Запада. И раскололся мир, и волны поглотили землю, и моря затопили ее; сам же Саурон низвергнут был в пропасть. Но дух его воспрял из бездны и на крыльях черного ветра возвратился в Средиземье, ища пристанища. Там обнаружил он, что за годы его отсутствия умножилась власть Гиль-галада, и распространялась ныне на обширные земли севера и запада, и даже за Туманные горы и Великую Реку, до самых границ Зеленолесья Великого, все ближе к тем укреплениям, где Саурон некогда почитал себя в безопасности. Тогда Саурон укрылся в своей крепости в Черной Земле и стал обдумывать план войны.

В ту пору те из нуменорцев, что спаслись от гибели, бежали на восток, как повествуется в «Акаллабет». Вождями их были Элендиль Высокий и сыновья его, Исильдур и Анарион. Родичи короля и потомки Эльроса, они не пожелали внять Саурону и отказались идти с войной на Владык Запада. Взяв на борт всех тех, что остались верны, они покинули землю Нуменора прежде, чем гибель настигла остров. Великой доблестью отличались эти люди, высоки и крепки были корабли их, но ураганы настигли суда, и вознесли их на водяных горах до самых облаков, и снизились они в Средиземье, точно птицы бури. Корабль Элендила волны прибили к земле Линдон, и Гиль-галад оказал ему помощь. Оттуда Элендиль поднялся вверх по течению реки Лун и за Эред Луин основал свое королевство, и народ его расселился в Эриадоре по берегам рек Лун и Барандуин; главный же город его был в Аннуминасе у вод озера Ненуиал. Нуменорцы жили и в Форносте на Северных холмах, и в Кардолане, и на холмах Рудаура; возвели они башни на Эмюн Берайд и на Амон Сул; немало

курганов и руин сохранилось в тех местах, однако башни Эмюн Берайд и по сей день все глядят на море.

Исильдура и Анариона унесло южнее; и наконец провели они свои корабли вверх по течению Великой Реки Андуин, что вытекает из Рованиона и впадает в западное море в заливе Бельфалас. В тех краях основали они королевство, позже получившее название Гондор, в то время как Северное Королевство нарекли Арнор. Задолго до того, в дни своего могущества, мореходы Нуменора возвели гавань и крепости близ устьев Андуина, наперекор Саурону, владыке Черной Земли, что располагалась совсем рядом, на востоке. В последующие дни только Верные Нуменора приплывали к этой гавани, потому многие жители побережья в тех местах были в далеком либо близком родстве с Друзьями Эльфов и народом Элендила, и радушный прием оказали они его сыновьям. Главным городом Южного Королевства стал Осгилиат; через центр его протекала Великая Река: там нуменорцы возвели огромный мост, на котором красовались башни и каменные строения, изумляющие взор; и высокие корабли из морской дали приставали к причалам города. Выстроили нуменорцы по обе стороны от реки и другие крепости: Минас Итиль, Башню Встающей Луны – к востоку, на склоне гор Тени, как вызов Морготу; а к западу – Минас Анор, Башню Заходящего Солнца, у подножия горы Миндоллуин как заслон от дикарей из долин. В Минас Итиле поселился Исильдур, а Минас Анор стал домом Анариону, королевством же правили они вместе, и троны их стояли рядом в Великом Чертоге Осгилиата. Таковы были главные поселения нуменорцев в Гондоре, но и другие творения, дивные и мощные, выстроили они в той земле в дни своего величия: там, где Аргонат, и в Агларонде, и у Эреха, а в кольце Ангреност, что люди нарекли Айзенгард, возвели они Пик Ортанк из несокрушимого камня.

Немалые сокровища, фамильные драгоценности великого достоинства и красоты привезли Изгнанники из Нуменора, из них же наиболее прославлены Семь Камней и Белое Древо. Белое Древо выращено было из посаженного в землю плода Нимлота Прекрасного, что цвел в королевских дворцовых садах в Арменелосе на острове Нуменор, пока Саурон не сжег его; Нимлот же в свою очередь происходил от Древа Тириона, созданного по образу Старшего Древа, Белого Тельперiona, что вырастила Йаванна в земле Валар. Древо это, память об эльдар и о свете Валинора, посажено был в Минас Итиле перед домом Исильдура, ибо это он спас некогда плод от уничтожения; Камни же были поделены.

Три взял Элендиль, и сыновья его взяли по два каждый. Те, что принадлежали Элендилю, хранились в башнях на Эмюн Берайд, и на Амон Сул, и в городе Аннуминасе. Те же, что перешли к его сыновьям, находились в Минас Итиле и Минас Аноре, и в Ортанке, и в Осгилиате. Вот какая сила заключалась в этих Камнях: тот, кто глядел в них, мог прозревать бесконечно удаленное, в пространстве ли или во времени. Чаще всего показывали они то, что находилось близ другого такого Камня, ибо Камни перекликались друг с другом, но тот, кто обладал великой силой воли и разума, мог научиться направлять их видящий взгляд туда, куда пожелает. Так нуменорцы узнавали многое из того, что тилились скрыть их недруги, и мало что ускользало от бдительных взоров эдайн в дни их могущества.

Говорится, будто башни Эмюн Берайд построены были вовсе не Изгнанниками Нуменора, но возвел их Гиль-галад для друга своего Элендила; и Зрячий Камень Эмюн Берайд установлен был в Элостирионе, самой высокой из башен. Туда часто поднимался Элендиль, оттуда вглядывался он вдаль, за разделяющие моря, когда тоска изгнанника овладевала им; верят, будто порою различал он вдали даже башню Аваллонэ на Эрессеа, где хранился Главный Камень, где хранится он и по сей день. Камни эти эльдар подарили Амандилю, отцу Элендила, чтобы утешить Верных Нуменора в те темные дни, когда эльфам невозможно стало более бывать в земле, на которую пала тень Саурона. Камни назывались палантири, смотрящие издали; но все те, что привезены были в Средиземье, давно утрачены.

Так Изгнанники Нуменора основали свои королевства в Арноре и Гондоре; однако спустя недолгое время стало ясно, что возвратился и Саурон, их недруг. Втайне явился он, как говорилось уже, в свое древнее королевство Мордор за Эффель Дуат, горами Тени, земля же эта на востоке граничила с Гондором. Там, над долиной Горгорот, построена была крепость Саурана, огромная и неприступная: Барад-дур, Темная Башня; и высилась в той земле огнедышащая гора, названная эльфами Ородруин. Именно из-за нее Саурон встарь избрал это место своим обиталищем, ибо огонь, вырывающийся из сердца земли, он использовал для своих кузниц и для черного колдовства; в центре земли Мордор Саурон некогда откопал Правящее Кольцо. Теперь же Саурон предавался во тьме раздумьям до тех пор, пока не создал для себя новое обличие; ужасным на вид было оно, ибо прекрасная его личина сгинула навсегда, когда Саурон рухнул в бездну при затоплении Нуменора. Он снова взял в руки могущественное Кольцо и облекся властью; и взгляд злобного Ока Саурана могли выдержать очень немногие даже из числа великих эльфов и людей.

Теперь же Саурон готовился идти войною на эльдар и людей Западной Земли; и вновь пробуждены были огни Горы. Потому, завидев издалека дым над Ородруином и понимая, что Саурон возвратился, нуменорцы переименовали скалу в Амон Амарт, что означает гора Рока. И призвал к себе Саурон несметные силы своих прислужников с востока и юга; немало было среди них и людей высокого рода Нуменора. Ибо в дни пребывания Саурана на острове сердца почти всех его жителей обратились к тьме. Потому многие из тех, кто в ту пору уплыл на восток строить крепости и селения на побережье, уже подпали под его власть, и с неменьшею охотой служили ему в Средиземье. Но, опасаясь могущества Гиль-галада, эти изменники, владыки могучие и злобные, по большей части поселились в далеких южных краях; но были двое, Херумор и Фуинур, что обрели немалую власть среди харадрим, многочисленного и жестокого племени, живущего в бескрайних землях к югу от Мордора за устьями Андуйна.

Потому, выждав своего часа, Саурон выступил с великим воинством против только что созданного королевства Гондор, и захватил Минас Итиль, и уничтожил Белое Древо Исильдура, что росло там. Но сам Исильдур спасся; унося с собою саженец Древа, он вместе с женою и сыновьями спустился на корабле вниз по течению Реки, и отплыли они от устьев Андуйна к Элендилю. Тем временем Анарион оборонял Оспилят от Врага; в ту пору ему удалось отбросить Саурана к горам, но тот собрал новые силы, и Анарион знал, что если не подоспеет помощь, недолго выстоит его королевство.

И вот Элендиль и Гиль-галад стали держать совет, ибо понимали они, что несказанно умножится мощь Саурана и что уничтожит он своих недругов одного за одним, если только те не объединят свои силы. Потому создали они союз, что известен под названием Последнего Союза, и двинулись походным маршем на восток Средиземья, собирая великую рать эльфов и людей, и на короткий срок задержались они в Имладрисе. Говорится, что набранное войско красотою и великолепием доспехов затмевало любую армию, что видели в Средиземье впредь; воинства более великого не созывалось с тех пор, как силы Валар выступили против Тангородима.

Покинув Имладрис, войско перешло Туманные горы по многочисленным перевалам и спустилось вниз по течению реки Андуйн, и так приблизилось наконец к полчищам Саурана на Ратном поле Дагорлад, что раскинулось у врат Черной Земли. Все живое разделилось в тот день, всякие твари, даже звери и птицы, оказались в разных лагерях, кроме одних только эльфов. Они одни остались едины и следовали за Гильгаладом. Из гномов очень немногие приняли участие в битве на какой бы то ни было стороне, но род Дурина из Мории сражался против Саурана.

Воинство Гиль-галада и Элендила одержало победу, ибо в те дни не убывала еще мощь эльфов, а нуменорцы были сильны и статны, и ужасны в гневе. Ничто не могло выстоять

перед копьем Гиль-галада, что именовалось Аэглос, а меч Элендила повергал в страх орков и людей, ибо свет солнца и луны сиял в нем, и назывался меч тот Нарсиль.

Тогда Гиль-галад и Элендиль вступили в Мордор и осадили крепость Сауруна; семь лет продолжалась осада, и воины терпели великие потери от огня и стрел и дротиков Врага, и Саурон слал против них бесчисленные вылазки. Там, в долине Горгорот, пал Анарион, сын Элендила, и многие другие. Но наконец так стянулось кольцо осады, что Саурон вышел сам и сразился с Гиль-галадом и Элендилем, и оба они погибли, и меч Элендила сломался под тяжестью падающего тела. Но и Саурон был повержен; обломком Нарсиля Исильдур отсек Саурону палец с надетым на него Правящим Кольцом и объявил Кольцо своим. Так Саурон был побежден до поры, и дух его оставил тело, и бежал далеко прочь, и укрылся в глухих местах, и на протяжении долгих лет не облакался вновь в зримую оболочку.

Так началась Третья эпоха истории Мира, пришедшая на смену Древнейшим Дням и Черным Годам; в те времена еще жива была надежда, и помнили о радости, и долго цвело Белое Древо эльдар во дворцовых садах Королей Людей, ибо спасенный им саженец Исильдур посадил в цитадели Анор в память о брате, прежде чем покинуть Гондор. Прислужников Сауруна разбили и разогнали, однако не всех их удалось уничтожить, и хотя многие люди теперь отвратились от зла и стали подданными наследников Элендила, гораздо больше было тех, что помнили Сауруна в сердцах своих и ненавидели королевства Запада. Темную Башню сровняли с землей, однако основание ее осталось, осталась и память. Нуменорцы выставили стражу у земли Мордора, однако никто не отваживался селиться там – такой ужас внушала мысль о Сауроне, и еще из-за Огненной горы, что возвышалась близ Барад-дура; и долину Горгорот засыпал пепел. Немало эльфов и нуменорцев, и союзников их из числа людей нашли свою смерть в битве и во время Осады; погибли Элендиль Высокий и Верховный король Гиль-галад. Никогда более не собиралось равного воинства, не бывало впредь подобного союза эльфов и людей, ибо после смерти Элендила два народа отдалились друг от друга.

Что случилось с Правящим Кольцом, в ту эпоху не ведали даже Мудрые; однако оно не было уничтожено. Ибо Исильдур не пожелал передать его Эльронду и Кирдану, стоявшим подле него. Они советовали Исильдuru бросить Кольцо в огонь Ородруина тут же, рядом, где оно некогда было отковано, чтобы погибло оно и навеки уменьшилась сила Сауруна, чтобы остался Враг только злобной тенью в глуши. Но Исильдур отказался внять совету, говоря: «Я возьму Кольцо как виру за смерть отца и брата. Разве не я нанес Врагу смертельный удар?» Кольцо же, что держал он в руке, показалось ему вещью небывалой красоты, и не мог Исильдур позволить уничтожить его. Потому, забрав Кольцо, Исильдур сперва возвратился в Минас Анор и посадил там Белое Древо в память о брате своем Анарионе. Но вскорости, дав наставления Менельдилю, сыну брата, и вверив его попечению южные земли, Исильдур уехал и увез Кольцо с собою как фамильную драгоценность своего дома, и двинулся походным маршем от Гондора на север тем же путем, которым некогда пришел Элендиль, и покинул Южное Королевство, ибо вознамерился принять власть над владениями своего отца в Эриадоре, вдали от тени Черной Земли.

Но Исильдур потерпел поражение в битве с орками, что поджидали в засаде в Туманных горах; они напали на лагерь внезапно, между Зеленолесьем и Великой Рекой, близ Лоэг Нинглорон, Ирисной низины, ибо Исильдур забыл об осторожности и не выставил часовых, полагая, что все враги его уничтожены. Почти все его воины были перебиты, а в их числе – трое старших его сыновей, Элендур, Аратан и Кирьон; но жену свою и младшего сына Валандила Исильдур, уезжая на войну, оставил в Имладрисе. Самому же Исильдuru удалось скрыться при помощи Кольца, ибо, надевая Кольцо, он становился невидим для всех взоров; однако орки гнались за ним по следу и полагаясь на нюх, пока Исильдур не достиг Реки и не

нырнул в воду. Там Кольцо предало его и отомстило за своего создателя: оно соскользнуло с пальца, пока Исильдур плыл, и кануло в волны. Тогда-то орки увидели его, в то время как боролся он с течением, и выпустили в него множество стрел – так погиб Исильдур. Только троим из его отряда удалось вернуться за горы после долгих странствий: в числе их был Охтар, оруженосец Исильдура, – тот, кому Исильдур вверил сломанный меч Элендила.

Так Нарсиль в положенный срок попал в руки Валандила, наследника Исильдура, в Имладрисе; но сломан был клинок, и свет его померк, и меч не отковали заново. И предсказал Владыка Эльронд, что сделано это будет только тогда, когда вновь отыщется Правящее Кольцо и возвратится Саурон; однако эльфы и люди надеялись, что, может статься, этого не произойдет никогда.

Валандиль поселился в Аннуминасе, но народу его ubyло, из всех нуменорцев и людей Эриадора оставалось ныне слишком мало, чтобы заселить землю и удержать в руках все построенные Элендилем крепости; многие пали на поле Дагорлад, и в Мордоре, и в Ирисной низине. И случилось так после смерти Эарендура, седьмого по счету короля после Валандила, что люди Западной Земли, дунэдайн Севера, разделились на много мелких королевств и княжеств; и враги захватывали их одно за другим. С каждым годом дунэдайн становилось все меньше, пока наконец не угасла их слава, – сохранились лишь курганы, поросшие зеленой травой. Наконец ничего не осталось от этого народа, – только всем чуждое племя скитальцев, скрывающихся в глуши; и прочие люди не ведали, ни где дома их, ни куда ведут их пути; и повсюду, кроме как в Имладрисе, в доме Эльронда, происхождение их было позабыто. Однако обломки меча бережно хранили наследники Исильдура на протяжении многих поколений людей, и род их, от отца к сыну, ни разу не прервался.

На юге выстояло королевство Гондор, и до поры росло его величие, пока богатством и великолепием не стал Гондор напоминать Нуменор до его падения. Народ Гондора отстроил высокие башни и неприступные крепости, и гавани, прибежище многих кораблей, и Крылатая Корона Королей Людей внушала благоговение народам, живущим в разных землях и говорящим на разных языках. Долгие годы Белое Древо росло перед королевским дворцом в Минас Аноре; семя того самого древа, что Исильдур привез с собою из Нуменора через морские просторы; а еще ранее семя привезено было из Аваллонэ, а до того из Валинора в День на заре дней, когда мир был юн.

Но вот, с ходом быстротечных лет Средиземья, Гондор пришел в упадок, и род Менельдила сына Анариона прервался. Ибо кровь нуменорцев смешалась с кровью других племен; убыли их мудрость и мощь, сократился отмеренный им срок жизни, и Мордор охранялся уже не столь бдительно. А в дни Телемнара, двадцать третьего в роду Менельдила, черные ветра с востока принесли моровое поветрие, и поразило оно короля и его детей, и многие из народа Гондора погибли. Тогда опустели крепости на мордорских границах, никого не осталось в Минас Итиле, и зло вновь проникло в Черную Землю потайными путями; и пепел Горгорота всколыхнулся, словно под порывом ледяного ветра, ибо темные тени сошлись там. Говорится, будто то были улайри, те, кого Саурон называл «назгул», Девять Кольцепризраков; долго скрывались они, но теперь возвратились подготовить возвращение своего Повелителя, ибо он вновь стал набирать силу.

Во времена Эарниля назгул нанесли первый удар: под покровом ночи они выступили из Мордора, прошли перевалами гор Тени и захватили Минас Итиль, и сделали крепость своим прибежищем и сосредоточием такого ужаса, что никто не смел даже взглянуть в ту сторону. После того крепость стала называться Минас Моргул, Башня Чародейства, и ни на миг не прекращалась война между Минас Моргулом и Минас Анором на западе. Тогда Осгилиат, что с угасанием народа давно уже был заброшен, превратился в руины, и город наводнили призраки. Но Минас Анор выстоял и получил новое имя: Минас Тирит, Башня Стражи, ибо здесь, в цитадели, по повелению королей возведена была высокая и прекрасная

белая башня, и с нее хорошо просматривались многие земли. Город по-прежнему оставался горд и неприступен; перед королевским дворцом цвело до поры Белое Древо, и уцелевшие нуменорцы все еще удерживали переход через Реку, обороняя его от ужасов Минас Моргула и от всех недругов Запада, орков, чудовищ и злых людей; так земли позади них, к западу от Андуина, защищены были от войны и разора.

Минас Тирит стоял и после смерти Эарнура сына Эарниля, последнего короля Гондора. Именно он выехал в одиночестве к вратам Минас Моргула, отвечая на вызов моргульского властелина, и скрестил с ним мечи в честном поединке, но был предан назгул и живым доставлен в город пыток, и никто из живущих не видел его более. Эарнур не оставил наследника, но, когда прервался род королей, Наместники из рода Мардия Верного стали править городом и королевством, что становилось все меньше и меньше; и рохиррим, Всадники Севера, пришли и поселились в зеленом краю Рохан, что прежде именовался Каленардон и входил в состав Гондора; и помогали рохиррим Правителям Города в ходе войн. На севере же, за водопадами Раурса и Вратами Аргонат до поры существовала и иная защита: силы еще более древние, о коих немного ведомо было людям и против которых порождения зла не смели выступить до тех пор, пока не настанет срок и их темный властелин, Саурон, не явится вновь. Пока же не пробил час, после смерти Эарниля назгул не смели вновь пересечь Реку или покинуть пределы своего города в облике, видимом людям.

На протяжении всей Третьей эпохи, после гибели Гиль-галада, Владыка Эльронд жил в Имладрисе, и собрал он там немало эльфов и многих других, наделенных силой и мудростью, из числа всех народов Средиземья. Сменялись многие поколения людей, а он по-прежнему хранил память обо всем, что только было некогда прекрасного в мире, а дом Эльронда стал прибежищем усталых и угнетенных, и сокровищницей древней мудрости и доброго совета. В этом доме Наследники Исильдура находили приют в детстве и в старости, ибо приходились они кровной родней самому Эльронду, и потому еще, что мудрый Эльронд знал: в роду их явится некто, кому великая роль отведена в последних свершениях той эпохи. А до тех пор сломанный меч Элендила доверен был Эльронду, когда омрачились дни дунэдайн и стали они народом бесприютных скитальцев.

Имладрис являлся главной обителью Высоких эльфов в Эриадоре, но в Серых Гаванях Линдона жили еще немногие уцелевшие из народа Гиль-галада, эльфийского короля. Порою забредали они в земли Эриадора, но в большинстве своем селились близ морских берегов, возводя и храня эльфийские корабли: на них уставшие от бремени мира Перворожденные отплывали на закраинный Запад. В Гаванях правил Кирдан Корабел, могущественный среди Мудрых.

Что до Трех Колец, сохраненных эльфами от зла, среди Мудрых никогда о них не говорили открыто, и даже из числа эльдар немногие ведали, где Кольца находятся. Однако после низвержения Саурана сила их действовала непрестанно, и там, где хранились Кольца, царилась радость и ничего сущего не коснулась скорбь времени. Потому еще до конца Третьей эпохи эльфы постигли, что Кольцо Сапфира находилось у Эльронда в прекрасной долине Ривенделл, и над домом его звезды небес сияли особенно ярко; Кольцо же Адаманта хранилось в земле Лоризн, где правила леди Галадриэль. Она была королевой Лесных эльфов, женою Келеборна из Дориата, однако сама происходила из народа нолдор и помнила День на заре дней Валинора; всех эльфов, остававшихся в Средиземье, превосходила она могуществом и красотой. Но Алое Кольцо оставалось сокрыто до самого конца, и никто не ведал, кому оно было вверено, – никто, кроме Эльронда, Галадриэли и Кирдана.

Вот так случилось, что в двух эльфийских владениях благоденствие и красота эльдар не убывали на протяжении всей этой эпохи: в Имладрисе и в Лотлоризне, потаенной земле между Келебрантом и Андуином, где на деревьях распускались золотые цветы, куда не смели

вступить ни орк, ни иная злая тварь. Однако среди эльфов все чаще и чаще раздавались голоса, предрекавшие, что если Саурон воспрянет вновь, то либо он найдет утраченное Правящее Кольцо, либо, если все сложится к лучшему, Кольцо отыщут и уничтожат враги Саурона, но и в том и в другом случае сила Трех иссякнет, и все, что хранила она, неизбежно померкнет, эльфы уйдут в сумерки и начнется эпоха Владычества Людей.

Так все и случилось: Единое, и Семь, и Девять уничтожены ныне, а Три увезены прочь, и на том закончилась Третья эпоха, и завершаются сказания об эльдар в Средиземье. То были Годы Угасания; вместе с ними для последних цветов эльфов к востоку от Моря настала зима. В те дни нолдор, могущественнейшие и прекраснейшие из детей мира, еще жили в Ближних землях, и слух смертных еще внимал их речам. Немало дивных и прекрасных творений оставалось в ту пору на земле, но немало и злобных, наводящих ужас тварей: встречались и орки, и тролли, и драконы, и злобные звери, а в лесах бродили неведомые существа, древние и мудрые, имена коих давно позабыты; гномы еще трудились в подгорных пещерах и кропотливым искусством своим создавали творения из металла и камня, равных которым нет ныне. Но приближалось время Владычества Людей и все менялось в мире – пока, наконец, Темный Властелин не воспрял в Миркводе.

Встарь чаща эта называлась Зеленолесье Великое, бескрайние пределы и просеки его служили пристанищем зверью и птицам, распеваящим звонкие песни; там, под сенью бука и дуба, правил король Трандуиль. Но по прошествии многих лет, когда истекла почти треть той эпохи в истории мира, тьма медленно просочилась в лес с юга, и страх поселился на сумрачных полянах; теперь там рыскали хищные звери, а твари свирепые и злобные расставляли там свои сети.

Тогда лес получил другое имя, и стал называться Мирквуд, ибо сгустилась над ним ночная тень; немногие осмеливались пройти через лес, кроме как в северной его части, куда народ Трандуиля по-прежнему не давал злу доступа. Откуда пришло зло, немногие ведали; и даже Мудрые нескоро сумели узнать это. То была тень Саурона и знак его возвращения. Ибо, покинув глухие восточные края, он поселился в южной части леса; медленно росла его сила, и вновь обретал он очертания; на темном холме поселился он, там творил он свое чародейство, и все живое трепетало перед Чародеем из Дол Гулдура, и, однако, никто не понимал, сколь велика нависшая над миром опасность.

Но едва первые тени сгустились над Мирквудом, на западе Средиземья объявились истари, те, кого люди называли Магами. Никто в ту пору не знал, откуда пришли они, – никто, кроме Кирдана, Владыки Гаваней; только Эльронду и Галадриэли открыл он, что истари явились из-за Моря. Но после говорилось среди эльфов, что то были вестники Владык Запада, посланные противостоять могуществу Саурона, если Враг воспрянет вновь, и вдохновлять эльфов и людей, и все благие существа на подвиги великой доблести. Они явились в облиии людей преклонных лет, однако исполненных бодрости, и с течением лет почти не менялись; медленно старели они, хотя бремя великих забот лежало на их плечах; великой мудростью наделены они были, и многое было под силу разуму их и рукам. Долго скитались истари из края в край во владениях эльфов и людей, беседовали с птицей и зверем, и народы Средиземья по-разному называли их, ибо истинных своих имен истари не открыли. Главными среди них были те, кого эльфы нарекли Митрандир и Курунир, люди же Севера именовали их Гандальв и Саруман. Из них старшим был Курунир; он явился первым, а после него – Митрандир и Радагаст, и другие истари, – те, что ушли на восток Средиземья, и в этих преданиях о них не говорится ни слова. Радагаст стал другом всех зверей и птиц, Курунир же по большей части общался с людьми; красноречив он был и весьма искусен во всем, что касалось кузнечного дела. Митрандир же чаще всего советовался с Эльрондом и эльфами. Он скитался в далеких краях на Севере и на Западе, нигде не живя подолгу; Курунир же отпра-

вился на Восток, а по возвращении поселился в Ортанке в Кольце Айзенгарда, что возвели нуменорцы в дни своего могущества.

Митрандир ни на миг не терял бдительности; именно его особенно тревожила тьма Мирквуда, ибо, хотя многие полагали, будто это – дело рук Кольцепризраков, Митрандир опасался, что на лес впервые пала тень возвращающегося Саурана. И Гандалф отправился в Дол Гулдур, и Чародей бежал перед ним, и еще на долгие годы воцарился тревожный мир. Но наконец вновь возвратилась Тень, и умножилась ее мощь; тогда и был впервые созван Совет Мудрых, что получил название Белого Совета; на нем собрались Эльронд, и Галадриэль, и Кирдан, и прочие правители эльдар, а также Митрандир и Курунир. Курунир (то был Саруман Белый) избран был главою, ибо встарь он наиболее глубоко изучил уловки Саурана. Галадриэль, правда, предпочла бы, чтобы Совет возглавил Митрандир, и Саруман затаил на них зло, ибо гордыня его и жажда власти несказанно возросли; однако Митрандир отказался от этой роли, ибо не желал он быть связанным с кем бы то ни было и присягать на верность кому бы то ни было, кроме пославших его; не желал он нигде оставаться надолго и повиноваться чьему бы то ни было зову. Саруман же теперь принялся за изучение всего, что касалось Колец Власти, их создания и истории.

И вот Тень возросла еще больше, и омрачились сердца Эльронда и Митрандира. Потому Митрандир, подвергая себя великой опасности, однажды вновь отправился в Дол Гулдур, в подземелья Чародея, и убедился в том, сколь обоснованы его страхи, и скрылся. Вернувшись же к Эльронду, сказал так:

«Увы, справедлива наша догадка. Это – не один из улайри, как многие полагают уже давно. Это – сам Саурон; он вновь обрел видимый облик, и теперь стремительно наращивает силу; и вновь собирает он в своих руках все Кольца и без устали ищет сведений о Едином и о Наследниках Исильдура, если они живы еще на земле».

И отвечал Эльронд: «В тот час, когда Исильдур взял Кольцо и не пожелал уступить его, судьбою предрешено было, что Саурон возвратится».

«Однако Единое потеряно, – молвил Митрандир, – и, пока оно остается сокрыто, мы можем совладать с Врагом, если соберем силы и не станем медлить».

Тогда был созван Белый Совет, и Митрандир убеждал всех скорее начать действовать, однако Курунир высказался против и посоветовал до поры выжидать и следить за происходящим.

«Ибо не верится мне, – говорил он, – что Единое когда-либо отыщется в Средиземье. Кольцо кануло в Андуин и давным-давно, сдается мне, унесено было в Море. Там суждено покоиться ему до самого конца, до того дня, когда сокрушен будет мир и схлынут морские пучины».

Потому ничего не было сделано в ту пору, хотя Эльронда одолевали дурные предчувствия. И сказал он Митрандиру: «Однако ж, предвижу я, что еще отыщется Единое Кольцо, и тогда вновь разразится война, и с войной этой закончится нынешняя эпоха. А закончится она вторым пришествием тьмы, разве что некая непостижимая случайность, какую не в состоянии предвидеть мой взор, спасет нас».

«Из многих непостижимых случайностей складываются судьбы мира, – отвечал Митрандир, – и помощь часто приходит от слабых, когда дрогнут Мудрые».

Так тревожились Мудрые, но никто до поры не понял, что Куруниром овладели темные мысли и что в сердце своем тот уже затаил предательство: ибо желал Курунир прежде всех прочих отыскать Великое Кольцо, чтобы владеть им самому и весь мир подчинить своей воле. Слишком долго изучал он пути и уловки Саурана, в надежде одолеть его; теперь Курунир скорее завидовал ему, как сопернику, нежели ненавидел его деяния. Он полагал, что Кольцо, принадлежащее Саурону, станет искать своего хозяина, теперь, когда тот объявился вновь, но если Саурана изгнать, останется сокрыто. Потому Саруман предпочел играть с

огнем и на время оставить Саурона в покое, надеясь при помощи своего мастерства опередить и друзей своих, и Врага, едва найдется Кольцо.

Саруман установил наблюдение за Ирисной низиной, но скоро обнаружил, что прислужники Дол Гулдура обыскивают окрестности Реки в этом самом месте. Тогда он понял, что и Саурон прознал о том, как погиб Исильдур; и убоился Саруман, и укрылся в Айзенгарде, и укрепил башню, и углубился в изучение сокровенного знания о Кольцах Власти и искусстве ихковки. Но никому из Совета Саруман не говорил о том ни слова, надеясь первым узнать новости о Кольце. Он собрал целое полчище соглядатаев, бо́льшую часть которых составляли птицы; ибо Радагаст охотно помогал Саруману, не подозревая о его предательстве, и полагая, что все это делается, дабы не упускать из виду Врага.

Но над Мирквудом все сгущалась тень, и в Дол Гулдур из всех темных уголков земли стекались злобные твари; и вновь объединила их единая воля, и ненависть их направлена была против эльфов и немногих уцелевших из народа Нуменора. Потому наконец вновь созван был Совет, и долго обсуждалось на нем сокровенное знание о Кольцах; Митрандир же обратился к Совету, говоря:

«Нет нужды ожидать, чтобы отыскалось Кольцо, ибо, пока пребывает оно на земле, пока не уничтожено оно, будет жить и сила, заключенная в нем, и могущество Саурона станет непрерывно расти, и не утратит он надежду. Мощь эльфов и Друзей Эльфов ныне не та, что встарь. Скоро Враг окажется слишком силен для вас, даже без Великого Кольца; ибо он управляет Девятью, а из Семи отыскал Три. Мы должны нанести удар».

С этим Курунир ныне согласился, ибо желал, чтобы Саурон был изгнан из Дол Гулдура, находившегося у самой Реки, и не имел более возможности продолжать там свои поиски. Поэтому в последний раз Саруман пришел на помощь Совету, и Мудрые собрали все свои силы, и атаковали Дол Гулдур, и Саурон вынужден был покинуть эти места, и Мирквуд на краткий срок вновь очистился от скверны.

Но слишком поздно нанесен был удар. Ибо Темный Властелин предвидел это и загодя рассчитал все свои действия, и улайри, Девятеро его Слуг, ушли до него, чтобы подготовить его возвращение. Потому бегство Саурона было только притворством; вскоре Враг вернулся и, прежде чем Мудрые сумели ему помешать, опять вступил в свои мордорские владения и вновь воздвиг темные башни Барад-дура. В тот год Белый Совет собрался в последний раз, и Курунир уединился в Айзенгарде, и ни с кем не советовался более, кроме самого себя.

Множились полчища орков, далеко на востоке и на юге брались за оружие дикие племена. Тогда, в самый разгар растущего страха, в преддверии войны, оправдались недобрые предчувствия Эльронда, и в самом деле отыскалось Единое Кольцо – благодаря случайности более непостижимой, чем провидел сам Митрандир; и ни Курунир, ни Саруман о том не прознали. Ибо задолго до того, как оба они начали свои поиски, Кольцо добыл со дна Андуина некто из низкорослого племени рыболовов, что обитало у Реки еще до того, как в Гондоре прервался род королей; нашедший же скрыл Кольцо от всех глаз в темном убежище в недрах гор. Там и оставалось Кольцо до тех самых пор, пока, в год нападения на Дол Гулдур, не было найдено вновь неким путником, что бежал в глубинные подземелья, спасаясь от преследующих его орков, и не перешло в далекие края, в землю перианнат, Малого народа, полуростиков, что жили на западе Эриадора. До того дня эльфы и люди не придавали им особого значения, и ни Саурон, ни кто-либо из Мудрых, погружаясь в раздумья, никогда не обращали к ним своих мыслей – кроме одного только Митрандира.

И вот, благодаря удаче и собственной бдительности, Митрандир впервые узнал о Кольце прежде, чем о том проведал Саурон, и его охватили сомнения и страх. Ибо слишком велика была сила зла, заключенная в этой вещи; никому из Мудрых не под силу было воспользоваться ею, если не желал он, подобно Куруниру, в свою очередь стать тираном и темным властелином; от Саурона невозможно было скрыть Кольцо навсегда, и мастерства

эльфов не доставало, чтобы уничтожить Кольцо. Потому с помощью дунэдайн Севера Митрандир установил наблюдение за землей перианнат, выжидая своего часа. Но много согладатаев было у Саурана, и вскоре дошли до него слухи о Едином Кольце – Кольце, которого желал он превыше всего сущего, и Враг выслал назгул добыть его. Так вспыхнула война, и в битве с Сауроном закончилась Третья эпоха – так же, как некогда началась.

Но те, кому довелось наблюдать воочию события той поры, деяния доблести и великой славы, в иных книгах пересказали Повесть о Войне Кольца, и как завершилась она неожиданною победой и скорбью, давно предреченной. Здесь же должно упомянуть о том, что в ту пору на Севере объявился Наследник Исильдура, и взял в свои руки сломанный меч Элендила, и в Имладрисе клинок был перекован заново; тогда великий полководец людей отправился на войну. То был Арагорн, сын Араторна, тридцать девятый потомок Исильдура по прямой линии, и все же более походил он на Элендила, нежели все его предшественники. В Рохане началось сражение, предатель Курунир был повержен, Айзенгард разрушен, а у Града Гондора на ратном поле произошла великая битва, Владыка Моргула, военачальник Саурана, канул во тьму, Наследник же Исильдура повел войско Запада к Черным Вратам Мордора.

В той последней битве сражались Митрандир, и сыновья Эльронда, и король Рохана, и правители Гондора, и Наследник Исильдура вместе с дунэдайн Севера. Смерть и поражение ожидали их в итоге, и вся доблесть сражавшихся оказалась напрасной, ибо слишком велика была мощь Саурана. Однако в этот час подтвердилось сказанное Митрандиром, и помощь пришла из рук слабых, когда дрогнули Мудрые. Ибо, как поется с тех пор во многих песнях, избавление принесли им перианнат, Малый народец, жители холмов и лугов.

Ибо говорится, что полуростик Фродо, по повелению Митрандира, взял на себя это бремя: один, со своим слугою, прошел он через неисчислимые опасности и тьму, и добрался наконец, вопреки Саурону, до самой Горы Рока, и там бросил Великое Кольцо Власти в Огонь, где некогда было оно создано; так наконец Кольцо было уничтожено и пламя поглотило заключенное в нем зло.

Тогда Саурон утратил силу, и разгромлен был наголову, и сгинул, словно тень злобы; и башни Барад-дура обратились в руины, и от грохота обрушившихся стен задрожала земля. И опять воцарился мир, и Весна вновь снизошла на землю, и Наследник Исильдура коронован был как король Гондора и Арнора, и умножилась мощь дунэдайн, и возродилась их былая слава. В садах Минас Анора снова зацвело Белое Древо, ибо Митрандир отыскал его побег в снегах Миндоллуина, горы, что вознеслась, высока и бела, над Градом Гондора, и, пока росло оно там, память о Древних Днях не вовсе изгладилась в сердцах королей.

Все это удалось свершить главным образом благодаря мудрости и бдительности Митрандира; в последние же несколько дней явился он владыкой, внушавшим великое почтение; облаченный в белые одежды, выехал он на битву; но не раньше, чем настал для него час покинуть Средиземье, стало известно, что долго хранил он Алое Кольцо Огня. Сперва Кольцо это вверено было Кирдану, Владыке Гаваней; но Кирдан передал Кольцо Митрандиру, ибо знал, откуда пришел тот и куда вернется в итоге.

«Возьми же это Кольцо, – молвил Кирдан, – ибо тяжким бременем лягут на твои плечи заботы и тревоги, но везде поддержит оно тебя и оградит от усталости. Ибо это – Кольцо Огня; с его помощью, может статься, зажжешь ты сердца огнем былой доблести в мире, где царит хлад. Что до меня – мое сердце принадлежит Морю, и я останусь у сумеречных берегов, храня Гавани, до тех пор, пока не поднимет паруса последний корабль. Тогда я буду ждать тебя».

Белым был тот корабль; нескоро строился он и долго ожидал часа, о котором говорил Кирдан. Но когда свершилось все предначертанное, и Наследник Исильдура стал королем людей, и взял в свои руки бразды правления на Западе, тогда стало ясно, что могущество Трех Колец тоже иссякло, и для Перворожденных мир состарился и поблек. В ту пору последние из нолдор подняли паруса в Гаванях и покинули Средиземье навсегда. Позже всех прочих отправились к Морю Хранители Трех Колец, и Владыка Эльронд взошел на корабль, давно приготовленный Кирданом. В осенних сумерках корабль отплыл из Митлонда, и вот моря сомкнувшегося в кольцо мира отхлынули от бортов его, уходя вниз, и ветра небесной сферы не тревожили его более, и поднялся он в воздушные пределы выше туманной дымки, обволакивающей мир, и вступил в края Древнего Запада, и закончилась эпоха эльдар, прославленных в преданиях и песнях.

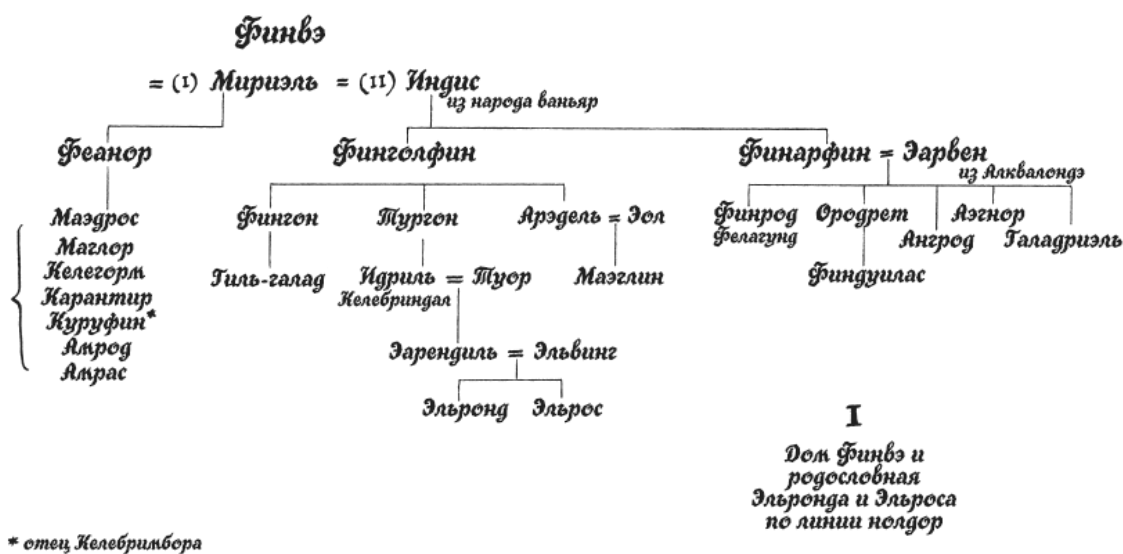

Приложения

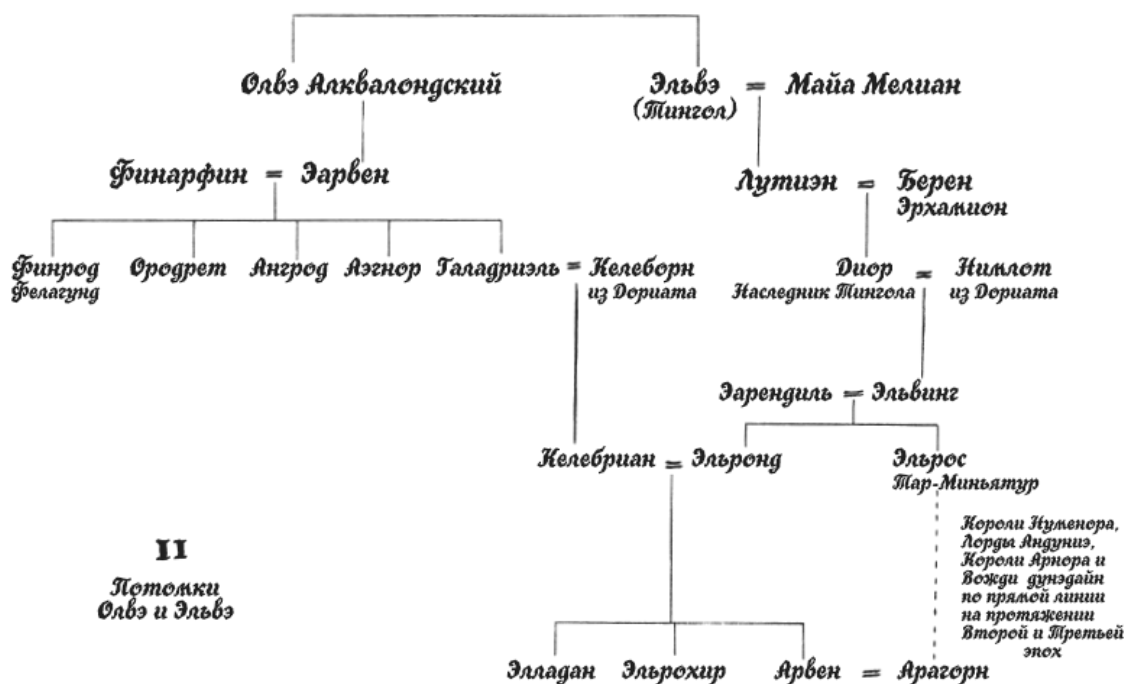
Таблицы

Генеалогии:

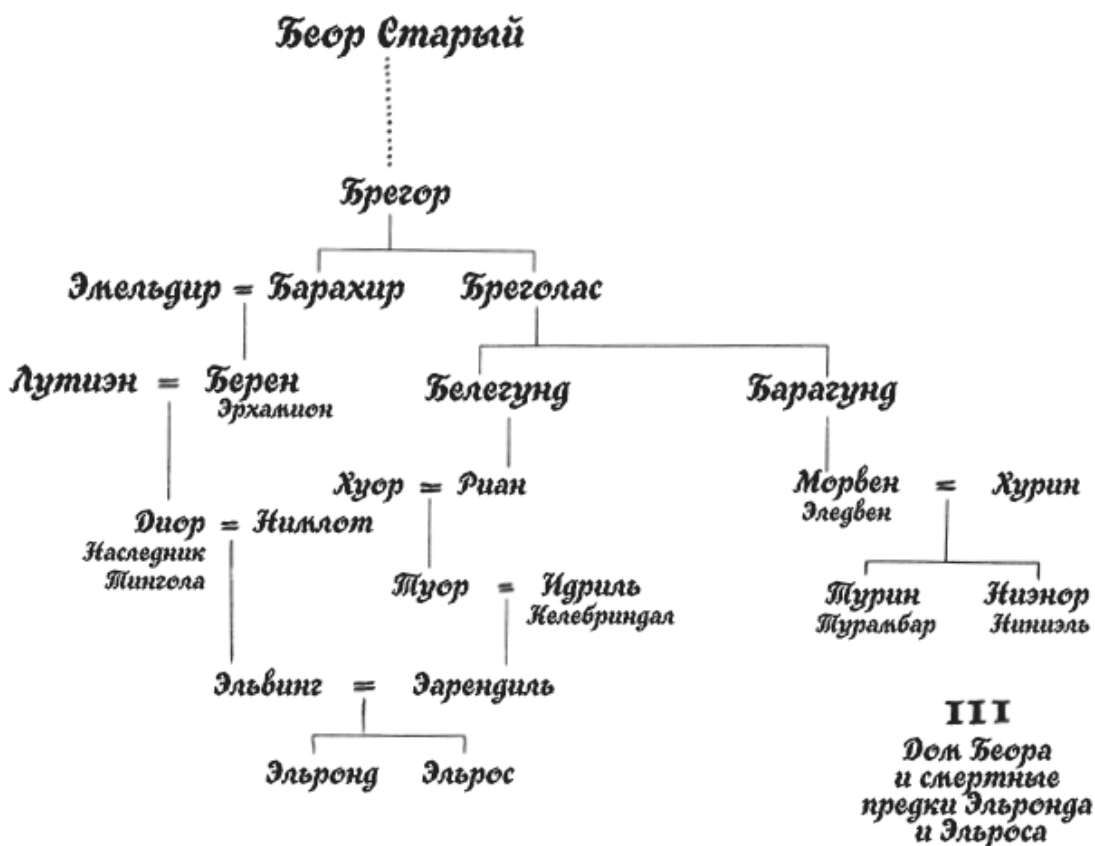
I. Дом Финвэ

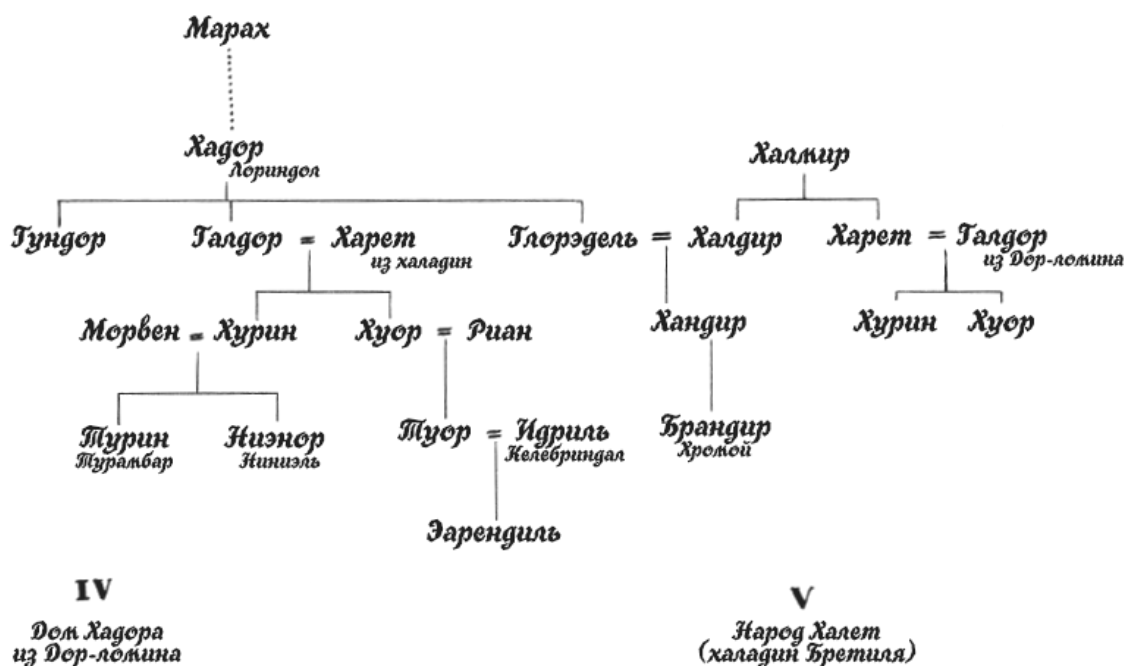
II. Потомки Олвэ и Эльвэ

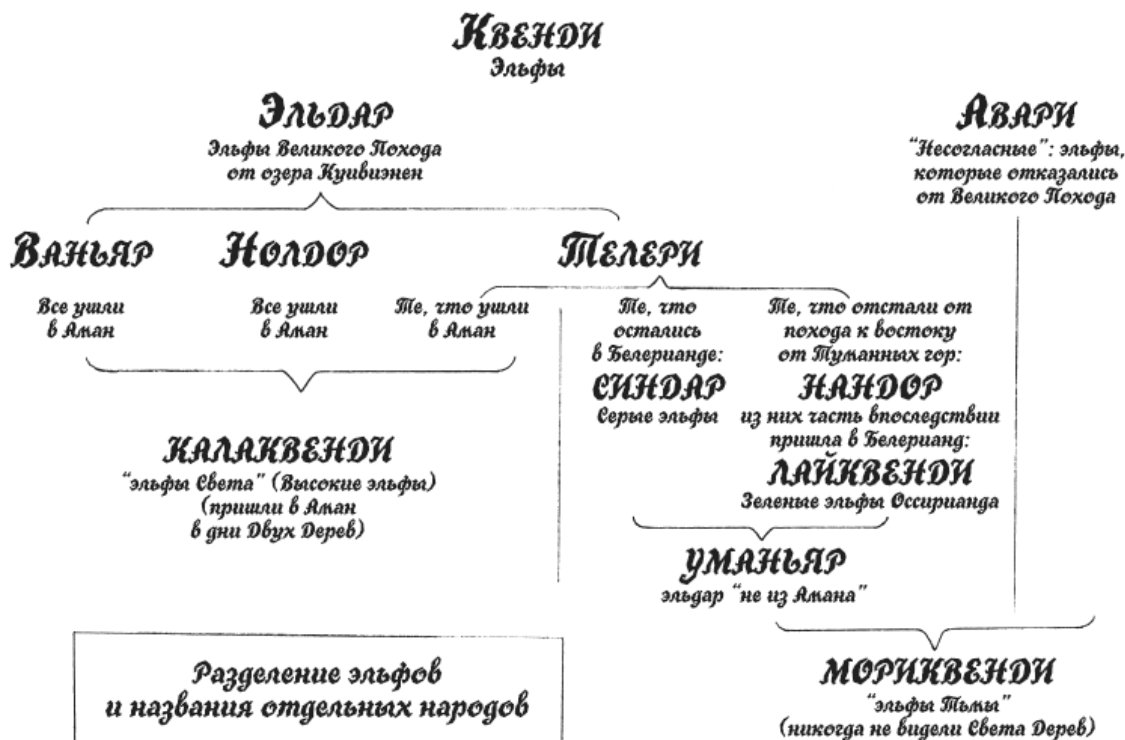
III. Дом Беора

IV и V. Дом Хадора и народ Халет

Разделение эльфов

Указатель имен и названий

Поскольку число имен и названий в этой книге очень велико, в настоящем указателе, в придачу к постраничным отсылкам, приводится краткая справка по каждому из персонажей и мест. Данные справки отнюдь не вобрали в себя всю информацию, содержащуюся в тексте, и в случае большинства ключевых персонажей максимально кратки; но подобный указатель неизбежно оказывается весьма громоздким, потому объем его я сократил несколькими способами. Главная проблема состоит в том, что зачастую перевод эльфийского имени или названия на английский также используется как самостоятельное имя или название; так, например, дворец короля Тингола называется как Менегрот, так и «Тысяча Пещер» (а порою оба названия употребляются вместе). В большинстве подобных случаев я объединил эльфийское название и перевод под одной статьей; в результате постраничные ссылки относятся не только к названию, вынесенному в заголовок статьи (так, например, ссылки в статье «Эхориат» включают в себя и ссылки на «Окружные горы»). Английские названия даются под отдельным заголовком, но лишь с отсылкой на основную статью, и только в том случае, если они встречаются как самостоятельные. В кавычках приводится перевод; зачастую переводы содержатся в самом тексте (как, например, Тол Эрессеа, «Одиноким остров»), но к ним в придачу я добавил много других. Сведения о тех именах и названиях, что остались непереуведенными, содержатся в Приложении.

В том, что касается именовании и формулировок на английском, для которых эльфийских соответствий не приводится, таких, как «Старший Король» или «Два Народа», их я приводил выборочно, при том, что представлено их довольно много. Ссылки даются полностью (а порою включают в себя и номера тех страниц, где персонаж/топоним фигурирует, но по имени не назван); за исключением тех немногих случаев, когда название встречается крайне часто, как, например, «Белерианд», «Валар». В таком случае используется слово *passim* (лат. «повсюду»), однако даны и выборочные ссылки на особенно значимые эпизоды; а в статьях о некоторых нолдорских владыках не учитываются те многочисленные ссылки, где имя употреблено только по отношению к их сыновьям или к их домам.

Ссылки на книгу «Властелин Колец» даются по названию тома, книги и номеру главы.

Замечание от переводчика: В эльфийских именах и названиях проставлены ударения согласно правилам, изложенным в Приложении Е к «Властелину Колец». Ударение в языках квенья и синдарин падает на второй от конца слог в двусложных словах. В словах с большим количеством слогов ударение падает на второй от конца слог, если этот слог содержит в себе долгий гласный звук, дифтонг или гласный звук, за которым следует два или более согласных. В противном случае ударение падает на предыдущий, третий от конца слог. Ударения в именах и названиях, заимствованных из языков адунаик (язык Нуменора) и кхуздул (язык гномов) не проставлены: в текстах Дж. Р.Р. Толкина не встречается никаких указаний на этот счет. Переводчик благодарит Д. Годкина за ценные разъяснения.

А

Аваллónэ (Avallónë) – гавань и город эльдар на Тол Эрессеа; согласно тексту «Акаллабет», назван так потому, что «из всех городов земли ближе всего к Валинору». С. 313, 317, 318, 324, 334, 339, 340, 354.

А́вари (Avari), «Непожелавшие, Отказавшиеся», имя, данное всем эльфам, отказавшимся присоединиться к походу на запад от озера Куивизен. См. *Эльдар* и *Темные эльфы*. С. 71, 72, 115, 120, 343.

Аватар (Avathar) – «Тени», пустынная область на побережье Амана к югу от залива Эльдамар между горами Пелори и Морем, где Мелькор встретился с Унголиант. С. 92, 93, 98, 123.

Ага́рваэн (Agarwaen) – «Запятнанный кровью», имя, взятое Турином по приходе в Нарготронд. С. 254, 255.

Агла́ронд (Aglarond) – «Сверкающая Пещера» в Хельмовой Пади в горах Эред Нимрайс (см. «Две крепости» III 8). С. 349.

А́глон (Aglon) – «Узкое Ущелье» между Дортонионом и высотами к западу от Химринга. С. 150, 162, 181, 183.

Ада́нэдель (Adanedhel) – «Эльф-человек», имя, данное Турину в Нарготронде. С. 254.

Адунахор (Adûnakhôr) – «Владыка Запада», имя, принятое девятнадцатым королем Нуменора: первым королем, кто взял себе имя на языке адунаик (нуменорский язык); на квенья его имя звучало как Херунумен. С. 322.

Аду́рант (Adurant) – шестой, самый южный приток Гелиона в Оссирианде. Название означает «двойной поток», подразумевая, что река распадается на два рукава, огибая остров Тол Гален. С. 149, 226, 286.

Аза́гхал (Azaghâl) – правитель гномов Белегоста; ранил Глаурунга в Нирнаэт Арноэдиад; убит им. С. 232.

Айзе́нгард (Isengard) – перевод (воспроизводящий язык Рохана) эльфийского названия *Ангреност*. С. 349, 358–361.

Айну́лindaлэ (Ainulindalë) – «Музыка Айнур», также называемая (*Великая*) *Музыка*, (*Великая*) *песнь*. Также название повести о Сотворении Мира, которую, как говорят, сложил в Древние Дни Румиль из Тириона. С. 33–37, 39, 42–43, 45, 57, 58, 60, 63, 68, 69, 94, 127, 248.

Айну́р (Ainur), «Священные» (ед. ч. – Айну); первые существа, созданные Илуватаром; «чин» Валар и Майар, сотворенных прежде Эа. С. 33–37, 39, 42, 43, 57, 58, 60, 61, 63, 74, 127, 248, 285, 310.

Акалла́бет (Akallabêth), «Низвергнутая», на языке адунаик (нуменорский язык) означает то же, что и квенийское слово *Аталантэ*. Также название повести о Низвержении Нуменора. С. 339, 347, 348.

А́лдарон (Aldaron), «Владыка Деревьев», квенийское имя Оромэ; ср. *Таурон*. С. 46.

Алдуде́ниэ (Aldudenië), «Плач о Двух Древах», сложенный Элеммирэ, эльфом из народа ваньяр. С. 95.

Алка́ринквэ (Alcarinquë), «Великолепная», название одной из звезд. С. 67.

«Алка́рондас» (Alcarondas) – огромный корабль Ар-Фаразона, на котором он отплыл в Аман. С. 334.

Алкава́ло́ндэ (Alqualondë) – «Лебединая Гавань», главный город и гавань телери на берегах Амана. С. 79, 80, 82, 92, 105, 107, 108, 110, 111, 127, 135, 156, 186, 304.

А́лмарен (Almaren) – первая обитель Валар в Арде до второго нападения Мелькора; остров посреди огромного озера в Средиземье. С. 52, 53, 124.

Алое Кольцо, см. *Нарья*.

А́ман (Aman), «Благословенный, чуждый злу», название земли на Западе, за Великим морем, где поселились Валар, покинув остров Алмарен. Часто именуется также *Благословенное Королевство*. Passim; см. в частности С. 53, 82, 318–319.

Ама́ндиль (Amandil), «Любящий Аман»; последний из лордов Андуние в Нуменоре, потомок Эльроса, отец Элендила; отплыл на корабле в Валинор и не вернулся. С. 326, 327, 328, 330, 331, 337, 349.

Ама́риэ (Amarië) – дева из народа ваньяр, возлюбленная Финрода Фелагунда, оставшаяся в Валиноре. С. 156.

А́млах (Amlach) – сын Имлаха сына Мараха; возглавил недовольных в Эстоладе; раскаявшись, стал служить Маэдросу. С. 173–175.

А́мон А́март (Amon Amarth), «Гора Рока», название, данное Ородруину после возвращения Саурона из Нуменора, когда огонь вновь пробудился в горе. С. 350, 362.

А́мон Гва́рет (Amon Gwareth) – холм среди равнины Тумладен, на котором был выстроен Гондолин. С. 152, 163, 292, 296, 298.

А́мон Об ель (Amon Obel) – холм в лесу Бретиль, на котором был выстроен Эффель Брандир. С. 247, 264, 269.

А́мон Ру́д (Amon Rûdh), «Лысый холм», отдельно стоящая гора в земле к югу от Бретилия; жилище Мима и прибежище отряда изгоев Турина. С. 243, 246, 247, 249, 250, 281.

А́мон Су́л (Amon Sûl), «Ветреный холм» в королевстве Арнор («Заветерь» во «Властелине Колец»). С. 348, 349.

А́мон У́илос (Amon Uilos) – название Ойолоссэ на языке синдарин. С. 53.

А́мон Э́реб (Amon Ereb), «Одинокый холм» (также просто *Эреб*) между Рамдалом и рекой Гелион в Восточном Белерианде. С. 118, 148, 149, 183.

А́мон Э́тир (Amon Ethir), «Холм Соглядатаев», воздвигнутый Финродом Фелагундом к востоку от врат Нарготронда. С. 266, 267.

А́мрас (Amras) – брат-близнец Амрода, младший из сыновей Феанора; убит вместе с Амродом во время нападения на народ Эарендила близ устьев Сириона. С. 79, 102, 150, 171, 301.

А́мрод (Amrod), см. *Амрас*.

Анаду́нэ (Anadûnê) – «Западная Земля», название Нуменора на языке адунаик (нуменорском языке) (см. *Нуменор*). С. 314.

А́нар (Anar) – название Солнца на языке квенья. С. 122, 123.

Ана́рион (Anárion) – младший сын Элендила, которому удалось спастись после Затопления Нуменора вместе с отцом и братом Исильдуром; основал в Средиземье королевства нуменорцев-изгнанников; правитель Минас Анора; погиб на осаде Барад-дура. С. 327, 337, 348, 351, 352, 354.

Ана́ррима (Anarríma) – название созвездия. С. 67.

А́нах (Anach) – перевал, ведущий вниз от Таур-ну-Фуин (Дортониона) в восточной оконечности Эред Горгорот. С. 242, 248, 250, 295.

Анга́йног (Angainor) – цепь, сработанная Аулэ; ею был дважды скован Мелькор. С. 70, 307.

А́нгбанд (Angband), «Железная Тюрьма, Железная Преисподняя», огромная подземная крепость Моргота на северо-западе Средиземья. *Passim*; см. в частности С. 65, 70, 99–100, 117, 142, 215–216. *Осада Ангбанда* С. 140, 142, 146, 151, 158, 178, 179, 180, 191, 201.

А́нглахель (Anglachel) – меч из метеоритного железа, что Тингол получил от Эола и вручил Белегу; после того, как его перековали для Турина, меч стал называться *Гуртанг*. С. 243, 244, 249, 252–254.

А́нгреност (Angrenost) – «Железная Крепость», крепость нуменорцев на западных границах Гондора; позже в ней поселился маг Курунир (Саруман); см. Айзенгард. С. 349.

А́нгрим (Angrim) – отец Горлима Злосчастливого. С. 193.

А́нгрист (Angrist), «Рассекающий железо», кинжал, откованный Тельхаром из Ногрода; Берен отобрал его у Куруфина и с его помощью вырезал Сильмариль из короны Моргота. С. 212, 217.

А́нгрот (Angrod) – третий сын Финарфина; вместе с братом Аэгнором владел северными склонами Дортониона; погиб в Дагор Браголлах. С. 80, 135, 136, 145, 155, 156, 179, 181, 256.

А́нгуирель (Anguirel) – меч Эола, сделанный из того же металла, что и Англахель. С. 244.

А́нгхабар (Anghabar), «Железные Копи», шахта в Окружных горах, опоясывающих равнину Гондолина. С. 167.

А́ндор (Andor), «Дарованная Земля», Нуменор. С. 313, 314, 336.

А́ндром (Andram), «Долгая Стена», название разграничивающей области резкого понижения, проходившей через весь Белерианд. С. 118, 149.

А́ндрот (Androth) – пещеры в горах Митрима, где Туор воспитывался у Серых эльфов. С. 290.

А́ндуин (Anduin), «Долгая Река» к востоку от Туманных гор, иначе называемая *Великая Река* и *Река*. С. 30, 72, 116, 321, 348, 350, 351, 355, 356, 359, 360.

А́ндуниэ (Andúnië) – город-гавань на западном побережье Нуменора. С. 314, 323, 324, 326. О лордах Андуниэ см. С. 323.

А́нкалагон (Ancalagon) – величайший из крылатых драконов Моргота; уничтожен Эарендилом. С. 306.

А́ннатар (Annatar), «Владыка Даров», имя, взятое Сауроном во Вторую эпоху, когда он, приняв прекрасное обличие, являлся эльдар, оставшимся в Средиземье. С. 343.

А́ннаэль (Annael) – Серый эльф из Митрима, приемный отец Туора. С. 290.

А́ннос-ин-Гелюд (Annon-in-Gelydh), «Врата нолдор», вход в подземный тоннель, проложенный рекой, в западной части гор Дор-ломина, и уводивший к Кирит Нинних. С. 290.

А́ннуминас (Annúminas), «Башня Запада» (т. е. Западной Земли, Нуменора): город королей Арнора у озера Ненуиал. С. 348, 349, 353.

А́нор (Anor), см. *Минас Анор*.

А́нфауглир (Anfauglir) – имя волка Кархарота; в тексте переводится как «Алчные Челюсти». С. 216.

А́нфауглит (Anfauglith) – название равнины Ард-гален после разорения ее Морготом в Битве Внезапного Пламени; в тексте переводится как «Удушливая Пыль». Ср. *Дор-ну-Фауглит*. С. 180, 192, 213, 228–231, 238, 250, 252, 257, 277, 306.

А́панонар (Aranórar), «Рожденные Позже», одно из эльфийских названий для людей. С. 126.

А́радан (Aradan) – имя Малаха сына Мараха на синдарине. С. 172, 173, 177.

А́рагорн (Aragorn) – тридцать девятый потомок Исильдура по прямой линии, король воссоединенных королевств Арнора и Гондора после Войны Кольца; женился на Арвен, дочери Эльронда. С. 361. Именовался также *Наследник Исильдура*. С. 361, 362.

А́раман (Araman) – бесплодная пустошь на берегу Амана, между горами Пелори и Морем, протянувшаяся к северу до Хелькараксэ. С. 92, 98, 105, 108, 111, 112, 123, 125, 129, 135, 294.

А́ранвэ (Aranwë) – эльф из Гондолина, отец Воронвэ. С. 292.

А́ранель (Aranel) – имя Диора, наследника Тингола. С. 227.

А́ранрут (Aranrúth), «Гнев Короля», имя меча Тингола. Аранрут пережил гибель Дориата; им владели короли Нуменора. С. 243.

А́ратан (Aratan) – второй сын Исильдура, погиб вместе с отцом в Ирисной низине. С. 353.

А́ратар (Aratar), «Высшие», восемь Валар, наделенные наибольшим могуществом. С. 47.

А́раторн (Arathorn) – отец Арагорна. С. 361.

Арвэрниэн (Arvernien) – побережья Средиземья к западу от устьев Сириона. Ср. песню Бильбо в Ривенделле «Эарендиль-мореход» («Братство Кольца» II 1). С. 299.

Арда (Arda), «Королевство», название Земли как королевства Манвэ. *Passim*; см. в частности. С. 37, 41.

Ард-гáлен (Ard-galen) – широкая травянистая равнина к северу от Дортониона; после ее разорения называлась *Анфауглит* и *Дор-ну-Фауглит*. Слово означает «Зеленый Край»; ср. *Кален-ардон* (Рохан). С. 130, 139–142, 144, 145, 150, 180.

Ар-Гимильзор (Ar-Gimilzôr) – двадцать третий король Нуменора, жестоко преследовавший Элендили. С. 322, 323.

Аргонат (Argonath), «Королевские Камни», Столпы Королей, гигантские каменные изваяния Исильдура и Анариона на Андуине у входа в северные пределы Гондора (см. «Братство Кольца» II 9). С. 349, 355.

Ар-Зимрафель (Ar-Zimraphel), см. *Мириэль* (2).

Ариэн (Arien) – Майя, избранная Валар направлять сосуд Солнца. С. 122–124.

Армэ́нелос (Armenelos) – Град Королей в Нуменоре. С. 314, 317, 325–327, 349.

Арминас (Arminas), см. *Гельмир* (2).

Арнор (Arnor), «Земля Короля», северное королевство нуменорцев в Средиземье; основано Элендилем, спасшимся после Низвержения Нуменора. С. 348, 350, 362.

Арос (Aros) – река на юге Дориата. С. 118, 136, 148, 150, 158, 160, 162, 163, 176, 284–286.

Аросси́ах (Arossiach) – Броды Ароса близ северо-восточных границ Дориата. С. 148, 158, 163.

Ар-Сака́лтор (Ar-Sakalthôr) – отец Ар-Гимильзора. С. 323.

Артад (Arthad) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Ар-Фа́р азон (Ar-Pharazôn), «Золотой», двадцать пятый и последний король Нуменора; на квенья именовался Тар-Калион; взял в плен Саурана и подпал под его влияние; командовал огромным флотом, выступившим на войну против Амана. С. 324–331, 333, 334, 336, 339.

Ар-Фей́ниэль (Ar-Feiniel), см. *Арэдель*.

Арэдель (Aredhel), «Высокорожденный эльф», сестра Тургона Гондолинского; была залучена Эолом в Нан Эльмот; родила ему сына Маэглина; также прозывалась Ар-Фейниэль, Белая Госпожа нолдор, Белая Госпожа Гондолина. С. 79, 157, 158, 160–164, 166, 243.

Аскар (Ascar) – самый северный из притоков Гелиона в Оссирианде (позже назывался *Ратлоризель*). Название означает «стремительный, бурный». С. 113, 149, 150, 168, 175, 286, 287.

Аста́лдо (Astaldo), «Отважный», имя Тулкаса. С. 46.

Ата́лантэ (Atalantë), «Низвергнутая», квеньи́йский синоним слова «Акаллабет». С. 339.

Атанамир (Atanamir), см. *Тар-Атанамир*.

Атаната́ри (Atanatári), «Отцы людей», см. *Атани* С. 126, 229.

А́тани (Atani), «Второй народ», люди (ед. ч. – *атан*). О происхождении слова см. С. 172. Т. к. в Белерианде единственными людьми, известными нолдор и синдар, долгое время были люди Трех Домов Друзей Эльфов, это имя (на синдарине – *адан*, мн. ч. – *эдайн*) ассоциировалось главным образом с ними и потому редко применялось по отношению к другим людям, пришедшим в Белерианд позже, или по отношению к тем, что, по слухам, жили за Горами. Но в речах Илуватара (58) слово означает «люди (в целом)». С. 58, 126, 172. *Эдайн* С. 172, 173, 175, 177, 178, 187, 189, 199, 234, 238, 288, 311, 313, 314, 339, 349.

Ау́лэ (Aulë) – Вала, один из Аратар, кузнец и покровитель ремесел, супруг Йаванны; см. в частности С. 44, 55; о создании им гномов см. С. 60 и далее. С. 37, 40, 43–45, 47–49, 51, 52, 55–57, 60–62, 64, 69–71, 79, 82, 84, 89, 97, 104, 114, 120, 313.

Аэ́глос (Aeglos), «Снежное Острие», копьё Гиль-галада. С. 351.

А́эгнор (Aegnor) – четвертый сын Финарфина; вместе с братом Ангродом владел северными склонами Дортониона; погиб в Дагор Браголлах. Имя означает «Ярое Пламя». С. 80, 103, 145, 179, 181.

Аэ́лин-уиал (Aelin-uial), «Озера Сумерек», место, где Арос впадал в Сирион. С. 138, 148, 201, 266, 282.

Аэра́ндир (Aerandir), «Морестранник», один из трех мореходов, что сопровождали Эарендила в его плаваниях. С. 302.

А́эрин (Aerin) – родственница Хурина, жившая в Дор-ломине и ставшая женой Бродды Восточанина; помогала Морвен после Нирнаэт Арноэдиад. С. 239, 263.

Б

Ба́лан (Balan) – имя, что носил Беор Старый до того, как поступил на службу к Финроду. С. 172.

Ба́лар (Balar) – огромный залив к югу от Белерианда, в который впадала река Сирион. С. 70, 73, 75, 145. Также остров в одноименном заливе. Говорится, что некогда этот остров был восточным мысом Тол Эрессеа, что откололся от острова. Там поселились Кирдан и Гиль-галад после Нирнаэт Арноэдиад. С. 75, 114, 146, 191, 236, 299–301.

Ба́лрог (Balrog), «Демон Мощи», название демонов огня, служивших Морготу, на синдарине; соответствует квенийскому *валарауко*. С. 49, 65, 100, 130, 131, 146, 180, 181, 201, 231, 232, 296, 298, 306.

Ба́рагунд (Baragund) – отец Морвен, жены Хурина; племянник Барахира и один из его двенадцати соратников в Дортонионе. С. 177, 185, 192, 239, 306.

Ба́рад-дур (Barad-dûr), «Темная Башня» Саурона в Мордоре. С. 322, 325, 339, 350, 352, 360, 362.

Ба́рад Ни́мрас (Barad Nimras), «Башня Белый Рог», возведена Финродом Фелагундом на мысу к западу от Эглареста. С. 146, 236.

Ба́рад Эйтель (Barad Eithel), «Башня Истока», крепость нолдор у Эйтель Сирион. С. 230.

Ба́ран (Baran) – старший сын Беора Старого. С. 172.

Ба́рандуин (Baranduin), «Бурая Река» в Эриадоре, впадающая в море к югу от Синих гор; Брендивин Ши́ра в ВК. С. 348.

Ба́рахир (Barahir) – отец Берена; спас Финрода Фелагунда в Дагор Браголлах и получил от него кольцо; погиб в Дортонионе. О дальнейшей истории кольца Барахира, ставшего семейной драгоценностью Дома Исильдура, см. «Властелин Колец», Приложение А (I, iii). С. 177, 181, 185, 192, 193, 195, 196, 199–203, 225, 227, 283, 306.

Ба́р-эн-Да́нвед (Bar-en-Danwedh), «Дом-Выкуп», название, которое гном Мим дал своему убежищу на Амон Руд, передавая его во владение Турину. С. 246, 248, 249.

Бау́глир (Bauglir) – имя Моргота, «Притеснитель». С. 127, 239, 255, 283, 310.

Белая Гора (White Mountain), см. *Таникветиль*.

Бе́лег (Beleg) – великий лучник и предводитель приграничной стражи Дориата; прозван *Куталион*, «Могучий Лук»; друг и соратник Турина; погиб от его руки. С. 189, 222, 224, 228, 239, 241–244, 248–250, 252–254, 276.

Бе́легаэр (Belegaer), «Великое Море» Запада между Средиземьем и Аманом.

Названо *Белегаэр* С. 53, 110, 290; но часто именуется (*Великое*) *Море*, также *Западное море* и *Великие Воды*.

Бе́легост (Belegost), «Великая Крепость», один из двух городов гномов в Синих горах; перевод на синдарин гномьего *Габилгатхол*; см. *Миклебург*. С. 113, 114, 116, 137, 160, 228, 232, 247, 282, 285.

Белегунд (Belegund) – отец Риан, жены Хуора; племянник Барахира и один из его двенадцати соратников в Дортонионе. С. 177, 185, 192, 238.

Белерианд (Beleriand) – считалось, что название это означает «край Валар» и сперва было дано землям близ устьев Сириона, откуда открывался вид на остров Балар. Позже название распространилось на все древнее побережье северо-западной части Средиземья к югу от залива Дренгист и все внутренние земли к югу от Хитлума и к востоку до подножия Синих гор; река Сирион разделяла их на Западный и Восточный Белерианд. Разрушен в катаклизмах конца Первой эпохи и затоплен морем, так, что уцелел только Оссирианд (Линдон). *Passim*; см. в частности С. 117, 145–151, 307, 341–342.

Белое Дерево (White Tree), см. *Тельперион, Галатилион, Нимлот (1)*. Белые Древа Минас Итиля и Минас Анора: С. 328, 331, 349, 350, 351, 352, 354, 362.

Бельтиль (Belthil), «Божественное сияние», изображение Тельпериона, воссозданное Тургоном в Гондолине. С. 153.

Бельтрондинг (Belthronding) – лук Белега Куталиона; захоронен вместе с ним. С. 253.

Белый Совет (White Council) – Совет Мудрых в Третью эпоху, созданный с целью противостоять Саурону. С. 358–360.

Бельфалас (Belfalas) – область южного побережья Гондора в огромном заливе с тем же названием; *залив Бельфалас*. С. 348.

Беор (Beor) – прозванный Старым, вождь людей, пришедших в Белерианд первыми; вассал Финрода Фелагунда; прародитель Дома Беора (иначе называемого *Старшим Домом людей* и *Первым Домом эдайн*); см. *Балан*. С. 168, 170, 171, 172, 177–179, 202. *Дом Беора, Народ Беора* С. 168, 170, 172, 173, 175, 177, 178, 181, 187, 192.

Берег (Bereg) – внук Барана, сына Беора Старого (об этом в тексте не говорится); возглавил смуту среди людей Эстолада; вернулся через горы в Эриадор. С. 173–175.

Берен (Beren) – сын Барахира, добыл Сильмариль из короны Моргота как свадебный выкуп за Лутиэн, дочь Тингола; убит Кархаротом, волком из Ангбанда; единственным из смертных воскрес из мертвых; после вместе с Лутиэн поселился на Тол Гален в Оссирианде; сражался с гномами у Сарн Атрад; прадед Эльронда и Эльроса и предок королей Нуменора. Также именовался *Камлост, Эрхамион* и *Однорукий*. С. 127, 149, 177, 185, 192, 195, 196, 198–206, 208–213, 215–217, 219–222, 224–227, 239, 255, 283, 286, 287, 301.

Бессмертные Земли (Deathless Lands), см. *Неувядающие Земли*.

Битвы Белерианда (Battles of Beleriand) – Первая битва: 118. Вторая битва (Битва-под-Звездами): см. *Дагор-нуин-Гилиат*. Третья битва (Славная Битва): см. *Дагор Аглареб*. Четвертая битва (Битва Внезапного Пламени): см. *Дагор Браголлах*. Пятая битва (Битва Бесчисленных Слез): см. *Нирнаэт Арноэдиад*. Великая Битва: С. 306, 307.

Благословенное Королевство (Blessed Realm), см. *Аман*.

Ближние земли (Hither Lands) – Средиземье (также *Внешние земли*). С. 74–76, 292, 300, 305, 306, 310, 315, 356.

Большой Гелион (Greater Gelion) – один из двух рукавов реки Гелион на севере, бравший начало на горе Рерип. С. 149.

Бор (Bór) – один из вождей восточан; вместе с тремя сыновьями служил Маэдросу и Маглору. С. 187, 228. *Сыновья Бора*. С. 187, 231.

Борлад (Borlad) – один из трех сыновей Бора; см. *Борлах*.

Борлах (Borlach) – один из трех сыновей Бора; погиб вместе с братьями в Нирнаэт Арноэдиад. С. 187.

Боромир (Boromir) – правнук Беора Старого, дед Барахира, отца Берена; первый правитель Ладроса. С. 177.

Борон (Boron) – отец Боромира. С. 177.

Бортанд (Bortand) – один из трех сыновей Бора; см. *Борлах*.

Браго́ллах (Bragollach), см. *Дагор Браголлах*.

Бра́нди́р (Brandir), прозванный Хромым – правил народом Халет после смерти своего отца Хандира; любил Ниэнор; пал от руки Турина. С. 264, 265, 269–276.

Братоубийство (Kinslaying, The) – битва в Алквалондэ, в ходе которой нолдор убивали телери. С. 107, 108, 110–112, 127, 136, 154, 156, 167, 171, 186.

Бре́голас (Bregolas) – отец Барагунда и Белегунда; погиб в Дагор Браголлах. С. 177, 181, 185.

Бре́гор (Bregor) – отец Барахира и Бреголаса. С. 177.

Бре́тиль (Brethil) – лес в междуречье Тейглина и Сириона, где жили халадин (народ Халет). С. 145, 176, 177, 185, 187, 189, 190, 211, 228, 231, 234, 242, 247, 248, 257, 264, 265, 269–271, 275, 276, 279, 281.

Бре́шь Маглора (Maglor's Gap) – область между северными рукавами Гелиона, не защищенная холмами со стороны Севера. С. 139–140, 150, 183.

Бри́льтор (Brilthor), «Сверкающий Поток», четвертый из притоков Гелиона в Оссирианде. С. 149.

Бри́тиах (Brithiach) – брод через Сирион к северу от леса Бретиль. С. 157, 158, 176, 189, 250, 278, 279.

Бри́томбар (Brithombar) – северная гавань Фаласа на побережье Белерианда. С. 76, 131, 145, 236, 300.

Бри́тон (Brithon) – река, впадавшая в Великое море у Бритомбара. С. 236.

Бро́д да (Brodda) – восточанин, обосновавшийся в Хитлуме после Нирнаэт Арноэдиад; взял в жены Аэрин, родственницу Хурина; убит Турином. С. 239, 263.

Броды Ароса (Fords of Aros), см. *Ароссиах*.

В

Ва́йрэ (Vairë), «Ткущая», одна из Валиэр, жена Намо Мандоса. С. 43, 45.

«Валаквэнта» (Valaquenta) – «Повесть о Валар», короткое самостоятельное произведение, не входящее в «Сильмариллион» как таковой.

Валакирка (Valacirca), «Серп Валар», название созвездия Большая Медведица. С. 67, 209.

Вала́ндиль (Vandalil) – младший сын Исильдура, третий король Арнора. С. 353.

Ва́лар (Valar), «Облеченные Властью», «Власти» (ед.ч. – *Вала*); именование могущественных Айну́р, вступивших в Эа в начале времени и принявших на себя обязанность оберегать Арду и управлять ею. Также именовались *Великие*, *Управители Арды*, *Владыки Запада*, *Владыки Валинора*. *Passim*; см. в частности С. 39–41, 42–47, 57–58, 94. Также см. *Айну́р*, *Аратар*.

Вала́раукар (Valaraukar), «Демоны Мощи» (ед.ч. *валарауко*); квенийский эквивалент синдарского *балрог*. С. 49.

Вала́рома (Valaróma) – рог Оромэ. С. 46, 57, 96, 117.

Ва́лимар (Valimar), см. *Валмар*.

Ва́лино́р (Valinor) – земля Валар в Амане, за горами Пелори; также называлось *Огражденное Королевство*. *Passim*; см. в частности С. 54–55, 124–125.

Ва́лиэ́р (Valier), «Королевы Валар» (ед.ч. – *Валиэ*). Слово употреблено только в тексте «Валаквэнта». С. 42, 45, 46.

Ва́лмар (Valmar) – город Валар в Валино́ре; название встречается также в форме *Валимар*. В плаче Галадриэли в Лориэне («Братство Кольца» II 8) Валимар равнозначен Валино́ру. С. 46, 54, 69, 73, 80, 85, 90, 91, 94, 96, 103, 125, 226, 303, 304.

Ва́на (Vána) – одна из Валиэр, сестра Йаванны и жена Оромэ, прозванная «Вечно Юная». С. 43, 46, 48, 122.

Ва́ньяр (Vanyar) – первый народ эльдар, выступивший в поход на запад от озера Куи-виэнен во главе с Ингвэ. Само название (ед.ч. – *ванья*) означает «Светлые», подразумевая золотой цвет волос ваньяр. См. *Финарфин*. С. 56, 71–73, 75, 78, 79, 82, 84, 85, 94, 95, 101, 119, 122, 124, 156, 164, 305, 310.

Ва́рда (Varda), «Благородная», «Величественная»; также названа *Владычицей Звезд*. Самая могущественная из Валиэр, жена Манвэ, обитающая вместе с ним на Таникветили. Прочие имена Варды как создательницы звезд: *Эльберет*, *Элентари*, *Тинталлэ*. См. в частности 43. С. 43, 45, 47, 51, 54, 55, 56, 65, 67, 71, 79, 87, 94–96, 102, 120, 123, 209, 308, 310.

Ва́са (Vása), «Испепеляющая», одно из названий Солнца в языке нолдор. С. 122.

Великая Река (Great River), см. *Андуин*.

Великие земли (Great Lands) – Средиземье. С. 317.

Верные (Faithful, The), см. *Элендили*.

Вильварин (Wilvarin) – название созвездия. На языке квенья слово означает «бабочка»; возможно, подразумевается созвездие Кассиопея. С. 67.

Ви́лья (Vilya) – одно из Эльфийских Колец, Кольцо Воздуха; принадлежало Гиль-галаду, а после него – Эльронду; также называлось *Кольцо Сапфира*. С. 345, 356.

«Ви́нгилот» (Vingilot) (полная квенийская форма – «Вингилотэ») – «Пенный Цветок», название корабля Эарендила; см. «*Ротинзилл*». С. 300–302, 304, 305, 311.

Ви́ньямар (Vinyamar) – дворец Тургона в Неврасте у подножия горы Тарас; название, вероятно, означает «Новое Жилище». С. 139, 144, 152, 156, 290, 292, 294.

Владыка Вод (Lord of Waters), см. *Ульмо*. Владыки Запада (Lords of the West), см. *Валар*.

Внешнее море (Outer Sea), см. *Эккайа*.

Внешние Земли (Outer Lands) – Средиземье (также *Ближние земли*). С. 56, 65, 75, 98, 112, 122, 134, 304.

Воро́нвэ (Voronwë), «Стойкий», эльф из Гондолина, единственный из мореходов семи кораблей, посланных на Запад после Нирнаэт Арноэдиад, оставшийся в живых; встретился с Туором в Виньямаре и показал ему путь в Гондолин. С. 236, 292.

Восточане (Easterlings) – также называемые *Смуглое племя*; пришли в Белерианд с востока после Дагор Браголлах; сражались и на той, и на другой стороне в Нирнаэт Арноэдиад; от Моргота получили в удел Хитлум, где угнетали остатки народа Хадора. С. 187, 231, 234, 239, 263, 277, 290.

Врата Лета (Gates of Summer) – великий праздник в Гондолине, в канун которого город атаковала армия Моргота. С. 296.

Второрожденные (Secondborn, The) – Младшие Дети Илуватара, люди. С. 63.

Высокое эльфийское наречие (High-elven), см. *Квенья*.

Высокие эльфы (High Elves), см. *Эльдар*. С. 355.

Высокий Фа́рот (High Faroth), см. *Таур-эн-Фарот*.

Г

Габилгатхол (Gabilgathol), см. *Белегост*. С. 113.

Гавани (Havens, The) – Бритомбар и Эгларест на побережье Белерианда: С. 119, 130, 131, 137, 145, 146, 185, 234, 236, 300. Гавани Сириона в конце Первой эпохи: С. 290, 301, 302, 307. Серые Гавани (*Митлонд*) в заливе Лун: С. 342, 347, 355–357, 362, 364. Алквалондэ, Лебединая Гавань или Гавань Лебедей, также просто *Гавань*: С. 107, 111.

Галадриэль (Galadriel) – дочь Финарфина и сестра Финрода Фелагунда; одна из возглавивших бунт нолдор против Валар; стала женой Келеборна из Дориата и осталась вместе

с ним в Средиземье после окончания Первой эпохи; хранительница Кольца Воды, Неня, в Лотлориэне. С. 80, 103, 112, 138, 139, 153–156, 173, 202, 286, 310, 356–358.

Галати́лион (Galathilion) – Белое Древо Тириона, подобие Тельперииона, созданное Йаванной для ваньяр и нолдор. С. 78, 317, 349.

Га́лдор (Galdor) – по прозвищу Высокий; сын Хадора Лориндола и правитель Дорломина после смерти отца; отец Хурина и Хуора; погиб у Эйтель Сирион. С. 177, 181, 185, 189, 190, 191, 192, 238, 254, 282, 306.

Га́лворн (galvorn) – металл, созданный Эолом. С. 160.

Га́ндальв (Gandalf) – имя Митрандира, одного из истари (Магов) среди людей; см. *Олорин*. С. 357.

Гва́йт-и-Ми́рдайн (Gwaith-i-Mírdain) – «Народ Златокузнецов», название братства искусных мастеров в Эрегионе; величайшим среди них был Келебримбор, сын Куруфина. С. 342.

Гви́ндор (Gwindor) – эльф из Нарготронда, брат Гельмира; бежал из ангбандского плена; помог Белегу спасти Турина; привел Турина в Нарготронд; любил Финдуилас, дочь Ородрета; погиб в битве на Тумхаладе. С. 227, 229, 230, 250, 252–257.

Ге́лион (Gelion) – огромная река Восточного Белерианда, бравшая начало на Химринге и на горе Рерир; вбирала в себя реки Оссирианда, стекавшие с Синих гор. С. 73, 74, 112, 113, 118, 137, 146, 148, 149, 150, 168, 171, 175, 183, 226, 284, 286, 287.

Ге́льмир (Gelmir) (1) – эльф из Нарготронда, брат Гвиндора; захвачен в плен в Дагор Браголлах; предан смерти перед Эйтель Сирион, как вызов защитникам крепости перед Нирнаэт Арноэдиад. С. 227, 230.

Ге́льмир (Gelmir) (2) – эльф из народа Ангрода; вместе с Арминасом явился в Нарготронд предупредить Ородрета о грозящей опасности. С. 256.

Ги́льдор (Gildor) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Ги́ль-галад (Gil-galad), «Сияющая Звезда», имя, под которым был впоследствии известен Эрейнион, сын Фингона. После смерти Тургона стал последним Верховным королем нолдор Средиземья; остался в Линдоне после окончания Первой эпохи; возглавил вместе с Элендилом Последний Союз эльфов и людей; погиб вместе с ним в битве с Сауроном. С. 185, 236, 299, 301, 310, 321–323, 342, 343, 347–352, 355.

Ги́ль-Э́стель (Gil-Estel), «Звезда Надежды», на языке синдарин – имя Эарендила, несущего Сильмариль на корабле «Вингилот». С. 305.

Гими́льзор (Gimilzôr) – см. *Ар-Гимильзор*.

Гими́льхад (Gimilkhâd) – младший сын Ар-Гимильзора и Инзильбет, отец Ар-Фаразона, последнего короля Нуменора. С. 323, 324.

Ги́нгли́т (Ginglith) – река в Западном Белерианде, впадала в Нарог близ Нарготронда. С. 202, 257.

Гла́урунг (Glaurung) – первый из драконов Моргота, называемый *Отцом Драконов*; участвовал в Дагор Браголлах, Нирнаэт Арноэдиад и разорении Нарготронда; заколдовал Турина и Ниэнор; убит Турином в Кабед-эн-Арас. Также прозывался *Великим Змеем* и *Змеем Моргота*. С. 141, 177, 180, 183, 231, 232, 257, 259, 261, 265–267, 270–273, 275, 276, 279, 281, 282, 292, 296.

Гли́нгал (Glingal), «Висячее Пламя», изображение Лаурелин, воссозданное Тургоном в Гондолине. С. 152.

Гли́рхуин (Glirhuin) – менестрель из Бретиля. С. 281.

Глорфи́ндель (Glorfindel) – эльф из Гондолина; спасся при разрушении города; погиб, сорвавшись в пропасть, в Кирит Торонат, в сражении с одним из балрогов. Имя означает «Золотоволосый». С. 233, 298, 299.

Глор'эдель (Glóredhel) – дочь Хадора Лориндола из Дор-ломина, сестра Галдора; стала женой Халдира из Бретиля. С. 189.

Гномий тракт (Dwarf-road) – дорога, ведущая с гор в Белерианд от городов Ногрода и Белегоста; пересекала Гелион у брода Сарн Атрад. С. 168, 172, 175.

Гномы (Dwarves) С. 60–62, 113–116, 137, 139, 150, 160–162, 168, 187, 228, 232, 247, 255, 257, 282, 284–288, 342, 346, 351, 356. Касательно *Малых гномов*: С. 244, 246–249, 281, 282. *Семь Праотцев Гномов*: С. 60–62, 114. *Ожерелье Гномов*: см. *Наугламир*. *Семь Гномьих Колец*: см. *Кольца Власти*. Также см. *Наугрим*.

Год Скорби (Year of Lamentation) – год Нирнаэт Арноэдиад. С. 152, 239.

Голодрим (Golodhrim) – нолдор. *Голод* – синдарская форма квенийского *нолдо*, а *-рим* – окончание собирательного множественного числа. Ср. *Аннонин-Гелюд* – Врата Нолдор. С. 161.

Гон' долины (Gondolin), «Сокрытая скала» (см. *Ондолиндэ*); потаенный город короля Тургона в Окружных горах (Эхориат). С. 79, 130, 151–153, 157, 158, 161–163, 166–168, 184, 190, 191, 220, 228, 231–233, 236, 238, 249, 278, 279, 292, 294–296, 298, 299, 301, 304, 310, 314.

Гондолиндрим (Gondolindrim) – жители Гондолина. С. 167, 191, 231, 294, 296, 298, 299.

Гондор (Gondor), «Земля Камня», название южного королевства нуменорцев в Средиземье, основанного Исильдуром и Анарионом. С. 348–350, 352, 354, 355, 360–362. *Град Гондора*: Минас Тирит. С. 361, 362.

Гоннхир рим (Gonnhirrim), «Повелители Камня», название гномов на языке синдарин. С. 113.

Гора Рока (Mount Doom), см. *Амон Амарт*.

Горгорот (Gorgoroth) (1), см. *Эред Горгорот*.

Горгорот (Gorgoroth) (2) – плато в Мордоре, между примыкающими друг к другу горами Тени и горами Пепла. С. 350–352, 354.

Горлим (Gorlim), прозванный Злосчастливым; один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе; заманен в ловушку при помощи призрака его жены Эйлинели; выдал Саурону, где находится убежище Барахира. С. 185, 193, 195.

Гортаур (Gorthaur) – имя Саурана на языке синдарин. С. 49, 186, 341.

Гортол (Gorthol), «Грозный Шлем», имя, что взял себе Турин как один из Двух Полководцев в земле Дол-Куартол. С. 249.

Горы (Mountains) – Горы Амана, Ограждающие горы, см. *Пелори*; Горы Востока, см. *Орокарни*; Железные горы, см. *Эред Энгрин*; Туманные горы, см. *Хитаэглир*; Горы Митрима, см. *Митрим*; Горы Тени, см. *Эред Ветрин* и *Эффель Дуат*; Горы Ужаса, см. *Эред Горгорот*.

Горы Эха (Echoing Mountains), см. *Эред Ломин*.

Готмог (Gothmog) – Владыка Балрогов, военачальник Ангбанда; убил Феанора, Фингона и Эктелиона (это же имя в Третью эпоху носил Местоблюститель Минас Моргула; «Возвращение Короля» V 6). С. 130, 232, 234, 296.

Гронд (Grond) – гигантская булава Моргота, его оружие в поединке с Финголфином; также называлась Молот Преисподней. Таран, примененный против Врат Минас Тирита, был назван в его честь («Возвращение Короля» V 4). С. 184.

Гуилин (Guilin) – отец Гельмира и Гвиндора, эльфов из Нарготронда. С. 227, 230, 250, 254, 257.

Гун дор (Gundor) – младший сын Хадора Лориндола, правителя Дор-ломина; погиб вместе с отцом у Эйтель Сирион в Дагор Браголлах. С. 177, 181, 306.

Гуртанг (Gurthang), «Железо Смерти», название меча Белега Англахеля после того, как меч перековали для Турина в Нарготронде; отсюда прозвище Турина – *Мормегиль*. С. 254, 259, 264, 272, 274, 276.

Д

Да́гнир (Dagnir) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Да́гнир Глауру́нга (Dagnir Glaurunga), «Погибель Глаурунга», Турин. С. 177, 276.

Да́гор А́глареб (Dagor Aglareb), «Славная Битва», третья великая битва Войн Белерианда. С. 140, 142, 151.

Да́гор Браго́ллах (Dagor Bragollach), «Битва Внезапного Пламени» (также просто Браголлах), четвертая великая битва Войн Белерианда. С. 180, 186, 189, 191, 227, 230, 236, 256.

Даго́рлад (Dagorlad), «Ратное Поле», равнина к северу от Мордора, где произошла великая битва между Сауроном и Последним Союзом эльфов и людей в конце Второй эпохи. С. 351, 353.

Да́гор-нуи́н-Ги́лиат (Dagor-nuin-Giliath), «Битва-под-Звездами», вторая битва Войн Белерианда, произошла в Митриме после прихода Феанора в Средиземье. С. 129.

Дайруин (Dairuin) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Даэ́рон (Daeron) – менестрель и первый из мудрецов королевства Тингола, создавший кирт (руны); любил Лутиэн и дважды предал ее. С. 116, 137, 199, 205, 221, 308.

Два Древа Валинора (Two Trees of Valinor) С. 54, 55, 63, 64, 70–72, 74, 76, 78, 80, 82, 85–87, 91, 92, 94, 95, 97, 117, 119, 120, 122–124, 152, 153, 285, 294, 299.

Два Народа (Two Kindreds) – эльфы и люди. С. 302, 303, 311, 352.

Два́рроудельв (Dwarrowdelf), «Гномьи копи»; перевод названия *Кхазад-дум* (*Хадодронд*). С. 113.

Дельду́ват (Deldúwath) – одно из названий Дортониона (Таур-ну-Фуин), данных ему впоследствии; означает «Ужас Ночной Тени». С. 185.

Де́нетор (Denethor) – сын Ленвэ, возглавил эльфов-нандор, что перешли наконец через Синие горы и поселились в Оссирианде; погиб на Амон Эреб в Первой Битве Белерианда. С. 73, 116, 118, 149.

Дети Илуватара (Children of Iluvatar), также *Дети Эру*; перевод *Хини Илуватаро*, *Эру-хини*; Перворожденные и Пришедшие Следом, эльфы и люди. Также *Дети*, *Дети Земли*, *Дети Мира*. Passim; см. в частности С. 36, 57–58.

Ди́мбар (Dimbar) – земли в междуречье Сириона и Миндеба. С. 146, 158, 189, 211, 242–244, 248–250, 278.

Ди́мрост (Dimrost) – водопады Келеброса в лесу Бретиль; в тексте название переведено как «Лестница Дождя». Позже были названы *Нен Гирит*. С. 269.

Ди́ор (Dior) – прозван *Аранель*, а также *Элхиль*, «Наследник Тингола»; сын Берена и Лутиэн, отец Эльвинг, матери Эльронда; после смерти Тингола покинул Оссирианд и явился в Дориат; после смерти Берена и Лутиэн стал обладателем Сильмарилия; убит в Менегроте сыновьями Феанора. С. 227, 286–288, 294, 299, 301, 305, 307, 310.

Дни Бегства (Days of Flight), см. С. 347.

До́л Гу́л дур (Dol Guldur), «Холм Чародейства», крепость Некроманта (Саурана) в южной части Мирквуда во Вторую эпоху. С. 357–361.

До́лмед (Dolmed), «Влажное Чело», одна из вершин Эред Луин близ гномьих городов Ногрода и Белегоста. С. 113, 118, 232, 287.

До́р Даэ́делот (Dor Daedeloth), «Земля Тени Ужаса», край Моргота на севере. С. 130, 132, 135.

До́р Ди́нен (Dor Dínen), «Безмолвная Земля», необитаемые земли между верховьев Эсгалдуина и Ароса. С. 148.

До́р Кара́нтир (Dor Caranthir), «Земля Карантира», см. *Таргелион*. С. 150, 175, 183.

Дор Куартол (Dor-Cúarthol), «Земля Лука и Шлема», название края, что обороняли Белег и Турин, укрываясь на Амон Руд. С. 249.

Дор Фирн-и-Гуинар (Dor Firn-i-Guinar), «Земля Умерших, что Живы», название той области Оссирианда, где после своего возвращения поселились Берен и Лутизн. С. 227, 287.

Дориат (Doriath), «Земля Ограждения» (*Дор Иат*), подразумевается Пояс Мелиан; ранее называлась Эгладор; королевство Тингола и Мелиан в лесах Нельдорета и Региона; Тингол правил им из Менегрота, что на реке Эсгалдуин. Также назывался *Сокрытое королевство*. Passim; см. в частности С. 118, 148.

Дорлас (Dorlas) – один из халадин Бретиля; отправился вместе с Туринотом и Хунторотом на бой с Глаурунготом, но, испугавшись, отступил; убит Брандиротом Хромым. С. 264, 265, 270, 271, 274. Жена Дорласа, по имени не названа. С. 275.

Дор-ломин (Dor-lómin) – область на юге Хитлума, владения Фингона; после Фингон передал эту землю в удел Дому Хадора; там жили Хурин и Морвен. С. 111, 144, 145, 177, 189, 192, 229, 233, 239, 241, 248, 256, 259, 261, 263–265, 274, 275, 278, 283, 284, 290. *Владычица Дор-ломина*: Морвен. С. 239.

Дор-ну-Фауглит (Dor-nu-Faughlith), «Земля под Удушающим Пеплом», см. *Анфауглит*. С. 183, 220.

Дорто́нион (Dorthonion), «Земля Сосен», обширные лесистые нагорья у северных границ Белерианда; впоследствии назывались Таур-ну-Фуин. Ср. песню Древоборода в «Двух крепостях» III 4: «К соснам в нагорьях Дортониона я поднимался зимой...». С. 70, 136, 141, 144–146, 149, 150, 173, 177, 180, 181, 183, 185, 192, 193, 195, 196, 228.

Драконий шлем Дор-ломина (Dragon-helm of Dor-lómin) – фамильная драгоценность Дома Хадора, что носил Турин; также назывался *Шлемом Хадора*. С. 241, 248, 249, 256, 282.

Драконы (Dragons) С. 141, 180, 231, 232, 259, 261, 265–267, 270–276, 282, 296, 298, 306, 313, 346.

Драуглуин (Draugluin) – гигантский волколак, сраженный Хуанотом на Толин-Гаурхот; в его обличии Берен вошел в Ангбанд. С. 209, 213, 215, 216.

Древние Дни (Elder Days) – Первая эпоха; также *Древнейшие Дни*. С. 47, 54, 126, 139, 253, 254, 282, 286, 296, 352, 362.

Дренгист (Drengist) – протяженный залив, вдававшийся в Эред Ломин, что ограждали Хитлум с запада. С. 73, 99, 111, 119, 129, 141, 144, 192.

Друзья Эльфов (Elf-friends) – люди Трех Домов Беора, Халет и Хадора; эдайн. С. 171, 172, 174, 228, 241, 306. В главах «Акаллабет» и «О Кольцах Власти» это название употребляется по отношению к тем нуменорцам, которые не отделились от эльдар; см. *Элендили*. На С. 360, вне сомнения, имеются в виду гондорцы и дунэдайн Севера.

Дуильвен (Duilwen) – пятый из притоков Гелиона в Оссирианде. С. 149.

Дунгортеб (Dungortheb), см. *Нан Дунгортеб*.

Дунэдайн (Dúnedain) – «эдайн Запада», см. *Нуменорцы*.

Дурин (Dúrin) – правитель гномов Кхазад-дума (Мории). С. 62, 351.

Ж

Железные горы (Iron Mountains), см. *Эред Энгрин*.

З

Западная Земля (Westernesse), см. *Анадунэ, Нуменор*.

Зачарованные острова (Enchanted Isles) – острова, воздвигнутые Валар в Великом море к востоку от Тол Эрессеа в пору Сокрытия Валинора. С. 125, 302.

Зеленые эльфы (Green-elves) – перевод слова *лайквенди*; эльфы-нандор Оссирианда. Об их происхождении см. С. 116; о названии см. С. 118. С. 118, 137, 149, 151, 168, 171, 172, 183, 234, 286, 288.

Зеленолесье Великое (Greenwood the Great) – огромный лес к востоку от Туманных гор, впоследствии названный Мирквуд. С. 347, 353, 357, 360.

Земля Тени (Land of Shadow), см. *Мордор*.

Земля Воскресших из Мертвых (Land of the Dead that Live), см. *Дор-Фирн-и-Гуинар*.

Земля Звезды (Land of the Star) – Нуменор. С. 329, 331.

Зрячие Камни (Seeing Stones), см. *Палантири*.

И

Иант Иаур (Iant Iaur), «Старый Мост» через Эсгалдуин у северных границ Дориата; также назывался *Мост Эсгалдуина*. С. 146, 158.

Ибун (Ibun) – один из сыновей Мима, Малого гнома. С. 246, 248, 249.

Иврин (Ivrin) – озеро и водопады у подножия Эред Ветрин, где брала начало река Нарог. С. 144, 253. *Заводи Иврины* 137, 254, 263, 292. *Водопады Иврины* С. 145, 204. См. *Эйтель Иврин*.

Идриль (Idril) – прозванная *Келебриндал*, «Среброногая»; дочь (и единственное дитя) Тургона и Эленвэ; жена Туора, мать Эарендила; бежала с мужем и сыном к устьям Сириона, откуда уплыла с Туором на Запад. С. 153, 161, 164, 166, 167, 294–296, 298–301, 304, 310, 314.

Иллуин (Illuin) – один из Светочей Валар, созданный Аулэ. Иллуин находился в северной части Средиземья; после того, как Моргот сокрушил гору, на этом месте образовалось Внутреннее море Хелькар. С. 51, 52, 53, 67, 75.

Илуватар (Ilúvatar) – Отец Всего Сущего, Эру. С. 33, 34–37, 39, 40, 42, 43, 45, 47, 48, 55, 56, 58, 60–63, 65, 67–69, 74, 85, 87, 88, 97, 102, 112, 127, 225, 226, 308, 314, 315, 319, 320, 327, 336.

Ильмарэ (Ilmarë) – Майя, прислужница Варды. С. 47.

Ильмен (Ilmen) – небесные пределы выше границ воздуха; там находятся звезды. С. 120, 123, 124, 340.

Имлад рис (Imladris), «Ривенделл» (дословно «Глубокая лощина в расселине»), обитель Эльронда в долине Туманных гор. С. 345, 351, 353, 355, 356, 361.

Имлах (Imlach) – отец Амлаха. С. 174.

Ингвэ (Ingwë) – вождь ваньяр, первого из трех народов эльфов, выступивших в поход на запад от озера Куивизнен. В Амане жил на горе Таникветиль и почитался Верховным королем над всеми эльфами. С. 71, 76, 78, 82, 84, 124, 305.

Индис (Indis) – дева из народа ваньяр, близкая родственница Ингвэ; стала второй женой Финвэ; мать Финголфина и Финарфина. С. 79, 84, 85, 88.

Инзиладун (Inziladûn) – старший сын Ар-Гимильзора и Инзильбет; после именовался *Тар-Палантир*. С. 323.

Инзильбет (Inzilbêth) – жена Ар-Гимильзора из дома лордов Андуніэ. С. 323.

Ирисная низина (Gladden Fields) – частичный перевод названия *Лоэг Нинглорон*; обширные области, заросшие тростником и болотным ирисом на Андуине и в окрестностях реки; там был убит Исильдур и потеряно Единое Кольцо. С. 353, 359.

Ирмо (Irmo) – Вала, обычно именуемый Лоризн, по месту его обитания.

«Ирмо» означает «Желающий» или «Владыка Желаний». С. 45, 48, 83.

Исиль (Isil) – название Луны на квенья. С. 122.

Исильдур (Isildur) – старший сын Элендила; вместе с отцом и братом Анарионом спасся после Затопления Нуменора и основал в Средиземье королевства нуменорцев-изгнанников; правитель Минас Итиля; отсек Правящее Кольцо с руки Саурона; переплывая Андуин, был убит орками, когда Кольцо соскользнуло с его пальца. С. 327, 328, 331, 337, 348–354, 358, 359, 361. *Наследники Исильдура* С. 355, 358. *Наследник Исильдура*, см. Арагорн С. 361, 362.

Истари (Istari) – Маги. См. *Курунир*, *Саруман*; *Митрандир*, *Гандальв*, *Олорин*; *Радагаст*. С. 357.

Й

Йаванна (Yavanna), «Дарительница Плодов», одна из Валиэр, входящая в число Аратар; жена Аулэ; также именовалась *Кементари*. См. в частности 45. С. 43, 45–47, 51, 52, 54, 56, 57, 62–65, 74, 78, 94, 96–98, 100, 113, 120, 122, 126, 313, 317, 349.

К

Ка́бед-эн-А́р ас (Cabed-en-Aras) – глубокое ущелье, по которому протекала река Тейглин; там Турин убил Глаурунга и Ниэнор бросилась со скалы. См. *Кабед Наэрамарт*. С. 271, 273, 274, 276.

Ка́бед Наэ́рамарт (Cabed Naeramarth), «Прыжок Злой Судьбы», название *Кабед-эн-Арас* после того, как со скал его бросилась Ниэнор. С. 274, 279, 281.

Калаки́рья (Calacirya), «Ущелье Света», брешь, проделанная в горах Пелори, где был воздвигнут зеленый холм Туна. С. 78, 82, 92, 101, 124, 125, 303.

Калаквэ́нди (Calaquendi), «Эльфы Света», те эльфы, что жили в Амане или побывали там (Высокие эльфы). См. *Мориквенди* и *Темные эльфы*. С. 72, 75, 127, 131.

Калена́рдон (Calenardhon), «Зеленый Край», название Рохана в то время, когда он являлся северной областью Гондора; ср. *Ард-гален*. С. 355.

Каменный брод (Ford of Stones), см. *Сарн Амрад*.

Камень Злополучных (Stone of the Napless) – камень, поставленный в память о Турине и Ниэнор у Кабед Наэрамарт на берегу реки Тейглин. С. 276, 277, 281.

Камлост (Camlost), «Пустая рука», имя, взятое Береном после того, как он возвратился к королю Тинголу без Сильмариля. С. 222, 225.

Кра́гдур (Caragdûr) – пропасть на северной стороне Амон Гварет (холм Гондолина), откуда был сброшен Эол. С. 166, 167.

Кра́н тир (Caranthir) – четвертый сын Феанора, по прозвищу Темный; «из всех братьев отличался наиболее резким нравом и наиболее скор был на гнев»; правил в Таргелионе; погиб при нападении на Дориат. С. 79, 102, 136, 137, 150, 155, 158, 172, 175, 176, 183, 187, 288.

Кра́долан (Cardolan) – область в южной части Эриадора, входила в состав королевства Арнор. С. 348.

Кра́ниль (Carnil) – название одной из звезд (красной). С. 67.

Кра́харот (Carcharoth) – гигантский волк из Ангбанда, откусил кисть Берена вместе с Сильмарилем; убит Хуаном в Дориате. Имя переведено в тексте как «Алая Утроба». Звался также *Анфауглир*. С. 216, 217, 219, 221, 222, 224.

Квенди (Quendi) – изначальное название эльфов на эльфийском языке (всех, включая авари); означает «Наделенные даром речи». С. 58, 67–70, 74, 78, 87, 89, 120, 127, 170.

«Квэ́нта Сильма́риллион» (Quenta Silmarillion) – «История Сильмарилей». С. 48, 342.

Квёнья (Quenya) – древний язык, общий для всех эльфов, в той форме, в какой он сложился в Валиноре; в Средиземье принесен изгнанными нолдор, однако нолдор перестали им пользоваться в качестве языка повседневного общения, особенно после эдикта короля Тингола, запретившего его применение; см. в частности С. 138, 156. В этой книге слово «квенья» не фигурирует, вместо него используются названия: *эльдарин* С. 45, 315, 339; *Высокое наречие эльдар* С. 314, 315; *Высокое эльфийское наречие* С. 265, 322; *язык Валинора* С. 138; *наречие эльфов Валинора* С. 151; *язык нолдор* С. 156, 161; *Высокое наречие Запада* С. 156.

Кёлеборн (Celeborn) (1), «Серебряное Древо», название Древа Тол Эрессеа, побега Галатилиона. С. 79, 317.

Кёлеборн (Celeborn) (2) – эльф из Дориата, родич Тингола; взял в жены Галадриэль; вместе с нею остался в Средиземье после окончания Первой эпохи. С. 139, 286, 310, 356.

Келёбрант (Celebrant), «Серебряная Жила», река, текущая от Зеркальной заводи через Лотлориэн и впадающая в Андун. С. 356.

Келебрім бор (Celebrimbor), «Серебряная Рука», сын Куруфина, оставшийся в Нарготронде после того, как его отец был изгнан. Величайший из кузнецов Эрегиона Второй эпохи, создатель Трех Эльфийских Колец; убит Сауроном. С. 211, 342, 345.

Келебриндал (Celebrindal), «Среброногая», см. *Идриль*.

Келёброс (Celebros), «Серебристая Пена» или «Серебряный Дождь», река в Бретиле, водопадом низвергавшаяся в Тейглин близ Переправы. С. 269.

Келегорм (Celegorm) – третий сын Феанора, по прозвищу Прекрасный; вплоть до Дагор Браголлах владел землей Химлад вместе с братом Куруфином; жил в Нарготронде; захватил в плен Лутиэн; хозяин волкодава Хуана; убит Диором в Менегроте. С. 79, 82, 102, 130, 150, 158, 162, 181, 202, 203, 204, 206, 208, 211, 212, 221, 227, 288, 342.

Келон (Celon) – река, текшая на юго-запад от холма Химринг, приток Ароса. Название означает «Поток, сбегающий с высот». С. 118, 150, 158, 162, 171, 176, 186.

Кельвар (kelvar) – эльфийское слово, употребленное в речах Йаванны и Манвэ в гл. II: «животные, живые существа, умеющие передвигаться». С. 63.

Кемента́р и (Kementári), «Королева Земли», одно из именований Йаванны. С. 45, 54, 56, 63, 64.

Кирдан (Círdan), «Корабел»; эльф из народа телери, правитель Фаласа (побережье Западного Белерианда); при уничтожении Гаваней после Нирнаэт Арноэдиад бежал вместе с Гиль-галадом на остров Балар; на протяжении Второй и Третьей эпох – хранитель Серых Гаваней в заливе Лун; доверил пришедшему Митрандиру Кольцо Огня, Нарья. С. 76, 112, 114, 118, 130, 137, 145, 155, 192, 234, 236, 256, 299, 300, 301, 310, 352, 356–358, 362, 364.

Кирит Ни́н ни́ах (Cirith Ninniach), «Расселина Радуги», через которую Туор вышел к Западному морю; см. *Аннос-ин-Гелюд*. С. 290.

Кирит То́р онат (Cirith Thoronath), «Расселина Орлов», высокий перевал в горах к северу от Гондолина, где Глорфиндель сражался с балрогом и рухнул в пропасть. С. 298.

Кирт (Cirth) – руны, изначально созданные Даэроном из Дориата. С. 116.

Ки́рьон (Ciryon) – третий сын Исильдура, погиб вместе с отцом в Ирисной низине. С. 353.

Кольца Власти (Rings of Power) С. 345, 346, 358–360. *Единое Кольцо*, *Великое Кольцо* или *Правящее Кольцо*: С. 322, 339, 345, 346, 350–352, 356, 358–362. *Три Эльфийских Кольца*: С. 345, 356, 362 (см. также *Нарья*, Кольцо Огня; *Ненья*, Кольцо Адаманта; и *Вилья*, Кольцо Сапфира). *Семь Гномьих Колец*: С. 346, 356, 360. *Девять Людских Колец*: С. 322, 346, 356, 360.

Кольцепризраки (Ring-wraiths) – рабы Девяти Людских Колец и главные слуги Саурона; также назывались *назгул* и *улайри*. С. 322, 346, 354, 355, 358, 360, 361.

Королла́йрэ (Corollairë), «Зеленый Холм» Двух Дерев в Валиноре, также называемый *Эзеллохар*. С. 54.

Криссаэ́рим (Crissaegrim) – горные пики к югу от Гондолина, где находились гнездовья Торондора. С. 146, 184, 189, 220, 242, 278.

Круг Судьбы (Ring of Doom), см. *Маханаксар*.

Куивиз́енен (Cuiviénen), «Вода Пробуждения», озеро в Средиземье, где пробудились первые эльфы и где их отыскал Оромэ. С. 67–69, 71, 72, 74, 102, 284.

Кулу́риэн (Culúrien) – одно из имен Лаурелин. С. 55.

Ку́руфин (Curufin) – пятый сын Феанора, по прозвищу Искусный; отец Келебримбора. О происхождении имени см. *Феанор*; об истории см. *Келегорм*. С. 79, 102, 150, 158, 162, 163, 181, 202–204, 206, 208, 211, 212, 220, 221, 227, 288, 342.

Куруфи́нвэ (Curufinwë), см. *Феанор*. С. 83, 89.

Ку́рунир (Curunir) – «Искусник», имя, данное эльфами Саруману, одному из истари (Магов). С. 357–361.

Кута́лион (Cúthalion), «Могучий Лук»; см. *Белег*.

Кхазад (Khazâd) – название гномов на их собственном языке (кхуздул). С. 113.

Кхазад-дум (Khazad-dûm) – обширные чертоги гномов народа Дурина в Туманных горах (*Хадодронд*, *Мория*). См. *Кхазад*; *дум*, вероятно, множественное или собирательное число существительного, означающего «раскопки, чертоги, дворцы». С. 62, 113, 342.

Кхим (Khîm) – сын Мима, Малого гнома; убит разбойником из банды Турина. С. 246.

Л

Ла́дрос (Ladros) – земли в северо-восточной части Дортониона, пожалованные королями нолдор людям Дома Беора. С. 177.

Лайквэ́нди (Laiquendi), «Зеленые эльфы» Оссирианда. С. 118, 171.

Ла́лайт (Lalaith), «Смех», дочь Хурина и Морвен, умершая ребенком. С. 239.

Ла́ммот (Lammoth), «Великое Эхо», область к северу от залива Дренгист, получившая это название благодаря эху крика Моргота, боровшегося там с Унголиант. С. 99, 100, 129.

Лантир Ла́мат (Lanthir Lamath), «Водопад Эха», близ которого стоял дом Диора в Оссирианде. В честь этого водопада была названа его дочь Эльвинг («Звездные Брызги»). С. 286, 287.

Ла́урелин (Laurelin), «Песнь Золота», младшее из Двух Дерев Валинора. С. 55, 80, 94, 120, 122, 123, 153.

«Ла́эр Ку Белег» (Laer Cú Beleg), «Песнь о Могучем Луке», сложенная Туринном у Эйтель Иврин в память о Белеге Куталионе. С. 253.

Лебедина гавань (Swanhaven), см. *Алквалондэ*.

Ле́голин (Legolin) – третий из притоков Гелиона в Оссирианде. С. 149.

Ле́мбас (Iembas) – название дорожного хлеба эльдар на языке синдарин (от раннего *леннмбас* – «дорожный хлеб»; в языке квеня *коймас* – «хлеб жизни»). С. 244, 248, 250, 253.

Ле́нвэ (Lenwë) – вождь тех эльфов из народа телери, которые, выступив в поход на запад от озера Куивизенен, отказались переходить Туманные горы (нандор); отец Денетора. С. 73, 116.

Лесной Дикарь (Wildman of the Woods) – имя, что взял себе Турин, впервые явившись к людям Бретиля. С. 264.

Лесные эльфы (Woodland Elves), см. *Эльфы Чащ*.

Линаэ́вен (Linaewen), «Озеро птиц», огромное озеро в Неврасте. С. 144.

Линдон (Lindon) – название Оссирианда в Первую эпоху; см. С. 150. После катаклизмов конца Первой эпохи название «Линдон» закрепилось за землями уцелевшего побережья к западу от Синих гор. С. 342, 343, 347, 348, 355.

Линдо́риэ (Lindórië) – мать Инзильбет. С. 323.

Ломелин ди (lómelindi) – квенийское слово, означающее «певцы сумерек», т. е. соловьи. С. 74.

Ло́мион (Lómion), «Дитя Сумерек», имя, что Арэдель дала Маэглину на квенья. С. 161.

Ло́рган (Lorgan) – вождь восточан Хитлума после Нирнаэт Арноэдиад, обративший Туора в рабство. С. 290.

Лоре́ллин (Lórellin) – озеро в Лориэне в Валиноре, близ которого днем отдыхает Вала Эстэ. С. 45.

Лори́ндо́л (Lóringdol), «Златоглавый»; см. *Хадор*.

Лориэ́н (1) (Lórien) – название садов и места обитания Ирмо из народа Валар, который и сам обычно именуется Лориэн. С. 43, 45, 48, 73, 74, 83, 114, 122, 123, 286.

Лориэ́н (2) (Lórien) – владения Келеборна и Галадриэли в междуречье Келебранта и Андуйна. Вероятно, изначальное название этой земли было намеренно изменено и приближено к форме квенийского слова *Лориэн*, названия садов Ирмо в Валиноре. В слове *Лотлориэн* префиксом служит синдарское слово *лот* – «цветок». С. 356.

Ло́сгар (Losgar) – место в устье залива Дренгист, где Феанор сжег корабли телери. С. 111, 119, 129, 132, 144, 154, 156.

Лотла́нн (Lothlann), «Обширная и пустая», протяженная равнина к северу от Предела Маэдроса. С. 150, 183, 252.

Лотло́риэ́н (Lothlórien), «Цветущий Лориэн»; см. *Лориэн (2)*. С. 356.

Ло́эг Ни́нглорон (Loeg Ningloron), «Заводы золотых водяных цветов»; см. *Ирисная низина*.

Луи́ниль (Luinil) – название одной из звезд (сияющей синим светом). С. 67.

Лу́мбар (Lumbar) – название одной из звезд. С. 67.

Лун (Lhûn) – река в Эриадоре, впадавшая в море в заливе Лун.

Лу́тиэ́н (Lúthien) – дочь короля Тингола и Мелиан из народа Майар; после того, как завершился Поход за Сильмарилем и погиб Берен, избрала удел смертных и разделила судьбу Берена. См. *Тинувиль*. С. 112, 113, 117, 149, 177, 192, 198–202, 205, 206, 208–213, 215–217, 219–222, 225–227, 239, 285, 286–288, 301, 304, 310, 314.

«Лэ о Ле́й тиан» (Lay of Leithian) – длинная поэма о жизни Берена и Лутиэн; на ней основан прозаический пересказ «Сильмариллиона». «*Лейтиан*» переводится как «Избавление от Оков». С. 192, 196, 201, 204, 206, 225.

Люди (Men) – см. в частности С. 57–58, 60, 126–127, 168–178, 311, 318–320; и см. также *Атани*, *Дети Илуватара*, *Восточане*.

Люди Короля (King's Men) – нуменорцы, враждебно настроенные к эльдар и Элендили. С. 320, 321, 324.

М

Ма́блунг (Mablung) – эльф Дориата, военачальник Тингола, друг Турина, прозванный «Тяжелая Длань» (таково значение имени *Маблунг*); убит гномами в Менегроте. С. 137, 221, 222, 224, 228, 241, 265–267, 275, 276, 281, 286.

Маги (Wizards), см. *Истари*. С. 357.

Ма́глор (Maglor) – второй сын Феанора, великий певец и музыкант, владел землями под названием Брешь Маглора; в конце Первой эпохи вместе с Маэдросом захватил два Силь-

мариля, что еще оставались в Средиземье; доставшийся ему Камень бросил в Море. С. 79, 102, 108, 137, 141, 150, 168, 183, 187, 221, 231, 301, 302, 305, 307, 308.

Ма́гор (Magor) – сын Малаха Арадана; вождь племени Мараха, пришедшего в Западный Белерианд. С. 173, 177.

Ма́йар (Maiar) – Айнуры, уступающие в могуществе Валар (ед.ч. – *Майа*). С. 40, 47–49, 52, 73, 76, 94, 101, 114, 117, 118, 122, 226, 285, 288, 314.

Ма́лах (Malach) – сын Мараха; носил эльфийское имя *Арадан*. С. 172, 177.

Ма́лдуин (Malduin) – приток Тейглина; название, вероятно, означает «Желтая река». С. 248.

Малина́лда (Malinalda), «Золотое Древо», одно из названий Лаурелин. С. 55. Малые гномы (Petty-dwarves) – перевод *ноэгут нибин*. См. также *Гномы*.

Малый Ге́лион (Little Gelion) – один из двух рукавов реки Гелион на севере, бравший начало на холме Химринг. С. 149.

Ма́нвэ (Manwë) – главный среди Валар, также именуемый *Сулимо*, *Старший Король*, *Правитель Арды*. *Passim*; см. в частности С. 40, 43, 56, 85, 134.

Ма́ндос (Mandos) – название места в Аманы, где обитал Вала, именуемый собственно Намо, Судия, хотя это имя употреблялось редко, заменяясь обычно на «Мандос». Ссылка на Намо как такового: С. 43, 45, 47, 65, 70, 85, 87, 90, 91, 97, 108, 110, 120, 125, 127, 135, 156, 225, 226, 303, 304, 310. Ссылка на место его обитания (включая *Чертоги Мандоса*; также *Чертоги Ожидания*, *Дома Умерших*): С. 45, 46, 58, 62, 70, 78, 64, 83, 85, 86, 110, 127, 131, 225, 226, 286. Ссылки на Приговор нолдор и Проклятие Мандоса: С. 108, 112, 152, 156, 167, 171, 200, 203, 211, 294.

Ма́рах (Marach) – вождь третьего народа людей, пришедшего в Белерианд; предок Хадора Лориндола. С. 171–173, 179.

Ма́рдиль (Mardil) – прозванный Верным, первый Правящий Наместник Гондора. С. 355.

Ма́р-ну-Фа́лмар (Mar-nu-Falmar), «Земля-под-Волнами», название Нуменора после Низвержения. С. 339.

Ма́хал (Mahal) – имя, данное Ауле гномами. С. 62.

Маханаксар (Mahanaxar) – Круг Судьбы за пределами врат Валмара, где были установлены троны Валар и где Валар держали совет. С. 54, 69, 70, 90, 96, 98, 101, 105, 119.

Ма́хтан (Mahtan) – искусный кузнец из народа нолдор, отец Нерданели, жены Феанора. С. 84, 89.

Маэ́дрос (Maedhros) – старший сын Феанора, прозванный Высоким; спасен Фингоном с Тангородрима; владел холмом Химринг и близлежащими землями; создал Союз Маэдроса, конец которому положила битва Нирнаэт Арноэдиад; погиб вместе с Сильмарилем в конце Первой эпохи. С. 79, 102, 111, 131, 132, 134–137, 140, 144, 146, 149, 150, 175, 181, 183, 187, 211, 227–229, 231, 232, 234, 288, 301, 302, 305, 307, 308.

Маэ́глин (Maeglin), «Острый Взгляд», сын Эола и Арэдели, сестры Тургона, рожденный в Нан Эльмоте; обрел немалую власть в Гондолине; предал город Морготу; убит Туором во время разграбления города. См. *Ломион*. С. 113, 161–164, 166, 167, 190, 233, 244, 294–296, 298.

Ме́лиан (Melian) – Майа, покинувшая Валинор и пришедшая в Средиземье; впоследствии правила в Дориате вместе с королем Тинголом; окружила Дориат поясом чар (Пояс Мелиан); мать Лутиэн и праматерь Эльронда и Эльроса. С. 48, 73–76, 112–115, 117–119, 127, 135, 139, 146, 148, 153, 154, 156, 158, 160, 173, 176, 180. Глава 19 *passim*, 226, 227. Главы 21, 22 *passim*, 310, 314.

Ме́лькор (Melkor) – так звался на квенья великий мятежный Вала, прародитель зла; изначально могущественнейший из Айнуры; впоследствии именовался *Моргот*, *Бауглир*,

Темный Властелин, Враг и т. д. Имя *Мелькор* означает «Тот, кто восстает в Мощи», чему на языке синдарин соответствует форма *Белегур*, но это имя никогда не употреблялось, кроме как в намеренно искаженной форме *Белегурт*, «Великая Смерть». *Passim* (после похищения Сильмарилей, как правило, прозывался *Моргот*); см. в частности С. 34, 36–37, 48–49, 68–69, 85–86, 100–101, 124, 248, 313.

Мене́рот (Menegroth), «Тысяча Пещер», потаенные чертоги Тингола и Мелиан на реке Эсгалдуин в Дориате; см. в частности 114–115. С. 74, 114–119, 131, 135, 138, 139, 148, 156, 199, 201, 205, 215, 220–222, 225, 226, 239, 241, 242, 244, 249, 266, 283–287.

Мене́льдиль (Meneldil) – сын Анариона, король Гондора. С. 352, 354. Мене́льмакар (Menelmacar), «Небесный Мечник», созвездие Орион. С. 67.

Менельта́рма (Meneltarma), «Столп Небес», гора в центре Нуменора, на вершине которой находилось Святилище Эру Илуватара. С. 314, 317, 321, 323, 324, 327, 333, 336, 339, 340.

Ме́рет Аде́р тад (Mereth Aderthad), «Пир Воссоединения», созданный Финголфином близ заводов Иврина. С. 137.

Миклебург (Mickleburg) – перевод названия *Белегост*, «великая крепость». С. 113.

Мим (Mîm) – Малый гном, в чьем доме (*Бар-эн-Данвед*) на Амон Руд поселился Турин со своей бандой изгоев; предал их убежище оркам; убит Хурином в Нарготронде. С. 244, 246–249, 281, 282.

Мин ас А́н ор (Minas Anor), «Башня Солнца» (также просто *Анор*), впоследствии названная Минас Тирит; город Анариона у подножия горы Миндоллуин. С. 348, 349, 352, 354, 362.

Мина́с И́тиль (Minas Ithil), «Башня Луны», впоследствии названная Минас Моргул; город Исильдура, возведенный на склоне Эффель Дуат. С. 348, 349, 350, 354.

Мина́с Мо́р гул (Minas Morgul), «Башня Чародейства» (также просто *Моргул*), название Минас Итиля после того, как крепость захватили Кольцепризраки. С. 354, 355, 361.

Мина́стир (Minastir), см. *Тар-Минастир*.

Мина́с Ти́р ит (Minas Tirith) (1), «Башня Стражи», построенная Финродом Фелагундом на Тол Сирион; см. *Тол-ин-Гаурхот*. С. 145, 186, 189, 248.

Мина́с Ти́р ит (Minas Tirith) (2) – новое название Минас Анора. С. 354, 355.

Также *Град Гондора* С. 361, 362.

Минде́б (Mindeb) – приток Сириона, протекающий между Димбаром и лесом Нельдорет. С. 146, 242.

Миндо́ллуин (Mindolluin), «Синеглавая Вершина», высокая гора за городом Минас Анор. С. 348, 362.

Миндон Э́льдалиэ́ва (Mindon Eldaliéva), «Высокая Башня Эльдалиэ», башня Ингвэ в городе Тирион; также просто *Миндон*. С. 78, 89, 101, 105, 110.

Ми́риэль (Míriel) (1) – первая жена Финвэ, мать Феанора; умерла после рождения сына. Прозвана Сериндэ, «Вышивальщица». С. 79, 83, 84, 88.

Ми́риэль (Míriel) (2) – дочь Тар-Палантира; Ар-Фаразон насильно взял ее в жены; став королевой, именовалась *Ар-Зимрафель*; также прозывалась *Тар-Мириэль*. С. 324, 336.

Ми́рквуд (Mirkwood), см. *Зеленолесье Великое*.

Митло́нд (Mithlond), «Серые Гавани», гавани эльфов в заливе Лун; также просто *Гавани*. С. 342, 347, 355, 357, 364.

Митра́ндир (Mithrandir), «Серый Странник», эльфийское имя Гандальва (Олорина), одного из истари (Магов). С. 357–362.

Ми́трим (Mithrim) – название огромного озера в восточной части Хитлума, а также земель вокруг него и горной гряды к западу, отделявшей Митрим от Дорломина. Это название изначально было придумано жившими там эльфами-синдар. С. 129–132, 134–136, 144, 238, 290.

Могучий Лук (Strongbow) – перевод прозвища Белега *Куталион*.

Морвен (Morwen) – дочь Барагунда (племянника Барахира, отца Берена); жена Хурина, мать Турина и Ниэнор; прозывалась *Эледвен* (в тексте переведено как «Эльфийское сияние») и *Владычица Дор-ломина*. С. 177, 178, 185, 192, 238, 239, 241, 254, 256, 261, 263–267, 275, 277, 279, 281, 283.

Мордор (Mordor), «Черная Земля», также называлась *земля Тени*, владения Саурона к востоку от гор Эффель Дуат. С. 322, 339, 350–354, 360, 361.

Моргот (Morgoth), «Черный Враг», имя Мелькора, впервые данное ему Феанором после похищения Сильмарилей. С. 48, 49, 86, 98 и далее *passim*; см. *Мелькор*.

Моргул (Morgul), см. *Минас Моргул*.

Мориквен ди (Moriquendi), «эльфы Тьмы»; см. *Темные эльфы*. С. 72, 75, 112, 131.

Мория (Moria), «Черная Бездна», позднее название Кхазад-дума (Хадодронда). С. 113, 342, 345, 351.

Мормегиль (Mormegil), «Черный Меч», имя, данное Турину как военачальнику Нарготронда; см. *Гуртанг*. С. 255, 256, 263–265, 270, 273, 276.

Мост Эсгалдуина (Bridge of Esgalduin), см. *Иант Иаур*.

«Музыка Айнур» (Music of the Ainur), см. *Айнулиндалэ*.

Н

Назгул (Nazgûl), см. *Кольцепризраки*.

Намо (Námo) – Вала, один из Аратар, обычно именуемый *Мандос*, по месту обитания. *Намо* означает «Предопределяющий», «Судия». С. 45.

Нандор (Nandor) – считается, что это слово означает «Те, кто повернул вспять»; так называли тех эльфов народа телери, что, выступив в поход на запад от озера Куивизнен, отказались пересечь Туманные горы; но часть которых, во главе с Денетором, много времени спустя перешла через Синие горы и поселилась в Оссирианде (Зеленые эльфы). С. 73, 116, 118, 149.

Нан Дунгорттеб (Nan Dungortheb) – также *Дунгорттеб*; в тексте название переведено как «Долина Страшной Смерти»; долина между пропастями Эред Горгорот и Поясом Мелиан. С. 100, 146, 158, 211, 196.

Нан-татрен (Nan-tathren), «Ивовая долина» (в тексте название переведено как «Край Ив»), где река Нарог впадала в Сирион. В песне Древоборода в «Двух крепостях» (III 4) используются квенийские формы этого названия: «...в ивовых лугах Тасаринана; Нан-тасарион». С. 145, 234, 299.

Нан Эльмот (Nan Elmoth) – лес к востоку от реки Келон, где затерялся Эльвэ (Тингол), зачарованный Мелиан; позже там поселился Эол. С. 74, 76, 113, 158, 160, 162, 163, 171, 244, 285.

Нарготронд (Nargothrond), «огромная подземная крепость на реке Нарог», основанная Финродом Фелагундом и разрушенная Глаурунгом; также королевство Нарготронд, располагавшееся к востоку и к западу от Нарога. С. 139, 145, 146, 148, 149, 153, 156, 168, 172, 176, 180, 181, 186, 189, 191, 201–204, 206, 208, 211, 221, 227, 230. Глава 21 *passim*. С. 281–284, 294, 342.

«Нарн и Хин Хурин» (Narn i Hîn Húrin) – «Сказание о детях Хурина», длинная песнь, послужившая основой для главы 21; приписывается поэту Дирхавелю, человеку, который жил в Гаванях Сириона во времена Эарендила и погиб при нападении сыновей Феанора. *Нарн* означает «повесть в стихах», которую рассказывают, а не поют. С. 239.

На́р ог (Narog) – главная река Западного Белерианда, бравшая начало в Иврине под сенью Эред Ветрин и впадавшая в Сирион в Нан-татрене. С. 118, 137–139, 145, 148, 201, 202, 204, 246, 247, 253, 254, 256, 257, 259, 261, 263, 266, 281.

Народ Халет (People of Haleth), см. *Халадин* и *Халет*.

«Нарси́лион» (Narsilion) – «Песнь о Солнце и Луне». С. 120.

На́рсиль (Narsil) – меч Элендила, откованный Тельхаром из Ногрода; был сломан в битве Элендила с Сауроном, когда сам Элендиль погиб; после был откован заново для Арагорна и назван Андуриль. С. 351, 353.

На́рья (Narya) – одно из Трех Эльфийских Колец, *Кольцо Огня* или *Алое Кольцо*; им владел Кирдан, а после – Митрандир. С. 345, 356, 362.

Наугламир (Nauglamír), «Ожерелье Гномов», сделанное гномами для Финрода Фелэгунда; Хурин принес его Тинголу из Нарготронда; послужило причиной смерти короля. С. 139, 282–288.

Наугрим (Naugrim), «Низкорослый народ», название гномов на языке синдарин. С. 113–116, 118, 137, 139, 160, 162, 228, 232, 284–287.

Нахар (Nahar) – конь Оромэ, согласно эльфам, названный так за его ржание. С. 46, 57, 67, 68, 72, 96, 117.

Невраст (Nevrast) – область к западу от Дор-ломина, за Эред Ломин, где жил Тургон до ухода в Гондолин. Название означает «Ближний берег» и первоначально распространялось на все северо-западное побережье Средиземья (в противоположность побережью Амана, называвшемуся *Хаэраст*, «Дальний берег»). С. 138, 139, 144, 151–153, 157, 236, 290, 292, 299.

Нейтан (Neithan) – имя, которое взял себе Турин, живя среди изгоев; в тексте переведено как «Обиженный» (дословно «лишенный чего-то, обездоленный»). С. 242.

Нельдорет (Neldoreth) – огромный буковый лес, составлявший северную часть Дориата; в песне Древоборода в «Двух крепостях» (III 4) назван *Таур-на-Нельдор*. С. 74, 113, 114, 117, 118, 148, 198, 205, 239, 286.

Ненар (Nénar) – название одной из звезд. С. 67.

Нён Ги́рит (Nen Girith), «Вода Дрожи», название, данное Димросту, водопадам Келеброса, в лесу Бретиль. С. 269, 271, 272, 274.

Нённинг (Nenning) – река Западного Белерианда, впадавшая в море у гавани Эгларест. С. 145, 236, 256.

Ненуиал (Nenuial), «Озеро Сумерек» в Эриадоре, в котором брала начало река Барандуин; на берегу озера был выстроен город Аннуминас. С. 348.

Ненья (Nenya) – одно из Трех Эльфийских Колец, Кольцо Воды; его носила Галадриэль; также называлось *Кольцо Адаманта*. С. 345, 356.

Не́рданель (Nerdanel) – по прозвищу Мудрая; дочь кузнеца Махтана, жена Феанора. С. 84, 86, 89.

Не́сса (Nessa) – одна из Валиэр, сестра Оромэ, жена Тулкаса. С. 43, 46, 52.

Неувядаемые земли (Undying Lands) – Аман и Эрессеа; также *Бессмертные Земли*. С. 303, 313, 317, 336, 339.

Ниврим (Nivrim) – область Дориата на западном берегу Сириона. С. 148.

Нимбретиль (Nimbrethil) – березовый лес в Арверниэне на юге Белерианда; ср. первые строчки песни Бильбо в Ривенделле («Братство Кольца» II 1). С. 301.

Нимлот (Nimloth) (1) – Белое Древо Нуменора; от плода его, сорванного Исильдуром прежде, чем Древо срубили, выросло Белое Древо Минас Итиля. *Нимлот*, «Белый Цветок», в языке синдарин соответствует квенийскому *Нинквелотэ*, одному из имен Тельперииона. С. 79, 317, 327, 328, 331, 349.

Нимлот (Nimloth) (2) – дева-эльф из Дориата, ставшая женой Диора, Наследника Тингола; мать Эльвинг; погибла в Менегроте при нападении сыновей Феанора. С. 286–288.

Нимфелос (Nimphelos) – огромная жемчужина, подаренная Тинголом правителю гномов Белегоста. С. 114.

Ниниэль (Níniel), «Слезная дева»; это имя дал сестре Турин, не подозревая о своем родстве с нею; см. *Низнор*.

Нинквелотэ (Ninquelótë), «Белый Цветок»; одно из названий Тельпериона; см. *Нимлот (1)*. С. 55.

Нирнаэт Арноэдиад (Nirnaeth Arnoediad), «Бессчетные Слезы» (также просто *Нирнаэт*); название пятой битвы Войн Белерианда, завершившейся сокрушительным разгромом людей и эльфов. С. 167, 231, 234, 238, 239, 250, 254, 294, 295.

Нифредиль (niphredil) – белый цветок, распустившийся в Дориате в сиянии звезд в час рождения Лутизн. Рос также на Керин Амрот в Лориэне («Братство Кольца» II 6, 8). С. 113.

Ниэнна (Nienna) – одна из Валиэр, названных в числе Аратар; владычица сострадания и скорби, сестра Мандоса и Лориэна; см. в частности С. 45. С. 43, 45–48, 54, 85, 97, 98, 120.

Низнор (Nienor), «Скорбь», дочь Хурина и Морвен, сестра Турина; была заколдована Глаурунгом в Нарготронде; позабыв о своем прошлом, стала женой Турина в Бретиле под именем Ниниэль; покончила с собой, бросившись в Тейглин. С. 239, 241, 256, 261, 263, 265–277.

Ногрод (Nogrod) – один из двух гномьих городов в Синих горах, перевод названия *Тумунзахар* с гномьего языка на синдарин; см. *Холлоуболд*. С. 113, 115, 137, 160, 162, 212, 228, 247, 282, 284, 285, 287.

«Нолдолантэ» (Noldolantë) – «Падение нолдор», скорбная песнь, сочиненная Магломом, сыном Феанора. С. 108.

Нолдор (Noldor) – Глубокомудрые эльфы, второй народ эльдар, выступивший в поход на запад от озера Куивизнен во главе с Финвэ. Само название (на квенья – *нолдо*, на синдарине – *голод*) означает «Мудрые» («мудрые» в значении «наделенные знанием», но не в значении «наделенные благоразумием и рассудительностью»). О языке нолдор см. *Квенья*. Passim; см. в частности С. 56, 71, 79, 82–83, 141, 343, 345.

Ном, нóмин (Nóm, Nómin), «Мудрость» и «Мудрые», имена, что люди народа Беора дали Фелагунду и его подданным на своем собственном языке. С. 170.

Нозгют Нибин (Noegyth Nibin), «Малые гномы» (см. также статью *Гномы*). С. 247, 281.

Нулуккиздин (Nulukizdîn) – название Нарготронда на языке гномов. С. 282.

Нуменор (Númenor) – (полностью название это на квенья звучит как *Нуменорэ*. С. 314, 339) «Западная Земля», «Западный Край», огромный остров, созданный Валар и отданный в удел эдайн по завершении Первой эпохи. Также назывался *Анадунэ*, *Андор*, *Эленна*, *Земля Звезды*, а после низвержения – *Акаллабет*, *Аталантэ* и *Мар-ну-Фалмар*. С. 79, 177, 314–327, 329, 331, 333–335, 336, 337, 339, 342, 343, 346–350, 354, 360.

Нуменорцы (Númenoreans) – люди Нуменора, также называемые *дунэдайн*. С. 47, 314, 315, 317–322, 325, 328, 329, 333, 334, 336, 339, 347–349, 351, 352, 353, 358.

«Нурталэ Валинóрева» (Nurtalë Valinóreva) – «Сокрытие Валинора». С. 125.

О

Обездоленные (Dispossessed, The) – Дом Феанора. С. 108, 135. Огненная гора (Mountain of Fire), см. *Ородруин*.

Одинокий остров (Lonely Isle), см. *Тол Эрессеа*.

Ожерелье Гномов (Necklace of the Dwarves), см. *Наугламир*.

Озера Сумерек (Meres of Twilight), см. *Аэлин-уиал*.

Ойоло́ссэ (Oiolossë), «Вечно-снежно-белая», наиболее общеупотребительное среди эльфов название для горы Таникветиль, переведенное на синдарин как *Амон Уилос*; однако, согласно тексту «Валаквента», это была «крайняя башня Таникветили». С. 43, 53.

Ойому́рэ (Oiomúre) – область туманов близ Хелькараксэ. С. 98. Окружные горы (Encircling Mountains), см. *Эхориат*.

Окружное море (Encircling Sea), см. *Эккайя*.

О́лвар (olvar) – эльфийское слово, употребленное в речах Йаванны и Манвэ в главе II, и означающее: «все растущее, чьи корни уходят в землю». С. 63.

О́лвэ (Olwë) – вместе с братом Эльвэ (Тинголом) возглавил народ телери в походе на запад от озера Куивизнен; правитель телери Алквалондэ в Амане. С. 71, 73, 74, 76, 78–80, 82, 107, 108, 110, 116, 135, 153.

Оло́рин (Olórin) – Майя, один из истари (Магов); см. *Митрандир*, *Гандальв*; ср. «Две крепости (IV 5): «... в юности, на позабытом ныне Западе, я звался Олорин...». С. 48.

Ондоли́ндэ (Ondolindë), «Песнь Камня», первоначальное квенийское название Гондолина. С. 151.

Орки (Orcs) – твари Моргота. Passim; об их происхождении см. С. 68, 69, 115.

Орлы (Eagles). С. 56, 63, 64, 84, 134, 135, 146, 151, 184, 189, 190, 219, 220, 278, 294, 295, 298, 333, 334.

О́рмал (Ormal) – один из Светочей Валар, созданный Аулэ. Возвышался на юге Средиземья. С. 51, 53.

Оро́дрет (Orodreth) – второй сын Финарфина, блюститель башни Минас Тирит на Тол Сирион; после смерти своего брата Финрода стал королем Нарготронда; отец Финдуилас; погиб в битве на поле Тумхалад. С. 80, 103, 145, 186, 208, 211, 227, 254, 255, 257, 264.

Оро́друин (Orodruin), «Гора Слепящего Пламени» в Мордоре, в огне которой Саурон отковал Правящее Кольцо; также называлась *Амон Амарт*, «Гора Рока». С. 350, 352.

Орока́рни (Orocarni) – горы на Востоке Средиземья (название означает «Красные горы»). С. 67.

Оро́мет (Oromet) – холм близ гавани Андуниз на западе Нуменора, на котором была построена башня Тар-Минастира. С. 324.

Оро́мэ (Oromë) – Вала, один из Аратар, великий охотник; увел эльфов от озера Куивизнен; муж Ваны. Имя означает «Трубящий Рог» или «Звук Рогов»; ср. *Валарама*. Во «Властелине Колец» приводится соответствующая форма из языка синдарин – *Арав*. См. в частности 46. С. 43, 46, 47, 52, 57, 64, 65, 67–69, 71–73, 75, 79, 82, 92–94, 96, 102, 114, 117, 122, 183, 206.

О́ртанк (Orthanc), «Раздвоенная Вершина», башня нуменорцев в Кольце Айзенгарда. С. 349, 358.

О́рфалх Э́хор (Orfalch Echor) – глубокое ущелье в Окружных горах, через которое пролегал путь в Гондолин. С. 292.

Осги́лиат (Osgiliath), «Звездная Крепость», главный город древнего Гондора по обе стороны от реки Андун. С. 348, 349, 354.

Осси́рианд (Ossiriand), «Земля Семи Рек» (т. е. Гелиона и его притоков, сбегających с Синих гор); владения Зеленых эльфов. Ср. песню Древоборода в «Двух крепостях» (III 4): «У вязов Оссирианда скитался я летом. О свет, о мелодии лета у Семиречья Оссира!»¹⁷ См. *Линдон*. С. 116, 118, 137, 146, 149–151, 168, 171, 172, 180, 226, 234, 286, 288, 342.

О́ссэ (Ossë) – Майя, вассал Ульмо; вместе с ним вступил в воды Арды; друг и наставник телери. С. 47, 48, 53, 57, 75, 76, 78, 80, 108, 144, 236, 313.

Ост-ин-Э́диль (Ost-in-Edhil), «Крепость эльдар», город эльфов в Эрегионе. С. 342, 345.

¹⁷ Пер. И. Гриншпуна.

Охтар (Ohtar), «Воин», оруженосец Исильдура, доставивший сломанный меч Элендила в Имладрис. С. 353.

П

Падубь (Hollin), см. *Эрегион*. С. 342.

Палантир и (Palantíri), «Смотрящие издалека», семь Зрячих Камней, привезенные Элендилем и его сыновьями из Нуменора; созданы Феанором в Амане (см. С. 84 и «Две крепости» III 11). С. 331, 349–350.

Пастыри Дерев (Shepherds of the Trees) – энты. С. 64, 287.

Пеларгир (Pelargir), «Двор Королевских Кораблей», нуменорская гавань выше дельты Андуина. С. 321.

Пелор и (Pelóri), «ограждающие или защищающие высоты», также называемые *Горы Амана* и *Ограждающие горы*; воздвигнуты Валар после того, как была уничтожена их обитель на острове Алмарен; протянулись полумесяцем с севера на юг вдоль восточного побережья Амана. С. 53–55, 64, 75, 78, 92, 93, 98, 122–124, 209.

Перворожденные (Firstborn, The) – Старшие Дети Илуватара, эльфы. С. 36, 39, 41, 55, 57, 58, 61, 63, 65, 67, 304, 310, 314, 315, 317, 319, 342, 343, 356, 364.

Переправа Тейглина (Crossings of Teiglin) – в юго-западной части леса Бретиль, где старая южная дорога, ведущая от ущелья Сириона, пересекала Тейглин. С. 176, 248, 250, 264, 265, 269, 273, 275.

Пересохшая река (Dry River) – река, что встарь вытекала из-под Окружных гор из некогда существовавшего озера, на месте которого образовалась равнина Гондолина Тумладен. С. 164, 278.

Перианнат (Periannath) – полуростики (хоббиты). С. 361, 362.

Покинутые эльфы (Forsaken Elves), см. *Эглат*.

Полуростики (Halflings) – перевод слова *перианнат* (хоббиты). С. 361, 362.

Полуэльф (Half-elven) – перевод синдарского *перэдель*, мн.ч. *перэдилъ*; употреблялось по отношению к Эльронду и Эльросу: С. 300, 310, 314, 342, 345; и по отношению к Эарендилю: С. 295.

Последний Союз (Last Alliance) – союз Элендила и Гиль-галада конца Второй эпохи, созданный для борьбы с Сауроном. С. 351.

Предел Маэдроса (March of Maedhros) – открытые земли к северу от истоков реки Гелион, владения Маэдроса и его братьев, преграждавшие врагам путь в Восточный Белеприанд; также назывались *восточный Предел*. С. 136, 137, 150.

Пришедшие Позже (Aftercomers) – Младшие Дети Илуватара, люди; перевод слова *хильдор*. С. 102, 120.

Пришедшие Следом (Followers, The) – Младшие Дети Илуватара, люди; перевод слова *хильдор*. С. 36, 126.

Пророчество Севера (Prophecy of the North) – Приговор нолдор, провозглашенный Мандосом на берегу Арамана. С. 108.

Прямая Дорога, Прямой Путь (Straight Road, Straight Way) – путь через Море к Древнему или Истинному Западу; корабли эльфов могли выходить на него даже после Низвержения Нуменора и Изменения Мира. С. 340.

Р

Радагаст (Radagast) – один из истари (Магов). С. 357, 358, 360.

- Ра́друин (Radhruin) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.
- Ра́гнор (Ragnor) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.
- Ра́мдал (Ramdal), «Конец Стены» (см. *Андрам*), где заканчивалась область резкого понижения рельефа, проходящая через весь Белерианд. С. 149, 183.
- Ра́на (Rána), «Странник», название Луны у нолдор. С. 122.
- Ратло́риэль (Rathlóriel), «Золотое русло», название реки Аскар после того, как в ней утопили сокровища Дориата. С. 149, 287.
- Ра́урос (Rauros), «Ревущая Струя», огромные водопады на реке Андуин. С. 355.
- Ре́гион (Region) – густой лес, составлявший южную часть Дориата. С. 74, 114, 118, 148, 160, 285, 286.
- Ре́рир (Regir) – гора к северу от озера Хелеворн, где брал начало большой из двух рукавов Гелиона. С. 137, 149, 150, 183.
- Ри́ан (Rían) – дочь Белегунда (племянника Барахира, отца Берена); жена Хуора и мать Туора; после гибели Хуора умерла от горя на Хауд-эн-Нденгин. С. 177, 185, 192, 238, 290.
- Ривенделл (Rivendell) – буквально «рассеченная долина», перевод названия *Имладрис*.
- Ри́виль (Rivil) – река, текшая на север от Дортониона и впадавшая в Сирион у Топей Серех. С. 230, 233. *Родник Ривилия*. С. 195.
- Рингвиль (Ringwil) – поток, впадающий в реку Нарог в Нарготронде. С. 148.
- Рингиль (Ringil) – меч Финголфина. С. 184.
- Рова́нион (Rhovanium), «Глушь», дикий край к востоку от Туманных гор. С. 348.
- Ро́мenna (Rómenna) – гавань на восточном побережье Нуменора. С. 323, 327, 328, 330, 337.
- «Ротинзиль» (Rothinzil) – название «Вингилота», корабля Эарендила, на языке адунаик (нуменорском языке), с тем же значением – «Пенный Цветок». С. 311, 314.
- Роха́ллор (Rochallor) – конь Финголфина. С. 183.
- Ро́хан (Rohan), «Земля Коней», название обширной травянистой равнины в Гондоре, прежде именовавшейся Каленардон. С. 355, 361.
- Рохиррим (Rohirrim), «Повелители коней» Рохана. С. 355.
- Ру́даур (Rhudaug) – северо-восточная область Эриадора. С. 348.
- Ру́мил (Rúmil) – мудрец из народа нолдор, живший в Тирионе; впервые создал письменность (ср. «Властелин Колец», Приложение Е II); ему приписывается авторство «Айнулиндалэ». С. 82, 84.

С

- Са́лмар (Salmar) – Майя, пришедший в Арду вместе с Ульмо; создал гигантские рога из раковин, *Улумури*, на которых играл Ульмо. С. 57.
- Са́рн А́трад (Sarn Athrad), «Каменный Брод» у места, где гномий тракт от Ногрода и Белегоста пересекал реку Гелион. С. 113, 168, 284, 287.
- Са́руман (Saguman), «Искусник», имя *Курунира* (дословный перевод), одного из истари (Магов), среди людей. С. 357–360.
- Са́урон (Sauron), «Ненавистный» (*Гортаур* на языке синдарин), самый могущественный из слуг Мелькора; изначально – из числа Майар Аулэ. С. 49, 65, 70, 186, 193, 195, 196, 204–206, 208–211, 213, 321, 322, 325–330, 333, 334, 337, 339, 341, 343, 345–362.
- Саэ́рос (Saeros) – эльф из народа нандор, один из главных советников Тингола в Дориате; оскорбил Турина в Менегроте и, спасаясь от преследования Турина, погиб. С. 241.
- Северные холмы (North Downs) – холмы в Эриадоре, на которых был построен нуменорский город Форност. С. 348.
- Семь Камней (Seven Stones), см. *Палантири*.

Семь Отцов гномов (Seven Fathers of the Dwarves), см. *Гномы*.

Серегон (seregon), «Кровь Камня», растение с ярко-алыми цветами, что росло на Амон Руд. С. 246, 249.

Серех (Serech) – обширные топи к северу от ущелья Сириона, где в Сирион впадала река Ривиль, вытекавшая из Дортониона. С. 130, 181, 195, 230, 232, 233, 279.

Сериндэ (Serindë), «Вышивальщица», см. *Мириэль (I)*.

Серп Валар (Sickle of the Valar), см. *Валакирка*. Серые Гавани (Grey Havens), см. *Гавани*, *Митлонд*. Серые эльфы (Grey-elves), см. *Синдар*.

Серый Плащ (Grey mantle), см. *Синголло*, *Тингол*.

Серых эльфов, язык (Grey-elven tongue), см. *Синдарин*.

Сильмарили (Silmarils), ед.ч. Сильмариль – три драгоценных камня, созданные Феанором еще до гибели Двух Дерев Валинора и наполненные их светом; см. в частности. С. 86–87, 56, 86–88, 90, 91, 95, 97–102, 124, 127, 131, 135, 140, 153, 154, 200–202, 208, 217, 219, 221, 222, 224, 225, 227, 239, 283–288, 299–302, 304, 305, 307, 308.

Сильмариэн (Silmarien) – дочь Тар-Элендила, четвертого короля Нуменора, мать первого из правителей Андуниз, прародительница Элендила и его сыновей Исильдура и Анариона. С. 323.

Сильпион (Silpion) – одно из названий Тельперии. С. 55.

Синголло (Singollo), «Серый Плащ», «Серая Мантия»; см. *Синдар*, *Тингол*.

Синдар (Sindar) – Серые эльфы. Название употреблялось по отношению ко всем эльфам телерийского происхождения (кроме Зеленых эльфов Оссирианда), которых застали в Белерианде возвратившиеся нолдор. Возможно, нолдор дали им такое имя потому, что первых эльфов этого народа они встретили на севере, под серыми небесами среди туманов у озера Митрим (см. *Митрим*); или, возможно, потому, что Серые эльфы не принадлежали ни к эльфам Света (эльфам Валинора), ни к эльфам Тьмы (авари), но числились *эльфами Сумерек*. Однако считалось, что это название происходит от имени Эльвэ *Тингола* (на квенья – *Синдаколло*, *Синголло*, «Серый Плащ»), т. к. он был признан верховным королем той земли и ее народов. Синдар называли себя *эдилъ*, мн. ч. *эдель*. С. 29, 53, 74, 112, 113, 115, 116, 126, 127, 138, 141, 142, 144, 145, 151, 152, 155, 156, 172, 186, 189, 287, 288, 341.

Синдарин (Sindarin) – язык эльфов Белерианда, происходил от всеобщего эльфийского наречия, однако за долгие века претерпел значительные изменения и стал непохож на квенья Валинора; в Белерианде его переняли изгнанные нолдор (см. С. 138, 156). Также назывался *язык Серых эльфов*, *язык эльфов Белерианда* и т. д. С. 56, 78, 79, 138, 156, 177, 186, 198, 247, 311, 314.

Синие горы (Blue Mountains), см. *Эред Луин* и *Эред Линдон*.

Сирион (Sirion), «Великая Река», текшая с севера на юг и разделявшая Белерианд на Восточный и Западный. Passim; см. в частности. С. 70, 145, 148. *Водопады Сириона*: С. 201, 282. *Топи Сириона*: С. 201. *Врата Сириона*: С. 148. *Гавани Сириона*: С. 290, 301, 302, 307. *Устья Сириона*: С. 75, 76, 145, 186, 189, 191, 236, 299, 300, 301. *Ущелье Сириона*: С. 139, 145, 181, 191, 213, 231, 232, 233, 256, 264. *Долина Сириона*: С. 73, 130, 139, 144, 152, 244, 246, 257, 263, 299.

Скрежущий Лед (Grinding Ice), см. *Хелькараксэ*. Смуглое племя (Swarthy Men), см. *Восточане*. С. 187.

Сокрытое Королевство (Hidden Kingdom) – название как Дориата. С. 139, 196, 199, 276, 288, так и Гондолина. С. 157, 249, 275, 278, 292, 295.

Соронумэ (Soronúmë) – название одного из созвездий. С. 67.

Союз Маэдроса (Union of Maedhros) – союз, созданный Маэдросом для борьбы с Морготом; перестал существовать в результате Нирнаэт Арноэдиад. С. 227.

Средиземье (Middle-earth) – земли к востоку от Великого моря, также называемые *Ближние земли, Внешние земли, Великие земли* и *Эндор*. *Passim*.

Старший Король (Elder King) – Манвэ. С. 304, 307.

Су́лимо (Súlimo) – имя Манвэ; в тексте «Валаквента» переведено как «Владыка Дыхания Арды» (дословно «Дышащий»). С. 43, 56, 104.

Сумеречные озера (Twilight Meres), см. *Аэлин-уиал*.

Сыновья Феанора (Sons of Feanor) – см. *Маэдрос, Маглор, Келегорм, Карантир, Куруфин, Амрод, Амрас*. Часто упоминаются все вместе, как группа, особенно после смерти отца. С. 79, 80, 84, 90, 130–132, 136, 137, 148, 150, 154, 156, 157, 160–162, 168, 179, 181, 183, 202, 203, 208, 211, 212, 221, 227–229, 232, 234, 288, 295, 299, 300, 301, 307.

Т

Та́лат Ди́рнен (Talath Dirnen) – Хранимая равнина к северу от Нарготронда. С. 176, 201, 206, 249, 255, 257.

Та́лат Ру́нен (Talath Rhúnen), «Восточная Долина», первоначальное название Таргелиона. С. 150.

Та́лион (Thalion), «Стойкий, Могучий», см. *Хурин*.

Та́лос (Thalos) – второй из притоков Гелиона в Оссирианде. С. 149, 168.

Танго́родрим (Thangorodrim), «Горы Тирании», воздвигнутые Морготом над Ангбандом; разрушены в ходе Великой Битвы в конце Первой эпохи. С. 100, 117, 130–132, 134, 140, 142, 144, 179, 180, 183, 213, 219, 229, 230, 238, 250, 306, 311, 341, 351.

Тани́кветиль (Taniquetil), «Высокий Белый Пик», высочайшая из гор Пелори и высочайшая гора Арды, на вершине которой находились чертоги Манвэ и Варды, Ильмарин; также называлась *Белая Гора, Священная Гора* и *Гора Манвэ*. См. *Ойолоссэ*. С. 43, 53, 54, 56, 65, 69, 82, 93, 94, 96, 98, 102, 105, 134, 303, 334.

Тар-Анка́лимон (Tar-Ancalimon) – четырнадцатый король Нуменора; во время его правления нуменорцы разделились на два враждующих лагеря. С. 320, 321.

Та́рас (Taras) – гора на мысе Невраст; у ее подножия находился Виньямар, дворец Тургона, где король жил до ухода в Гондолин. С. 144, 290.

Тар-Ата́намир (Tar-Atanamir) – тринадцатый король Нуменора; к нему являлись Вестники Валар. С. 320.

Таргелион (Targelion), «Земля за Гелионом» между горой Рерир и рекой Аскар, где жил Карантир; также называлась *Дор Карантир* и *Талат Рунен*. С. 150, 158, 172, 175, 183.

Тар-Ка́лион (Tar-Calion) – имя Ар-Фаразона на квенья. С. 324, 347.

Тар-Ки́рьятан (Tar-Ciryatan) – двенадцатый король Нуменора, «Кораблестроитель». С. 320.

Тар-Мина́стир (Tar-Minastir) – одиннадцатый король Нуменора, помогавший Гильгаду в борьбе с Сауроном. С. 322, 324.

Тар-Ми́ньятур (Tar-Minyatur) – имя Эльроса Полуэльфа как первого короля Нуменора. С. 327.

Тар-Ми́риэль (Tar-Míriel) – см. *Мириэль (2)*.

Тар-Эленди́ль (Tar-Elendil) – четвертый король Нуменора, отец Сильмариэн, потомком которой был Элендиль. С. 323.

Та́рн Аэ́луин (Tarn Aeluin) – озеро в Дортонионе, где находилось убежище Барахира и его соратников; место их гибели. С. 193, 195.

Тар-Пала́нтир (Tar-Palantir) – двадцать четвертый король Нуменора; раскаявшись в деяниях своих предшественников, принял имя на квенья: «Тот, кто смотрит издалека». См. *Инзиладун*. С. 323, 324, 327.

Таур-им-Дуинат (Taur-im-Duinath), «Лес между Реками», название дикого края между Сирионом и Гелионом, к югу от Андрама. С. 149, 183.

Таур-ну-Фуин (Taur-nu-Fuin) – новое название Дортониона: «Лес под покровом Ночи». Ср. *Дельдуват*. С. 185, 204, 210, 213, 215, 220, 221, 250, 252, 253.

Таурон (Tauron), «Обитатель Лесов» (в тексте «Валаквента» имя переведено как «Владыка Лесов»); одно из имен Оромэ у эльфов-синдар. Ср. *Алдарон*. С. 46.

Таур-эн-Фарот (Taur-en-Faroth) – лесистое нагорье к западу от реки Нарог над Нарготрондом; также называлось *Высокий Фарот*. С. 138, 148, 201.

Тейглин (Teiglin) – один из притоков Сириона, бравший начало в Эред Ветрин и протекавший по южной границе леса Бретиль; см. также *Переправа Тейглина*. С. 145, 176, 189, 242, 249, 257, 263, 264, 269–271, 274, 277, 281, 285.

Телёмнар (Telemnar) – двадцать шестой король Гондора. С. 354.

Телери (Teleri) – третий, самый многочисленный народ эльдар, выступивший в поход на запад от озера Куивизнен во главе с Эльвэ (Тинголом) и Олвэ. Сами они называли себя *линдар*, «Поющие»; название *телери* («Запоздавшие», «Пришедшие последними») им дали те, кто опередил их на пути. Многие из числа телери так и не покинули Средиземья; синдар и нандор по происхождению – эльфы телери. С. 57, 71–76, 78–80, 85, 92, 94, 96, 105, 107, 108, 111, 114, 116, 119, 125, 160, 161, 166, 302, 304, 305, 310, 342.

Телумендиль (Telumendil) – название одного из созвездий. С. 67.

Тельперион (Telperion) – старшее из Двух Дерев Валинора. С. 54, 55, 65, 78, 94, 120, 122, 244, 317, 349. Также называлось *Белое Древо*: С. 78.

Тельхар (Telchar) – самый прославленный из кузнецов Ногрода, создатель Ангрита и (согласно утверждению Арагорна в «Двух крепостях» (III 6)) Нарсила. С. 115, 212.

Темные эльфы (Dark Elves) – на языке Амана все эльфы, что не пересекли Великое море, назывались Темные эльфы (*мориквенди*), и термин иногда употребляется в этом значении: С. 126, 127, 136; в эпизоде, когда Карантир называет Тингола Темным эльфом, слово приобретает намеренно оскорбительный смысл, тем более, что Тингол побывал в Амане и «причислен он не к мориквенди» (75). Но в период Изгнания нолдор слово зачастую употреблялось по отношению к эльфам Средиземья, иным, нежели нолдор и синдар, и, таким образом, практически соответствовало авари (С. 126, 127, 149, 170). Иное значение приобретает именование «Темный эльф» применительно к Эолу из рода синдар: С. 158, 162, 243; но на С. 166 Тургон, вне сомнения, имеет в виду, что Эол принадлежит к *мориквенди*.

Темный Властелин (Dark Lord, The) – термин употребляется по отношению к Морготу, 277, и по отношению к Саурону. С. 347, 357, 360.

Тенистые горы (Shadowy Mountains), см. *Эред Ветрин*. Тилион (Tilion) – Майя, кормчий Луны. С. 122–124.

Тингол (Thingol), «Серый плащ», «Серая мантия» (на квенья *Синдаколло*, *Синголло*), имя, под которым Эльвэ, возглавивший вместе с братом Олвэ народ телери в походе на запад от озера Куивизнен и ставший позже королем Дориата, был известен в Белерианде. Также именовался *Сокрытый Король*. См. *Эльвэ*. С. 74, 75, 112–118, 131, 135, 136, 138, 139, 148, 149, 153, 154–158, 160, 173, 176, 177, 180, 189, 196, 198–202, 205, 206, 208, 209, 211–213, 215, 220–222, 224–228, 239, 241–244, 256, 265, 267, 277, 282–288, 294, 310.

Тинталлэ (Tintallë), «Возжигающая», одно из имен Варды, созидательницы звезд. Так она именуется в скорбной песни Галадриэли в Лориэне («Братство Кольца» II 8); ср. *Эльберет*, *Элентари*. С. 67.

Тинувиэль (Tinúviel) – имя, данное Береном Лутиэн; поэтическая метафора для обозначения соловья: «Дочь Сумерек». См. *Лутиэн*.

Тирион (Tirion), «Могучая Сторожевая Башня», город эльфов на холме Туна в Амане. С. 78, 80, 82, 83, 88–91, 94, 95, 101, 103–105, 124, 139, 151, 152, 154, 203, 294, 303, 349.

Тол Гáлен (Tol Galen), «Зеленый остров» на реке Адурант в Оссирианде, где после своего возвращения поселились Берен и Лутиэн. С. 149, 226, 286, 287.

Тол-ин-Гау́рхот (Tol-in-Gaurhoth), «Остров Волколаков», название Тол Сирион после того, как остров захватил Саурон. С. 186, 205, 209.

Тол Морвен (Tol Morwen) – остров в море после затопления Белерианда; на нем высился камень, поставленный в память Турина, Низнор и Морвен. С. 281.

Тол Си́рион (Tol Sirion) – остров посреди реки в ущелье Сириона, на котором Финрод выстроил башню Минас Тирит; будучи захвачен Сауроном, получил название Тол-ин-Гаурхот. С. 138, 145, 186.

Тол Э́рессеа (Tol Eressëa), «Одинокий остров» (также просто *Эрессеа*), на котором Ульмо переправил ваньяр и нолдор, а потом – телери через океан, после чего остров был установлен в заливе Эльдамар близ берегов Амана. Телери надолго задержались на Эрессеа, прежде чем переселиться в Алквалондэ; там же жили многие нолдор и синдар по окончании Первой эпохи. С. 68, 78, 80, 125, 302, 310, 313, 315, 317, 322, 323, 334, 336, 340, 342, 343, 349.

Торо́ндор (Thorondor), «Король Орлов»; ср. «Возвращение Короля» (VI 4): «...старый Торондор, что строил гнезда на недосыгаемых пиках Окружных гор в пору молодости Средиземья». См. *Криссаэгрим*. С. 134, 135, 151, 184, 189, 190, 219, 220, 278, 294, 298, 306.

Тра́ндуиль (Thranduil) – эльф из народа синдар, король Лесных эльфов, живущих в северной части Зеленолесья Великого (Мирквуда); отец Леголаса, входившего в Братство Кольца. С. 357.

Ту́лкас (Tulkas) – Вала, «первый из всех в силе и доблести», явившийся в Арду последним; также именовался *Асталдо*. С. 43, 46, 51–53, 65, 69, 70, 85, 90–92, 96, 97, 102.

Туманные горы (Misty Mountains), см. *Хитаэглир*.

Ту́младен (Tumladen), «Обширный Дол», сокрытая долина в Окружных горах, в центре которой стоял город Гондолин (после так называлась долина в Гондоре: «Возвращение Короля» V 1). С. 139, 151, 161, 189, 220, 292, 298.

Тумунзахар (Tumunzahar), см. *Ногрод*. С. 113.

Ту́мхалад (Tumhalad) – долина в междуречье Гинглита и Нарога, где потерпела поражение армия Нарготронда. С. 257, 259.

Ту́на (Túna) – зеленый холм в ущелье Калакирья, на котором был выстроен эльфийский город Тирион. С. 78, 80, 82, 83, 88, 92, 101, 105, 110, 139, 151, 303, 317, 336.

Туор (Tuor) – сын Хуора и Риан, воспитанный Серыми эльфами Митрима; явился в Гондолин с посланием от Ульмо; взял в жены Идриль, дочь Тургона; вместе с нею и сыном Эарендилом спасся при разрушении города; на корабле «Эаррамэ» отплыл на Запад. С. 177, 238, 290, 292, 294–296, 298–301, 304, 311.

Тура́мбар (Turambar), «Победитель Судьбы», последнее из имен, взятых себе Турином во время пребывания в лесу Бретиль. С. 265, 269–277, 282.

Ту́ргон (Turgon) – прозванный Мудрым; второй сын Финголфина; жил в Виньямаре в Неврасте, затем тайно переселился в Гондолин, где и правил до самой смерти; погиб при разграблении города; отец Идрили, матери Эарендила; прозывался (подобно Тинголу) *Сокрытым Королем*. С. 79, 103, 110, 112, 138, 139, 144, 151–153, 156–158, 161, 163, 164, 166, 167, 184, 189–191, 220, 228, 229, 231–233, 236, 244, 278, 279, 290, 292, 294–296, 298, 299, 304, 310.

Ту́рин (Túrin) – сын Хурина и Морвен, главный герой песни, названной «Нарн и Хин Хурин», на которой основана глава 21. О других его именах см. *Нейтан*, *Гортол*, *Агарваэн*, *Мормегиль*, *Лесной Дикарь*, *Турамбар*. С. 177, 178, 203, 239, 241–244, 246–250, 252–257, 259, 261, 263–265, 269–277, 282, 283.

Ту́рингветиль (Thuringwethil), «Та, что Скрыта Тенью», посланница Саурана из Тол-ин-Гаурхот, принимавшая образ гигантской летучей мыши; в ее обличии Лутиэн вступила в Ангбанд. С. 213, 215.

Тур Харе́та (Tûr Haretha) – могильный холм госпожи Халет в лесу Бретиль (см. *Хауд-эн-Арвен*). С. 177.

Ты́сяча Пещер (Thousand Caves), см. *Менегрот*.

У

Уи́нен (Uinen) – Майя, Владычица Морей, жена Оссэ. С. 47, 48, 57, 76, 108.

Ула́йри (Úlairi), см. *Кольцепризрак*.

У́лварт (Ulwarth) – сын Улфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэ́т Арноэ́диад. С. 187, 232.

У́лдор (Uldor) – по прозвищу Проклятый, сын Улфанга Черного; убит Маглором в Нирнаэ́т Арноэ́диад. С. 187, 229, 231–233, 306.

У́лмо (Ulmo) – Вала, один из Аратар, именовался *Владыкой Вод* и *Королем Моря*. Имя его переведено эльдар как «Проливающий Воду», «Одаривающий Дождем». См. в частности. С. 43–44, 56–57. С. 37, 39, 40, 43–45, 47, 48, 56, 57, 63, 69, 70, 75, 76, 78, 80, 85, 107, 123, 125, 126, 138, 139, 144, 148, 149, 151–153, 186, 189, 236, 253, 256, 290, 292, 294, 295, 299, 302, 303.

У́луму́ри (Ulumúri) – гигантские рога из раковин, сработанные Салмаром из Майар, на которых играл Улмо. С. 44, 57, 75.

У́лфанг (Ulfang) – по прозвищу Черный, один из вождей восточан; вместе с тремя своими сыновьями служил Карантиру и предал его в Нирнаэ́т Арноэ́диад. С. 187, 228, 231.

У́лфаст (Ulfast) – сын Улфанга Черного, убит сыновьями Бора в Нирнаэ́т Арноэ́диад. С. 187, 232.

Ума́ньяр (Úmanyar) – прозвище, данное тем эльфам, что ушли от озера Куивизэ́нен в поход на запад, но не добрались до Амана: «Те, что не из Амана», в отличие от *аманьяр*, «Тех, что из Амана». С. 72, 75.

У́март (Úmarth), «Злополучный», вымышленное имя отца, названное Турином в Нарготронде. С. 254, 255.

У́мбар (Umbar) – огромная гавань естественного происхождения и крепость нуменорцев к югу от залива Бельфалас. С. 325.

Унго́лиант (Ungoliant) – гигантская паучиха; вместе с Мелькором уничтожила Древа Валинора; Шелоб во «Властелине Колец» – «последняя из отпрысков Древней Унголиант, что тревожила сей несчастный мир» («Две Крепости» IV 9). С. 92–111, 117, 124, 146, 158, 196, 303.

У́ртель (Urthel) – один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Уруло́ки (Urulóki) – квенийское слово, означающее «огненный змей», дракон. С. 141, 257.

Уту́м но (Utumno) – первая огромная крепость Мелькора на севере Средиземья; была уничтожена Валар. С. 52, 53, 57, 64, 68–70, 93, 100, 120, 142.

Ф

Фа́лас (Falas) – западное побережье Белерианда к югу от Невраста. С. 76, 115, 118, 119, 130, 145, 192, 229, 236, 256.

Фала́тар (Falathar) – один из трех мореходов, сопровождавших Эарендила в его плаваньях. С. 302.

Фала́трим (Falathrim) – эльфы Фаласа из народа телери; ими правил Кирдан. С. 76.

Фа́лмари (Falmari) – Морские эльфы, название тех телери, что ушли из Средиземья на Запад. С. 71.

Фа́разон (Pharazôn), см. *Ар-Фаразон*.

Фаэли́врин (Faelivrin) – имя, данное Финдуилас Гвиндором. С. 254.

Фе́анор (Fëanor) – старший сын Финвэ (единственное дитя Финвэ и Мириэли), единокровный брат Финголфина и Финарфина; величайший из нолдор; возглавил их бунт; создатель Феанорова алфавита и творец Сильмарилей; погиб в Митримере в Дагор-нуин-Гилят. Звался *Куруфинвэ* (от *куру* – искусство), передал это имя своему пятому сыну, Куруфину; сам же всегда был известен под именем, данным ему матерью: *Фэанаро*, Дух Огня, что на синдарине звучит как *Феанор*. Главы 5–9, 13 и *passim*; см. в частности 79, 83–84, 86, 119. В других главах его имя фигурирует главным образом в словосочетании *сыновья Феанора*.

Фела́гунд (Felagund) – имя, под которым был известен король Финрод после возведения Нарготронда; взято из гномьего языка (*фелак-гунду*, «прорубающий пещеры», но в тексте переведено как «Владыка Пещер», 80). См. *Финрод*.

Фина́рфин (Finarfin) – третий сын Финвэ, младший единокровный брат Феанора; остался в Амане после Изгнания нолдор и правил оставшейся частью своего народа в Тирионе. Единственный из правителей нолдор обладал золотыми волосами (как и его потомки), унаследовав эту черту от своей матери Индис из народа ваньяр (см. *Ваньяр*). С. 79, 84, 88, 90, 103–105, 110, 124, 200, 210, 305. Во многих других случаях это имя употребляется в сочетании с его сыновьями или его народом.

Финвэ́ (Finwë) – вождь нолдор; увел их на запад от озера Куивиэнэн; король нолдор в Амане; отец Феанора, Финголфина и Финарфина; убит Морготом в Форменосе. С. 71, 73, 74, 76, 78–80, 82, 83, 84, 88–91, 95, 98, 101, 135, 153, 154; прочие ссылки даются на его сыновей или его дом.

Финго́лфин (Fingolfin) – второй сын Финвэ, старший из единокровных братьев Феанора; Верховный король нолдор Белерианда; жил в Хитлуме; убит Морготом в поединке один на один. С. 79, 84, 88–90, 95, 103–105, 107, 111, 112, 122, 129, 132, 135, 137, 140, 141, 144, 146, 152, 156, 172, 177, 179, 181, 183, 184, 186, 236. Во многих других случаях это имя употребляется в сочетании с его сыновьями или его народом.

Финго́н (Fingon) – старший сын Финголфина по прозвищу Отважный; спас Маэдроса с Тангородрима; после смерти отца стал Верховным королем нолдор; убит Готмогом в Нирнаэт Арноэдиад. С. 79, 103–105, 107, 110, 111, 134, 135, 141, 144, 146, 157, 167, 181, 185, 192, 196, 227–234, 236, 299, 342.

Финдуи́лас (Finduilas) – дочь Ородрета, возлюбленная Гвиндора; захвачена в плен при разграблении Нарготронда и убита орками у Переправы Тейглина. С. 254, 255, 257, 261, 263, 264, 269, 275.

Финро́д (Finrod) – старший сын Финарфина, по прозвищу Верный и Друг Людей. Основатель и король Нарготронда; отсюда его имя *Фелагунд*; встретился в Оссирианде с первыми людьми, перевалившими через Синие горы; был спасен Барахиром в Дагор Браголлах; исполнил клятву, данную Барахиру, отправившись в поход вместе с Береном; был убит, защищая Берена, в подземельях на Тол-ин-Гаурхот. Ссылки, приведенные ниже, включают и те случаи, где имя *Фелагунд* употребляется отдельно. С. 80, 103, 105, 132, 135, 137–139, 145, 146, 148, 151, 153, 155, 156, 168, 170–173, 176, 178, 181, 191, 195, 200, 202–206, 208–211, 221, 247, 248, 256, 259, 261, 265–267, 281–284.

Фи́римар (Fírimar), «Смертные», одно из эльфийских названий для людей. С. 126.

Форме́нос (Formenos), «Северная Крепость», цитадель Феанора и его сыновей на севере Валинора, построенная после изгнания Феанора из Тириона. С. 90, 91, 95, 98, 99, 153.

Форно́ст (Fornost), «Северная Крепость», город нуменорцев на Северных холмах в Эриадоре. С. 348.

Фро́до (Frodo) – Хранитель Кольца. С. 362.

Фу́инур (Fuinur) – отступник-нуменорец, возвеличенный среди харадрим в конце Второй эпохи. С. 350.

Фэанту́ри (Fëanturi), «Повелители Духов», Валар Намо (Мандос) и Ирмо (Лоризн). С. 45.

Х

Ха́додронд (Hadhodron) – название Кхазад-дума (Мории) на языке синдарин. С. 113, 342.

Ха́дор (Nador) – по прозвищу *Лориндол*, «Златоглавый», также *Хадор Златоволосый*; правитель Дор-ломина, вассал Финголфина; отец Галдора, отца Хурина; погиб у Эйтель Сирион в Дагор Браголлах. Дом Хадора назывался *Третий Дом Эдайн*. С. 177, 181, 185, 189, 192. *Дом Хадора, народ Хадора*. С. 177, 178, 187, 189, 192, 228, 232–234, 239, 241, 249, 263, 277, 364. *Шлем Хадора*: см. *Драконий Шлем Дор-ломина*.

Ха́ладин (Haladin) – второе племя людей, пришедшее в Белерианд, впоследствии называлось *Народ Халет*; жило в лесу Бретиля; также *люди Бретиля*. С. 171, 172, 175, 176, 178, 185, 187, 189, 192, 231, 234, 264, 270.

Ха́лдад (Haldad) – отец госпожи Халет; возглавил оборону халадин при нападении орков на Таргелион; погиб там же. С. 175, 176.

Ха́лдан (Haldan) – сын Халдара; вождь халадин после смерти госпожи Халет. С. 176.

Ха́лдар (Haldar) – сын Халдада из племени халадин, брат госпожи Халет; убит вместе с отцом при нападении орков на Таргелион. С. 175, 176.

Ха́лдир (Haldir) – сын Халмира из Бретиля; взял в жены Глорэдель, дочь Хадора из Дор-ломина; погиб в Нирнаэт Арноэдиад. С. 189, 228, 229, 231, 234.

Ха́лет (Haleth) – именуемая госпожа Халет; правительница халадин (которые в честь нее назывались *Народ Халет*); увела халадин из Таргелиона в земли к западу от Сириона. С. 175, 176. *Дом Халет, Народ Халет*. С. 176, 178, 187, 189, 228, 271, 272.

Ха́лмир (Halmir) – правитель халадин, сын Халдана; вместе с Белегом из Дориата разгромил орков, вторгшихся на юг от ущелья Сириона после Дагор Браголлах. С. 189, 228.

Ха́ндир (Handir) – сын Халдира и Глорэдели, отец Брандира Хромого; правил халадин после смерти Халдира; убит в Бретиля в сражении с орками. С. 234, 257, 264.

Харадрим (Haradrim) – народ Харада («Юга»), земель к югу от Мордора. С. 350.

Ха́рет (Hareth) – дочь Халмира из Бретиля; стала женой Галдора из Дорломина; мать Хурина и Хуора. С. 189, 192.

Ха́талдир (Nathaldir) – по прозвищу Юный; один из двенадцати соратников Барахира в Дортонионе. С. 185.

Ха́тол (Nathol) – отец Хадора Лориндола. С. 177.

Ха́уд-эн-Арвен (Haudh-en-Arwen), «Курган Госпожи», могильный холм Халет в лесу Бретиля. С. 177.

Ха́уд-эн-Ндён гин (Haudh-en-Ndengin), «Курган Павших» в пустыне Анфауглит, – в нем погребены тела эльфов и людей, погибших в Нирнаэт Арноэдиад. С. 238.

Ха́уд-эн-Нирнаэт (Haudh-en-Nirnaeth), «Холм Слез», еще одно название *Хауд-эн-Ндён-гин*. С. 238.

Ха́уд-эн-Эллет (Haudh-en-Elleth) – холм близ Переправы Тейглина; в нем похоронили Финдуилас. С. 264, 265, 269, 273, 275.

Хелеворн (Helevorn), «Черное Стекло», озеро в северной части Таргелиона, у подножия горы Рерир, где обосновался Карантир. С. 137, 150, 183.

Хеллуин (Helluin) – звезда Сириус. С. 67, 84.

Хелькар (Helcar) – Внутреннее море на северо-востоке Средиземья, где некогда возвышалась гора светоча Иллуин; озеро Куивиэнэн, близ которого пробудились первые эльфы, описано как залив этого моря. С. 67, 72.

Хелькараксэ (Helcaraxë) – пролив между Араманом и Средиземьем; также *Скрежещущий Лед*. С. 70, 98, 110–112, 132, 141, 156, 161.

Херумор (Herumor) – отступник-нуменорец, возвеличенный среди харадрим в конце Второй эпохи. С. 350.

Херунумен (Herunúmen), «Владыка Запада», имя Ар-Адунахора на квенья. С. 322.

Хильдор (Hildor), «Пришедшие Следом», «Пришедшие Позже», эльфийское название людей как Младших Детей Илуватара. С. 120, 126.

Хильдориэн (Hildórien) – область на востоке Средиземья, где пробудились первые люди (*хильдор*). С. 126, 170.

Химлад (Himlad), «Прохладная Равнина», область, где жили Келегорн и Куруфин, к югу от ущелья Аглон. С. 150, 158, 162.

Химринг (Himring) – высокий холм к западу от Бреши Маглора, на котором стояла крепость Маэдроса; название переведено в тексте как «Вечно-холодный». С. 136, 149, 150, 158, 183, 221, 228.

Хирилорн (Hírilorn) – гигантский бук с тремя стволами в Дориате, на котором держали в заточении Лутиэн. Название означает «Древо Госпожи». С. 206, 225.

Хисиломэ (Hísilómë), «Земля Тумана», название Хитлума на квенья. С. 142.

Хитаэглир (Hithaeglin), «Гряда Туманных Пиков», Туманные горы или Горы Тумана (форма *Хитаэглин* на карте к «Властелину Колец» – ошибка). С. 72, 73, 113, 116, 347, 351, 353.

Хитлум (Hithlum), «Земля Тумана» (см. С. 142), область, огражденная с востока и с юга Эред Ветрин, а с запада – Эред Ломин; см. *Хисиломэ*. С. 70, 129, 131, 132, 134, 136, 141, 142, 144, 146, 149, 157, 172, 173, 180, 181, 183–187, 191, 192, 220, 228–231, 233, 234, 236, 238, 239, 241, 250, 277, 278, 290.

Холлоуболд (Hollowbold) – перевод названия *Ногрод*: «полное обиталище» (раннеанглийское существительное *bold* родственно глаголу *build* «строить»). С. 113.

Хранимая равнина (Guarded Plain), см. *Талат Дирнен*.

Хранимое Королевство (Guarded Realm), см. *Валинор*. С. 94, 108.

Хуан (Huan) – гигантский волкодав из Валинора, подаренный Келегорму Оромэ; друг и помощник Берена и Лутиэн; убил Кархарота, но и сам при этом погиб. Имя означает «могучий пес». С. 206, 208–213, 215, 216, 219, 220, 222, 224, 225.

Хунтор (Hunthor) – человек из халадин Бретиля; отправился вместе с Турином на бой с Глаурунгом в Кабед-эн-Арас; убит там упавшим камнем. С. 271, 272.

Хуор (Huor) – сын Галдора из Дор-ломина; муж Риан и отец Туора; побывал в Гондолине вместе с братом Хурином; погиб в Нирнаэт Арноэдиад. С. 152, 177, 189–191, 229, 232, 233, 238, 290, 292, 295, 299, 306.

Хурин (Húrin) – по прозвищу *Талион*, «Стойкий», «Могучий»; сын Галдора из Дор-ломина; муж Морвен и отец Турина и Ниэнор; правитель Дорломина, вассал Фингона. Побывал в Гондолине вместе с братом Хуором; был захвачен в плен Морготом в Нирнаэт Арноэдиад и заключен на Тангородрине на много лет; после своего освобождения убил Мима в Нарготронде и принес Наугламир королю Тинголу. С. 152, 177, 189–192, 229–234, 238, 239, 241–243, 249, 250, 253–255, 257, 259, 261, 263–265, 270, 272–279, 281–284, 290, 295, 306.

Хьярментир (Hyarmentir) – самая высокая гора в землях к югу от Валинора. С. 93.

Ч

Черная Земля (Black Land), см. *Мордор*. Черный Меч (Black Sword), см. *Мормегиль*.

Черные Годы (Black Years), см. С. 347, 352.

Чертоги Ожидания (Halls of Awaiting), см. *Чертоги Мандоса*. С. 86.

Э

Эа́ (Eä) – Мир, материальная Вселенная; на эльфийском языке Эа означает «Так есть» или «Да будет так», – так рек Илуватар при сотворении Мира. С. 39, 42, 43, 47, 52, 55, 60, 67, 68, 74, 91, 94, 97, 104, 110, 119, 120.

Эарвен (Eärwen) – дочь Олвэ Алквалондского, брата Тингола; стала женой Финарфина из народа нолдор. От Эарвен Финрод, Ородред, Ангрод, Аэгнор и Галадриэль унаследовали кровь телери, и потому им был дозволен вход в Дориат. С. 79, 135, 155.

Эарендиль (Eärendil) – прозванный «Полуэльф», «Благословенный», «Сияющий» и «Мореход»; сын Туора и Идрили, дочери Тургона; спасся при разорении Гондолина; взял в жены Эльвинг, дочь Диора, близ устьев Сириона; вместе с нею доплыл до Амана и просил о помощи в войне против Моргота; послан бороздить небеса на своем корабле «Вингилот», неся Сильмариль, добытый Береном и Лутизэн из Ангбанда. Имя означает «Любящий Море». С. 129, 177, 295, 296, 298–306, 310, 311, 313, 314, 318, 319, 325, 330, 331, 336, 339, 342. «*Лэ об Эарендиле*». С. 301, 311.

Эарендур (Eärendur) (1) – один из лордов Андуниз в Нуменоре. С. 323.

Эарендур (Eärendur) (2) – десятый король Арнора. С. 353.

Эарниль (Eärnil) – тридцать второй король Гондора. С. 354, 355.

Эарнур (Eärnur) – сын Эарниля, последний король Гондора; на нем прервался род Анариона. С. 355.

«Эаррамэ» (Eärrámë), «Крыло Моря», название корабля Туора. С. 300.

Эгладор (Eglador) – название Дориата до того, как его окружил Пояс Мелиан; возможно, связано со словом *эглат*. С. 118.

Эгларест (Eglarest) – южная гавань Фаласа на побережье Белерианда. С. 76, 118, 131, 145, 146, 148, 236, 300.

Эглат (Eglath), «Покинутый Народ»; самоназвание тех эльфов телери, что остались в Белерианде разыскивать Эльвэ (Тингола), в то время как основная часть телери отбыла в Аман. С. 76, 285.

Эдайн (Edain), см. *Атани*.

Эдрахиль (Edrahil) – эльф из Нарготронда, который возглавлял отряд, ушедший вместе с Финродом и Береном; погиб в подземельях Тол-ин-Гаурхот. С. 203.

Эзеллохар (Ezellohar) – Зеленый Холм Двух Дерев в Валиноре, также называемый Короллайрэ. С. 54, 63, 95–97.

Эйлинель (Eilinel) – жена Горлима Злосчастливого. С. 193, 195.

Эйтель Иврин (Eithel Ivrin), «Источник Иврины», исток реки Нарог у подножия Эред Ветрин. С. 253, 254, 257.

Эйтель Сир ион (Eithel Sirion), «Источник Сириона» на восточном склоне Эред Ветрин, где стояла могучая крепость Финголфина и Фингона (см. *Барад Эйтель*). С. 130, 144, 145, 181, 192, 229, 230.

Эккайа (Ekkaia) – эльфийское название Внешнего моря, омывающего Арду; также называется *Внешний океан* и *Окружное море*. С. 53, 56, 69, 82, 110, 123, 127, 225.

Экте́лион (Ecthelion) – эльфийский владыка из Гондолина, во время разграбления города сразил Готмога, Предводителя Балрогов, но и сам пал от его руки. С. 130, 233, 292, 296.

Эле́двен (Eledhwen), см. *Морвен*.

Элемми́рэ (Elemmírë) (1) – название одной из звезд. С. 67.

Элемми́рэ (Elemmírë) (2) – эльф народа ваньяр, автор «Алдудениэ», «Плача о Двух Древах». С. 95.

Эле́нвэ (Elenwë) – жена Тургона; погибла при переходе через Хелькараксэ. С. 112, 161.

Эленди́ли (Elendili), «Друзья Эльфов», имя, данное тем нуменорцам, что не отделились от элдар во времена правления Тар-Анкалимона и последующих королей; также именовались *Верными*. С. 320–323, 326–328, 330, 331, 337, 348, 349.

Эленди́ль (Elendil) – прозванный Высоким, сын Амандиля, последнего лорда Андуние в Нуменоре; вел свой род от Эарендиля и Эльвинга, но не по прямой линии королей; спасся с сыновьями Исильдуром и Анарионом при Затоплении Нуменора и основал нуменорские королевства в Средиземье; погиб вместе с Гиль-галадом в битве, в ходе которой был повержен Саурон, в конце Второй эпохи. Имя может быть переведено либо как «Друг Эльфов» (ср. *Элендили*), либо как «Любящий Звезды». С. 327, 330, 331, 337, 348, 349, 351–353, 355, 361. *Наследники Элендиля* 337, 352.

Эленду́р (Elendur) – старший сын Исильдура, погиб вместе с отцом в Ирисной низине. С. 353.

Эле́ндэ (Elendë) – одно из названий Эльдамара. С. 80, 105, 135.

Эле́нна (Elenna) – (квенийское) название Нуменора, означающее «К Звезде», ибо Эарендиль указывал эдайн путь к Нуменору в начале Второй эпохи. С. 314, 336, 339.

Элента́ри (Elentári), «Звездная Королева», имя Варды как созидательницы Звезд. Так она названа в плаче Галадриэли в Лориэне («Братство Кольца» II 8). Ср. *Эльберет*, *Тинталлэ*. С. 67.

Элерри́на (Elerrína), «Коронованная Звездами», одно из названий горы Таникветиль. С. 53.

Элостирioн (Elostirion) – самая высокая из башен на Эмюн Берайд, где хранился *палантир*. С. 349.

Э́лу (Elu) – синдарская форма имени Эльвэ. С. 74, 112, 131, 284.

Элуред (Eluréd) – старший сын Диора, погиб при нападении сыновей Феанора на Дориат. Имя означает то же, что и *Элухиль*. С. 286–288.

Элу́рин (Elurín) – младший сын Диора, погиб вместе с братом Элуредом. Имя означает «Память об Элу (Тинголе)». С. 286–288.

Элухиль (Eluchíl), «Наследник Элу (Тингола)», имя Диора, сына Берена и Лутиэн. См. *Диор*.

Э́льберет (Elbereth) – традиционное именование Варды на синдарине, «Звездная Королева»; ср. *Элентари*. С. 43, 56.

Э́львэ (Elwë) – прозванный *Синголло*, «Серый Плащ»; вместе с братом Олвэ возглавил народ телери в походе на запад от озера Куивиэнэн; заплутал в Нан Эльмоте; после стал правителем синдар; правил в Дориате вместе с Мелиан; получил от Берена Сильмариль; убит в Менегроте гномами. На синдарском языке звался (Э́лу) *Тингол*. См. *Темные эльфы*, *Тингол*. С. 71, 73–76, 78, 112, 285.

Э́львинг (Elwing) – дочь Диора; бежала из Дориата, унося Сильмариль; стала женой Эарендиля близ устьев Сириона и отправилась вместе с ним в Валинор; мать Эльронда и Эльроса. Имя означает «Звездные брызги»; см. *Лантир Ламат*. С. 129, 177, 286–288, 299–305, 310.

Эльдалиэ (Eldalië) – «эльфийский народ», используется как синоним слова *эльдар*. С. 72, 75, 86, 152, 198, 220, 225, 226, 229, 244, 310.

Эльдамар (Eldamar), «Дом эльфов», область в Аманы, где жили эльфы; также огромный залив с тем же названием. С. 78, 80, 82, 83, 88, 92, 107, 161, 210, 302.

Эльдар (Eldar) – согласно эльфийским легендам, имя *эльдар*, «Народ Звезд», дал всем эльфам Вала Оромэ (68). Однако со временем это слово стало применяться только по отношению к эльфам Трех Народов (ваньяр, нолдор и телери), ушедшим от озера Куивiénен в великий поход на запад (независимо от того, остались ли они в Средиземье) и более не распространялось на авари. Эльфы Аманы, и все эльфы, когда-либо жившие в Аманы, назывались Высокие эльфы (*тарэльдар*) и эльфы Света (*калаквенди*); см. *Темные эльфы*, *Уманьяр*. Passim; см. статью *Эльфы*.

Эльдарин (Eldarin) – принадлежащий к эльдар; используется по отношению к языку (языкам) эльдар. Там, где употреблен данный термин, подразумевается язык квенья, иначе называемый *Высокое наречие эльдар* и *Высокое эльфийское наречие*; см. *Квенья*. С. 45.

Эльронд (Elrond) – сын Эарендила и Эльвинг; в конце Первой эпохи избрал удел Перворожденных и оставался в Средиземье до конца Третьей эпохи; владыка Имладриса (Ривенделла) и хранитель Кольца Воздуха, Вилья, полученного им от Гиль-галада. Именовался так же *Владыка Эльронд* и *Эльронд Полуэльф*. Имя означает «Звездный купол». С. 129, 300–302, 310, 314, 342, 343, 345, 352, 353, 355–360, 364. *Сыновья Эльронда*. С. 361.

Эльрос (Elros) – сын Эарендила и Эльвинг; в конце Первой эпохи избрал удел людей и стал первым королем Нуменора (под именем *Тар-Миньятур*); срок жизни, ему отпущенный, был весьма долог. Имя означает «Звездная пена». С. 300–302, 310, 314, 315, 320, 322–324, 327, 342, 348.

Эльфийский Дом (Elvenhome), см. *Эльдамар*.

Эльфы (Elves), см. в частности. С. 57, 58, 60, 67–69, 71, 108, 110, 127, 319; и см. также *Дети Илуватара*, *Эльдар*, *Темные эльфы*. Эльфы Света: см. *Калаквенди*. Эльфы Чаш (Silvan Elves) – также назывались *Лесные эльфы*. По происхождению, вероятно, те нандор, что, идя на запад, так и не перешли Туманные горы, но остались в долине Андуина и в Зеленолесье Великом; см. *Нандор*. С. 342, 356.

Эмелдир (Emeldir) – прозванная Мужественной, жена Барахира и мать Берена; увела женщин и детей Дома Беора из Дортониона после Дагор Браголлах. (Сама она тоже происходила из рода Беора Старого, и отец ее звался Берен; в тексте об этом не сказано.) С. 185, 192.

Энгвар (Engwar), «Чохлые», одно из эльфийских названий для людей. С. 126.

Эмюн Бэрайд (Emyn Beraid), «Башенные холмы» на западе Эриадора; см. *Элостирин*. С. 348, 349.

Эндор (Endor), «Срединная земля», Средиземье. С. 110, 111.

Эол (Eöl) – прозванный Темным эльфом; искусный кузнец; жил в Нан Эльмоте; взял в жены Арзель, сестру Тургона; друг гномов; выковал меч Англахель (Гуртанг); отец Маэглина; казнен в Гондолине. С. 113, 158, 160–164, 166, 167, 243, 244.

Эонвэ (Eönwë) – один из самых могущественных Майар; именуемый Глашатаем Манвэ; возглавлял войнство Валар, выступившее на войну с Морготом в конце Первой эпохи. С. 47, 303, 304, 306–308, 313, 341.

Эрегион (Eregion), «Земля Падуба» (люди называли ее Падубь); владения нолдор у западного подножия Туманных гор во Вторую эпоху; там были откованы Эльфийские Кольца. С. 342, 343, 345.

Эред Вэтрин (Ered Wethrin), «Горы Тени», «Тенистые горы», протяженная, изогнутая дугой горная гряда на границе равнины Дор-ну-Фауглит (Ард-галена); образовывала преграду между Хитлумом и Западным Белериандом. С. 129, 130, 132, 137, 141, 144, 145, 152, 173, 180, 181, 192, 204, 210, 229, 231, 233, 247, 252, 253, 256, 257, 264, 278, 279, 292.

Э́ред Го́р горот (Ered Gorgoroth), «Горы Ужаса» к северу от Нан Дунгортеб; также *Горгорот*. С. 100, 117, 146, 158, 196, 242, 176, 211.

Э́ред Линдон (Ered Lindon), «Горы Линдон», одно из названий *Эред Луин*, Синих гор. С. 150, 151, 161, 168, 175, 234, 284, 286, 287.

Э́ред Ло́мин (Ered Lómin), «Горы Эха», ограждавшие Хитлум с запада. С. 129, 142, 144.

Э́ред Лу́ин (Ered Luin), «Синие горы», также назывались *Эред Линдон*. После разрушений конца Первой эпохи Эред Луин образовывали северо-западную прибрежную гряду Средиземья. С. 73, 112, 113, 116, 137, 139, 140, 149, 160, 168, 285, 342, 347, 348.

Э́ред Ни́м райс (Ered Nimrais), «Белые горы» (от *нимрайс* – белые отроги), огромная горная цепь, протянувшаяся с востока на запад к югу от Туманных гор. С. 116.

Э́ред Э́нгрин (Ered Engrin), «Железные Горы» на дальнем севере. С. 132, 139, 140, 142, 180, 192.

Э́рейнион (Ereinion), «Отпрыск Королей», сын Фингона, повсеместно известный под прозвищем Гиль-галад. С. 185, 236, 299.

Э́реллонт (Erellont) – один из трех мореходов, сопровождавших Эарендила в его плаваниях. С. 302.

Э́рессеа (Eressea), см. *Тол Эрессеа*.

Э́рех (Erech) – холм в западной части Гондора, где находился Камень Исильдура (см. «Возвращение Короля» V 2). С. 349.

Э́риадор (Eriador) – земли между Туманными и Синими горами, где находилось королевство Арнор (а также Шир, страна хоббитов). С. 72, 73, 113, 116, 175, 322, 348, 353, 355, 361.

Э́ру (Eru) – Единый, Тот, Кто Един: Илуватар. С. 33, 42–44, 47, 61–64, 94, 104, 110, 120, 314, 319–321, 323, 326, 337; также в словосочетании *Дети Эру*.

Э́рхам ион (Erchamion), «Однорукий», прозвище Берена после того, как он спасся из Ангбанда. С. 220, 222, 239, 288.

Э́сгалдуин (Esgalduin) – река Дориата, разделявшая леса Нельдорета и Региона и впадавшая в Сирион. Название означает «Река под Завесой». С. 114, 146, 148, 158, 198, 221, 222, 224, 267, 286.

Э́стэ (Estë) – одна из Валиэр, супруга Ирмо (Лоризна); ее имя означает «Покой». С. 43, 45, 48, 83, 122, 123.

Э́столад (Estolad) – земля к югу от Нан Эльмота, где поселился народ Беора и Мараха, перевалив через Синие горы и оказавшись в Белерианде; в тексте название переведено как «Походный лагерь». С. 171–174, 176.

Э́хориат (Echoriath), «Окружные Горы», горная гряда вокруг долины Гондолин. С. 139, 167, 189, 278, 279, 294, 295.

Э́ффель Бра́н дир (Ephel Brandir), «опоясывающее ограждение Брандира», поселение людей Бретиля на Амон Обель; также *Эффель*. С. 264, 269, 270.

Э́ффель Дуа́т (Ephel Dúath), «Ограда Тени», горная гряда между Гондором и Мордором; также называлась *горы Тени*. С. 348, 350, 354.

Элементы языков квенья и синдарин в именах и названиях

Эти примечания составлены для тех, кого интересуют языки эльдар; многочисленные иллюстративные примеры почерпнуты также из книги «Властелин Колец». В силу необходимости данные комментарии изложены очень сжато, отчего создается не вполне оправданное ощущение определенности и завершенности; также комментарии носят весьма выборочный характер, что продиктовано как требованиями объема, так и ограниченностью познаний составителя. Рубрики расположены не в систематическом порядке, по корням или квенийским и синдарским формам, но организованы достаточно произвольно: так, чтобы составляющие элементы имен и названий идентифицировались с максимальной легкостью¹⁸.

аглар (aglar), «великолепие, блеск» в *Дагор Аглареб* (Dagor Aglareb), *Агларонд* (Aglarond). В квенийской форме *алкар* (alkar) имеет место транспозиция согласных: синдарскому *аглареб* (aglareb) соответствует *Алкаринквэ* (Alkarinquë). Корень – *кал*– (kal-), «сиять» (см.).

адан (adan), мн. ч. *эдайн* (Edain) в *Аданэдель* (Adanedhel), *Арадан* (Aradan), *дунэдайн* (Dúnedain). Об истории и значении слова см. *Атани* в Указателе.

айна (aina), «священный» в *Айнур* (Ainur), *Айнулиндалэ* (Ainulindalë).

алда (alda), «дерево» (кв.) в *Алдарон* (Aldaron), «*Алдудениэ*» (Aldudenië), *Малиналда* (Malinalda); соответствует синдарскому *галад* (galadh) (содержится в *Карас Галадон* (Caras Galadhon) и в *галадрим* (Galadhrim) Лотлоризна).

алква (alqua) «лебедь» (синд. *алф* (alph)) в *Алквалондэ* (Alqualondë); от корня *алак*– (alak-) – «стремительно несущийся», содержится также в *Анкалагон* (Ancalagon).

амарт (amarth), «судьба, рок» в *Амон Амарт* (Amon Amarth), *Кабед Наэрамарт* (Cabed Naeramarth), *Умарт* (Úmarth) и в синдарской форме имени Турина, «Повелитель судьбы», *Турамарт* (Turamarth). Квенийская форма содержится в *Турамбар* (Turambar).

амон (amon), «холм», слово на синдарине, в качестве первого элемента встречается во многих названиях; мн. ч. *эмюн* (emyn) в *Эмюн Берайд* (Emyn Beraid).

анка (anca), «челюсти» в *Анкалагон* (Ancalagon) (о втором элементе этого имени см. «алква»).

ан(д) (an(d)), «длинный» в *Андрам* (Andram), *Андуин* (Anduin); также в названии гондорской области *Анфалас* (Anfalas) («Длинный берег»), острова на Андуине *Кайр Андрос* (Cair Andros) («корабль долгой пены») и *ангертас* (Angerthas) («долгие ряды рун»).

анга (anga), «железо», синд. *анг* (ang), в *Ангайнор* (Angainor), *Ангбанд* (Angband), *Ангхабар* (Anghabar), *Англахель* (Anglachel), *Ангрис* (Angrist), *Ангрод* (Angrod), *Ангуирель* (Anguirel), *Гуртанг* (Gurthang); *ангрен* (angren), «из железа», в *Ангреност* (Angrenost), мн. ч. *энгрин* (engrin) в *Эред Энгрин* (Ered Engrin).

андунэ (andunë), «закат, запад» в *Андуниэ* (Andúnië), чему соответствует синдарская форма *аннун* (annûn); ср. *Аннуминас* (Annúminas), а также *Хеннет Аннун* (Henneth Annûn), «окно заката» (в Итилиэне). Древний корень в этих словах, *нду* (ndu), означающий «вниз, сверху», содержится также в квенийском *нумен* (númen), «путь заката, запад», и в синдарском *дун* (dûn), «запад», ср. *дунэдайн* (Dúnedain). В адунаике *адун* (adûn) в *Адунахор* (Adûnakhor), *Анадунэ* (Anadûnê) – это заимствование из языка эльдар.

¹⁸ В русском переводе корни и элементы имен и названий расположены в алфавитном порядке и транслитерированы на русский язык; для удобства пользователя в скобках дается написание латиницей – для корней и элементов, а также имен и названий, в которых они содержатся.

анна (anna), «дар» в *Аннатар* (Annatar), *Мелиан* (Melian), *Йаванна* (Yavanna); та же основа содержится в *Андор* (Andor), «Дарованная Земля».

аннон (annon), «огромная дверь или врата», мн. ч. *эннюн* (ennyn), в *Аннон-инГелюд* (Annon-in-Gelydh); ср. *Мораннон* (Morannon), «Черные Врата» (в Мордоре) и *Сираннон* (Sirannon), «Врата потока» (в Мории).

ар- (ar-), «вне, за пределами» (отсюда кв. *ар* (ar), «и», синд. *а* (a)); возможно, содержится в *Араман* (Araman), «за пределами Амана»; ср. также (Нирнаэт) *Арноэдиад* (Arnoediad), «(Слезы) вне счета».

ар(а)- (ar(a)-), «высокопоставленный, благородный, королевский», содержится в большом количестве имен и названий, как, например, *Арадан* (Aradan), *Арэдель* (Aredel), *Арго-нат* (Argonath), *Арнор* (Arnor), и т. д.; удлиненная основа *арат-* (arat-) содержится в *Аратар* (Aratar) и в *арато* (arátó), «победитель, некто выдающийся», напр. *Ангрод* (Angrod) от *Ангарато* (Angarátó) и *Финрод* (Finrod) от *Финдарато* (Findarátó); также *аран* (aran), «король», в *Аранрут* (Aranrúth). В имени *Эрейнион* (Ereinion), «отпрыск королей» (имя Гиль-галада) содержится форма мн. ч. от *аран* (aran); ср. *Форност Эрайн* (Fornost Erain), «Норбери королей» (в Арноре). Отсюда же происходит префикс *Ар-* (Ar-) в адунаикских именах королей Нуменора.

ариэн (aríen) (Майя Солнца) происходит от корня *ас-* (as-), содержащегося также в квенийском *арэ* (árë), «солнечный свет».

атар (atar), «отец» в *Атанатару* (Atanátari) (см. *Атани* в Указателе), *Илуватар* (Ilúvatar).

аэлин (aelin) «озеро, заводь» в *Аэлин-уиал* (Aelin-uial); ср. *лин* (lin) (I).

банд (band), «тюрьма, заточение» в *Ангбанд* (Angband), от исходного *мбандо* (mbando); его квенийская форма содержится в *Мандос* (Mandos) (синд. *Ангбанд* (Angband) соответствует кв. *Ангамандо* (Angamando)).

бар (bar), «жилище» в *Бар-эн-Данвед* (Bar-en-Danwedh). Древнее слово *мбар* (mbár) (кв. *мар* (már), синд. *бар* (bar)) означает «дом», как отдельных лиц, так и целых народов, и т. о. содержится во многих названиях, таких, как *Бритомбар* (Brithombar), *Димбар* (Dimbar) (первый элемент слова означает «мрачный, печальный»), *Эльдамар* (Eldamar), *Вал(и)мар* (Val(i)mar), *Виньямар* (Vinyamar), *Мар-ну-Фалмар* (Mar-nu-Falmar). *Мардиль* (Mardil), имя первого из Правящих Наместников Гондора, означает «преданный дому» (т. е. дому королей).

барад (barad), «башня» в *Барад-дур* (Barad-dûr), *Барад Эйтель* (Barad Eithel), *Барад Нимрас* (Barad Nimras); форма мн. ч. содержится в *Эмюн Берайд* (Emyn Beraid).

белег (beleg), «могучий» в *Белег* (Beleg), *Белегаэр* (Belegaer), *Белегост* (Belegost), «*Лазр Ку Белег*» (Laer Cú Beleg).

брагол (bragol), «внезапный» в *Дагор Браголлах* (Dagor Bragollach).

бретиль (brethil), возможно, означает «серебряная береза», ср. *Нимбретиль* (Nimbrethil), березовые леса в Арверниэне, и *Фимбретиль* (Fimbrethil), одна из жен энтов.

брит (brith), «гравий» в *Бритиах* (Brithiach), *Бритомбар* (Brithombar), *Бритон* (Brithon).

вал- (val-), «сила, власть» в *Валар* (Valar), *Валакирка* (Valacirca), *Валаквента* (Valaquenta), *Валараукар* (Valaraukar), *Вал(и)мар* (Val(i)mar), *Валинор* (Valinor). Изначальная основа *бал-* (bal-) сохранилась в синд. *Балан* (Balan), мн. ч. *Белайн* (Belain), т. е. Валар, и в *балрог* (Balrog).

вен (wen), «дева», часто встречающееся окончание, как, например, в *Эарвен* (Eärwen), *Морвен* (Morwen).

винг (wing), «пена, брызги» в *Эльвинг* (Elwing), «*Вингелот*» (Vingelot) (только в этих двух словах и нигде более).

гаэр (gaer), «море» в *Белегаэр* (Belegaer) (и в *Гаэрюс* (Gaerys), синдарское имя Оссэ). Считается, что происходит от основы *гайа* (gaia), «ужас, благоговейный страх», и что таково было название, придуманное для обширного и ужасающего Великого моря, когда эльдар впервые пришли к его берегам.

гаур (gaur), «волколак» (от корня *нгав-* (ngwaw-), «вой») в *Тол-ин-Гаурхот* (Tol-in-Gaurhoth).

гвайт (gwaith), «народ» в *Гвайт-и-Мирдайн* (Gwaith-i-Mirdain); ср. *Энедвайт* (Enedwaith), «Срединный народ», название области между Сероструем и Айзенном.

гват, *ват* (gwaith, wath), «тень» в *Дельдуват* (Deldúwath), *Эффель Дуат* (Ephel Dúath); также в *Гватло* (Gwathló), река Сероструй в Эриадоре. Родственные формы содержатся в *Эред Ветрин* (Ered Wethrin), *Турингветиль* (Thuringwethil). (Это синдарское слово подразумевает тусклый свет, а не тени предметов, отбрасываемые при свете; такие тени называются *морхайнт* (morchaint), «темные силуэты».)

гиль (gil), «звезда» в *Дагор-нуин-Гилиат* (Dagor-nuin-Giliath), *Осгилиат* (Osgiliath) (*гилиат* (giliath), «звездное воинство»); *Гиль-Эстель* (Gil-Estel), *Гиль-галад* (Gil-galad).

гирит (girth), «дрожь» в *Нен Гирит* (Nen Girth); ср. также *гиритрон* (Girithron), название последнего месяца года на синдарине (ВК, Приложение D).

глин (glîn), «блеск» (особенно применительно к блеску в глазах) в *Маэглин* (Maeglin).

голод (golodh) – синдарская форма квенийского *нолдо* (Noldo); см. *гул* (gûl). Мн. ч. *голодрим* (Golodhrim) и *Гелюд* (Gelydh) (в *Аннон-ин-Гелюд* (Annon-in-Gelydh)).

гонд (gond), «камень» в *Гондолин* (Gondolin), *Гондор* (Gondor), *гоннхиррим* (Gonnhirrim), *Аргонат* (Argonath), *серегон* (seregon). Название сокрытого города короля Тургона было придумано им на квенья и имело форму *Ондолиндэ* (Ondolindë) (кв. *ондо* (ondo) соответствует синдарскому *гонд* (gond), а *линдэ* (lindë) – «пение, песня»); но впоследствии в легендах фигурировало неизменно в синдарской форме *Гондолин* (Gondolin), что, возможно, интерпретировалось как *гонд-долен* (gond-dolen), «Сокрытая Скала»).

гор (gor), «ужас, страх» в *Гортаур* (Gorthaur), *Гортол* (Gorthol); *горот* (goroth) с тем же значением, с удвоенным *гор* (gor), в *Горгорот* (Gorgoroth), *Эред Горгорот* (Ered Gorgoroth).

грот (grod) (groth (grod)), «выкопанная пещера, подземное жилище» в *Менегрот* (Menegroth), *Ногрод* (Nogrod) (возможно, также в *Нимродель* (Nimrodel), «госпожа белого грота»). *Ногрод* (Nogrod) изначально назывался *Новрод* (Novrod), «полая пещера» (отсюда перевод – Холлоуболд), но название изменилось под влиянием слова *науг* (naug), «гном».

гул (gûl), «чародейство» в *Дол Гулдур* (Dol Guldur), *Минас Моргул* (Minas Morgul). Это слово происходит от той же древней основы *нгол-* (ngol-), что содержится в *нолдор* (Noldor); см. квенийское *нолэ* (nolë), «долгое изучение, знания, мудрость». Однако синдарское слово приобрело более зловещий смысл в силу частого употребления в составе сложного слова *моргул* (morgul), «черная магия».

гурт (gurth), «смерть» в *Гуртанг* (Gurthang) (см. также *Мелькор* в Указателе).

дагор (dagor), «битва»; корень – *ндак-* (ndak-), ср. *Хауд-эн-Нденгин* (Haudh-enNdengin). Производное от него – *Дагнир* (Dagnir) (*Дагнир Глаурунга* (Dagnir Glaurunga), «Погибель Глаурунга»).

даэ (dae), «тень» в *Дор Дээделот* (Dor Daedeloth) и, возможно, в *Даэрон* (Daeron).

дель (del), «ужас» в *Дельдуват* (Deldúwath); *делот* (deloth) «отвращение» в *Дор Дээделот* (Dor Daedeloth).

дин (dîn), «безмолвный», в *Дор Динен* (Dor Dínen); ср. *Рат Динен* (Rath Dínen), Безмолвная улица в Минас Тирите, и *Амон Дин* (Amon Dîn), один из маяков Гондора.

дол (dol), «голова» в *Лориндол* (Lórinđol); часто используется по отношению к холмам и горам, как в *Дол Гулду* (Dol Guldur), *Долмед* (Dolmed), *Миндоллуин* (Mindolluin) (также *Нардол* (Nardol), один из маяков Гондора, и *Фануидол* (Fanuidol), одна из гор Мории).

дор (dôr), «земля» (т. е. суша в противопоставлении к морю), производное от *ндор* (ndor); встречается во многих синдарских названиях, таких, как *Дориат* (Doriath), *Дорто-нион* (Dorthonion), *Эриадор* (Eriador), *Гондор* (Gondorë), *Мордор* (Mordor), и т. д. В квенья основа сливается с отдельным словом *норэ* (nóre), в значении «народ»; по происхождению *Валинорэ* (Valinorë) – строго говоря, «народ Валар», а *Валандор* (Valandor) – «земля Валар»; точно так же *Нумен(н)орэ* (Númen(n)orë) – «народ Запада», но *Нумендор* (Númendor) – «земля Запада». Квеньяское слово *Эндор* (Endor), «Средиземье», происходит от *энед* (ened), «средний, срединный», и *ндор* (ndor); в синдарине оно трансформировалось в *Эннор* (Ennôr) (ср. *эннорат* (ennorath), «срединные земли» в песни «А Эльберет Гильтониэль»).

драуг (draug), «волк» в *Драуглуин* (Draugluin).

ду (dú), «ночь, сумерки» в *Дельдуват* (Deldúwath), *Эффель Дуат* (Ephel Dúath). Производное от раннего *домэ* (dōmē), от него же происходит квеньяское *ломэ* (lómë); т. о. синдарское *дулин* (dúlin), «соловей», соответствует *ломелиндэ* (lómelindë).

дуин (duin), «(длинная) река» в *Андуин* (Anduin), *Барандуин* (Baranduin), *Эсгалдуин* (Esgalduin), *Малдуин* (Malduin), *Таур-им-Дуинат* (Taur-im-Duinath).

дур (dûr), «темный» в *Барад-дур* (Barad-dûr), *Карагдур* (Caragdûr), *Дол Гулду* (Dol Guldur); также в *Дуртанг* (Durthang) (замок в Мордоре).

иа (iâ), «бездна, пропасть» в *Мория* (Moria). *иант* (iant), «мост» в *Иант Иаур* (Iant Iaur). *иат* (iâth), «ограждение» в *Дориат* (Doriath).

иаур (iaur), «старый» в *Иант Иаур* (Iant Iaur); ср. эльфийское имя Бомбадила, *Иарвайн* (Iarwain).

ильм– (ilm-) – эта основа содержится в *Ильмен* (Ilmen), *Ильмарэ* (Ilmarë), а также в *Ильмарин* (Ilmarin) («дворец в воздушных высотах», обитель Манвэ и Варды на Ойолоссэ).

илувэ (ilúvë), «все, все полностью» в *Илуватар* (Ilúvarar).

йавэ (yávë), «плод» (кв.) в *Йаванна* (Yavanna); ср. *йаванниэ* (Yavannië), квеньяское название для девятого месяца года, и *йавиэ* (yávië), «осень» (ВК, Приложение D).

кал– (гал-) (kal– (gal-)). Этот корень со значением «свет» содержится в *Калакирья* (Calacirya), *Калаквенди* (Calaquendi), *Тар-калион* (Tar-calion); *галворн* (galvorn), *Гиль-галад* (Gil-galad), *Галадриэль* (Galadriel). Последние два имени никак не связаны с синдарским *галад* (galadh), «дерево», хотя в случае Галадриэли такая параллель часто проводилась и само ее имя трансформировалось соответственно (Galadhriel). На Высоком эльфийском наречии она звалась *Ал(а)тариэль* (Al(a)táriel), от *алата* (alata), «сияние, блеск» (синд. *галад* (galad)) и *риэль* (riel), «увенчанная дева» (от корня *риг*– (rig-), «перевивать, переплетать»); полное значение имени, «дева, коронованная сияющим венцом», относится к ее волосам. Слово *кален* (гален) (calen (galen)), «зеленый», этимологически означает «яркий, сияющий» и восходит к этому корню; см. также *аглар* (aglar).

кален (гален) (calen (galen)), распространенное синдарское слово, означающее «зеленый», в *Ард-гален* (Ard-galen), *Тол Гален* (Tol Galen), *Каленардон* (Calenardhon); также в *Парт Гален* (Parth Galen) («Зеленый Дерн») близ Андуина и *Пиннат Гелин* (Pinnath Gelin) («Зеленые Хребты») в Гондоре. См. *кал*– (kal-).

кам (cam) (от *камба* (kambā)), «рука», в особенности рука, сложенная в пригоршню, удерживающая либо принимающая что-то, в *Камлост* (Camlost), *Эрхамион* (Erchamion).

кано (káno), «командующий, предводитель»: от этого квенийского слова происходит второй элемент в именах *Фингон* (Fingon) и *Тургон* (Turgon).

карак– (carak-). В квенья этот корень представлен словом *карка* (carca), «клык»; производная от него синдарская форма *карх* (carch) содержится в *Кархарот* (Carcharoth), а также в *Кархост* (Carchost) («Клык-крепость», одна из Башен-Зубьев при входе в Мордор). Ср. *Карагдур* (Caragdûr), *Карах Ангрен* (Carach Angren) («Железные Челюсти», крепостной вал и ров, преграждающие вход в Удун, что в Мордоре), и *Хелькараксэ* (Helcaraxë).

каран (caran), «красный», кв. *карнэ* (carnë), в *Карантир* (Caranthir), *Карниль* (Carnil), *Орокарни* (Orocarni); также в *Карадрас* (Caradhras), от *каран-расс* (caran-rass), «Красный рог» в Туманных горах, и *Карнимирэ* (Carnimírië), «украшенная красными драгоценными камнями», рябина в песне Скородрева. Перевод имени *Кархарот* (Carcharoth) в тексте как «Алая Утроба», должно быть, подсказан ассоциацией с этим словом; см. *карак*– (carak-).

квен– (*квет*-) (quen– (quet-)), «говорить, сказать» в *квенди* (Quendi) (*калаквенди* (Calaquendi), *лайквенди* (Laiquendi), *мориквенди* (Moriquendi)), *квенья* (Quenya), *Валаквента* (Valaquenta), *Квента Сильмариллион* (Quenta Silmarillion). В синдарских формах *кв* (qu) заменяется на *п* (p) (или *б* (b)); напр., *педо* (pedo), «говорить» в надписи на Западных Вратах Мории, соответствует кв. основе *квет*– (quet-), и слова Гандальва перед воротами, *ласто бет ламмен* (lasto beth lammen), «внегли словам моего языка», где *бет* (beth), «слово», соответствует кв. *кветта* (quetta).

кель– (kel-), «уходить прочь», «утекать, течь вниз» (о воде), в *Келон* (Celon); от *эт-келе* (et-kelë), «источник воды, родник», произведено, путем транспозиции согласных, кв. *эхтеле* (ehtelë), синд. *эйтель* (eithel).

келеб (celeb), «серебро» (кв. *телен*, *тельнэ* (telep, telpë), как в *Тельпериион* (Telperion)) в *Келеборн* (Celeborn), *Келебрант* (Celebrant), *Келеброс* (Celebros). *Келебримбор* (Celebrimbór) означает «серебряный кулак», от прилагательного *келебрин* (celebrin), «серебряный» (что означает не «сделанный из серебра», а «подобный серебру по цвету или ценности») и *паур* (paur) (кв. *кварэ* (quárë)), «кулак», – это слово часто использовалось в значении «рука»; квенийская форма имени – *Тельперинквар* (Telperinquar). Имя *Келебриндал* (Celebrindal) содержит в себе *келебрин* (celebrin) и *тал*, *дал* (tal, dal), «ступня».

кемен (kemen), «земля» в *Кементари* (Kementári); это квенийское слово означает землю как плоскую поверхность под небом, *менель*.

кир– (kir-), «разрезать, рассекать» в *Калакирья* (Calaciryá), *кирт* (Cirth), *ангермас* (Angerthas), *Кирут* (Cirith) (*Нинних*, *Торонат*). От значения «стремительно проходить насквозь» происходит кв. *кирья* (círya), «корабль с острым носом» (ср. англ. cutter (катер, от cut, резать); это значение присутствует также в *Кирдан* (Círdan), *Тар-Кирытан* (Tar-Ciryatan), и, вне всякого сомнения, в имени сына Исильдура *Кирыон* (Círyon).

корон (coron), «холм» в *Короллайрэ* (Corollairë) (также назывался *Корон Ойолайрэ* (Coron Oiolairë), причем второе слово означает «Вечное лето», ср. *Ойолоссэ* (Oiolossë)); ср. *Керин Амрот* (Cerin Amroth), огромный холм в Лотлориэне.

ку (cú), «лук» в *Куталион* (Cúthalion), *Дор Куартол* (Dor Cúarthol), «*Лаэр Ку Белег*» («Laer Cú Beleg»).

куивиз (cuivíë), «пробуждение» в *Куивизен* (Cuiviénen) (синд. *Нен Эхуи* (Nen Echui)). Производные от того же корня – *Дор Фирн-и-Гуинар* (Dor Firn-i-Guinar); *койрэ* (coirë), самое начало весны, синд. *эхуир* (echuір) (ВК, Приложение D), и *коймас* (coimas), «хлеб жизни», квенийское название лембас.

кул– (cul-), «золотисто-красный» в *Кулуриэн* (Culúrien).

куру (curu), «умение» в *Куруфин(вэ)* (Curufin(wë)), *Курунир* (Curunir).

лад (lad), «долина, равнина» в *Дагорлад* (Dagorlad), *Химлад* (Himlad); *имлад* (imlad), «узкая долина с крутыми склонами» в *Имладрис* (Imladris) (ср. также *Имлад Моргул* (Imlad Morgul) в Эффель Дуат).

лаурэ (laurë), «золотой» (причем имеется в виду цвет и блеск, но не металл как таковой) в *Лаурелин* (Laurelin); синдарские формы содержатся в *Глорэдель* (Glóredhel), *Глорфиндель* (Glorfindel), *Лоэг Нинглорон* (Loeg Ningloron), *Лориндол* (Lórin dol), *Ратлориэль* (Rathlóriel).

лах (lhach), «пляшущее пламя» в *Дагор Браголлах* (Dagor Bragollach) и, возможно, в *Англахель* (Anglachel) (меч, откованный Эолом из метеоритного железа).

лин (lin) (I), «заводь, озеро» в *Линаэвен* (Linaewen) (куда входит *аэв*, кв. *айвэ* (aew (kv. aiwë)), «маленькая птичка»), *Тейглин* (Teiglin); ср. *аэлин* (aelin).

лин- (lin-) (II) – этот корень, означающий «петь, производить музыкальные звуки», содержится в *Айнулиндалэ* (Ainulindalë), *Лаурелин* (Laurelin), *Линдар* (Lindar), *Линдон* (Lindon), *Эред Линдон* (Ered Lindon), *ломелинди* (lómelindi). *лит* (lith), «пепел» в *Анфауглит* (Anfauglith), *Дор-ну-Фауглит* (Dor-nu-Faughlith); также в *Эред Литуйи* (Ered Lithui) – Пепельные горы, обозначающие северную границу Мордора, и *Литлад* (Lithlad), «Долина Пепла» у подножия Эред Литуи.

лок- (lok-), «изгиб, петля» в *урулоки* (Udulóki) (кв. *(х)локэ* ((h)lókë), «змея, змий», синд. *луг* (lhûg)).

лом (lóm), «эхо» в *Дор-ломин* (Dor-lómin), *Эред Ломин* (Ered Lómin); родственные слова – *Ламмот* (Lammoth), *Лантир Ламат* (Lanthir Lamath).

ломэ (lómë), «сумерки» в *Ломион* (Lómion), *ломелинди* (lómelindi); см. *ду* (dú).

лондэ (londë), «гавань в окружении земли» в *Алквалондэ* (Alqualondë); синдарская форма – *лонд* (*лонн*) (lond (lonn)) в *Митлонд* (Mithlond).

лос (los), «снег» в *Ойолоссэ* (Oiolossë) (кв. *ойо* (oio), «вечно», и *лоссэ* (lossë), «снег, снежно-белый»); синд. *лосс* (loss) в *Амон Уилос* (Amon Uilos) и *Аэглос* (Aeglos).

лот (loth), «цветок» в *Лотлориэн* (Lothlórien), *Нимлот* (Nimloth); кв. *лотэ* (lótë) в *Нинквелотэ* (Ninquelótë), «Вингилотэ» (Vingilotë).

луин (luin), «синий» в *Эред Луин* (Ered Luin), *Хеллуин* (Helluin), *Луиниль* (Luinil), *Миндоллуин* (Mindolluin).

маэг (maeg), «острый, пронзающий» (кв. *майка* (maika)) в *Маэглин* (Maeglin).

мал- (mal-), «золото» в *Малдуин* (Malduin), *Малиналда* (Malinalda); также в *маллорн* (mallorn), и в Поле *Кормаллен* (Cormallen), что означает «золотой круг» и было названо так в честь растущих там деревьев *кулумалда* (culumalda) (см. *кул-* (cul-)).

ман- (mān-), «благой, благословенный, неискаженный» в *Аман* (Aman), *Манвэ* (Manwë); производные от *Аман* (Aman) – *Амандиль* (Amandil), *Араман* (Araman), *уманьяр* (Úmanyar).

мель- (mel-), «любовь» в *Мелиан* (Melian) (от *Мельянна* (Melyanna), «дорогой дар»); эта основа просматривается также в синдарском слове *меллон* (mellon), «друг», в надписи на Западных Вратах Мории.

мен (men), «путь» в *нумен* (Númen), *хьярмен* (Hyarmen), *ромен* (Rómen), *формен* (Formen).

менель (menel), «небеса» в *Менельдиль* (Meneldil), *Менельмакар* (Menelmacar), *Менельтарма* (Meneltarma).

мерет (mereth), «пир» в *Мерет Адертад* (Mereth Aderthad); также в *Меретронд* (Merethrond), «Пиршественный чертог» в крепости Минас Тирит.

минас (minas), «башня» в *Аннуминас* (Annúminas), *Минас Анор* (Minas Anor), *Минас Тирит* (Minas Tirith) и т. д. Та же основа встречается в других словах, означающих нечто одиноко стоящее и заметное, напр. *Миндоллуин* (Mindolluin), *Миндон* (Mindon); возможно,

родственно кв. *минья* (minyā), «первый» (ср. *Тар-Миньятур* (Tar-Minyatur), имя Эльроса как первого короля Нуменора).

мир (mîr), «драгоценный камень» (кв. *мирэ* (mîrë)) в *Элеммирэ* (Elemmîrë), *Гвайт-и-Мирдайн* (Gwaith-i-Mírdain), *Мириэль* (Míriel), *Наугламир* (Nauglamír), *Тар-Атанамир* (Tar-Atanamir).

мит (mith), «серый» в *Митлонд* (Mithlond), *Митрандир* (Mithrandir), *Митрим* (Mithrim); также в *Митэйтель* (Mitheithel) – река Седой Исток в Эриадоре.

мор (mor), «темный» в *Мордор* (Mordor), *Моргот* (Morgoth), *Мория* (Moria), *мориквенди* (Moriquendi), *Мормегиль* (Mormegil), *Морвен* (Morwen), и т. д.

мот (moth), «сумерки» в *Нан Эльмот* (Nan Elmoth).

нан(д) (nan(d)), «долина» в *Нан Дунгортреб* (Nan Dungortheb), *Нан Эльмот* (Nan Elmoth), *Нан Татрен* (Nan Tathren).

нар (nár), «огонь» в *Нарсиль* (Narsil), *Нарья* (Narya); содержится также в исходных формах имен *Аэгнор* (Aegnor) (*Айканаро* (Aikanáro), «Ярое Пламя» или «Губительное Пламя») и *Феанор* (Fëanor) (*Фэанаро* (Fëanáro), «Дух Огня»). Синдарская форма была *наур* (naur), как в *Саммат Наур* (Sammath Naur) – Огненные Горнила в Ородруине. К тому же древнему корню *(а)нар* ((a)nar) восходит название Солнца, кв. *Анар* (Anar) (также в *Анарион* (Anáron)), синд. *Анор* (Anor) (*Минас Анор* (Minas Anor), *Анориэн* (Anórien)).

науг (naug), «гном» в *наугрим* (Naugrim); см. также *Норгод* (Nogrod) в статье «грот». Ему родственно еще одно синдарское слово с тем же значением, *ногот* (nogoht), мн. ч. *ноэгют* (noegyht) (*ноэгют нибин* (Noegyht Nibin), «Малые гномы») и *ноготрим* (nogohtirim).

-(н)диль (-(n)dil), крайне распространенное окончание личных имен, в *Амандиль* (Amandil), *Эарендиль* (Eärendil) (сокращенная форма *Эарниль* (Eärnil)), *Элендиль* (Elendil), *Мардиль* (Mardil), и т. д.; оно подразумевает «служение, верность», «бескорыстную любовь» (см. *Мардиль* в статье «бар»).

-(н)дур (-(n)dur) в именах, таких, как *Эарендур* (Eärendur) (сокращенная форма *Эарнур* (Eärnur)) имеет то же значение, что и *-(н)диль* (-(n)dil).

нельдор (neldor), «бук» в *Нельдорет* (Neldoreth); но не исключено, что на самом деле таково было имя собственное бука Хирилорн, гигантского дерева с тремя стволами (*нельдэ* (neldë), «три», и *орн* (orn)).

нен (nen), «вода», применительно к озерам, заводям и небольшим рекам, в *Нен Гирит* (Nen Gírlith), *Неннинг* (Nenning), *Ненуиал* (Nenuial), *Ненья* (Nenya), *Куивиэнен* (Cuiviénen), *Уинен* (Uinen); также во многих названиях в ВК, таких, как *Нен Хитозель* (Nen Hithoel), *Бруинен* (Bruinen), *Эмюн Арнен* (Emyn Arnen), *Нурнен* (Núrnén), *Нин* (Nîn), «мокрый», в *Лоэг Нинглорон* (Loeg Níngloron); также в *Ниндалв* (Nindalf).

ним (nim), «белый» (от раннего *нимф* (nimf), *нимп* (nimp)) в *Нимбретиль* (Nimbretîl), *Нимлот* (Nimloth), *Нимфелос* (Nimphelos), *нифредиль* (niphredil) (*нифред* (niphred), «бледность»), *Барад Нимрас* (Barad Nimras), *Эред Нимрайс* (Ered Nimrais). Квеньская форма была *нинквэ* (ninquë); т. о. *Нинквелотэ* (Ninquelótë) = *Нимлот* (Nimloth). Ср. также *Таникветиль* (Tanicvetîl).

орн (orn), «дерево» в *Келеборн* (Celeborn), *Хирилорн* (Hirilorn); ср. *Фангорн* (Fangorn), «Древобород», и *маллорн* (mallorn), мн. ч. *меллорн* (mellyrn) – деревья Лотлоризна.

ород (orod), «гора» в *Ородруин* (Orodruin), *Тангородрим* (Thangorodrim); *Орокарни* (Orocarni), *Оромет* (Oromet). Мн. ч. *эред* (ered) в *Эред Энгрин* (Ered Engrin), *Эред Линдон* (Ered Lindon) и т. д.

ос(т) (os(t)), «крепость» в *Ангреност* (Angrenost), *Белегост* (Belegost), *Форменос* (Formenos), *Форност* (Fornost), *Мандос* (Mandos), *Нарготронд* (Nargothrond) (от *Нарог-ост-ронд* (Narog-ost-rond)), *Ос(т)гилиат* (Os(t) giliath), *Ост-ин-Эдиль* (Ost-in-Edhil).

палан (palan), (кв.) «вдаль и вширь» в *палантири* (palantíri); *Тар-Палантир* (Tar-Palantir).

пель- (pel-), «окружать, обступать» в *Пеларгир* (Pelargir), *Пелори* (Pelóri); и в *Пеленнор* (Pelennor), «огражденная земля» Минас Тирита; также в *Эффель Брандир* (Ephel Brandir), *Эффель Дуат* (Ephel Dúath) (*эффель* (ephel) от *этпель* (et-pel), «внешнее ограждение»).

рам (ram), «стена» (кв. *рамба* (ramba)) в *Андрам* (Andram), *Рамдал* (Ramdal); также в *Раммас Эхор* (Rammass Echor) – стена вокруг Пеленнорских полей в Минас Тирите.

ран- (ran-), «блуждать, плутать» в *Рана* (Rána), Луна, и в *Митрандир* (Mithrandir), *Аэрандир* (Aerandir); также в названии реки *Гильраэн* (Gilraen) в Гондоре.

рант (rant), «русло» в названиях рек *Адурант* (Adurant) (где *аду* (adu), «двойной») и *Келебрант* (Celebrant), «Серебряная жила».

рас (ras), «рог» в *Барад Нимрас* (Barad Nimras), также в *Карадрас* (Caradhras) («Красногор») и *Метедрас* (Methedras) («Последний пик») в Туманных горах; мн. ч. *райс* (rais) в *Эред Нимрайс* (Ered Nimrais).

рауко (rauко), «демон» в *Валараукар* (Valaraukar); синд. *рауг* (raug), *рог* (rog) в *балрог* (Balrog).

риль (ril), «сияние» в *Идриль* (Idril), *Сильмариль* (Silmaril); также в *Андуриль* (Andúril) (меч Арагорна) и в *митриль* (mithril) (морийское серебро). Имя Идрили на квенья – *Итариллэ* (Itarillë) (или *Итарильдэ* (Itarildë)) от основы *ита-* (ita-), «искриться».

рим (rim), «большое количество, воинство» (кв. *римбэ* (rimbë)), обычно использовалось для образования собирательных существительных, таких, как *голодрим* (Golodhrim), *Митрим* (Mithrim) (см. Указатель), *наугрим* (Naugrim), *Тангородрим* (Thangorodrim), и т. д.

ринг (ring), «холод, стужа» в *Рингиль* (Ringil), *Рингвиль* (Ringwil), *Химринг* (Himring); также в названии гондорской реки *Рингло* (Ringló) и в *рингарэ* (Ringarë), квенийском названии последнего месяца года (ВК, Приложение D).

рис (ris), «рассекать»; по всей видимости, слилось с основой *крис-* (kris-) с тем же значением (производная от корня *кир-* (kir-), «рассекать, взрезать», см.); отсюда *Ангрис* (Angrist) (также *Оркрис* (Orcrist), «Рубящий орков», меч Торина Дубошита), *Криссаэгрим* (Crissaegrim), *Имладрис* (Imladris).

рох (roch), «конь» (кв. *рокко* (rokko)) в *Рохаллор* (Rochallor), *Рохан* (Rohan) (от *Роханд* (Rohand), «земля коней»), *рохиррим* (Rohirrim); также в *Рохерин* (Roheryn), «конь госпожи» (ср. *херу* (heru)), конь Арагорна, названный так, поскольку был подарен ему Арвен («Возвращение Короля», V 2).

ром- (rom-) – основа, используемая для передачи звука труб и рогов; содержится в *Оромэ* (Oromë) и *Валарома* (Valaróma); ср. *Бема* (Béma), имя Оромэ на языке Рохана (так оно переведено на древнеанглийский в ВК, Приложение А (II): от др.-англ. bēme, «труба»).

ромен (rómen), «заря, восход солнца, восток» (кв.) в *Роменна* (Rómenna). Синдарские слова, обозначающие восток – *рун* (rhûn) (в *Талат Рунен* (Talath Rhúnen)) и *амрун* (amrûn), – того же происхождения.

ронд (rond) – основа означает сводчатую или арочную крышу, или просторный зал или покой с такой крышей; отсюда *Нарготронд* (Nargothrond) (см. *ост* (ost)), *Хадодронд* (Hadhodrond), *Агларонд* (Aglarond). Может употребляться по отношению к небесам, отсюда имя *Эльронд* (Elrond), «звездный купол».

рос (ros), «пена, брызги, водяная пыль» в *Келеброс* (Celebros), *Эльрос* (Elros), *Раурос* (Rauros); также в *Кайр Андрос* (Cair Andros) – остров на реке Андуин. *руин* (ruin), «алое пламя» (кв. *рунья* (rúnya)) в *Ородруин* (Orodruin). *рут* (rûth), «гнев» в *Аранрут* (Aranrûth).

сарн (sarn), «(маленький) камень» в *Сарн Атрад* (Sarn Athrad) (брод *Сарн* (Sarn) на Брендивине – частичный перевод этого названия); также в *Сарн Гебир* (Sarn Gebir) («каменные зубья»: *кебер* (seber), мн. ч. *кебир* (sebir), «колья»), пороги на реке Андун. Производное от него – *Серни* (Serni), название одной из гондорских рек.

серег (sereg), «кровь» (кв. *серкэ* (serkë)) в *серегон* (seregon).

силь– (sil-) (и вариант *тиль–* (thil-)), «сиять» (белым или серебряным светом) в *Бель-тиль* (Belthil), *Галатилион* (Galathilion), *Сильпион* (Silpion), и в кв. *Исиль* (Isil), синд. *Итиль* (Ithil), названия Луны (отсюда *Исильдур* (Isildur), *Нарсиль* (Narsil); *Минас Итиль* (Minas Ithil), *Итилиэн* (Ithilien)). Считается, что квенийское слово *Сильмарилли* (Silmarilli) происходит от слова *силима* (silima): такое название Феанор дал веществу, из которого они были сделаны.

сир (sir), «река», от корня *сир–* (sir-), «течь», в *Оссирианд* (Ossiriand) (первый элемент – производное от основы числительного «семь», кв. *отсо* (otso), синд. *одо* (odo)), *Сирион* (Sirion); также в *Сираннон* (Sirannon) («Потоковрата» в Мории) и *Сирит* (Sirith) («течение», так же, как *тирит* (tirith), «наблюдение» – производное от *тир* (tir)) – одна из рек Гондора. Содержится также в названии *Минхириат* (Minhiriath), «междуречье» (при том, что в середине слова *с* (s) переходит в *х* (h)), – область между Брендивинем и Сероструем; в *Нандухирион* (Nanduhirion), «долина тусклых потоков» – Темноводная долина (см. *нан(д)* (nan(d)) и *ду* (dú)); и в *Этир Андун* (Ethir Anduin), дельта Андун (от *эт-сир* (et-sir)).

сул (sûl), «ветер» в *Амон Сул* (Amon Sûl), *Сулимо* (Súlimo); ср. *сулимэ* (súlimë), квенийское название третьего месяца в году (БК, Приложение D).

тал (dal) (tal (dal)), «ступня» в *Келебриндал* (Celebrindal), и со значением «конец» в *Рамдал* (Ramdal).

талат (talath), «ровные земли, равнина» в *Талат Дирнен* (Talath Dirnen), *Талат Рунен* (Talath Rhúnen).

талион (thalion), «сильный, неустрашимый» в *Куталион* (Cúthalion), *Талион* (Thalion).

танг (thang), «угнетение» в *Тангородрим* (Thangorodrim), также в *Дуртанг* (Durthang) (замок в Мордоре). Кв. *санга* (sanga) означает «толчая, толпа», отсюда *Сангахьяндо* (Sangahyando), «Рассекающий толпу», имя гондорца (БК, Приложение А (I, IV)).

тар– (tar-), «благородный» (кв. *тара* (tára), «возвышенный»), префикс квенийских имен нуменорских королей; также в *Аннаатар* (Annatar). Ж. р. *тари* (tári), «высокопоставленная, королева» в *Элентари* (Elentári), *Кементари* (Kementári). Ср. *тарма* (tarma), «столп» в *Менельтарма* (Meneltarma).

тар– (thar-), «наискось, через» в *Сарн Атрад* (Sarn Athrad), *Таргелион* (Thargelion); также в *Тарбад* (Tharbad) (от *тара-пата* (thara-pata), «перекресток»), место, где древняя дорога от Арнора и Гондора пересекала Сероструй.

татап (tathar), «ива»; прилагательное *тапрен* (tathren) в *Нан-тапрен* (Nantathren); кв. *тасарэ* (tasarë) в *Тасаринан* (Tasarinan), *Нан-тасарион* (Nantasaron) (см. *Нан-тапрен* в Указателе).

таур (taur), «лес, чаща» (кв. *таурэ* (taurë)) в *Таурон* (Tauron), *Таур-им-Дуинат* (Taurim-Duinath), *Таур-ну-Фуин* (Taur-nu-Fuin).

таур (thaur), «отвратительный, ненавистный» в *Саурон* (Sauron) (от *Таурон* (Thauron)), *Гортаур* (Gorthaur).

тель– (tel-), «заканчивать, завершать, быть последним» в *телери* (Teleri).

тиль (til), «острие, рог» в *Таникветиль* (Taniquetil), *Тилион* (Tilion) («Рогатый»); также в *Келебдиль* (Celebdil), «Серебряный рог» – одна из гор Мории.

тин- (tin-), «искриться» (кв. *тинта* (tinta), «заставить искриться»; *тинвэ* (tinwë), «искра») в *Тинталлэ* (Tintallë), также в *тиндомэ* (tindómë), «звездные сумерки» (БК, Приложение D), отсюда *тиндомерель* (tindómerel), «дочь сумерек», поэтическое наименование соловья (синд. *Тинувиэль* (Tinúviel)). Содержится также в синдарском *итильдин* (ithildin), «звездно-лунный» – вещество, из которого были выполнены изображения на Западных Вратах Мории.

тин(ð) (thin(d)), «серый» в *Тингол* (Thingol); кв. *синда* (sinda) в *синдар* (Sindar), *Синголло* (Singollo) (*Синдаколло* (Sindacollo): *колло* (collo), «плащ»).

тир (tir), «наблюдать, следить за» в *Минас Тирит* (Minas Tirith), *палантири* (palantíri), *Тар-Палантир* (Tar-Palantir), *Тирион* (Tirion).

тол (thôl), «шлем» в *Дор Куартол* (Dor Cúarthol), *Гортол* (Gorthol).

тол (tol), «остров» (поднимающийся отвесно из моря или из реки) в *Тол Эрессеа* (Tol Eressëa), *Тол Гален* (Tol Galen) и т. д.

тон (thôn), «сосна» в *Дортонион* (Dorthonion).

торон (thoron), «орел» в *Торондор* (Thorondor) (кв. *Соронтар* (Sorontar)), *Кирих Торонат* (Cirith Thoronath). Квеньская форма, возможно, содержится в названии созвездия *Соронумэ* (Soronúmë).

тум (tum), «долина» в *Тумхалад* (Tumhalad), *Тумладен* (Tumladen; кв. *тумбо* (tumbo) (ср. в словах Древоборода *тумбалеморна* (tumbalemorna), «черная глубокая долина» («Две крепости» III 4)). Ср. *Утумно* (Utumno), синд. *Удун* (Udûn) (в Мории Гандалф называет балрога «Пламенем Удуна»); название это впоследствии употреблялось по отношению к глубокой долине в Мордоре между Моранноном и Айзенмаутом.

тур (tur), «власть, владычество» в *Турамбар* (Turambar), *Тургон* (Turgon), *Турин* (Túrin), *Фэантури* (Fëanturi), *Тар-Миньятур* (Tar-Minyatur).

уиал (uial), «сумерки» в *Аэлин-уиал* (Aelin-uial), *Ненуиал* (Nenuial).

ур- (ur-), «жар, быть горячим» в *урулки* (Uruloki); ср. *уриэмэ* (Urimë) и *уруи* (Uruí), квеньское и синдарское названия восьмого месяца года (БК, Приложение D). Ему родственное квеньское слово *аурэ* (aurë), «солнечный свет, день» (ср. восклицание Фингона перед началом Нирнаэт Арноэдиад), синд. *аур* (aur); в форме *ор-* (Or-) оно используется в качестве префикса в названиях дней недели.

фалас (falas), «берег, линия прибоя» (кв. *фалассэ* (falassë)) в *Фалас* (Falas), *Бельфалас* (Belfalas); также *Анфалас* (Anfalas) в Гондоре. Ср. *Фалатар* (Falathar), *фалатрим* (Falathrim). От этого же корня происходит квеньское *фалма* (falma), «волна (с гребнем)», отсюда *фалмари* (Falmari), *Мар-ну-Фалмар* (Mar-nu-Falmar).

фарот (faroht) происходит от корня со значением «охотиться, преследовать»; в «Лэ о Лейтиан» *Таур-эн-Фарот* (Taur-en-Faroht) над Нарготрондом зовется «Холмы Охотников».

фауг- (faug-), «зиять, широко открывать рот» в *Анфауглир* (Anfauglir), *Анфауглит* (Anfauglith), *Дор-ну-Фауглит* (Dor-nu-Faughlith).

фин- (fin-), «волосы» в *Финдуилас* (Finduilas), *Фингон* (Fingon), *Финрод* (Finrod), *Глорфиндель* (Glorfindel).

формен (formen), «север» (кв.) в *Форменос* (Formenos); синд. *форн* (forn) (также *фор*, *фород* (for, forod)) в *Форност* (Fornost).

фуин (fuin), «темнота, мгла» (кв. *хуинэ* (huinë)) в *Фуинур* (Fuinur), *Таур-ну-Фуин* (Taur-nu-Fuin).

фэа (fëa), «дух» в *Феанор* (Fëanor), *Фэантури* (Fëanturi).

хадод (hadhod), в *Хадодронд* (Hadhodron) (перевод названия *Кхазад-дум* (Khazad-dûm)) – передача слова *Кхазад* (Khazâd) при помощи звуков языка синдарин.

хауд (haudh), «курган, могильный холм» в *Хауд-эн-Арвен* (Haudh-en-Arwen), *Хауд-эн-Эллет* (Haudh-en-Elleth), и т. д.

хелек– (khelek-), «лед» в *Хелькар* (Helcar), *Хелькараксэ* (Helcaraxë) (кв. *хелька* (helka), «ледяной; холодный, как лед»). Но в *Хелеворн* (Helevorn) первый элемент – синд. *хелед* (heledh), «стекло», производное от кхуздулского *кхелед* (kheled) (ср. *Кхелед-зарам* (Kheled-zâram), «Зеркальная заводь»); *Хелеворн* означает «черное стекло» (ср. *галворн* (galvorn)).

херу (heru), «лорд, господин» в *Херумор* (Herumor), *Херунумен* (Herunúmen); синд. *хир* (hîr) в *гоннхиррим* (Gonnhirrim), *рохиррим* (Rohirrim), *Барахир* (Barahir), *хириль* (híril), «леди, госпожа» в *Хирилорн* (Hírilorn).

хиль– (khil-), «следовать» в *хильдор* (Hildor), *Хильдориэн* (Hildórien), *Элухиль* (Eluchil).

хим (him), «прохладный» в *Химлад* (Himlad) (и в *Химринг* (Himring)?).

хини (híni), «дети» в *Эрухини* (Eruhíni), «Дети Эру»; «*Нарн и Хин Хурин*» (Narn i Hîn Húrin).

хит (hîth), «туман» в *Хитаэглир* (Hithaeglin), *Хитлум* (Hithlum) (также в *Нен Хитоэль* (Nen Hithoel), название озера на Андуне). По форме слово *Хитлум* (Hithlum) – синдарское, и является адаптацией квенийского названия *Хисиломэ* (Hísilómë), данного изгнанниками-нолдор (кв. *хисиэ* (hísië), «туман»; ср. *хисимэ* (Hísimë), название одиннадцатого месяца года (БК, Приложение D)).

хот (hoth), «орда, полчище» (почти всегда – с отрицательной коннотацией) в *Тол-ин-Гаурхот* (Tol-in-Gaurhoth); также в *лосс(х)от* (Loss(h)oth), Снежные люди Форохеля (БК, Приложение А (I, iii), и *гламхот* (Glamhoth), «шумная орда», одно из названий орков.

хьярмен (hyar-men), «юг» (кв.) в *Хьярментир* (Hyarmentir); синд. *хар*– (har-), *харн* (harn), *харад* (harad).

эар (ëar) «море» (кв.) в *Эарендил* (Eärendil), «*Эаррамэ*» (Eärrámë) и многих других именах и названиях. Синдарское слово *гаэр* (gaer) (в *Белегаэр* (Belegaer)), по всей видимости, восходит к той же основе.

эдель (edhel), «эльф» (синд.) в *Аданэдель* (Adanedhel), *Арэдель* (Aredhel), *Глорэдель* (Glóredhel), *Ост-ин-Эдиль* (Ost-in-Edhil); также в *перэдель* (Peredhil), «полуэльф».

эйтель (eithel), «родник, источник, колодец» в *Эйтель Иврин* (Eithel Ivrin), *Эйтель Сирион* (Eithel Sirion), *Барад Эйтель* (Barad Eithel); также в *Митэйтель* (Mitheithel), Седой Исток (река в Эриадоре, названная так по истоку). См. *кель*– (kel-).

эль, *элен* (êl, elen), «звезда». Согласно эльфийскому преданию, *эле* (ele) было простейшим восклицанием «смотрите!», – так воскликнули эльфы, впервые увидев звезды. От этой исходной основы происходят древние слова *эль* (êl) и *элен* (elen), означающие «звезда», и прилагательные *эльда* (elda) и *элена* (elena), означающие «звездный». Эти элементы содержатся в очень многих именах и названиях. О более позднем употреблении названия *эльдар* (Eldar) см. Указатель. Синдарский эквивалент *эльда* (Elda) – *эдель* (Edhel) (мн. ч. *эдиль* (Edhil)), см.; но строго соответствующая ему форма была *элед* (Eledh), содержащаяся в *Эледвен* (Eledhwen).

эр (er), «один, одинокий» в *Амон Эреб* (Amon Erebor) (ср. *Эребор* (Erebor), Одинокая гора), *Эрхамин* (Erchamion), *Эрессеа* (Eressëa), *Эру* (Eru).

эрег (ereg), «терн, остролист» в *Эрегион* (Eregion), *Регион* (Region).

эсгал (esgal), «завеса, укрытие» в *Эсгалдуин* (Esgalduin).

эхор (echor) в *Эхориат* (Echoriath), «Окружные горы» и *Орфалк Эхор* (Orfalch Echor); ср. *Раммас Эхор* (Rammass Echor), «великая стена внешнего круга» вокруг Пеленнорских полей в Минас Тирите.